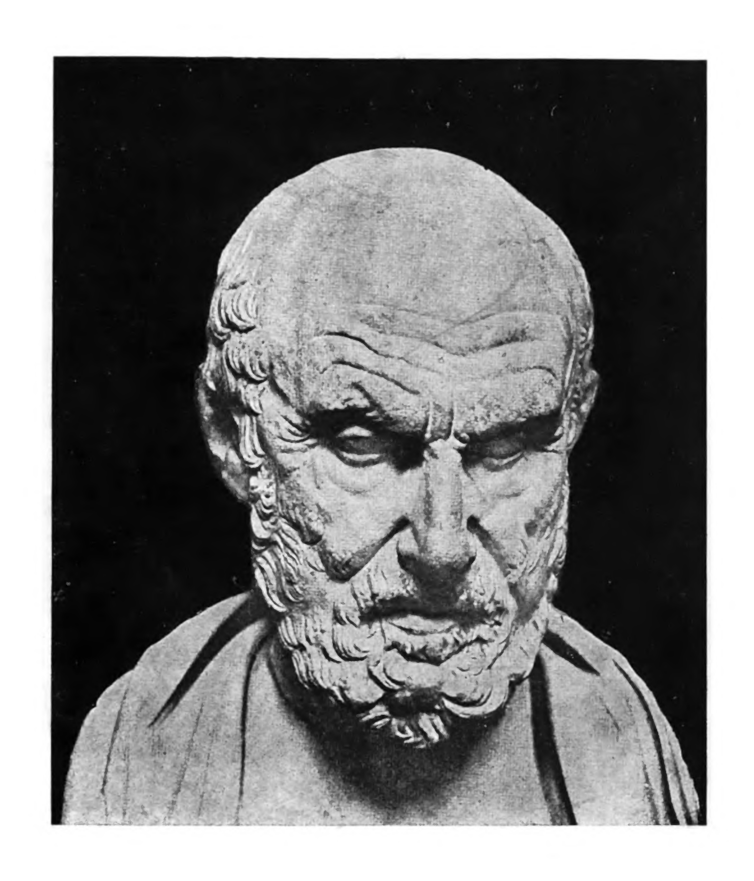


ГИППОКРАТ

Бюст II или III века до н. э., находящийся в Британском музее (Лондон).

КЛАССИКИ
БИОЛОГИИ
И
МЕДИЦИНЫ

ἹΠΠΟΚΡΑΤΟΥΣ ΚΩΟΥ ΒΙΒΛΙΑ ΑΝΑΛΕΚΤΑ

ГИППОКРАТ

ИЗБРАННЫЕ КНИГИ

ПЕРЕВОД
С
ГРЕЧЕСКОГО
проф. В. И. РУДНЕВА

РЕДАКЦИЯ
ВСТУПИТЕЛЬНЫЕ СТАТЬИ
И
ПРИМЕЧАНИЯ
проф. В. П. КАРПОВА

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
БИОЛОГИЧЕСКОЙ И МЕДИЦИНСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
1936

ТИТУЛА, ПЕРЕПЛЕТ, СУПЕРОБЛОЖКА,
ЗАСТАВКИ И ИНИЦИАЛЫ ХУДОЖНИКА
В. СЕЛЕНГИНСКОГО

★

РЕДАКТОР С. САПОЖНИКОВ
ТЕХРЕД А. ТРОИЦКАЯ

★

Уполн. Главлита Б 30 100. Биомедгиз 112 МД—4Б. Тираж 10 200. Формат 82×109 1/16. Печ. л. 46+1 вкл. Знак. в печ. л. 29 120. Авт. л. 33,5. Сдано в тип. 23/III 1936 г. Подп. к печ. 25/X 1936 г. Заказ 372. Цена 8 р. 80 к.. Пер. 1 р. 20 к.

16-я типогр. треста «Полиграфкнига»
Москва, Трехпрудный пер., д. 9.

ОТ ИЗДАТЕЛЬСТВА

Влияние, которое оказывал величайший из врачей древности Гиппократ на медицинскую мысль в течение двадцати трех столетий, достаточно убедительно говорит об огромном значении его трудов для истории медицины и естествознания.

Между тем до настоящего времени из огромного наследия Гиппократа на русский язык были переведены только его «Афоризмы», «Клятва» и «Закон»; к тому же перевод этих книг, выполненный в 40-х годах прошлого века Шютцом и Вольским, сделан не с подлинника, а с латинского и других языков и крайне неудовлетворителен.

Огромный труд перевода всех книг Гиппократа с греческого языка, предпринятый проф. В. И. Рудневым еще в 1902 г. и в настоящее время законченный, позволил Биомедгизу осуществить впервые на русском языке издание избранных книг Гиппократа и таким образом заполнить существенный пробел в русской научной литературе.

При выборе книг «Гиппократова сборника» для настоящего издания редакция руководилась желанием: 1) дать на русском языке все те книги, которые в настоящее время признаются подлинными сочинениями самого Гиппократа (книги 1-я и 3-я «Эпидемий», «Прогностика», «Диэта при острых болезнях», «Афоризмы»); 2) познакомить читателя со всеми основными направлениями греческой медицины V и IV веков до н. э. (Косская и Книдская школы, ятрософисты), которые представлены

в «Гиппократовом сборнике»; 3) представить, по возможности, все основные области медицины и естественнонаучные проблемы, которые охвачены «Гиппократовым сборником».

Выполненный проф. В. И. Рудневым перевод является плодом огромного труда. Однако проделанная проф. Рудневым работа требовала подыскания соответствующих терминов и выражений для точной передачи крайне сжатого и не всегда ясного языка греческого подлинника, написанного к тому же на ионийском диалекте; поэтому, желая по возможности довести перевод до большего совершенства, Биомедгиз счел полезным просмотр перевода еще одним компетентным лицом, и с этой целью обратился к проф. В. П. Карпову, как большому знатоку греческой науки, с просьбой сверить весь перевод построчно с греческим подлинником, что и было В. П. Карповым проделано. Им же написаны вступительная статья, а также предисловия и комментарии к отдельным книгам.

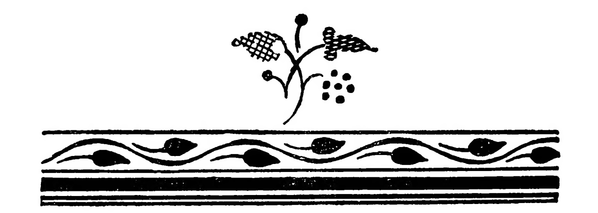
Биомедгиз полагает, что, давая в руки врачам, биологам и историкам науки это первое на русском языке собрание работ великого греческого медика, окажет несомненную услугу широким кругам советских врачей и научных работников, интересующихся историей медицины.

СОДЕРЖАНИЕ

ГИППОКРАТ

В·П·КАРПОВ

ГИППОКРАТ
И
ГИППОКРАТОВ СБОРНИК



ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

ГИППОКРАТ

I

«Гиппократ еще при жизни стоял в высокой чести: Платон ставил его наравне с Поликлетом и Фидием; после его смерти слава его возросла в такой степени, что она затмила облик всех предшествующих и последующих врачей. Он был врач в истинном значении этого слова. Уже во времена Аристотеля назывался он «великим»; для Галена он был «божественным» и до настоящего времени его считают «отцом медицины». Его земляки, жители Коса, праздновали 26-го числа месяца агриана его память, и еще во II в. н. э. указывали гробницу Гиппократа между Гирто и Лариссой (Фессалия). Легенда гласит, что в ней поселился рой пчел, мед которых исцелял молочницу детей». Такими словами характеризует современный историк медицины впечатление, произведенное личностью Гиппократа[1]. Благочестивый византийский монах-историограф выразил свое восхищение перед мудростью Гиппократа, восклицая: «Что сказал Гиппократ, то сказал сам бог». И много веков спустя знаменитый в свое время врач Дубль заявил в Парижской академии медицины, что «Гиппократ, один, без предшественников, ничего не заимствуя от предыдущих веков, как ничего не произведших, открывает разуму дорогу к истинной медицине»[2].

Конечно, на протяжении 24 веков на долю знаменитого врача выпали не одни похвалы и удивление: испытал он и критику, доходившую до полного отрицания, и злосло-

---

[1] Neuberger M., Geschichte d. Medizin, Stuttg., Bd. 1, S. 185, 1906.

[2] Daremberg Ch., Histoire des sciences médicales. Paris. 1870. T. I, p. 89.

вие. Андрей из Каристы, последователь Герофила, рассказывал, что Гиппократ, будучи хранителем в храме Книдоса, сжег библиотеку храма со всем архивом и записями, чтобы сохранить за собой славу медицинских открытий, и бежал после этого к фессалийским владетелям. Этот же рассказ повторяет биограф Тцетце (XI в.) относительно храма в Косе. Резким противником гиппократовского подхода к болезням был знаменитый врач методической школы Асклепиад (I в. до н. э.), сказавший, между прочим, острое словцо по поводу «Эпидемий»: Гиппократ, дескать, хорошо показывает, как люди умирают, но не показывает, как их вылечить. И, как бы вторя ему, ученый. немецкий профессор Линк[1] так резюмирует свое отношение к Гиппократу: «Бросая беглый взгляд на гиппократовы сочинения, спрашиваешь себя, да кто такое этот Гиппократ. Если говорят об авторе сочинения: «О воздухе, воде и местностях», дело идет о писателе ясном и приятном; если о «Прогностике» и «Афоризмах»—о писателе, который любит краткость и даже темноту; об авторе «Эпидемий»—о человеке, который является превосходным наблюдателем, но оставляет умирать своих больных, ничего им не предписывая; об авторе «Диэты при острых болезнях»—о враче, который употребляет много медикаментов, иногда очень сильных». Нашелся даже писатель, который в своем увлечении гиперкритикой стал подвергать сомнению самое существование Гиппократа[2], участь, которой подвергся Гомер и ряд других лиц.

И, однако, цитированный нами вначале историк медицины Нейбургер заканчивает главу о Гиппократе дифирамбом: «Предмет удивления для всех, немногими по-настоящему понятый, образец подражания для многих, никем не достигнутый он был мастером врачебного искусства для всех времен». Нейбургер был одним из первых обративших в XX в. внимание на Гиппократа; в середине 20-х годов лозунг «назад к Гиппократу» привлек к себе внимание широких кругов германских врачей: был основан даже особый журнал: «Hippocrates».

Что же в действительности представлял собой Гиппократ, на чем основывалась его слава и что остается от нее в наше время? Выяснить это на основании дошедших до нас биографических материалов и сочинений, связанных с именем Гиппократа, составляет задачу настоящего очерка.

---

[1] Link M., Ueber die Theorien in den Hippocratischen Schriften etc. Abh. d. K. Akad. der Wiss. in Berlin. 1814/15.

[2] Boulet, Dubitationes de Hippocratis vita, Paris, 1804.

II

До нас дошли три биографии Гиппократа: «по Сорану»[1], Свиды[2] и Тцетце[3]. Кто был Соран, по которому неведомый автор составил биографию, остается невыясненным. Соранов было несколько: Соран эфесский, составитель биографий врачей (I в. н. э.), другой Соран эфесский, знаменитый врач, писатель, живший во времена Траяна, и, наконец, Соран косский, о котором известно, что он разбирал архивы острова Коса, чтобы собрать сведения о Гиппократе. Время написания данной биографии неизвестно, но в ней имеются указания на Сорана косского, Гистомаха, который писал «О секте Гиппократа», и Андрея из Каристы, писавшего «О врачебной генеалогии». В ней указывается также, что о генеалогии Гиппократа производил изыскания ряд лиц, в том числе знаменитый александрийский астроном Эратосфен (серед. III в. до н. э.), Ферикид Аполлодор, известный своей хронологией греческих философов (около 150 г. до н. э.), и Арий из Тарса. Дело в том, что Гиппократ по отцу принадлежал к знатному роду асклепиадов, родоначальником которого был Асклепий, по Гомеру фессалийский владетель и необыкновенный врач, сыновья которого Махаон и Подалирий, принимавшие участие в троянской войне, также были искусными врачами. От Подалирия вел свой род и Гиппократ, будучи по Тцетце 17-м потомком Асклепия[4]. Впоследствии Асклепий был признан полубогом, сыном Аполлона-целителя; в честь его воздвигались храмы лечебного характера— асклепейоны (самые главные в Эпидавре, Трикке и Косе), жрецами которых были асклепиады и в которые массами стекались страждущие, отчаявшиеся получить исцеление от врачей. В Афинах культ Асклепия был введен только в 420 г. знаменитым трагиком Софоклом; раньше существовал культ Амина—бога-исцелителя; в Рим Асклепий проник позднее под именем Эскулапа (Aesculapius).

Чтобы дать представление о характере упомянутых биографий, я приведу главу из лексикона Свиды, относя-

---

[1] Hippocratis vita et genus ex Sorano. Fabricius. Bibliotheca graeca, t. XII.

[2] Suidac, Lexicon, под словом «Гиппократ».

[3] Tzetzes. Historiae variae. Chiliad. VII, Hist. 155.

[4] Асклепий, Подалирий, Гипполох, Сострат, Дардан, Хризамис, Клеомиттад, Феодор, Сострат II, Хризамис II, Феодор II, Сострат III, Небр, Гносидик, Гиппократ I, Гераклид и Гиппократ II.

щуюся к Гиппократам. Хотя Свида жил в X веке, он пользовался, конечно, старыми источниками. Глава гласит: «1. Гиппократ—косский врач, сын Гераклида; он превзошел и деда, отца Гераклида, будучи его тезкой[1], так как стал звездой и светом полезнейшего для жизни врачебного искусства; был он потомком Хриза и Элафа, его сына, которые оба были врачами. Он был учеником прежде всего отца, затем Геродика из Селимбрии[2] и Горгия леонтинского, ритора и философа[3], по утверждению некоторых,— также Демокрита абдерского, ибо он, будучи молодым, следовал за ним, старцем[4], и Продика[5]. Проживал он в Македонии, будучи большим другом царя Пердикки[6]. Имея двух сыновей Фессала и Дракона, он скончался 104 лет от роду и похоронен в Лариссе фессалийской[7].

---

[1] Здесь разумеется Гиппократ I.

[2] Геродик из Селимбрии—известный в свое время (V в. до н. э.) преподаватель гимнастики; занимался в то же время лечением, предписывая большие прогулки, борьбу, ванны, вообще физические методы лечения. Влияние его сказывается на книге «О внутренних страданиях».

[3] Горгий из Леотин в Сицилии был послом от своего родного города в Афинах в 427 г. Известен главным образом как софист и учитель красноречия. У Платона есть диалог того же имени. В философии Горгий проповедывал крайний нигилизм, формулированный в трех положениях: 1) нет ничего, 2) если что-нибудь и было, оно непознаваемо; 3) если что-нибудь было и было познаваемо, познание его нельзя сообщить другому.

[4] Эти данные противоречат действительности; из подложной переписки Гиппократа также не видно, чтобы Гиппократ был настолько моложе Демокрита, знаменитого философа-атомиста, акме которого относят к 420 г.

[5] Продик из Кеоса—софист старшего поколения, известный своим морализирующим рассказом: «Геркулес на распутье», упоминаемым Ксенофонтом в «Меморабилиях» (II, I).

[6] Другие источники приводят легендарный рассказ о том, как Гиппократ с другим знаменитым врачом Эврифоном книдским был вызван Александром I для лечения его брата Пердикки от изнурительной болезни. Гиппократ установил, что болезнь происходила от безнадежной любви молодого человека к наложнице его отца Филе, и когда ему удалось склонить ее на ответное чувство, больной выздоровел. Тот же анекдот рассказывается и про Эрасистрата.

[7] По другим данным (Гистомах, Соран косский) Гиппократ родился в 460 г. и умер в 377 г., одновременно с Демокритом, т. е. жил 83 года.

Древняя статуя Асклепия из Эпидавра.

В статуях он изображается с плащом, наброшенным на голову, потому ли, что таков был его обычай или вследствие его любви к странствованиям, или потому, что так было принято при хирургических мероприятиях. Он написал много и стал широко известен, так что персидский царь Артаксеркс пишет Гистану, нуждаясь в гиппократовой мудрости: «Царь царей великий Артаксеркс Гистану, наместнику Геллеспонта, привет. Слава искусства Гиппократа, косского врача, потомка Асклепия, достигла до меня. Дай же ему золота, сколько он захочет, и остального в изобилии, в чем он нуждается, и пришли его к нам: будет он в равной чести с лучшими из персов. И, если имеется в Европе какой-нибудь другой хороший муж, сделай его другом царского двора, не жалея средств, ибо найти мужей, способных на что-нибудь в совете, нелегко. Будь здрав»*. Книги, написанные Гиппократом, всем, соприкасающимся с врачебной наукой, известны и ценятся как глас бога, а не исходящий из уст человеческих; не взирая на то, что указывается прежними, укажем и мы: первая книга содержит клятву, вторая показывает прогнозы, третья книга афоризмов, превосходящая человеческое понимание; четвертое место займет препрославленное и многоудивительное 60-книжие**, обнимающее всю врачебную науку и мудрость.

2. Гиппократ косский, сын Гносидика,—отец Гераклида, отца Гиппократа; сам врач из рода асклепиадов.

3. Гиппократ, сын Фессала—потомок Гиппократа второго, сына Гераклида; он также писал о врачебном искусстве.

4. Гиппократ четвертый—сын Дракона, врач, также косский и того же рода, лечивший Роксану*** и умерший при Касандре, сыне Антипатра; он также писал о врачебном искусстве.

5. Два Гиппократа—пятый и шестой; сыновья Фимбрея, также коссцы и того же рода; оба писали о той же науке.

---

* Это письмо (№ 3) взято из «Переписки Гиппократа», считаемой подложной. Ответ Гиппократа, адресованный Гистану, гласит: «На письмо, которое ты прислал мне, говоря, что оно исходит от царя, пошли царю как можно скорее мой ответ; именно, что пищей, одеждой, жилищем и всем необходимым для жизни имуществом мы пользуемся. Богатством же персов мне не приличествует наслаждаться, так же, как прекращать болезни варваров, врагов эллинов. Прощай».

** Здесь идет дело о всех прочих сочинениях «Гиппократова сборника», число которых насчитывалось различно.

*** Жену Александра Македонского.

6. Гиппократ седьмой—также косский врач, сын Праксианакта, того же рода и писал таким же образом».

Самые ранние биографы Гиппократа писали не ранее 200 лет после его смерти и, конечно, рассчитывать на достоверность их сообщений—трудно. Гораздо более ценные сведения мы могли бы получить из показаний современников и из самих сочинений Гиппократа. К рассмотрению их мы теперь и переходим.

III

Показания современников очень скудны. Сюда относятся прежде всего два места из диалогов Платона «Протагора» и «Федра». В первом из них рассказ ведется от лица Сократа, передающего свой разговор с молодым человеком Гиппократом (имя это—в буквальном переводе «укротитель коней»—было довольно распространено в то время, особенно в сословии всадников). В Афины приехал знаменитый софист Протагор, обучающий за плату, и юноша жаждет поучиться у него. Сократ спрашивает его: «Послушай, Гиппократ, ты намерен теперь итти к Протагору и заплатить ему за себя деньги; но знаешь ли ты, к какому человеку идешь и чем желаешь сделаться? Вот, если бы вздумал ты, например, итти к твоему тезке Гиппократу косскому, из фамилии асклепиадов, с намерением платить ему за себя, и кто-нибудь спросил бы тебя: какому человеку в лице Гиппократа хочешь ты платить деньги. Что отвечал бы ты?— Врачу, сказал бы я.—А чем думаешь сделаться сам?— Врачом.—Если бы равным образом ты шел к Поликлету аргосскому или Фидию афинскому, желая платить им за себя, и кто-нибудь спросил бы тебя: каким людям в лице Поликлета и Фидия намерен ты платить деньги. Как следовало бы отвечать тебе?—Ваятелям, сказал бы я» («Протагор», 311, 13, С, перевод Карпова).

Из этого места видно, что во времена Платона, который был приблизительно на 32 года моложе Гиппократа, последний пользовался широкой известностью и Платон ставит его наряду с такими знаменитыми скульпторами, как Поликлет и Фидий. Далее, в это время кастовая замкнутость асклепиадов была, повидимому, разрушена, и врачи обучали не только своих сыновей и родных, но и посторонних людей за плату.

Еще больший интерес представляет упоминание о Гиппократе в диалоге Платона «Федр». Там о Гиппократе говорится как о враче с широким философским уклоном. Вот это место:

«Сократ. Один и тот же прием что в риторическом, то и во врачебном искусстве.

Федр. Каким образом?

Сократ. И в том и в другом нужно различать природу: тела—во врачебном искусстве, души—в риторическом, если хочешь не при помощи натасканности только и рутины, но по всем правилам искусства телу предлагать лекарства и пищу, которые приносили бы ему здоровье и силу, душе—речи и надлежащие занятия, которые вселили бы в нее желательное для тебя убеждение и добродетель.

Федр. Разумеется, Сократ, это правильно.

Сократ. А как ты думаешь, возможно ли постигнуть, как следует, природу души, не постигнув природы целого?

Федр. Если должно верить Гиппократу, одному из асклепиадов, то, не прибегая к такому методу, нельзя постигнуть даже и природу тела.

Сократ. Прекрасно он говорит, приятель. Однако, помимо Гиппократа, нужно спросить еще и рассудок и посмотреть, согласен ли он с ним.

Федр. Обязательно.

Сократ. Итак, рассмотри, что же говорит о природе Гиппократ и истинный рассудок. Не следует ли размышлять о природе каждой вещи таким образом: во-первых, просто ли или имеет много видов то, в чем мы сами пожелаем быть искусными и в чем в состоянии сделать таковым другого; затем, если оно просто, следует исследовать его природную силу, какова она и к чему служит, может ли она действовать активно и какому влиянию и в зависимости от чего она может подвергаться. Если она имеет много видов, то, сделав подсчет им, следует рассмотреть каждый из них в отдельности, так же как это сделано по отношению к единому, именно: каков вид, в чем он сам по себе может проявлять по природе свое активное действие, какому влиянию и в зависимости от чего он может подвергаться.

Федр. Кажется это так, Сократ.

Сократ. Без этого способ исследования походил бы на странствие слепого» (270, B, C, D, перевод Жебелева).

Эта выписка показывает, что в эпоху Платона сочинения Гиппократа были известны в Афинах и обращали на себя внимание широких кругов своим философским диалектическим подходом. К какому именно сочинению относятся приводимые здесь мысли Гиппократа, определить нелегко: их можно найти в ряде книг. Гален предполагал

почему-то, что они заимствованы из книги «О природе человека», но для этого нет достаточно веских оснований. Литтре, подробно останавливающийся на этом вопросе*, склонен сопоставить их с отдельными местами книг «О диэте» и «О древней медицине». К этому можно прибавить также книгу«О воздухах, водах и местностях» и другие. Несомненно одно: приводимые в «Федре» положения Гиппократа не расходятся с тем, что можно прочитать в «Гиппократовом сборнике». Пользовался ли Платон при составлении «Тимея», где сосредоточены его физиологические и патологические взгляды, книгами «Гиппократова сборника», о чем можно было бы судить по сопоставлению отдельных мест**, в настоящее время представляется сомнительным. Фрагменты сицилийских врачей, в частности Филистиона из Локр***, с которым Платон сблизился во время своих путешествий в Сицилию, скорее указывают на прямое влияние этой школы.

Из врачей IV в., младших современников Гиппократа, двое упоминают о его имени, оба раза в связи с критикой его воззрений. Один из них—Ктезий, врач, сопровождавший Кира младшего в его походе и пробывший в плену у персов 17 лет, при Артаксерксе. Гален в своем комментарии на книгу Гиппократа «О суставах» пишет: «Порицали Гиппократа за способ вправления сустава бедра, указывая, что оно снова выпадет, прежде всего Ктезий книдский, родственник ему и сам по роду асклепиад, после Ктезия и некоторые другие»****.

Другое свидетельство с прямым упоминанием имени Гиппократа принадлежит Диоклу каристскому, знаменитому врачу середины IV века, которого называли даже вторым Гиппократом. Критикуя один из афоризмов Гиппократа (II, 34), где утверждается, что болезни, соответствующие сезону, представляют меньшую опасность, Диокл восклицает: «Что ты говоришь, Гиппократ! Горячка, которая вследствие качеств материи сопровождается жаром, нестерпимой жаждой, бессонницей и всем тем, что наблюдается летом, будет более легко переноситься в силу соот-

---

* Littré. Oeuvres complètes d'Hippocrate. T. I. Introduction, chap. XII.

** Poschenrieder, F. Die platonischen Dialoge in ihrem Verhältniss zu d. hippocrat. Schriften. Metten. 1882.

*** Wellmann, M. Die Fragmente d. sikelischen Aerzte u. des Diokles von Karystos. Berlin. 1901.

**** Литтре, 1, 70.

ветствия времени года, когда все страдания обостряются, чем зимой, когда сила движений умеряется, острота уменьшается и все заболевание становится более мягким»*.

Остается упомянуть еще об одном писателе IV в., называющем Гиппократа по имени. Это Аристотель. В «Политике» (VII, гл. 4) он говорит о нем по случайному поводу, разбирая вопрос, какое государство можно называть великим. Так как это место, цитируемое из вторых и третьих рук, передается обыкновенно неправильно, я приведу его в буквальном переводе: «По численному количеству жителей считают (государство) великим, а следует обращать внимание не на количество, а на силу. Ведь, существует дело, свойственное государству, так что то государство, которое в наибольшей степени способно его выполнить, и следует считать величайшим, подобно тому как о Гиппократе скажут, что он не как человек, а как врач более велик, чем тот, который превосходит его величиной тела». Здесь нет прямого эпитета «великий» (ὁ μέγας), как передают обыкновенно, а более великий (μείζων), чем великий по размерам человек, что, конечно, не совсем одно и то же.

Таким образом, из показаний писателей IV века, ближайших по времени к Гиппократу, можно почерпнуть уверенность, что он действительно существовал, был знаменитым врачом, учителем медицины, писателем; что его писания отличаются широким диалектическим подходом к человеку и что некоторые его чисто медицинские положения уже тогда подвергались критике.

IV

Остается рассмотреть, какие материалы для биографии можно извлечь из сочинений, дошедших до нас под именем Гиппократа. Их можно разделить на две неравных группы. К первой относятся сочинения делового характера, имеющие то или иное отношение к медицине: их большинство. Ко второй относится, если можно так выразиться, беллетристика: переписка Гиппократа, речи его и его сына Фессала, декреты. В произведениях первой группы биографического материала очень немного; во второй, наоборот, его очень много, но, к сожалению, переписка признается целиком подложной и не заслуживающей доверия. Мы рассмотрим данные сочинения по порядку.

---

* Wellmann, l. c., p. 132, Frgm, 34. Литтре, I, 321.

Прежде всего надо заметить, что ни в одной из книг «Гиппократова сборника» имя автора не представлено, и определить, что написано самим Гиппократом, что его сродниками, что посторонними врачами, очень трудно. Вопрос этот будет разобран во всех деталях в дальнейшем. Однако удается выделить несколько книг, носящих на себе печать личности Гиппократа, как ее привыкли представлять, и по ним можно составить представление о местах, где он работал и где бывал в своих путешествиях. Гиппократ был несомненно врач периодевт, т. е. он не практиковал в своем городе, где вследствие избытка врачей определенной школы нечего было делать, а объезжал разные города и острова, занимая иногда должность общественного врача по нескольку лет. В книгах «Эпидемии» 1-й и 3-й, которые громадным большинством признаются подлинными, автор описывает состояние погоды в разные времена года и появление тех или иных болезней на острове Фасосе в течение 3, а может быть, и 4 лет. Среди историй болезней, приложенных к этим книгам, кроме больных в Фасосе, встречаются больные из Абдеры и ряда городов Фессалии и Пропонтиды. В книге: «О воздухах, водах и местностях» автор советует, придя в незнакомый город, подробно ознакомиться с местоположением, водой, ветрами и вообще климатом для понимания характера возникающих болезней и их лечения. Это прямо указывает на врача-периодевта. Из той же книги явствует, что Гиппократ по собственному опыту знает Малую Азию, Скифию, восточное побережье Черного моря у реки Фасис, а также Ливию. Интересные данные можно извлечь из «Эпидемий» относительно пациентов Гиппократа и гиппократиков— вопрос, который вызвал целую литературу*. Преобладающее большинство их—ремесленники разных профессий, т. е. состоятельные горожане. Россиньоль, который пытался доказать, что Гиппократ практиковал главным образом среди рабочих, рабов и служанок, т. е. что он был врач для бедных, несомненно, впал в ошибку, так как близость Гиппократа и его сыновей к македонскому двору и фессалийским феодальным владетелям стоит вне всяких сомнений. В «Эпидемиях» упоминаются фамилии Алевадов, Дисериса, Сима, Гипполоха, известных из других источников, как знатные люди и князья. Если врач призывался для лечения конюха, раба или служанки, то это

---

* Meinecke, Rossignol, Littré. Лит. у Ковнера. Прибавл. к Гиппократу, стр. 6—7; Литтре, VIII, X.

значило только, что хозяева ими дорожили. Вот в сущности все, что можно извлечь из медицинских книг Гиппократа по части его биографии; характеристика его врачебных взглядов на основании его произведений будет дана в дальнейшем.

V

Нам остается рассмотреть последний источник биографии Гиппократа: его переписку, речи, декреты—разнообразный исторический материал, помещенный в конце его сочинений и вошедший в состав «Гиппократова сборника» как его неотъемлемая часть. Сюда входит переписка персидского царя Артаксеркса по поводу приглашения Гиппократа; длинный рассказ в письмах, как абдеритяне приглашали Гиппократа приехать к ним, чтобы лечить впавшего в безумие философа Демокрита, как Гиппократ приехал туда и что из этого вышло (так называемый «роман» о Гиппократе, Hippocratesroman); далее речи политического характера самого Гиппократа и его сына Фессала, приехавшего в Афины в качестве посла от родного острова Коса; декрет афинян, увенчивающий Гиппократа за избавление от чумы, и некоторые другие письма.

В старину всем этим письмам и речам верили, но историческая критика XIX в. лишила их всякого доверия, признав подложными и сочиненными, как и большинство других писем, дошедших до нас от античного мира, например, Платона. Литтре, несколько раз возвращающийся к их рассмотрению в своем издании, резюмирует свое отношение к ним в таких словах: «Они доказывают, что с очень давних пор имя Гиппократа было достаточно знаменито, чтобы вызвать появление легенд, но больше ничего они не доказывают; из них нельзя вывести никакого заключения, которое позволило бы открыть малейшую частицу истины; они не содержат никакого зерна реальности, или, если содержат, критика не имеет никаких средств его извлечь» (IX, 309). Немецкие филологи предполагают, что письма и речи были сочинены в риторской школе острова Коса в III и последующих веках, может быть, в виде упражнений или сочинений на заданные темы, как это практиковалось в то время. Что письма Гиппократа подложны, это доказывают некоторые анахронизмы, исторические неувязки и вообще весь стиль писем, так что возражать против этого трудно. Но, с другой стороны, отрицать всякую историческую ценность этих писаний также нельзя: такое отношение—прямой результат гиперкритики, особенно про-

цветавшей в XIX веке среди ученых историков и филологов. Не следует забывать—и это самое главное,—что фактические данные, приводимые, например, в речи Фессала, являются хронологически самыми ранними, в сравнении с которыми биографии, написанные через многие сотни лет после смерти Гиппократа, не могут итти в счет. То громадное количество деталей и мелких подробностей, касающееся лиц, мест и дат, которые придают правдоподобность рассказу, вряд ли могло быть просто вымышленным: во всяком случае они имеют какую-то историческую подоплеку. И если мы будем иметь в виду, что фамилия асклепиада Гиппократа существовала до конца IV века, а сочинения Гиппократа появились в александрийской библиотеке в III веке, то весьма вероятно, что в основе указанной литературы лежит семейная хроника гиппократиков—материалы или просто рассказы, передававшиеся от поколения к поколению и запечатленные, наконец, в литературной форме; кем именно—решить трудно. Наиболее интересные исторические материалы содержатся в речи Фессала, сына Гиппократа, произнесенной в афинском народном собрании, где он выступал как посол от своего родного острова Коса, и, перечисляя заслуги, которые его предки и он сам оказали афинянам и общегреческому делу, пытался отвратить надвигавшуюся войну и разгром о. Коса. Надо заметить, что империалистическая политика Афин привела уже раз к разгрому Коса, так же как ряда других островов (например, Фасоса). Мы узнаем из этой речи, что предки Гиппократа, по отцу асклепиады, по матери были гераклиды, т. е. потомки Геракла, вследствие чего находились в родственных отношениях с македонским двором и фессалийскими феодальными владетелями, что делает вполне понятным пребывание Гиппократа, его сыновей и внуков в этих странах. В ней же имеется легендарный рассказ о прапрадеде Гиппократа Небре, оказавшем услуги афиктионам и дельфийскому храму в их войне с кризийцами не только как врач, прекративший эпидемию, но и отрядом воинов, приведенным с собой. Для нас наибольший интерес представляет следующий за этим рассказ о заслугах самого Гиппократа; я приведу его в переводе с подлинника. Фессал говорит: «Я перехожу теперь к тому, чтобы сообщить незнающим людям о благодеянии моего отца Гиппократа, и, говоря об этом, я поведаю правду следующим образом. Когда зараза распространялась через варварскую страну, расположенную выше иллирийцев и пэонийцев, и когда зло пришло в их страну, то цари этих народов, побуждаемые врачебной славой, которая, будучи

истинной, проникла всюду, отправляют посольство к отцу моему в Фессалию (ибо там мой отец и прежде имел и теперь имеет свое место пребывания), призывая его на помощь и говоря, что они не только пошлют ему золота, серебра и прочих богатств, но позволят вывезти все, что он захочет, если он поможет им. Он же, расспросив, как у них происходит перемена жары, ветров, туманов и всего прочего, что выводит тело из обычного состояния, и, получив сведения обо всем, их самих отослал назад, объявив, что он не может итти в их страну, а сам как можно скорее объявил фессалийцам, каким образом следует беречься от наступающего зла, и, изложив письменно лечение, разослал по городам. Меня он отправил в Македонию, ибо у царей из рода гераклидов, правящих там, существует с нами наследственная дружба. И я ушел из Фессалии, куда мне приказывал отец, чтобы оказать тамошним людям помощь. Брата же моего Дракона, направив плыть из Пагасов в Геллеспонт, он снабдил не таким предписанием, какому сам следовал, ибо не все места дают одинаковые лечебные средства, так как среда, исходящая от воздуха, не везде одинакова. Полибия же, мужа своей дочери, а моей сестры, и других учеников он послал—одних в одни, других—в другие страны, чтобы, проходя по рынкам и дорогам, они приносили помощь возможно большему числу лиц. Когда он исполнил свое дело в Фессалии, он пошел на помощь смежным народам; придя в Пилы (Фермопилы), он оказал помощь дорийцам, а вместе с тем прочим фокийцам и, когда пришел в Дельфы, принес моление богу об эллинах и, принеся жертву, пошел в страну беотийцев; оказав им помощь подобным образом, он пошел в вашу страну и то, что было достаточно для вашего спасения, сказал полностью, о чем я теперь возвещаю. Я думаю, что многие из вас знают, что я говорю правду, ибо это происходило не в давние времена, а пошел всего только девятый год с тех пор, как я ушел от вас и был послан в Пелопонес для оказания помощи тамошним жителям. Везде нам и словом и делом была оказана достойная честь, так что не приходилось раскаиваться, что мы не приняли богатств иллирийцев и пеонов. В сравнении с другими городами ваши дары были велики, да и ваше государство превышает прочие, ибо Афины по своей славе есть нечто высшее прочих городов, и золотой венок, возложенный в вашем театре, поднял наше усердие на высшую ступень. Но вы превзошли и эту прекрасную награду, посвятивши и моего отца и меня в мистерии Деметры и Коры согласно общественному постановлению... Теперь я начну говорить о четвертой услуге, которую, как я воз-

вестил, оказали вам я и мой отец. Именно, когда город послал Алкивиада в Сицилию с большими силами и не столько с большими, сколько с удивительными (ибо они соответствовали делу), и когда в народном собрании поднялся вопрос о враче, который должен сопровождать войско, мой отец выступил и обещал дать меня для защиты ваших тел, снарядив меня на собственный счет, не требуя вознаграждения за все время похода, пренебрегая значительной выгодой ради той пользы, которая для вас воспоследует... Он оказал такое содействие; я же, будучи его сыном, ни в чем не погрешил против чести и искусства, принося помощь и подвергаясь опасностям вместе с вами, где это приходилось; и в том и другом случае меня не останавливали ни болезнь, ни страдания, ни страх перед морем или неприятельским пленом... Делая это в течение трех лет, увенчанный золотым венком и еще более прославленный, я уехал на родину жениться, чтобы оставить наследников нашего искусства и рода».

После этого длинного вступления, имеющего целью по правилам риторики снискание благосклонности слушателей, Фессал излагает просьбу к афинянам не воевать с его родиной, а если и придется, не подвергать ее разграблению и обращению в рабство, как тогда было в обычае.

Дополнением к этой речи Фессала служит «Декрет афинян», в котором они за устранение заразы в Элладе и за отказ итти на службу к персидскому царю постановляют увенчать Гиппократа золотым венком, посвятить его в великие мистерии, предоставить косским юношам право обучения в афинской гимназии, а ему самому право гражданства и питания в пританее. К этому же циклу относится короткая речь самого Гиппократа, так называемая «Речь при жертвеннике», в которой он взывает к фессалийцам оказать помощь против агрессивных действий афинян.

В древности все эти рассказы не вызывали сомнения, и ряд позднейших писателей говорит о заслугах Гиппократа во время «афинской чумы»* (Варрон, Цельс, Плиний, Аэций, Актуарий). Но в XVIII и особенно XIX веке историческая

---

* Можно считать доказанным, что эта чума не имела ничего общего с нашей бубонной чумой, которая впервые появилась в V в. н. э. в Византии с востока. Что за болезнь свирепствовала тогда, остается невыясненным, тем более что появление новых эпидемий и исчезновение старых—нередкое явление в истории эпидемических болезней.

критика, как было уже сказано, выдвинула ряд серьезных возражений, в результате которых участие Гиппократа в прекращении чумы, или моровой язвы, поразившей Грецию в 428 г. в эпоху пелопонесской войны, признается результатом чистейшего вымысла*. Дело в том, что в истории Фукидида, где находится подобное описание моровой язвы, унесшей громадное количество жертв, совершенно не упоминается о Гиппократе и, наоборот, подчеркивается, что все лечебные средства оказывались бессильными. Указывали далее, что хронологические даты моровой язвы и пути ее распространения не совпадают с теми данными, которые можно извлечь из речи Фессала. Новая конструкция хронологии, данная немецким филологом Петерсеном, была опровергнута французскими исследователями Литтре и Дарембергом и вопрос как будто был исчерпан. Но в действительности, можно ли с полной уверенностью утверждать, что эпидемия, описанная Фукидидом, была именно та, о которой говорит Фессал? Уже одно то, что она шла не с юга и востока, а со стороны иллирийцев, т. е. с севера, заставляет относиться к этому утверждению с осторожностью. Фукидид мог говорить об одном, а семейная хроника Гиппократа и Фессал (действительный или вымышленный)—о другом. Вопрос этот в короткой статье не может служить предметом строго научного обсуждения; он требует основательного пересмотра, но во всяком случае ясно, что он остается пока висеть в воздухе. «Легенда» о Гиппократе прошла ряд веков, сохраняя свою действенную силу, и ознакомиться с ней всякому, интересующемуся Гиппократом, необходимо.

VI

Следует еще остановиться на переписке Гиппократа, занимающей большую часть приложений к «Сборнику». Она уже несомненно подложна и сочинена, но содержит в себе большое количество подробностей как бытовых, так и психологических, сообщающих письмам отпечаток какой-то свежести, наивности и такого колорита эпохи, который по прошествии нескольких веков выдумать трудно. Главное место занимает переписка по поводу Демокрита и с самим Демокритом (№№ 10—24, изд. Литтре). Демокрит издревле считался смеющимся философом (так же как Гераклит—плачущим)—так он рисуется, например,

* См. Литтре, I, 41; Ковнер, Гиппократ, 200 и сл.

Горацию и Ювеналу*—и это обстоятельство служит завязкой всей повести. Совет и народ абдеритян** шлют Гиппократу послание, умоляя его приехать к ним лечить Демокрита, которым они очень дорожат, от странного вида безумия: «Забыв обо всем и прежде всего о самом себе, он проводит всю жизнь, бодрствуя и ночью и днем, осмеивая все—и малое и великое и считая это за ничто. Один женится, другой торгует, третий ораторствует в собрании, иной управляет, едет послом, выбирается на должность или отрешается от нее, болеет, получает рану, умирает—он же осмеивает все это, видя одних печальными и мрачными, других—веселыми. Этот человек исследует даже то, что происходит в аиде, и описывает это; утверждает, что воздух полон образов; слушает голоса птиц и часто, поднявшись ночью, наедине, похож на человека, тихо поющего песнопения. Иногда он говорит, что странствует в бесконечности и что демокритов, подобных ему, существует неисчислимое количество»... В награду за помощь абдеритяне сулят Гиппократу славу, деньги и возможность получить поучение, причем—прибавляют они—«последнее выше для тебя даров счастья».

Гиппократ не замедлил ответить на это послание длинным письмом с изъявлением своего полного согласия. Он рассказывает очень картинно, что их согражданин Амельсагор прибыл в Кос в тот момент, когда у них был годовой праздник и торжественная процессия к кипарисам, и что посланец был так взволнован, что Гиппократ немедленно прочел переданное ему письмо. Прочтя, он был поражен и восклицает: «Счастливы народы, у которых выдающиеся люди служат их защитой в мудрых советах!» «Я убежден,—продолжает он,—что искусства — дары богов, люди же—произведения природы, и не сердитесь на меня, мужи абдеритяне, я думаю, что не вы, а сама природа призывает меня спасти ее творение, которому грозит опасность погибнуть от болезни... Деньги за мой приход ни природа, ни бог не будут обещать мне, и вы, абдеритяне, не наси-

---

* «Perpetuo risu pulmonem agitare solebat
Democritus»........ Iuven. Sat., X, 34.
«Неумолкаемым смехом Демокрит сотрясал обыкновенно свои легкие»...

Ср. также письма Горация, II, I, 194.

** Абдера, или правильнее Абдеры—город на южном берегу Фракии, наискосок от острова Фасоса, родина софиста Протагора и философа Демокрита.

луйте меня, но позвольте, чтобы свободному искусству соответствовали и свободные дела». После этих сильно отдающих риторикой высказываний Гиппократ пускается в длинные рассуждения о деньгах и корыстолюбии, указывая на свой отказ помогать персидскому царю, и кончает тем, что Демокрит, если он в здравом уме, будет его другом: если же он болен, то излеченный будет им еще в большей степени.

Одновременно с этим Гиппократ пишет Филопемену, своему знакомому из Абдеры, письмо которого было вручено ему вместе с посланием абдеритян и который предлагает ему гостеприимство. Принимая его предложение, Гиппократ высказывает мысль, что поведение Демокрита могло быть вызвано не безумием, но «чрезмерной силой души», заставляющей его искать уединения, смотреть на людей, как на чуждые существа, и презирать их, иначе говоря, его мудростью.

Следующие письма показывают Гиппократа в действии. Решившись ехать в Абдеру, он пишет своему другу врачу Дионисию в Галикарнасе (малоазиатский город, недалеко от острова Коса), с просьбой приехать и заместить его на время отсутствия. Дионисий будет жить в его доме, так как жена Гиппократа переедет на это время к родителям. «Кстати, ты присмотришь за ее поведением, чтобы она жила благоразумно и во время отсутствия мужа не думала о других мужчинах». Другое письмо Гиппократ адресует в Родос к некоему Дамагету, очевидно, судовладельцу, с просьбой прислать хороший корабль под названием «Солнце», который Гиппократ видел в Родосе, для поездки в Абдеру. В обоих письмах сообщается цель поездки—безумие Демокрита, в котором Гиппократ, однако, сомневается. Далее следует второе письмо к Филопемену в Абдеру с описанием сна, который видел Гиппократ и в котором фигурируют Асклепий и две прекрасные женщины, символизирующие Истину и Мнение. Сон этот истолковывается им таким образом: здоровье Демокрита есть истина, остающаяся при нем, а мнение о его болезни—при абдеритянах. Несмотря, однако, на неоднократно высказанную уверенность в том, что болезнь Демокрита является мнимой, автор переписки присоединяет письмо Гиппократа к Кратевасу, принадлежащему к знаменитому семейству ризотомов, т. е. собирателей трав, с просьбой прислать ему травы и растительные соки, которые могут пригодиться при лечении Демокрита. «Все соки, выжатые и вытекающие из растений, следует доставить в стеклянных сосудах, все листья, цветы или корни—в новых глиняных

банках, хорошо закрытых, чтобы под влиянием проветривания не выдохлась сила лекарства, как бы впавши в обморочное состояние» (такой способ хранения подтверждается раскопками античных аптек). В этом письме впервые слышатся отголоски врачебных сочинений Гиппократа, например, в такой сентенции: «Почти всегда мы ведем наступление, имея в виду две цели: с одной стороны, больного человека, с другой—искусство, из которых одно неясно, другое, касающееся знания,—ограничено».

Наконец, Гиппократ приехал в Абдеры, посетил Демокрита, беседовал с ним и дает об этом подробный отчет в длинном письме к Дамагету, тому самому, который предоставил ему судно для переезда. Доехал он на «Солнце» хорошо; его встретили на пристани абдеритяне с женами и детьми, и он, не взирая на приглашение Филопемена отдохнуть у него, изъявил желание сейчас же отправиться к Демокриту. Его привели сначала на холм, откуда можно было видеть жилище Демокрита и его самого, сидящего под густым платаном на каменной скамейке. Демокрит был одет в грубую тунику, худой, желтый, с длинной бородой; на коленях он держал книгу, а кругом него на траве лежали вскрытые животные и другие книги. Иногда он вставал, прогуливался, рассматривал внутренности животных и снова садился. «Видишь ли, Гиппократ, как он безумен?» — говорили абдеритяне, но Гиппократ, оставив их, направился к Демокриту. Узнав, что перед ним знаменитый врач Гиппократ, Демокрит спросил его о цели приезда и предложил гостеприимство. Убедившись из первых же фраз, что интеллект Демокрита в целости, Гиппократ спросил его, о чем он пишет, и был крайне удивлен, узнавши, что он пишет о безумии, его причинах и лечении. Животных он вскрывает для того, чтобы исследовать природу и местонахождение желчи, избыток которой является причиной безумия. Дальнейший диалог в подлиннике развивается следующим образом. «И я сказал: клянусь Зевсом, о, Демокрит! правильно и разумно ты говоришь, и я считаю тебя счастливым за то, что ты наслаждаешься такой спокойной жизнью; нам же не позволено пользоваться ею. И когда он спросил: «почему же, Гиппократ, не позволено?»—потому, ответил я, что поля, дом, дети, денежные дела, болезни, смерти, рабы, браки и все тому подобное разрушают досуг. Тогда этот муж впал в свое обычное состояние и начал громко хохотать и насмехаться; наконец, он успокоился. А я спросил: чему собственно ты, Демокрит, смеешься; то, о чем я говорил, хорошие или дурные вещи? А он стал смеяться еще больше, и абдеритяне, наблюдавшие

издалека, стали бить себя в головы, в лоб, рвали волосы, ибо, как они говорили потом, хохот его был сильнее обычного». Когда Гиппократ стал настаивать, чтобы Демокрит объяснил причину своего смеха и доказал его правомерность, то после ряда реплик, отчасти иронического, отчасти загадочного характера, Демокрит, наконец, согласился. «Взглянув на меня проницательно, он сказал: «Ты предполагаешь две причины моего смеха: дела хорошие и плохие, а я высмеиваю единственно человека, полного неразумия, лишенного правильного действия, ребяческого во всех своих замыслах, страдающего без всякой пользы от невероятных трудов, влекомого необузданным желанием на край земли и в неведомые недра, плавящего серебро и золото, никогда не перестающего их приобретать и всегда стремящегося к приобретению большего, чтобы ему не было хуже». За сим следует длинная, на многих страницах, речь морализующего характера, беспощадно обличающая самые разнообразные человеческие слабости в духе кинической философии. Заканчивается она (очевидно, для того, чтобы лучше убедить Гиппократа) обращением в сторону медицины. «Видя такое количество недостойных и жалких душ, как не издеваться над их жизнью, имеющей такую степень акразии!*. Я вполне уверен, что и твое врачебное искусство не нравится им: ведь, они в силу своей акразии недовольны всем и безумие считают мудростью. Конечно, для меня ясно, что многое из твоей науки бесчестится или завистью, или неблагодарностью, ибо больные, выздоравливая, приписывают причину этого богам или случайности, многие же, присоединяя сюда природу, ненавидят своего благодетеля и едва не приходят в раздражение, если их считают должниками и т. д.»... «Говоря это, он улыбался, и мне, Дамагет, он показался богоподобным; я забыл о его прежнем виде и сказал: о, преславный Демокрит, великие дары твоего гостеприимства я унесу отсюда в Кос, так как ты преисполнил меня большого удивления к твоей мудрости». То же сказал Гиппократ и ожидавшим его абдеритянам: «Большая вам благодарность, мужи, за ваше приглашение: я видел Демокрита, мудрейшего мужа, единственного, способного образумить людей».

На этом, собственно говоря, повесть о Гиппократе и Демокрите заканчивается, но к ней присоединяется еще несколько писем: Демокрит посылает Гиппократу «Рассу-

---

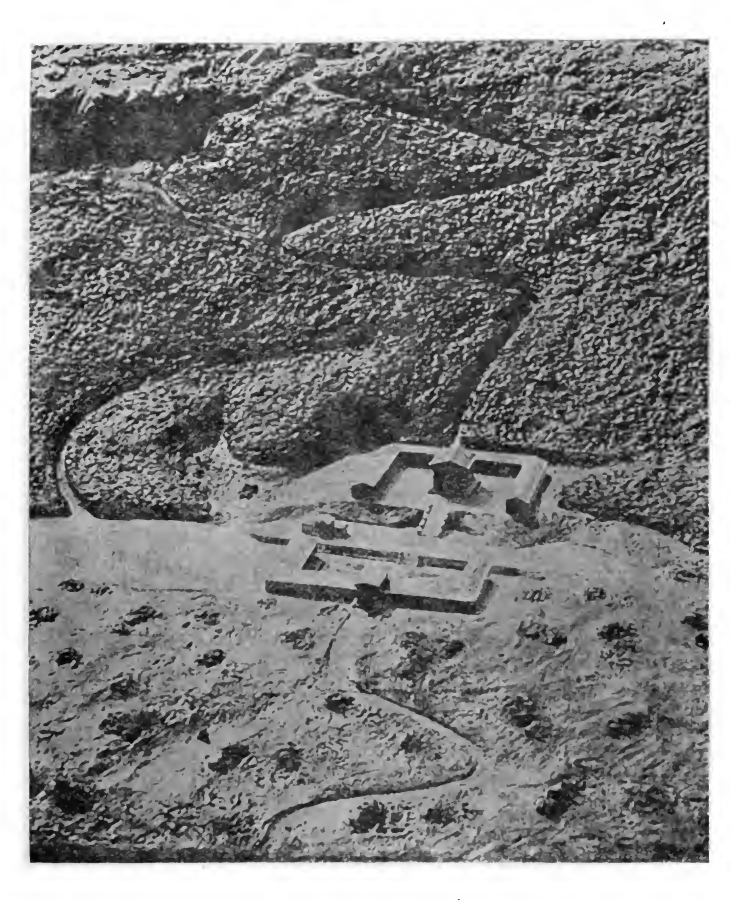
* А к р а з и я—медицинский термин того времени, обозначающий отсутствие правильного равномерного смешения элементов или соков, влекущее за собой болезнь.

ждение о безумии» с препроводительным письмом. Гиппократ отвечает ему и присоединяет медицинское рассуждение «О геллеборизме». Далее вклинивается письмо Гиппократа к сыну Фессалу поучительного характера, не относящееся к данному циклу, а за ним следует последнее письмо: «Демокрит Гиппократу о природе человека». Может быть, эти письма написаны другими авторами: во всяком случае они показывают знакомство с медицинскими сочинениями «Гиппократова сборника» в гораздо большей степени, чем предыдущие, и ничего не прибавляют к биографической характеристике адресатов. Они заслуживают внимания, но их следует анализировать в другом месте и по другому поводу.

Что может дать для характеристики Гиппократа приведенная явно подложная переписка? Принимая во внимание, как было уже сказано, что она написана раньше биографий, можно думать, что в ней больше чисто исторического материала. Интерес повести заключается в том, что в ней дается сравнительная характеристика двух лиц: знаменитого врача Гиппократа и знаменитого философа Демокрита. Образ Демокрита ярче, экстравагантнее: философ поражает всех окружающих, вызывая в них чувство, близкое к ужасу; врач, наоборот, служит символом помощи и успокоения. Он бескорыстен, предан своему делу и не замыкается на высотах: он ближе к людям и сам человечнее, почему наряду с другими вызывает смех философа, строгого моралиста.

VII

Таковы биографические материалы разнородного характера, рисующие нам жизнь и личность Гиппократа; таким представлялся он античному миру и перешел в историю. Он жил в эпоху культурного расцвета Греции, был современником Софокла и Эврипида, Фидия и Поликлета, знаменитых софистов, Сократа и Платона и воплотил в себе идеал греческого врача той эпохи. Врач этот не только должен в совершенстве владеть врачебным искусством, но быть также врачом-философом и врачом-гражданином. Все это можно извлечь из приведенного материала. И если Щульце, историк медицины XVIII века, в поисках исторической правды писал: «Итак, единственное, что мы имеем о Гиппократе косском, это следующее: он жил во времена пелопонесской войны и писал книги о медицине по-гречески на ионийском диалекте», то на это можно заметить, что таких врачей было немало, так как на ионийском диалекте писали в то



План асклепейона на острове Косе (по гипсовой модели Мейер-Штейнега).

время многие врачи (это доказывает «Гиппократов сборник»), и совершенно непонятно, почему же именно история выдвинула на первое место Гиппократа, предав забвению остальных. Историческим лицом можно считать то, которое проявляло действенную силу в той или иной области и влияло на массы определенным образом; исходя отсюда, и следует восстанавливать личность деятеля, т. е. заключать от следствий к причине, что при отсутствии прямых указаний является вполне правомерным. Рассказ Андрея каристского, подхваченный некоторыми биографами, о сожжении Гиппократом храмовой библиотеки с последующим бегством не может поколебать положительной характеристики его личности ввиду явного неправдоподобия: в то время святотатцев не щадили (что доказывают многочисленные примеры) и во всяком случае уважение в широких кругах они заслужить не могли.

VIII

Если для современников Гиппократ был прежде всего врач-целитель, то для потомства—он врач-писатель, «отец медицины». В начале настоящего очерка было приведено мнение Дубля, что Гиппократ один, без предшественников, проложил путь к истинной медицине. Что Гиппократ не был «отцом медицины»—вряд ли нужно доказывать: это очевидно для всякого, кто хоть немного осведомлен в истории медицины. И кому кажется несомненным, что все «сочинения Гиппократа» действительно написаны им самим, тот с известным правом может утверждать, что истинные пути медицины проложены им, тем более, что сочинения его предшественников не дошли до нас. Но в действительности «сочинения Гиппократа» представляют собой конгломерат произведений различных авторов, различных направлений и выделить из них подлинного Гиппократа удается лишь с трудом. Они отражают состояние медицинской науки «эпохи просвещения» с ее различными направлениями, различными школами, часто противоречащими друг другу; мы встречаем там полемику с писателями предшествовавшего времени или отклики давно прошедшего. Выделить из этого множества книг «подлинного Гиппократа»—задача очень трудная и решаемая только с большей или меньшей степенью вероятности. Гиппократ выступил на медицинское поприще, когда греческая медицина достигла уже значительного развития; он внес в нее как глава косской школы большой переворот, который будет

выяснен в дальнейшем, и с полным правом может быть назван реформатором медицины, но дальше его значение не простирается. Чтобы выяснить это значение, необходимо остановиться немного на развитии греческой медицины.

Начала ее теряются в древности и связываются с медициной древних культур Востока—вавилонской и египетской. В законах вавилонского царя Хаммураби (около 2 тысяч лет до н. э.) имеются параграфы, относящиеся к врачам, производящим глазные операции, с определением большого гонорара и в то же время большой ответственности за неудачный исход. Бронзовые глазные инструменты были найдены при раскопках в Месопотамии. Знаменитый египетский папирус Эберса (середина XX века до н. э.) дает громадное количество рецептов от различных болезней и правила исследования больного. Специализация египетских врачей произошла в незапамятные времена, и мы знаем теперь, что критско-микенская культура развивалась в тесном контакте с Египтом. Во время троянской войны (относящейся ко времени этой культуры) у греков были врачи, которые перевязывали раны и лечили от других болезней; они пользовались уважением, ибо «опытный врач драгоценнее многих других человеков» (Илиада, XI). К их числу относились сыновья Асклепия Махаон и Подалирий, прибывшие под Трою со своими отрядами. Позднейшее предание гласит, что Махаон был хирург, а Подалирий—терапевт; от него ведет начало та ветвь асклепиадов, которая жила в Малой Азии и близлежащих островах и к которой принадлежал Гиппократ, тогда как потомки Махаона обитали в Пелопонесе и Элладе. Следует отметить, что медицина в Греции искони носила светский характер, тогда как в Вавилоне и Египте врачи принадлежали к сословию жрецов: она основывалась на эмпирии и в своей основе была свободна от теургии, т. е. призываний богов, заклинаний, магических приемов и т. п. Конечно, в каждой области существовали кроме того особые предметы и места, связанные с культом различных богов (деревья, источники, пещеры), к которым стекались несчастные больные, чающие исцеления,—явление, общее всем странам и эпохам,—но лечебные храмы как таковые стали появляться только в VII, VI вв. в связи с экстатической и мистической волной (культ Диониса-Вакха, орфизм), прокатившейся в то время по Греции. В VII в. появился культ бога-целителя Асклепия и его храмы, носившие лечебно-санаторный характер,—асклепейоны, из которых самые ранние были в Трикке (Фессалия), Эпидавре (Пелопонес) и на острове Косе; их обслуживали жрецы из

Рельеф приношения из афинского асклепейона с изображением мужчины, страдающего расширением вен на ноге.

рода асклепиадов, но не потомки Подалирия, которые по свидетельству историка Феопомпа не были жрецами. Практика лечения основывалась на инкубации, т. е. сне в притворах храма, причем виденные больным сны истолковывались жрецами и соответственно этому назначалось лечение, главным образом, физическими методами. Случаи исцеления записывались на особых таблицах, которые вывешивались в храме, и кроме того больные приносили в храм приношения—изображения пораженных частей тела, во множестве находимые при раскопках *. Этим записям в храмах придавали прежде большое значение в деле воспитания врачей; они будто бы легли в основу «косских прогнозов», и оттуда, по свидетельству географа Страбона, и Гиппократ почерпнул свою врачебную мудрость. Такого мнения придерживался и Литтре (1839), но впоследствии его ученик Дарамберг установил независимость врачей от храмовой медицины, что было принято большинством историков. Однако в последнее время, по мере накопления материала, выясняется, что решать этот вопрос в общем виде нельзя и что между асклепиадами Эпидавра, Афин и других мест полуострова, которые прибегали к приемам мистификации, вплоть до появления почивающим в храме больным самого Асклепия, и асклепиадами Коса существует большая разница **. В Косе, повидимому, преобладало рациональное направление, и врачи-асклепиады выступали в роли консультантов при храме. Как бы там ни было, в «Гиппократовом сборнике» нет никаких намеков на теургию и, как читатель убедится, роль богов в произведении и исцелении болезней начисто отрицается.

Что образованные круги в Афинах не придавали особого значения асклепейонам, доказывает комедия «Плутос» (Богатство) Аристофана, писателя консервативной партии, поставленная в 408 г. Выдержки из этой комедии (перев. Холмского, Лгр., 1924) могут лучше всего дать понятие об этом отношении. Плутос слеп,—сообщает Хремил, и его друг Блепсидем советует:

«Не нужно ли теперь к нему врача позвать?

Хремил. Какой же врач найдется в нашем городе? Вознагражденья нет—так и леченья нет!

---

* См., напр. Диль Ш., По Греции. Раскопки в Эпидавре, М. 1913. В последнее время обширные раскопки были произведены в Пергаме, где существовал асклепейон более позднего времени.

** См. Neuburger, Geschichte der Med.. I, 146.

Блепсидем. Поищем.

Хремил. Зря искать!

Блепсидем. Мне тоже кажется.

Хремил. Конечно, зря! Но я придумал лучшее: давай его положим в храм Асклепия.

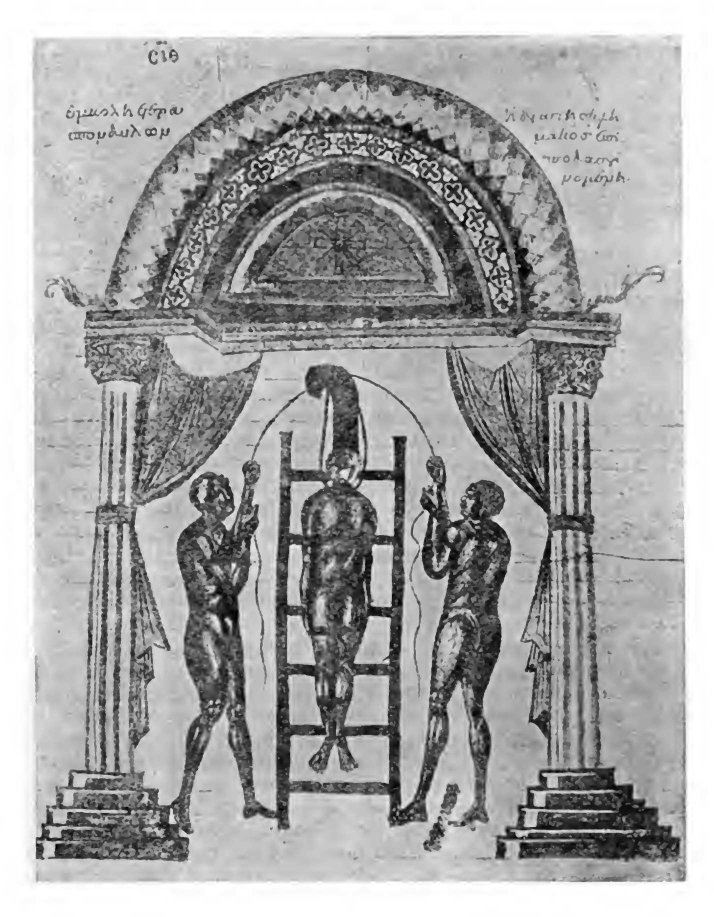
Блепсидем. Вот это так. Ты прав, клянусь богами! Не мешкай же, а делай, что задумано».

После инкубации в храме Асклепия Плутос выздоровел, и раб Хремила Карион очень красочно рассказывает о происшедшем жене Хремила:

«.... Богатство уложили мы,
Себе ж постели из соломы сделали.
Жена. А были там другие, бога ждавшие?
Карион. Был там и Неоклид,—который слеп-то слеп,
Да в воровстве заткнет за пояс зрячего,—
И многие другие с всевозможными
Болезнями. Когда же, потушив огни,
Жрец нам велел ложиться спать немедленно
И приказал молчать, коль шум послышится,—
Мы тотчас же в порядке улеглися спать.
Заснуть не мог я,—не давал покоя мне
Горшок с ячменной кашею, поставленный
Поодаль у старухи в изголовьи,
И сильно мне хотелось подползти к нему.
Но тут, глаза поднявши, вижу я, что жрец
Утаскивает фиги и пирожные
С священной трапезы. А после этого
Стал обходить он жертвенники все вокруг—
Не пропустил ли где лепешки жертвенной;
Потом все это посвятил... в мешок себе!
Уразумев всю святость дела этого,
Я кинулся к горшку с ячменной кашей».

Дальше рассказ Кариона переходит в сплошную буффонаду. На вопрос жены Хремила: «а бог еще не приходил к вам?» Карион отвечает:

«Нет еще!
Но я тогда смешную шутку выкинул.
Лишь только сам он подошел поближе к нам,
Я грохнул—сильно мой живот распучило.
Жена. Конечно, бог тут отвращенье выразил?
Карион. Нет; но Язо, что шла за ним, сконфузилась,
А также Панацея отвернулась,
Зажавши нос: воняю я не ладаном!
Жена. А бог?
Карион. Не обратил вниманья.
Жена. По-твоему бог, видно, деревенщина?



Вправление вывиха позвоночника (из комментария Аполлония киттийского к книге Гиппократа «О вправлении суставов»).

Карион. По-моему он г....ед».

Затем следует совершенно фантастический рассказ, как бог исцелил Плутоса. он свистнул, и два дракона ринулись из алтаря, подползли под покрывало и лизали ему глаза. «И прежде чем хозяйка десять шкаликов ты выпила б вина,— Богатство зрячим стал!» Большее издевательство над культом трудно себе представить!

В V веке, ко времени Гиппократа, в Греции существовали врачи различных категорий: врачи войсковые, специалисты по лечению ран, о чем говорится в книге: «О враче»; врачи придворные—лейб-медики, которые существовали при дворе царей: персидского (Демокед, Аполлоний, Ктезий), или македонского (напр. Никомах, отец Аристотеля); врачи общественные в большинстве демократических республик и, наконец, врачи периодевты, которые не были связаны определенным местом и переезжали из города в город, практикуя за свой страх и риск, но иногда переходили на службу города. Общественные врачи избирались народным собранием после предварительного экзамена, и заслуги их увенчивались золотым венком, правом гражданства и другими знаками отличия, о чем свидетельствуют находимые при раскопках надписи. Упомянутый раньше декрет афинян, относящийся к Гиппократу, не представляет собой чего-либо из ряда вон выходящего; он составлен по принятому в то время шаблону. Ряд таких постановлений можно найти в собрании греческих надписей Диттенбергера*.

---

* Dittenberger, Sylloge inscriptionum Graecarum, Lps., 1883. Для примера можно привести часть надписи, найденной на острове Карпафосе, чествующей одного врача за различные заслуги и бескорыстную службу: «Так как народ брикунтиев является благодарным и чтущим хороших врачей, угодно было народу утвердить следующее постановление: восхвалить Менокрита, сына Метродора, самосца, увенчать его золотым венком и публично возвестить на собрании асклепейонов, что народ брикунтиев восхваляет и увенчивает золотым венком Менокрита, сына Метродора, самосца, ради его опытности и полной порядочности. Да будет позволено Менокриту присутствовать на всенародных празднествах, как брикунтийцу, а состоявшееся постановление относительно венка пусть исполнит казначей. После утверждения этого постановления пусть народное собрание изберет мужа, который возвестит всему народу о даче венка, и о том, что в храме Потидана портмийского будет поставлена мраморная доска и на ней будет написано постановление»... (№ 311).

Откуда же брались все эти врачи? «Гиппократов сборник» дает по этому вопросу полную информацию: наряду с врачами-знахарями и шарлатанами, врачами «поздно учеными», настоящими врачами являются лица, получившие с молодых лет образование в недрах определенной школы и связанные определенной клятвой. Из других источников, начиная с Геродота и кончая Галеном, мы знаем, что в VI и V вв. в Греции существовали знаменитые школы: кротонская в южной Италии (великая Греция); к ней присоединилась затем школа сицилийская, родоначальником которой считают Эмпедокла; киренская в Африке, книдская в малоазиатском городе Книдосе, родосская на острове Родосе и, наконец, косская. Повидимому, книдская школа, руководимая асклепиадами, была одной из старейших и положила основание кротонской, киренской и родосской. В «Гиппократовом сборнике» нашли свое отражение школы книдская, косская и отчасти италийская. Киренская и родосская школы рано исчезли, не оставив по себе заметного следа.

Почтенная книдская школа, продолжая традицию вавилонских и египетских врачей, выделяла комплексы болезненных симптомов и описывала их как отдельные болезни. В этом отношении книдские врачи достигли больших результатов: они различали по свидетельству Галена 7 видов заболеваний желчи, 12 — мочевого пузыря, 3 — чахотки, 4—болезней почек и т. д.; ими разрабатывались также методы физического исследования (выслушивание). Терапия была очень разнообразна, с большим количеством сложных рецептов, точным указанием диэты и широким применением местных средств, напр. прижиганий. Одним словом, они разрабатывали частную патологию и терапию в связи с врачебной диагностикой. Очень много было ими сделано в области женских болезней. Но и в отношении патофизиологии и патогенеза книдской школе принадлежит заслуга отчетливой формулировки гуморальной патологии в виде учения о 4 основных жидкостях организма (кровь, слизь, черная и желтая желчь): преобладание одной из них вызывает определенную болезнь. История сохранила нам имена некоторых книдских врачей, среди которых выдаются современники Гиппократа Эврифон книдский и Ктезий, лейб-медик персидского царя, о котором уже шла речь.

История косской школы неразрывно связана с именем Гиппократа; ему приписывается основное направление школы, так как о деятельности его предков врачей мы не имели достаточных данных, а его многочисленные потомки, повидимому, только шли по его следам. Гиппократ прежде

всего выступает как критик книдской школы: ее стремления дробить болезни и ставить точные диагнозы, ее терапии. Важно не название болезни, а общее состояние больного, которое должно быть обследовано во всех деталях, на основании этого должен быть поставлен прогноз, т. е. выяснена судьба больного. Что касается терапии, диэты и вообще режима, они должны носить строго индивидуализирующий характер: нужно все принять во внимание, взвесить и обсудить,—тогда только можно делать назначения. Если книдская школа, в поисках мест заболевания, может быть охарактеризована как школа частной патологии, уловляющая местные болезненные процессы, косская заложила основы клинической медицины, в центре которой стоит внимательное и бережное отношение к больному. Сказанное определяет роль Гиппократа как представителя косской школы—в развитии медицины: он не был «отцом медицины», но с полным правом может быть назван основоположником клинической медицины. Наряду с этим косская школа ведет полемику против вторжения натурфилософии в область медицины, в чем до известной степени была повинна италийская школа: увлечению анатомическими исследованиями и дедуктивным выведением болезней из небольшого количества полагаемых в основу организма начал, т. е. мало обоснованному теоретизированию, она противопоставляет солидную и более безопасную для больных эмпирию. К этому надо присоединить неустанную борьбу со всякого рода шарлатанами медицинской профессии, требование от врача соответственного его достоинству поведения, т. е. установление определенной врачебной этики и, наконец, широкого философского взгляда. Все это вместе взятое делает понятным значение косской школы и ее главного представителя Гиппократа в истории врачевания и врачебного быта.

Следует прибавить, что в деятельности Гиппократа большую роль играла хирургия: раны, переломы, вывихи, о чем свидетельствуют его хирургические сочинения, может быть, лучшие из всех, где наряду с рациональными приемами вправления широко применяются механические способы и машины, последние достижения того времени.

Другой специальностью Гиппократа и, повидимому, всей косской школы, служили острые лихорадочные болезни типа тропических лихорадок, и поныне чрезвычайно распространенные в Греции, уносившие много жертв. Этим «эпидемиям», «острым заболеваниям» в произведениях Гиппократа и его потомков уделяется очень много внимания. Но этого мало: Гиппократом и косской школой была сде-

лана попытка вдвинуть эти острые и эпидемические заболевания в общий ход явлений природы, представить их как результат местоположения, воды, ветров, осадков, т. е. климатических условий, связать их с временами года и конституцией жителей, которая опять-таки определяется условиями окружающей среды,—попытка грандиозная, не разрешенная полностью и поныне, которая, по всей вероятности, и дала повод философу Платону высоко ценить врача Гиппократа. Сказанного достаточно для первоначального ознакомления с деятельностью косской школы и Гиппократа; в переводах подлинных сочинений, для которых эта статья служит введением, читатель найдет достаточно материала для самостоятельного суждения.

Остается сказать несколько слов об италийской и сицилийской школах. Какова была их практическая деятельность, об этом никаких сведений не сохранилось: их врачи известны больше как теоретики медицины, переносившие в эту область натурфилософские спекуляции. Кротонский философ и врач Алкмеон под влиянием идей пифагорейской школы развивал учение о кразисе—правильном смешении элементарных свойств, характерном для здорового организма, и дискразии, или акразии,—неумеренном, неуравновешенном смешении, вызывающем болезнь. Учение это, если не обращать внимания на подробности, легло в основу патологии всех греческих школ. Он же один из первых занимался анатомическими исследованиями; как врач он совершенно неизвестен. Философ и врач Эмпедокл известен прежде всего своим произведением «О природе», где излагается учение о четырех стихиях, отзвуки которого дошли до нового времени; в деятельности его как врача, повидимому, большую роль играли шарлатанство и мистицизм как ответ на требования эпохи (пышные одежды, обряды очищения, заклинания). Такое направление резко отличалось от строгих правил врачебного поведения и рационализма асклепиадов книдской и косской школ и не могло рассчитывать на их сочувствие. Из младших представителей школы следует отметить врача Филистиона, друга Платона; можно предполагать, что учение о пневме—воздухе, дыхании—как важном жизненном агенте (в основе своей египетское), которое мы встречаем и в «Гиппократовом сборнике», особенно выдвигалось этой школой. Италийская школа перешла в историю как школа теоретических спекулятивных построений, как предвосхищение будущего, но по своему историческому значению никоим образом не может быть поставлена наряду с чисто врачебными школами,—книдской и косской.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

ГИППОКРАТОВ СБОРНИК

I

Перейдя к обзору сочинений, дошедших до нас под именем Гиппократа, так называемого Гиппократова сборника (Corpus Hippocraticum), мы рассмотрим последовательно: состав Сборника, его возникновение, сведения о Сборнике и комментарии на него древних авторов, главнейшие рукописи, печатные издания и взгляды новых авторов на состав Сборника вплоть до последнего времени. Идя таким путем, можно составить более или менее отчетливое представление о так называемом «вопросе о Гиппократе» (Hippocratesfrage), т. е. подлинности и классификации его произведений. Конечно, в короткой статье можно сообщить только главнейшие данные; более подробные сведения читатель найдет в сочинениях, указанных в библиографическом обзоре, а также в предисловиях к переводу отдельных книг настоящего издания.

Общее число книг Сборника определяется различно, в зависимости от того, считать ли некоторые книги самостоятельными или продолжением других; Литтре, например, насчитывает 53 сочинения в 72 книгах, Эрмеринс— 67 книг, Дильс—72. Несколько книг, повидимому, утеряны; другие заведомо подложны. Располагают эти книги в изданиях, переводах и историях медицины в самом различном порядке—в общем, следуя двум принципам: или по их происхождению, т. е. предполагаемому авторству — таково, например, расположение Литтре в его издании и Фукса в «Истории греческой медицины»,—или по их содержанию, как у того же Фукса в его немецком переводе «Творений Гиппократа», у Ковнера, который следует известному историку Гезеру, и у Нейбургера.

Для первоначального ознакомления следует, конечно, предпочесть второй путь, оговорившись, что он также

имеет много вариантов, так как некоторые книги по содержанию можно отнести к разным отделам. Приблизительное распределение книг по содержанию можно представить в следующем виде.

Книги о врачебной этике и врачебном быте, назначенные для начинающих *

1. Клятва*, или Присяга, лат. Jusjurandum.
2. Закон*, Lex.
3. О враче*, De medico.
4. О благоприличном поведении*, De habitu decenti.
5. Наставления*, Praecepta.

О врачебном искусстве вообще

6. Об искусстве*, De arte.
7. О древней медицине*, De prisca medicina.

Теоретическая медицина: анатомия, физиология, патология

8. Об анатомии*, De anatomia.
9. О сердце*, De corde.
10. О мясе, De carne.
11. О железах*, De glandulis.
12. О природе костей, De natura ossium.
13. О природе человека*, De natura hominis.
14. О семени*, De genitura.
15. О природе ребенка*, De natura pueri.
16. О болезнях, 4-я книга, De morbis IV.
17. О пище, De alimento.
18. О соках, De humoribus.
19. О ветрах*, De flatibus.
20. О кризисах, De crisibus.
21. О критических днях, De diebus criticis.
22. О седьмерицах, De hebdomadibus.
23. О воздухах, водах и местностях*, De aere, aquis et locis.

Диэтетика

24—26. О диэте, кн. 1, 2, 3, De diaeta (de victu) I, II, III.
27. О диэте (кн. 4) или о сновидениях, De somniis.

* Звездочкой отмечены книги, вошедшие в настоящее издание. Латинские названия приводятся потому, что по ним принято цитировать сочинения.

Прогностика

28. Прогностика*, Prognosticum.
29. Косские прогнозы, Praenotiones Coacae.
30. Предсказания, 1-я кн., Prorrheticum I.
31. Предсказания, 2-я кн., Prorrheticum II.

Частная патология и терапия

32—38. Эпидемии, книги 1*, 2, 3*, 4, 5, 6, 7, Epidemiorum libri VII.

39. О диэте при острых болезнях, кн. 1*, De victu in acutis I.

40. О диэте при острых болезнях, кн. 2, Appendix.

41. О страданиях, De affectionibus.

42—44. О болезнях, кн. 1, 2, 3, De morbis I, II, III.

45. О внутренних страданиях*, De affectionibus internis.

46. О священной болезни*, De morbo sacro.

47. О местах в человеке, De locis in homine.

48. Об употреблении жидкостей, De liquidorum usu.

Хирургия

49. О врачебном кабинете*, De officina medici.
50. О переломах*, De fracturis.
51. О вправлении суставов, De articulis.
52. Книга о рычаге, Vectiarius.
53. О ранах головы*, De capitis vulneribus.
54. О ранах и язвах, De vulneribus et ulceribus.
55. О геморроидах*, De haemorrhoidibus.
56. О фистулах, De fistulis.

Глазные болезни

57. О зрении*, De visu.

Женские болезни и акушерство

58. О болезнях молодых девиц, De his, quae ad virgines spectant.

59. О природе женщины, De natura muliebri.

60. О женских болезнях, кн. I*, De morbis mulierum I.

61. О женских болезнях, кн. 2, De morbis mulierum II.

62. О бесплодных женщинах, De sterilitate.

63. О сверхоплодотворении, De superfoetatione.

64. О семимесячном плоде, De septimestri partu.

65. О восьмимесячном плоде, De octimestri partu.

66. Об эмбриотомии, De embryonis excisione.

Детские болезни

67. О прорезывании зубов*, De dentitone.

Книга, относящаяся ко всем отделам

68. Афоризмы*, Aphorismi.

Письма, декрет, речи

69. Письма, epistulae: №№ 1—9; Гиппократ и Артаксеркс; №№ 10—17, Гиппократ и Демокрит; №№ 18—24, прочая переписка.

70. Декрет афинян, Decretum Atheniensium.

71. Речь при жертвеннике, Epibomius.

72. Речь Фессала, посла к афинянам, De legatione.

Литтре указывает еще ряд недошедших до нас сочинений, упоминаемых в других сохранившихся книгах или цитируемых Галеном. Сюда относятся: О смертельных ранах, о чахотке, о перипневмонии и некоторые другие.

Все эти книги, за исключением одной, написаны на ионийском диалекте, хотя по своему происхождению врачи Книдоса и Коса были дорийцами. На ионийском диалекте писал свою историю и Геродот, происходивший из дорийского Галикарнаса. Это объясняется культурным влиянием малоазиатских греческих колоний, так наз. Ионии, далеко опередившей свою метрополию. Особенности этого диалекта главным образом фонетические: преобладание мягкого звука «э» вместо твердого дорийского «а» и ряд других уклонений. Классический язык Греции—аттический—выступил на сцену в конце V века; это—язык Фукидида, Ксенофонта, Платона, Аристотеля.

II

Сочинения Гиппократа, вероятно, не дошли бы до потомства, если бы они не попали в александрийскую библиотеку, основанную преемниками Александра Македонского, египетскими царями—Птоломеями в недавно основанном городе Александрии, которому суждено было надолго быть культурным центром после падения независимости Греции. При этой библиотеке состояли ученые мужи: библиотекари, грамматики, критики, которые оценивали достоинства и подлинность сочинений и вносили их в каталоги. В эту библиотеку съезжались ученые разных стран для изучения тех или иных сочинений, и много веков спустя Гален рассматривал списки творений Гиппократа, хранившихся в ней.

Герофил Александрийский, знаменитый в свое время врач, живший около 300 г. до н. э., составил первый комментарий на «Прогностику» Гиппократа; его ученик Бакхий из Танагры продолжал дело своего учителя так же, как Филин,—это доказывает, что в III в. Гиппократов сборник входил в состав александрийской библиотеки. Основываясь на этих данных, Литтре писал в свое время: «Гиппократов сборник существует достоверным образом только со времени Герофила и его учеников Филиппа и Бакхия» (1, 263). В противовес этому Дарамберг утверждал, что цикл гиппократовских книг не мог сформироваться в эпоху появления первых библиотек и что появление Сборника предшествовало александрийской эпохе» *. Это мнение поддерживает и один из современных знатоков греческой медицины Велльман, который на основании анализа фрагментов врача Диокла доказывает, что Сборник в своей главной массе был известен еще в IV в.**

От Герофила начинается длинный ряд комментаторов Гиппократова сборника, кульминационным пунктом которого является Гален (II в. н. э.). Последнему мы обязаны главными сведениями о них, так как их сочинения до нас не дошли. Неутомимый исследователь Литтре сообщает в 5-й главе своего «Введения к творениям Гиппократа» десятки имен, приводить которые полностью нет основания, так как они ничего не говорят нам. Повидимому, эти первые комментарии носили грамматический характер, т. е. объясняли слова и фразы, смысл которых был неясен или к тому времени утерян. Затем эти комментарии относились к какой-нибудь одной или нескольким книгам. Гален указывает, что только два комментатора охватили полностью все сочинения Гиппократа, это—Зевксис и Гераклид тарентский (последний—сам знаменитый врач), оба принадлежавшие к школе эмпириков. Из всей массы комментариев догаленовского времени сохранился только небольшой комментарий Аполлона из Киттия, александрийского хирурга (I в. до н. э.), на книгу «О вправлении суставов». Комментарий этот был снабжен в рукописи рисунками. Другое дошедшее до нас сочинение, представляющее большой интерес для всех исследователей Гиппократа,—«Глоссарий, или Словарь Эроциана», писателя времен Нерона (около 50 л. н. э.). Он содержит объяснение всех трудных и малопонятных слов, встречающихся в сочине-

---

* Daremberg, Oeuvres choisies d'Hippocrate, Paris, 1855, Introduction, 66—67.

** Wellmann, l. c., 1—64.

ниях Гиппократа *; он первый дает сведения о составе Сборника и перечисляет древних комментаторов. Индекс книг, бывших у него перед глазами, по исследованиям Ильберга ** таков:

I. Семиотические: «Прогностика», «Предсказания» I, II, «О соках», «Эпидемии» I, II, III, IV, V, VI, VII, «Афоризмы».

II. Физические и этиологические: «О природе ребенка», «О природе человека», «О местах и временах года», «О ветрах», «О священной болезни».

III. Терапевтические: «Закон» (?), «Об употреблении жидкостей», «О диэте здоровых людей», «О местах в человеке», «О древней медицине», «Об искусстве», «О врачебном кабинете», «Книга о рычаге», «О язвах», «О ранах головы», «О ранах и ранящих орудиях», «О переломах», «О суставах», «О диэте при острых болезнях», «О болезнях» I, «О седьмерицах», «О болезнях» II, III, «О внутренних страданиях», «О женских болезнях» I, II, «О природе женщины», «О геморроидах и фистулах», «О бесплодных женщинах», «О пище», «Речь при жертвеннике», «Посольская речь», «Клятва».

При сравнении текста Эроциана с современным обнаруживается, что его рукописи разнятся от тех, которые имеются в настоящее время. Кроме того, ряд книг Эроцианом не упоминается, из чего можно сделать вывод, что он их не видал. Сюда относятся: книги «О диэте» I, II, III, IV, «Косские прогнозы», «О болезнях» IV, «О страданиях», «О семени», «О сверхзачатии», «О семимесячном и восьмимесячном плоде», «О болезнях девушек», «О железах», «О благоприличии», «О враче», «О сердце», «О зрении», «Наставления», «О мясе». Заключать из факта неупоминания, что указанные книги в то время не существовали, конечно, нельзя. Уже много раньше в больших городах и в Риме существовали крупные издательские фирмы, которые изготовляли рукописи в больших размерах, пользуясь различным материалом, попавшим в их руки, что доказывают позднейшие копии, дошедшие до нас с их множеством разночтений и различным составом.

Уже после Эроциана Артемидор Капитон дал полное издание сочинений Гиппократа, благосклонно принятое императором Адрианом. Гален рассказывает, что оно очень требовалось в его время и в то же время делает Артеми-

---

* Erotiani vocum Hippocraticarum conlectione rec. I. Klein Lips., 1865.

** Ilberg, Prolegomena ad Hippocratis opera, Vol. I, Lips., 1895, Teubner.

дору упрек в вольном обращении с текстом: он пытался устранить ионизмы Гиппократа, заменяя их ходовым в то время для литературы аттическим диалектом. Родственник Артемидора Диоскорид также полностью издал Гиппократа, но в свою очередь заменил некоторые новые выражения архаизмами, что дало лишний повод к появлению вариантов; кроме того, он обозначал сомнительные места текста особым значком, как это делал в свое время знаменитый александрийский критик Аристарх с текстом Гомера. Составленный им же словарь терминов Гиппократа (правда, неполный) не заслужил одобрения Галена, так как он, по его мнению, объяснял всем известные слова и разъяснял вещи, известные даже ребенку. За период от Эроциана до Галена (50—150 н. э.) существовало много комментаторов; из них, по свидетельству Галена, выдаются двое, которые лучше других понимали мысль Гиппократа: Руф эфесский и Сабин. О последнем с похвалой отзывается римский писатель Авл Геллий в «Аттических ночах» в таких выражениях: «Сабин—врач, который самым понятным образом комментировал Гиппократа».

Сам Гален, который по общепризнанному мнению дал синтез всей античной медицины, большой практик и в то же время теоретик-анатом, физиолог-экспериментатор и кроме того философ, имя которого прошло через века наряду с именем Гиппократа, уделил много внимания писаниям своего знаменитого предшественника. Помимо 2 книг: «Об элементах по Гиппократу» и громадного труда в 9 книгах: «О догматах Гиппократа и Платона», он дал, по его собственным словам, комментарии к 17 книгам Гиппократа, из которых до нас дошло 11 полностью (на книги: «О природе человека», «О диэте здоровых», «О диэте при острых болезнях», «Прогностику», 1-ю кн. «Предсказаний», «Афоризмы», 1, 2, 3, 6 кн. «Эпидемий», «Переломы», «О вправлении суставов», «О врачебном кабинете». «О соках»); частями 2 книги (« О воздухах, месте, водах» и «О пище»); не дошло 4 («О язвах», «О ранах головы», «О болезнях» и «О страданиях»). Частями до нас дошел «Словарь трудных слов Гиппократа»; не дошли книги: «Об анатомии» Гиппократа, о его диалекте и (о чем можно больше всего сожалеть) о его подлинных сочинениях.

Гален, который был большой эрудит и читал большинство древних комментаторов, произносит над ними уничтожающий приговор главным образом за то, что они, пренебрегая медицинской точкой зрения, сосредоточивали внимание на грамматических объяснениях: они претендуют понимать загадочные места, которые никто не понимает,

а что касается положений, которые всем ясны, их-то они и не понимают. Причина та, что они сами не имеют врачебного опыта и невежественны в медицине, а это вынуждает их не объяснять текст, а подгонять его к выдуманному объяснению. Как смехотворный пример таких объяснений, он берет фразу из 6-й книги «Эпидемий»; которая в подлинике гласит: βὴξ ξηρὴ, μὴ θηριώδης, что в буквальном переводе значит «кашель сухой, не зверский (или звероподобный)». Одни комментируют зверский кашель таким образом, что он вызывается зверьками (паразитами), находящимися у отверстия желудка; другие—что это кашель чахоточных, ногти которых искривляются, как когти зверей *. Сам Гален пытался итти другим путем, характеризовать который можно лучше всего словами Литтре, использовавшего в полной мере комментарии Галена в критическом аппарате своего издания: «Гален превосходно понял обязанность врача-критика и часть отдал историческим исследованиям, которые требовали личность и сочинения Гиппократа, часть—исправлению текста и, наконец, часть (и самую большую)—медицинским объяснениям» **. С образцами комментариев Галена читатель встретится нераз в примечаниях к переводу.

Гален знает ряд книг Сборника, неизвестных Эроциану, как-то: «О диэте», «Косские прогнозы», «О страданиях», «О 7- и 8-месячном плоде», «О мясе» и некоторые другие, и при всем том остаются книги, о которых не упоминают ни он, ни Эроциан: «О враче», «О благоприличии», «Наставления», «Кризисы и критические дни», «О сверхзачатии», «О прорезывании зубов», «О природе костей», «О болезнях девушек», «О зрении», «Эмбриотомия», «Анатомия». Чем это объяснить, сказать трудно, тем более что не все сочинения самого Галена сохранились, а в сохранившихся он, может быть, не имел повода высказаться об указанных книгах.

Комментаторы после Галена, относящиеся главным образом к византийской эпохе, мало интересны; их подробный список можно найти у Литтре. Книги исчезают, источников меньше, в их писаниях мало оригинальности, и они в значительной степени основываются на Галене; появляются аббревиатуры, т. е. сокращения ранее бывших комментариев, и, наконец, греческая литература, посвященная Гиппократу, угасает. Византийцев сменяют арабы. Но Византия в лице своих переписчиков (по большей части

* Цит. по Литтре, I, 118.
** Ibid. I, 121.

монахов), так же как в свое время александрийская библиотека, сохранила Гиппократа для потомства.

III

Мы не коснулись еще одного пункта, который является, может быть, самым главным в интересующем нас вопросе и для которого весь предшествующий исторический очерк должен служить рамкой,—это вопрос об авторах книг Гиппократова сборника. Что он в целом не является произведением одного лица—Гиппократа II Великого, это становится ясным для всякого, кто в состоянии просмотреть весь Сборник если не в подлиннике, то хотя бы в хорошем переводе. Прежде всего бросается в глаза, что стиль, манера письма, выбор слов в различных книгах настолько различны, что производят впечатление разговора с совершенно различными лицами. Есть сочинения, написанные простым и немного тяжеловесным языком, насыщенные деловым содержанием; сочинения, написанные с целью защитить известное положение общего характера человеком, не чуждым риторики; есть блестящие образцы софистического красноречия в горгианском стиле и, наконец, высокопарные немного туманные изречения, сильно напоминающие манеру Гераклита. Если мы обратимся к содержанию, мы увидим в некоторых книгах полемику, прямо направленную против воззрений, высказанных в других книгах, по чисто врачебной линии; выпады врачей-практиков против вторжения в область медицины натурфилософов-теоретиков, которые излагают свои воззрения тут же, рядом. Далее, различия в основных воззрениях на количество и характер определяющих болезнь факторов: в одной книге такими признаются слизь и желчь; в другой—кровь, слизь, желтая и черная желчь; в третьей—кровь, слизь, вода и желчь; еще далее мы встречаем в качестве основного деятеля пневму, или воздух и т. д. Ясно, что один и тот же человек, даже принимая во внимание возможные изменения воззрений и стиля в различные возрасты его жизни (на что ссылались еще в древности), не мог быть автором всех этих различных книг. Имеются, кроме того, в Сборнике повторения, извлечения из других книг, их сокращения с бóльшими или меньшими добавлениями, ясно указывающие на первоисточники и заимствования.

Все это не могло укрыться от ученых, имевших дело с сочинениями Гиппократа еще в древности, и вопрос о подлинности и подложности отдельных книг Сборника был поднят очень давно. В александрийской библиотеке име-

лось два каталога сочинений Гиппократа: малый и большой; первый содержал книги, полученные неизвестно откуда, но считавшиеся подлинными; второй заключал в себе книги, привезенные в Александрию различными судами в ответ на призыв Птоломеев, отовсюду собиравших рукописи. Эти «корабельные» рукописи не пользовались особым доверием. Уже один из первых комментаторов Гераклид тарентский считал книгу «О соках» подложной. По поводу диагнозов историй болезней к 3-й книге «Эпидемий», шифрованных отдельными буквами, так наз. «характеров», начиная с Зенона герофилейца, возникла целая литература, о чем подробнее будет сказано в примечаниях к означенной книге. Гален приводит целый ряд мнений его предшественников об авторах различных книг, присоединяя сюда свои собственные. Например, по Диоскориду, издателю сочинений Гиппократа, о котором было упомянуто раньше, 1-я книга «Болезней» принадлежит Фессалу, сыну Гиппократа; книга «О природе ребенка»—Полибию, зятю и ученику Гиппократа, так же как книга «О страданиях». К сожалению, сочинение Галена, специально посвященное вопросу о подлинности книг, до нас не дошло, но из отдельных указаний в других сочинениях можно усмотреть, что, например, 2-ю, 4-ю и 6-ю книги «Эпидемий» он приписывал Фессалу, 5-ю—Гиппократу, сыну Дракона. Более точные указания будут приведены в предисловиях к отдельным книгам. К показаниям Галена, впрочем, как неоднократно указывалось, нельзя относиться с полным доверием, так как он оценивал подлинность произведений по тому, насколько они соответствовали его собственным воззрениям, не обращая внимания на их стиль и противоречия.

Во всяком случае древние авторы, писавшие сотни лет после Гиппократа, да к тому же дошедшие до нас в отрывках и через вторые руки, не смогли дать нам сколько-нибудь убедительных доказательств подлинности того или иного произведения. В этом отношении ученые нового времени, стоящие вдалеке от волновавших в то время вопросов и вооруженные методологией критического исследования, имеют перед ними несомненное преимущество. Мы вернемся к этому вопросу через некоторое время, а пока продолжим наше рассмотрение судьбы Гиппократова сборника.

IV

Греческие рукописи в течение средних веков не имели распространения в Западной Европе; об этом лучше всего свидетельствует ходовая в то время поговорка: Graeca sunt

non leguntur, т. е. «они написаны по-гречески, и некому их читать». Греческий язык и греческие рукописи хлынули в Италию после падения Константинополя (1453) вместе с бежавшими оттуда учеными людьми, и гуманисты ренессанса ревностно предались их изучению. Если ранний гуманизм жил латинскими авторами: Цицероном, Вергилием и пр., то в XVI в. выступает Платон, Аристотель, Плотин, священные книги нового завета в подлинниках. К этому времени относится появление в Европе рукописей Гиппократова сборника. Они писались много лет раньше, главным образом, монахами-переписчиками, которые иногда и сами были врачами. Рукописи эти, наряду с прочими, наперерыв скупались библиотеками, находившимися в главных культурных центрах того времени, на средства ревнителей просвещения. Такими центрами были Рим (ватиканская библиотека), Флоренция (медицейское собрание рукописей), Венеция, Париж, Вена. В парижской национальной библиотеке сосредоточилось впоследствии наибольшее число рукописей Гиппократа. Немногим, вероятно, известно, что среди большой коллекции рукописей, попавшей после падения Константинополя от греческих патриархов в Москву, находились также сочинения Гиппократа и ряда других врачей позднейшего времени. Они хранились впоследствии в синодальной библиотеке, и профессор московского университета Маттеи, разбиравший и публиковавший греческие рукописи, в начале XIX в. вывез, отъезжая из Москвы, Гиппократа за границу.

Детальное изучение рукописей парижской библиотеки (больше 60) и их сравнение между собой произвел Литтре, приступая к своему изданию Гиппократа; он дает об этом подробный отчет в своем «Введении» (I, 541 и сл.). Его работу продолжил Дарамберг, изучавший рукописи итальянских книгохранилищ; результаты этого изучения мог использовать Литтре для ряда книг. Последние по времени работы принадлежат немецкому ученому Ильбергу и резюмированы им во введении к новому изданию Гиппократа.

Рукописи, или, как их принято называть, кодексы, относятся к различным векам. Палеография выработала точные указания, основанные на характере букв и свойствах писчего материала, по которым можно определить время написания; иногда сведения эти можно почерпнуть из имени переписчика или лица, для которого рукопись была изготовлена. Далее, по своему составу, количеству книг и их расположению кодексы также рознятся друг от друга, но так, что из них можно выделить группы

одинакового происхождения и даже установить их генеалогию.

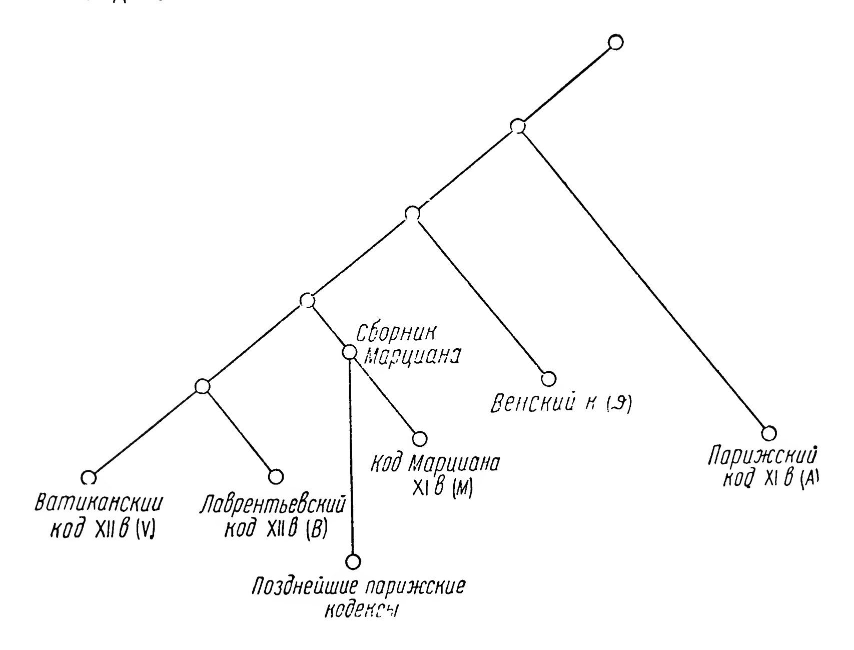
Самым старым является Венский кодекс (ϑ) X века, содержащий всего 12 книг; он был скопирован с какой-то очень древней рукописи. Далее следует Парижский кодекс 2253 (A), XI века, также неполный. В конце одной книги стоит имя переписчика: «Михаил каллиграф» с следующим характерным для того времени добавлением: «и, если кто прочтет это, пусть помолится обо мне, грешном». В конце 1-й книги «Эпидемий» также прибавлено: «как чужестранцы радуются увидать свое отечество, так переписывающие книгу—ее конец. Слава показавшему свет! Аминь». Образец этой прекрасной каллиграфической рукописи—страница из книги «О древней медицине», воспроизведенная в издании Тейбнера, приложена здесь. В этой рукописи сделаны добавления и исправления 4 лицами в разные времена, что можно различить по цвету чернил. 3-й кодекс Лаврентьевский 74, 7 (B) (Флоренция) XI—XII века содержит хирургические сочинения Гиппократа и, кроме того, других авторов и составлен Никитой, врачом одной константинопольской больницы. Ватиканский кодекс, 276 (V), XII в. содержит вначале подробный перечень книг Гиппократова сборника, в количестве 72, но из них переписаны далеко не все. Самым значительным из старых кодексов является Венецианский 269 (M), так называемый C. Marcianus, XI века, принадлежавший Бессариону и сирийскому врачу Георгию, о чем свидетельствуют их надписи. В нем, кроме перечня 60 сочинений Гиппократа, имеется: «Словарь гиппократовских слов Галена», биография Гиппократа по Сорану и почти все указанные в перечне произведения, включая сюда и письма (только часть листов из середины утеряны). Все эти кодексы написаны на пергаменте.

Эти основные кодексы послужили источником для всех других более новых XIII, XIV и XV веков. Сюда относится ряд парижских, ватиканских и венецианских кодексов; они написаны уже не на пергаменте, а на бумаге, которая с XII в. получила распространение в Европе. Их очень много, и из них следует упомянуть о Парижском кодексе 2255 (ЕД), являющемся самым полным; он составлен из двух частей, написанных на различной бумаге различными почерками, и ведет свое происхождение из двух разных источников: одного, давшего начало Марцианскому кодексу (M), другого—Ватиканскому (V).

Тщательное сличение и сопоставление различных рукописей (кропотливый труд, произведенный филологами

Парижский кодекс 2253 (A) XI века.

XIX в.) позволили Ильбергу, одному из их числа, выразить генеалогическое соотношение кодексов в следующем виде *:



Как видит читатель, генеалогические дерева филологов мало чем отличаются от филогенетических деревьев зоологов: они передают соотношения отдельных предметов, но не могут конкретно указать их предков—они утрачены. Однако сравнение отдельных мест сохранившихся рукописей с теми цитатами, которые в изобилии встречаются у Галена, позволяет думать, что несмотря на всяческие искажения, внесенные переписчиками, соединение, разделение книг и их перетасовку, в основе их лежит один первоисточник. Он чрезвычайно похож на те книги, которые Гален считал лучшими, но не вполне совпадает с ними.

---

* Ilberg, l. c., Prolegomena, p. XXVIII.

V

В XVI веке, после изобретения книгопечатания, изготовление рукописей прекратилось и стали появляться печатные издания Сборника Гиппократа. Ознакомиться с главнейшими из них необходимо для всякого, изучающего Гиппократа, так как они сыграли в свое время большую роль в историческом развитии медицины. В основу их были положены те кодексы, о которых шла речь в предыдущей главе и, повидимому, некоторые другие, ныне утерянные. Однако первое печатное издание Гиппократа было не на греческом, а на латинском языке, в переводе М. Фибия Кальва (Romae, 1525). Этот Фибий Кальв, будучи в то время уже стариком, жил на средства знаменитого художника Рафаэля, с которым состоял в близкой дружбе. Первое издание сочинений Гиппократа на греческом языке появилось в Венеции из типографии знаменитого Альда (editio Aldina, 1526) под редакцией Франциска Асулана. Через 12 лет, в 1538 г., знаменитый базельский издатель Фробен издал опять сочинения Гиппократа на греческом языке под редакцией доктора Яна Корнария. Оба эти издания имеют в основе различные кодексы и содержат голый греческий текст без всяких примечаний, объяснений и подразделений; они не имели широкого распространения *. Тот же Ян Корнарий дал впоследствии латинский перевод Гиппократа, несравненно лучший, чем первый перевод Кальва, и имевший громадный успех: с 1545 г. по 1739 г. он переиздавался десятки раз в Венеции, Базеле и других городах. Не следует забывать, что в то время латинский язык был языком всех образованных ученых людей, тогда как греческий понимали немногие. Но самое лучшее издание греческого текста Гиппократа с латинским переводом в конце XVI в. было издание Ануция Фоэзия (Франкфурт, 1595), которое затем повторялось в 1621, 1624, 1645 и 1662 гг., хотя он пользовался в основе текстом Корнария, но он

---

* «И тем не менее—пишет Литтре по поводу издания Корнария-Фробена,—я не могу не выразить своей признательности этому старому издателю Гиппократа. С помощью этой книги я освоился с чтением автора, новый перевод которого я решил предпринять, и в длинных страницах Корнария, лишенных всяких красных строк, с сжатыми строками, я видел удобную возможность быстро пробегать книги Гиппократа, лучше укладывать в моей памяти важные места и сокращать таким образом мои исследования» (I,546).

пересмотрел многие рукописи и снабдил текст множеством ученых примечаний; его латинский перевод был лучше всех предшествующих.

Немного раньше, в 1588 г., вышло издание греческого текста Гиппократа с латинским переводом Меркуриали (Венеция); оно замечательно тем, что в начале его помещен обзор сочинений Гиппократа в отношении их подлинности; мы вернемся к нему впоследствии.

Эти первые и основные издания нового времени относятся к XVI веку; в XVII веке можно отметить 2 издания: первое—лейденское—профессора медицины ван дер Линдена (1665), изданное очень хорошо, но без примечаний и, как утверждает Литтре, без рассмотрения рукописей; другое—парижское (1679)—Шартье (Renatus Charterius), в котором сочинения Гиппократа перемешаны с сочинениями Галена. Рассказывают, что на это издание в 13 фолиантах Шартье затратил все свое громадное состояние в 50 тысяч ливров и 40 лет жизни. Несмотря на это, издание не имело успеха, вероятно, потому, что им вследствие его громоздкости трудно было пользоваться, хотя, как замечает Литтре, оно заслуживает большего внимания, чем ему уделяют. Очевидно, est modus in rebus, и похвальное научное стремление может приводить к противоположным результатам.

В XVIII веке можно отметить только одно и притом неоконченное издание венского лейб-медика Стефана Мака, в 2 томах, исполненное очень тщательно (1743—1749). В конце века Гиппократ был переведен на немецкий язык Гриммом (4 тома, 1771—1792) и снабжен многими учеными примечаниями; перевод также остался неоконченным; он был переиздан в XIX в. Лилиенгайном.

В XIX веке издание Сборника Гиппократа вступило в новую стадию, которую с полным правом можно назвать научно-критической.

Оставляя в стороне издание лейпцигского профессора Кюна (1825, 3 тома), которое просто копировало текст Фоэзия и его латинский перевод, давая их только в более удобном формате, мы должны поставить на первое место классическое издание Литтре, которое сделало эпоху в изучении Гиппократа.

Эмиль Литтре (1801—1881), французский писатель, врач и филолог, энциклопедист, вначале последователь позитивной философии Огюста Конта, впоследствии отошедший от него и заявивший о своей верности материализму, помимо ряда разнообразных исторических работ, известен своим «Словарем французского языка». В 1839 г. он издал

первый том «Полного собрания сочинений Гиппократа», последний (10-й) том которого вышел в 1861 г. Помимо изучения текста первых печатных изданий Литтре просмотрел все кодексы Парижской национальной библиотеки, отмечая все варианты, изучил Галена, приводимые им тексты и комментарии, попытался разобраться во всех трудных и испорченных местах и дал греческий текст, снабженный, как выражаются филологи, критическим аппаратом, т. е. разночтениями и, где нужно, разъяснительными примечаниями, помещенными под текстом. Помимо того он дал французский перевод всех книг Сборника, поместив его на правой странице развернутой книги, а греческий текст на левой, «en regard», т. е. так, чтобы читатель мог сравнивать перевод с текстом, не переворачивая страниц. В первом томе помещено обширное «Введение» в 554 стр., где рассматриваются все вопросы, относящиеся к Гиппократу и Сборнику и в котором Литтре показал всю свою громадную эрудицию: нам нераз приходилось на него ссылаться. Перед каждой книгой находится предисловие, дебатирующее вопросы, специально относящиеся к ней, и, кроме того, подробная библиография. Издание длилось больше 20 лет; за это время появлялись новые исследования, касающиеся разных сторон вопроса о Гиппократе, хронологии, подлинности книг, и на все Литтре откликался отдельными статьями, вкрапленными среди текста. Слабую сторону этого издания составляет перевод: в то время как старые латинские переводы зачастую буквально передавали текст, не заботясь о его смысле, перевод Литтре, правильно передавая общий смысл фразы, зачастую сильно отступает от подлинника. Он слишком «офранцуживает» Гиппократа, если можно так выразиться, и у читателя, для которого греческий текст en regard не существует, может создаться неправильное представление о стиле и манере письма различных авторов Сборника.

Во всяком случае, издание Литтре не мог превзойти солидный труд голландского профессора Эрмеринса, который переиздал сочинения Гиппократа в 1859—1865 гг. в 3 томах. Для греческого текста он использовал небольшое количество лейденских рукописей и присоединил к нему латинский перевод Фоэзия. Но у него имеется ряд остроумных соображений по поводу темных мест текста и, кроме того, исследования о происхождении многих книг Сборника, также не лишенные остроумия, но к которым приходится относиться с осторожностью.

Дело Литтре продолжал Дарамберг, впоследствии профессор истории медицины и автор известного труда

по этой дисциплине. Он имел возможность изучать рукописи итальянских книгохранилищ и доставил Литтре ряд ценных сведений, которые были им использованы. Сам Дарамберг в 1855 г. издал избранные сочинения Гиппократа. Последняя попытка издать полное собрание сочинений Гиппократа принадлежит известной германской фирме Тейбнера, которая включила его в свою всемирно известную «Библиотеку греческих и римских писателей». За дело взялись немецкие филологи, которым в последнюю четверть XIX в. перешла ведущая роль в деле изучения Гиппократа. В этом издании под редакцией Кюльвейна, использовавшего главным образом итальянские кодексы, вышло всего 2 томика (1895 и 1902), содержащие в себе небольшое количество книг: «О древней медицине», «О диэте при острых болезнях», 1-я и 3-я книги «Эпидемий» (1-й том), «О ранах головы», «О врачебном кабинете», «О переломах», «О вправлении суставов» и книга «О рычаге» (2-й том). Все эти книги приписываются самому Гиппократу.

Кроме указанных полных или предполагавшихся полными изданий в течение XVIII и XIX веков были неоднократно издаваемы отдельные книги или ряд книг по специальности, обыкновенно с подробными комментариями. Из такого рода изданий можно упомянуть хирургические сочинения Гиппократа, изданные и прокомментированные французским хирургом Петрекеном, и прекрасное издание книги: «Об искусстве» в переводе и с комментариями Т. Гомперца.

VI

Как только появились первые печатные издания Гиппократа, вопрос о подлинности и классификации его произведений развернулся во всю широту. Меркуриали, которому принадлежит одно из изданий конца XVI в., в особом сочинении* подверг этот вопрос подробному рассмотрению. Он пытался прежде всего установить критерий, по которому можно было бы определить, что написано самим Гиппократом, и нашел его в стиле и манере письма. Три особенности характеризуют по мнению Меркуриали стиль Гиппократа:

---

* Mercurialis, Censura et dispositio operum Hippocratis, Venet., 1583.

1) краткость, соединенная с некоторой темнотой; 2) печать истины: нет ни одного слова, написанного зря, и 3) важность не только в отношении предмета, о котором идет речь, но в выборе слов и их расстановке. Руководствуясь подобными принципами, Меркуриали делит все книги Сборника на 4 класса. К первому относятся сочинения самого Гиппократа, которыми он считает: «О природе человека», «О воздухах, водах и местностях», «Афоризмы», «Прогностика», «Эпидемии», «О диэте при острых болезнях», «О ранах головы», «О переломах», «О вправлении суставов», «О рычаге», «О язвах и ранах», «О пище», «О соках». Ко второму—его сочинения, редактированные и изданные сыном Фессалом или зятем Полибием: «Места в человеке», «О ветрах», «О 7- и 8-месячном плоде», «О природе костей». В 3-й класс Меркуриали помещает произведения сыновей и учеников Гиппократа (их большинство) и, наконец, в 4-й класс — сочинения посторонних лиц: «Клятва», «Закон», «Наставления», «Об искусстве», «О древней медицине», «О враче», «О благоприличии», «Эмбриотомия», «Анатомия», «О сердце», «О железах», «О прорезывании зубов», «О зрении» и письма. Литтре справедливо указывает, что в основе такого подразделения лежит petitio principii, но все-таки следует признать, что в определении сочинений, относящихся к 1-му классу, Меркуриали проявил большой для того времени такт и понимание. За немногими исключениями те же книги приписываются Гиппократу и в настоящее время.

Оставляя в стороне критику взглядов Меркуриали; Жеана Костеи, профессора в Болонье (XVII в.), подробности которой читатель может найти у Литтре (I, гл. 8), мы перейдем в XVIII век и остановимся прежде всего на работе Грунера *. Следуя в общем по пути, проложенному Меркуриали, Грунер считает признаком подлинности: краткость стиля, ионийский диалект, важность и простоту изложения и прибавляет сюда отсутствие теоретических измышлений и анатомических деталей.

Подлинными сочинениями Гиппократа на основании этих критериев он признает: «Клятву», «Афоризмы», «О воздухах, водах и местностях», «Прогностику», 2-ю книгу «Предсказаний», «О врачебном кабинете», 1-ю и 3-ю книги «Эпидемий», «О диете при острых болезнях», «О ранах головы» и «О переломах».

---

* Gruner, Censura librorum Hippocrateorum, Vratisl., 1772.

Гримм, переводивший на немецкий язык сочинения Гиппократа (1781—1792), в своем предисловии устанавливает новые критерии подлинности: на первом месте он ставит свидетельства древних: Эроциана и Галена, а также предание; на втором—содержание книг (описание болезней, общие положения, поскольку они не противоречат друг другу) и на третьем—язык, соответственный эпохе, стиль простой, краткий и выразительный. Основываясь на этом, Гримм считает подлинно гиппократовскими книгами: «Эпидемии», кн. 1 и 3, «Прогностику», «Афоризмы», большую часть «Диэты при острых болезнях», «О воздухах, водах и местностях».

Как видит читатель, список подлинных книг Гиппократа все более и более суживается.

Переходя к XIX веку, мы должны остановиться на работе немецкого ученого Линка *, который ввел новый принцип классификации книг Гиппократова сборника. Он обратил внимание на теоретические воззрения, лежащие в основе отдельных книг, их патофизиологию, и, основываясь на этом, разделил все сочинения на 6 классов: 1-й класс: теория желчи и слизи—двух жидкостей, лежащих в основе организма, его физиологии и патологии: 1-я и 3-я книги «Эпидемий», «Прогностика»; далее 1-я книга «Предсказаний», «Косские прогнозы», 6-я книга «Эпидемий», «Афоризмы», «О диэте при острых болезнях». Все это написано в различное время разными авторами.

2-й класс: 4 жидкости (кровь, желтая и черная желчь, слизь) или 4 элементарных качества (теплое, холодное, сухое, влажное). По Линку—это взгляды Аристотеля, следовательно, написаны после него; сюда относятся: «О природе человека», «О семени и природе ребенка», «О диэте здоровых», «О диэте», исключая 1-ю книгу, «О пище», «О внутренних болезнях», «О женских болезнях», «О природе женщин», «О болезнях молодых девушек», «О зрении», «О язвах и ранах», «О геморроидах», «О фистулах».

3-й класс: автор, противник учения о 4 жидкостях и, следовательно, писал после Аристотеля—«О древней медицине».

4-й класс: огонь как основной агент жизни, согласно учению Гераклита; сюда относятся 1-я кн. «О диэте», «О мясе». Эти сочинения Линк считает очень древними: до времени Гиппократа.

* Link, Ueber die Theorien in den Hippocratischen Schriften, nebst Bemerkungen über die Echtheit dieser Schriften, Abh. d. Akad. d. Wis.. Berlin, 1814/15.

5-й класс: основное начало—воздух или пневма; книги: «О ветрах» и «О природе костей».

6-й класс: книги, в которых излагаются теории катарров или истечений из головы: «О местах в человеке» и «О железах».

При такой трактовке Сборника вполне понятным становится вопрос, который в конце концов задает Линк: да кто такое этот Гиппократ? Он как бы выскальзывает из сети, наброшенной на его сочинения, и поневоле приходится присоединиться к той оценке, которую дает работе Линка Литтре: «он заражен неумолимым скептицизмом, перед которым личность Гиппократа почти совсем изглаживается, или, по крайней мере, он оставляет для Гиппократа пустое имя без всякого эффективного действия» (I, 184).

Основываясь на всех трудах предшественников, после их всестороннего рассмотрения и критики, Литтре попытался дать свое решение вопроса о подлинности и классификации книг Сборника (I, гл. 12). Он руководствовался при этом четырьмя правилами: 1) свидетельством о Гиппократе авторов, писавших до открытия александрийской библиотеки, ставя их на первое место; 2) согласными утверждениями древних критиков и комментаторов; 3) применением некоторых данных истории медицины, указывающих даты и, следовательно, дающих положительное определение; 4) соответствием между учениями в отдельных книгах, их сходством и сходством их стиля. Принимая во внимание все указанные моменты, он разделил книги Гиппократова сборника на 11 классов в следующем порядке:

1-й класс. Подлинные сочинения Гиппократа: «О древней медицине», «Прогностика», «Афоризмы», «Эпидемии», 1 и 3 книги, «О диэте при острых болезнях», «О воздухах, водах и местностях», «О вправлении суставов», «О переломах», «О рычаге», «О ранах головы», «Клятва» и «Закон».

2-й класс. Сочинения Полибия, зятя Гиппократа: «О природе человека» и, может быть, «О диэте здоровых».

3-й класс. Сочинения, предшествующие Гиппократу: «Косские прогнозы» и «Предсказания», 1-я книга.

4-й класс. Сочинения, принадлежащие косской школе, учеников и последователей Гиппократа: «О язвах и ранах», «О геморроидах», «О фистулах», «О священной болезни»,«О ветрах», «О местах в человеке», «Об искусстве», «О диэте и снах», «О страданиях», «О внутренних страданиях», «О болезнях», 1, 2, 3 книги, «О 7- и 8-месячном плоде».

5-й класс. Книги, представляющие собой собрание заметок или экстракты: «Эпидемии», 2, 4, 5, 6, 7 книги, «О врачебном кабинете» и «Об употреблении жидкостей».

6-й класс. Сочинения, принадлежащие одному неизвестному автору до Аристотеля: «О семени», «О природе ребенка», «О болезнях», 4 книги, «О женских болезнях», 2 книги, «Болезни молодых девушек» и «Бесплодие женщин».

7-й класс. Сюда Литтре относит только одну книгу: «О сверхоплодотворении», приписывая ее, на основании указания Аристотеля, некоему Леофану.

8-й класс. Сочинения после Гиппократа, времен Аристотеля (на что указывает знание пульса, учение о выходе кровеносных сосудов из сердца): «О сердце», «О пище», «О мясе», «О гембдомадах», 2-я книга «Предсказаний», «О железах» и фрагмент из книги «О природе костей».

9-й класс. Сочинения, отрывки или компиляции, не упоминаемые критиками древности: «О враче», «О благоприличном поведении», «Наставления», «Анатомия», «О прорезывании зубов», «О природе женщины», «Эмбриотомия», 8-й отдел «Афоризмов», «О природе костей», «О кризисах», «О критических днях», «О слабительных лекарствах» (отрывок, опубликованный в XVII веке из одной рукописи).

10-й класс. Утраченные книги Сборника: «О смертельных ранах», «О ранах и орудиях», 1-я книга «О болезнях» (малая).

11-й класс. Апокрифические сочинения: письма и речи.

В таком же порядке Литтре расположил свое издание. На протяжении 20 лет, в течение которых оно печаталось, Литтре вносил некоторые изменения в свою классификацию. Так, напр., часть сочинений, которые он приписывал косской школе, он стал относить к школе книдской, которой раньше не уделял достаточно внимания. В предисловиях к отдельным книгам настоящего издания эти изменения будут отмечены.

Дело Литтре продолжал его ученик, также врач и филолог Дарамберг, который на основании собственных исследований выработал несколько иную классификацию *. Он расходится с Литтре прежде всего в том отношении, что относит все книги Сборника к временам до Аристотеля и вместо 11 классов устанавливает всего 8. К первому

* Daremberg, Oeuvres choisies d'Hippocrate, Introduction, p. 91—93. Цитир. по Ковнеру, стр. 221.

он относит несомненно подлинные сочинения, которых насчитывает только два, именно—основные хирургические труды о переломах и вывихах. Ко второму—почти достоверно подлинных—относятся: «Афоризмы», «Прогностика», «О диэте при острых болезнях», «О воздухах, водах и местностях», «О ранах головы», «О рычаге», «О врачебном кабинете», «О древней медицине» и, может быть, 1 и 3 книги «Эпидемий». Далее идет 3-й класс, сочинения косской школы, современные Гиппократу: «О враче», «Предсказания», «Косскне прогнозы», «Эпидемии», книги 2, 4—7, «О прорезывании зубов», «О природе человека», «Об употреблении жидкостей», «Клятва», «Закон», «О язвах и ранах», «О геморроидах», «О фистулах», «Об искусстве» и «О священной болезни». В особый 4-й класс Дарамберг выделяет сочинения книдской школы, куда относит только: «О внутренних страданиях», «О болезнях», книги 2 и 3, «О диэте здоровых» и «О железах». В 5-й класс Дарамберг помещает сочинения о женских и детских болезнях, принадлежащие, повидимому, одному автору, причем не делает исключения для книги: «О сверхоплодотворении», которую Литтре выделял в особый класс. Далее идут книги неизвестного происхождения.

В таком, приблизительно, виде решался вопрос о составе Сборника в середине XIX века французскими учеными. К этому можно добавить взгляд известного немецкого историка Гезера * по вопросу о подлинных сочинениях Гиппократа; он считает такими только «О воздухах, водах и местностях», 1-ю и 3-ю книги «Эпидемий», «О диэте при острых болезнях» и «О ранах головы».

Во второй половине XIX в. изучение Гиппократа переходит в руки немецких филологов, среди которых имеются такие крупные величины, как Дильс, Т. Гомперц, Вилламовиц-Меллендорф и ряд их учеников: Ильберг, Кюльвейн, Фридрих, Фукс, Велльман. Начинается детальная разработка отдельных книг, главным образом общего содержания, установление их зависимости от философских течений, их взаимной связи, принадлежности к той или иной школе, причем наряду с косской и книдской школами выдвигается школа италийская.

Большую сенсацию произвело опубликование в начале 90-х годов Дильсом одного медицинского папируса британского музея (№ 137), найденного в Египте, автор кото-

---

* Haeser, Geschichte d. Medizin u. d. epidemischen Krankheiten, 2 Aufl., 1853—1865, 3 Aufl., 1875.

рого был назван «Лондонским анонимом»*. Повидимому, это был конспект какого-то студента медицины, который для составления его пользовался книгой Менона, ученика Аристотеля, написавшего историю медицинских воззрений того времени, наряду с какими-то другими авторами; таково мнение Дильса. Книга Менона пользовалась большим авторитетом в древности; на нее несколько раз ссылается Гален, и утрата ее очень чувствовалась всеми историками медицины. И вот в этом папирусе стоит (гл. V): «Гиппократ же говорит, что причиной болезней являются ветры, как излагает его Аристотель». И немного дальше: «Пневму обозначает он как самое необходимое и важное в нас, так как вследствие ее беспрепятственного обращения возникает здоровье, а затрудненного—болезни». Глава заканчивается следующей фразой: «Таково воззрение Аристотеля на Гиппократа».

Основываясь на этой главе, некоторые ученые (Франц Шпет, ф. Эфле) стали доказывать, что подлинным произведением Гиппократа является книга: «О ветрах» (или о пневме). Но книга эта, помещенная в настоящем издании, представляет собой образец софистической литературы, который совершенно не вяжется со всем выработанным веками представлением о враче Гиппократе. Шпет, между прочим, в особой книге** распределил совершенно по-иному книги Сборника: попытка, которая не встретила сочувствия специалистов и была единодушно отвергнута.

Самое лучшее представление о современном состоянии вопроса дает большая статья Фукса: «История врачебного искусства у греков», помещенная в капитальном «Handbuch der Geschichte der Medizin (Puschmann, Bd. 1, Iena, 1902), самой обстоятельной из всех современных историй медицины. Предварительно (1895—1900) Фукс дал немецкий перевод всех книг Гиппократова сборника (кроме писем и речей) с комментариями—перевод, который сделал излишними все предшествующие и без которого современному исследователю Гиппократа трудно обойтись. В указанной статье Фукс резюмирует всю научную работу XIX века и свой большой опыт и дает классификацию книг Гиппокра-

---

* Anonymus Londinensis. Auszüge eines Unbekannten aus Aristoteles—Menon Handbuch d. Medizin und aus Werken anderer älterer Aerzte. Griechisch herausg. von H. Diels. Deutsche Ausg. von H. Beckb. u. F. Spät. Berlin, 1896.

** Spaet F., Die geschichtliche Entwickelung des sogenanten Hippokratischen Medicin im Lichte des neuesten Forschung, Berlin, 1897.

това сборника. Принципом подразделения здесь служит принадлежность книг к известной школе или к разряду врачей-софистов, появившихся в изобилии во времена Гиппократа,—так называемых иатрософистов. Выделение этой группы врачей является заслугой немецких филологов, основывавшихся на исторических исследованиях второй половины XIX века,—это главный шаг вперед со времени Литтре и Дарамберга.

Я приведу здесь классификацию Фукса без всяких изменений.

1. Книдские сочинения

1. «О болезнях», 3-я книга; 2. «О гембдомадах», 3. «О мясе» (или «О началах» *); 4. «О болезнях», 1-я книга; 5. «О болезнях», 2-я книга; 6. «О внутренних страданиях»; 7. «О страданиях»; 8. «О железах»; 9. «Женские болезни», 1-я книга; 10. «Женские болезни», 2-я книга; 11. «О бесплодных женщинах»; 12. «О природе женщины»; 13. «О сверхоплодотворении»; 14. «Об эмбриотомии».

2. Книги, вероятно, книдского происхождения

15. «О болезнях», 4-я книга; 16. «О семени»; 17. «О природе ребенка»; 18. «О зрении»; 19. «О местах в человеке».

3. Софистические сочинения

20. «О ветрах»; 21. «О природе человека»; 22. «О диэте здоровых»; 23. «Закон»; 24. «Об искусстве»; 25. «О древней медицине»; 26. «О диэте», 1—3 книги, 4-я книга. «О снах»; 27. «О пище»; 28. «О священной болезни»; 29. «О болезнях девушек».

4. Чисто врачебные сочинения, достоверно или вероятно принадлежащие косской школе

30. «Клятва»; 31. «О враче»; 32. «О благоприличном поведении»; 33. «Наставления»; 34. «Об анатомии»; 35. «О сердце»; 36. «О природе костей»; 37. «О соках»; 38. «О кризисах»; 39. «О критических днях»; 40. «Об употреблении жидкостей»; 41. «Книга о рычаге»; 42. «О семимесячном плоде»; 43. «О восьмимесячном плоде»; 44. О прорезыва-

* Чтобы понять это странное «или», надо иметь в виду, что книга Περὶ σαρκῶν (о мясах) читалась некоторыми Περὶ ἀρχῶν (о началах).

нии зубов»; 45. «О диэте при острых болезнях»; 46. «Прогностика»; 47. «Косские прогнозы»; 48. «Предсказания», 1-я книга; 49. «Предсказания», 2-я книга; 50. «Афоризмы», 51. «О врачебном кабинете»; 52. «О язвах»; 53. «О геморроидах»; 54. «О фистулах»; 55. «О ранах головы»; 56. «О переломах»; 57. «О вправлении суставов»; 58. 7 книг «Эпидемий»; 59. «О воздухах, водах и местностях».

Решать определенно, какие книги принадлежат Гиппократу, Фукс не решается; по некоторым указаниям можно судить, что это—книги, поименованные в конце списка, т. е. в общем совпадающие с тем, что утверждали его предшественники. Я привел полностью классификацию Фукса потому, что она пока что является последним достижением науки.

Подводя итоги всем исканиям подлинного Гиппократа почти за 22 столетия, можно вывести такое заключение: в 60 приблизительно сочинениях Гиппократова сборника отчетливо выделяется какое-то ядро, приблизительно в 6 книг, которые признаются подлинными сочинениями Гиппократа; точнее всего его выявляет список Литтре. Книги эти больше всего гармонируют с личностью Гиппократа, как она сохранилась в предании, но, с другой стороны, они ее отчасти и создают,—поэтому избежать упрека в petitio principii, который в свое время сделал Литтре по адресу Меркуриали, всем историкам трудно. Во всяком случае «глас народа», или, как говорили схоластики, аргумент e consensu gentium является в данном случае решающим.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Здесь были изложены главнейшие результаты многовековых исследований о жизни и творчестве Гиппократа, насколько это возможно было сделать в кратком очерке. Результаты в общем таковы, что дают обильный материал для скептицизма. Но можно взглянуть на вопрос и с другой точки зрения, которую выдвинул в XX веке историк медицины Нейбургер, о котором шла уже речь раньше. Он пишет *: «Этот скудный результат обозначает зияющий пробел, который, хотя и чрезвычайно заметен в истории литературы, однако, для исторического рассмотрения, которое обращено больше на факты, идеи, общее научное развитие, чем на личности, имеет мало значения». И дальше жирным шрифтом: «Ведь это Гиппократов сборник в своем

---

* L. c., p. 176.

целом послужил источником знания для бесчисленного количества врачей, оказывал влияние на теорию и практику в течение двух тысячелетий, и эта громадная духовная сумма идей и знаний, независимо от вопроса о подлинности, лежит ясно перед нами». Достаточно указать, что основное ядро современной медицинской номенклатуры болезней ведет начало от Гиппократа: плеврит, пневмония, эмпиема, гепатит, нефрит, диаррея, дизентерия, офтальмия, экзантема, фликтена, тетанус, опистотонус, параплегия, эпилепсия и т. д.,—все эти термины читатель встретит в различных книгах Сборника.

Когда Гиппократ и его непосредственные ученики сошли со сцены, последователи его учения получили название догматиков, причем характерной особенностью догматической школы считалась гуморальная патология, учение о 4 основных жидкостях организма, т. е. чисто теоретическая установка, взятая из Сборника в целом, причем основные клинические заветы косской школы отошли на второй план. Несомненно, что образовавшаяся в ближайшее к Гиппократу время эмпирическая школа почерпнула свои основы из ряда книг Сборника, ведущих борьбу с излишним теоретизированием: факт, недостаточно оцениваемый историками медицины. Из того же источника возникла впоследствии пневматическая школа, тогда как школа методиков, вдохновляясь атомистической натурфилософией в противовес гуморальной патологии, выдвинула патологию солидарную. Школа догматиков, насчитывающая в своем списке ряд выдающихся врачей, в конце концов не выделялась из прочих школ, и только авторитет Галена поднял учение Гиппократа на должную высоту.

Во все средние века авторитет Галена заслонял собой Гиппократа, и он продолжал действовать, поскольку его учения вошли в эклектическую систему Галена. Но если мы возьмем, например, произведения знаменитой в свое время салернской школы в период ее расцвета (XII в.), то в правилах поведения врача, изложенных в латинских стихах, мы находим почти буквальное повторение того, что изложено в книгах Сборника, касающихся врачебной этики. Возрождение Гиппократа начинается со времени напечатания его латинских переводов в XVI в., и тогда уже Бриссо выдвигает его против неумеренного применения кровопусканий. Гиппократ был признан парижским медицинским факультетом в качестве высшего авторитета, и получивший степень доктора медицины должен был произносить факультетское обещание перед бюстом Гиппократа. Его «Афоризмы», считавшиеся верхом врачебной мудрости,

издавались и комментировались бесчисленное число раз. И каждый раз, после вторжения в медицину новых смелых и часто опасных для больных теорий и средств, медицина должна была возвращаться к Гиппократу и его основному завету: «Прежде всего—не вредить». Так было после увлечения минеральными лекарственными средствами, введенными Парацельсом, когда, по выражению Гюи Патена, декана факультета, препараты сурьмы убили в Париже больше человек, чем шведский король в Германии; так было в начале XVIII века, когда в противовес химическим и механическим теориям Сейденгам, Шталь и Бургав проповедовали возврат к клинической медицине и к Гиппократу. Повторялось это и впоследствии, вплоть до нашего времени, когда немецкие врачи выдвинули лозунг: «Назад к Гиппократу!»

Дело в том, что медицина кроет в себе внутренние противоречия, к которым она периодически возвращается в своем диалектическом развитии, каждый раз обогащаясь новым содержанием. Это, с одной стороны, стремление создать рациональные основы врачевания, основанные на определенных теоретических предпосылках и неизбежно связанные с экспериментированием над больными объектами; с другой—практическая медицина с детальным клиническим изучением больного и осторожным применением испытанных—иногда веками—врачебных средств и врачебного режима. Это—борьба теории и эмпирии, медицины как науки и медицины как искусства. И каждый раз, как научное теоретизирование брало верх и больные испытывали после преувеличенных надежд соответственные разочарования, медицинская мысль возвращалась к более спокойному и верному пути, указанному издавна Гиппократом.

Может ли Гиппократ и его Сборник представлять какой-либо интерес в наше время? Это—последний вопрос, который мы должны рассмотреть. Ответ на него может быть дан приблизительно в следующем виде.

Время деятельности Гиппократа и возглавляемой им косской школы—это время культурного и идейного расцвета Греции на почве их экономического подъема после греко-персидских войн. Оно повлекло за собой повышение ценности человеческой жизни и, как результат, возникновение клинической медицины, в центре которой стоит больной со всеми его индивидуальными особенностями. А это в свою очередь повысило требования, предъявляемые к врачу, и поставило врачебную этику на ту высокую ступень, которую мы встречаем в Гиппократовом сборнике.

Наша страна после революции переживает небывалый подъем социалистического строительства, развитие техники, науки. Не только ценность человеческой жизни повышается, но провозглашается нечто большее: бережное отношение к человеческой личности, и в связи со всем этим в медицине намечается знаменательный переход от обычного амбулаторного и коечного лечения к диспансеризации широких кругов населения. Особенностью диспансерного метода является внимательное всестороннее изучение индивидуальности больного субъекта и на основе этого индивидуализирующий метод терапии и назначения определенного режима. Это как раз принципы косской школы с ее прогнозом, которые применялись прежде только в передовых клинических учреждениях, в то время, как амбулатория и современная больница пропускает массы, довольствуясь обычным диагнозом книдской школы и терапевтическим шаблоном. Но индивидуализирующий метод в свою очередь предъявляет большие требования к врачу и влечет за собой повышение его квалификации, сознания собственного достоинства и врачебной этики. «Врач философ—богу подобен», провозглашала косская школа, и «где любовь к человеку, там также любовь к искусству».

У Гиппократа современный врач не может почерпнуть новых патологических доктрин (хотя гуморальная патология за последнее время вновь выдвигается на первый план) или специальных методов лечения и режима (хотя и в этом отношении при ближайшем изучении, может быть, найдется что-нибудь пригодное)—сущность гиппократизма лежит «в его понимании врачебного призвания, в остающемся вечно истинным методе врачебного мышления и действия» (Нейбургер) *.

Я позволю себе закончить этот краткий очерк словами Литтре—врача, посвятившего более двух десятилетий изучению Сборника,—словами, которые можно было бы поставить эпиграфом ко всему переводу: «Туда не надо итти для того, чтобы изучать медицину, но, вооружившись прочным и солидным образованием, там следует искать дополнения, которое возвышает ум, укрепляет суждение и показывает в научной традиции работу последовательных поколений, их ошибки и их успехи, их слабость и их силу» **.

---

* Neuburger. Geschichte der Medizin, I, p. 183.
** I, 476.

БИБЛИОГРАФИЯ

I. Полные издания и переводы Гиппократова сборника

1525. Hippocratis Coi medicorum omnium longe principis octoginta volumina, quibus maxima ex parte annorum circiter duo millia latina caruit lingua, Graeci vero, Arabes et prisci nostri medici, plurimis tamen utilibus praetermissis, scripta sua illustrarunt, nunc tandem per M. F a b i u m C a l v u m, Ravennatum, virum undecumque doctissimum, latinitate donata, Clementi VII pont. max. donata, ac nunc primum in luce edita, quo nihil humano generi salubrius fieri potuit. Romae ex aedibus F r a n c i s c i M i n i t i i C a l v i Novocomensis. I vol. in f°.

1526. Ἅπαντα τὰ τοῦ Ἱπποκράτους. Omnia opera Hippocratis. Venitiis in aedibus A l d i et A n d r a e A n s u l a n i s o c e r i. Mense Maii, in f°.

1538. Ἱπποκράτους Κῴου ἰατροῦ παλαιοτάτου πάντων ἄλλων κορυφαίου βιβλία ἅπαντα.
Hippocratis Coi medici vetustissimi, et omnium aliorum principis, libri omnes ad vetustos codices summo studio collati et restaurati, edid. J a n. C o r n a r i u s. Basileae. Apud Hieron. F r o b e n i u m et N i c o l a u m Episcopium, in f°.

1545. Hippocratis Coi medicorum omnium facile principis opera quae exstant omnia. J a n o • C o r n a r i o medico physico interprete. Venet. ap. J. Gryphium, in 8° (латинский перевод, переиздававшийся в 1546, 1558, 1567, 1575, 1610, 1619, 1717, 1739).

1588. Hippocratis Coi opera quae exstant, graece et latine veterum codicum collatione restituta, novo ordine in quattuor classes digesta interpretationis latinae emendatione et scholiis illustrata a H i e r o n M e r c u l i a l i Feroliviensi, Venetiis, industria ac sumptibus Juntarum; in f°.

1595. Τοῦ μεγάλου Ἱπποκράτους πάντων τῶν ἰατρῶν κορυφαίου τᾶ εὑρισκόμενα. Magni Hippocratis medicorum omnium fa-

cile principis opera omnia quae exstant in VIII sectiones ex Erotiani mente distributa, nunc recens latina interpretatione et annotationibus illustrata, Anutio Foesio Mediomatrico medico authore. Francofurti apud Andreae Wecheli haeredes, in f°.

1665. Magni Hippocratis Coi opera omnia graece et latine edita et ad omnes alias editiones accomodata industria et diligentia Joan. Antonidae Vander Linden, doct. et professoris medicinae practicae primi in Academia Lugduno-Batava, Lugduno-Batav. 2 vol. in 8°.

1679. Hippocratis Coi et Claudii Galeni Pergameni ἀρχιατρῶν opera. Renatus Charterius Vindocinensis, plurima interpretatus, universa emendavit, instauravit, notavit, auxit, secundum distinctas medicinae partes in XIII tomos digessit et conjunctim graece et latine primus edidit. Lutetiae Parisiorum, apud Jacobum Villery, 13 vol. in f°.

1743. Τὰ Ἱπποκράτους ἅπαντα. Hippocratis opera omnia cum variis lectionibus non modo huc usque vulgatis, verum ineditis potissimum, partim depropmtis ex Cornarii et Sambuci * Codd. in Caesar. Vindobonensi Bibliotheca hactenus asservatis et ineditis, partim ex aliis ejusdem bibliothecae mss. libris, ac denique ex Mediceis Laurentianis mss. Codd. collectis; quarum ope saepenumero graecus contextus fuit restitutus. Accessit index Pini copiosissimus cum tractatu de mensuris et ponderibus. Studio et opera Stephani Mackii, Elisabethae Christinae aug. aulae medici. Viennae Austriae; ex typographia Kalliwodiana. 2 vol. in f° (Издание не окончено, но, по выражению Литтре, la plus belle de toutes celles des oeuvres d'Hippocrate).

1781—1792. Hippocrates Werke aus dem Griechischen übersetzt und mit Erläuterungen von D. Johann Friedrich Karl Grimm. Altenburg, 4 Bde in 12° (неполный; новое издание сделано Lilienhain Glogau, 1837—1839, 2 Bde.)

---

* Johannes quidem Sambucus, anno 1561, incredibili cura ac studio in margine Codicis Aldini adjunxit aliquot mille varias lectiones manuscriptas ex pervetusto quodam codice manuscripto Tarentino et ex alio quodam codice manuscripto Fontemblensi, necnonex exemplari quodam, excuso quidem, sed plurimis locis Romae correcto.

1801. Traduction des oeuvres médicales d'Hippocrate sur le texte grec de Foes par Gardeil, Toulouse, 1801, 4 vol. in 8°.

1819. Adams (Francis). The genuine Works of Hippocrates translated from the greek, London, 2 vol. (неполное).

1825. Τὰ μεγάλου Ἱπποκράτους ἅπαντα. Magni Hippocratis opera omnia. Editionem curavit D. Carolus Gottlob Kühn, professor physiologiae et pathologiae in litterarum universitate Lipsiensi publicus ordinarius. Lipsiae. 3 vol. in 8° (перепечатка изд. Фоэзия).

1839—61. Oeuvres complètes d'Hippocrate, traduction nouvelle avec le texte grec en régard, collationné sur les manuscrpits et toutes les éditions, accompagnée d'une introduction, de commentaires médicaux, de variantes et de notes philologiques; suivie d'une table générale des matières. Par E. Littré. A Paris, chez J. B. Baillère, 10 vol. in 8°.

1855. Oeuvres choisies d'Hippocrate, accompagnées d'arguments, de notes et précedées d'une introduction générale par Ch. Daremberg, 2 éd. Paris, in 8° (I éd. 1843).

1861—67. Ἱπποκράτης. Κομιδῆ. Caroli H. Th. Keinhold. Ἀθήνησι, τέλε ί τε καὶ τύποις K. Αντονιάδου. 3 vol. (неполно).

1895—1902. Hippocratis opera, quae feruntur omnia, recensuit Hugo Kuehlewein. Prolegomena conscripserunt Joannes Ilberg et Hugo Kuehlewein, Lipsiae, in aedibus Teubneri (Bibliotheca Teubneriana). (Содержит всего 10 книг).

1895—1900. Hippocrates sämmtliche Werke. Ins Deutsche übersetzt commentiert von Dr. Robert Fuchs, 3 Bde.

Изданий отдельных произведений имеется очень много; те из них, которые имеют отношение к переведенным в настоящем издании книгам, будут указаны в предисловиях к ним; подробный перечень их можно найти у Литтре и Фукса.

2. *Сочинения, в которых излагается учение Гиппократа в целом*

Сюда относятся прежде всего все капитальные труды по истории медицины, уделяющие много внимания Гиппократу и Гиппократову сборнику. Достаточно назвать:

1696. Daniel le Clerc, Histoire de la Médécine etc. Génève, 12°, Amsterdam, 1702, 3 tom., 4°, 1723, 4°; Haag, 1729, 4°.

1728. J. H. Schulzii, Historia Medicinae a rerum initio etc., Lipsiae.
1792—1798. Curt Sprengel, Versuch einer pragmatischen Geschichte der Arzneikunde. Halle. 5 Bde, 8°, и послед. изд.: Halle, 1800—02, 1821—28; Leipz. 1846 (I Bd.).
1822—1829. Hecker J. F. C., Geschichte der Heilkunde. Nach den Quellen bearbeitet, Berl., 2 Bde, 8°.
18..—1882. Haeser H., Lehrbuch d. Geschichte d. Medizin u. d. epidemischen Krankheiten, 3 Bde, Jena, 3 Aufl., 1875—1882.
1870. Daremberg Ch., Histoire des Sciences médicales, 2 vol., Paris.
1902. Puschmann's Handbuch der Geschichte d. Medizin, herausgegeben von Neuburger und Pagel, 1 Bd., Jena. В этом коллективном издании помещена основная статья переводчика Гиппократа R. Fuchs'a: «Geschichte der Heilkunde bei den Griechen», где Гиппократу посвящены стр. 196—268 (обширная библиография).
1906. Neuburger, M., Geschichte der Medizin, 2 Bde, Stuttgart.

3. Книги и статьи, относящиеся к отдельным сторонам медицины Гиппократа и отдельным книгам

Их имеется неисчислимое количество, начиная с XVI, XVII века. Наиболее полное перечисление их можно найти у Литтре во введениях к отдельным книгам (Лит. с XVI века до 60-го года), у Ковнера (до 80-х годов), у Фукса (до 1900 г.). Те работы и исследования, которые имеют отношение к помещенным в настоящем издании переводам, указаны в предисловиях.

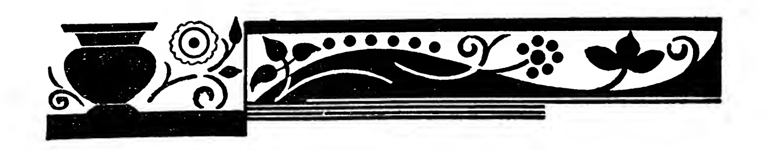
4. Русские переводы, книги и статьи о Гиппократе

1840. Вольский С., Об Иппократе и его учении; с переводом на русский язык трех главнейших и подлинных его книг. СПБ. (Переведены: «Клятва», «Закон», «Афоризмы» с латинского перевода Фоэзия).
1848. Шюц П., Афорисмы Иппократа.
1883. Ковнер С., История медицины, вып. 2-й. Гиппократ. Киев. Оттиск из Университетских Известий за 1880—1882 г. (Этот капитальный труд, в 373 стр., наряду с статьей Фукса дает самое подробное изложение вопроса о Гиппократе и учений, содержащихся

в Сборнике, с указанием литературы, до начала 80-х годов. Для русского читателя эта книга остается необходимым пособием при изучении Гиппократа)*.
1907. Иванов Е., Гиппократ, Севастополь.
1915. Модестов П., Гиппократ, «Русский врач», № 47, 48, 50.
1916. Кагаров Е., Основные идеи античной науки в их историческом развитии, Харьков (указания на новую литературу).
1930. Карпов Вл., Гиппократ как реформатор медицины, «Клиническ. медицина».

* Следует воздать запоздалый долг признательности С. Ковнеру, этому скромному, неутомимому работнику, который, будучи простым врачом, бескорыстно, в течение ряда лет, трудился, по его собственным словам, над тем, «чтобы возбудить интерес к предмету, так незаслуженно и несправедливо находящемуся в пренебрежении, даже у лучших представителей нашего сословия». Его «История древней медицины» (1878—1888) в целом насчитывающая тысячу страниц, содержит такое обилие материала, что в сравнение с ней все последующие переводные и русские труды не могут итти в счет. Между тем, в известной книге Змеева: «Русские врачи-писатели», СПБ, 1886—1888, очень подробном библиографическом труде, о Ковнере даже не упоминается.

ГИППОКРАТ



КЛЯТВА

Клятва, ὅρκος, jusjurandum, представляет собой ценный документ, освещающий нам врачебный быт медицинских школ в эпоху Гиппократа. Здесь, как и в других сочинениях Гиппократова сборника (а также у Платона), никакого отношения врачей к храмовой медицине усмотреть нельзя; врачи— хотя и асклепиады, в том смысле, что ведут происхождение от Асклепия и клянутся им, но не жрецы асклепейона.

В древние времена медицина была семейным делом; она культивировалась в недрах определенных фамилий и передавалась от отца сыну. Затем рамки ее расширились, врачи стали брать учеников со стороны. Так свидетельствует Гален. И у Платона есть указания, что врачи в его время обучали медицине за плату; для примера он берет как раз Гиппократа (см. Введение). Правда, об этой стороне дела в «Клятве» не упоминается; там ученик должен войти как бы в семью учителя и помогать ему в случае, если он будет нуждаться, но денежный договор мог составляться особо. Вступая в врачебный цех, или корпорацию, врач должен был вести себя соответственным образом: воздерживаться от всяких предосудительных действий и не ронять своего достоинства. Формулированные в «Клятве» правила врачебной этики оказали

большое влияние на все последующие времена; по образцу ее составлялись факультетские обещания, которые произносили доктора медицины при получении степени в Парижском университете и еще недавно у нас, в старой России. Несомненно, Гиппократова клятва была вызвана необходимостью отмежеваться от врачей одиночек, разных шарлатанов и знахарей, которых, как мы узнаем из других книг, в те времена было немало, и обеспечить доверие общества врачам определенной школы или корпорации асклепиадов.

О «Клятве» писали немало: см. Литтре, IV, 610; в последнее время Кернер (Körner O., Der Eid des Hippocrates, Vortrag. München u. Wiesbaden, 1921); у него же приведена литература.

КЛЯНУСЬ Аполлоном врачом, Асклепием, Гигией и Панакеей [1] и всеми богами и богинями, беря их в свидетели, исполнять честно, соответственно моим силам и моему разумению, следующую присягу и письменное обязательство: считать научившего меня врачебному искусству наравне с моими родителями, делиться с ним своими достатками и в случае надобности помогать ему в его нуждах; его потомство считать своими братьями, и это искусство, если они захотят его изучать, преподавать им безвозмездно и без всякого договора; наставления, устные уроки и все остальное в учении [2] сообщать своим сыновьям, сыновьям своего учителя и ученикам, связанным обязательством и клятвой по закону медицинскому, но никому другому. Я направлю режим больных к их выгоде сообразно с моими силами и моим разумением, воздерживаясь от причинения всякого вреда и несправедливости. Я не дам никому просимого у меня смертельного средства и не покажу пути для подобного замысла; точно так же я не вручу никакой женщине абортивного пессария. Чисто и непорочно буду я проводить свою жизнь и свое искусство. Я ни в коем случае не буду делать сечения у страдающих каменной болезнью, предоставив это людям, занимающимся этим делом [3]. В какой бы дом я ни вошел, я войду туда для пользы больного, будучи далек от всего намеренного, неправедного и пагубного, особенно от любовных дел с женщинами и мужчинами, свободными и рабами.

Чтó бы при лечении—а также и без лечения—я ни увидел или ни услышал касательно жизни людской из того, что не следует когда-либо разглашать, я умолчу о том, считая подобные вещи тайной [4]. Мне, нерушимо выполняющему клятву, да будет дано счастие в жизни и в искусстве и слава у всех людей на вечные времена; преступающему же и дающему ложную клятву да будет обратное этому[5].

---

1. Аполлон считался в послегомеровское время врачом богов. Асклепий, Ἀσκληπιός, римск. Aesculapius, Эскулап, сын Аполлона, бог врачебного искусства; Гигиея, Ὑγεία и Ὑγίεια, дочь Асклепия, богиня здоровья (отсюда наша гигиена); ее изображали цветущей девушкой с чашей, из которой пила змея. Панакея, Πανακεια, всеисцеляющая, другая дочь Асклепия; отсюда панацея, лекарство от всех болезней, которое искали средневековые алхимики.

2. Здесь перечисляются виды преподавания. Наставления, παραγγελίαι, praecepta, заключали в себе, может быть, общие правила врачебного поведения и профессии, если судить по одноименной книге Гиппократова сборника, помещенной в этом издании. Устное преподавание, ἀκρόασις, состояло, вероятно, в систематических чтениях по различным отделам медицины. По крайней мере во времена Аристотеля так назывались лекции, которые он читал слушателям и которые потом в обработанном виде издавались; такова, например, его Физика. Φυσικὴ ἀκρόασις. «Все остальное» включало в себя, вероятно, практическую часть преподавания у постели больного или операционного стола.

3. Эта фраза всегда вызывала у комментаторов некоторое недоумение, почему врач не должен был производить литотомии (λιθοτομία) — операции, давно известной у египтян и греков. Проще всего, конечно, ответить в согласии с текстом, что операцию эту производили особые специалисты, как это было в Египте и на Западе в конце средних веков; вероятно, они также были объединены в особые организации и владели секретами производства и организованный врач не должен был вторгаться в чужую область, в которой не мог быть достаточно компетентным, не роняя своего престижа. Предполагать, что операция эта или даже вообще все операции были ниже достоинства врача и предоставлялись низшему врачебному сословию,—нет никаких оснований; Гиппократов сборник достаточно опровергает это.

Но еще в XVII веке Моро (René de Moreau) переводил οὐ τεμέω «не буду кастрировать», так как глагол этот имеет

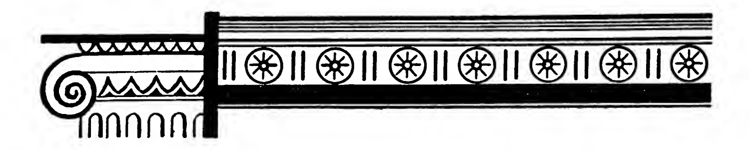
и такое значение, и совсем недавно эту версию защищал не кто иной как Гомперц (G o m p e r z, Gr'echische Denker, Lpz., 1893, I, 452). Он переводит: «Я не буду кастрировать даже тех, которые страдают каменным утолщением (яичка)». Версия эта, конечно, во всех смыслах мало вероятна и была опровергнута Гиршбергом (H i r s c h b e r g., 1916, см. Körner, l. c., p. 14).

4. Запрещение врачу, давшему клятву, разглашать чужие тайны, пройдя через века, превратилось в русском и германском законодательствах в закон, карающий за разглашение тайн, с которыми врач ознакомился при своей профессиональной деятельности. Но мало-мальски внимательное чтение показывает, что в клятве вопрос ставился шире: нельзя вообще разглашать компрометирующие вещи, виденные или слышанные не только в связи с лечением, но и без него. Цеховой, организованный врач не должен быть злостным сплетником: это подрывает доверие общества не только к нему, но и ко всей данной корпорации.

5. Привожу для сравнения «факультетское обещание», которое в прежнее время, после удовлетворительной защиты диссертации и провозглашения диссертанта доктором, читалось ему деканом факультета и которое новый доктор подписывал. Оно же печаталось на обратной стороне диплома. «Принимая с глубокой признательностью даруемые мне наукой права врача и постигая всю важность обязанностей, возлагаемых на меня сим званием, я даю обещание в течение всей своей жизни ничем не помрачать чести сословия, в которое ныне вступаю. Обещаю во всякое время помогать, по лучшему моему разумению, прибегающим к моему пособию страждущим, свято хранить вверяемые мне семейные тайны и не употреблять во зло оказываемого мне доверия. Обещаю продолжать изучать врачебную науку и способствовать всеми силами ее процветанию, сообщая ученому свету все, что открою. Обещаю не заниматься приготовлением и продажей тайных средств. Обещаю быть справедливым к своим сотоварищам-врачам и не оскорблять их личности; однакоже, если бы того потребовала польза больного, говорить правду прямо и без лицемерия. В важных случаях обещаю прибегать к советам врачей, более меня сведущих и опытных; когда же сам буду призван на совещание, буду по совести отдавать справедливость их заслугам и стараниям».

В приведенном обещании можно различить 3 части, каждая из которых имеет своим первоисточником Гиппократов сборник. Из них первая, имеющая своим предметом больного, непосредственно примыкает к «Клятве». Вторая—о врачебных секретах и тайных средствах—является отзвуком той борьбы,

которую греческие врачи V в. вели со всякого рода шарлатанством; это читатель ясно увидит из следующих книг. В частности, фраза: «...сообщая ученому свету все, что открою» представляет пересказ фразы: «они отдают в общее сведение все, что приняли от науки», которая характеризует мудрого врача в книге «О благоприличном поведении», гл. 3. И, наконец, третья часть об отношении врача к коллегам и консультации довольно близко передает то, что можно прочесть в «Наставлениях», гл. 8.



ЗАКОН

«Закон», νόμος, lex, представляет собой небольшое сочинение, вероятно, назначенное для произнесения в публичном собрании. Оно написано каким-нибудь иатрософистом, т. е. врачом, получившим софистическое образование, знакомым с риторикой, что доказывают многочисленные сравнения, стиль, отчасти сохраненный и в переводе, и некоторые термины. С другой стороны, автор, несомненно, был врачом, получившим правильное образование в недрах какой-нибудь корпорации, на что указывает и последний параграф, трактующий о том, что многого нельзя сообщать профанам; это имеется и в «Клятве». Тема «Закона», жгучая для того времени,—борьба с псевдоврачами, людьми невежественными, роняющими достоинство медицины; причину ее упадка автор видит в отсутствии соответственного законодательства. Далее следует перечисление тех условий, которые необходимы, чтобы стать хорошим врачом, правда, в самом общем виде. Книга эта известна с древности; она внесена в список Эротиана. Л и т т р е (IV, 634).

МЕДИЦИНА поистине есть самое благородное из всех искусств. Но по невежеству тех, которые занимаются ею, и тех, которые с легкомысленной снисходительностью судят их, она далеко теперь ниже всех искусств. И, по моему мнению, причиной такого падения служит больше всего то, что в государствах одной лишь медицинской профессии не определено никакого другого наказания, кроме бесчестия, но это последнее ничуть не задевает тех, от которых оно не отделимо. Мне кажется, что эти последние весьма похожи на тех лиц, которых выпускают на сцену в трагедиях [1], ибо как те принимают наружный вид, носят одежду и маску актера, не будучи, однако, актерами, так точно и врачи; по званию их много, на деле же—как нельзя менее.

2. Тому, кто захочет приобрести себе действительное познание медицины, необходимо иметь: природное расположение, обучение, удобное место, наставление с детства, любовь к труду и время. Итак, прежде всего необходимо природное расположение; если природа противодействует,—все тщетно; если же она сама показывает путь ко всему наилучшему, тогда уже совершается изучение искусства, которое до́лжно приобретать себе с разумением, пользуясь наставлением с детства и в месте, от природы хорошо приспособленном для науки. Сюда же необходимо еще присоединить многолетнее прилежание, чтобы учение, укоренившись прочно и глубоко, приносило зрелые плоды.

3. В самом деле, зрелище того, что рождается из земли, показывает то же, что изучение медицины. Действительно, природа наша это есть поле, а наставления учителей—семена. Обучение, начатое с детства, соответствует благовременному сеянию, а место, приспособленное для учения,—окружающему воздуху, из которого обыкновенно заимствует себе пищу все, что рождается из земли. Трудолюбие—это есть земледелие. Время же все это укрепляет для полной зрелости.

4. Когда все эти условия для медицинского искусства совмещены и приобретено истинное знание его, тогда только обходящие города для практики[2] не только на словах, но и на деле признаются за врачей. Но неопытность—плохое сокровище и плохое имущество для своих обладателей; ни во сне, ни на яву благодушию и душевной радости не причастная, она для трусости и дерзости—кормилица. Но ведь трусость знаменует бессилие, дерзость же—неискусность. Ибо две суть вещи: наука и мнение[3]; из них первая рождает знание, второе—невежество.

5. Но священные действия показываются только людям посвященным, профанам же—не прежде, чем они будут введены в таинства науки.

1. Здесь имеются в виду так называемые «немые персонажи» κωφὰ πρόσωπα, которые фигурировали в театральных представлениях в виде статистов.

2. Большинство врачей в то время переходило из города в город, оставаясь в них большее или меньшее время: это—врачи периодевты (περιοδεύτης); к их числу принадлежал и Гиппократ. Другие имели постоянные врачебные кабинеты и состояли на общественной службе.

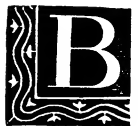
3. Противоположность между научным знанием, ἐπιστήμη, и простым мнением или кажимостью, δόξα, была свойственна философии того времени. С этими понятиями постоянно оперирует Платон; мы встречаемся с ними и в философии Аристотеля.

О ВРАЧЕ

Книга «О враче», περὶ ἰητροῦ, de medico, трактует не только о том, каким должен быть врач, но больше о врачебном кабинете и о простых хирургических манипуляциях. Она носит пропедевтический характер и назначена для начинающих. Содержание ее по главам таково: гл. I, внешность и внутренние качества врача; гл. II, о врачебном кабинете; гл. III, общие указания о врачебных приемах; гл. IV, о повязках; гл. V, о быстром и медленном оперировании; гл. VI, об инструментах (ножах); гл. VII, применение банок; гл. VIII, кровопускание; гл. IX, заключение об инструментах; гл. X и XI, нарывы и язвы; гл. XII, катаплазмы; гл. XIII—XIV, военная хирургия и ее задачи.

Книга эта не поименована в каталогах Эроциана и Галена, тем не менее ее никогда не отвергали, так как она гармонирует с другими сочинениями сборника своей врачебной этикой, а на хирургические даже ссылается. Написана книга довольно тяжелым языком, местами очень лаконична. Очевидно, вследствие этого, ряд мест в списках испорчен и непонятен: их переводили и переводят по-разному. Часть таких мест указана в примечаниях.

Литература. Petrequin J. F., Recherches historiques sur l'origine du traité du Médécin. 1847. Литтре, IX, 198 и сл.



ВРАЧУ сообщает авторитет, если он хорошего цвета и хорошо упитан, соответственно своей природе, ибо те, которые сами не имеют хорошего вида в своем теле, у толпы считаются не могущими иметь правильную заботу о других. Затем, ему прилично держать себя чисто, иметь хорошую одежду и натираться благоухающими мазями [1], ибо все это обыкновенно приятно для больных. Должно также ему наблюдать все это и в отношении духа; быть благоразумным не только в том, чтобы молчать, но также и в остальной, правильно устроенной жизни. И это наибольше принесет ему помощь для приобретения славы. Пусть он также будет по своему нраву человеком прекрасным и добрым [2] и, как таковой, значительным и человеколюбивым. Ибо поспешность и чрезмерная готовность, даже если бывают весьма полезны, презираются. Но должно наблюдать, когда можно пользоваться всем этим, ибо одни и те же приемы у одних и тех же (больных) ценятся, когда они редки [3]. Что касается до внешнего вида врача, пусть он будет с лицом, исполненным размышления, но не суровым, потому что это показывает гордость и мизантропию. Тот врач, который изливается в смехе и сверх меры весел, считается тяжелым, и этого должно в особенности избегать. Он должен быть справедливым при всех обстоятельствах, ибо во многих делах нужна бывает помощь справедливости, а у врача с больными—немало отношений: ведь они поручают себя в распоряжение врачам, и врачи во всякое время

имеют дело с женщинами, с девицами и с имуществом весьма большой цены, следовательно, в отношении всего этого врач должен быть воздержным. Итак, вот этими-то доблестями души и тела он должен отличаться.

2. Что же касается тех правил, которые относятся к врачебному искусству, с помощью которых можно сделаться искусным в этом деле, то следует обозреть сначала то, с чего человек начинает учиться. Поэтому лечение в кабинете врача (в лечебнице)— первое дело учащихся [4]. Прежде всего нужно иметь место удобное; а это будет в том случае, если ни ветер проникающий не приносит тягости, ни солнце или блеск не будут беспокоить. Яркий свет, хотя не тягостен для лечащих, не таков, однако, для тех, которые лечатся, поэтому всячески должно избегать такого блеска, от которого глаза обыкновенно получают вред. Это именно предписывается на счет света. А также, чтобы лицо никоим образом не было обращено к солнечным лучам, ибо это очень поражает зрение, когда оно слабо, а всякий удобный случай может расстроить слабые глаза. Итак, светом нужно пользоваться таким образом. Стулья же должны быть насколько можно равной высоты, чтобы были по больным [5]. Не должно быть никакого употребления меди, кроме как в инструментах, ибо пользоваться такой утварью представляется мне неподходящей роскошью. Вода для тех, которые лечатся, должна доставляться пригодная для питья и чистая. Вещи для вытирания надо употреблять чистые и мягкие, именно, для глаз—полотенца, а для ран—губки, ибо это само по себе, кажется, хорошо помогает. Все же инструменты должны быть удобны для употребления по своей величине, весу и тонкости.

3. Должно обращать внимание, чтобы все, что применяется, приносило пользу, и, в особенности, все, что должно прикасаться к страдающей части тела, именно: повязки, медикаменты, а также при-

ложенные к язвам полотенца и пластыри, так как они долгое время находятся на больных местах. Напротив, все то, что следует после, именно: отнятие всего приложенного, также освежение, очищение и обливание водою, требует лишь некоторого малого времени. И где что должно делать больше или меньше, на это следует обращать внимание, ибо благовременное употребление того и другого и неделание имеют большое различие.

4. Медицинской называется такая перевязка, от которой получает пользу тот, кто лечится. Но здесь наиболее помогают две вещи, которыми должно пользоваться: сжимать, где следует, и нетесно обвязывать. И в этом случае должно смотреть на времена года, когда должно плотно бинтовать, а когда—нет; да и от самого больного не скрыто, что́ из двух когда должно применять. Повязки же изящные и сделанные на показ, как совершенно бесполезные, следует отвергать: непристойно это и отдает шарлатанством, да и вред они большею частью приносят тому, кто лечится, между тем как больной требует не украшения, а пользы.

5. Во всем том, что требует хирургического воздействия, сечения или прижигания, рекомендуется в равной мере скорость и медленность, ибо есть нужда в той и другой. Именно, у кого операция делается одним сечением, разъятие следует делать быстро; ибо, так как приходится оперируемым страдать, причиняющее боль должно быть в них наиболее короткое время; а это будет, когда сечения выполняются скоро. Но где необходимо делать многие сечения, там должно употреблять медленную работу рук, ибо скорость причиняет непрерывную и большую боль; медленность же доставляет некоторое ослабление боли у оперируемых.

6. То же самое можно сказать об инструментах: пользоваться одинаково ножами острыми и широ-

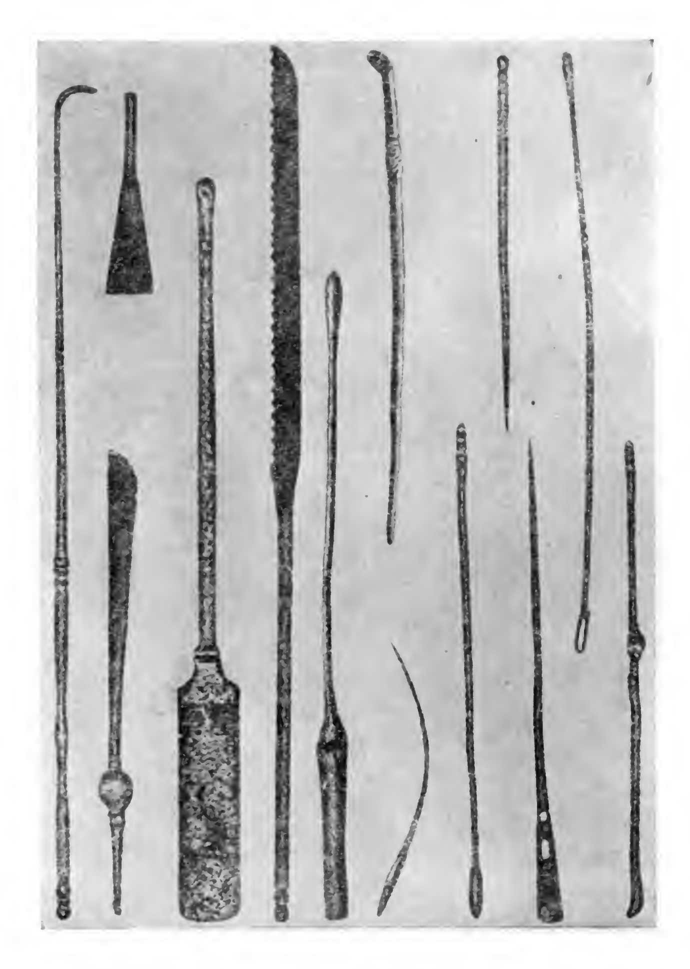
Рисунок на древнегреческой вазе V—IV в. до н. э. Сцена у врача: врач готовится произвести кровопускание; больные—в повязках, один из них—с ампутированной ногой и костылем; в роли служителя—карлик.

кими мы не рекомендуем во всех случаях, ибо некоторые части тела имеют быстрый напор крови, который удержать нелегко; таковы суть варикозно расширенные и некоторые другие вены; у таких сечения должны быть узкими, ибо тогда не может быть неумеренного излияния крови; иногда же полезно бывает извлечь кровь из них. В тех же частях, для которых нет никакой опасности и которые совсем не содержат тонкой крови, должно употреблять более широкие ножи, ибо тогда кровь потечет; иначе же — ни в коем случае. А стыдно через операцию не достигнуть того, чего желаешь!

7. Банки можно с пользой прилагать двумя способами[6]. Именно, если истечение (ревма) будет существовать далеко от поверхности тела, горлышко ее должно быть малым, сама же банка—пузатой в той части, где она берется рукою, неудлиненной и нетяжелой; ибо, имея такую форму, она тянет в прямом направлении и хорошо отводит к телу далеко отстоящие мокроты (ихор). Но когда боль будет распространена на большем протяжении тела, то в остальном банка пусть будет похожа на прежнюю, но горлышко у нее должно быть большое, ибо при таком условии ты найдешь, что она тянет, куда должно, из весьма многих частей болезнетворную материю: ведь не может горлышко, будучи шире, не захватывать мяса с большего места. А если банка тяжелая, то она направляет свое действие к более верхним частям, между тем, лучше делать извлечение из более низких частей, и часто болезни остаются в глубине. Когда истечения устанавливаются и далеко отстоят от более верхних частей, то широкие горлышки многое вместе извлекают из остальной кожи. Поэтому происходит, что влага, оттуда извлеченная, идет навстречу ихору, собранному из нижних частей, и все, что тягостно, остается, а что совсем не причиняет тягости, то отнимается. Какая

Хирургические инструменты эпохи Гиппократа.

Слева направо: крючковатый пинцет, костные щипцы, двойной инструмент (сверху—бронзовый миртовидный нож, внизу—припаянный стальной клинок), скальпель с полым клинком, ложка и катетер (из коллекции Мейер-Штейнега).



Хирургические инструменты эпохи Гиппократа.

Слева направо: раневой крючок, долото (вверху), нож (внизу), шпадель для мази, костная пила, ложка (вверху), игла (внизу) и различные зонды (из коллекции Мейер-Штейнега).

величина банки полезна, об этом должно заключать сообразно с частями тела, на которые она должна ставиться. Когда же делают надрезы, банка должна вытягивать снизу; необходимо видеть кровь оперируемых частей, в противном случае не должно даже и разрезывать привлеченного кружка, так как плоть больного места бывает более упругою. Ножички же должно употреблять вверху загнутые, не очень узкие, ибо иногда выходят влаги клейкие и густые: поэтому есть опасность, что они остановятся у надрезов, если эти последние будут узкие.

8. Плечевые вены должно удерживать повязками, ибо тело, которое покрывает их, у многих нехорошо соединено с веной, и, так как тело скользко, то случается, что сечения обоих не соответствуют друг другу; покрытая вена надувается, истечение крови получает препятствие и от этого у многих собирается гной. И хирургия такого рода очевидно приносит двойной вред: оперируемому—боль, оперирующему—бесславие. Это же самое предписывается делать по отношению ко всем венам.

9. Итак, вот какие инструменты находятся в медицинском кабинете, которыми должен искусно пользоваться учащийся, ибо щипцами для вырывания зубов и для схватывания язычка может пользоваться всякий, так как употребление их представляется простым.

10. Что касается опухолей (нарывов) и язв, которые принадлежат к более серьезным болезням, то нужно признать за наибольшее искусство умение разрешать опухоли и препятствовать их сгущениям; затем стягивать их в место видное и как можно более узкое и самое возрастание делать равномерным во всей опухоли, ибо, если оно не будет равномерным, то есть опасность, что она прорвется, и сделается трудно излечимая язва. Итак, должно достигать равномерности, делая все одинаково зрелым,

и как не вскрывать прежде времени, так и не допускать, чтобы само собой прорвалось. Но какие средства способствуют равномерному созреванию, об этом сказано в другом месте.

11. Язвы имеют, повидимому, четыре способа распространения: один—в глубину, таковы фистулезные язвы и скрытые под рубцом, внутри полые; другой, когда они стремятся кверху,—это те, которые имеют сверху выросшее мясо. Третий род—в ширину; это так называемые ползущие. Четвертый путь есть...[7] он один, кажется, имеет движение по природе. Вот таковы-то страдания плоти. Признаки их показаны в другом месте, и какое именно лечение должно употреблять: какими средствами разрешится язва срастающаяся, выполняющаяся, сделавшаяся полою или которая сделала ход в ширину, обо всем этом достаточно сказано в других сочинениях [8].

12. Относительно катаплазмы так должно поступать. Если в какой болезни представляется необходимым тщательно налагать полотняные повязки, налагаемую повязку приспособь к самой ране, а что прилагается в пластыре, употребляй вокруг раны, ибо такое употребление катаплазмы показывает искусство и может принести весьма много пользы. То, что прилагается вокруг, имеет повидимому способность помогать язве, а полотно—оберегать; внешним же частям язвы приносит пользу пластырь. Таково должно быть их употребление.

13. Что касается до надлежащих времен, в которые должно пользоваться каждым из этих средств, а также, как должно изучать силы описанных средств, все это опускается, потому что дальше заходит в область лечебного ухода и принадлежит тому, кто уже сделал большие успехи в искусстве.

14. За этим по порядку следует лечение ран, полученных на войне, и относится к извлечению стрел, практика чего бывает мала в городских отношениях,

потому что редко за все время бывают гражданские и вражеские стычки; а такие случаи происходят обыкновенно весьма часто и постоянно во внешних войнах.

Рисунок на древнегреческой вазе: воин накладывает товарищу повязку на плечо (Ахилл и Патрокл?).

Поэтому тот, кто захочет упражняться в этого рода хирургии, должен следовать за чужими войсками, ибо этим способом он доставит себе опыт для такого упражнения. Что же в этом отношении, по моему мнению, требует большего искусства, я скажу.

Именно, большая часть искусства и относящейся сюда хирургии замечать на основании известных признаков стрелы, находящиеся в теле. Если это знание имеется, нельзя уже пропустить, когда получивший рану подвергся несоответствующей операции. Только тот, кто будет иметь знание признаков, правильно приступит к хирургии. Но обо всем этом написано в других книгах.

1. В подлиннике за «благоухающими мазями» следует: «имеющими запах не подозрительный (ἀνυπόπτως)». Переводчики это большей частью опускают, кроме Литтре (dont l'odeur n'ait rien de suspect).

2. «Прекрасным и добрым», καλὸς καὶ ἀγαθός—это была обычная формула, которой эллин V века выражал идеал мужа.

3. Фраза эта в подлиннике не совсем ясна, и ее переводят по-разному. Напр. Фукс: Hat er freie Hand, so muss er genau zusehen; denn dieselben Handlungen sind bei denselben Personen nur dann beliebt, wenn sie selten geschehen (I, 40). Это дает совершенно другой смысл.

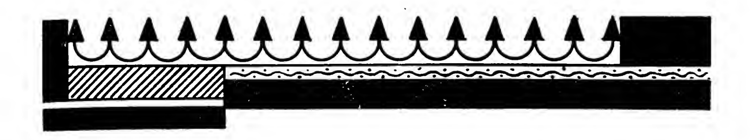
4. Врачебный кабинет, ἰητρεῖον, ἐργαστήριον, помещение, где врач принимал больных, главным образом хирургических, и оказывал им помощь; острые болезни лечились, конечно, на дому. Врачебные кабинеты были частные и общественные, которые город предоставлял приглашенным на свою службу врачам. Это были большие светлые помещения, снабженные инвентарем и инструментами. Поллукс в Onomasticon перечисляет предметы, необходимые для кабинета: медные ванны, банки для мазей, банки для лекарств, банки кровососные, бужи, подставки, скальпели, кисти, ушные ложечки, ножницы, ушные зонды, зонды, зубные щетки, зубные щипцы, блюда, губки, бинты, компрессы, ткань для повязок, держатели для ног, клистиры (Фукс, I, 41).

5. Смысл этой фразы не ясен, особенно в подлиннике, где сказано буквально: «чтобы были по ним». Литтре предполагает, что это относится к врачу и больному и переводит: «afin que le médécin et le patient soient de niveau» (IX, 209).

6. Кровососные банки, σικύαι, в то время делали такой же формы, как и теперь.

7. Здесь в тексте явный пробел. Литтре предлагает, принимая во внимание следующие за этим строки, вставить εἰς σύμφυσιν, vers la cicatrisation (IX, 217): к рубцеванию или срастанию.

8. Разумеется, вероятно, книга «О язвах».



О БЛАГОПРИЛИЧНОМ ПОВЕДЕНИИ

Книга «О благоприличии», περὶ εὐσχημοσύνης, de habitu decenti, принадлежит к числу тех наставлений или поучений, которыми учитель снабжал своих учеников перед выступлением их на самостоятельное врачебное поприще. Аналогичные поучения мы находим в книге «Наставления», отчасти в «О враче» и др.; о них упоминается в «Клятве». Настоящая книга представляет наиболее полное и законченное произведение этого рода. В первых шести главах излагаются основы врачебной философии и этики, в остальных—практические правила поведения врача у постели больного. Это дает возможность составить довольно полное представление об идеале врача, как он сложился в недрах медицинских школ приблизительно к середине V века, т. е. в эпоху греческого «просвещения». С одной стороны, здесь старые греческие заветы порядочности, известные нам со времен Гомера, Гезиода, греческих мудрецов, порядочности «ремесленника» (δημιουργός), стремящегося заслужить хорошую репутацию, «славу», с другой—вполне определенная позиция по отношению к новым философским тенденциям, выдвигающим на первый план разум и рассуждение. Это позиция рассудочного эмпиризма, как и в большинстве сочинений Сборника. Вы-

является все это путем полемики с псевдоврачами и шарлатанами типа платоновских софистов, которые, с одной стороны, просто мошенничали, с другой—не получив правильного медицинского образования и не имея опыта, прикрывали это теоретическими рассуждениями. Облик автора с его трезвым, практическим умом выступает перед нами с полной отчетливостью так же, как его основные установки, но само изложение таково, что произведение получило репутацию одного из самых темных; это относится особенно к первым главам. «Оно начинается,—пишет Литтре,—длинным куском, трудности которого приводят в совершенное отчаяние. Кроме неточности и неисправности текста, на который наши рукописи проливают мало света, последовательность идей сама по себе темна и, по крайней мере для нас, бессвязна» (IX, 222). Необычным представляется далее самый выбор слов и выражений, чрезвычайно затрудняющий перевод. Это дает повод считать книгу одной из самых старых частей Сборника.

Никто из древних об этой книге не упоминает и не комментирует. Трудно сказать, принадлежал ли автор к косской или книдской школе; некоторые места заставляют скорее думать о последнем. Во всяком случае разногласие между школами по затронутым вопросам вряд ли могло быть.

Комментарии появились только после напечатания книги в XVI в.; отдельно была издана в XIX в. в переводе Boyer и Girbal (Traités hippocratiques. Préceptes. De la Bienséance. Traduction accompagnée d'une introduction, de commentaires et des notes. Montpellier, 1855).

Литература у Литтре (IX, 224).

НЕ без основания некоторые утверждают, что мудрость полезна для многих вещей, именно мудрость, относящаяся к жизни [1]. Ведь многие мудрости, повидимому, возникли из любознательности: я разумею те, которые не приносят никакой пользы всему тому, о чем рассуждают. Некоторую часть их можно еще принять на том основании, что где нет праздности, там нет следовательно зла, ибо праздность и ничегонеделание ищут порочности и влекут ее за собою; напротив того, бодрость духа и устремление ума к чему-либо приносят с собой нечто направленное к украшению жизни. Поэтому я оставляю в стороне те диалектические тонкости, которые не приносят никакой пользы; ибо приятнее мудрость, направленная на что-либо иное, становящаяся именно искусством,— искусством, ведущим к благоприличию и славе.

2. Действительно, все мудрости, не связанные с постыдной прибылью и позором, прекрасны, в которых дело совершенствуется техническим методом; в противном случае они не без оснований изгоняются; юноши увлекаются ими, но, когда вырастут, от стыда покрываются потом, смотря на них, а, сделавшись стариками, изгоняют их из городов суровым законодательством. Это те люди, которые устраивают сборища, обладая профессиональной ловкостью, обманывают людей и переходят из города в город. Их всякий может узнать по одежде и прочим украшениям. Но чем больше они будут украшены, тем с большею ненавистью должно от-

вращаться от них и избегать их тем, которые их увидят [2].

3. Противоположную же мудрость должно усматривать следующим образом: если у кого нет изысканного и тщеславного украшения, ибо из одеяния— приличного и простого, сделанного не для излишнего хвастовства, а для доброй славы—вытекает серьезность и соответствие с самим собой как в мыслях, так и в походке. Каковы они по внешнему виду, таковы и в действительности: не склонны к развлечениям, дельны, в собраниях людей серьезны, расположены к ответу, к спорщикам требовательны, предусмотрительны в завязывании знакомств с подобными себе, со всеми скромны, при возбуждениях молчаливы, в ответах остроумны и снисходительны, к благоразумному пользованию случаем годны и приспособлены, в пище умеренны и довольствуются немногим; они терпеливы в выжидании случая, в речи очень деятельны; они отдают в общее сведение все, что приняли от науки, пользуются способностью красноречия, склонны к благодарности, уверены в доброй славе, которая из всего этого проистекает, и обращают внимание на истину в том, что составляет предмет их учения.

4. [3] Для всего вышеизложенного наивысшей руководительницей является природа. Действительно, если она будет налицо у тех, которые занимаются искусствами, тогда им открывается путь ко всему вышесказанному. Ведь правильному пользованию нельзя научиться ни от мудрости, ни от искусства; прежде чем искусство изучено, природа истекает и разливается, чтобы взять начало; мудрость же заключается в том, чтобы познавать все то, что сделано природой. Многие, потерпевшие неудачу в рассуждениях, относящихся к мудрости и искусству, никогда не приводили в доказательство те или иные дела. Поэтому, если кто-нибудь будет исследовать

истинность каких-нибудь положений их речи, то никоим образом у него не получится соответствия с природой. Оказывается таким образом, что они идут тою же дорогой, как и прежде упомянутые. Поэтому разоблаченные—они надевают на себя всяческую негодность и срам. Прекрасное дело—рассуждение на основании изученной работы; ибо все, что сделано по правилам искусства, вышло из рассуждения. Но что сказано по правилам искусства, но не сделано,—это указатель пути, чуждого искусству, ибо думать, но не приводить в дело—признак незнания и недостатка искусства. Действительно, в медицинском искусстве думание скорее всего делает виновными тех, которые им пользуются, и приносит гибель тем, к которым его применяют, ибо, если своими рассуждениями они сами убеждаются и воображают, что знают дело, которое требует обучения, то они показывают себя как бы плохим золотом, испытываемым в огне. . . . .

. . . .

5. Поэтому должно, собравши все сказанное в отдельности, перенести мудрость в медицину, а медицину в мудрость. Ведь врач-философ равен богу [4]. Да и немного в самом деле различия между мудростью и медициной, и все, что ищется для мудрости, все это есть и в медицине, а именно: презрение к деньгам, совестливость, скромность, простота в одежде, уважение, суждение, решительность, опрятность, изобилие мыслей, знание всего того, что полезно и необходимо для жизни, отвращение к пороку, отрицание суеверного страха пред богами, божественное превосходство. То, что они имеют, они имеют против невоздержанности, против корыстолюбивой и грязной профессии, против непомерной жажды приобретения, против алчности, против хищения, против бесстыдства. В ней заключается знание доходов и употребление всего того, что относится к дружбе, к детям,

к имуществу. С этим познанием также соединена некоторая мудрость, так как и врач имеет многое из всего этого.

6. В особенности внедрено в его ум знание богов, ибо в различных страданиях и случаях медицина расположена почтительно относиться к богам. Врачи склоняются перед богами, ибо в медицине нет чрезвычайного могущества. И хотя они многое лечат, однако, есть много такого, что превосходит их силу и делается само по себе. Но в чем медицина имеет теперь большое превосходство, будет ясно отсюда. У врачей самих есть путь в мудрости; и об этом они не думают, что это истинно; но с этим согласуются все явления, происходящие в телах, в их преобразованиях и переменах, которые проходят через всю медицину, все то, что излечивается хирургией, что достигается уходом, лечением, диэтой. Но самым главным делом должно быть знание всего этого.

7. Итак, когда все это имеется, врачу следует иметь своим спутником некоторую вежливость, ибо суровость в обращении мешает доступности к врачу как для здоровых, так и для больных. Особенно же ему должно наблюдать за самим собой, чтобы не обнажать многих частей тела и чтобы с людьми не заводить разговоров о многих предметах, а только о необходимых, ибо это считается некоторым насильственным побуждением к лечению. Ничего не надо делать ни излишнего, ни для воображения. Смотри, чтобы все у тебя было приготовлено для удобного действования, как следует; иначе, когда будет нужда, то окажется неприятное затруднение.

8. В медицинском деле должно иметь прилежную заботу, со всем спокойствием, о том, что относится к ощупыванию, втиранию и обливанию, именно, чтобы все это практиковалось ловким действием рук. Что касается до корпии, компрессов, повязок, до всего того, что требуется по условию времени, до

лекарств, приготовленных как для ран, так и для глаз, и вообще, что касается всякого рода болезней, необходимо, чтобы у тебя были приспособлены инструменты, машины, железо [5] и прочее, ибо недостаток всего этого приносит затруднения и вред. Пусть будет у тебя также другой, более простой, набор хирургических инструментов, приспособленный для путешествий; самый удобный—тот, который расположен в методическом порядке; невозможно ведь, чтобы врач все рассчитал.

9. Пусть у тебя хорошо держатся в памяти лекарства и средства, простые и составленные по записям, конечно, если в уме уже сложилось все то, что относится к лечению болезней, а также их виды, сколько их и каким образом они проявляются в каждом отдельном случае, ибо это составляет в медицине начало, середину и конец.

10. Имей также наготове разного рода пластыри, приготовленные для употребления в каждом отдельном случае, а также питья, способные разрешать приготовленные по записи для каждого случая. Пусть также будут у тебя под руками все лекарства для очищения, взятые из мест соответствующих и приготовленные надлежащим образом, заготовленные для хранения по роду и величине, и то, что в свежем виде идет в употребление, и все остальное соответственным образом.

11. Когда будешь отправляться к больному, устроивши все так, чтобы не быть в затруднении и иметь в порядке то, что должно быть сделано, то, прежде чем войдешь, знай, что тебе должно делать, ибо большей частью нужда бывает не в рассуждении, а в помощи. Полезно заблаговременно на основании опыта знать то, что может случиться: это приносит славу, да и легко знать.

12. Во время прихода к больному тебе следует помнить о месте для сидения, о внешнем приличии,

об одежде, о краткословности, о том, чтобы ничего не делать с взволнованным духом, чтобы сейчас же присесть к больному, во всем показывать внимание к нему, отвечать на все делаемые с его стороны возражения и при всех душевных волнениях больного сохранять спокойствие, его беспокойство порицать и показывать себя готовым к оказанию помощи. При всем этом должно держать в памяти первое приготовление; если же нет, твердо стоять на том, что предписывается для оказания помощи.

13. Часто навещай больного, тщательно наблюдай, встречаясь с обманчивыми признаками перемен; ибо легче их узнаешь и вместе с тем облегчишь себе действия, ибо непостоянно все, связанное с соками тела, и потому испытывает легкую перемену как от природы, так и от случая. А, между тем, если все это не узнается во время, удобное для оказания помощи, то своим напором оно пересиливает и убивает, так как не было сделано то, что могло помочь. Когда многое сразу появляется, то это дело трудное, но когда одно следует за другим, это легче и более удобно для опытного познания.

14. Должно также наблюдать за погрешностями больных, из которых многие часто обманывали в принятии прописанного им: именно, не выпивши неприятного питья или очистительных, или других лекарств, они изнемогали. Но они, конечно, не сознаются в этом, и вина сваливается на врача.

15. Должно также обращать внимание на постели больных, как по отношению к времени года, так и по роду и виду каждого помещения, ибо некоторые больные лежат в местах высоких, с хорошим воздухом, а другие в местах подземных и темных. Также должно избегать и удалять от них шум и запахи и особенно вина; ибо это последнее хуже всего.

16. Все это должно делать спокойно и умело, скрывая от больного многое в своих распоряжениях,

приказывая с веселым и ясным взором то, что следует делать, и отвращая больного от его пожеланий с настойчивостью и строгостью, а вместе с тем утешая его своим вниманием и ласковым обращением и не сообщая больным того, что̀ наступит или наступило, ибо многие больные по этой именно причине, т. е. через изложение предсказаний о том, что̀ наступает или после случится, доведены были до крайнего состояния.

17. Пусть также находится при больном кто-либо из учеников, который бы наблюдал, чтобы больной исполнял предписания во-время и чтобы предписанное производило свое действие. Но таких учеников должно избирать из числа тех, которые уже довольно успели в медицинском искусстве—так, чтобы уметь сделать то, что нужно, или безопасно что-либо предложить больному, а также и для того, чтобы от тебя не было скрыто ничто происходящее в промежутках посещений. Но ни в каком случае ничего не поручай посторонним людям, иначе, если что произойдет худое, за это на тебя посыпятся упреки. Пусть не будет никакого сомнения относительно течения и исхода того, что сделано методическим путем, и это не доставит тебе порицания и сделанное будет тебе в славу. Поэтому обо всем, что делается, наперед объявляй тем, которым знать это надлежит.

18. Таковы условия для приобретения доброй славы и благоприличного поведения и в мудрости, и в медицине, и в прочих искусствах; поэтому врач должен хорошо различать те части, о которых мы говорили: одну—усвоить себе навсегда, вторую (гл. 3)—сохранять и беречь и, выполняя, передавать другим, ибо это, будучи славным, всеми людьми соблюдается. И те, которые идут этим путем, будут в славе и у родителей, и у детей; если даже кто не имеет познания о многих вещах, из самых дел получит понимание.

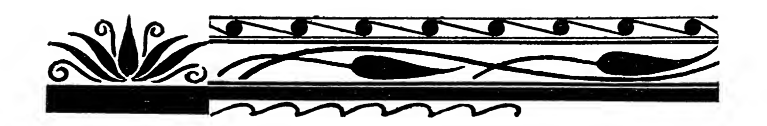
1. Мудрость, σοφία, софия,—новая форма познания мира, жизни, человека, которая распространилась в Греции V века; люди, занимавшиеся ею, получили название софистов. Слово это имело очень широкое значение: были мудрости разного рода. Понятие об этом может дать определение софии, данное Филостратом в его книге «О гимнастике»; «Мудростью мы считаем, например, и пофилософствовать, и сказать по правилам искусства, и коснуться поэзии, музыки, геометрии, и, клянусь Зевсом, даже астрономии, поскольку все это не излишне; мудрость и организация похода и тому подобное, вся медицина, живопись, пластика и виды статуй и барельефов». Литтре, приводя эту цитату, замечает: «Отсюда видно, что софия есть всякая наука и всякое искусство, направленное к истине или красоте» (IX, 226).

2. Отрицательное отношение к софистам, резко проявляющееся у Аристофана и Платона в силу их классовой и политической противоположности, находит себе союзника в Гиппократовом сборнике. Главным мотивом здесь является, конечно, конкуренция со стороны лиц, не получивших правильного медицинского образования, и разных шарлатанов, на которых публика всегда бывает падка, но нельзя, с другой стороны, отрицать и классовых противоречий. Ведь асклепиады принадлежали к старинной аристократической фамилии (см. Введение) и вряд ли с удовольствием смотрели на разночинцев, людей без твердых традиций.

3. Глава эта (4-я) особенно трудна для понимания и перевода как вследствие трудности языка, так и ошибок переписчиков. Последние три строчки, которым невозможно придать какой-нибудь понятный смысл, оставлены без перевода, как это сделано и Фуксом.

4. Врач-философ равен богу, ἰητρὸς φιλόσοφος ἰσόθεος — это изречение получило широкую известность и послужило темой для двух сочинений. Одно—парижская диссертация XVII в. под заглавием: Ergo medicus philosophus isotheos (Deo aequalis), Stephani Bachot (Senonensis, medici Parisini) Dissertatio 1646. Другое—голландского врача Samuel Detsy, 1777 г.

5. Машины специального устройства применялись при лечении вывихов и переломов (См. «О переломах», прим. 14). Железом (σίδηρος) называли железные инструменты, служившие для прижигания. Дело здесь идет, очевидно, о врачебном кабинете.



НАСТАВЛЕНИЯ

«Наставления», παραγγελία, praecepta, принадлежат к тому же разряду сочинений, как и «О благоприличном поведении», т. е. представляют собой поучения, адресованные врачом-учителем своим ученикам. И содержание их во многом сходно. Также началом служит, следуя философскому духу времени, методология врачебного познания, лежащая в основе действий врача. Она формулируется вполне отчетливо: это—«опыт, соединенный с разумом». Надо исходить из познания действительно происходящего, а не из вероятного рассуждения, основанного на болтовне; нетрудно понять, что здесь разумеются модные натурфилософские теории. Также ведется полемика против невежественных врачей и шарлатанов, куда присоединяются еще поздно начавшие учиться медицине. Но в положительной части наставлений подчеркиваются такие моменты и стороны практической деятельности врача, которые не затронуты в «Благоприличном поведении», что может быть отнесено на счет личности автора. Здесь обращается больше внимания на самого больного, его переживания и чувствуется более теплое отношение к нему. Если для первого произведения характерно изречение: «врач-философ равен богу», то в «Наставлениях» мы встречаем не менее характерное: «где любовь к людям, там и любовь к искусству» (гл. 6). Это филантропическое устремление сказывается в вопросе о гонораре, который разбирается в самом начале (гл. 4), в по-

стоянных советах ободрять и успокаивать больных; автор сознательно рекомендует психотерапию как лечебное средство (гл. 9), обосновывая ее физиологическим действием на организм. В гл. 8-й настойчиво рекомендуется приглашение на консультацию других врачей; врачи на консультации не должны ссориться и высмеивать друг друга, что, очевидно, случалось не так редко. Устранение профессиональной зависти выдвигается как одно из правил врачебной этики. В остальном автор сохраняет определенную физиономию цехового врача, преисполненного веры в медицинское искусство при непременном условии его правильного применения; благоприличие, врачебное достоинство и добрая слава—это главное.

К сожалению, текст «Наставлений» дошел до нас в таком же виде, как и «Благоприличного поведения», т. е. сильно испорченный. Это произведение Литтре считал самым трудным для понимания во всем Сборнике. К этому надо присоединить трудности языка и конструкции, заслужившие суровый отзыв Эрмеринса: «Не только в отдельных выражениях, но и в построении всей речи и мысли наш писатель настолько неловок, настолько высокопарен и тяжел, что при полном освещении его нельзя понять» (Фукс, I, 65). И тем не менее «Наставления», как и другие аналогичные произведения, дают такой ценный материал для характеристики врачебного быта и взглядов врачей гиппократовой эпохи, что их нельзя игнорировать.

Автор книги неизвестен; вероятно, он принадлежал к косской школе. Думали долгое время, что древние не знали этой книги, но Дарамберг нашел (1853) отрывок, из которого выяснилось, что ее комментировал Гален, до Галена известный врач Архиген и еще задолго до этого философ-стоик Хризипп выяснял различие между двумя словами (χρόνος и καιρός), с которых начинается книга. В новое время «Наставления» вместе с «Благоприличным поведением» перевели на французский и комментировали Бойе и Жирбаль (см. Введение к «Благоприличному поведению»).

О времени содержится удобный случай, а в удобном случае—малое время [1]: исцеление достигается временем, но иногда также и удобным случаем. Кто это знает, должен приступать к лечению, обращаясь прежде всего не к вероятному рассуждению, но к опыту, соединенному с разумом. Ведь рассуждение состоит в некотором синтетическом воспоминании обо всем, что воспринимается чувством: ибо чувство получает очевидные образы, воспринимая воздействие вещей и передавая их мышлению. Это же последнее часто, получая их, наблюдает «через что», «когда», «каким образом», и, слагая в самом себе, вспоминает. Итак, я вместе с тем хвалю и рассуждение, если только оно берет начало из случившегося обстоятельства и достигает вывода из явлений методическим путем, ибо если рассуждение возьмет начало из того, что явно совершается, оно окажется находящимся во власти ума, который воспринимает от других предметов все в отдельности. Следует признать, что природа, по побуждению некоторой силы, приводится в движение и получает поучение от многих разнообразных вещей; мышление же воспринимает это от нее, как я сказал выше, и приводит затем к истине. Когда же оно исходило не из очевидных фактов, но из правдоподобного построения ума, оно часто ставило в тяжелое и неприятное положение. Такие врачи идут без всякой дороги; действительно, что плохого, если получат награду те, которые плохо делают медицинские дела? Плохо теперь неповинным боль-

ным, которым показалось, что сила болезни недостаточно велика, если не присоединится к этому и невежество врача. Но об этом да будет достаточно сказанного.

2. Из того, что выводится только путем рассуждения, нельзя почерпнуть ничего; это возможно только из показаний дела, ибо обманчивым и непрочным бывает утверждение, основанное на болтовне. Поэтому должно вообще стоять на том, что действительно происходит, и заниматься этими делами немалое время, если кто хочет приобресть себе ту легкую и безошибочную способность, которую мы зовем врачебным искусством. Ведь она принесет величайшую пользу как больным, так и тем, которые занимаются с ними. И не нужно стесняться разузнавать от простых людей, если что покажется полезным для удобства лечения, ибо я думаю, что все искусство в целом так было обнаружено, что наблюдался конец в каждом отдельном случае и все было сведено к одному и тому же выводу. Поэтому должно обращать внимание на случайные обстоятельства, которые встречаются на каждом шагу, и делать дело с пользою и тихо, а не с предвозвещаниями и апологиями во время самого действия.

3. Полезно также предварительное назначение больному средств в их разнообразии, потому что только прописанное принесет больному пользу; и это не требует особых убеждений, ибо все болезни вследствие многих случайностей и перемен склонны гнездиться долгое время.

4. Также и это требует напоминания в нашем рассмотрении. Если ты поведешь сначала дело о вознаграждении,—ведь и это имеет отношение ко всему нашему делу,—то, конечно, наведешь больного на мысль, что, если не будет сделано договора, ты оставишь его или будешь небрежно относиться к нему и не дашь ему в настоящий момент совета. Об установле-

нии вознаграждения не следует заботиться, так как мы считаем, что обращать на это внимание вредно для больного, в особенности при остром заболевании: быстрота болезни, не дающая случая к промедлению, заставляет хорошего врача искать не выгоды, а скорее приобретения славы. Лучше упрекать спасенных, чем наперед обирать находящихся в опасности.

5. Однако, некоторые больные, предпочитая то, что необыкновенно и таинственно, достойны, конечно, пренебрежения, но не наказания. Поэтому им, движимым волнами непостоянства, ты естественно будешь противодействовать. В самом деле, ради Зевса, какой истинный врач верил бы, что он вылечит больного строгостью! Так что, в начале исследовавши всю болезнь, не посоветовал бы чего-либо полезного для лечения и не закончил бы лечения, пренебрегая больным.

6. Что касается плодов труда, они не должны быть лишены стремления получить вместе с тем поучение. И я советую, чтобы ты не слишком негуманно вел себя, но чтобы обращал внимание на обилие средств (у больного) и на их умеренность, а иногда лечил бы и даром, считая благодарную память выше минутной славы. Если же случай представится оказать помощь чужестранцу или бедняку, то таким в особенности должно ее доставить, ибо, где любовь к людям (филантропия), там и любовь к своему искусству (филотехния). Ведь некоторые больные, зная, что они одержимы болезнью весьма тяжелою, и вполне доверяя надлежащему уходу врача, возвращаются к здоровью. Хорошо руководить больными ради здоровья; заботиться о здоровых ради того, чтобы они не болели; заботиться о здоровых и ради благоприличного поведения!

7. Но те, которые погружены в глубину невежества, не поймут того, что здесь высказано. Эти люди,

не будучи врачами, позор людей, внезапно оказываются на высоте, нуждаясь для этого, конечно, в счастье, и получают славу двойного успеха, леча больных богатых и болезнь которых на исходе, а когда болезнь ухудшается, они только хвастаются и пренебрегают неоспоримыми правилами искусства, с помощью которых так называемый присяжный врач проявит свою силу. Он же, который легко совершает безупречные лечения, ни в чем не преступит правил не потому, чтобы был лишен возможности; ведь он не относится к ним с недоверием, как тот, кто живет в несправедливости. Действительно, те не приступают к лечениям, видя, что болезнь губительна, и опасаются призывать других врачей, имея злое отвращение к помощи. Больные же, удрученные болезнью, плавают в двойной беде [2], так как не вверили себя до конца лечению, соответствующему искусству, ибо облегчение болезни доставляет больному великое утешение. Поэтому, желая больше всего здоровья, они не хотят подвергаться все время одному и тому же лечению, не понимая разнообразия, которое вносит врач. Будучи состоятельными, они нуждаются, преклоняясь перед испорченностью и не чувствуя благодарности к хорошим встречам; имея возможность благоденствовать, они расточают средства на гонорары; желая действительно быть здоровыми ради извлечения прибыли из роста или из земледелия, они не заботятся о том, что ничего не получат [3].

8. Но об этом явлении достаточно говорить, ибо облегчение и ухудшение состояния больного требуют врачебного надзора. Нет ничего постыдного, если врач, затрудненный в каком либо случае у больного и не видя ясно, по причине своей неопытности, просит пригласить других врачей, с которыми он мог бы совместно выяснить положение больного и которые посодействовали бы ему найти помощь. В болезни,

протекающей медленно, когда зло усиливается, в этот момент, вследствие трудности положения, много вещей ускользает от внимания. Нужно поэтому в данном случае иметь твердую уверенность, ибо я никогда не признаю, что искусство произнесло здесь окончательное решение. Врачи, вместе осматривающие больного, не должны ссориться между собою и высмеивать друг друга. Ибо, я с клятвою заверяю, что никогда суждение одного врача не должно возбуждать зависти другого; это значило бы показывать свою слабость: соседи по ремеслу на площади склонны делать это. Однако не ложно то, что думают об успехе консультаций, ибо во всяком изобилии лежит недостаток.

9. Кроме всего этого, очевидным и великим доказательством существования искусства будет, если кто, устанавливая правильное лечение, не перестанет ободрять больных, чтобы они не слишком волновались духом, стараясь приблизить к себе время выздоровления. Ведь мы руководимся всем тем, что нужно для здоровья, и, получая предписания, больной не совершит ошибки. Но сами больные, по причине своего плачевного положения, отчаявшись, заменяют жизнь смертью. Тот же, кому поручена забота о больном, если покажет все открытия искусства, сохраняя природу, а не изменяя ее, устранит горечь настоящего положения или мгновенное недоверие. Ведь хорошее состояние человека есть некоторая природа его, вызывающая естественным путем движение не чуждое, но приводящее в гармонию при посредстве дыхания, теплоты и сварения соков, всякой вообще диэты и прочих всех условий, если только не будет какого-либо недостатка от рождения или от самого начала. Если же этот последний будет и будет невелик, то все-таки должно попытаться возвратить его к первоначальной природе, ибо ослабление противоречит природе, даже если оно существует продолжительное время.

10. Должно также избегать щегольства головными повязками для приобретения себе авторитета, а также изысканного запаха духов, ибо внешность необычная в сильной степени навлекает клевету, в небольшой же степени сообщает приличный вид. Ведь боль в части невелика, но во всех частях значительна. И этим я нисколько не устраняю той приятности, которая нравится людям, ибо она соответствует врачебному достоинству.

11. Надо держать в памяти также то, что приходит через показывание великолепных инструментов, и все подобное.

12. Желание устраивать чтение перед толпой не достойно славы; по крайней мере не надо приводить свидетельства поэтов, ибо это трудолюбие показывает бессилие. Я отвергаю пользование чужим трудолюбием, изложенным с трудом, так как оно имеет привлекательность только само по себе. Это значило бы подражать пустой работе трутня [4].

13. Нужно приветствовать такой порядок, при котором не имеет места позднее обучение медицине. Эти поздние пришельцы не выполняют ни одной из настоящих вещей; только вещи, отсутствующие, они вспоминают сносно. Тогда наступает неуспех, борющийся со всем с юношеским разрушением, не принимающий в расчет приличия; определения, объявления, великие клятвы, с призыванием в свидетели богов со стороны врача, который завладевает болезнью, непрерывные чтения, наставления простым людям, ищущим речей в метафоре, даже прежде чем собравшиеся люди нуждались бы в совете при болезни. Конечно, где я руководил бы лечением, я не стал бы просить помощи таких консультантов для лечения, так как понимание благопристойного знания у них испорчено. Видя, что их невежество неизбежно, я рекомендую, как полезное, опыт, а не искание и знание мнений. Кто, в самом деле, желает

знать точно различие мнений, не овладевши как следует хирургической практикой? Таким образом я советую оказывать внимание тому, что они говорят, и противиться тому, что они делают [5].

14. Когда диэта установлена, не настаивать на ней долго; аппетит больного продолжается долгое время; дозволение поднимает в болезни хронической, если допускают его, как должно на удачу. Должно избегать большого страха и сильной радости. Внезапная перемена воздуха опасна. В цветущем возрасте все приятнее; в преклонном же возрасте—наоборот. Неясность языка случается или по причине его страдания, или от ушей, или если больной, прежде чем произнесет одно, начинает говорить другое, или если прежде чем скажет задуманное, подумает о другом; это без видимого страдания в особенности случается у тех, которые занимаются изучением искусств. Сила возраста, когда субъект мал, бывает иногда очень велика. В болезнях неправильное течение показывает продолжительность; кризис же болезни есть разрешение ее. Малая болезнь разрешается лекарствами, если только не будет страдать какое-либо важное место. Так как сочувствие, вызванное горем, угнетает, некоторые страдают от сострадания к другому... Рассказ вызывает страдание... От излишества труда: ободрение, теплота солнца, пение, местность, полезная для здоровья. . . . .

1. Καιρός—надлежащее время, удобный случай, подходящий момент; этот термин нередко встречается в Сборнике, между прочим, в 1-м афоризме с таким же определением, как и здесь: «удобный случай скоропреходящ».

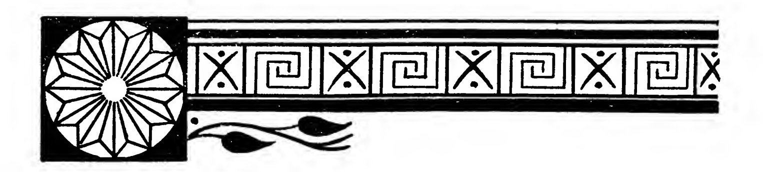
2. «Их не вылечивают и эксплоатируют» (Литтре, IX, 263).

3. Вся глава, в особенности конец ее, сильно испорчены, и Литтре, несмотря на все старания восстановить текст так, чтобы он имел определенный смысл, замечает: «весь абзац все же остается под большим сомнением». Дело идет по данной трактовке о богатых больных, желающих выздороветь,

но не понимающих своей пользы и вверяющих себя недостойным врачам.

4. Конец этой главы и вся следующая (13-я) глава настолько испорчены и малопонятны, что Фукс выбрасывает их из своего перевода и приводит в примечании французский перевод Литтре. Но выпады, которые автор делает в 13-й гл. против «поздно учившихся» медицине, представляют интерес. В Греции обучение медицине начиналось рано: сын врача еще мальчиком сопровождал отца в его визитах к больным и накоплял таким образом ко времени своей самостоятельной практики значительный опыт. Этого опыта были лишены начавшие обучаться поздно, и они, естественно, должны были полагаться на «искание и знание мнений». В резкости выпада сказывается, конечно, и предубеждение цехового врача, признающего только определенную школу.

5. На этом, по мнению Литтре, заканчивается книга. Глава 14-я представляет собрание отдельных афоризмов, не стоящих в связи ни с темой книги, ни между собой. Текст также неисправен. Можно предполагать, что это прибавление сделано переписчиками, как и в некоторых других книгах. Гален разъясняет (по другому поводу), что это делалось по разным мотивам: иногда, чтобы увеличить объем книги, иногда просто потому, что некуда было девать какой-нибудь отрывок, который иначе пропал бы. Но возможно, конечно, что прибавление было сделано владельцем рукописного оригинала, который поместил на свободное место ряд заметок для памяти.



ОБ ИСКУССТВЕ

Книга под заглавием «Об искусстве», περὶ τέχνης, de arte, представляет собой речь в защиту медицины, произнесенную в публичном собрании или диспуте и составленную по всем правилам ораторского искусства. Как она попала в Гиппократов сборник, это остается неизвестным, но она для древних считалась неотъемлемой частью Сборника, комментировалась Гераклидом Тарентским и вошла в список Эроциана. Приписывать ее Гиппократу нет никаких оснований, так же как относить в позднейший Александрийский период, как это делал Шпренгель. Это—прекрасный образчик софистической риторики, заставивший Теодора Гомперца считать его произведением одного из старейших и уважаемых софистов—Протагора. Правда, это мнение не встретило особого сочувствия со стороны других филологов, и Фукс, например, считает автором речи софистически образованного врача. Но и этот вопрос остается под сомнением: те медицинские знания, которые обнаруживает автор, не требуют специального образования и ими мог обладать просто образованный человек; писал же Платон в Тимее о чисто медицинских вопросах?

Речь эта преследует двоякую цель: защитить медицину от нападок хулителей и лиц, отрицавших медицину как искус-

ство, вернее, как техническую дисциплину, и в то же время показать, что представляет собой медицина, какие трудности она должна преодолевать на своем пути и как она достигает этого преодоления. Это—типичный образчик так называемой эпидейктической речи. Один пункт в ней заслуживает особого внимания: это правило, широко распространенное среди профессиональных врачей того времени,—не браться за лечение безнадежных и запущенных больных; оно встречается и в других сочинениях Сборника среди практических указаний. Оно настолько противоречит нашим современным взглядам на обязанности врача, что это одно должно удержать нас от чрезмерной модернизации и идеализации античного врача, тенденции к чему нередко проявляются в немецкой литературе. Цеховая в общем организация врачей, которые всегда оставались ремесленниками (δημιουργοί), была чужда сентиментальности и стремилась, насколько возможно, предохранить себя от неудачных исходов лечения, подрывающих доверие.

Как было уже сказано, сочинение «Об искусстве» представляет хороший образчик софистической речи. Из нее можно усмотреть, какого рода аргументацией пользовались ораторы для подкрепления своих тезисов; иногда она такова, что невольно приходит на память упрек Платона по адресу софистов и их искусства: «слабое дело представлять сильным». Следует иметь в виду, что цветы красноречия, в изобилии рассыпанные в речи, витиеватые обороты, алиттерации, ритмически размеренные периоды с трудом поддаются переводу, который не может дать полного представления о красотах стиля, производившего, вероятно, большое впечатление на слушателей.

Из литературы кроме Фукса (1, 5 и Puschm. Gesch. I, 221) и Ковнера (223) следует указать на комментированное издание с немецким переводом Гомперца (Gomperz Th., Apologie der Heilkunst, eine griechische Sophistenrede des 5 vorchristl. Jahrh's, bearb., übers. und eingeleitet, Wien, 1890).

ЕСТЬ люди, которые проявляют свое искусство в злословии искусств [1]; они, конечно, воображают, что они делают не то, что я говорю, а выставляют напоказ свое знание. А мне кажется, что стремление и задача знания состоит в том, чтобы находить нечто еще не найденное, то именно, что, будучи открытым, много лучше неоткрытого, а также точно доводить до конца сделанное наполовину. Напротив, стремление искусством бесчестных слов поносить все то, что открыто другими, ничего не исправляя, но черня открытое знающими людьми перед невеждами, никогда, по моему мнению, не будет целью и делом знания, но скорее проявлением злобной натуры или невежества. Ведь такое занятие свойственно одним лишь несведущим в искусстве людям честолюбивым, но никоим образом не могущим помогать своей негодности за счет дел своих ближних, унижая хорошие или насмехаясь над неправильными. Итак, пусть людей, таким образом нападающих на другие искусства, обуздывают, если могут, те, которые заботятся об этом и для которых это важно. Наша же настоящая речь направлена против тех, которые подобным образом нападают на врачебное искусство, и эта речь будет смелою по отношению к тем, которых укоряет, приносящей благо по причине искусства, которое защищает, мощной благодаря мудрости, которою она воспитана.

2 [2]. Кажется мне, что нет вообще такого искусства, которое бы не существовало, ибо нелепо считать

не существующим что-либо из существующего. Когда мог бы кто-либо наблюдать какую-нибудь сущность из несуществующего и объявлять, что оно существует? Ведь, если бы можно было видеть несуществующее как существующее, то я не знаю, каким образом мог кто-либо считать несуществующим то, что можно и глазами видеть, и умом понимать как существующее. Но подобного не может быть: то, что существует, всегда видится и познается, а несуществующее не видится и не познается. Познаются, следовательно, искусства показанные, и нет из них ни одного, которое бы не было видимо вследствие известной своей формы. Думаю я, что и имена свои они получили через свои формы, ибо не согласно с разумом думать, что формы произведены от имен, да этого и быть не может. Имена ведь суть законоположения природы, а формы—не законоположения, а произведения природы. Но если кто-нибудь всего того, что сказано, недостаточно понимает, то может найти более ясное поучение в других рассуждениях.

3. Что касается медицины, к которой относится настоящая наша речь, то я установлю доказательства ее, и прежде всего определю, что такое, по моему мнению, есть медицина: она совершенно освобождает больных от болезней, притупляет силу болезней, но к тем, которые уже побеждены болезнью, она не протягивает своей руки, когда достаточно известно, что в данном случае медицина не может помочь [3]. Каким образом она выполняет свои задачи и что вообще всегда может делать, это я исследую в нижеследующей части речи. Доказывая, что̀ есть искусство медицины, я вместе с тем разрушу основания тех, которые бесстыдно думают нападать на нее, поскольку каждый из них воображает, что он может что-нибудь успеть против нее.

4. Начало моей речи, с которым все согласятся, таково: что медицинским искусством некоторые из

лечившихся восстановляются в своем здоровьи, это признается, но, так как выздоравливают не все, то за это уже самое искусство подпадает порицанию. И говорят хулители: раз некоторые умирают вследствие болезней, те, которые избежали смерти, избежали ее случайно, а не по милости медицины. Я же с своей стороны не исключаю случайности во всяком деле, но в то же время полагаю, что плохое лечение болезней весьма часто сопровождается неудачей, а хорошее—счастливым исходом. Затем, как возможно выздоровевшим приписывать чему-либо иному причину выздоровления, кроме медицины, если только, поручая себя ей и повинуясь ее предписаниям, они достигли выздоровления? Ведь они не пожелали созерцать голую случайность в тот момент, когда доверили себя искусству, так что свободные от принесения благодарности случаю, от благодарности искусству они не могут себя освободить, ибо, когда они ему себя поручили и доверили, то в это время они увидали его сущность, а могущество его узнали по завершении дела.

5. Но здесь нам возразит противник, что весьма многие больные выздоровели и без помощи врача. С этим и я совершенно согласен. Но мне кажется возможным, что те, которые и не приглашают врача, пользуются все же медицинским искусством не так, чтобы понимать, что в нем правильно и что не правильно, но в смысле того, что им удалось, леча самих себя, вылечиться так же, как если бы они пользовались врачами. И это есть великое доказательство существа искусства, что оно существует и что оно велико, раз даже думающие, что его нет, оказываются спасенными благодаря его помощи. Ведь те больные, которые выздоровели от болезней, даже не пригласивши врачей, необходимо должны понимать, что они получили выздоровление потому, что или делали то или другое, или не делали чего-нибудь. В самом деле,

они выздоровели или от воздержания от пищи, или от более обильной пищи, от обильного питья, или от жажды, от ванн или воздержания от них, от трудов или покоя, от сна или бодрствования, или, наконец, от смешения всех этих условий. Те, которые почувствовали пользу, уже по необходимости знают, что́ именно им помогло; а если получили вред, то уже хорошо знают, как то, что они получили вред, так и то, что́ именно им повредило. Но не всякому свойственно знать, какие вещи различаются между собою своею пользою или вредом. Если, следовательно, болевший сумеет хвалить или порицать тот образ жизни, благодаря которому он достиг здоровья, тот найдет, что все это относится к медицине. И все то, что повредило, не меньше доказывает существование медицины, как и то, что принесло пользу, ибо последнее принесло пользу благодаря правильному применению, а принесшее вред повредило вследствие неправильного применения. Но когда правильное и неправильное имеет каждое свой предел, то кто не признает, что это именно есть искусство? И в самом деле, имени искусства по моему мнению нельзя придавать тому, в чем нет ни правильного, ни неправильного. Но где то и другое будет налицо, там уже искусство не будет отсутствовать.

6. К тому же, если бы в медицине и у врачей все лечение состояло только из лекарств очистительных или останавливающих, тогда речь моя была бы мало убедительной. Теперь же, когда врачи наиболее знаменитые производят лечение, назначая известный образ жизни и другие способы, то после всего этого не только врач, но даже и совершенно невежественный человек не посмеет отрицать, что все это произошло благодаря искусству. Итак, когда нет ничего бесполезного ни для хороших врачей, ни для самого медицинского искусства, но в большинстве того, что производится природой или приготовляется искусственно,

заключаются некоторые способы лечения и лекарств, то после этого никто из числа тех, которые вылечились без помощи медика, не должен с достаточным основанием относить это к разряду того, что происходит само собой [4], ибо того, что происходит само собой, очевидно, совершенно нет. Напротив, все, что происходит, является происходящим почему-либо; и в области всего того, что происходит по известной причине, никоим образом не может существовать то, что происходит само собой, но эта самопроизвольность есть только пустое имя. Что же касается медицинского искусства, то как из причинных отношений, так и из предвидений очевидно (и всегда будет очевидно), что оно существует.

7. Вот какою речью можно воспользоваться против тех, которые получение здоровья приписывают счастью, а участие в этом деле искусства отрицают. Что же касается тех, которые на основании несчастий с умирающими пытаются до основания уничтожить искусство, то я удивляюсь, каким достаточно надежным основанием они руководствуются, когда причину в данном случае не возлагают на невоздержность умирающих, а, напротив, обвиняют знание тех, которые занимаются медициною; как будто врачам свойственно предписывать то, чего не следует, а больным не свойственно нарушать предписания врача! А между тем, гораздо более согласно с здравым смыслом допустить, что больные не могут повиноваться предписаниям врача, чем то, чтобы врачи предписывали не надлежащее. В самом деле, врачи в здравом уме и теле приступают к лечению, принимая в рассуждение как настоящее положение, так из прошедших опытов все имеющее сходство с настоящим, так что вылечившийся иногда прямо заявляет, что он спасен. Напротив, больные, не понимая ни того, какою болезнью они страдают, ни по какой причине, ни того, что может произойти из настоящего, ни того, что бы-

вает в подобных случаях, получают совет, но, удрученные настоящею болезнью, боясь за будущее, переполненные своими страданиями, но лишенные пищи, избирают скорее то, что может скрасить болезнь, чем то, что полезно для здоровья, не потому, что желают умереть, а потому что не имеют твердой выдержки. Итак, что более вероятно? Что больные с таким настроением не делают всего того, что предписывается врачами, или делают другое, что не предписывается, или что врачи такого рода, о каких мы говорили выше, предписывают ненадлежащее? Не гораздо ли правильнее думать, что они-то предписывают надлежащее, а те больные натурально не могут повиноваться, как следует, а, не повинуясь, подвергаются смерти. И причину этого люди, неправильно рассуждающие, возлагают на совершенно безвинных, а виновных оправдывают.

8. Есть и такие, которые обвиняют медицину за то, что врачи, дескать, не хотят подавать руки помощи тем, которые совершенно покорены болезнью. Они говорят, что те болезни, которые врачи решаются лечить, могут быть излечены и сами по себе, а вот тех, именно, которые нуждаются в помощи, врачи совсем не касаются, между тем следовало бы, если действительно существует медицинское искусство, равномерно лечить болезни. Но говорящие это, если они будут обвинять врачей за то, что те не заботятся о говорящих такие речи, как о людях помешанных, будут обвинять врачей гораздо справедливее, чем за первое. Действительно, если кто будет думать, что искусство властно в том, что не есть искусство, или природа в том, что не есть природа, тот обнаружит незнание, граничащее скорее с безумием, чем с невежеством, ибо мы можем признавать себя мастерами лишь в той области, в которой мы можем овладеть средствами природы или средствами искусства, а другое нам не дано. Поэтому, если с человеком

стрясется такое зло, которое превосходит средства медицины, то даже и надеяться не должно, что это зло можно победить медицинским искусством. Вот, например, огонь изо всех прижигающих средств жжет сильнее всего; другие все слабее. Конечно, о болезнях, более сильных, чем те, которые поддаются лечению, еще нельзя сказать: они неизлечимы, но если они сильнее самых сильных средств, то как они могут быть излечимы? Ведь там, где не действует огонь, разве не ясно, что не поддающееся его действию требует другого искусства, а не того, инструментом которого служит огонь [5]. Но то же самое мне должно сказать и обо всем прочем, что служит медицине: если у врача не будет удачи со всеми средствами, вину должно, по моему мнению, возлагать в каждом случае на силу болезни, а не на медицинское искусство. Следовательно, упрекающие тех, которые не подают руки помощи побежденным болезнями, советуют предпринимать то, чего касаться не позволено, а не то, что позволено. И, советуя это, они приобретают себе славу у тех, которые врачи только по имени, но людьми, действительно опытными в искусстве, подвергаются осмеянию. И, конечно, опытные в этом искусстве не обращают внимания на невежд, будь они порицатели или хвалители, но ценят лишь тех, которые на основании правильного расчета судят, в каком отношении действия практических врачей совершенны и в каком случае они, по недостаточности своей, не совершенны, и, кроме того, какие из этих недостатков следует относить на долю самих врачей, а какие—на долю пациентов.

9. То, что относится к другим искусствам, требует иного времени и иной речи. А что относится к медицине—какова она и каким образом должна быть оцениваема—об этом отчасти сказано было в предыдущей части речи, а отчасти будет говориться в по-

следующей. В самом деле, у тех, которые достаточно понимают это искусство, болезни разделяются, с одной стороны, на нескрытые (и таких немного), а с другой стороны, на неоткрытые—и таких много, ибо те болезни, которые относятся к внутренним частям тела, скрыты, а которые прорываются на поверхности тела или производят опухоль,—те открыты; ибо эти последние обнаруживают себя или для зрения, или для осязания, так что чувствуется или твердость, или мягкость, какие из них горячи, а какие холодны, а также каких именно условий присутствие или отсутствие в каждой из них делает их таковыми. И в лечении всех этих болезней не должно быть погрешности не потому, что оно легко, но потому, что оно найдено. И, конечно, оно найдено не тем, кто хочет этого, но тем, кто может. Могут же те, которые и воспитания не были лишены, и природой не обижены.

10. Так искусство должно приступать к болезням явным, но не должно оно, конечно, и перед менее явными болезнями отступать; таковы болезни, которые относятся к костям и ко внутренней полости. Но не одну такую полость имеет тело, а многие; две из них принимают пищу и выпускают ее; но, кроме этих, есть и многие другие, известные для тех, которым это знать надлежит. Все те члены, которые окружены плотью, именуемой мускулом, имеют полость. Все, что не сращено, будь оно покрыто кожею или мясом, есть полое, и это последнее в здоровом состоянии наполнено воздухом (пневмой), а в состоянии болезни ихором[6]. Имеют, следовательно, и плечи мясо этого рода, имеют его и бедра, имеют и голени. Даже в частях, лишенных мяса, существует пустота такого рода, каковая показана в частях мясистых, ибо и так называемая грудь, в которой заключается печень, и шар головы, в котором содержится мозг, и самая спина, в которой помещаются легкие, из них нет ничего, что бы не было пустым,

наполненным многими промежутками, которые ничем почти не отличаются от сосудов, из коих одни вредят, другие помогают владельцу[7]. К этому присоединяются еще многочисленные вены и нервы,—не те, которые выступают на поверхность плоти, но те, которые протянуты к костям и соединяют сочленения. Прибавьте к этому и самые эти сочленения, в которых вращаются концы движущихся костей. Изо всего этого нет ничего такого, что не было бы в некоторой степени пенистым и что не имело бы вокруг себя пустых пространств, о чем ясно свидетельствует ихор, который, по открытии их, изливается обильно и с большими болями.

11. Ничего решительно из всего того, о чем сказано, не может быть видимо для глаз наблюдателя, и поэтому названы мною эти болезни неявными, и таковыми они считаются в медицине; но все-таки на том основании, что они не явны, они не побеждают, но, насколько это возможно, преодолеваются. Возможно же, поскольку и природа больных позволяет рассмотреть себя, и самые исследователи хорошо одарены природой для изыскания. И действительно, без большого труда и продолжительного времени эти болезни не узнаются так, как если бы они были видимы глазами, ибо то, что ускользает от зрения глаз, постигается умственным зрением. И в том, что терпят больные вследствие невозможности увидеть быстро, виноваты не лечащие их врачи, а природа больного и природа болезни; ведь врач, когда он не может ни глазами увидеть, ни ухом услышать страдание, доходит до него путем разумного соображения, ибо все то, что пытаются рассказать врачам о своей болезни страдающие скрытою болезнью, они говорят скорее по своему мнению, чем на основании точного знания. Ведь если бы они достоверно знали, то не впали бы в эти болезни, так как тому же пониманию присуще и узнавать причины болезней и уметь лечить

их с помощью средств, которые препятствуют болезням усиливаться. Если таким образом из возвещенного больными нельзя получить безошибочной ясности, то лечащий врач должен искать что-нибудь другое, и причиной такого замедления является отнюдь не искусство, а природа тел, ибо искусство, когда поймет болезнь, считает необходимым определить лечение, имея в виду лечить не дерзанием, а разумением, путем легким, а не насильственным. Что же касается до природы болезни, то, если она может быть усмотрена, она может быть и вылечена. Но если в тот промежуток времени, когда болезнь узнается, природа будет побеждена болезнью, или потому что больной замедлил обратиться к врачу, или вследствие быстроты болезни,—больной умрет. Ведь быстрее течет не та болезнь, которая идет нога в ногу с лечением, но та, которая предупреждает лечение; а предупреждает она или вследствие плотности тел, в которой невидимо скрываются болезни, или по небрежности больных. Это дело обычное: не захватываемые болезнью, а захваченные ею, они желают лечиться. Поэтому много справедливее будет удивляться силе медицинского искусства, когда оно восстановит коголибо страдающего неявной болезнью, чем когда оно возьмется за невозможное. Да и ни в одном из существующих искусств невозможно ничего подобного; но те, которые работают с огнем, в отсутствии его бездействуют, а с ним вместе готовы взяться за дело. Также и другие искусства, которые работают с легко обделываемым материалом: с деревом, с кожей, с рисовальными принадлежностями, с медью, с железом, а также и другие, в этом роде многочисленные: хотя они и легко могут исполнять все то, что из их материала и с его помощью делается, однако, они ищут не скорости, а правильного выполнения; и, не говоря уже о чем-нибудь особенном, но если недостает у них какого инструмента, работа

останавливается; и это замедление, невыгодное для их интересов, все-таки предпочтительнее других.

12. Но медицина, хотя и лишена возможности видеть и эмпиемы в груди, и болезни печени и почек, и все болезни, гнездящиеся в животе, видеть таким же зрением, каким все видят совершенно открыто, привлекла к себе, однако, вспомогательные средства другого рода; ибо по чистоте или охриплости голоса, по скорости или медленности дыхания, по истечениям, выходящим путями, какими каждому из них предоставлено выходить,—из которых каждое узнается отчасти по запаху, отчасти по цвету, отчасти по тонкости и густоте,—она судит, к чему относятся эти признаки, какие части уже поражены страданием и какие могут им поразиться; когда же все это ничего не обнаруживает и природа добровольно не выпускает этого из своих рук, тогда медицина нашла пути необходимости, посредством которых природа вынуждена без ущерба раскрываться, через что людям, сведущим в искусстве, уже явным делается, что должно дальше делать. И вот возбуждается в нас остротою пищи и питья врожденный огонь, разливающий слизь, чтобы он свидетельствовал о том, что иначе никоим образом нельзя видеть; вот и само дыхание крутыми дорогами и бегом вынуждается выступить обвинителем в том деле, в каком оно может обвинять. Вызывая, далее, поты способами, выше указанными, узнается все то, что с помощью огня узнают в испарениях теплых вод. Есть, кроме того, вещества, выходящие через мочевой пузырь, которые яснее обнаруживают болезнь, чем все то, что выходит через мышцы. Найдены также такие пития и яства, которые, становясь теплее самых теплых частей, их разжижают, и делаются текучими; а они никогда бы не истекли, если бы это с ними не случилось. Итак, разные средства, одни для одного, другие для другого, проникая в тело, возвещают болезнь; поэтому нельзя удивляться,

что узнавание болезней будет слишком продолжительным и приступ к их лечению слишком медлительным, если путем посторонних истолкований они дойдут до понимания пользующего их врача.

13. Итак, о том, что медицинское искусство само в себе имеет благоприятные возможности для лечения болезней и что оно, по справедливости, не простирает своих рук к тем болезням, которые нельзя уже исправить, или невиновно в решимости лечить такие болезни, об этом ясно говорит и настоящая речь, и свидетельствуют люди, опытные в этом искусстве—охотнее на основании его самого, чем только на словах. Эти люди не заботятся о красноречии; напротив, они думают, что они приобретут себе более сильное доверие народа на основании того, что он будет воочию видеть из самих фактов, а не на основании того, что он будет слышать из многообещающих слов.

1. Искусство, по греч. τέχνη, откуда наша «техника»; понятие это было шире нашего искусства и включало сюда различные ремесла, требующие технических навыков, приблизительно так же, как французское art; медицина—врачебное искусство. С другой стороны, врач был δημιουργός, демиург, человек, занимавшийся общеполезным ремеслом, ремесленник, мастер.

2. Вся эта глава содержит живые отголоски философских рассуждений и философской терминологии того времени. Вопросы о существовании и несуществовании (бытии и небытии) были поставлены элейской школой (Парменид), из нее же вышла диалектика и эристика (Зенон) с так называемыми софизмами, к которым принадлежит и опровергаемый автором тезис о несуществовании искусства. Далее следуют противопоставления имен и форм (видов, сущностей), законов и природы—обычных тем, которых автор касается вскользь, не рассчитывая, что они будут поняты публикой.

3. Такие предписания о ранах, за которые не следует браться, находятся, напр., в «Прорретике», II, 12, в «Переломах», 16, «Ранах головы» и др.

4. Вопрос о происходящем случайно (τύχη) и само собой (τὸ αὐτόματον) также служил предметом дискуссий; автор выступает перед нами как детерминист, отрицающий случайное,

и защитник строгой причинности. Исчерпывающий анализ случайного и самопроизвольного был дан позднее Аристотелем в Физике, II.

5. Ср. Афоризм VIII, 6: «Чего не излечивает лекарство, то излечивает железо. А чего железо не излечивает, то излечивает огонь. А чего огонь не излечивает, то должно считать неизлечимым».

6. Ихор, ἰχώρ—этим именем обозначали всякую бесцветную жидкость в организме (у Гомера кровь бессмертных богов)—сыворотку крови, лимфу, водянистый гной, в противоположность густому гною (πῦον).

7. Сосуды (ἀγγεῖον) здесь, как и в других местах Гиппократова сборника, нельзя понимать в смысле кровеносных сосудов; они обозначают просто посуду (см. «Диэту при острых болезнях», прим. 2, и «Афоризмы», прим. 2). Этот термин вводил в заблуждение многих, между прочим Шпренгеля (Sprengel), который, сопоставляя воздух (пневму) и сосуды (воздух в артериях), предполагал, что книга «Об искусстве» относится к александрийскому времени (см. Ковнер, 223).

О ДРЕВНЕЙ МЕДИЦИНЕ

Книга «О древней медицине», περὶ ἀρχαίης ἰητρικῆς, de prisca (s. vetere) medicina, занимает в Сборнике Гиппократа видное место и представляет интерес во многих отношениях. Мнения ученых об авторе сильно расходятся. Литтре приписывает сочинение самому Гиппократу, но голос его остается единственным; Фукс относит его к косской школе, но считает автором софиста и скорее даже оратора, чем врача; Линк отодвигает время сочинения в эпоху после Аристотеля, тогда как Ильберг, наоборот, относит к старым сочинениям Сборника, до Аристотеля; наконец, Шпет видит в нем «апологию книдской школы». Несомненно, что сочинение это представляет собой λόγος, рассуждение, или речь, составленную автором, знакомым с ораторскими приемами (это особенно ясно при чтении подлинника), вполне обработанную, последовательную и законченную. Ее мог написать иатрософист, но вряд ли человек, посторонний медицине; это видно по ряду деталей и слишком сильному полемическому задору. С косской школой, в частности, с «Диэтой при внутренних болезнях», автора сближает общее направление в терапии, строго диэтетическое требование разбираться в каждом отдельном случае, т. е. индивидуализировать. В некоторых местах имеется даже

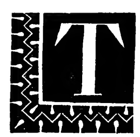
почти дословный пересказ текста «Диэты». Своеобразная гуморальная патология, развиваемая в книге,—признание большого количества жидкостей или соков в организме, классифицируемых по их вкусовым свойствам (сладкое, кислое и т. д.),—не позволяет относить произведение к книдской школе, поскольку она представлена в Сборнике; для нее характерно учение о четырех жидкостях (кровь, слизь, желтая и черная желчь) и, кроме того, энергичное применение лекарств, и заставляет скорее думать об Алкмеоне кротонском, влияние которого и признавалось большинством ученых. Стоящее особняком мнение Шпета основывается на свидетельстве Лондонского Анонима (Менона), по которому Геродик книдский сводил причины болезней к возникновению кислых и горьких соков в результате неправильной переработки пищи и к их отложению в различных местах. Дело может, следовательно, итти только о старой книдской школе, современной Алкмеону, или даже более ранней, между которыми, повидимому, существовали связи (известный кротонский врач Демокед, о котором много рассказывает Геродот, современник Дария персидского, был сыном Каллифонта, жреца Асклепия в Книде). Но данные, относящиеся к этим временам, слишком скудны и отрывочны, чтобы из них можно было извлечь что-нибудь положительное.

Автор «Древней медицины», несомненно, человек начитанный: он упоминает об Эмпедокле, знает других, писавших о природе, и не чужд философии, судя по отдельным словам и высказываниям. Главная тема рассуждения, написанного может быть для диспута,—это протест против вторжения натурфилософии в медицину, стремление объяснить болезненные явления, исходя из «гипотезы» о теплом, холодном и пр. как общих природных началах. Медицина не нуждается в гипотезе; она развивается своим эмпирическим путем, как прямое продолжение тех исканий, которые привели здоровых людей к выработке определенного пищевого режима; задача медицины, которую она с успехом выполняет,—это выработка соответственной диэты и режима для больных. Для этого нужно знать причины действия на организм тех или иных веществ и причины болезненных расстройств. Опровергая роль теплого и холодного, автор выдвигает учение о различных соках организма, их кразах и акразиях, которое и развивает в дальнейшем. Нарушение правильного смешения вызывает истечение раздражающей жидкости (ревмы), причиняющей страдание; ее переваривание и сгущение знаменует собой выздоровление. Медицина в своем развитии должна охватить воздействие на человека всего, что входит с ним в соприкосновение, должна учитывать разное действие одного и того же на

разных людей. Но не одна острота и сила соков вызывают болезни; другой причиной являются фигуры, т. е. форма частей человеческого тела, обусловливающие передвижение жидкостей и газов и их скопление в известных местах. Мы бы сказали, что, кроме химии, для медицины нужна морфология.

Как ни примитивны с нашей точки зрения все познания автора, но нельзя не признать, что позиция, отстаиваемая им с большой энергией (в общем все-таки косская), и развернутая им программа представляют интерес не только исторический. Здесь перед нами первый этап борьбы теории и эмпирии в области медицины, проходящей через всю ее историю.

Литература. Литтре, I, 567—569; Фукс (Puschmann's Gesch., I, 221); Spaet (Hippocrat. Mediz., 42 и разные истории медицины.


Е, которые пытались говорить или писать о медицине, полагая в основание своей речи гипотезу о теплом и холодном, влажном и сухом или еще о чем-нибудь другом по их выбору, приводя к единству причинные начала людских болезней и смерти и предполагая для всего одно и то же начало или также и два, во многом, очевидно, ошибаются в том, что они говорят [1]; но больше всего они достойны порицания за то, что допустили заблуждение в области искусства, которое существует на самом деле и которым все пользуются в делах весьма важных и в котором весьма чтут хороших практиков и мастеров. Есть, конечно, между этими мастерами иные плохие, но есть другие весьма превосходные, а этого по истине не случалось бы, если бы медицинского искусства вовсе не существовало и если бы ничего в нем не было ни усмотрено, ни открыто, а все одинаково являлись бы здесь неопытными невеждами и все дело излечения больных находилось бы в руках случая. Но теперь дело обстоит иначе; и подобно тому как в остальных всех искусствах мастера далеко между собой различаются как руками, так и умом, так точно бывает и в медицинском искусстве. Поэтому я со своей стороны не считал бы его нуждающимся в пустой гипотезе, как все те предметы, которые темны и сомнительны и о которых, если кто захочет говорить что-нибудь, по необходимости пользуется гипотезой. Так, например, если кто начнет рассуждать о предметах небесных или лежащих под землею, то, хотя

бы он и говорил, что он знает, в каком положении эти предметы находятся, все-таки ни для самого говорящего, ни для слушающих не было бы ясно, правда это или нет. Ведь нет ничего такого, исходя из чего можно это знать точно.

2. Но в медицине уже с давнего времени все имеется в наличности; в ней найдены и начало, и метод, при посредстве которых в продолжение долгого промежутка времени многое и прекрасное открыто, и остальное вслед за этим будет открыто, если кто-нибудь, будучи основательно подготовленным и зная уже открытое, устремится, исходя из этого, к исследованию. Напротив, тот, кто, отвергши и презревши все это, приступает к новому пути или способу искания и утверждает, что он открыл нечто, как сам обманывается, так и других обманывает; да и в самом деле это невозможно. В силу какой необходимости невозможно,—я попытаюсь доказать после, когда скажу и разъясню, что такое искусство. Из этого сделается ясно, что ничего решительно нельзя открыть иным способом. И мне больше всего кажется, что рассуждающий об этом искусстве должен говорить о том, что известно простым людям, ибо ни о чем другом не следует производить изыскания или говорить, как о болезнях, которым они сами подвержены и страдают. Им самим, так как они не образованы, нелегко знать, какими болезнями они болеют, как эти болезни зарождаются и прекращаются, по каким причинам они усиливаются или уменьшаются, но зато найденное и изложенное другими понять легко. Ведь в данном случае всякий только вспоминает, что с ним самим случалось. Но если кто не будет применяться к мнению простых людей и располагать таким способом слушателей, тот уклонится от настоящего пути. Вот почему медицина нисколько не нуждается в гипотезе.

3. Действительно, с самого начала медицинское искусство не было бы открыто и его бы не искали (да

и не было бы в нем никакой нужды), если бы для больных людей был полезен тот же самый образ жизни и та же пища, которую едят и пьют здоровые, и весь их режим, и если бы не было для них ничего лучшего. Теперь же сама необходимость заставила людей искать и открывать медицинское искусство, потому что предложенные больным пища и питье, какие предлагались и здоровым, не оказались полезными, как и в настоящее время не оказываются полезными. Далее, со своей стороны я думаю, что и в древнейшие века никто не открыл бы того образа жизни для здоровых людей и того рода пищи, который они ныне употребляют, если бы человеку пригодна была та же самая пища и то же питье, что для быка и для лошади и для прочих животных, кроме человека, именно все, что рождается из земли—плоды, травы и сено; ибо животные всем этим и питаются, и возрастают, и проводят жизнь без болезней, не нуждаясь ни в какой другой пище. И я с своей стороны думаю, что сначала также и человек употреблял такую же пищу. И мне кажется, что теперешние яства открыты, усовершенствованы и возникли в течение долгого промежутка времени, ибо как много ужасного испытали люди вследствие грубого и звериного образа жизни, вводя в себя вещества сырые, несмешанные, обладающие громадными силами! Подобное они и теперь от них испытали бы, впадая в тяжкие страдания и болезни и вскоре умирая. Вероятно, в прежнее время они все это меньше терпели, вследствие привычки, но и тогда тоже сильно. И большая часть их, имевших более слабую природу, вероятно, погибали, а те, которые превосходили силами, дольше выдерживали; так точно и в настоящее время одни легче переносят тяжелую пищу, а другие со многими страданиями и тягостями. Вот по этой причине люди, мне кажется, и стали искать пищу, сообразную с природою, и нашли ту, которую ныне мы употребляем. Итак, из пше-

ницы они, очистивши ее и провеявши, затем смоловши и просеявши, замесивши и испекши, приготовили хлеб, а из ячменя—мазу [2]; проделывая с ними разные другие приемы, они варили, пекли и смешивали вещества грубые и сильные с более мягкими, составляя все сообразно с природою и силами человека, будучи убеждены, что вещества слишком грубые, такие, что природа не может превозмочь, если их принять, приносят страдание, болезни и смерть, а такие, которые превозмогаются природою, доставляют питание, рост и здоровье. А таким открытиям и исканиям какое более справедливое или подходящее имя можно дать, как не медицины? И именно потому, что это открыто для здоровья человека, для его питания и сохранения; открыто, как перемена того образа жизни, от которого происходили страдания, болезни и смерть.

4. Но если этого не считать искусством, то и такое мнение не лишено оснований. Действительно, если в известном искусстве по причине его общего употребления и необходимости никто не оказывается невеждой, но все опытны, то не следует называть кого-либо художником... А между тем открытие это велико и дело многих наблюдений и искусства. Ведь даже и теперь те, которые заведуют гимнастикой и укреплением сил, путем такого же исследования постоянно открывают что-нибудь, посредством чего всякий, пользуясь известной пищей и питьем, может наилегче достигать этого укрепления и делаться в высшей степени крепким в силах.

5. Но рассмотрим всеми признаваемую медицину, изобретенную ради больных, которая имеет имя медицины и своих художников: не то же ли самое и она хочет подчинить себе и откуда она когда-то получила начало. Действительно, по моему мнению, высказанному выше, никто не искал бы медицины, если бы и для больных, и для здоровых были подходящи одни и те же правила жизни. Поэтому и в настоящее

даже время варвары и некоторые из эллинов, которые не пользуются медициной, ведут для своего удовольствия при болезни тот же образ жизни, как и здоровые, не воздерживаются ни от чего, что пожелают, и ни в чем себя не ограничивают. Напротив, искавшие и нашедшие медицину, следуя тому же мнению, как и упомянутые мною в предыдущей части речи, прежде всего, я думаю, устранили множество яств и вместо многих приняли немногие. Но, так как для некоторых больных это иногда было достаточно и, очевидно, приносило пользу, однако, не всем, так как некоторые были в таком состоянии, что даже и малого количества пищи не могли осилить, и для таких, конечно, настояла нужда еще в более легкой пище, то изобрели похлебки[3], смешивая с большим количеством воды немного твердых веществ и отнимая их крепость соединением и варением. У тех же, которые не могли переносить и похлебок, отняли также и эти последние и установили питья, наблюдая, чтобы они были умеренны и по составу, и по количеству и чтобы они не предлагались ни в большем количестве, ни в ином разведении, ни меньше надлежащего.

6. Нужно хорошо знать, что похлебки для некоторых не приносят пользы в болезнях, и когда больные примут их, то вслед за тем лихорадки и боли обостряются: очевидно, принятое питает и увеличивает болезни, но разрушает и ослабляет тело. Люди, предрасположенные таким образом, если примут сухую пищу или мазу, или хлеб в самом малом количестве, в десять раз больше и очевиднее страдают, чем от похлебки, и это не по чему-либо иному, как по несоответствию пищи состоянию больного. Но, с другой стороны, кому полезно есть похлебку, а не твердые кушания, он, если поест побольше, гораздо более повредит себе, чем если поест мало; но даже если и мало, все-таки будет страдать. Итак, все причины страдания сводятся к одному и тому же: самое сильное больше

и очевиднее всего вредит человеку как здоровому, так и больному.

7. Итак, что же иное имел в виду так называемый медик и по общему признанию мастер своего дела, когда он открыл диэту и пищу для больных, по сравнению с тем, который с самого начала нашел и приготовил для всех людей пищу, которую ныне мы употребляем из прежней дикой и звериной? Мне по крайней мере кажется, что здесь одно и то же рассуждение и одно и то же открытие. В самом деле, один старался устранить все то, чего не могла победить здоровая природа человеческая вследствие грубости и отсутствия правильного смешения [4], а другой—то, чего не могло победить состояние, в котором каждый раз случалось находиться человеку. Но какая же между этим и тем способом разница, кроме той, что последний—полнее, разнообразнее и более требует труда: началом, ведь, служит другой, возникший раньше?

8. Но если кто рассмотрит пищу людей здоровых сравнительно с пищей больных, то найдет, что пища зверей и прочих животных не более вредна по сравнению с пищей здоровых. В самом деле, если муж будет страдать болезнью не тяжелой и не неизлечимой, но и не совершенно легкой, то для него очевидна будет погрешность, если он захочет съесть хлеб и мясо или иное какое из тех яств, которые полезны здоровым, и съесть немного, конечно, но далеко меньше, чем мог бы здоровый. И, с другой стороны, если иной человек здоровый, с природою не совершенно слабою, но и не крепкою, съест что-либо из тех веществ, которые полезны для быка или для лошади, напр., гороху или ячменя или чего-либо в этом роде, немного, конечно, но гораздо меньше, чем мог бы, то, сделав это, здоровый человек будет испытывать болезнь и опасность не меньше, чем тот больной, который неблаговременно принял хлеба или мазы. Все это служит доказательством, что само медицинское искусство,

исследованное тем же путем, всё было бы открыто.

9. Но если бы, как указывалось, все более сильные вещества просто были вредны, а более слабые поддерживали и питали как больных, так и здоровых, то дело было бы легко, ибо в таком случае приходилось бы употреблять этот безопасный способ поведения и сажать больных на более слабое. Но теперь не меньшая ошибка и не меньший причиняется человеку вред, если он слишком мало и не в достаточном количестве принимает пищи, ибо влияние города сильно проникает в природу человека, обессиливает ее, ослабляет и убивает. Много разнообразного вреда происходит от наполнения, но не менее опасное и от оскудения, потому что оно много разнообразнее и требует большего внимания. Поэтому нужно искать какую-нибудь меру. Меры же этой, ни веса, ни числа какого-либо, соображаясь с которым можно было бы узнать точно, ты не найдешь иной, кроме ощущений. Поэтому дело заключается в том, чтобы изучить эту меру настолько точно, чтобы ошибаться лишь немного в ту или другую сторону. И я сильно хвалил бы того врача, который в этом случае мало ошибается. Но верную точность редко можно встретить, так как большая часть врачей, кажется мне, испытывает то же, что плохие кормчие. Ошибки этих, если они управляют кораблем при спокойном море, остаются незамеченными; если же их настигнет сильная буря и противный ветер, тогда уже для всех делается очевидным, что корабль погиб от их неопытности и по их вине. Таким же образом очень многие плохие врачи, когда лечат людей легко больных, по отношению к которым даже весьма важные допущенные ошибки не приносят никакой опасности,—а многие подобного рода болезни и гораздо чаще, чем опасные, встречаются у людей—и в таких болезнях погрешают, то это бывает скрыто от простых людей; когда же они встретят

великую, сильную и опасную болезнь, тогда их неумение и ошибки для всех делаются явными, ибо возмездие каждому из них не откладывается на долгое время, а является скоро.

10. А что, действительно, от неблаговременной пустоты желудка происходят у человека не меньшие расстройства, как и от переполнения, это хорошо можно узнать, наблюдая людей здоровых. В самом деле некоторым из них полезно принимать пищу только однажды, и то, что для них полезно, они себе и установили; другим же необходимо еще и завтракать, так как это им полезно. Сюда одинаково относятся люди, которые установили тот или иной режим ради удовольствия или случайно, ибо для большинства людей не составляет разницы, привыкнув к тому или другому, следовать этому обычаю: или принимать пищу только раз, или еще и завтракать. Напротив, некоторые, если что-либо сделают не вовремя, нелегко это переносят, но у них, даже если они на один день (и то не целый) изменят режим, является тяжкое расстройство, ибо, если позавтракают те, которым не полезно завтракать, они тотчас делаются тяжелыми и вялыми и телом, и умом, вместе с зевотою, сонливостью и большою жаждою, а если сверх того и пообедают, то возбуждаются и ветры, и рези, и желудок расслабляется. И у многих это оказалось началом большой болезни, даже если они те яства, которые привыкли принимать однажды, примут дважды и ничего больше. С другой стороны, если кто, получивши привычку завтракать, и кому это полезно, не позавтракает, тотчас, когда время прошло, является у него тяжелое бессилие, дрожь и упадок духа; при этом глаза впалые, моча делается желтее и горячее, во рту горько, внутренности кажутся отвисшими, в глазах темнота с головокружением, плохое настроение, неспособность к работе. Все то же случается, когда человек начнет обедать;

пища бывает менее приятной, он не может потреблять тех яств, которые принял во время предыдущего завтрака; они, с болями и шумом сходя вниз, разгорячают чрево, сами же больные проводят ночь неспокойно и тревожатся сновидениями бурными и волнующими. У многих это даже становилось началом болезни.

11. Следует рассмотреть, по каким причинам все эти расстройства случились. Я думаю, что тот, кто только однажды привык принимать пищу, не выждал достаточного времени, когда желудок вполне исчерпает прежние яства, осилит их, размягчит и успокоится, но ввел в кипящий и находящийся в брожении желудок новые яства. Но такого рода желудки переваривают гораздо медленнее и имеют нужду в большем отдыхе и покое. Напротив, тот, кто привык завтракать, чахнет и изнуряется от голода по той причине, что не тотчас оказалась у него налицо новая пища, ибо все, что, как я говорю, испытывают эти люди, я отношу к голоду. Я утверждаю также, что все прочие люди, будучи здоровыми, если проведут без пищи два или три дня, испытают то же самое, что я сказал об остающихся без завтрака.

12. И те натуры, которые скоро и сильно ощущают свои погрешности, по моему мнению, слабее прочих. А кто слаб, тот весьма близко подходит к тому, кто болен; а кто болен, тот еще слабее и гораздо тяжелее поражается, если сделает что-нибудь неблаговременно. Но трудно, если точность подобного рода должна существовать в искусстве, достигать достоверности. А между тем в медицинской практике многие вещи, о которых будет сказано, требуют такой точности. Я не говорю, что следует на этом основании отвергать медицинское искусство, если оно не имеет этой точной аккуратности во всем, как совсем не существующее или неправильно найденное. Напротив, я думаю, так как оно может приходить к истине своими рассуждениями из великого невеже-

ства, следует гораздо более удивляться тому, что в нем многие вещи открыты хорошо и правильно, а не случайно.

13. Но теперь я хочу обратить свою речь к тем, которые на основании нового метода ищут искусства, исходя из гипотезы. Если в самом деле есть нечто теплое или холодное, сухое или влажное, что вредит человеку, то и следует тому, кто захочет правильно лечить, помогать теплом через холодное, холодному посредством теплого, сухому посредством влажного и влажному через сухое. Возьмем человека по природе не из крепких, но из более слабых; пусть он ест сырую и необработанную пшеницу—такую, какую он взял из гумна, а также сырое мясо и пьет воду. Вследствие такого образа жизни этот человек, я уверен, будет терпеть многие и тяжкие расстройства, ибо и болезнями он будет удручаем, и тело у него будет слабеть, и желудок расстраиваться, и недолгое время он сможет прожить. Какое же лечебное средство надо приготовить для человека в таком положении? Теплое или холодное, сухое или влажное? Без сомнения, какое-либо из них. В самом деле, если вредит одно из них, то подобает облегчить противоположным, как гласит их рассуждение. Но самое верное и очевидное здесь лекарство—это, отнявши те яства, которыми он пользовался, предложить ему вместо пшеницы хлеб и вместо сырого мяса вареное и сверх того пить вино. И быть не может, чтобы он не выздоровел, сделавши такую перемену, если только продолжительной прежней диэтой он не испортил себя совершенно. Итак, что же мы скажем? Человеку этому, расстроившемуся от холодного, оказали пользу предложенные ему теплые вещества или противоположные? Думаю я, что спрошенный об этом будет в большом затруднении. Тот, кто приготовляет хлеб, отнял ли из пшеницы теплое или холодное, сухое или влажное? Ведь хлеб месится на воде и выраба-

тывается огнем и другими многими средствами, из которых каждое в отдельности имеет собственную силу и природу; часть того, что в нем существовало, потерял, с другим же смешался и соединился.

14. Знаю я хорошо и то, что весьма много значит для тела, употребляет ли кто хлеб чистый или смешанный: из пшеницы, очищенной от шелухи, или неочищенной; замешанный обильным количеством воды или малым; вымешанный круто или совсем не вымешанный; выпеченный или сыроватый, и, кроме того, тысячи других условий. То же самое относится и к ячменному тесту. И в каждом из этих условий существуют великие силы и притом нисколько между собою не схожие. Но кто всех этих условий не пересмотрел или, наблюдая, не понимает их, каким образом будет он в состоянии знать что-либо о человеческих страданиях? Ведь от всякого из этих условий так или иначе поражается и изменяется человек, и этими именно условиями держится жизнь и всякого здорового человека, и выздоравливающего от болезни, и больного. Таким образом, ничего нет полезнее и необходимее познания всего этого, как, прекрасно и с надлежащим рассуждением исследуя природу человека, обнаружили все это первые открывшие, и искусство это они считали достойным приписать богу, как это и теперь признается. Они не думали, что человеку вредит сухое или влажное, теплое или холодное, или что-либо другое подобное, и что человеку есть нужда в чем-либо из всего этого, а вредит то, что в каждом предмете есть слишком сильного, превышающего природу человека, что не может ею быть осилено: вот это они считали вредным и искали, как уничтожить. Самое же сильное есть среди сладостей самое сладкое, среди горького самое горькое, среди кислого самое кислое и, вообще, что во всяком предмете есть наивысшее, ибо они видели, что все это в человеке есть и что оно вредит ему.

Есть в человеке и горькое, и соленое, и сладкое, и кислое, и жесткое, и мягкое, и многое другое в бесконечном числе, разнообразное по свойствам, количеству и силе. И все они, смешанные и умеренные друг другом, не выступают наружу и не тяготят человека. Но когда какое-нибудь из них отделится и будет выступать само по себе, тогда оно и делается видимым и поражает человека тяжестью [5]. Вот так точно и из яств, которые совсем нам не пригодны и которые, будучи введены в тело, вредят человеку: каждое из них есть или горькое, или соленое, или кислое, или в другом каком-либо отношении неумеренное и сильное, и потому они производят в теле расстройство, так же как и то, что выделяется в теле. Но все, что человек ест или пьет, все это, очевидно, имеет самую малую часть этого неумеренного и пересиливающего сока, так, напр., хлеб и маза и подобные им кушанья, которые люди обильно и всегда привыкли употреблять, кроме приправ того, что приготовляется для удовольствия и пресыщения. Вот от таких полезных яств, хотя бы они вводились в большом обилии, совершенно не случается расстройства и выделения сил в теле, а, напротив, является крепость, возрастание и питание, и это не по какой-либо другой причине, а только потому, что, будучи хорошо соразмерены, они не имеют в себе ничего неумеренного, ничего сильного, но в целом являются чем-то единым и простым.

15. Но для меня, поистине, невразумительно, каким же способом те, которые говорят такие речи и отводят искусство с указанного пути к гипотезе, намерены лечить людей на основании своей гипотезы? Ведь я думаю, у них не найдено нечто само по себе теплое или холодное, сухое или влажное, непричастное никакому другому виду. Напротив, как я думаю, у них существуют те же самые яства и питья, которыми также и мы все пользуемся, но они

одному придают качество теплого, другому—холодного, одному—сухого, другому—влажного. В самом деле, затруднительно прописать больному принять что-нибудь теплое. Он сейчас же спросит: что?— так что придется или пустословить, или прибегнуть к какому-либо из известных предметов. Если же будет какое-нибудь теплое случайно терпким, а другое теплое—безвкусным, а еще иное теплое—раздражающим (ведь существуют многие другие теплые вещи, имеющие многие другие противоположные друг другу качества), то придется предложить какое-либо из них: или теплое и вместе терпкое, или теплое и безвкусное, или холодное и вместе с тем терпкое; существует, ведь, и такое—или холодное и безвкусное, ибо, насколько я знаю, все противоположное исходит от каждого из этих двух качеств, и это не только в человеке, но также и в коже, и в дереве, и в иных многих предметах, которые менее чувствительны, чем человек. И в самом деле не теплое имеет великую силу, а терпкое, безвкусное и все прочее, о чем я говорил, как в человеке, так и вне человека, среди тех веществ, которые поступают в пищу или питье, или снаружи втираются и прикладываются.

16. Я со своей стороны полагаю, что холодное и теплое имеют наименьшую силу в теле из всех качеств по следующим причинам: пока теплое и холодное будут смешаны между собою, они нисколько не причиняют тягости, ибо холодное получает умеренность и соразмерность от теплого, а теплое от холодного и все остальное соответственно. Но лишь только одно от другого отделится, тогда уже вредит. Но в то самое время, когда появится холод и как-нибудь будет вредить человеку, тотчас же прежде всего, вследствие этого самого, является налицо теплое оттуда же из человека, без всякой помощи и приготовления. И это происходит как у здоровых, так и у больных. Если, с одной стороны, кто-нибудь здоровый зимою захочет

охладить тело свое или в холодной ванне, или другим каким-нибудь способом, то чем больше это сделает — если, конечно, тело совершенно не заморозит, — тем больше и сильнее, лишь только наденет одежды и войдет в дом, согреется. Но если, с другой стороны, кто захочет сильно согреться или в теплой ванне, или у большого огня, и затем оставаться в той же самой одежде, в том же самом месте, где он прозяб, тот гораздо больше будет зябнуть и притом еще дрожать. Или кто, обмахиваясь во время великого зноя опахалом и доставляя этим сам себе прохладу, перестанет это делать, тот почувствует в десять раз больше жар и зной, чем тот, который ничего подобного не делал. А вот здесь страдания еще сильнее: люди, сделавшие переход по снегу или при ином холоде и отморозившие особенно ноги, руки или голову, как они страдают ночью, когда укроются одеждами и находятся в теплом месте, от жары и зуда! У некоторых поднимаются даже пузыри, как у обожженных огнем, и это все случается у них не прежде, чем они разогреются. Так готово одно следовать за другим! Ко всему этому я мог бы прибавить бесчисленное множество других примеров. А у больных: разве у тех, у кого появляется озноб, не возникает вдруг острейшая лихорадка? И где озноб не сильный, но скоро прекращающийся и в других отношениях не вредящий, сколько времени держится жар! Пройдя через все тело, он останавливается в ногах, где озноб и холод сильнее всего и дольше всего продолжаются. Затем, когда выступит пот и лихорадка перестанет, больной гораздо сильнее зябнет, чем в том случае, если бы сначала лихорадка его не схватила. За чем, таким образом, быстро следует противоположное, само собой уничтожающее его силу, что же от него может произойти серьезного или ужасного? И почему требуется в этом случае врачебная помощь?

17. Но кто-либо мне возразит: а ведь одержимые

горячкой, воспалением легких или другими сильными болезнями, не скоро освобождаются от жара и не следует здесь холод за теплом. Но это представляется мне наилучшим доказательством того, что не от теплого просто лихорадят люди и что не оно одно только является причиною болезни; но бывает и горькое и вместе теплое, также кислое и теплое, соленое и теплое, и многие другие бесчисленные соединения, так же как и холодное бывает соединено с другими свойствами. Итак, эти именно свойства и вредят, но соприсутствует с ними и теплое, имея настолько силы, что оно вместе с другим ведет и обостряет, и увеличивает болезнь, но никакою особенною способностью, кроме присущей ему, не обладает.

18. Что все это так именно обстоит, явствует из следующих признаков: прежде всего, конечно, из самого очевидного, что все мы часто испытываем и будем испытывать. Действительно, когда у нас является насморк и из носа истекает влага, эта последняя большею частью бывает гораздо острее той, которая прежде явилась и ежедневно текла из носа; она заставляет нос опухать и жжет, делая его крайне горячим и воспаленным наощупь; и если это продлится большее время, то одно местечко, лишенное мяса и твердое, даже изъязвляется. Но жар в носу прекращается не тогда, когда происходит истечение и еще существует воспаление, а когда потечет влага более густая и менее острая, сварившись и более смешавшись с тою, которая была прежде. Но у тех, у кого эта болезнь возбуждается от одного холода и без присоединения чего-либо другого, излечение происходит одинаковым образом: за холодом следует согревание, за жаром охлаждение, и это делается быстро и не нуждается ни в каком сварении. Все же прочее, что является от остроты и неумеренности влаг, все это, я утверждаю, и возникает таким же способом, и проходит, будучи сварено и смешано.

19. Также и истечения, устремляющиеся в глаза и заключающие в себе сильную и разнообразную остроту влаг, изъязвляют веки, разъедают у некоторых щеки и части, лежащие под глазами, по коим они текут, даже разрывают и разъедают оболочку, окружающую зрачок. Боль, жар и наибольшее воспаление до тех пор удерживаются, пока истечение не будет сварено, не сделается гуще и не образуется из него гной. Переваривание же происходит, когда будет взаимное смешение, умерение и совместное варение. Те же течения, которые несутся в горло, от которых являются охриплости, ангины, рожи и воспаления легких, все они сначала выделяют соленое, влажное и острое и через них болезни укрепляются. Но когда они сделаются гуще, переварятся и освободятся от всякой остроты, тогда уже перестают и лихорадки и все то, что мучает человека. Следует, без сомнения, считать причинами всякой вещи то, при наличии чего необходимо вещи сделаться такой-то, а когда это изменится в другое соединение, и вещь перестает быть такой. Итак, все, что случится от одной чистой теплоты или холода, без участия какого-либо другого свойства (силы), перестанет существовать, когда изменится из теплого в холодное и из холодного в теплое. Изменяется же оно по тому способу, о котором я сказал выше. Знай, таким образом, что и все прочее вредящее человеку, все происходит от сил. Вот, например, если разольется некоторая горькая влага, которую мы называем желтою желчью, какое беспокойство, жар и слабость овладевают тогда! Но, освободившись от нее, а иногда и очистившись или самопроизвольно, или благодаря лекарству, если что-нибудь из этого произойдет благовременно, больные явным образом освобождаются и от болей, и от жара. Но до тех пор, пока все это поднимается в теле, непереваренное, несмешанное, нет средства прекратить боли и лихорадку. И если у кого

возьмут верх острые, сильные и заржавелые кислоты, то какие являются от этого бешеные припадки и боли во внутренностях и груди, какая беспомощность! И прекращается что-нибудь из всего этого не прежде, чем эта влага не будет очищена, укрощена и смешана с другими. Свариться же влага, измениться, смягчиться и сгуститься в природу обычных соков может многими и различными способами; поэтому в этих случаях имеют большое значение и кризисы, и числа времен; но меньше всего во всем этом принимает участие тепло или холод, так как они не могут ни загнивать, ни уплотняться. Что же, и в этом случае, скажем мы, происходят смешения веществ, имеющих по отношению друг к другу разную силу? Ведь тепло перестанет быть теплым не через какую-либо другую примесь, а только примесь холодного, и наоборот, холод—через примесь теплого, а все остальное, что находится в человеке, чем с бо́льшим количеством влаг смешивается, тем делается спокойнее и лучше. И человек только тогда наилучше чувствует себя, когда эти влаги свариваются и находятся в покое и не обнаруживают никакой собственной силы. Но обо всем этом я, кажется, сказал уже достаточно.

20. Говорят некоторые врачи и софисты, что не может знать медицинское искусство тот, кто не знает, что такое человек и как он вначале явился и из чего составлен, но что должно знать все это тому, кто намерен правильно лечить людей. Но речь их клонится к философии, как, например, у Эмпедокла и других, писавших о природе [6]. Я же с своей стороны думаю, что все то, что сказали или написали как софисты, так и врачи о природе, относится не столько к медицинскому искусству, сколько к живописи [7]. Я полагаю, что ясное познание природы заимствуется не откуда-либо, а только из медицинского искусства; но это можно узнать, если кто-либо правильно его обнимет, а пока этого не будет, далеко, мне кажется, от-

стоит он от этого; я же имею в виду историю такого рода: знать точно, что представляет собой человек и по каким причинам он возникает и все прочее. Тогда как вот что, мне кажется, всякому врачу необходимо знать о природе и приложить все свое внимание, чтобы узнать, если только он намерен выполнять свой долг: что́ представляет собой человек по отношению к пище и питью, а также и ко всему прочему и что от каждого может случиться с каждым. И не просто так: сыр—плохое кушанье, так как причиняет бо́ль тому, кто его съел много, а какую именно боль, и по каким причинам, и какой части человека он не соответствует? Ведь существуют и другие многие кушанья и питья, приносящие вред, однако, они действуют на человека не одним и тем же образом. Возьмем такой пример: чистое вино, выпитое в большом количестве, приводит человека в известное состояние, и все видящие это знают, что в этом именно обнаруживается сила вина и оно является причиной; но мы знаем также и то, на какие именно части человека оно преимущественно влияет. Вот я хотел бы, чтобы эта истина и во всех прочих случаях была так же ясна. В самом деле, сыр (так как мы взяли его как пример) не всем людям в одинаковой степени вреден, но есть такие, которые, наевшись его, ни в малейшей степени не чувствуют вреда; напротив, он тем, кому подходит, удивительно придает силы. И есть такие, которые с трудом его переваривают. Следовательно, природы этих людей различны. Различаются же они между собою по тому, что в теле есть враждебного сыру и что им возбуждается и приводится в действие; у кого влага этого рода находится в большем количестве и больше имеет господства в теле, то, естественно, таким людям сыр сильнее вредит. Но если бы сыр был злом для всякой природы человеческой, то, конечно, он вредил бы всем. Кто будет знать это, тот не будет страдать [8].

21. При выздоравливании от болезней, а также при продолжительных болезнях бывают многие расстройства, частью само собой, частью от разных случайностей. Я знаю многих врачей, которые совершенно как простые люди, если что-либо случайно в тот же день сделали новое, именно: ванну, или прогулку, или съели что-нибудь особое, то хотя бы все это лучше было употребить, тем не менее причину расстройств возлагают на какое-нибудь из этих нововведений и, не зная настоящей причины, самое, может быть, полезное отменяют. Должно не это делать, а знать, что производит употребление несвоевременной ванны или как действует утомление, ибо никогда не бывает одного и того же вреда от переполнения и от такого или иного кушанья. Итак, кто не будет знать, как все это в отдельности действует на человека, тот не сможет знать, что от этого произойдет, и не сможет всем этим правильно пользоваться.

22. Следует, мне кажется, знать и то, какие страдания происходят у человека от сил, какие—от фигур. О чем же я это говорю? Под силами я разумею остроту и крепость влаг, а под фигурами—те, которые находятся в человеке, ибо некоторые части по́лы и из широкого переходят в узкое пространство; некоторые также растянуты, иные твердые и круглые, иные широкие и висящие, иные растянутые, иные длинные, и иные плотные, иные мягкие и сочные, иные губчатые и рыхлые. Теперь, что́ именно из них влечет к себе и притягивает влагу из остального тела: полое и распростертое, или плотное и круглое, или полое и из ширины стянутое в узкое? Я думаю, то, что из полого и широкого стянуто в узкое. И это можно ясно понять из вещей внешних и очевидных. Так, например, с раскрытым ртом ты не привлечешь никакой влаги, но когда, вытянувши губы, стянешь и сожмешь их и кроме того приложишь трубочку, тогда втянешь, что угодно. Это ясно показывают и кровососные

банки, в которых широкая часть стягивается в узкую и которые изобретены для того, чтобы тянуть из мяса и извлекать, вскрывать, а также и многое другое в этом роде. Из частей, которые по природе находятся внутри человека, такую же фигуру имеет мочевой пузырь, голова и матка у женщин; очевидно, и эти части наиболее привлекают влагу и, после привлечения, наполнены ею. А части полые и растянутые, конечно, более всего принимают в себя притекающую влагу, но они не притягивают ее в равной степени. Все же плотное и круглое и не притягивает, и не удерживает притекающей влаги, так как она будет скользить по окружности и не имеет места, где бы удержалась. Все же губчатое и редкое, как, например, селезенка, легкое, груди, очень легко всасывают находящееся в их окружности и, вследствие входящей в них жидкости, очень сильно твердеют и увеличиваются. И в самом деле, в селезенке влага находится не так, как в желудке; желудок ее извне получает и ежедневно опоражнивается. Напротив, когда селезенка сама в себя вопьет и вберет влагу, пустые и редкие пространства ее наполнятся так же, как и все малые полости; из мягкой и рыхлой она делается твердою и плотною; не переваривает и не выделяет. И это все происходит от природы фигуры. Все же, что производит в теле воздух и его оборот, все это в пустотах и более широких пространствах, как, например, в животе и груди, естественно, возбуждает шум и звук. Действительно, так как он наполняет не так, чтобы стоять на одном месте, но имеет перемены и движения, то по необходимости бывает от него шум и видимые движения. А во всем том, что мясисто и мягко, делаются оцепенения и переполнения, какие бывают в членах, пораженных апоплексией. Но если встретит он (воздух) что-нибудь широкое и лежащее против и будет давить на него, а этот предмет будет по природе не настолько крепок, чтобы выдерживать его силу и не

испытывать ничего худого, и в то же время и не так мягок и рыхл, чтобы принять его в себя и уступить, но будет нежным, сочным, наполненным кровью и плотным, как, например, печень, тогда вследствие плотности своей и широты он сопротивляется и не уступает; воздух же, подходя, возрастает, делается крепче и с напором несется на то, что ему противостоит. Но так как место это нежно и снабжено кровью, то не может быть свободно от боли. По этим причинам в этом месте возбуждаются весьма сильные и частые боли и многочисленные нагноения и нарывы. И все это также случается и под грудобрюшной преградой, но далеко не так сильно, ибо растяжение грудобрюшной преграды широко и расположено против воздуха, но по природе она более сухожильна и крепка, поэтому менее подвержена болям. Но и в этих местах образуются и боли и нарывы.

23. Много и других видов фигур существуют как внутри, так и вне тела, которые по отношению к болезням весьма много различаются как у больных, так и у здоровых людей, таковы, например, головы малые или большие, шеи тонкие или толстые, длинные или короткие, животы длинные или круглые, различная ширина или узость груди и ребер и другие бесчисленные. И должно знать различие всего этого для того, чтобы, узнавши причину каждого, правильно оберегать их [9].

24. Относительно же свойств влаг должно усмотреть, как прежде сказано, что всякая из них может сделать в человеке и как они относятся друг к другу. Я говорю вот о чем: если сладкая влага изменится в другую форму не через смешение с другою, но сама по себе, то какою она прежде всего будет — горькою ли, соленою, терпкою или кислою? Думаю с своей стороны, что она будет кислою. Но кислая влага из остальных всех будет более пригодной, если считать, что сладкая наиболее пригодна из всех. Таким обра-

зом, если кто, исследуя снаружи, сможет достигнуть удачи, тот всегда сможет из всего избрать наилучшее. Наилучшее же есть то, что наидальше отстоит от неподходящего.

1. Теплое, θερμόν, и холодное, ψυχρόν, влажное, ὑγρόν, и сухое, ξηρόν,—две основные пары противоположностей, которые натурфилософы нередко полагали в основу всех вещей и которыми пользовались для объяснения болезненных явлений. Первый начал говорить о них Анаксимандр в сочинении «О природе» (546 г. до н. э.): в основе всего сущего лежит беспредельное (ἄπειρον), в результате движения которого и выделяются указанные противоположности. Учение об этих противоположностях поддерживал много позднее и Аристотель (384—322), считая теплое и холодное, сухое и влажное элементами, из которых слагаются стихии Эмпедокла (земля, вода, воздух и огонь), образующие в свою очередь простые части организма. Единым началом всего существующего считали: Фалес (624—547)—воду, Анаксимен (VI в.) и Диоген Аполлонийский (Vв.)—воздух, Гераклит (ок. 500)—огонь; два начала признавал Гиппон (V в.): холодную воду и теплый огонь. Из книг Гиппократова сборника: «О ветрах» выдвигается как начало—воздух, «О мясе» и «О диэте» — огонь.

2. Хлеб, ἄρτος, изготовлялся из пшеницы с закваской; его употребляли люди состоятельные; остальные—обыкновенно по праздникам. Маза, или маца, μάζα, опресноки, ячменные лепешки, замешанные на воде,—обычная пища греков того времени.

3. Похлебку, ῥύφημα, или ῥόφημα, или суп (лечебный), приготовляли из ячменя, муки и т. п., прибавляя туда часто лук, чеснок и разные травы. См. книгу «О внутренних страданиях», где проводятся многочисленные указания о супах при разных болезнях.

4. Термин «смешение», κρᾶσις, так же как производные: εὐκρασία, правильное, хорошее смешение, δυσκρασία и ἀκρασία, плохое, неправильное смешение, отсутствие смешения, встречаются нередко в Сборнике и были ходовыми в тогдашней медицине. Они имеют в виду отношение составных частей какого-либо сложного соединения друг к другу, степень их соразмерности, соответствия друг другу, а также смягчение и уничтожение сильных и резких свойств одного компонента другими. В результате смешение может быть «соразмерным», «умеренным», лат. temperatum (отсюда temperatura, температура смеси алхимиков), или же «неумеренным», «грубым»,

«сильным». Корни этого учения, конечно, следует искать в повседневной жизни: греки разбавляли вино водой, ἄκρατος οἶνος — чистое, несмешанное вино; оно действовало сильно, возбуждающим образом; это же слово ἄκρατος в переносном смысле значило: неумеренный, сильный, чрезмерный, необузданный.

5. Здесь автор излагает свою гуморальную патологию, не встречающуюся в других сочинениях Сборника; он признает большое количество жидкостей или соков в организме, но не говорит ни о слизи, ни о черной желчи, упоминая только один раз о желтой желчи (гл. XIX). Классифицируются эти жидкости по их вкусу; сладкие, кислые, соленые и т. д. В здоровом организме они находятся в правильном смешении, умеряют друг друга (см. прим. 4); выделение какой-нибудь одной, ее преобладание, вызывает болезнь. Автор приписывает это учение древним врачам. Насколько мы знаем, сходное учение развивал Алкмеон (нач. V в.), представитель знаменитой в свое время кротонской (италийской) школы, врач и философ, ученик Пифагора. В одном из сохранившихся отрывков Алкмеона мы читаем: «Сохраняет здоровье равновесие (изономия) в теле сил влажного, сухого, холодного, теплого, горького, сладкого и прочих; господство же (монархия) в них одного есть причина болезни, ибо господство одной противоположности действует гибельно. И действительно, случаи болезни можно свести (что касается их причины) к излишку теплоты или холода; что же касается повода, к излишеству или недостатку в пище; что же касается места, то или к крови или к спинному, или головному мозгу. Но иногда возникают болезни и по внешним причинам: вследствие качеств воды или свойств местности или усталости или насилия и тому подобных причин. Здоровье же есть равномерное смешение всех качеств тела» [Маковельский. Досократики. Ч. I. Казань, 1914, стр. 210; Фрагмент Diels'а (Дильс), 442].

Сходство этих взглядов с развиваемыми в «Древней медицине» несомненно. Но в дальнейшем мы увидим и различие: автор «Древней медицины» старается выдержать гуморальное учение о причинах болезней и ведет резкую полемику с теми, которые выдвигают теплое и холодное.

6. Эмпедокл из Агригента (Сицилия)—врач и натурфилософ (484—424 по Дильсу); его книга «О природе» пользовалась широким распространением в древности, и от нее сохранилось много отрывков. Эмпедокл считается основателем сицилийской школы врачей, против которой, может быть, и направлена вся предшествующая полемика автора. В ней между прочим рассказывается о происхождении животных

и людей, которые возникали сначала в виде отдельных частей, впоследствии соединявшихся между собой. Первые случайные соединения были уродливы, нежизнеспособны и погибали, и только после ряда неудачных попыток природа создала ныне существующие формы. Книги о природе писали кроме Эмпедокла: Алкмеон, Парменид, Гераклит, Анаксагор, Диоген Аполлонийский и другие.

7. «К живописи», в подл. τῇ γραφικῇ, что представляет собой точный перевод. Также переводил Фоэзий (ars pictoria) и Литтре (l'art du dessin). Но некоторым это кажется непонятным и неподходящим, и они переводят γραφική, как искусство писания (Ilberg, Ars scriptoria, schriftliche Darstellung (Haeser), или Schriftstellerei (Spaet). Однако, если прочесть фрагменты Эмпедокла, картинно рисущие возникновение животных:

«Так выросло много голов без шей,
Блуждали голые руки, лишенные плеч,
Двигались глаза, лишенные лба»,

и дальше:

«Появилось много существ с двойными лицами и
двойной грудью,
Рожденный быком с головой человека и, наоборот,
Произошли рожденные людьми с бычачьими головами»
и т. д.

(«Досократики», 2-я ч., стр. 199—200),

то станет понятной ирония, которую автор вкладывает в слово: «живопись».

8. Все это место о необходимости индивидуального подхода характерно для Гиппократа и косской школы.

9. Развиваемое в гл. 22 и 23 учение о фигурах (σχῆμα), т. е. форме частей человеческого тела (которое с полным правом можно назвать морфологией), служит необходимым дополнением к гуморальной патологии и показывает, в каком отношении анатомия интересовала врача того времени. Механизм движения соков и газов и возможные расстройства его было главное; с этой точки зрения и классифицируются формы. Для этого достаточны были самые общие сведения по анатомии, которые мы и встречаем в книгах о внутренних болезнях.

АНАТОМИЯ

Небольшой трактат, или, может быть, отрывок, носящий название: «Об анатомии», περὶ ἀνατομῆς, de anatomia, не упоминается у древних и содержится лишь в немногих рукописях. Тем не менее он несколько раз издавался отдельно в XVI веке и 2 раза в XVIII в. с обширными комментариями Триллером (Trillerus. Lugd. Batav., 1728) и Гунцием (Gunzius, Lipsiae, 1738) (Литтре, VIII, 536). Отрывок этот содержит беглое описание внутренних органов, изобилующее неточностями и утверждениями, противоречащими современным анатомическим данным, а иногда мало для нас понятными. Кроме того, он написан трудно поддающимся переводу языком. Но, как справедливо замечает Литтре, а за ним Фукс, наша задача заключается в том, чтобы понять, как древние представляли себе анатомию, а не в том, чтобы соответственно нашему знанию вносить корректуры, как это, между прочим, делали упомянутые комментаторы. Интерес отрывка заключается в том, что он относится очевидно к анатомии человека, тогда как внутренности животных были хорошо известны лицам, производившим вскрытия при жертвоприношениях. Вопрос этот разбирается Велькером (Hippocrates corpora humana insecuerit necne. Wellker, Kleine Schriften, III, Bonn, 1850).

Конечно, анатомические сведения Гиппократова сборника не ограничиваются данным отрывком; достаточно упомянуть о кровеносных сосудах, расположение которых трактуется во многих книгах Сборника («О природе человека», «О священной болезни» и др.), об описании сердца в книге того же названия, суставов и костей в хирургических сочинениях. Но при всем этом не следует упускать из виду, что анатомия для врачей этой эпохи никогда не была самоцелью, а культивировалась постольку, поскольку она могла служить подсобным средством для практической медицины. Фукс предполагает, что данный отрывок составлен под влиянием анатомии Демокрита, который, как известно, не был врачом; это утверждение может быть основано только на филологических соображениях, так как анатомические исследования Демокрита нам мало известны.

Подробно об анатомии Гиппократова сборника трактует Гирш (Hirsch, Commentatio historica medica de collectionis Hippocratis auctorum anatomia etc. Berol., 1864); Фукс (Puschm. Gesch., I, 236—241); на русск. яз. Ковнер (249—259).

РТЕРИЯ[1], начинаясь с обеих сторон глотки, оканчивается на вершине легкого и состоит из колец одинакового вида, приложенных одно к другому по плоскости изгиба.

Само легкое выполняет грудь; обращено влево; имеет пять выдающихся концов, называемых долями, пепельного цвета; усеяно выпуклыми точками; по природе ячеисто, как осиное гнездо.

В середине легкого укреплено сердце, более круглое, чем у всякого другого животного[2]. От сердца идут к печени многочисленные трубочки (бронхи) и вместе с ними так называемая большая вена, через которую питается все тело[3]. Печень имеет такой же вид, как и все остальные части, но она полнокровнее других; имеет два выдающихся отростка, которые называют воротами, расположенные с правой стороны; из печени одна косая вена идет к нижним частям почек. Почки, одинаковые по виду, по цвету похожи на яблоки. От каждой почки идет косой проток, направляющийся к верхушке пузыря. Мочевой пузырь весь сухожильный и большой; издалека принимает участие мочевой пузырь в том, для чего он предназначен[4]. Вот шесть частей, которые природа расположила внутри и посредине. Пищевод, начинаясь от языка, оканчивается в полости, называемой также желудком (стомах) вследствие септических (гнилостных) свойств полости. На позвоночнике, позади печени, находится диафрагма. Начиная от ложных ребер, с левой стороны протягивается селезенка, похо-

жая по виду на след ноги. Желудок же, прилежащий к печени с левой стороны, целиком сухожильный. Из желудка выходит кишка того же устройства, малая, не короче 12 локтей, свернутая в виде завитка бухтообразными извилинами, называемая некоторыми «колон»; через нее происходит передача пищи [5]. От колона идет последняя задняя кишка, снабженная большим количеством мяса и оканчивающаяся заднепроходным кольцом. Остальное размещено по порядку природой.

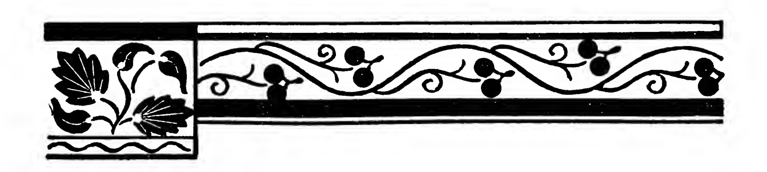
1. В данном случае разумеется, конечно, трахея, но артерией называлось всякое образование в виде трубки, наполненное воздухом; φλέψ—вена или жила должна быть наполнена кровью.

2. Здесь разумеется, очевидно, сердце человека, почему Фукс и вставляет в скобах «des Menschen».

3. βρονχίη—бронхи, обозначают повидимому пустые трубки или каналы, т. е. артерии; большая вена, μεγάλη φλέψ, нижняя полая вена.

4. Эта далеко не ясная фраза давала повод к различным еще менее удовлетворительным толкованиям (Литтре, VIII, 539).

5. Здесь опять неясность: дело, повидимому, идет об ободочной кишке, но куда же делись тонкие кишки?



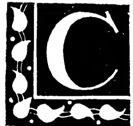
О СЕРДЦЕ

Небольшое сочинение «О сердце», περὶ καρδίης, de corde, выделяется из всех остальных книг Сборника: оно одно дает подробное анатомическое описание отдельного органа, относящееся при этом к сердцу человека а не животного. Сердце здесь признается главным органом, жизненным центром человека: в левом желудочке пребывает ум, и оттуда он управляет душой человека; носителем ума является врожденное тепло или огонь, питающийся чистым и светлым выделением крови. Последнее представление не чуждо другим книгам Сборника; о врожденном тепле упоминается и в «Афоризмах» (I, 14), но местопребывание мыслительной способности помещается обыкновенно в мозгу («О священной болезни», гл. 14). Само собой разумеется, что для человека, ознакомившегося с сердцем путем непосредственного наблюдения, было ясно, что сердце является началом главных сосудов, тогда как в ряде других сочинений их началом считают голову или печень и селезенку. Анатомическое описание в общем довольно точно; только клапаны между предсердиями (ушками) и желудочками не признаны за таковые, хотя подробно описывается устройство и функции полулунных клапанов. Автор не чужд эксперименту (гл. 2 и 10) и вообще является

серьезным и вдумчивым исследователем. Он склонен кроме того восхищаться целесообразным устройством отдельных частей сердца, представляя его как произведение искусного мастера, делающего все по расчету (гл. 8),—прием описания, сходный с тем, который применен Платоном в «Тимее». Но можно ли отсюда выводить заключение о «телеологическом представлении автора о личном боге» и приписывать на этом основании книгу «послеаристотелевскому стоику» (Weygoldt, Kühlewein по Фуксу),—это представляется очень сомнительным. Ко времени после Аристотеля относили книгу и некоторые другие ученые (Petersen, Falk); Фридрих (Friedrich, Hipp. Untersuch., p. 80 и сл.) после тщательного сопоставления с другими материалами считает ее доаристотелевской, замечая при этом: «искать имена авторов гиппократовских сочинений—работа для нас совершенно безнадежная и бесполезная»; Дарамберг причислял книгу к произведениям книдской школы.

Новый взгляд на происхождение книги «О сердце» высказывает Велльманн, которому принадлежит самое последнее исследование этого вопроса. Подробное изучение фрагментов сицилийских врачей и во многом близкого к ним знаменитого врача Диокла из Кариста привело его к убеждению, что учение, излагаемое в книге «О сердце», во многом близко к Платону и Диоклу, находившимся, как это установлено, под влиянием сицилийского врача Филистиона. Под влиянием воззрений сицилийской школы, в частности Филистиона, и возникло, по мнению Велльманна, исследование: «О сердце».

Литература. Фукс (Puschm. Gesch I, 225), Wellmann M. (Fragmentsammlung der griech. Aerzte, I, Die Fragmente der sikelischen Aerzte Akron, Philistion und des Diokles von Karystos, Berlin, 1901, S. 94—107).

ЕРДЦЕ пирамидальной формы и темно-красного цвета. Окружает его гладкая оболочка, в которой находится немного жидкости, похожей на мочу, почему и можно сказать, что сердце вращается в пузыре. Это устроено для того, чтобы оно могло биться сильно и в сохранности. Именно столько находится жидкости, сколько нужно, чтобы смягчать огонь, который пылает в сердце. Эту жидкость выделяет сердце, которое пьет, принимает и потребляет, вбирая в себя жидкость из легкого.

2. В самом деле, человек пьет много в живот; желудок—как бы воронка, которая воспринимает в изобилии питье, а также то, что мы принимаем; пьет же он также в гортань, но мало и столько именно, сколько может пройти нечувствительно через щель[1]. Действительно, надгортанник есть крышка, очень точно закупоривающая и не дающая прохода ничему, кроме питья. Вот доказательство: если кто окрасит воду в голубой цвет или красный и даст ее выпить очень жаждущему животному, лучше всего свинье, ибо это животное не отличается ни разборчивостью, ни чистотою, потом перережет ей горло в то время, как она пьет, то он найдет надгортанник окрашенным питьем, но эта операция не всякому удается. Таким образом, что касается питья, не надо отказываться верить, что оно легко проходит в трубку у человека. Но каким образом вода, попадающая в изобилии, производит расстройство и сильный кашель? Потому, отвечу я, что она идет против дыхания. И в самом

деле, то, что проникает через щель медленно и постепенно, не сопротивляется вхождению воздуха, но орошение доставляет ему некоторую легкую и скользкую дорогу. Эта жидкость уходит из легкого вместе с воздухом.

3. Итак, воздух, исполнив свою роль лекарства, возвращается необходимо той же дорогой, какой прибыл, а что касается жидкости, то одна часть ее изгоняется в сердечную оболочку, другая часть возвращается с воздухом наружу. Тогда именно дыхание, возвращаясь, подымает небную занавеску. Возвращается же оно в силу естественной необходимости, так как не может составлять природного питания человека. Как же, в самом деле, ветер и вода сырые [2] могли бы служить пищей для человека? Но они являются скорее помощью против природного зла.

4. Возвратимся к прежней речи. Сердце есть очень сильная мышца не вследствие нервов (сухожилий), но вследствие густого сплетения мяса. Под одной оболочкой оно имеет два отдельных желудочка: один с одной, другой с другой стороны. Они друг на друга не похожи. Правый лежит при устье и соединяется с другим; я говорю правый желудочек, но с левой стороны, так как целое сердце помещается с этой стороны; кроме того, он очень пространный и много тоньше другого; он не занимает самой оконечности сердца, но оставляет его плотный конец и как бы пришит снаружи. Другой лежит главным образом внизу и соответствует прямо левому соску, где чувствуется сердечный толчок.

5. Сердце имеет толстую стенку; оно помещено в яме, форма которой походит на форму ступки. Оно мягко, одето легким и—окруженное им—умеряет чрезмерность теплоты, так как легкое по природе холодно, к тому же еще охлаждается дыханием.

6. Оба желудочка внутри шероховаты и как бы изъедены; левый больше правого; врожденный огонь

не находится в правом желудочке, поэтому не надо удивляться, что левый желудочек имеет больше шероховатостей, так как он втягивает в себя воздух сырой; поэтому он внутри построен крепко, чтобы сохранять силу теплоты.

7. Они не имеют очевидных отверстий, если кто не отрежет верхушки сердечных ушков или конец сердца. Если кто отрежет, покажутся два отверстия в двух желудочках; если же перерезать большую вену, которая происходит из одного из них, зрение будет обмануто. Это суть источники человеческой природы, и здесь реки телесные, которые орошают целое; они же приносят жизнь человеку, и, когда они высохнут, человек умирает.

8. Близ начала вен, около желудочков, расположены тела мягкие, пещеристые, которые называются ушками, но которые не представляют собой ушных отверстий, потому что они не слышат крика [3]. Это приборы, посредством которых природа притягивает воздух. По моему мнению, это произведение искусного мастера, ибо, поняв, что внутренность эта (сердце) будет твердой, вследствие войлочного строения паренхимы [4], а дальше, что оно все будет всасывающим, он добавил ей мехи, подобно тому, как это делают литейщики в печах, так что при их посредничестве сердце добывает себе дыхание. Вот доказательство этого: ты увидишь, что сердце бьется как целое, в то время как ушки отдельно вздуваются и опускаются.

9. Итак, я говорю, что малые вены [5] совершают вдыхание для левого желудочка, а артерии для другого, потому что то, что мягко, более способно притягивать и доступно растяжению. Нужно было для нас, чтобы части, прилегающие к сердцу, были более охлаждаемы; есть, ведь, тепло и в правом желудочке, так что ввиду этого оно не получило легко действующего инструмента, чтобы совершенно не преодолеваться входящим воздухом.

10. То, что остается сказать о сердце, относится к скрытым перепонкам—произведениям, достойным упоминания. Перепонки эти и некоторые другие, похожие на паутину, в желудочках опоясывают совершенно отверстия и посылают ниточки в твердую субстанцию сердца. По моему мнению, это связи внутреннего органа и сосудов, начало аорт. Есть одна пара этих аорт [6]; у ворот каждой расположены по три перепонки, закругленные на концах в виде полукруга, и те, кто понимает дело, удивляются, как они закрывают отверстия, границы аорт [7]. После смерти, если кто, зная древний обряд, удаляет сердце [8] и если одну из перепонок отодвинет, другую же наклонит, то не войдет в сердце ни вода, ни воздух, который будут вдувать, особенно с левой стороны; там в самом деле они устроены более прочно, ибо ум человека пребывает по природе в левом желудочке и управляет остальной душой.

11. Левый желудочек не питается ни кушаньем, ни питьем, происходящим из живота, но он питается чистым и светлым излишком, истекающим из отделения крови. Он добывает себе в изобилии эту пищу из вместилища крови, которое находится очень близко, бросая лучи и кормясь его пищей, как бы из желудка и кишок, сообразно своей природе. Но для того, чтобы содержимое артерии, которое находится в состоянии волнения, не останавливало пищи, он закрывает к себе доступ. Действительно, большая артерия собирает свою добычу из живота и кишок и наполнена пищей вовсе не первого сорта. Доказательство того, что левый желудочек не питается кровью, которую мы видим, следующее: открой убитому животному левый желудочек, и все там окажется пусто, исключая известного количества ихора, желтой желчи и перепонок, о которых я уже говорил [9]. Но артерия не лишена крови, так же, как и правый желудочек. Такая, по моему мнению, причина, по которой этот сосуд [10] снабжен перепонками.

12. С другой стороны, артерия, которая выходит из правого желудочка, укреплена также спайкой перепонок, хотя она и не имеет сильных биений пульса по причине своей слабости. Она открывается в легкое, чтобы доставить ему кровь, которая ее питает, но закрывается со стороны сердца, во всяком случае не герметично, чтобы воздух туда входил, хотя не в изобилии, потому что там тепло слабое, над которым господствует примесь холода. Кровь, ведь, не тепла сама по себе, как и всякая другая вода, но она согревается, хотя большинству она кажется по природе теплой. Вот что надо сказать о сердце.

1. Представление о том, что при питье известная часть жидкости проникает в дыхательное горло было очень распространено в то время. Что заметное количество жидкости, попадая в трахею, вызывает кашель, это конечно было известно, и на этом основывался лечебный прием книдской школы для вызывания сильного кашля (см. «О внутренних страданиях»). Здесь указанное положение подтверждается экспериментом in vivo, правда, настолько грубым, что он ничего доказать не может, так как в момент перерезки горла надгортанник и мышцы гортани вряд ли могут функционировать правильно. Представление это, однако, разделялось не всеми: просвещенный и вдумчивый автор 4-й книги «Болезней» (он же автор кн. «О семени и природе ребенка») в гл. 25-й очень подробно его опровергает.

2. «Сырой» здесь, как и ниже в гл. 6, обозначает не влажный, а «грубый», «несоразмеренный», составные части которого не уравновешены должным образом (см. «О древней медицине», прим. 4).

3. Ушки, οὔατα; нужно ли пояснять, что они обозначали не auricula cordis (ушки современной анатомии), а предсердия, так же как франц. oreillettes и английск. auricles.

4. «Вследствие войлочного строения (τὸ πιλητικὸν) паренхимы»: это чтение Литтре; другой вариант «вследствие творческой пластической (πλαστικὸν) силы того, что в сердце изливается», принят Фуксом. Следует заметить, что термин «паренхима» (в подлиннике здесь ἔγχυμα) введен много позднее Эразистратом.

5. Легочные вены.

6. Легочная артерия и аорта.

7. Полулунные клапаны.

8. Вынимание сердца производилось по строго определенным религиозным предписаниям; о них сообщает Гален в книге: «De anatomicis administrationibus», VII, 2. Знаменитый анатом Гиртль пишет по этому поводу: «Особым приемом при вскрытии грудной клетки пользовались гаруспеки, чтобы, не рассекая ребер, но вырезав мечевидный хрящ, проникнуть к оболочкам сердца. Этот способ вскрытия усвоил также Гален: сильно приподняв или своими пальцами, или крючком острие хряща и раздвинув кругом все прилежащие соседние части, ты будешь вскрывать» (H y r t l, Antiquitates anatomicae rariores, Vindobonae, 1835).

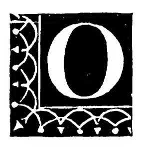
9. Эти перепонки—двустворчатый клапан с сухожильными нитями, значение которых осталось неизвестным автору.

10. Сосуд, ἀγγεῖον, здесь обозначает не аорту, а сердце.

О ЖЕЛЕЗАХ

Книга «О железах», Περὶ ἀδένων, de glandulis, ни в древности, ни позднее не привлекала к себе особого внимания. Гален упоминает о ней, но считает подложной; Эрмеринс приписывает ее книдской школе, к чему склоняется и Фукс. Между тем, для истории медицины сочинение это представляет немалый интерес, так как в нем одном мы находим систематическую сводку того, что греческая наука знала о железах. Главное здесь не столько анатомия, сколько физиология и патология: выяснение значения желез в общей экономии организма и их заболевания, которые связываются с учением об истечениях жидкостей в организме—катаррах. В этом пункте сочинение примыкает к патологии многих книг Сборника, где идет речь об истечениях и отложениях; здесь только учение это более систематизировано: автор насчитывает семь катарров. Меньшее число их мы находим в книге «О мясе». К числу желез автор относит также почки и мозг, в котором сосредоточивает умственную деятельность, как видно из перечисления его болезней. Возникновение волос и образование молока описывается сходным образом с книгой «О природе ребенка». Вообще точек соприкосновения с другими книгами Сборника имеется довольно много, но роль желез в здоровом

и больном организме выясняется здесь впервые,—в этом несомненная оригинальность книги. Интересно отметить, что много веков спустя знаменитый Мальпиги (XVII в.), закладывая фундамент микроскопической анатомии, вновь обратил особое внимание на роль желез в организме и также считал мозг железой. Его гландулярная теория держалась в науке довольно долго в начале XVIII века.



ТНОСИТЕЛЬНО общего устройства желез дело обстоит таким образом: они по природе губчатые, редкие и жирные; это не мясо, подобное остальному телу, ни нечто другое, похожее на тело, но они рыхлы и имеют многочисленные вены; если ты их разрежешь, истечение крови обильно; вид их белый, как слизь; наощупь они подобны шерсти. Если ты их раздавишь пальцами, употребляя много силы, то железа выделяет маслянистую жидкость, и она даже раздробляется и исчезает.

2. Они болеют не часто, но если болеют—то вместе с остальным телом или же поражаются идиопатически; они мало принимают участия в страданиях тела. При их болезни делаются опухоли, шишки выходят наружу, и жар овладевает телом; они испытывают это, когда наполняются влагой, притекающей к ним из остального тела. Этот приток прибывает из остального тела через вены многочисленные и полые, проходящие через них таким образом, что жидкость, которую они притянули, легко совершает свой путь в их внутренность. Если приток будет обильный и болезнетворный, то железы направляют к себе остальное тело. Таким образом, воспламеняется лихорадка, и железы набухают и воспаляются.

3. Более многочисленные и большие железы находятся внутри тела в своих углублениях, суставах и повсюду в остальных местах, где есть влага, точно так же, как в богатых кровью местах. Одни существуют для того, чтобы, получая поток, идущий

сверху в их углубление, притягивать его к себе, другие—чтобы, собирая влагу, происшедшую в суставах вследствие трудов, вытягивать излишек, который посылают суставы. Таким образом, нет совершенно разлития влаги в теле, ибо, если внезапно образуется какой-нибудь приток, то из этого не происходит последующего разлития, так как и малое и многое поглощается железами.

4. Таким образом, железы, пользуясь выгодой вследствие изобильной влаги остального тела, находят в ней пищу, им подобающую; и, действительно, там, где находятся влажные части в теле, там находятся железы. Доказательство: там, где находится железа, находятся также и волосы. Природа производит железы и волосы, и те и другие служат для одного и того же; одни для притекающей, как было сказано раньше, жидкости; волосы же, имея выгоду от желез, рождаются и увеличиваются, собирая то, что преизобилует и выбрасывается на окраину. Но там, где тело сухо, нет ни желез, ни волос, в то время как в частях нежных, упражняемых и изобилующих влагой, имеются железы и волосы. Железы находятся вблизи ушей по эту и по ту сторону, с каждой стороны жилы, которую перерезают на шее, поэтому там же есть и волосы с двух сторон. Подмышками—железы и волосы; пахи и лобок также имеют железы и волосы; в теле это—полые части и подвержены преизобилованию жидкостями, ибо они работают и изо всех частей тела наиболее двигаются.

5. Остальные же части имеют только железы, как, например, внутренности; они имеют в действительности большие железы в сальнике, но волос не имеют. И, действительно, на болотах и очень влажных местах земли семя не всходит и не пытается выйти поверх почвы, но загнивает и задыхается вследствие излишества, ибо семя сжимается. В кишках чрезмер-

ность и обильная жидкость сжимает таким же образом волосы и они не могут произрастать. Железы там больше, чем где-либо в теле; они поглощают вследствие сжатия излишнюю влагу в кишках, а кишки получают от сосудов и передают сальнику влагу; сальник же распределяет ее в железы.

6. Имеют железы также и почки, ибо они насыщены обильной влагой. Там железы больше, чем другие существующие железы, так как притекающая жидкость не поглощается почками, но вытекает вниз к мочевому пузырю. Таким образом, то, что они получают для себя из каналов, они к себе притягивают.

7. Есть также еще много других желез, совсем маленьких в теле, но я не хочу уклоняться речью в сторону, так как это описание касается только самых важных. Итак, я возвращусь к своему предмету и скажу об устройстве горловых желез. Горло имеет по одну и по другую сторону железы, и называются эти железы миндалинами. Их польза и назначение следующее: голова расположена вверху, полая, круглая и полная вся кругом влаги, происходящей из остального тела; в то же время тело посылает голове всякого рода испарения, которые голова снова обратно отсылает, ибо то, что притекает, не может там оставаться, не имея там местопребывания, если только голова не больна. В этом случае влага не отсылается, но она получает преобладание и, когда притягиваемое отсылается к железам, происходит поток, и истечение не причиняет никакого страдания, пока оно мало обильно и пропорционально и пока железы господствуют, но, если поток обилен и едок, если он едок и вязок, горло воспаляется, опухает и растягивается и таким образом боль достигает уха. Если охвачены обе стороны, то заболевают оба уха, а если одна сторона, то только одно. Когда, напротив, поток состоит из слизистой, обильной, белой материи, то также бывает воспаление и это воспале-

ние ввиду того, что жидкость стоячая, обращается в свинки. Эти болезни шеи хуже.

8. На подмышки также распространяется поток, который, если он обилен и состоит из едкой жидкости, производит опухание. Подобным же образом в пахах железы притягивают влагу, происходящую из верхних частей, и, если она получает преобладание, образуется бубон, нагноение и воспаление, подобное воспалению подмышками и горла. Повидимому, там железы также причиняют и хорошее, и дурное. Вот что я должен сказать об этом.

9. Кишки вполне получают насыщение пищей и питьем; они получают также влагу, которая находится под кожей. Вся эта влага поглощается таким же образом, как предшествующая, но там она в большинстве случаев не производит болезни, в отличие от того, что случается в суставах, ибо железы многочисленны, открыты и не полы; одна поглощает не больше, чем другая, и, если бы какая-либо желала иметь больше, она не может иметь излишка; каждая может удержать только небольшое количество жидкости, которая притекает в широко разветвленную часть. Отсюда равенство для всех.

10. Голова также имеет железы. Мозг подобен железе. Действительно, мозг бел, рыхл, как железы. Он оказывает голове те же услуги, какие оказывают железы: именно, на основании изложенного мною, помогает удалению влаги и посылает к наружной окраине происходящий от потока излишек. Мозг больше, чем другие железы, и волосы на голове — длиннее, чем другие, так как мозг больше и лежит в голове в широком пространстве. Он производит болезни и бо́льшие, и меньшие, чем другие железы, и производит это, когда посылает к нижним частям тела свой преизбыток.

11. Истечения, идущие из головы, как выделения, происходят естественным путем через уши,

глаза, ноздри. Вот три. Другие приходят через нёбо в глотку и гортань; еще другие—через вены в спинной мозг и в седалище; в общем числе их семь. Эти истечения, если они расходятся, являются нечистотой мозга; если же они не расходятся, отсюда происходит болезнь его. То же самое по отношению к остальному телу; если эти потоки идут в нижние части, а не наружу, то из этого происходит большое расстройство для этих частей; отсюда происходит изъязвление и, если мозг посылает едкое истечение, оно изъязвляет и разъедает пути. Если поток обилен и спускается вниз с силой, то истечение не останавливается до тех пор, пока не исчерпает полностью того, что спускается. Мозг, отсылая наружу и получая другое, находится постоянно в одном и том же состоянии: он притягивает жидкости и производит болезни. То и другое вместе, если им пренебречь, ослабляет природу человека и, если она страдает, происходит двоякий вред. Страдания природы будут таковы: во-первых, вышесказанные истечения, плохо переносящие полноту и раздражающие части своими несоразмерными и необычными свойствами; с другой стороны, мозг терпит ущерб и сам не здоров. Если же он отягощен едкой жидкостью, то получает различные расстройства; помрачается ум; мозг охватывается спазмами и производит судороги во всем человеке; иногда этот даже не издает голоса, задыхается; такому поражению имя—апоплексия. В других случаях истечение не является едким, но, вторгаясь в излишке, оно производит страдание; ум расстраивается, и больной ходит взад и вперед, думая обо всем и видя все иначе, чем оно есть, и обнаруживая характер своей болезни в насмешливых улыбках и странных видениях.

13. Другое истечение идет на глаза; отсюда—офтальмии; напухают глаза. Если истечение идет к носу, оно раздражает ноздри, не производя ничего другого страшного, ибо пути широки и достаточны для

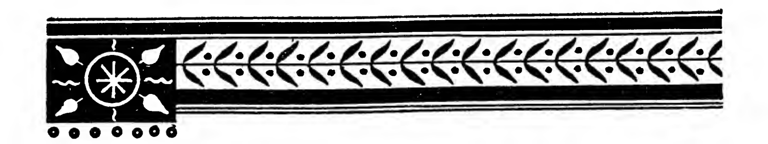
того, чтобы самим себе оказать помощь; к тому же не склонно к накоплению то, что от них исходит. Напротив, уши представляют кривой и узкий проход; мозг же, который близок к ним, давит на них. Если он страдает этой болезнью, то и ухо от обильного притока большей частью начинает выделять, и с течением времени отделяется вонючий гной и вытекает наружу. Таким образом, истечения наружу очевидны для глаза; в общем они не смертельны.

14. Если истечение идет позади, через нёбо, и слизь достигает желудка, то бывают при этом поносы, но не болеют. Если же слизь остается внизу, то образуется закупорка кишок. Хронические болезни таковы: у иных истечение идет через нёбо в горло; если оно обильно и долгой длительности, то порождаются болезни чахоточные, ибо легкие наполняются слизью и образуется гной. Гной разъедает легкие, и больные не легко выздоравливают. Часто даже хороший и с проникающим умом врач не может понять причины. Другая болезнь происходит от истечения из головы через вены к спинному мозгу; оттуда оно устремляется на крестец, куда спинной мозг сам приводит истечение, и отлагается в седалищных углублениях. Если седалища приходят к сухотке, человек чахнет и не желает больше жить, ибо тотчас заболевают ребра, за ними обе ноги и бедра, и больные постепенно гибнут, лечимые долгое время; таким образом человек слабеет и умирает. Вот что я должен был сказать об истечении, идущем из головы.

15. Существуют также и другие болезни: поражения головного мозга, бреды, мании. Все они опасны; при них и мозг страдает и другие железы также. Действительно, он имеет тонус...

16. Железы на груди называются грудями; они развиваются у тех, кто дает молоко, и не развиваются у недающих его; женщины его дают, а мужчины не дают. У женщин природа желез рыхлая, как и осталь-

ное тело, и груди изменяют в молоко пищу, которую притягивают к себе. Прилив к грудям для питания ребенка после родов происходит из матки; это—пища, которую сальник, сжатый плодом, выжимает и заставляет итти к верхним частям. Но у мужчин плотность и твердость тела очень способствуют тому, чтобы железы не были большими. Действительно, тело мужское—грубое и подобно плащу, плотному на-глаз или наощупь; женское тело—редко, рыхло и на-глаз и наощупь подобно шерсти. Таким образом, то, что редко и мягко, не позволяет уходить влаге, в то время как мужское даже не получает ее, будучи плотным и неуступчивым; к тому же труд делает крепким тело, так что оно даже не имеет куда бы принять какой бы то ни было излишек. Таким образом, это рассуждение показывает, что необходимо, чтобы груди, соски и остальное тело у женщины были рыхлы и мягки, и вследствие досуга, и вследствие сказанного, в то время как у мужчин—противоположное. Груди подвержены опухолям, воспалениям, вследствие порчи молока; но они исполняют те же обязанности, что и железы, о которых речь шла прежде, уничтожая излишек остального тела. Доказательством этого служат женщины, потерявшие одну грудь вследствие болезни или какого-нибудь другого случая: их голос становится грубым; влага изобилует в горле; они выделяют много мокроты, страдают головными болями и хворают вследствие этого. Действительно, молоко, идущее из матки, посылается, как прежде, потоком в верхние сосуды, но, так как не имеется подходящих сосудов, оно идет к существенным частям тела—сердцу и легкому, и женщины задыхаются.



О ПРИРОДЕ ЧЕЛОВЕКА

Книга «О природе человека», περὶ φύσιος ἀνθρώπου, de natura hominis, хорошо известная в древности, не представляет собой единого целого. Еще Гален в своем комментарии заметил это и разделил книгу на 3 части. Первая часть, которая собственно и трактует о природе человека и составляет одно целое, занимала в рукописях Галена 240 строк из 600 всей книги, в наших изданиях главы 1—8. Затем следует часть, содержащая разнообразные заметки о болезнях, их возникновении и зависимости от окружающих условий, осадках мочи, лихорадках и т. д.; не связанные между собой, они занимают в изд. Литтре гл. 9—15. Среди них совершенно неожиданно, без какой-либо связи с остальным, помещено описание хода вен в теле (гл. II). Аристотель в истории животных (III, 3) приводит такое же описание с указанием, что оно принадлежит Полибию. Последние 9 глав, за исключением конца, опять представляют нечто целое, но совершенно иного рода: это—правила здорового образа жизни, написанные для широкой публики. Гален замечает, что это—«маленькая книга о диэте здоровых». В рукописях и первых изданиях книга «О природе человека» помещалась целиком; Литтре первый в своем издании выделил последнюю часть под заглавием:

«О здоровом образе жизни» в особую книгу. В таком виде она помещена и в настоящем издании. Относительно авторства книги различные взгляды высказывались еще в древности, и разногласия эти продолжаются и в настоящее время. Подробное обсуждение этого вопроса произведено было Фридрихом в его Hippocratische Untersuchungen (1899), где ему посвящена особая глава (IV). Гален и большинство в его время считали автором первой части Гиппократа, другие отрицали это, третьи приписывали Полибию, зятю Гиппократа. Относительно других частей Гален высказал следующее предположение. Во время царствования Атталидов и Птоломеев, которые соревновались между собой в приобретении книг, открылся широкий простор для всякого рода подделок и составлений. И вот некто взял две небольших и поэтому малоценных книги «О природе человека» и «О диэте здоровых» и соединил их вместе. А для повышения цены он же, или кто нибудь другой, поместил в середину разные отрывки. Эта гипотеза долгое время держалась в науке, но Фридрих предлагает другое объяснение. Он думает, что какой-нибудь врач в гиппократово время переписывал для себя разные сочинения целиком или частью и делал выписки из разных книг для памяти—обычай, о котором упоминает Платон в «Федре»,— и такая «памятная книга» (ὑπόμνημα) попала затем в Александрийскую библиотеку под именем гиппократовой. Несомненно во всяком случае, что собранный в книге материал исходит из кругов, близких к Гиппократу и косской школе. В новейшее время многие ученые считают автором первой части книги Полибия, среди них такие, как Литтре, Христ, Дильс, Гомперц. Но более глубокий анализ выдвигает против этого мнения следующие соображения. Первые 8 глав книги «О природе человека» представляют собой речь (λόγος), предназначенную для произнесения в собрании, написанную с большим мастерством по правилам софистической риторики. Автор опровергает учения натурфилософов об единой природе мира, сводя их к учению Мелисса, развившего это положение до крайних пределов, и, исходя отсюда, философствующих врачей, которые признавали состав и происхождение человеческого тела из единой жидкости. В противоположность этому он выдвигает собственные положения, утверждая их с полной ясностью и отчетливостью («А я утверждаю», так наз. Ichstil софистов). Далее следует изложение учения о 4 основных жидкостях человеческого тела (кровь, слизь, желтая и черная желчь) и роли каждой из них в возникновении болезней, причем главное внимание обращается на связь этих жидкостей и вызываемых ими болезней с временами года. Автором этой речи был несомненно врач, но врач хорошо обра-

зованный софистически и сам с философским уклоном. Трудно предполагать, чтобы такие практические врачи, как Гиппократ и Полибий, могли произносить речи подобного рода, особенно принимая во внимание плохую репутацию, которую имели публичные диспуты в кругах серьезных врачей, и некоторое влияние на автора италийской школы (Эмпедокла), которое вскрывает Фридрих. Он предполагает, что автором речи был какой-нибудь иатрософист. Излагаемая им гуморальная патология считалась, однако, в последующие времена характерной для Гиппократа и положена в основание так называемой догматической школы. И книга «О природе человека» пользовалась поэтому большим вниманием; ее комментировали Сабин, Гален и ряд врачей XVI и XVII века. В XIX веке она послужила темой для диссертации знаменитого впоследствии гигиениста Петтенкофера (Pettenkofer, 1837); основательные комментарии были даны Баумгауэром (van Baumhauer, 1843).

Что касается последующих глав, начиная с 9-й, то первую часть 9-й главы Диоскорид приписывал Гиппократу, сыну Фессала, и гл. 11-я (распределение вен в теле), как было уже сказано, приписывалась Полибию. В остальных главах можно отметить ряд параллельных мест с «Афоризмами» и другими книгами Сборника. Описание лихорадок в последней главе разнится от описания, данного в «Эпидемиях» (I, гл. II), и термин для обозначения постоянных лихорадок (σύνοχοι вместо συνεχεῖς) принадлежит позднейшему времени.

Литература у Литтре (VI, 30), Фукса (Puschm. Gesch., I, 219) и Фридриха (Hippocratische Untersuchungen, Berlin, 1899).

ТО привык слушать рассуждающих о человеческой природе с точки зрения более высокой, чем она относится к медицинскому искусству, для того, конечно, настоящая речь совершенно не представит интереса. И в самом деле, я не буду говорить, что человек всецело есть воздух, или огонь, или вода, или земля[1], или что-либо другое, что не представляется очевидным образом в человеке. Я предоставляю это говорить желающим. Но мне кажется, что утверждающие такие вещи не имеют правильного познания, потому что хотя все они мыслят одно и то же, однако говорят не одно и то же, но к мысли своей привносят одно и то же заключение, ибо они говорят, что то, что есть, есть одно и что оно является единым и всем, но в наименованиях они не согласны: один из них утверждает, что воздух есть это единое и целое, другой—что огонь, третий—вода, а иной—земля; при этом всякий доказывает свою речь свидетельствами и доводами, не имеющими ровно никакого значения, ибо, когда все они мыслят одно и то же и однако говорят не одно и то же, то очевидно, что они не знают этого. И присутствующий при их диспутах лучше всего узнает это из того, что в спорах друг с другом одних и тех же лиц в присутствии одних и тех же слушателей никогда не является победителем один и тот же три раза сряду, но побеждает то один, то другой, то третий, у кого язык наиболее бойкий и влияющий на толпу. Между тем, справедливость требует, чтобы тот, кто заявляет себя правильно познающим что-

либо о вещах, всегда оказывался победителем в споре, раз он знает то, что истинно, и это правильно выражает. Но те люди, как мне кажется, собственными своими словами, которыми пользуются при споре, сами же себя по своему неразумию опровергают и подкрепляют мнение Мелисса[2]. Но довольно говорить о них.

2. И из врачей также одни утверждают, что человек есть только кровь, другие—желчь, а некоторые, что он есть слизь. И все они привносят одно и то же умозаключение. Ведь они утверждают, что есть нечто одно, которое всякий из них хочет назвать, и оно, будучи единым, вынужденное теплом и холодом, меняет свою форму и силу и делается сладким и горьким, белым и черным или чем-нибудь иным в том же роде. Но мне кажется, что и это все обстоит иначе. Итак, весьма многие проповедуют нечто такое или весьма близкое к этому. А я утверждаю, что если бы человек был единое, то он никогда не болел бы, ибо, раз он единое, ему не от чего будет болеть[3]. А если даже и будет болеть, то необходимо, чтобы и исцеляющее средство было единым. А между тем их много, так как много есть в теле таких вещей, которые, действуя друг на друга против природы, разогреваются или охлаждаются, высушиваются или увлажняются и производят через это болезни. Существуют таким образом многие виды болезней, а также многообразное лечение их. Я считаю, что говорящий, будто человек есть одна кровь и ничто иное, должен показать, что человек не меняет вида и не бывает многообразным, и указать какое-либо время года или возраст человека, когда очевидно, что в человеке существует одна только кровь; естественно, ведь, чтобы было одно какое-либо время, в которое было бы очевидно, что кровь сама по себе одна в нем. То же самое я скажу и о том, кто настаивает, что человек есть одна слизь, или кто говорит, что одна желчь. А я покажу, что то, чем чело-

век по моему мнению является, и по обычному представлению, и сообразно с природой вещей[4] всегда существует одинаково и в юноше, и в старике, и в холодное время года, и в теплое; и я представлю доказательства и раскрою необходимость, благодаря которым всякая составная часть тела получает увеличение и уменьшение.

3. Итак, прежде всего необходимо, чтобы рождение происходило не от одного, ибо каким образом нечто, будучи одним, родит что-нибудь, если оно не соединится с другим чем-либо? И затем, если не будут одного рода те, что соединяются, и не будут обладать одною и тою же способностью, то и в таком случае рождение для нас не осуществится. И опять, если соразмерно и в равной степени не будут соответствовать между собою теплое с холодным, сухое с влажным, но одно будет брать верх над другим, более сильное над более слабым, то и в таком случае не будет никакого рождения. Поэтому каким образом будет, согласно с природой, чтобы что-либо рождалось от одного, когда даже и от многих не рождается, если только нет взаимного хорошего между собой смешения[5]? Необходимо, следовательно (раз уже такова природа как всего прочего, так и человека), чтобы человек не был что-нибудь единое, но чтобы каждое из того, что содействует рождению, имело в теле такую силу, какой оно содействовало. И опять, когда тело человека умирает, необходимо, чтобы каждое из этих начал возвращалось в свою природу, именно: влажное к влажному, сухое к сухому, теплое к теплому, холодное к холодному. Такова же природа животных и всего прочего: все одинаково рождаются и одинаково умирают, ибо природа их слагается из всех вышесказанных начал, и наконец, как сказано прежде, каждое из них уходит к тому же, из чего было составлено.

4. Тело человека содержит в себе кровь, слизь и желчь, желтую и черную; из них состоит природа

тела, и через них оно и болеет, и бывает здоровым. Бывает оно здоровым наиболее тогда, когда эти части соблюдают соразмерность во взаимном смешении в отношении силы и количества и когда они наилучше перемешаны. Болеет же тело тогда, когда какой-либо из этих частей будет или меньше, или больше, или она отделится в теле и не будет смешана со всеми остальными, ибо, когда какая-либо из них отделится и будет существовать сама по себе, то по необходимости не только то место, откуда она вышла, подвергается болезни, но также и то, куда она излилась, переполнившись, поражается болями и страданием. И если какая-нибудь из них вытекает из тела в количестве большем, чем требует переполнение, то опорожнение ее причиняет боль. А если, напротив, произойдет опорожнение, переход и отделение от прочих частей внутри тела, то, как выше сказано, она по необходимости возбуждает двойную болезнь—и в том месте, откуда вышла, и в том, где преизобилует.

5. Я сказал, что я покажу, что все те начала, которые, по моему мнению, составляют человека, суть одни и те же и по установленному обычаю, и по природе; и я утверждаю, что это есть кровь, слизь и желчь, желтая и черная. Но я утверждаю прежде всего, что имена их по установленному обычаю различны и что ни одному из них не дано одного и того же имени; затем, что по природе виды их различны и ни слизь никоим образом не похожа на кровь, ни кровь на желчь, ни желчь на слизь, ибо какое может быть естественное сходство их между собою, когда они не представляются похожими ни по цвету для глаза, ни по осязанию для руки, когда они не бывают сходны ни в отношении тепла, ни холода, ни сухости, ни влажности? Необходимо, следовательно, если они настолько различаются между собою и по виду и по способности, не быть им одним и тем же, если только огонь и вода

не одно и то же. Из этого ты познаешь, что все они не суть одно, но каждое из них имеет собственную свою силу и природу: ведь если ты дашь человеку лекарство, которое выводит слизь, то он посредством рвоты извергает слизь, а если дашь лекарство, которое выводит желчь, его вырвет желчью. Таким же образом очищается черная желчь, если ты дашь лекарство, которое гонит черную желчь, и если в какой-либо части тела сделаешь у него рану, то из нее будет течь кровь. И все это обычно будет происходить у тебя всегда, как днем, так и ночью, зимою и летом, до тех пор, пока человек будет в состоянии втягивать в себя дыхание и обратно возвращать его; будет же в состоянии до тех пор, пока не будет лишен какого-либо из тех начал, которые ему врождены. Эти начала, как мы сказали, врождены ему, ибо каким образом они могли бы быть не врождены? Ведь прежде всего человек, пока пользуется жизнью, явно содержит в себе все эти начала, а затем он родился от человека, имеющего все это, и вскормлен в утробе человека, имеющего все это, о чем я теперь говорю и что доказываю.

6. Те же, которые утверждают, что человек есть единое, пришли к этому мнению, мне кажется, вот почему: видя, что из числа тех, которые, выпивши лекарства, погибают вследствие излишних очищений, одни извергая желчь, другие—слизь, они и подумали, что человек есть одно из тех веществ, после очищения которого они видели смерть человека. Таким же основанием руководятся и те, которые утверждают, что человек есть кровь; именно: видя зарезанных людей и текущую из их тела кровь, они и считают ее душой человека[6]; и этими доказательствами все пользуются в своих речах. Однако, прежде всего, при чрезмерных очищениях никто никогда не умер, когда выводилась только желчь. Но по принятии желчегонного лекарства прежде всего всякий извергает рвотой желчь, а затем слизь; после этого вынуждае-

мые силой лекарства извергают черную желчь, а перед смертью уже и чистую кровь. То же случается и при лекарствах, изводящих слизь: прежде всего больных рвет слизью, вслед затем желтой желчью, затем черной, а перед смертью чистой кровью, и в этот момент они умирают. И действительно, когда лекарство войдет в тело, оно прежде всего извлекает все то, что ему из всех элементов, существующих в теле, наиболее сродно по природе, а затем уже извлекает и очищает и все остальное, подобно тому, как посаженные растения, когда они войдут в землю, каждое из них извлекает из земли то, что приспособлено к его природе; находится же в земле и кислое, и горькое, и сладкое, и соленое, и многое другое. Прежде всего растение наиболее влечет к себе то, что наиболее соответствует его природе, а потом уже и все остальное. Нечто подобное делают и лекарства в теле; желчегонные сначала очищают самую чистую желчь, а потом уже смешанную, и также слизегонные сначала выводят самую чистую слизь, а потом уже смешанную. И у зарезанных сначала течет кровь самая теплая и самая красная, а потом уже более слизистая и более желчная.

7. Зимою увеличивается в человеке количество слизи, так как она из всех элементов, существующих в теле, наиболее подходит к природе зимы, будучи весьма холодна. Доказательством же, что слизь весьма холодна, служит вот что: если захочешь прикоснуться к слизи, желчи и крови, то увидишь на опыте, что слизь наиболее холодна, однако, она очень вязкая и выводится с величайшим усилием после черной желчи, а все то, что выходит с насилием, делается более теплым; тем не менее она представляется по самой своей природе наиболее холодной. А что зимою тело наполняется слизью, это ясно видно из того, что зимою люди наиболее выплевывают и высмаркивают все слизистое, и именно в это время года

наиболее появляются белые опухоли[7] и другие флегматозные болезни. Но весною, хотя в теле еще имеет силу слизь, но уже возрастает кровь, потому что уж и холода ослабляются, и дожди наступают, и в это время увеличивается кровь как от дождей, так и от дневной теплоты, ибо ее природе наиболее соответствует это время года, как теплое и влажное. И поэтому знай, что люди в весеннее и летнее время особенно поражаются дизентериями, и у них течет из носа кровь, и они наиболее горячи и красны. Летом также кровь еще в силе, но в теле поднимается желчь и усиливается до осени. А в продолжение осени кровь рождается в малом количестве, потому что ее природе осень противна. Но желчь летом и осенью завладевает телом. И это ты узнаешь из тех признаков, что в это время люди и сами собою извергают рвотой желчь, и через питье лекарств очищается все желчное; это видно также из лихорадок и цвета кожи людей. Но слизь летом бывает наиболее слабою, потому что это время вследствие сухости и теплоты противоречит ее природе. В продолжение осени также и кровь весьма мало рождается в человеке, так как осень суха, и человека уже она начинает охлаждать; напротив, черная желчь во время осени бывает в наибольшем количестве и самою сильною. Но при наступлении зимы желчь, охлажденная, рождается в малом количестве, и опять умножается слизь, как вследствие обилия дождей, так и благодаря продолжительности ночей. Итак, все эти элементы содержатся постоянно в теле человека, но только вследствие перемен года они то увеличиваются, то уменьшаются: каждый в своей пропорции и сообразно своей природе, ибо всякий год заключает в себе все элементы—и теплые, и холодные, и сухие, и влажные, но ни один из них, даже на весьма малое время, не будет существовать без всех тех, которые находятся в этом мире; напротив, если будет недоставать одного какого-

нибудь из них, то все исчезнут, так как вследствие одной и той же необходимости они существуют все вместе и питают друг друга взаимно,—вот так же точно, если будет недоставать какого-либо из тех элементов, которые врождены человеку, то, конечно, человек не будет в состоянии жить. Как в течение года преобладает то зима, то весна, то лето, то осень, так и в человеке преобладает то слизь, то кровь, то желчь, сначала желтая, а потом так называемая черная. И самым очевиднейшим доказательством этого служит то, что, если ты захочешь дать одному и тому же человеку одно и то же лекарство четыре раза в году, то зимою он будет извергать тебе главным образом слизистое, весною же влажное, летом желчное, а осенью самое черное.

8. При таких обстоятельствах необходимо, чтобы болезни, усиливающиеся зимою, переставали летом и чтобы те, которые появляются летом, прекращались зимою, если только они не разрешатся раньше в течение известного оборота дней, но об этом обороте нам должно будет говорить в другом месте. Для болезней, которые появляются весною, должно ждать разрешения к осени, а для появляющихся осенью по необходимости разрешение делается весною. Но если какая-нибудь болезнь переживает эти времена года, то следует знать, что она будет на год. И вот поэтому врачу надлежит лечить болезни, обращая внимание на каждый из тех элементов, который преобладает в теле, сообразно с временем года, наиболее соответствующим его природе [8].

* * *

9. Сверх всего этого должно также знать, что болезни, порождаемые переполнением, излечивает опорожнение, а рождающиеся от опорожнения лечатся наполнением и происходящие от труда лечит покой,

а рождающиеся от праздности уничтожаются трудом[9]. И, вообще, врачу следует по своему благоразумию итти навстречу наступающим болезням, природным расположениям, временам года и возрастам, и все напряженное разрешать, а все ослабленное—укреплять, ибо таким путем лучше всего прекращается страдание, и в этом, по моему мнению, заключается лечение[10]. Болезни происходят частью от образа жизни, частью также от воздуха (пневмы), который мы вводим в себя и которым мы живем. Но тот и другой род болезней следует различать по такому способу. Когда много людей в одно и то же время поражаются одною болезнью, то причину этого должно возлагать на то, что является наиболее общим всем и чем все мы пользуемся. А это есть то, что мы вовлекаем в себя дыханием. Действительно, что здесь причиною служит не образ жизни каждого из нас, это очевидно уже из того, что болезнь подряд поражает всех: и молодых, и старых, и женщин, и мужчин, одинаково тех, которые пьют вино и которые пьют воду, как тех, которые питаются ячменной кашей и которые пшеничным хлебом, и тех, которые много трудятся и которые мало. Итак, не образу жизни нужно приписывать причину, когда ведущие жизнь всякого рода поражаются одною и тою же болезнью. Но когда в одно и то же время рождаются болезни всякого рода, тогда, без сомнения, причиною каждой служит образ жизни у каждого и лечение должно употреблять, восставая против причины болезни, как об этом в другом месте также мы говорили, и переменяя образ жизни, ибо очевидно, что тот род жизни, которым человек привык пользоваться или в полной мере, или большею частью, или в чем-либо одном, совершенно ему не соответствует. А узнавши это, должно его переменить и, принявши во внимание природу, возраст и вид каждого человека, а также время года и род болезни, приступать к лечению, то отнимая что-

либо, то прибавляя так, чтобы, как уже раньше сказано мною, предписывать приспособительно к каждому возрасту, времени года и природе больного противоположные средства как в лекарствах, так и в образе жизни. Но когда болезнь какая-либо будет действовать эпидемически, тогда очевидно, что не образ жизни причиною ее, но то, что мы вводим в себя дыханием, и, очевидно, именно это последнее вредит нам каким-то болезненным заключающимся в нем выделением. Поэтому в такое время должно давать людям следующие советы: пусть они не переменяют образа жизни, так как причина болезни совершенно не в нем находится; пусть заботятся, чтобы тело как можно меньше наполнялось и чтобы было самым тонким, постепенно уменьшая для этого как пищу, так и питье, которые обыкновенно употребляют, ибо, если кто сразу переменит образ жизни, есть опасность, что вследствие перемены в теле может явиться что-нибудь новое. Но должно соблюдать привычный образ жизни, который ни в чем, повидимому, человеку не вредит, и сверх того должно стараться, чтобы как можно меньше входило в рот воздуха и чтобы этот последний был как можно больше иноземный, переменяя местности стран, в которых находится болезнь, а вместе с тем, утончая тéло, ибо таким образом люди меньше всего будут принуждены много и часто втягивать в себя воздух.

10. Болезни, происшедшие от самой сильной части тела, бывают весьма тяжкими. В самом деле, если они останутся там, откуда они начались, то необходимо (так как страдает часть самая сильная) страдать всему телу. Если же из самой сильной части болезни перейдут к более слабой, то имеют трудное разрешение. Те же, которые от более слабых частей переходят к более сильным, легче разрешаются, так как все, что приливает к ним, легко уничтожается силою этих частей тела.

* * *

11. Самые толстые вены имеют такое расположение: их в теле 4 пары [11], из которых первая идет от головы сзади через шею, снаружи позвоночного столба, с той и другой стороны проходит мимо седалища в ноги, а затем через голени доходит до внешней части лодыжек и до ступней. Поэтому при болезнях спины и седалищных частей сечения вены должны делаться под коленами и снаружи лодыжек. Другие же вены, называемые яремными, происшедшие из головы подле ушей, направляются через шею внутрь по позвоночному столбу с той и другой его стороны, подле поясницы, к тестикулам и бедрам, и через подколенки с внутренней части, и затем через голени к внутренним частям лодыжек и к ступням. Поэтому при болезнях поясницы и тестикул кровь должно пускать из подколенок и внутренней стороны лодыжек. Третья пара вен идет из висков через шею под лопатки, затем направляется к легкому, и одна переходит с правой стороны к левой, а другая с левой — к правой. И правая, подходя из легкого под сосок, стремится к селезенке и почке, а та, которая идет из легкого от левой стороны к правой, подходя под сосок, направляется в печень и почку; оканчиваются та и другая в заднем проходе. Четвертая пара из передней части головы и глаз проходит под шеей и ключицами, затем сверху плеча направляется в изгиб локтя, потом через предплечье к кистям рук и к пальцам и опять от пальцев через ладони рук и предплечье вверх в изгиб локтя и через нижнюю часть плеч к подмышкам, и сверху через ребра одна доходит до селезенки, а другая до печени, затем через живот, та и другая оканчивается в детородных частях. Таково расположение толстых вен. Но, кроме того, из желудка в тело выходят весьма многие и различные вены, через которые в тело переносится питание. Направля-

ются также еще другие вены из толстых вен, как внешних, так и внутренних, в живот и к остальному телу и соединяются между собою внутренние с внешними и, наоборот, внешние с внутренними. Кровопускание должно делать сообразно с изложенным, и должно стараться, чтобы рассечение вен происходило как можно дальше от тех мест, в коих обыкновенно происходят боли и собирается кровь; таким образом меньше всего может случиться внезапно сильная перемена, а с другой стороны, разрушая привычку, ты достигнешь того, что кровь не будет более собираться в одном и том же месте.

12. Те, которые много отхаркивают без лихорадки и у которых без болезни оседает много гноя в моче, а также те, которые имеют кровавые испражнения, как при дизентериях, и притом продолжительные, в возрасте 35 лет и старше,—у всех таковых болезни рождаются от одной и той же причины. В самом деле, эти люди по необходимости, когда были юношами, предавались неумеренным телесным упражнениям и трудам и были работниками, но затем, оставивши труды и приобретя тело мягкое и много отличное от прежнего, они имеют состояние тела, до такой степени расходящееся с тем, что было прежде и приращено впоследствии, что в нем нет однородности. Поэтому, когда люди, находящиеся в таком состоянии, впадают когда-либо в болезнь, то они тотчас выходят из нее, но после болезни, с течением времени, тело их разжижается, и через вены, в том месте, где они обыкновенно бывают наиболее широкими, начинает истекать нечто весьма похожее на ихорозную жидкость. Если течение направится к нижней части живота, то почти то же, что находится в теле, оттуда также выходит через извержение; ибо, так как путь

его идет вниз, то оно и не задерживается дольше в кишках. У кого истечение направлется в грудь, у тех делается нагноение, ибо вследствие того, что путь очищения идет вверх, оно долго остается в груди, и тогда оно загнивает и делается похожим на гной. У кого же течение изливается в мочевой пузырь, то вследствие теплоты этого места оно делается теплым, белеет и выделяется, часть самая рыхлая всплывает вверх, а самая густая, что и называется гноем, оседает. У детей, вследствие теплоты этого места и всего тела, образуются камни, чего у взрослых мужчин благодаря холоду в теле обычно не происходит, ибо твердо следует знать, что человек в первом возрасте бывает самым теплым, в конце жизни — самым холодным, потому что, когда тело растет и стремится к силе, оно необходимо бывает теплым, а когда оно вянет и начинает склоняться к исходу, то делается холоднее. И вот на этом основании, чем более в первые свои дни человек растет, тем он делается теплее, а в последние дни, чем более увядает, тем по необходимости бывает холоднее. Те, которые так предрасположены, выздоравливают сами собой и большинство — на сорок пятом дне с того часа, как начнется у них разжижение. Те же, которые перейдут это время, выздоравливают сами собой в продолжение года, если какая-нибудь другая болезнь не захватит человека.

13. Те болезни, которые возникают в малый промежуток времени и причины которых легко узнать, предсказываются очень верно. И лечение их должно ставить так, чтобы противодействовать причине болезни, ибо таким образом то, что возбудило болезнь в теле, легко разрешается.

14. У кого в моче оседают песчинки или сростки, у тех, вначале, в толстой вене [12] образовались туберкулы и загноились; затем, так как эти опухоли не так скоро разрываются, сростки от гноя увели-

чиваются и через вену с мочой выдавливаются наружу в мочевой пузырь. Но у кого только кровавая моча, у тех есть страдание в венах. А если у кого в густой моче выходят маленькие тельца наподобие волосинок, то следует знать, что они происходят от почек и у артритиков. Но если у кого моча бывает чистою, а между тем там и сям плавают в ней некоторые частички отрубей, у таких мочевой пузырь страдает чесоткой [13].

15. Лихорадки большею частью происходят от желчи [11], и их четыре вида, кроме тех, которые сопровождают особые болезни; имена их таковы: постоянная, ежедневная, трехдневная и четырехдневная. Так называемая постоянная происходит от обильнейшей и весьма чистой желчи, и кризисы происходят в очень короткое время, так как тело, нагреваясь сильным жаром и никогда не охлаждаясь, скоро разжижается. Ежедневная лихорадка после непрерывной происходит вследствие большего количества желчи и, в сравнении с другими, весьма скоро оставляет, но бывает настолько продолжительнее непрерывной, насколько из меньшей желчи происходит, и при ней тело имеет отдых, между тем как при постоянной лихорадке тело никогда не отдыхает. Трехдневная же продолжительнее ежедневной и происходит от меньшего количества желчи, и чем дольше в ней тело отдыхает сравнительно с ежедневною, тем продолжительнее бывает эта лихорадка ежедневной. Четырехдневные же лихорадки во всех остальных отношениях таковы же, но бывают настолько продолжительнее трехдневных, насколько меньше имеют желчи, испускающей теплоту, а также и потому, что при них тело охлаждается больше; но у них, вследствие черной желчи, прибавляется этот излишек, и трудность избавления от них, ибо черная желчь, будучи наиболее клейкой из всех соков, находящихся в теле, производит наиболее продолжительные остановки. А что действи-

тельно четырехдневные лихорадки имеют связь с меланхолическим соком, это ты узнаешь из того, что люди схватываются четырехдневными лихорадками особенно осенью и в возрасте от 25 года до 45-го, так как и возраст этот в сравнении с другими наиболее подвержен черной желчи, и осень сравнительно с другими временами года наиболее к ней приспособлена. Если же кто будет схвачен четырехдневной лихорадкой вне этого времени и этого возраста, то достоверно знай, что эта лихорадка не будет продолжительна, если что-нибудь другое не повредит человеку.

1. Сабин, один из комментаторов книги, читал это место, по словам Галена, так: «Я не буду говорить, что человек всецело есть воздух, как Анаксимен, или вода, как Фалес, или земля, как в известном отношении Ксенофан». Кроме Анаксимена воздух началом вещей считали Идей и Диоген Аполлонийский; огонь—Гераклит Ефесский.

2. В одном из кодексов (Флорентийский) на полях находится примечание: «Мелисс и Парменид—философы физики; один говорит, что сущее едино и бесконечно, Парменид же—что существ много и они ограничены. Оба опровергаются Аристотелем, великим философом»... Мелисс из Самоса довел до крайности основные положения элейской школы об единстве сущего, утверждая, что многого не существует.

3. Автор повторяет здесь аргументацию Мелисса в целях ее опровержения.

4. Κατὰ τὸν νόμον καὶ κατὰ τὴν φύσιν, буквально: по закону и по природе, см. «О воздухах, водах и местностях», прим. 11.

5. Смешения, κρῆσις, кразис. К этому месту Гален делает следующее примечание: «Впервые из всех, о ком мы знаем, Гиппократ выставил утверждение, что элементы смешиваются между собой, и этим он отличается от Эмпедокла, ибо хотя тот говорит, что мы и все остальные существа на земле состоим из одних и тех же элементов, но последние не смешаны между собой, а в виде тонких частичек расположены друг подле друга и взаимно касаются». Смешение, «mixtio» и в позднейшей химии имело значение химического соединения.

6. Место душе отводил в крови Эмпедокл и, по свидетельству Аристотеля, Критий.

7. Белые опухоли—отеки и водянка (anasarca и ascites).

8. На этом оканчивается 1-я часть книги, которую Гален считал согласной с духом Гиппократа и подлинной. Дальше идет по его выражению «пестрое» (ποικίλον).

9. То же в кн. «О ветрах», гл. I, и в «Афоризмах», II, 22.

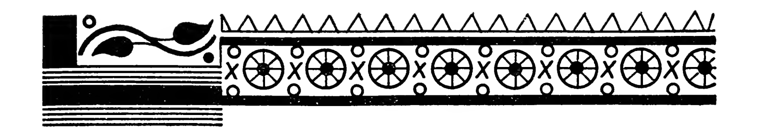
10. Диоскорид, по словам Галена, отметил абзац от начала гл. 9 до этого места строчка за строчкой значком ὀβελός, которым знаменитый критик Гомера Аристарх отмечал сомнительные стихи. Он предполагал, что это место принадлежит Гиппократу III, сыну Фессала (внуку Гиппократа). Остальная часть этой главы по Лондонскому Анониму принадлежит самому Гиппократу: к этому мнению склоняется и Гален.

11. Описание хода сосудов человеческого тела в этой вставной главе принадлежит, как было сказано, Полибию, о чем свидетельствует Аристотель («Ист. животн.», III, 3). Это учение о 4 главных венах, отходящих от головы, является самым древним в Гиппократовом сборнике; оно повторяется слово в слово в кн. «О природе костей», гл. 9. Другое более позднее учение о двух главных сосудах с правой и левой стороны от печени и селезенки находится в книге «О священной болезни» и некоторых других; оно соответствует схеме Диогена Аполлонийского с теми же двумя сосудами, носящими другое название—полая вена и аорта. Третье правильное учение излагается в книге «О сердце», «О мясе»—сосуды происходят из сердца; его же держится Аристотель. Данные о некоторых периферических сосудах приводятся в «Эпидемиях», II и V. Гален оспаривает, что описание вен гл. 11-й принадлежит Полибию: так не мог писать, по его мнению, ни один врач. «Ни один из врачей, более или менее точно занимавшихся анатомией, не говорил, что от головы вниз по телу идут 8 вен, ни Диокл, ни Праксагор, ни Эразистрат, ни Плейстоник, ни Филотим, ни Мнезифей, ни Диевх, ни Хризипп, ни Антилен, или Мидий, или Еврифон, ни один врач из древних»... (XV, 135). Но следует помнить, что во времена Галена анатомия стояла на очень высокой ступени, и ему трудно было представить всю глубину анатомического невежества 600 лет назад.

12. Разумеется vena cava.

13. Ср. «Афоризмы» IV, 78, 76, 77.

14. В «Эпидемиях» I, 3 отд., гл. 11, дано другое учение о лихорадках.

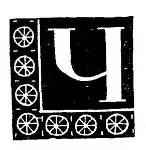


О ЗДОРОВОМ ОБРАЗЕ ЖИЗНИ

Как было уже сказано, книга «О здоровом образе жизни», περὶ διαίτης ὑγιεινῆς, de diaeta (victu) salubri, составляла в древности одно целое с книгой «О природе человека» и была выделена Литтре. Она, действительно, представляет собой совершенно самостоятельное произведение, трактующее о диэте для здоровых людей без всякой связи с предыдущим. Гален считал автором ее Полибия, зятя Гиппократа.

Книга написана простым, понятным языком и дает указания о диэте в различные времена года (гл. 1), для людей различной конституции и возраста (гл. 2), указания о прогулках (гл.3), советы желающим похудеть и потолстеть (гл. 4), правила, когда и как целесообразно принимать рвотное и ставить клизмы в целях диэтетических (гл. 5); далее следует купанье (гл. 6) и глава о гимнастических упражнениях (7). Последние две главы в переводе опущены, так как они не имеют отношения к теме. Многие места в книге стоят в связи с «Афоризмами» и «О воздухах, водах и местностях», представляя дальнейшее развитие высказанных там мыслей, поэтому происхождение книги из круга лиц, близких к Гиппократу, не подлежит сомнению.

Литературу см. «О природе человека».



АСТНЫЕ люди [1] должны вести такой образ жизни: зимою они должны как можно больше есть, а пить как можно меньше; питьем пусть будет вино, возможно менее разбавленное, а пищею хлеб и все жареные блюда; но зелени в это время года должно употреблять как можно меньше. От такого образа жизни тело будет наиболее теплым и сухим. Но когда настанет весна, больше следует вводить в себя напитков, именно вина, разведенного большим количеством воды, и пить глотками, а кушанья должно употреблять более мягкие и поменьше; хлеб совсем устранить, а употреблять мазу [2]; также следует устранить мясо и все жареное заменить вареным. Также и зеленью следует пользоваться уже немного, чтобы человек приготовился к лету, употребляя более мягкие кушанья; мясо вареное, овощи вареные и сырые и напитки, как можно в большем количестве и как можно более разведенные; и это делать постепенно, чтобы не было сразу большой перемены. Летом же должно питаться как мягкой мазой, так и питьем обильным и разведенным и всеми овощами вареными; всем этим должно пользоваться летом, чтобы тело было влажное и мягкое, потому что это время года теплое и сухое и оно делает тела горячими и сухими. Поэтому и нужно охранять их от этого вот этим установленным образом жизни. Таким же точно образом, как от зимы к весне, должно переходить и от весны к лету, именно, уменьшая яства и увеличивая питье, и по этому же способу, делая обратное, от лета переходить к зиме.

Осенью же яства должно употреблять в большем количестве и более сухие и так же точно рыбу и мясо, напитки же в меньшем количестве и менее разбавленные, чтобы зима была для человека хороша; и напитками пусть пользуется более чистыми и в меньшем количестве, а яствами как можно более обильными и сухими. В самом деле, от этого он будет и наиболее здоров, и меньше всего будет зябнуть, так как это время года очень холодное и влажное.

2. При телосложениях мясистых, мягких и красных большую часть года полезно употреблять сухой род пищи, потому что природа их влажная. Твердые же, тощие, рыжие и черные должны употреблять во все время более влажный род пищи, так как тела их сухие. Более молодым телам полезен род пищи более мягкий и более влажный, ибо этот возраст сухой, и тела их стянуты. Старым же должно проводить наибольшую часть времени в более сухом образе жизни, потому что в этом возрасте тела—влажные, мягкие и холодные. Итак, сообразно с возрастом, временем года, привычкой, страною, местностью, телосложением должно устраивать и образ жизни так, чтобы мы могли противостоять наступающим и жарам, и холодам, ибо только таким образом достигается наилучшее здоровье.

3. Затем зимою должно совершать прогулку быстро, а летом медленно, только не должно совершать пути в продолжение солнечного жара. Людям дородным полезно ходить скорее, а тощим—медленнее. Ванны также должно употреблять летом часто, а зимой—пореже. Более полезно мыться худым, чем полным. Еще: зимою следует надевать одежды чистые, а летом—напитанные оливковым маслом.

4. Если толстые хотят похудеть, то должны натощак делать все физические упражнения и приступать к пище, еще задыхаясь после труда и не остывши, и сначала пить вино разведенное и не особенно хо-

лодное. Так же точно рыбу и мясо должно принимать приготовленные с сезамом или с сладким соусом и другими приправами[3] в этом роде; при этом пусть все это будет жирное, ибо таким образом можно насытиться как можно меньшим количеством. Кроме того, пищу должно принимать однажды, удерживаться от ванны, спать на жестком месте и гулять возможно больше неодетым. Те же, кто, будучи тощими, хотят сделаться толстыми, должны делать противоположное этому, а равно не должны натощак предпринимать никакого физического упражнения.

5. Рвотными и клистирами должно пользоваться таким образом[4]: в продолжение шести зимних месяцев надо вызывать рвоту, потому что это время больше, чем летнее, производит слизи и возбуждаются болезни вокруг головы и той области, которая находится выше грудобрюшной преграды. Но, когда настанет лето, должно употреблять клистиры, ибо это время года—жаркое и тело больше изобилует желчью; также поясница и колени чувствуют тяжесть, появляется ощущение жары и живот беспокоится резями. Поэтому тело должно охлаждать, и все, что поднимается вверх, должно из этих мест выводить вниз. Но дородным и более влажным больше полезны клизмы соленые и тонкие, а более сухим, тощим и слабым—более жирные и густые. Клизмы жирные и густые—те, которые приготовляются из молока, горохового отвара и прочего в этом роде, а тонкие и соленые—из рассола, морской воды и прочего в этом роде. Рвоты же должно вызывать таким образом: у тучных и нехудощавых натощак после бега или быстрой прогулки около полудня. Рвотное приготовляется из полкотилии иссопа, растертого в хоее воды[5]: принимать после прилития уксуса и с прибавлением соли, чтобы было возможно приятнее, и сначала надо пить понемногу, а потом скорее. Более же тощие и слабые должны производить рвоту после еды и таким образом: после

теплой ванны они наперед выпьют котилию чистого вина, затем примут яства всякого рода и пусть не пьют ни во время еды, ни после нее, но удерживаются столько времени, сколько требуется, чтобы пробежать десять стадий [6]. Затем, смешай им для питья тройное вино, горькое, сладкое и кислое, и дай пить сначала неразведенное, по глоткам, с большими промежутками, а затем более разведенное, скорее и вдоволь. Кто же привык производить рвоту каждый месяц дважды, для того лучше делать это в продолжение двух дней подряд, чем на 15-й день; но обыкновенно делают совершенно противоположное. Для тех, которые привыкли выбрасывать пищу рвотой или у кого испражнения нелегко проходят, для всех этих полезно часто в продолжение дня есть и употреблять кушанья всякого рода: и мясо, и рыбу, разнообразно приготовленные, а также пить вино двух или трех родов. Для тех же, которые не выбрасывают пищи рвотой и имеют влажные желудки, для этих всех полезна диэта, противоположная этому.

6. Малых детей следует купать в теплой воде продолжительное время и давать им пить вино, разбавленное водой и не совсем холодное; им следует давать такое вино потому, что оно меньше всего возбуждает желудок и вызывает вздутие. Это должно делать, чтобы дети меньше подвергались конвульсиям, чтобы более росли и имели более здоровый цвет. Женщин же должно питать более сухим родом пищи, ибо, с одной стороны, более сухие яства лучше приспособлены к мягкости женских мышц, а с другой стороны—более чистые напитки лучше для матки и для питания плода.

7. Тем, которые занимаются гимнастикой, полезно зимой бегать и бороться, а летом—мало бороться и совсем не бегать, но много гулять в прохладе. Те, которые утомляются от бега, должны бороться, а которые утомляются борьбою, тем должно бегать, ибо таким образом какая-либо часть тела, уто-

мленная от трудов, лучше всего может согреться, укрепиться и отдохнуть. Те, которые по окончании гимнастических упражнений получают поносы и при этом выделяют испражнения, похожие на пищу и непереваренные, должны уменьшить свои гимнастические упражнения по меньшей мере на третью часть, а кушанья на половину, ибо очевидно, что желудок их не может согреться настолько, чтобы переваривать обильное количество. Пищею пусть будет для них хлеб, как можно лучше выпеченный, обмокнутый в вино, а напитки—как можно в меньшем количестве и возможно меньше разбавленные, и пусть после пищи не предпринимается прогулок. В продолжение этого времени полезно принимать пищу только раз в день, ибо таким образом желудок лучше всего может согреться и преодолеть принимаемую пищу. Этот род поноса чаще всего бывает при телосложениях, одаренных плотным телом, когда кто-либо, несмотря на это, принуждается к ядению мяса [7], ибо вены, уплотненные, не могут принимать доходящей до них пищи. Такая природа изменчива; она обращается в ту или другую сторону, и в подобных телах хорошее состояние удерживается на высоте только непродолжительное время. Но телосложения, более рыхлые и более волосатые [8], допускают это ядение мяса по приказанию, лучше выдерживают труды и более продолжительно пребывают в хорошем состоянии. Тем, которые на другой день отрыгивают пищу и у которых поднимается подложечная область (без сомнения, вследствие несварения пищи), полезен более продолжительный сон. Кроме того они должны принуждаться к другим телесным трудам, пить вино более чистое и в большом количестве и в это время принимать пищу в меньшем количестве, ибо явно, что желудок ввиду слабости и холода не может переваривать множества кушаний. Те, которых одолевает жажда, должны устранить часть кушаний

и телесных упражнений и пить вино, разбавленное водой и как можно больше холодное. Тем, у которых появляются боли во внутренностях от гимнастических упражнений или от какого-либо другого труда, полезно отдыхать и воздерживаться от пищи. Питье же пусть употребляют такое, которое при самом малом количестве изводит весьма обильную мочу так, чтобы вены, находящиеся во внутренностях, не растягивались от переполнения, ибо от этого возникают опухоли и лихорадки.

1. Частные люди, ἰδιῶται, по объяснению Галена,—те, которые, не состоя на государственной службе, занимаются своими делами; у них есть достаточно времени заботиться о своем здоровьи.

2. См. «О внутренних страданиях», прим. 25.

3. Сезам, Sesamum orientale L., кунжут. Соуса или подливки играли большую роль в кухне греков; они приготовлялись из разных трав и овощей и разделялись на сладкие (ἡδύσματα) и соленые или пикантные (ἅλμη), куда входил чеснок. Продавались также готовые соуса, напр. γάρος—рыбий соус.

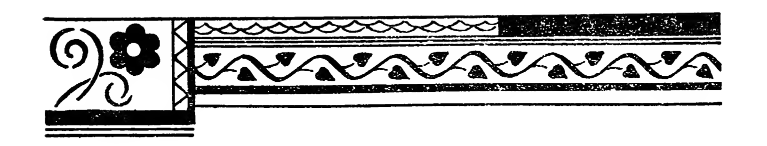
4. У греков того времени был обычай периодически ‹ чищать организм, как в наше время рекомендуют делать французы.

5. Иссоп здесь не Hyssopus officinalis L., который в Греции не растет, а вероятно (по Шпренгелю и Фраасу) смирнский ориган: Origanum smyrnaeum L. Котилия=0,27 литра; хоей=3,24 л.

6. Стадий—177,4 метра.

7. Здесь имеется в виду тренировка атлетов, связанная с усиленным кормлением.

8. На рыхлой или редкой коже сильнее растут волосы (см. «О происхождении ребенка», гл. 9).



О СЕМЕНИ И ПРИРОДЕ РЕБЕНКА

В рукописях имеются две отдельные книги «О семени», περὶ γονῆς, de semine (de genitura) и «О природе ребенка», περὶ φύσιος παιδίου, de natura pueri; они были соединены в одно целое только в издании Литтре, который заметил, что одна является непосредственным продолжением другой. Повидимому, и в древности они составляли одно целое, так как книга «О семени» не упоминается ни у Эроциана, ни у Галена. Литтре присоединил к ним еще 4-ю книгу «О болезнях», на которую в книге «О семени» имеется ссылка. Написана она, повидимому, была раньше, но по ходу изложения непосредственно примыкает к ним; у древних она тоже не упоминается. Этому же автору несомненно принадлежит и 1-я книга женских болезней, которая помещается здесь ниже.

Рассматриваемая книга замечательна во многих отношениях. Она представляет собой единственное дошедшее до нас от древности полное изложение эмбриологии человека, начиная с момента зарождения и кончая рождением на свет. При этом морфологии уделяется сравнительно мало места; главная задача автора—выяснить физиологию развития в тесной связи с теми процессами, которые происходят в организме матери. Автор—врач, по всей вероятности немолодой, с большим

опытом, чрезвычайно широким кругозором и с сильным натурфилософским уклоном. Он часто приводит в доказательство своих положений физические опыты и проводит широкие аналогии между развитием растений и человека, уделяя развитию растения целые главы; он горячо рекомендует изучать эмбриологию цыпленка, в которой находит большое сходство с развитием человека. В 13-й главе им дается чрезвычайно интересное описание раннего человеческого яйца, которое автор считает шестидневным. И вообще в основу изложения везде положены наблюдения; всякое положение так или иначе мотивируется, иногда очень длинно и издалека. Замечательны далее его соображения о наследственности и определении пола, сообщающие книге интерес с точки зрения современных идей. Вообще эту книгу нельзя сравнивать с натурфилософскими произведениями того времени, где обычно возвещаются новые и часто блестящие мысли с очень слабым и туманным обоснованием. Кто мог быть автором этой книги? Гален указывает, что в его время приписывали ее или самому Гиппократу, или Полибию, его зятю. В пользу этого можно привести ряд мест, общих с книгой «О воздухах, водах и местностях», широту подхода, основательность изложения, не скупящегося на повторения, и наконец свидетельство из переписки Гиппократа (письмо 21), где он цитирует, как свою, книгу «О женских болезнях», несомненно, того же автора. Признавая подложность переписки, я считаю тем не менее чрезвычайно ценными все фактические данные, содержащиеся в ней, на что указывал в биографии Гиппократа. Авторство Полибия имеет за себя свидетельство древних, но у нас мало данных для самостоятельного суждения: его одинаково можно признавать и отвергать. В новейшее время Литтре и Дарамберг не высказали определенного мнения об авторе; Эрмеринс, Дильс и Фукс относят это сочинение, так же как 4-ю книгу «Болезней», к книдской школе; Кюлевейн склонен считать автором Полибия; фон Эфле, высказавшийся в пользу Гиппократа, заслужил строгую резолюцию Фукса: «ein schwerer Irrtum». [Замечание того же Фукса, что Эмпедокл и Демокрит оказали заметное влияние на воззрения автора, нельзя считать обоснованным; эмбриологические взгляды Демокрита, дошедшие до нас в отрывках, во многом расходятся. С бо́льшим правом можно говорить о влиянии Диогена Аполлонийского (Дильс), так как воздух и дыхание в физиологии книги играют большую роль.]

Если брать книгу «О семени и природе ребенка» в отдельности от прочих, то принадлежность ее косской школе очень вероятна; может быть, автором ее был Полибий, о чем свидетельствуют древние. Но если считать доказанным, что тот же

автор написал «Женские болезни», тогда ряд серьезных аргументов заставляет думать о книдской школе. К этому вопросу мы вернемся еще в предисловии к «Женским болезням».

Книга «О природе ребенка» была известна Бакхию, одному из первых комментаторов Гиппократа. Ее комментировал в позднейшее византийское время Иоанн Александрийский (VII—VIII в. н. э.), но указанные им комментарии древних до нас не дошли. Ее усиленно издавали в XVI веке, комментировали и переводили на французский и итальянский языки. Позднее отдельных изданий не было.

Литература у Литтре (VII) и Фукса (Puschm. Gesch., I, 217).

I. О СЕМЕНИ

АКОН подчиняет себе все. Семя мужское исходит из всей той влаги, которая содержится в человеке и от которой отделяется то, что есть наиболее сильного. И доказательством того, что отделяется наиболее сильное, служит то, что, когда мы совершим соитие, то, испустивши из себя столь маленькую часть, делаемся, однако, слабыми. Это дело обстоит так: изо всего тела вены и нервы идут в детородные части, и вот, вследствие трения их, нагревания и наполнения, является как бы зуд и отсюда для всего тела проистекает удовольствие и теплота. От трения детородных частей и от движения человека влага в теле согревается и разливается, приходит в волнение и становится пенистой, так точно, как и все прочие жидкости, приведенные в движение, пенятся. Вот так же и в человеке, что есть самого сильного и самого густого, отделяется от пенящейся влаги и направляется к спинному мозгу. Когда же этого последнего семя достигнет, тогда оно несется к почкам, ибо туда направляется путь через вены, и, если почки будут изъязвлены, сюда же примешивается иногда кровь. От почек через середину тестикул семя достигает детородного члена и далее проходит не тем путем, где идет моча, но у него есть другой путь, смежный с ним. Те, которые имеют любовные сны, имеют их по следующей причине: когда влага, находящаяся в теле, разлилась и нагре-

лась, то или вследствие сильного упражнения, или от какой-либо другой причины, она начинает пениться, и, когда от нее происходит отделение, во сне представляется некоторый образ соития, ибо влага в нем такая же, как и при соитии. Но нам теперь не должно говорить ни о тех, которые искушаются во сне, ни обо всей этой болезни, что она есть и какие производит последствия, ни о том, почему она бывает вместо соития. Вот что я имел сказать об этом.

2. Но евнухи по той причине совсем не производят любовного дела, что у них уничтожается проход для семени, ибо путь для него идет через самые яички, и из яичек тянутся в детородный член тонкие и частые нервы, которыми он поднимается и опускается, и они отрезаются при кастрации; поэтому евнухи делаются уже неспособными. У тех же из них, которые кастрированы отдавливанием, путь для семени прегражден, ибо яички отвердевают и нервы, сделавшись плотными и недеятельными от затвердения, не могут ни напрягать, ни расслаблять. Но те, у которых произведено сечение возле ушей, соитие производят, но испускают семя малое, слабое и неплодоносное, потому что большая часть семени из головы несется позади ушей в спинной мозг, а проход этот, зарубцевавшийся после сечения, делается сплошным [1]. У мальчиков вены тонкие и наполненные препятствуют проходу семени, и зуд в теле не возбуждается в такой мере, а поэтому влага не колеблется в теле до того, чтобы семя могло отделиться. И у девиц также по этой причине, пока они молоды, не выходят месячные очищения. Но лишь только девушка и мальчик вырастут, тогда вены, которые идут к детородному члену мальчика и в матку девушки, делаются шире вследствие роста и открываются, проход через их теснины освобождается, и тогда влага начинает волноваться, так как получает более широкое место для своего волнения; и вот

у мальчика, когда он созреет, по этой причине выходит семя, а у девушки месячное очищение. Вот таким образом я объясняю дело.

3. Я утверждаю, что семя отделяется из всего тела: из твердых и мягких его частей и из всеобщей влаги всего тела[2]. Но есть четыре вида этой влаги, кровь, желчь, вода и слизь[3]. Действительно, человек имеет столько врожденных ему видов влаги, и от них происходят болезни. Я уже говорил как об этих болезнях, так и о причине, почему отсюда рождаются болезни и делаются их кризисы. И вот это также сказано у меня и о семени, откуда, каким способом и по какой причине оно происходит и почему не бывает его вовсе, а вместе сказано и о месячных очищениях девиц.

4. Утверждаю также, что у женщин при соитии от трения детородного члена и от движения матки делается как бы зуд, который в остальном теле производит удовольствие и теплоту. И женщина также испускает из своего тела семя, иногда в матку, отчего эта делается влажною, а иногда и наружу, если матка разверзается сверх меры[4]. Женщина также, как начнет соитие, во все время испытывает удовольствие, пока мужчина не испустит семени. Но если женщина горячо желает соития, то она испускает семя прежде мужчины, и остальное время уже не имеет такого удовольствия. Если же она не горячо желает любви, то вместе с мужчиной перестает чувствовать удовольствие. Это дело обстоит наподобие того, как если бы кто на кипящую воду лил холодную: вода перестает тогда кипеть; так точно и мужское семя, падая в матку женщины, тушит в ней теплоту и удовольствие. Вспыхивает удовольствие и теплота, лишь только семя сойдет в матку, а затем перестает; так же точно, если кто будет лить вино на пламя, то последнее сначала вспыхивает и увеличивается после прибавления вина,

а затем перестает; вот таким же образом у женщины теплота от мужского семени вспыхивает, а потом уничтожается. Но при соединении женщина получает далеко меньшее удовольствие, чем мужчина, но зато более продолжительное. Причина, почему мужчина чувствует большее удовольствие, следующая: у него внезапно происходит отделение от влаги с бо́льшим возбуждением, чем у женщины. Но в то же время это дело так обстоит у женщин: если они сходятся с мужчинами, то бывают более здоровы; если же нет, менее, ибо, с одной стороны, и матка не делается влажною вследствие соединения, а сухою, так как она стягивается более надлежащего, а такое сильное стягивание доставляет болезнь телу; а с другой стороны—соитие, разгорячая кровь и увлажняя, служит причиною того, что месячные очищения изливаются с большею легкостью; напротив, когда они совсем не выходят, женщины делаются подверженными болезням. Но причину этого дела мы изложим в женских болезнях, а в настоящий раз довольно и сказанного.

5. После соития, если женщина не зачнет, семя, выпущенное обоими, обыкновенно изливается наружу, когда женщина захочет. Если же она имеет зачать, семя не изливается наружу, но остается в самой матке, ибо, получивши его, матка закрывается и держит его, так как отверстие ее затянуто влажностью, и тогда смешивается вместе как то, что происходит от мужчины, так и то, что от женщины. Если женщина испытала уже раз роды и заметит, когда семя не выпало, но осталось внутри, тогда она узнает, в какой день зачала.

6. И еще вот что бывает: семя, выпущенное женщиною, бывает иногда сильнее, иногда слабее; так же точно и выпущенное мужчиною. Есть также и у мужчины женское и мужское семя и так же точно у женщины; мужское же бывает сильнее женского,

поэтому рождение необходимо происходит от более сильного. Но в то же время дело обстоит так: если от обоих отойдет более сильное семя, рождается мальчик, а если более слабое—девочка; какое из двух превзойдет по количеству, такое и родится. Если более слабое семя превзойдет своим обилием более сильное, то это более сильное побеждается и, смешавшись с слабым, преобразуется в женский пол. Если же сильное будет обильнее слабого, то это слабое преодолевается и превращается в мужской пол [5]. Это—подобно тому, как если кто вместе смешает воск и жир и, прибавивши большее количество жиру, начнет топить смесь на огне: пока смесь будет жидка, неизвестно, какое количество больше, но когда она застынет, тогда явно будет, что жир превосходит воск своим количеством. Так обстоит дело и с рождением мужского и женского пола.

7. А что как у женщины, так и у мужчины существует как женское, так и мужское семя, это можно заключить из следующих очевидных фактов: многие женщины с своими мужьями рождали девочек и они же, сошедшись с другими, рождали от них сыновей; и те же самые мужья, от которых жены рождали девочек, сошедшись с другими женщинами, производили мужское потомство или наоборот: у которых рождался мужской пол, сошедшись с другими женщинами, рождали девочек. Это рассуждение доказывает, что как мужчина, так и женщина имеют и женское, и мужское семя, ибо у тех, которые зачинали девочек, более сильное семя вследствие большого обилия слабого побеждалось и рождались девочки, а у тех, которые зачинали мальчиков, побеждало более сильное и рождались мальчики. Но от одного и того же мужчины не всегда выходит сильное семя и не всегда слабое, но в разное время разное. И у женщин дело обстоит таким же образом. Поэтому нисколько не удивительно, что

одни и те же женщины и одни и те же мужчины рождают то мужское, то женское поколение. Та же самая причина относительно семени и рождения мужского и женского пола существует и у животных.

8. Семя как женщины, так и мужчины происходит из всего тела, и из слабых частей—слабое, а из сильных—сильное, и по необходимости это так распределяется и у ребенка. И если от какой-либо части тела для семени больше привходит от мужчины, чем от женщины, то ребенок более похож на отца; если же от какой части тела более привносится от женщины, то ребенок бывает более похож на мать. Но никогда быть не может, чтобы плод всеми своими частями был похож на мать, а на отца не был совершенно похож, или наоборот, и вообще, чтобы он был вовсе не похож ни на одного из двух, но необходимо, чтобы в чем-либо он был похож на обоих, потому что семя от тела обоих привходит для плода. Но если какой-либо из двух больше привносит для сходства и от больших мест тела, то плод и будет похож на него в больших частях; и иногда родившаяся дочь бывает более похожа на отца, чем на мать, а сын, родившись, иногда бывает более похож на мать, чем на отца. Вот какие у меня есть доказательства вышеприведенного моего мнения, что как в женщине, так и в мужчине есть способность производить и мужской и женский пол.

9. Но в то же время иногда случается и то, что тощие и слабые дети рождаются от родителей толстых и крепких. Если же после рождения многих детей, одно рождается подобного рода, то очевидно, что зародыш заболел в матке от матери, если во время его роста вещества уходили наружу, вследствие того, что матка была открыта сверх надлежащего, и поэтому он и сделался слабым, ибо всякое из животных болеет по мере своих сил. Но если все дети, родившись, оказываются слабыми, то причиною этого

является матка, узкая сверх надлежащего, потому что, когда недостает обширного пространства, в котором бы питался зародыш, он по необходимости является слабым. Если же нет недостатка в обширном пространстве и если плод не болеет, то естественно от больших родителей и дитя рождается большое. Это дело похоже на то, как если кто-либо положит в узкий сосуд огурец, уже отцветший, но еще, однако, маленький и прикрепленный к огуречному стеблю: огурец выйдет равным и подобным полости этого узкого сосуда. А если кто положит его в сосуд широкий, в котором хорошо может поместиться огурец, но который в то же время и не особенно больше его природной величины, то огурец вырастет также точно равным и подобным полости сосуда, ибо, возрастая, он старается сравняться с емкостью сосуда. Да и вообще почти все растения вырастают так, как их кто заставит. Вот также и дитя, если будет расти в более широком месте, то выйдет большое, а если в более узком,—меньше.

10. Если в утробе младенец искалечивается, то, как я утверждаю, это делается от того, что он получил ушиб: в этом случае или мать ударили с той стороны, где был младенец, или она упала, или случилось что-либо другое вредное для нее. В какой стороне младенец получает ушиб, там он и искалечивается. Если же зародыш ушибается сильнее, так что разрывается оболочка, окружающая его, он гибнет. Или и по другой причине подобного рода дети калечатся, именно: когда место матки, где они искалечены, будет узкое, ибо по необходимости тело, двигаясь в узком месте, делается искалеченным в этом именно месте. Так точно и деревья, которые, вырастая на земле, не имеют для себя довольно обширного пространства, но задерживаются камнем или другим каким-либо предметом, во время роста делаются кривыми или толстыми в одной части,

а в другой—тонкими. Также бывает и с младенцем, если в утробе возле какой-либо части его тела будет слишком узкое место в сравнении с другими частями.

11. Большею частью случается, что от искалеченных людей дети рождаются здоровыми, ибо искалеченный имеет счетом все то же, что и здоровый. Но когда болезнь у него случится также и той самой влаги, из которой делается семя, и те четыре вида влаги, которые обыкновенно по природе присутствуют, доставляют семя не полноценное, но более слабое соответственно искалеченной части, то для меня не представляется удивительным, что и дитя искалечивается в тех же частях, в которых и отец искалечен. Вот что я хотел сказать до сих пор, а теперь возвращусь к речи, которую раньше начал.

II. О ПРИРОДЕ РЕБЕНКА

12. Если семя, происшедшее от обоих родителей, осталось в матке, то оно, конечно, с самого начала перемешивается, так как женщина не остается в покое, сгущается и от теплоты тучнеет, затем воспринимает воздух [6] как потому, что находится в теплом месте, так и потому, что мать дышит. Когда оно наполнится воздухом, то воздух сам себе делает путь наружу для того, чтобы выйти через середину семени. Когда же, проложив себе дорогу, этот теплый воздух устремится наружу, семя тотчас привлекает к себе от матери холодный воздух, и это продолжается все время. Оно, конечно, нагревается, потому что пребывает в теплом месте, но в то же время, так как мать дышит, воспринимает и холодный воздух. Все, что нагревается, содержит в себе воздух. Но воздух вырывается, сам открывает себе дорогу и несется наружу. А что нагревается, то привлекает к себе через трещину снова другой воздух—холодный, которым питается. И это также делается в дере-

вьях, листьях, в пище и питье, которые сильно нагреваются. Это же можно видеть в горящих дровах, ибо дрова делают все это, в особенности же тогда, когда они немного зелены, ибо они выпускают воздух через рассеченное место и воздух, выходя наружу, обвивается вокруг трещины, и это, как мы видим, делается постоянно. Поэтому на основании правильно выведенного умозаключения можно думать, что воздух в дереве, будучи теплым, привлекает на свое место другой холодный, которым он питается и испускает его от себя, ибо, если бы он не привлекал его к себе, выходящий воздух совсем не клубился бы. Действительно, все теплое питается умеренным холодным. И когда влага, находящаяся в дереве, разгорячается и обращается в воздух, то она выходит наружу и тем же путем, которым выходит теплота, существующая в дереве, она привлекает на свое место другое холодное, которым питается. То же делается и с зелеными листьями, когда они сжигаются, ибо они содержат воздух, который после вырывается и, пробивая себе дорогу, выходит наружу, клубясь, и, выходя, производит шум там, где делает вдыхание. Так же точно и стручковые плоды, пшеница и древесные плоды, когда нагреваются, воспринимают воздух, который, сделавши щель, выходит наружу, и если они будут сырые, то испускают больше воздуха и производят большую щель.

И есть ли нужда в более продолжительной речи? Действительно, все, что нагревается, испускает воздух и взаимно привлекает другой холодный, которым питается. Вот какие необходимые основания приведены мной, почему семя, нагреваясь в матке, повидимому, имеет воздух и выпускает его и вместе с тем имеет и дыхание от дышущей матери, ибо, когда мать привлечет к себе холодный воздух, им пользуется семя, которое, будучи в теплом месте, есть теплое, и тогда, конечно, оно воспринимает воздух и испус-

кает, и вздувшееся семя обтягивается оболочкой, так как внешняя поверхность у него, сделавшись непрерывной вследствие липкости, со всех сторон связывает его. Подобно этому бывает в печеном хлебе: на поверхности его находится нечто тонкое наподобие кожицы, ибо хлеб, нагреваясь и вздуваясь, поднимается, а где он вздувается, там образуется указанная кожица. Когда семя нагреется и надуется воздухом, то у него по всей поверхности образуется кругом кожица, а проход в середину семени для воздуха снаружи и снутри происходит через кожицу. Здесь тонкое вещество кожицы удалено от семени, и семени в этих местах бывает самая малость, а все остальное семя, ставши круглым, содержится в оболочке.

13. Семя, пробывшее в продолжение 6 дней в матке и потом выпавшее наружу, я видел сам; и каким тогда оно показалось моему уму, из этого я делаю заключение и обо всем остальном. Каким именно образом я видел шестидневное семя, сейчас расскажу. У одной родственной нам женщины была прекрасная артистка, которая имела дело с мужчинами и которой совсем нельзя было быть беременной, чтобы не потерять своей цены. Она раньше слышала о том, что женщины говорят между собою, именно: что если какая женщина имеет зачать, то семя остается внутри и не выходит наружу. И вот, услышавши и понявши это, она всегда держала это в своем уме и, когда раз заметила, что у нее это случилось, сказала об этом своей госпоже, и слух об этом дошел до меня. И вот, узнавши об этом, я посоветовал ей, чтобы она, подскакивая, ударяла ногою о свою ягодицу[7]. И когда она сделала это семь раз, семя с шумом вылилось на землю. Увидя это, она смотрела на него с удивлением. Я расскажу, какое оно было. Например, если кто-нибудь у сырого яйца снимет со всех сторон внешнюю скорлупу и во внутренней оболочке будет

просвечивать внутренняя влага,—вот такой вид был у него, вкратце говоря. Было оно красное и круглое; в оболочке виднелись также белые и толстые волоконца, находящиеся в ней, заключенные в густую и красную сукровицу, и вокруг оболочки снаружи—кровяные сгустки. По середине оболочки отходило нечто тонкое, что мне показалось пуповиной; через нее вначале идет дыхание наружу и внутрь, и от нее протягивалась вся оболочка, охватывавшая семя. Вот таким видел я семя, имеющее 6 дней[8]. Я приведу, спустя немного, другой признак, ясный для всех тех, которые интересуются этим вопросом, который, насколько возможно человеку говорить о деле такого рода, подтвердит всю мою речь. А доселе довольно о том, что семя находится в оболочке и имеет дыхание внутри и вне.

14. Семя получает рост от крови матери, нисходящей в матку. Действительно, у женщины беременной уже не выходят месячные очищения, если дитя будет здоровое, разве только у некоторых в первый месяц в весьма малом количестве. Но, истекая из всего женского тела, кровь со всех сторон снаружи разливается вокруг оболочки. Втягиваемая вместе с воздухом внутрь через оболочку, где последняя имеет отверстие и отходит, кровь сгущается и растит будущее живое существо. С течением же времени снова другие тонкие оболочки протягиваются внутри первой, возникая тем же способом, как первая, и они, исходя из пупка, сплетаются между собою взаимными связями.

15. И вот когда это настанет, то от нисходящей и сгущенной крови матери рождается плоть, из середины которой отходит пуповина, через которую она дышит и растет. Но женщина, пока носит в утробе, хотя и вовсе не бывает у нее месячных очищений, от этого, однако, не страдает, потому что кровь, привыкшая выходить ежемесячно, сразу не приходит

в волнение, но спокойно, мало-помалу, ежедневно, без всякой боли отходит в матку, вследствие чего увеличивается то, что содержится внутри матки. Кровь выходит каждый день, а не однажды в месяц, потому что семя, содержащееся в матке, всегда что-нибудь извлекает из тела по мере сил. Таким же образом происходит и дыхание. Сначала оно бывает малым, и крови мало приходит от матери; когда же дыхание делается более сильным, оно и крови больше привлекает, и с бо́льшим обилием входит в матку. У женщин, которые не имеют в утробе, когда месячные очищения не появляются, от этого наступает болезнь. Сначала каждый месяц кровь в теле волнуется в силу той причины, что месяц от месяца много отличается по холоду и теплу, и тело женщины это чувствует, так как оно влажнее, чем тело мужчины; и когда кровь придет в движение и наполнит вены, тогда она выходит из тела потому, что это ей с самого начала от природы положено. Поэтому, если женщина освободится от этой крови, она может зачать; если же будет наполнена ею—не может. Действительно, если матка и вены свободны от крови, женщины зачинают плод, и причиною этого служит сказанное мною выше. Но если возбужденная и отделившаяся кровь выйдет не наружу, а в матку, и матка не откроется, тогда эта матка вследствие долго задержанной крови нагревается и свою теплоту сообщает остальному телу. Бывает также, что она передает кровь в вены тела, отчего последние, наполнившись, производят опухоли. Иногда же от этого возникает опасность хромоты. Иногда даже они задевают мочевой пузырь, сжимают его, запирают и производят странгурию. Иногда же матка, наполненная кровью, налегает на бедра и поясницу и причиняет болезнь. Когда же кровь задерживается в матке в продолжение пяти или шести месяцев, тогда, загнивая, она обращается в гной, который у некоторых устремляется наружу

через детородные части. У иных даже в паху образуется опухоль, и там образовавшийся гной выходит наружу; и другие подобного рода многочисленные болезни случаются у женщин, которые не очищаются через месячные. Но зачем говорить об этом здесь? Об этом будет сказано в речи о женских болезнях. Теперь же мы возвратимся туда, откуда удалились.

16. Когда же образуется тело, то при росте того, что находится в утробе, и оболочки также увеличиваются, и выпячиваются, образуя пазухи, особенно внешние. И кровь, нисходящую от матери, привлекает к себе тело, дыша, и она служит для его увеличения, а часть, которая непригодна, поступает в пазухи оболочек. Когда пазухи начнут выпячиваться и воспринимать кровь, тогда это называется хорион[9]. Вот что я имел сказать обо всем этом.

17. Тело, возрастая от дыхания, делится на члены, и в нем все подобное несется к тому, что ему подобно: плотное к плотному, редкое к редкому, влажное к влажному; всякое несется в собственное место, к тому, с чем имеет сродство и из чего также произошло. И все, что произошло из плотного, становится плотным, а все, что из влажного—влажным, и все прочее возникает по такому же способу во время роста. Сгущенные теплотою кости твердеют и наподобие дерева разделяются также на ветви, лучше уже расчленяются как внутренние, так и внешние части, появляется голова, отделяющаяся от плеч, руки и локти отделяются от боков, ноги друг от друга; жилы обвиваются вокруг суставов членов и соединяются между собой; выводится рот; выставляются и открываются в теле нос и уши; глаза наполняются чистою жидкостью; делается ясным, какие именно будут половые части, и подразделяются самые внутренности. И вот верхними частями, именно: ртом и носом тело тянет воздух, и живот наполняется

воздухом, и кишки, наполненные им через верхние части, останавливают дыхание через пупок и уничтожают его; образуется путь от живота и кишок в задний проход наружу, а также путь снаружи в мочевой пузырь. И каждая из этих частей расчленяется от действия дыхания, ибо раздутые воздухом все они распределяются по сродству. Например, если к пузырю привяжешь трубочку и набросаешь через нее в пузырь земли, песку и тонкие кусочки свинца и затем, наливши воды, будешь вдувать воздух, то сначала все это перемешается с водою; потом, с течением времени, от вдувания свинец направится к свинцу, песок к песку, а земля к земле. И кто предоставит всему этому засохнуть, а потом, разорвавши пузырь, посмотрит, то убедится, что подобное соединилось с себе подобным. Вот таким же образом расчленяется семя и тело, и в нем все подобное направляется к подобному. Вот что я скажу об этом предмете.

18. Но вот ребенок уже образовался, и до этой степени женский пол достигает после первого сгущения, наидольше в продолжение 42 дней, а мужской пол — наидольше в продолжение 30 дней [10]. Действительно в большинстве случаев в продолжение этого времени, или немного меньше, или немного больше, происходит их расчленение. И очищение у женщин после рождения девочки бывает большею частью в 42 дня, когда оно самое долгое и полное; но женщина будет свободна также от опасности, если очистится в продолжение 25 дней. После же рождения мальчика очищение продолжается 30 дней, когда оно бывает самое долгое и совершенное; но женщина свободна будет от опасности, если очистится и в 20 дней. В самое последнее время родовое очищение бывает наименее обильным: у молодых — в продолжение немногих дней, а у пожилых — большего числа дней. При рождении и при родовых очищениях наиболее страдают первородящие, и малорожав-

шие страдают более, чем многорожавшие. Очищения у женщин после родов появляются потому, что в более раннее время, до 42 дней, когда женщина бывает беременна девочкой, и до 30 дней, когда мальчиком, тратится весьма мало крови для возрастания ребенка, а после этого больше, до родов. Поэтому необходимо, чтобы очищение наверсталось посредством истечения после родов и вышло наружу в известное число дней. Начало же родовых болей у женщин таково: кровь у женщины волнуется и сильно нагревается от движения ребенка, потому что оно уже сильно; вследствие волнения крови первым выходит наружу ребенок, а за ребенком выходит ихор густой, кровяной, и путь ему указан так же, как для воды на столе [11]. А потом после ихора каждый день выходит очищение до вышеуказанного времени мерою в целую аттическую котилию с половиною [12], вначале несколько больше, а потом несколько меньше сообразно с этим количеством, пока не перестанет. Несется же кровь, как от жертвенного животного, если женщина здорова и будет здорова, и скоро свертывается; если же женщина не здорова и не будет здорова, очищение выходит в малом количестве, бывает по виду хуже и не скоро свертывается. Дело здесь обстоит так: если беременная женщина будет одержима какою-либо болезнью, не имеющею сродства с очищением после родов, то она погибает; ибо, если она не очистится в первые дни, будучи здоровой или нет, но очищение у ней выйдет сразу или от лекарства или даже само собой вдруг, то очищение это будет выходить сообразно с числом тех дней, в продолжение которых оно не вышло сразу. Если же женщина не очистится после родов, то у нее произойдет сильная болезнь и будет опасность, что она умрет, если скоро не подвергнется лечению и сразу у нее не будет вызвано очищение. И я привел все это для того, чтобы показать, что разделение частей происходит у девочки самое большее

в продолжение 42 дней, а у мальчика 30 дней; доказательство этого—очищение после родов, которое после рождения девочки бывает в течение 42 дней, а после мальчика в течение 30 дней, когда длится наидольше. Хочу теперь повторить это ради ясности другим образом: я утверждаю, что то весьма малое количество крови, которое несется от матери к утробе и семени, пребывающему в ней, когда она носит девочку, наверстывается в продолжение 42 дней, ибо в течение такого количества дней расчленяются части у детей, а с этого времени больше крови приливает; когда же она будет носить мальчика, то это происходит соответственно в 30 дней. Вот другое доказательство, что все это истинно: в первые дни, когда семя упадет в матку, весьма мало изливается крови от женщины в матку, потом же большее количество, ибо если бы она, собравшись в большом количестве, за один раз излилась, то семя не могло бы иметь дыхания, но вследствие излития многой крови было бы задушено. Противоположным способом дело вознаграждается при очищении, ибо в первые дни после родов очищение бывает самое обильное, а потом все меньше и меньше, пока не перестанет. Многие женщины теряли вследствие выкидыша мальчика несколько раньше 30 дней, и он являлся лишенным членов; те же, которые выкидывались после 30 дней или в это самое время, имели раздельные члены. И при девочке, сообразно с числом 42 дней, когда происходил выкидыш, являлась раздельность членов. Таким образом, выкидывается ли младенец раньше или позже, сообразно с этим и по расчету, и по необходимости является различение членов,—для девочки в продолжение 42 дней, а для мальчика в продолжение 30 дней; доказательством этого служат выкидыши и очищения после родов. Причиною же, почему женский пол образуется и расчленяется позднее, служит то, что семя женского плода

слабее и влажнее, чем мужского. Вот сообразно с этим рассуждением и необходимо, чтобы медленнее образовывался женский плод, чем мужской, а также по этой причине и очищение после рождения на свет девочки длится дольше, чем после мальчика. Но мне нужно возвратиться туда, откуда я удалился.

19. Когда дитя приобретет раздельные члены, то по мере роста и формы частей и кости делаются тверже и становятся внутри полыми, и все это делается от воздуха; будучи же полыми, они привлекают к себе из телесных частей, что в крови есть самого жирного. С течением времени оконечности костей снова образуют ветви, подобно тому, как и самые верхние части деревьев наконец ветвятся; таким образом и у ребенка отделяются друг от друга пальцы рук и ног. И на оконечностях их вырастают ногти, ибо все вены человеческого тела оканчиваются на пальцах рук и ног и самые толстые вены тела находятся в голове, затем в ногах, плечах и локтях, но в ступнях и руках вены бывают самые тонкие, частые и многочисленные, и так же точно нервы самые тонкие, плотные и многочисленные, и кости по величине наиболее малые, в особенности в пальцах рук и ног. Из пальцев же, так как они имеют кости плотные и малые и такие же вены и нервы, рождаются ногти тонкие и плотные, и они охватывают оконечности вен так, что те и дальше уже не растут и не выступают одна за другую. Поэтому нисколько не должно казаться удивительным, если ногти на самой крайней части тела бывают самые плотные; они происходят от того, что наиболее плотно.

20. В одно время с ногтями и волосы получают свои корни в голове, и природа их такова: они рождаются наибольшими и многочисленными там, где эпидермис тела [13]—самый редкий и где волос имеет умеренную влагу для своего питания. И где только эпидермис после делается редким, там тоже после

вырастают волосы, например, на подбородке, на лобке и в других местах. Действительно, лишь только появляется семя, мясо и эпидермис делаются реже, и малые вены открываются больше, чем прежде: ибо у мальчика вены являются тонкими, и через них семя не может нестись; такое же условие и для месячных очищений у девушек. Но одновременно открывается путь для месячных очищений и для семени, и покрывается волосами лобок у мальчика и девушки вследствие того, что эпидермис сделался редким; и одновременно волос получает умеренную и достаточную влагу для питания. Таким же образом обстоит дело и на подбородке мужчины: ибо здесь редеет поверхность кожи вследствие схождения на нее влаги от головы; действительно, и во время соития, и в промежуточное время волос имеет достаточную влагу для своего питания, и наибольше тогда, когда влага, в соитии нисходя от головы, остановится на подбородке, вдали от груди. Что волосы вырастают в самых редких частях эпидермиса, доказательством этому служит следующее: если, сожегши верхнюю кожу, сделаешь только пузырь и потом его залечишь, то эпидермис, сделавшись плотнее в области рубца, не будет производить волосы. Сделавшиеся в детском возрасте евнухами потому не имеют волос ни на подбородке, ни на лобке и вообще становятся гладкими, что путь для семени не был сделан и не разредил эпидермиса по всей коже, ибо, как у меня сказано прежде, дорога для семени прервана. Женщины также на подбородке и на всем теле безволосы потому, что у них влага, не возбуждаемая во время соития в такой степени, как у мужчин, не может сделать редким эпидермис. Но те, которые плешивеют, изобилуют слизью, потому что во время соития возбужденная и нагревающаяся в голове их слизь, попадая в эпидермис, иссушает корни волос так, что волосы выпадают. Евнухи же по этой причине не плешивеют,

потому что и не возбуждаются слишком сильно, и слизь, не разогреваясь во время соития, не сожигает корней волос. Седыми волосы делаются потому, что в продолжение долгого времени проходит в человеке влага и то, что есть в ней самого белого, отделяется и попадает в эпидермис, так что волос, привлекши к себе влажность более белую, чем прежде, белеет, и эпидермис там, где находятся седые волосы, белее, чем в другом месте. У тех, которые от самого рождения имеют седые волосы на голове, эпидермис в том месте, где седые волосы, белее остального, потому что там пребывает самая белая влага. Дело здесь обстоит таким образом: какую влажность тело привлекает, белую, желтую или черную, такой цвет имеет и волос. Но довольно об этом. Я перейду сейчас к тому, что еще остается.

21. Когда конечные части тела дадут наружу ветви и ногти с волосами укоренятся, тогда ребенок начинает двигаться, и время, когда это происходит, для мужского пола 3 месяца, а для женского—4. Так бывает в большей части случаев, хотя некоторые начинают двигаться прежде этого времени. Мальчик начинает двигаться прежде потому, что он крепче девочки; прежде также и вырастает мальчик, так как он состоит из более сильного и плотного семени. Когда же плод начинает двигаться, тогда также и молоко у матери дает о себе знать, ибо груди у ней поднимаются и соски набухают, но молоко, однако, еще не выходит. У женщин, которые обладают плотным строением тела, медленнее и позже показывается признак молока, а скорее у тех, которые имеют рыхлое строение. Молоко же необходимо возникает по следующей причине: когда матка, вздымаясь от плода, начинает давить на желудок женщины, если это давление происходит при наполненном желудке, тогда то, что в пище и питье есть самого жирного, протекает наружу в сальник и мышцы, подобно тому как если

кто кожу обильно намажет маслом и даст ей впитать масло, а потом, когда она напитается, начнет сдавливать, и при этом сдавливании масло потечет наружу; вот таким же образом, когда желудок содержит в себе жир от пищи и питья и в это время сжимается маткой, все жирное переходит в сальник и мясо. И если женщина будет рыхлого сложения, то она это выделение легче воспринимает, а если нет, то медленнее. Также и домашние животные, когда носят в утробе, если не будут страдать какою-нибудь болезнью, при той же пище и питье делаются более жирными; так же точно и женщина. Когда жир разогревается и делается белым, тогда то, что в нем становится сладким от теплоты матки, выжатое, стремится к грудям, а также и в матку устремляется небольшая часть через те же вены, ибо к грудям и к матке идут одни и те же вены и другие подобные им. И вот, когда жир достигает матки, он получает вид молока, которым понемногу и пользуется младенец. Груди же, когда получат молоко, возвышаются и наполняются, и, когда женщина родит, то, вследствие начавшегося движения, молоко несется в самые груди, если женщина будет кормить. Дело происходит так: когда груди сосутся, тогда вены, направляющиеся к ним, делаются шире и, сделавшись шире, привлекают к себе из желудка, что жирно, и переводят в груди, ибо и у мужчины, если он часто употребляет соитие, вены, сделавшись шире, более привлекают семя.

22. Дальше дело идет так: питание и рост детей происходит соответственно тому, что приходит в матку со стороны матери; и в каком состоянии находится мать в отношении здоровья или болезни, в таком же и ребенок. Так точно и все то, что рождается из земли, питается от земли, и в каком состоянии находится земля, в таком и ее порождения. В самом деле, когда семя будет опущено в землю, оно наполняется от нее

влажностью, так как земля заключает в себе влажность всякого рода, которою могут питаться растения. Наполнившись влажностью, семя вздувается и разбухает, и сила, которая является в семени чрезвычайно легкой, вынуждается влагою к сгущению[14]. Сгущенная же воздухом и влажностью и обратившись в листья, она разрывает семя; и прежде всего выходят наружу листья. Но когда они выйдут, то, так как они не имеют возможности более питаться тою влагою, которая есть в семени, семя и листья рвутся к нижним частям и вынужденное листьями семя отдает вниз ту часть силы, которая в нем осталась вследствие своей тяжести, и вот являются корни, протянувшиеся от листьев. Когда же росток бросит в землю крепкие корни и из нее начнет извлекать пищу, тогда семя совсем исчезает и обращается в растение, кроме кожуры, которая является самой твердой. Но и кожура, сгнивая в земле, также исчезает. С течением времени некоторые листья производят ветви. Итак, рожденное из семени, как из влажного чего-то, пока будет мягким и водянистым, стремится к произрастанию, как в нижней, так и в верхней части, и не может произвести никакого плода. Действительно, в нем нет еще способности сильной и жирной, чтобы из нее сгустилось семя. Но когда, с течением времени, растение более затвердеет и будет иметь более крепкие корни, тогда оно уже приобретает широкие вены, как в верхней, так и в нижней части, и тогда уже из земли оно не тянет более ничего водянистого, но более плотное, жирное и обильное. А оно, разогретое солнцем, вскипает по направлению к верхушке, и вот возникает плод, имеющий сродство с тем, от чего произошел. И большим из малого он делается потому, что все, вырастающее из земли, притягивает себе из нее силу более обильную, чем из чего оно родилось, и вскипает не в одном месте, но во многих местах. Когда же плод

вскипит, он питается своим растением, которое все, что извлекает из земли, расходует на плод. Солнце же, привлекая к себе из него все водянистое, варит плод и делает его более крепким. Вот что я имел сказать обо всем, что производится в семени из земли и из воды.

23. Из посаженных в землю отростков деревьев другие деревья производятся таким способом: ветвь в нижней, направленной к земле части, в которой она оторвана от дерева, имеет рану, откуда выходят корни, и отходят они таким образом: когда растение, укрепленное в землю, получит от нее влагу, оно набухает и принимает воздух, но этого не делает то, что находится поверх земли. Воздух же и влага, сгустивши в нижней части растения силу, самую тяжелую, какая есть, прорываются вниз—и отсюда являются нежные корни. Когда же отросток укрепится в нижней части, тогда влагу, извлеченную из корня, оно передает той части, которая выступает над землею, и тогда в свою очередь верхняя часть набухает, воспринимает воздух и, благодаря сгущению силы, которая в растении пребывает в легком виде, возникают листья, и тогда уже растение получает рост как в верхней, так и в нижней части. Таким образом, совершенно противоположным способом произрастают те растения, которые выходят из семени, и те, которые выходят из черенков, посаженных в землю, ибо из семени сначала выходит кверху лист, а потом уже опускаются корни к нижним частям; дерево же сначала пускает корни, а потом уже дает листья. Это потому, что в самом семени есть обилие влаги и, так как оно находится всецело в земле, для него там сначала достаточно будет пищи для листа, пока последний не произведет корней. Но в черенке этого уже не бывает, ибо он не возникает из чего-нибудь другого, откуда бы питался прежде всего лист, но ветка сама есть как бы дерево, и ее большая

часть выдвигается поверх земли так, что не может наполниться влагою из земли, если только не явится какая-нибудь великая сила из нижних частей, которая перенесет влагу к высшим частям. И прежде всего необходимо бывает, чтобы черенок заготовлял у себя из земли пищу для корней, а потом уже извлеченное из земли передавал вверх и побуждал листья к появлению и росту.

24. Когда же растение получит рост, тогда оно необходимо выпускает ветви по причине, о которой я скажу. Когда ему будет доставлено большое количество влаги, извлеченной из земли, то в силу этого обилия оно прорывается в той части, где влаги больше, и там растение выпускает ветви. Оно растет и в толщину, и вверх, и вниз, потому что нижние части земли зимою теплы, а летом холодны. И это бывает по той причине, что земля зимою от дождей, падающих с неба, становится влажной и, вследствие тяжести влаги, сжимается сама в себе и потому делается плотнее и не имеет совершенно никакого проветривания, так как нет уже в ней больших щелей, и потому нижняя часть земли зимою тепла. Действительно, и навоз, плотно сложенный, имеет в себе бóльшую теплоту, чем когда он разрыхлен, и вообще все влажное и сдавленное само собою разгорячается, и вскоре сваренное теплотой сгнивает, так как вследствие его плотности через него не может проходить воздух; все же сухое и рыхлое гораздо меньше нагревается и гниет. Так же точно и пшеница, и ячмень—влажные и скученные—сильнее нагреваются, чем когда будут сухими и лежать редко. Даже и одежды, плотно связанные и скрученные, сами собой возгораются, как я сам видел, как будто зажженные огнем. И если кто на все прочее захочет обратить внимание, тот убедится, что все то, что сжато, само собою делается теплее, чем то, что сложено свободнее, так как оно не может проветриваться. Вот так же точно и нижние

части земли, когда они наполняются влагою и сжимаются сами собою, так как становятся тяжелыми и плотными от влаги, зимою нагреваются, потому что в них нет никакого проветривания теплоты. И когда вода с неба упадет в землю и возбудит в ней испарение, то это последнее, вследствие плотности земли, не может итти дальше, но устремляется обратно на воду; потому-то зимою источники и бывают теплее и обильнее, чем летом, что выдыхаемый воздух, не имея возможности пройти в землю по причине ее плотности, обращается снова в воду. И вода, вследствие своего обилия, несется всюду, прорывается, где придется, и прокладывает себе путь более обширный, чем если бы она была в малом количестве, ибо вода не может оставаться в земле на месте, но всегда несется по наклону. Но если бы земля пропускала через себя зимою воздух, выходящий из воды, тогда меньше воды выходило бы из нее, и зимою источники не наполнялись бы. Все это для того говорится мною, чтобы удостоверить, что нижние части земли более теплы зимою, чем летом.

25. Теперь должно сказать о том, что нижние части земли летом более холодны, чем зимою. Земля летом рыхла и легка, потому что солнце на нее сильнее падает и вытягивает из нее к себе влагу, а воду в большем или меньшем количестве земля всегда в себе содержит. Но все движения воздуха идут к нам из воды. Что дело именно так обстоит, можно убедиться вот из чего: из всех рек и облаков всегда дует ветер, а облака—это та же вода, соединившаяся в воздухе. И летом земля бывает редкою и легкою и содержит в себе воду, которая стекает в покатость, и вследствие этого течения воды воздух постоянно выдыхается отсюда то один, то другой; и это выдыхание несется через землю редкую и легкую и так охлаждает землю, что вместе с нею также охлаждается и вода. Здесь дело обстоит так, как если, на-

пример, воду, заключенную в мех, сильно сжимать, а затем сделать для воды отверстие посредством укола иглы или несколько большее и повесить мех на высоте: через отверстие не будет выходить никакого воздуха, а только вода, потому что вода не имеет достаточно широкого пространства, чтобы выдыхать воздух; то же происходит зимою и с водой, находящейся в земле. Если же ты в мехе предоставишь воде более широкое пространство и повесишь мех, то через отверстие будет выходить воздух, ибо воздух, движимый водой, имеет более широкое пространство, чтобы проходить внутри меха, и по этой же причине он выходит через отверстие. Так же точно вода ведет себя летом в земле. Действительно, она занимает довольно широкое пространство, вследствие рыхлости земли и вследствие того, что солнце тянет к себе из нее всю влагу, и земля, пропустивши через себя воздух, который холоден от воды, ставшей редкой и легкой от нее же, становится летом холодной в нижней своей части; и вода, будучи причиной холодного воздуха в земле, дает ему доступ в себя самое и в землю. Одинаково также и вычерпывание воды из колодца всегда возбуждает воздух, как опахало, и заставляет его наводить холод на воду. Вода же, которая не вычерпывается летом, но остается неподвижною, уплотняется и воздуха от земли в себя не принимает и из себя в землю не выпускает; в такой воде, совершенно не затрагиваемой солнцем и воздухом в колодце, но остающейся постоянно неподвижною, сначала начинает согреваться поверхность, а затем одна часть сообщает другой теплоту до дна. Вот причина, почему вода, которая летом не черпается, бывает теплее той, которая черпается. Источники, весьма глубокие, летом всегда холодны, и вода из них, почерпнутая зимою, когда земля согревается, конечно, бывает теплою; но потом, по прошествии известного времени, делается холодною: именно она обдувается

ветром, и в нее проникает воздух. Подобным же образом летом вода, тотчас как будет почерпнута, бывает холодною; но она согревается, и это по той причине, что, так как земля бывает рыхлой и в ней содержится воздух, она охлаждается, но когда пройдет время, она становится неподвижною и делается теплою, ибо она согревается от теплого воздуха, точно так же, как и вода, не черпаемая в колодце, летом делается поэтому теплою. Вот что я имею сказать об этом предмете.

26. Опять повторю: нижняя часть земли летом холодна, а зимою тепла; верхняя же часть земли ведет себя противоположным образом. Но для дерева не нужно, если только оно должно быть здоровым, чтобы в одно время существовало двойное тепло и двойной холод. Но если в верхней части будет тепло, то в нижней должно происходить охлаждение, и наоборот, если в верхней части наступит холод, то необходимо, чтобы в нижней части дерево согревалось. И все, что корни извлекут, они передают дереву, а дерево—корням, и таким образом бывает взаимное уравновешивание тепла и холода. Подобно тому, как человеку, когда введены в желудок кушанья, которые при переваривании согреваются, должно придать холода питьем, так точно и в дереве должна делаться взаимная передача из нижних частей к высшим и обратно. И поэтому дерево как в нижней, так и в верхней части растет, потому что получает пищу из нижних и верхних частей. И пока оно будет весьма нежным, оно не производит плода, ибо у него нет той жирной и плотной силы, которая могла бы быть достаточною для плода. Но когда наступит время, тогда уже вены в нем, сделавшись широкими, вводят в него из земли жирное и плотное течение влаги, и вот солнце, разливая эту влагу, заставляет ее, вследствие легкости, вскипать в верхние части и производить плод; и тонкую влагу от плода уводит, а более плот-

ную, сваривая и согревая, делает сладкой. Те деревья, которые не приносят плода, не имеют в себе такого жирного вещества, которое обратилось бы в плод. Всякое дерево, которое от времени отвердело и пустило крепкие корни, уже совершенно перестает расти. Но те деревья, которые происходят от глазка других, не приносят плода, похожего на те деревья, на которые они посажены. И это делается таким способом: сначала глазок начинает расти, так как он имеет пищу, сначала от дерева, от которого он взят, а потом от того, на которое посажен. Когда же он пустит ростки, то выпускает из себя в дерево тонкие корни и сначала пользуется влагою дерева, на котором посажен; потом, с течением времени, спускает корни в землю через то дерево, на котором привит, и пользуется извлеченною из земли влагою и отсюда берет пищу; поэтому нисколько не должно казаться удивительным, что привитые деревья приносят другие плоды, так как они живут на счет земли. Все это о деревьях и плодах сказано мною по той причине, что речь моя не должна была оставаться незаконченною.

27. Теперь возвращусь к тому, ради чего все это сказано мною. Я утверждаю, что все рождающееся от земли живет на счет земной влаги и в каком состоянии находится эта влага земли, в таком состоянии находится и растение. Так же точно и ребенок живет в утробе от матери, и насколько здорова мать, настолько и ребенок. Но если кто захочет продумать сказанное мною выше от начала до конца, тот убедится, что природа растений, происходящих из земли, и природа людей похожи во всем между собою. Вот что я скажу об этом.

28. Дитя, находясь в утробе матери, руки держит по направлению к щекам, а голову вблизи ног; и нельзя точно распознать, хотя и будешь видеть дитя в утробе, кверху ли обращена голова его или

книзу. Те оболочки, которые его поддерживают, протягиваются из пупка.

29. Теперь я разъясню тот способ познания, который немного раньше я обещал раскрыть и который, насколько возможно для человеческого ума, очевиден для всякого желающего удостовериться в том, что плод содержится в оболочке и в середине его выдается пупок, через который прежде всего он тянет к себе воздух и выпускает наружу, и что оболочки протягиваются из пупка. Точно так же кто захочет воспользоваться теми доказательствами, которые мною будут предложены, тот убедится в том, что и остальная природа ребенка вплоть до конца соответствует тому, что мною было показано на словах. Действительно, если кто подложит 20 или больше яиц двум или нескольким курицам для высиживания и затем каждый день, начиная со второго до последнего, когда цыпленок вылупится, будет вынимать по яйцу и разбивать, то, наблюдая внимательно, увидит, что в яйце таким же образом все обстоит, как я сказал, насколько, конечно, природу птицы можно сравнивать с человеческою. В самом деле, ты найдешь, что из пупка протягиваются оболочки и что все прочее, что сказано о ребенке, совершенно в таком виде имеется в птичьем яйце—с начала и до конца. Правда, тот, кто этого еще не наблюдал, удивится, что в птичьем яйце есть пупок. Но все это обстоит именно так, и это я имел сказать.

30. Когда же у женщины наступают роды, тогда, вследствие того, что ребенок двигается и изгибается, руками и ногами он прорывает внутреннюю оболочку. Но после разрыва одной другие уже становятся слабее—и сначала прорываются те, которые прикасаются к ней, а потом и самая последняя. После же разрыва оболочек плод освобождается от уз и в сильном движении выходит наружу, ибо расслабленные оболочки не имеют уже крепости, да и матка не в состоянии

удержать дитя, когда они отделились. Ведь оболочки, когда они еще обхватывают дитя, не особенно сильно прикрепляются к матке. Когда же ребенок выходит, он насильственно расширяет матку в месте прохода, так как она мягка; проходит же вперед головою, если будет выходить сообразно с природой, так как самыми тяжелыми у него бывают верхние части, если взвешивать от пупка. Пока же ребенок пребывает в утробе, он становится достаточно сильным, чтобы прорвать оболочки на десятом месяце, во время наступления родов у матери. Но если ему случится испытать какое-нибудь насилие, тогда, прежде назначенного времени прорвавши оболочки, он выходит наружу; и если от матери раньше прекратится питание, тогда тоже у матери прежде времени наступают роды и ребенок выходит до десятого месяца. Но если каким женщинам казалось, что они носят в утробе более 10 месяцев, о чем я часто слышал, то они были введены в заблуждение: каким образом, я сейчас расскажу. Если матка воспримет в себя воздух из кишечника, содержащего ветры, она раздувается,—это ведь бывает—, и тогда женщинам кажется, что они беременны. И если месячные очищения, совершенно не выходя, соберутся в матке и сделают слишком продолжительное замедление, то в матке происходит постоянное течение, иногда с воздухом, который идет от кишечника, а иногда вследствие нагревания. Тогда также, вследствие невыхода месячных очищений и вследствие вздутия матки, женщины воображают, что они беременны. Затем, когда месячные очищения прорываются сами собою или другие приходят к ним в матку из тела и уносят с собой предыдущие, и выходит также воздух, то у многих уже тотчас после месячного очищения матка раскрывается и обращается к детородной части, и вот женщины в это время, сошедшись с мужьями в тот же самый день или немного после, зачинают. Но не зная этих причин и вещей, они рас-

считывают, что зачали в то время, когда задержались месячные очищения и вздулась матка. Теперь я объясню, почему плод в утробе носится не долее, как в продолжение 10 месяцев. По прошествии 10 месяцев, когда плод уже вырос, пища и рост, который получается от матери, уже не могут быть достаточны для ребенка, ибо он привлекает к себе все, что есть в крови самого сладкого, и вместе с тем пользуется небольшим количеством молока. Когда же все это становится для него слишком мало и ребенок, сделавшись бо́льшим, жаждет больше пищи, чем сколько есть налицо, он начинает извиваться и разрывает оболочки. И это чаще всего случается с первородящими, так как для детей питание к 10-му месяцу уже не может быть достаточным. Этот недостаток происходит таким образом: у некоторых женщин месячные очищения бывают достаточные, а у других слишком малые; и если это случается, то такова уже у них природа и род по матери. Но те, у которых месячных очищений выходит слишком мало и своим плодам в последнее время, когда они уже делаются большими, доставляют скудное питание, заставляют их извиваться и этим побуждают их выходить прежде десятого месяца: ведь от них притекает мало крови. Как это бывает в большинстве случаев, те женщины, которые имеют малые месячные очищения, бывают также и без молока, так как они сухи и имеют плотное мясо. И что, действительно, вследствие недостатка пищи выходит дитя (если только не привносится какое-либо насилие), это можно подтвердить следующим доказательством. Птица рождается из яичного желтка таким образом: когда мать насиживает яйцо, оно нагревается, и содержимое яйца приводится в движение матерью; нагреваясь, оно воспринимает воздух и привлекает через яйцо другой—холодный, от внешнего воздуха, ибо яйцо настолько скважисто, что пропускает привлеченный воздух — довольно

обильный—к тому, что в нем есть внутри. И цыпленок растет в яйце и совершенно таким же образом разделяется на члены, как дитя, о чем мною было сказано уже выше. Возникает он из желтка, а пища и рост идут ему из белка, находящегося в яйце. И это ясно для всех, которые обратили внимание на следующее: когда пищи в яйце недостает птенцу, то, не находя ее в достаточном для жизни количестве и требуя себе пищи более обильной, он сильно движется в яйце, и оболочки вокруг него обрываются. И когда птица заметит, что птенец сильно двигается в яйце, то, разламывая клеванием скорлупу, освобождает его. Все это обыкновенно происходит в продолжение 20 дней. И очевидно, что тут именно так обстоит дело, ибо когда птица клюет скорлупу, то в ней совершенно уже не остается какой-либо влаги, потому что последняя вся истощилась на птенца. Так и с ребенком: когда он вырастет, мать уже не может доставлять ему достаточной пищи. Поэтому плод, требуя себе больше пищи, чем сколько находится налицо, извиваясь, разрывает оболочки и, разрешившись от уз, вместе с ними выходит наружу. И все это самое большее происходит на десятом месяце. И это также является причиной, почему у домашних и диких животных роды являются в то самое время, в какое каждое из них обычно рождает—и не позже, ибо для всякого животного по необходимости наступает время, когда для плода становится слишком мало пищи и чувствуется в ней нужда, и вот тогда наступают роды. И те животные, которые доставляют плоду меньше пищи, рождают скорее, а которые больше—позднее. Но довольно обо всем этом. Если у ребенка, когда порвутся оболочки, будет преобладать движение головой вперед, то женщина рождает легко. Если же он будет выходить боком или ногами, ибо это бывает часто, если туда направится движение или вследствие обширности матки, или если мать во время ро-

довых болей могла с самого начала успокоиться, если так пойдет ребенок, то женщина будет рожать трудно. Много раз матери погибали или сами, или погибали плоды, или матери вместе с плодами. Из рожениц в особенности страдают первородящие, потому что они еще не привыкли к этим страданиям, и все тело их охватывает боль, в особенности же поясницу и седалищные кости, которые у них расходятся. Испытавшие же больше родов чувствуют меньше боли, чем первородящие, а многорожавшие страдают меньше всех. Но если плод идет головой, тогда прежде всего выходит наружу голова, затем следуют остальные члены; самой же последней—пуповина, к которой прикреплен хорион (послед). После всего этого выходит кровяная вода, выделенная силою болей и теплоты из головы и остального тела, и она открывает путь родовым очищениям. После выхода этого ихора начинается процесс очищения в продолжение того времени, о котором сказано мною выше. Груди, а также и другие более влажные части у женщин спадаются меньше всего у той, которая рождает в первый раз, затем—у испытавших большее число родов; чаще более спадаются вследствие опорожнения вен после родового очищения. Вот что об этом предмете я имел сказать.

31. Близнецы рождаются от одного соития таким образом: матка имеет много извилистых пазух, из коих одни отстоят дальше от наружных половых частей, а другие—ближе. И из животных рождающие больше детенышей имеют больше пазух, чем рождающие меньшее число; это относится одинаково к овцам, диким животным и птицам. Когда же семя, случайно разделившееся, попадает в две пазухи и матка его примет и ни одна пазуха не открывается в другую, то семя, отделенное в каждой пазухе, покрывается оболочкою и получает жизнь таким же образом, как сказано и об одном плоде. А что двойни рождаются от одного соития, это явствует из следующего дока-

зательства: собака, свинья и остальные животные от одного соития рождают двух и больше детей, и каждое из них в матке имеет свою пазуху и оболочку. И все это мы сами видим на деле, и детеныши у этих животных обыкновенно рождаются в тот же день. Точно так же и у женщины из возникших от одного совокупления близнецов каждый имеет свою пазуху и хорион, и рождаются оба в один день, причем сначала выходит один и за ним—его хорион. А что из близнецов один бывает мужского пола, а другой женского—это, по моему мнению, происходит оттого, что у женщины и у мужчины и во всяком роде животных у каждого есть семя и более слабое и более сильное, и семя выходит не сразу, но выбрасывается и другой и третий раз, и быть не может, чтобы выходящее прежде и выходящее после были одной и той же силы. Итак, в какую пазуху упадет семя более густое и сильное, в той родится мальчик, а в какую более редкое и слабое, в этой рождается девочка; если же в обе пазухи попадет сильное семя, оба рождаются мальчики, а если слабое попадет в ту и другую, то рождаются обе девочки.

Здесь оканчивается вся речь о том предмете, который я предпринял изложить.

1. О бесплодии после сечения ушных вен см. также «О воздухах, водах и местностях», гл. 22.

2. Сходный взгляд высказывается в книге «О воздухах и т. д.», гл. 14, прим. 13.

3. Особенность автора этой книги заключается в том, что он, признавая 4 основных вида влаги, включает в их число воду и берет только один вид желчи. Это учение подробно излагается в 4-й книге «О болезнях», которая представляет непосредственное продолжение книги «О ребенке». По учению книдской школы и автора книги «О природе человека», гл. 4, тело человека состоит из крови, слизи, желтой и черной желчи.

4. Учение о существовании женского семени мы находим и у некоторых натурфилософов того времени: Демокрита и отчасти, может быть, Парменида. Во всяком случае нигде оно так подробно не было развито, как здесь.

5. Учение о происхождении пола в результате преобладания семени—мужского сильного или женского слабого, причем мужское семя может быть и у женщин, а женское у мужчин,—принадлежит к числу самых замечательных прозрений древности. «Diese Theorie ist höchst auffällig und singulär», пишет новейший комментатор Фукс (I, 213, прим. 16). Философам она совершенно чужда и у врачей после Гиппократа не встречается. Она предвосхищает mutatis mutandis учение современной цитологической генетики о возникновении пола в зависимости от попадания в яйцевую клетку того или иного количества половых хромосом. По формулировке Вильсона один пол есть плюс-пол, другой—минус-пол; разница только в том, что плюс-пол считается теперь женским, а не мужским, как во времена Гиппократа. Учение о женском семени и равном участии его в произведении плода, о чем речь будет ниже, принадлежит к числу теорий древности, эквивалентных современным: они дают то же понимание, но оперируют с другими конкретными данными, оправдывая изречение: факты гибнут, теории остаются. Таких эквивалентных теорий было в прежние времена немало: достаточно указать на гуморальную патологию сборника и позднейшую солидарную школы методиков.

6. Словом «воздух» здесь, как и в дальнейшем, передается греческое πνεῦμα—пневма, понятие, которое только отчасти соответствует нашему воздуху — ἀήρ. Пневма, происходя от глагола πνέω—дышу, обозначает дыхание, дуновение, движение воздуха, далее дух, душа; везде подчеркивается активность газообразного начала. В книге «О ветрах», гл. 3, пневма, находящаяся в теле, называется «ветром», φῦσα, вне тела— воздухом. У Галена пневма—основное действующее начало в организме—проявляется в трех видах: жизненная пневма, душевная и физическая; возобновление ее происходит дыханием.

7. Это было гимнастическим упражнением спартанских женщин. О нем говорит Аристофан в Лизистрате, ст. 82. Этот случай дал повод к статье Тибо, цитируемой Литтре: «Hippocrate accusé d'avoir provoqué l'avortement d'une courtisane grecque; par le docteur Thibeaud, professeur de clinique interne à l'école de Nantes. Gaz. méd. de Paris, 1844».

8. Литтре (VII, 463) запросил по поводу этого случая известного французского эмбриолога и гистолога Робена (Charles Robin). Он высказался, конечно, что шестидневным зародышем выпавшее образование никоим образом быть не может, так как яйцу требуется не меньше 8—10 дней, чтобы дойти от яичника до матки. По мнению Робена, здесь мог быть случай отделения слизистой оболочки матки в целом,

образовавшей как бы слепок внутренней полости матки, что бывает при некоторых болезнях женской сферы (дисменоррея); прыжки, конечно, ускорили ее выделение. Впрочем, прибавляет Робен в конце, если дата зачатия установлена неправильно, выделившееся могло быть человеческим яйцом, зародыш которого можно было легко просмотреть из-за малой величины.

Последнее предположение является, на мой взгляд, более правильным. Определение начала беременности, приводимое в книге, известное женщинам и нашего времени, не является обязательным; да кроме того за 6 дней яйцо не могло, как правильно указал Робен, не только получить описанный вид, но и дойти до матки. С другой стороны, описание сделано настолько ясно (впечатление сырого яйца, с которого снята скорлупа и просвечивает белок; белые и толстые волоконца в оболочке: посредине нечто тонкое наподобие пуповины), что всякий, знакомый с подобными объектами, скажет, что здесь было человеческое яйцо, покрытое ворсинками хориона, в котором просвечивала пуповина, по всей вероятности 2-го месяца, когда плацента еще не образовалась и выкидыши делаются сравнительно легко.

9. Как видно из последних глав, хорион, χόριον или χωρίον, обозначает плаценту в целом, послед.

10. В книге «О мясе», περὶ σαρκῶν, гл. 19, неизвестный автор утверждает, что после попадания семени в матку все части человеческого тела формируются в 7 дней, причем время зачатия определяется так же, как здесь, в гл. 13. Он пишет: «Можно удивляться, откуда я это знаю; но я часто видел это следующим образом. Публичные девушки, уже много раз испытавшие это, знают, если они сходятся с мужчиной, когда они забеременели. И тогда они изгоняют плод, и, когда он изгнан, он выпадает с виду как кусок мяса. Если это мясо бросить в воду и рассматривать его в воде, то можно видеть, что оно имеет уже все члены; места, где расположены глаза, уши и конечности; пальцы на руках, бедра, голени, ступни и все остальное тело различимо». Очевидно, здесь имеется такая же ошибка в расчете, как в главе 13-й. Но утверждение нашего автора о сформировании тела в 42—30 дней близко к истине; неясно только, откуда он взял различные цифровые данные для женского и мужского зародыша. Впрочем, и это может быть объяснено, если допустить, что индиферентная стадия развития наружных половых органов была им сочтена за мужскую. В этой фазе развития между половыми валиками выступает половой бугорок, настолько большой, что его можно принять за мужской член. Что касается женских половых частей, то они могут быть признаны за таковые много позже

в момент диференцировки, на 3-м месяце. Если это так, утверждение о скорейшем развитии мальчиков становится понятным и делает честь наблюдательности автора. Что касается до дальнейших утверждений о продолжительности послеродового периода в 42 дня для девочек и 30 для мальчиков, то это несомненно натяжки в угоду стройной теории, развиваемой им дальше.

11. Согласно комментаторам, здесь дело идет о воде, налитой на ровно стоящий стол, которая не течет, пока пальцем ее не довести до края стола.

12. Аттическая котилия, κοτύλη=0,27 литра.

13. Эпидермис, ἐπιδερμις, верхняя часть кожи, дермы, δέρμα, соответствует здесь нашему эпидермису вместе с сосочковым слоем кожи. Впоследствии эпидермисом стали называть только эпителиальный слой кожи, который отходит при лежании трупа в воде.

14. Сила, в подлиннике δύναμις, что обозначает также способность, потенцию. Составить конкретное представление об этой силе, которая бывает легкой и тяжелой и которая обращается в лист или корень, нам довольно трудно. Литтре переводит qualité, качество, ссылаясь на кн. «О древней медицине», где δύναμις употребляется в таком смысле. Во всяком случае автор не мог разуметь под этим словом какой-нибудь нематериальной силы,—это представление позднейшего времени,—а качество или силу каких-нибудь соков растения.

О ВЕТРАХ

Книга «О ветрах», περὶ φυσῶν, de flatibus, (называемая иногда περὶ πνευμάτων—о пневме, о духе) была известна с древности; предполагали даже, что Платон в «Тимее» пользовался ею. Она представляет собою типичную речь (λόγος), или рассуждение, предназначенное для публичного произнесения с последующим диспутом и написанное по всем правилам риторики со всеми излюбленными приемами ораторского искусства. Достаточно прочесть первую главу, чтобы убедиться в этом. А так как медицинская сторона речи не отличается особой глубиной и ничем не обнаруживает в авторе практического врача, то за последнее время автора стали считать иатрософистом (Дильс) или даже просто софистом (Фукс): писал же Платон в «Тимее» о медицинских вопросах, не будучи врачом. Рассуждение имеет целью доказать, что причиной всех болезней является пневма, воздух, или ветры, и показывает это на примере ряда болезней, объясняя их генезис и отдельные симптомы. На этой речи, собственно, не следовало бы долго останавливаться, если бы не шумиха, поднятая вокруг нее в 90-х годах после опубликования Дильсом лондонского папируса, в котором были усмотрены отрывки из истории медицины Менона, ученика Аристотеля. Там ука-

зывалось, что Гиппократ считал причиной болезней пневму, из чего некоторые ученые (Шпет, Эфле) вывели заключение, что книга «О ветрах» представляет собой подлинное сочинение Гиппократа. Обо всей этой истории сказано уже достаточно во вступительном очерке. Предлагаем читателю самому убедиться, насколько разнится эта блестящая софистическая речь от сочинений Гиппократа, признаваемых подлинными. Интересно кроме того прочесть 12-ю главу «Наставлений», где старый врач учитель высказывает свое мнение о публичных чтениях.

Литература. Фукс (Puschm. Gesch., I, 218), Spaet (Die geschichtliche Entwickelung des sogenannten Hippocratischen Medicin im Lichte der neuesten Forschung, Berlin, 1897).

СТЬ некоторые из искусств, которые для обладающих ими тяжелы, а для пользующихся ими благодетельны и для обыкновенных людей—благо, приносящее помощь, а для занимающихся ими—печаль. Из числа этих искусств есть и то, которое эллины называют медициной. Ведь врач видит ужасное, касается того, что отвратительно, и из несчастий других пожинает для себя скорбь; больные же благодаря искусству освобождаются от величайших зол, болезней, страданий, от скорби, от смерти, ибо против всего этого медицина является целительницей. Но слабые стороны этого искусства трудно узнать, а сильные—легко, и эти слабые стороны известны одним врачам, профанам же не известны, ибо это дела не тела, а ума. Действительно, все, что требует деятельности рук, должно обращать в привычку, ибо для рук практика есть наилучшее училище. Но наиболее тайные и наиболее трудные болезни решает скорее мнение, чем искусство; в таких болезнях опытность весьма много преимуществует над неопытностью. Вот в области всего этого главный вопрос, что именно является причиной болезней, и из какого начала или источника возникают в теле недостатки, ибо кто знает причины болезней, тот, конечно, сможет доставить все, что полезно для тела, заключая о лечебных средствах на основании противоположности. Действительно, такая медицина наиболее сообразна с природой; вот, например, голод есть болезнь, ибо все то, что приносит человеку тягость, называется болезнью. Какое

же лекарство от голода? Очевидно, то, что утоляет голод. Но это делает пища, поэтому в ней и заключается лекарство. Так же точно жажду прекращает питье; переполнение в свою очередь врачует опорожнение, опорожнение же—переполнение; труд врачует отдых и, наоборот, покой—труд. Одним словом, противоположное есть лекарство для противоположного [1], ибо медицина есть прибавление и отнятие: отнятие всего того, что излишне, прибавление же недостающего. И кто это наилучше делает, тот наилучший врач, а кто наиболее удаляется от выполнения этого, тот наиболее удаляется и от искусства. Все это, конечно, сказано мимоходом, ввиду предмета предстоящей речи.

2. У всех болезней образ один и тот же, однако, место различно. Поэтому болезни, вследствие разнообразия и различия своих мест, представляются не имеющими ничего сходного между собою. Между тем, существует для всех болезней одна форма и одна и та же причина, и какова она именно—в последующей речи я постараюсь разъяснить.

3. Тела людей и прочих живых существ питаются троякого рода питанием; имена этого питания таковы: пища, питье, дух (пневма) [2]. И духи, которые находятся в телах, называются ветрами, а вне тел—воздухом [3]. Этот последний—величайший властитель всего и во всем, и важно рассмотреть его силу. Действительно, ветер есть течение и излитие воздуха. Поэтому, когда обильный воздух произведет сильное течение, тогда силою его дуновения и деревья вырываются из земли с корнем, море вздымается волнами и огромные нагруженные корабли бросаются вверх туда и сюда. Итак, вот какую силу он имеет во всем этом. Для глаза он, правда, не виден, но для разума он очевиден. В самом деле, что в конце концов обходится без него? или в чем его нет? или чему он не присущ? Действительно, что лежит между небом

и землею, все это полно духом, и он является причиною зимы и лета, будучи в продолжение зимы сгущенным и холодным, а летом мягким и спокойным. Но, больше того, дух направляет путь солнца, луны и звезд. Ибо дух—пища для огня, и лишенный его огонь существовать не может, так что дух, сам по себе вечный и тонкий, производит вечное течение солнца. Но ясно также, что и в море есть дух, ибо без духа не могли бы жить плавающие животные. Но каким же образом они будут иметь с ним общение, если не будут привлекать к себе воздух через воду и из воды? И земля есть основание для него, а он—колесница земли, и нет ничего, лишенного его.

4. Итак, почему воздух имеет такую силу во всем прочем,—об этом сказано. Но и для смертных он есть причина жизни, а для больных—болезней. И для всех тел столь велика необходимость в духе, что если человек будет воздерживаться от всех других яств и питий, все-таки он сможет продолжать свою жизнь два, три и даже больше дней, но если кто заградит пути духа в тело, то человек умрет даже в малую часть дня,—до того велика необходимость духа в теле. Далее: тогда как все другие действия люди прерывают, потому что жизнь состоит из бесчисленных перемен, но только одного этого действия живые существа никогда не прекращают, именно—вдыхать и затем выдыхать.

5. Итак, что у всех живых существ пребывает величайшая связь с воздухом,—уже сказано. К этому сейчас же следует прибавить и то, что болезни едва ли могут происходить из другого источника, чем отсюда, когда воздух или в большем или меньшем количестве, или более сгущенный, или пропитанный болезнетворными миазмами входит в тело. Итак, об этом предмете в целом достаточно уже мною сказано; затем, переходя в своей речи к самым фактам, я покажу, что все болезни суть его плод и порождение.

6. И прежде всего я начну с лихорадки, наиболее общей болезни, ибо она сопутствует всем другим болезням, в особенности же воспалению. И об этом ясно говорят повреждения от ушиба ног, ибо тотчас вместе с воспалением следует опухоль паховых желез и лихорадка. Есть два вида лихорадки, и этого также я коснусь здесь: один, общий всем, называется заразой, а другой, обязанный дурной диэте, бывает в отдельности у тех, которые ведут плохой образ жизни; в обоих случаях причиною бывает воздух. Общая лихорадка потому является такой, что все вдыхают в себя один и тот же дух, и в одинаковом теле вследствие смешения с одинаковым духом являются одинаковые лихорадки. Но, быть может, кто-нибудь возразит: почему же не на всех живых существ нападают такие болезни, а на один какой-либо род из них? Причиною этого, сказал бы я, бывает то, что тело отличается от тела, природа от природы и питание от питания: ведь не всем родам живых существ бывает пригодно или не пригодно одно и то же, но одно полезно одним, другое другим и одно вредит одним, а другое— другим. Поэтому, когда воздух будет наполнен миазмами такого рода, которые враждебны природе людей, тогда люди болеют; когда же воздух будет не пригоден какому-либо иному роду живых существ, тогда эти существа болеют.

7. Итак, какие именно болезни суть эпидемические, по какой причине, у кого и откуда они происходят,—сказано; теперь я изложу тебе о лихорадке, которая является от дурного образа жизни. Плохой образ жизни таков: во-первых, когда кто-либо дает телу пищу жидкую или сухую в большем количестве, чем оно может перенести, и не противопоставляет обилию пищи какого-либо труда; во-вторых, когда принимает кушанья разнообразные и между собою несогласные, ибо несогласные кушанья возбуждают беспокойство, и одни перевариваются скорее, а дру-

гие медленнее. Но с многими кушаньями необходимо также входит и много духа, ибо со всем тем, что едят или пьют, входит дух в большем или меньшем количестве. И это очевидно из того, что отрыжки у многих случаются после еды и питья без сомнения потому, что заключенный воздух бежит назад, разорвавши те пузыри, в которых он скрывался. Итак, когда тело наполнится пищей, то оно также делается полным духа, когда пища слишком долго остается; остается же она тогда, когда вследствие своего обилия не может выйти. По заграждении же нижней части кишок ветры разбегаются по всему телу и, напавши на части тела, наполненные кровью, охлаждают их. Но после охлаждения тех мест, в которых содержатся источники и корни крови, дрожь проникает через все тело; когда же вся кровь охлаждена, тогда дрожит все тело.

8. Итак, по этой причине прежде всего ознобы появляются перед лихорадками, и с каким обилием и холодом устремляются ветры, такой делается и озноб, именно, от больших и более холодных—сильнее, а от меньших и менее холодных—менее сильный. Вместе с ознобами делаются также и трясения тела по следующей причине: кровь, боясь наступающего холода, сбегается и по всему телу отовсюду устремляется к частям наиболее теплым. Таковы ее блуждания; но, вследствие удаления крови от крайних частей и внутренности, и все мышцы содрогаются, ибо одни части тела наполнены обильною кровью, а другие—бескровны. И бескровные, вследствие холода, никак не успокаиваются, но сотрясаются потому, что теплота их покинула, а те, которые наполнены кровью, от этого обилия крови дрожат и производят воспаление: ведь там, где имеется обилие крови, не может быть покоя. Зевота же предшествует лихорадке, так как воздух, скопившись в большом количестве и сразу проходя вверх, как бы рычагом расставляет и разводит рот, потому что этим путем ему откроется

легчайший выход: подобно тому как от кипящей в лоханях воды поднимается обильный пар, так и в нагретом теле сдавленный и насильственно влекомый воздух вырывается через рот. Суставы также перед лихорадками расслабляются, ибо согретые нервы расширяются. Когда же большая часть крови соберется, плотно скопившись, воздух, охладивший кровь, одолевается теплотою и сам нагревается, а сделавшись пламенным и раскаленным, он возбуждает жар во всем теле. Пособником ему является кровь, так как воспламененная она разжижается и из нее образуется дух, а когда он устремляется к порам тела, является пот, ибо сгущенный дух обращается в воду и, выходя через поры, так же вырывается наружу, как поднявшийся от кипящей воды пар; если он попадает на что-нибудь твердое, то сгущается и уплотняется, и от крышек, в которые ударяется пар, падают капли. Боли в голове появляются вместе с лихорадкой по следующей причине: пути крови в голове становятся тесными, так как вены наполнены воздухом, а наполнившись и нагревшись, они причиняют боль голове, ибо кровь, сильно толкаемая, будучи теплою, не может скоро проходить через узкий путь, потому что ее многое замедляет такое, что препятствует ей и заграждает, и по этой причине происходит биение пульса около висков.

9. Итак, вот по какой причине являются лихорадки, а с лихорадками боли и болезни. Что касается других недугов, каковы суть непроходимость кишок, рези и другие прочно устанавливающиеся болезни, то, по моему мнению, для всех явно, что виноваты здесь ветры, ибо для всех подобных болезней причина— прохождение духа. Всякий раз, когда он попадает на места нежные, непривычные и дотоле неприкосновенные, он как стрела пронизывает мясо и врывается иногда в подреберье, иногда в паха, иногда в то и другое. Поэтому-то, согревая снаружи теплыми припар-

ками, стараются смягчить эту боль, ибо разреженный теплотою припарки воздух выходит через тело, так что происходит некоторое успокоение боли.

10. Но, быть может, кто-нибудь скажет, по какой же именно причине бывают истечения от ветров или каким образом эти последние являются причиною грудных кровоизлияний? Я надеюсь объяснить, что все это происходит по той же самой причине. Когда вены в голове наполняются воздухом, тогда прежде всего голова тяжелеет от давящих ветров; затем кровь внутри скучивается, так как ветры не могут пройти вследствие узости путей, а самое тонкое, что есть в крови, через вены выдавливается наружу. И эта влага, когда скопится, изливается через другие поры, и когда дойдет сгущенная до какой-либо части тела, там возникает болезнь. Подступит к глазам—глаза страдают; к ушам—здесь начинается боль; к носу—делается насморк; к груди—то, что называется хрипотою, ибо слизь, смешанная с острыми влагами, когда ворвется в места, совсем к ней не привычные, изъязвляет их; когда же истечение бросается также на горло, которое особенно нежно, то оно раздражает его, ибо дух, вдыхаемый через горло, стремится в грудь и опять возвращается тем же путем. Поэтому, если истечение пойдет навстречу воздуху, привходящему из самых нижних мест, наступает кашель и трудность дыхания, и слизь выбрасывается наверх. И вот когда все это так обстоит, горло изъязвляется, раздражается и воспаляется и, будучи согрето, привлекает влагу из головы; голова же в свою очередь, принимая влагу от остального тела, передает ее горлу. Когда течение привыкнет итти этим путем и поры расширятся, тогда оно переходит также и к груди, а мокрота, будучи острою и врываясь в мясо, изъязвляет и разрывает вены. Кровь же, излившись в чужое место, портясь от задержки, обращается в гной и ни вверх не может подняться, ни сойти вниз, ибо путь вверх

нелегок для жидкости и для всего прочего, имеющего тяжесть, а итти вниз ей препятствует грудобрюшная преграда. Но почему иногда течение прорывается частью само по себе, а частью вследствие болей? Само собой, это тогда, когда воздух, входя в вены, делает пути крови слишком узкими, ибо тогда сжатая кровь, собравшись в большом количестве, прорывает поры там, где она давит больше всего. У тех же больных, которые изливают кровь вследствие многих болей, эти боли наполнили воздухом вены, ибо больное место по необходимости содержит воздух. Все же остальное происходит подобным образом, как и то, о чем уже сказано.

11. Все разрывы делаются по следующей причине: когда вследствие насилия мышцы отходят друг от друга и в место их расхождения входит дух, то это и причиняет страдание.

12. Если ветры, проходящие через мышцы, разредят поры тела, то за ветрами следует влага, для которой воздух понемногу приготовил путь; когда же тело пропитывается влагой, то мышцы разжижаются, и отеки спускаются к голеням; эта болезнь называется водянкой. Что причину этой болезни нужно относить к ветрам, наибольшим доказательством служит следующее: некоторые уже смертельно пораженные освободились от воды путем прижигания: тотчас же показывается много воды, выходящей из живота, а немного спустя—меньше. Почему это так происходит, ясно: именно сначала вода наполнена воздухом и от этого сильно вздувается; когда же дух уйдет, остается та же самая вода, и поэтому она кажется малою по величине, а на самом деле она одинакова. Другим доказательством того же служит следующее: живот, вполне освобожденный, наполняется опять не больше как в 3 дня. Что же иное его наполняет, как не дух? и что другое могло бы его так скоро наполнить? Ведь, с одной стороны, не было введено

в тело столько питья, а с другой стороны—нет мяса, которое могло бы разжижаться; остаются еще кости, нервы и волокна, но из них, конечно, никоим образом не может образоваться такое большое количество воды. Итак, какова причина водянки, уже сказано.

13. Но и апоплексии также происходят от ветров. Именно, когда эти последние, будучи холодными и в большом количестве, войдут в мышцы и надуют их, то эти части тела делаются нечувствительными. Поэтому, если многие ветры пройдут по всему телу, то весь человек делается пораженным, а если в одной какой-либо части, то эта часть. И когда эти ветры уйдут, тогда болезнь прекращается, а если они останутся, то остается и болезнь. Что это именно так, показывает постоянное зевание.

14. По моему мнению, такое состояние производит и болезнь, названную священной[4]. Теми же самыми соображениями, которыми я сам некогда убедился, постараюсь убедить и слушателей. Думаю, прежде всего, что из всего того, что есть в теле, ничто более не имеет отношения к мыслительной деятельности больше, чем кровь, ибо, если она остается в присущем ей состоянии, то остается и разум; когда же кровь изменяется, то вместе с этим пропадает и разумение. И для этого есть многие свидетельства. Прежде всего сказанное подтверждает сон, который является общим для всех живых существ, ибо, когда он сойдет на тело, то кровь охлаждается, так как по своей собственной природе сон обыкновенно охлаждает, а после охлаждения крови ее переходы делаются более медленными. Это бывает ясно из того, что тела своею тяжестью наклоняются вниз (так как все тяжелое по природе обыкновенно несется в самый низ), глаза закрываются, разумение изменяется и некоторые иные мысли входят в него, которые называются сновидениями. Так же точно и в опьянении:

вследствие внезапного увеличеня крови изменяются души и находящиеся в них мысли, и люди, забывши настоящие злополучия, воспринимают надежду на будущие блага. И о других многих подобных явлениях я мог бы сказать, в которых перемены крови изменяют и разумение. Поэтому, когда кровь всецело возмущена, тогда, конечно, и разумение совершенно гибнет, ибо все, что мы изучили и знаем, считается в числе привычек, а когда мы отступаем от обычной привычки, то у нас совершенно исчезает разумение. Я утверждаю, что священная болезнь происходит таким образом: когда обильный воздух по всему телу смешивается со всею кровью, тогда в венах появляются во многих местах многие преграды. Итак, когда обильный воздух отягощает более толстые и обильные кровью вены и, отягощая их, задерживается, тогда проход крови преграждается, и она в одном месте останавливается, в другом—идет медленнее, в третьем—скорее. От этого в теле, вследствие неправильности проходящей крови, появляются различные неправильности, ибо все тело отовсюду стягивается и части тела сотрясаются, повинуясь волнению и бурливости крови, и тогда происходят различные превращения в теле. В это время люди ничего совершенно не чувствуют, не слышат того, что говорится, не видят, что делается, и не ощущают никаких болей; так сильно возмущенный воздух возмутил и загрязнил кровь. И вполне естественно, что при этом и пена бежит вверх через рот, ибо воздух, проходя через шейные вены, сам, конечно, поднимается вверх и вместе с собою поднимает то, что в крови есть самого тонкого; влага же, смешиваясь с воздухом, белеет, так как через нежные оболочки просвечивает чистый воздух и по этой причине всякая пена представляется белою. Когда же люди, захваченные этою болезнью, освобождаются от нее и от наступившего несчастия, об этом я расскажу. Когда приве-

денное в движение болями тело нагреется, то также нагревается и кровь, которая, будучи согретой, нагревает также и ветры. А эти последние, согревшись, растворяются и вместе с тем растворяют сгущенную кровь и частью с воздухом, а частью со слизью выходят наружу. Но чуть только откипит пена, остановится кровь и в теле водворится спокойствие, как болезнь прекращается.

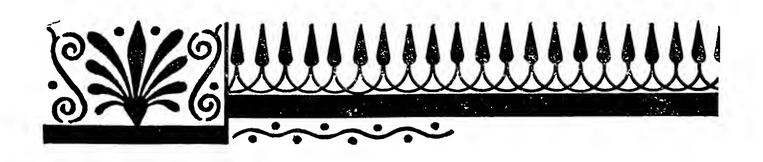
14. Итак, очевидно, что ветры весьма много действуют во всех болезнях; все же остальное имеет характер причины, помогающей и сопутствующей, а что они суть настоящая причина болезней, это мною доказано. Я обещал указать причину болезней; я доказал, что дух господствует как во всех прочих вещах, так и в особенности в телах животных, но речь свою я направил к известным уже болезням, в которых истина этого предположения очевидна. Если бы я захотел исследовать в своей речи все болезни, то речь моя была бы, конечно, более продолжительной и, однако, не могла бы иметь более истинности и убедительности.

1. Contraria contrariis: в этом заключалось основное правило греческой и всей последующей терапии—так называемой аллопатии, в противоположность гомеопатии Ганземана (Similia similibus). См. также «Афоризмы», II, 22.

2. Ту же фразу мы находим у Цицерона (De natura deorum, II, 54): nam cum tribus rebus animantium vita teneatur, cibo, potione, spiritu. Греческое πνεῦμα (пневма) здесь переведено словом дух, соответственно латинскому spiritus.

3. Ветры — φῦσαι, от глагола φυσαω — надуваю; φῦσα обозначает раздувальный мех; в медицинской терминологии— кишечные газы, ветры; воздух ἀήρ. В дальнейшем автор не строго придерживается этой терминологии и вместо ἀήρ и φῦσαι ставит πνεῦμα, что сохранено и в переводе.

4. Эпилепсию; см. кн. «О священной болезни», где дается другое объяснение.



О ВОЗДУХАХ ВОДАХ и МЕСТНОСТЯХ

О воздухах, водах, местностях, περὶ ἀέρων ὑδάτων τόπων; de aere, aquis, locis принадлежит к числу сочинений, которые и в древнее и в новое время приписывали самому Гиппократу. Автор несомненно был врач периодевт, что доказывают его слова: «Поэтому, если кто придет в незнакомый город, он должен обратить внимание на его положение» и т. д., и вся первая половина книги дает конкретные указания врачу, какой конституции и каких болезней должен он ожидать у жителей в зависимости от преобладающих ветров, воды, рельефа местности и времен года. Во второй части (с 12 гл.) дается сравнительное описание народов Азии, Европы и Африки (последнее не сохранилось). Их конституция физическая и психическая, их образ жизни рассматриваются как прямой результат географического положения и климатических условий; «формы людей и нравы отражают природу страны»—это положение является руководящим для всего исследования.

К врачу предъявляются широкие требования помимо чисто медицинских: он должен знать окружающую природу, свойства ветров, воды, восхождение и захождение светил, так как «астрономия имеет к медицинскому искусству немалое отношение... Ведь вместе с временами года изменяются желуд-

ки и болезни людей». Человек здесь вдвигается в природу, становится ее неотъемлемой частью. И по всей вероятности Платон имел в виду взгляды, изложенные в этом сочинении, когда в диалоге «Федр» писал о Гиппократе следующие строки: «Сократ. Итак ты думаешь, что понять природу души достойным разума образом невозможно без природы целого? Федр. Если надо верить в чем-нибудь Гиппократу, потомку асклепиадов, нельзя понять и тела без такого метода» (270 с). Что взгляды эти получили распространение в афинском обществе того времени, доказывает отрывок из потерянной драмы Еврипида, который приводит Климент Александрийский, как навеянный учением Гиппократа: «Те, которые хотят лечить хорошо, должны наблюдать болезни в связи с образом жизни обитателей города и увидев их землю».

Но не одна природа интересует образованного врача: наряду с природой, φύσις, большое значение имеет закон или обычай, ν.μος.

Сопоставление природы и закона, степень их влияния на человека составляли излюбленную тему для рассуждений софистически образованного общества. Гиппократ не стоит в стороне от этого движения и во второй части книги не раз останавливается на человеческих установлениях. Говоря о длинноголовом племени, макроцефалах, он доказывает, что обычай может изменять природу; приобретенные особенности могут передаваться по наследству. Особенно много говорится о законах по поводу азиатских деспотий, которые накладывают свой отпечаток на психику и деятельность человека. Здесь перед нами эллин, высоко ставящий свою автономию и с сожалением относящийся к варварам.

Из специально медицинских вопросов в книге трактуется о происхождении камней в мочевом пузыре (гл. 9) и об особой болезни скифов, связанной с импотенцией (гл. 22). По поводу этой болезни, которую считают «божественной» или священной, автор пускается в длинные рассуждения, доказывая, что все болезни равно божественны и все они происходят по природе. Отсюда очевидна принадлежность автора к передовой части тогдашней образованности, которая критически относилась к вмешательству богов в жизнь природы и человека. Та же тема трактуется в книге «О священной болезни», относящейся, как и некоторые другие книги Сборника, к области просветительной литературы.

Во всяком случае книга «О воздухах, водах, местностях» представляет замечательное явление в мировой литературе. Несмотря на целый ряд ошибочных утверждений, скороспелых выводов, для которых наука того времени не давала достаточно материала, в этой книге чрезвычайно отчетливо

и ясно заложены основы науки, которая носит сейчас название антропогеографии, часть которой составляет слабо культивируемая в настоящее время медицинская география.

Предполагают, что Гиппократ написал эту книгу, возвратившись из своих путешествий. Petersen относит ее к 424 г., что является, конечно, очень проблематичным.

Литература указана у Литтре, II, и Фукса (Puschm. Gesch., I, 234).

Разделение на главы идет до гл. 7-й во всех изданиях одинаково, дальше начинается расхождение. В нашем переводе взято разделение Литтре, принятое в последнем издании Тейбнера, ред. Кюлевейн.

Кто захочет исследовать медицинское искусство правильным образом, должен сделать следующее: прежде всего принять в рассмотрение времена года, в чем каждое из них имеет силу. В самом деле они ничего не имеют похожего, но весьма много различаются как между собою, так и по тем переменам, которые случаются среди них. Затем также ветры, как теплые, так и холодные, в особенности же те, которые для всех людей суть общи, а затем и те, которые свойственны каждой стране. Так же точно должно принимать в расчет и качества вод, ибо как они различаются вкусом и весом, так точно и своею силой. Поэтому, если кто придет в незнакомый ему город, он должен обратить внимание на его положение для того, чтобы знать, каким образом он расположен к ветрам или восходу солнца, ибо не одни и те же свойства имеет город, лежащий к северу и лежащий к югу, а также расположенный на восход солнца или на запад. Также и на это следует обращать очень большое внимание, как обстоит в городах дело по отношению к водам, пользуются ли они болотными и мягкими водами или жесткими, вытекающими с высоты и каменистых мест или же солеными и неудобными для варения. И на самую землю должно обращать внимание, голая ли она и лишенная вод или заросшая и орошенная, и расположена ли она на местности углубленной и удушливой от жаров или же на высокой и холодной; и на образ жизни людей, какой они охотнее ведут: преданы ли питью, ядению и праздно-

сти или же любят заниматься физическими упражнениями и трудами, много едят и не пьют.

2. И вот на каждую из этих вещей следует обратить внимание, ибо если кто, подходя к неизвестному для него городу, хорошо узнает все эти пункты, лучше всего все или по крайней мере весьма многие из них, от того не смогут укрыться ни болезни, свойственные местности, ни то, какова природа общих болезней, так что он не будет затрудняться или заблуждаться в лечении их, а это последнее обыкновенно случается, если кто, предварительно узнавши, не поразмыслит о всех этих условиях. А по прошествии времени он предскажет на год и то, какие всеобщие болезни будут свирепствовать в городе летом или зимою и какие отдельные болезни могут угрожать каждому в частности вследствие перемены образа жизни, ибо кто будет знать перемены времен года, восхождение и захождение звезд, каким образом каждое из них происходит, тот будет в состоянии предвидеть состояние будущего года. Кто, исследуя таким образом, будет предузнавать случайности времен, тот наилучше узнает природу каждого, весьма многое сделает для здоровья и немало преуспеет и в искусстве. Если кому покажется, что все это относится к метеорологии, тот, если отступится от этого мнения, легко поймет, что астрономия имеет к медицинскому искусству не малое отношение, а скорее очень большое. Ведь вместе с временами года изменяются желудки и болезни людей. Каким именно способом должно рассматривать и исследовать каждый в отдельности пункты, о которых мы сказали, я раскрою ясно.

3. Город, который расположен к теплым ветрам, именно к тем, которые дуют между зимним восходом и заходом солнца и они ему свойственны, от северных же ветров закрыт,—в таком городе должно быть много воды и солоноватой и дождевой, летом—теплой, а зимой—холодной. Жители его имеют головы

влажные и изобилующие слизью и, вследствие истечения слизи из головы, желудки их часто расстраиваются и они чаще всего отличаются слабым видом тела и не могут хорошо ни есть, ни пить, ибо те, у которых головы будут слабы, никогда не будут хорошо пить, потому что их сильнее беспокоит похмелье. Болезни же местные таковы: прежде всего женщины болезненны и подвержены истечениям, затем многие вследствие болезни (не от природы) бесплодны и часто выкидывают. На детей же нападают конвульсии и астмы, каковые припадки приписывают божеству и считают священною болезнью. У мужчин же бывают дизентерии и поносы, лихорадки холодные и зимние, продолжительные, частые ночные высыпи (эпиниктиды) и геморрой в седалище. Плевриты же, перипневмонии, горячки и всякие другие болезни, считающиеся острыми, возникают не часто. И в самом деле болезни этого рода при расслабленных желудках не могут укрепиться. Страдания глаз (офтальмии) бывают влажные, нетяжелые и непродолжительные, если только не наступит от большой перемены погоды какая-либо болезнь, общая всем. И когда переступит пятидесятый год, появляющиеся истечения из мозга делают людей паралично в случае, если голова их внезапно подвергнется действию солнца или они прозябнут. Таковы у них местные болезни, а кроме того, если появится какая-либо общая болезнь вследствие перемены времен года, то они бывают подвержены и ей.

4. Но те города, которые имеют противоположное вышеуказанным положение и лежат по направлению к холодным ветрам между летним восходом и летним заходом солнца и для них эти ветры являются местными, а от южного ветра и вообще от теплых ветров они закрыты,—в этих городах дело обстоит так: прежде всего воды—жесткие и холодные, люди же должны быть крепкими и сухими и большинство их имеет желудки на низ неодолимые и крепкие, а на верх

более легко открытые и изобилуют больше желчью, чем слизью. Головы имеют здоровые и твердые и небольшие разрывы (жил) у большинства. Болезни же у них распространены следующие: частые плевриты и болезни, называемые острыми. И это по необходимости должно быть так, поскольку желудки их бывают твердыми. Многие также по всякому случаю получают нагноения. И этому причиной есть напряженность тела и твердость желудка, ибо сухость и холодность воды вызывают разрывы. Натуры подобного рода по необходимости большие едоки, но пьют немного (ибо не может быть, чтобы одновременно и много ели и пили). Страдания глаз также и у них по временам случаются такие острые и сильные, что глаза очень скоро лопаются. Летом же у тех, которые еще не достигли 30 лет, бывают сильные истечения крови из носа. Также и болезни, которые называются священными[1], не часто бывают, но сильные. Эти люди, естественно, отличаются более продолжительною жизнью, чем прочие; язвы у них случаются невоспалительные и не ожесточающиеся, и нравы у этих людей скорее дикие, чем кроткие. Мужчинам свойственны вышеуказанные болезни, и кроме того, если какая-либо нападет на всех вообще вследствие перемены времен года. Что же касается до женщин, то прежде всего многие бесплодны по причине жестких вод, трудных для варения и холодных, ибо недостаточные месячные очищения у них в малом количестве и трудные. Затем они трудно рождают, но выкидывают редко. Когда же родят, то детей кормить не могут, ибо молоко уничтожается вследствие жесткости и крепости вод. Также частые чахотки случаются от родов, ибо вследствие усилия при них они страдают разрывами жил и спазмами. У мальчиков же, пока они малы, делаются водянистые опухоли на яичках, с течением времени исчезающие. В таком городе поздно достигают зрелости.

5. Итак, относительно ветров теплых и холодных и городов, подверженных им, дело обстоит, как сказано выше. А относительно тех городов, которые обращены к ветрам между летним и зимним восходом солнца, а также и тех, которые расположены противоположным способом, дело обстоит так: те, которые расположены на восток солнца, естественно более здоровы, чем те, которые обращены к северу и ветрам теплым, хотя бы расстояние между ними было только один стадий [2]. Прежде всего теплота и холод здесь держатся умеренно; затем воды, расположенные к восходу солнца, в таком городе все по необходимости прозрачны, хорошо пахнут, мягки и приятны на вкус, ибо солнце, восходя и освещая их, очищает их (рассеивая своими лучами туман, который обычно охватывает атмосферу утром). Внешний вид людей бывает более цветущим и свежим, если только какая-либо болезнь не препятствует. Люди одарены ясным голосом; по нраву и рассудительности лучше северян, поскольку и все прочее там рождающееся превосходнее. И город, расположенный таким образом, по умеренности тепла и холода похож на весну; даже и болезней в нем возникает меньше, и они слабее, похожи на те болезни, которые возникают в городах, обращенных к теплым ветрам. Женщины там весьма плодовиты и рождают легко. Так обстоит дело в этих местностях.

6. Но те города, которые расположены на запад и защищены от ветров, дующих с востока, и легко обдуваются как теплыми, так и холодными с севера,— эти города по своему положению необходимо наиболее подвержены болезни, ибо прежде всего воды у них не светлы, и причина этому та, что туман обыкновенно занимает утреннее время и он, смешавшись с водою, отнимает прозрачность, да и солнце освещает их, только поднявшись на высоту. В продолжение лета утром дуют холодные ветерки и падает роса; в остальное же

время солнце, опускаясь, прямо варит людей. Поэтому, естественно, они бесцветны и слабы, причастны ко всем вышеупомянутым болезням; ни одна из них не исключается. Естественно, они имеют голос грубый и хриплый по причине воздуха, который там бывает по большей части нечистым и нездоровым, ибо он мало очищается северными ветрами, так как эти ветры дуют непостоянно; те же, которые постоянно дуют и налегают на них, самые водянистые, потому что ветры, дующие с запада, всегда имеют такой характер. Состояние такого города наиболее похоже на осень относительно перемен дня, потому что много бывает разницы между утренним и вечерним временем. Относительно ветров, благодетельных и неблагодетельных, дело обстоит таким образом.

7. Я хочу теперь рассказать о водах—о том, какие из них вредные, какие наиболее здоровые и какие происходят от воды напасти и блага, ибо ей принадлежит очень большая доля участия в установлении здоровья. Все воды болотные, стоячие и прудовые по необходимости летом бывают теплыми, густыми и зловонными: так как они не протекают, но всегда от прибавления нового дождя увеличиваются и нагреваются солнцем, то они по необходимости бывают бесцветны, дурны и желчегонны. Зимою же они бывают оледенелыми и холодными, смешиваются как со снегом, так и со льдом, поэтому в сильной степени вызывают слизь и охриплость. У пьющих же их селезенки всегда бывают большие и затверделые, животы—твердые, тонкие и теплые, а плечи, ключицы и лицо худеют, ибо мясо переплавляется в селезенку, и от этого они бывают тощими. Такие люди по необходимости имеют большой аппетит и жажду и желудки как в верхней, так и в нижней части весьма сухие и весьма горячие, поэтому нуждаются в очистительных лекарствах более сильных. Это страдание у них обычно и летом и зимою. Кроме того, случаются во-

дянки весьма нередко и самые губительные, ибо летом появляются частые дизентерии и поносы, а также лихорадки 4-дневные, продолжительные. Эти же болезни, когда продолжаются слишком долго, приводят натуры такого рода к водянкам и губят. Такие болезни случаются у них летом. Зимой же у более молодых—воспаления легких и маниакальные болезни, а у старших—горячки (каусосы) по причине затвердения желудка. У женщин появляются опухоли и бели, и они с трудом зачинают и трудно рождают; плоды большие и пухлые, но впоследствии во время кормления они сохнут и делаются худыми. И после родов не бывает у женщин хорошего очищения. У детей часто являются грыжи, а у мужчин варикозные расширения и язвы на голенях, поэтому натуры такого рода не могут быть долговечными, но прежде надлежащего времени стареются. Кроме того, женщины воображают себя беременными, но когда настает время рождать, полнота живота исчезает; это происходит, когда матки страдают водянкой. И воды этого рода я считаю дурными для всякого употребления. На втором же месте после них я считаю те, источники которых находятся в местах каменистых (они по необходимости жестки) или в земле, откуда являются теплые воды или рождается железо, медь, серебро, золото, сера, квасцы, асфальт или нитр[3], ибо все это происходит от силы теплоты, да и в самом деле быть не может, чтобы из земли такого рода рождались добрые воды, но воды жесткие и горячие, которые и в мочу нелегко проходят и препятствуют испражнениям. Напротив, самые лучшие воды—те, которые вытекают из мест возвышенных и земляных холмов, ибо они и сами по себе сладки и светлы и могут выносить умеренное вино. Зимою они теплые, а летом—холодны; такие воды происходят из глубочайших источников. Больше всего я одобряю те источники, которые текут к восходам солнца, особенно

же летним, ибо они по необходимости бывают более светлы, хорошего запаха и легкие. Соленые же воды, неудобоваримые и жесткие, должно совершенно не одобрять для питья. Однако есть некоторые натуры и болезни, которым такие воды подходят для питья, и о них я сейчас скажу. Относительно этих вод дело так обстоит: если источники их расположены к востоку, они между всеми самые лучшие; на втором месте те, которые находятся между летними восходами и заходами солнца, но в особенности расположенные к восходу; на третьем месте—между закатами летними и зимними, а самые плохие те, которые обращены на юг и находятся между зимним восходом и западом. И эти последние при дующих южных ветрах совсем плохи, при северных—лучше. Пользоваться водами следует таким образом: кто здоров и крепок, тому нечего разбирать, а надо пить ту воду, которая есть налицо. Кто же ради болезни захочет пить воду, которая может быть для него наиболее полезной, достигнет здоровья таким преимущественно способом. У кого желудки крепкие и легко сожигают пищу, для этих, конечно, полезны воды самые сладкие и легкие и самые светлые. А у кого животы мягки, влажны и слизисты, для тех воды самые жесткие, трудноваримые и несколько соленые, ибо таким образом они могут наибольше иссушаться. Действительно, те воды, которые наилучше пригодны для варения и размягчения, те естественно наибольше разрешают и расслабляют желудок, а все воды жесткие и наименее пригодные для варения более стягивают и иссушают желудки. Но относительно вод соленых некоторые, по неопытности, заблуждаются, воображая, что они разрешают желудок, а между тем они наиболее противятся очищению, ибо они не пригодны для варения и размягчения, и поэтому от них желудок скорее стягивается, чем разжижается. Так дело обстоит относительно вод из источников.

8. Теперь скажу о том, какой характер имеют воды, которые собираются из дождей и делаются из снега. Дождевые самые легкие и сладкие, самые тонкие и светлые, ибо прежде всего солнце возносит и привлекает вверх то, что в воде есть самого тонкого и легкого. Это также доказывает соль, ибо что в воде есть соленого—это по своей толщине и тяжести остается и является солью, а что есть самого тонкого, это по причине легкости солнцем увлекается вверх. И подобное нечто солнце возводит вверх не только из вод озерных, но также и из самого моря, и из всего того, в чем есть сколько-нибудь влаги, а это есть в каком угодно предмете. Оно извлекает даже из самих людей тончайшую и легчайшую влагу. Самое лучшее доказательство таково: когда человек, облачившись в одежды, будет прогуливаться или сидеть на солнце, то те части кожи, на которые прямо действует солнце, не будут потеть, так как солнце быстро уносит выступающий пот, а части, закрытые одеждою или чем-либо иным, потеют, ибо пот солнцем насильственно извлекается, а покрывалом сохраняется так, что на солнце не исчезает. Если же человек перейдет под тень, тогда все тело одинаково обливается потом, ибо солнце больше уже не светит на него. Потому-то между всеми дождевые воды и загнивают скорее всего и вода дождевая имеет дурной запах, что она собрана из большого количества веществ и перемешана, следовательно, скорее всего портится. Кроме того, когда она восхищена и—поднятая вверх—носится кругом и смешивается с воздухом, то, что в ней есть мутного и темновидного, отделяется и отходит и образуется пар и туман. Самое же светлое и легкое в ней остается и, будучи согрето и сварено солнцем, получает сладость. Ведь и все прочее при варении делается всегда слаще. Итак, пока вода будет рассеяна и еще не собрана, она несется вверх. Но когда будет скучена и противоположными друг другу ветрами вдруг будет стянута в себя,

тогда она прорывается вниз в той части, в какой наиболее будет собрана, ибо это случается обыкновенно тогда, когда облака, гонимые и разносимые ветром, вдруг столкнутся с противоположным ветром и другими облаками. Тогда первая часть их сгущается, а находящаяся позади устремляется на нее и по этой причине делается толще и чернее, сгущается, вследствие тяжести прорывается вниз—и тогда являются дожди. Эти воды по справедливости самые лучшие, но нуждаются в том, чтобы их прокипятить и очистить. В противном случае они получают дурной запах, и у пьющих их является охриплость, кашель и грубый голос. Но воды, которые получаются из снега и льда, все плохи, ибо, когда они раз замерзнут, то уже больше не возвращаются к прежней природе, но то, что в них есть светлого, легкого и сладкого, выделяется и исчезает, а остается самое мутное и самое тяжелое. И в этом ты можешь убедиться следующим образом: если ты зимою захочешь вынести на воздух сосуд, наполнивши его известною мерою воды для того, чтобы она сильно замерзла, а потом на другой день принесешь сосуд в теплое место, где холод совсем оставит его, и когда лед растает, опять вымеришь воду, то найдешь воду в гораздо меньшем количестве. Это служит доказательством, что вследствие замерзания исчезает и выдыхается самое легкое и тонкое, а не самое тяжелое и густое, ибо этого случиться не может. По этой именно причине воды, разжиженные из снега и льда и подобные им, я считаю наиболее худыми для всякого употребления. Итак, вот как дело обстоит относительно вод, которые собираются из дождей, снегов и льда.

9. Наиболее страдают камнями, болезнями почек, затруднениями мочеиспускания, ишиасами, а также и появлением грыж те, которые пьют воды всякого рода или из больших рек, в которые другие реки впадают, или из озера, в которое стекают ручейки мно-

гих и разного рода вод, а равно и все те, которые употребляют воды, проведенные издалека, а не с короткого расстояния. Ведь не может быть, чтобы воды были между собою схожи, но одни будут сладкие, другие—соленые и квасцовые, а иные вытекают из теплых мест. Смешавшись вместе, они борются между собою, и всегда одолевает та, которая сильнее всех. Но берет верх не всегда одна и та же, а в одном месте одна, а в другом—другая, сообразно с различными ветрами, ибо одной доставляет силу северный ветер, другой—южный, также и в остальных случаях. Из таких вод оседают ил и песок в сосудах, и от питья их являются вышеуказанные болезни. Но что это бывает не у всех, об этом я скажу по порядку. У кого желудок свободный и здоровый, мочевой пузырь не раздражен и шейка мочевого пузыря не слишком сужена, те легко испускают мочу, и в мочевом пузыре ничего не скопляется. Но у кого желудок будет раздражимым, необходимо и пузырю страдать тем же, ибо когда он больше, чем требует природа, будет разгорячен, то и шейка его подвергается воспалению. Пораженный таким образом, он не испускает мочи, но сваривает ее в себе и сожигает и то, что в ней есть самого тонкого, отделяется, а самое чистое уходит и выводится с мочою, тогда как самое густое и мутное собирается и срастается. Сначала сросток невелик, а потом становится больше, ибо, катаясь в моче, он привлекает к себе все, что ни имеется в ней густого, и таким образом увеличивается и обращается в камень. И вот, когда испускают мочу, то гонимый силою мочи сросток придвигается к шейке пузыря, затрудняет мочеиспускание и причиняет сильную боль. Поэтому мальчики, страдающие камнем, трут и тянут детородные части, ибо думают, что в них имеет место причина затруднения. Доказательством, что это так, служит то, что страдающие камнем выделяют мочу весьма светлую, так как самое густое

и мутное остается и собирается там. Большинство людей именно таким образом получает камень. Возникает он также у мальчиков из молока, если оно не будет здоровым, но слишком горячим и желченосным, ибо оно разгорячает желудок и мочевой пузырь, так что сожигаемая моча вместе испытывает указанное изменение. И, по моему мнению, малым детям лучше давать вино, как можно больше разведенное, так как оно менее разгорячает и сушит вены. Но у женщин камни происходят не таким способом, ибо канал мочевого пузыря у них короткий и широкий, так что легко прогоняет мочу. И действительно девочка не трет рукою детородную часть, как мальчик, и не касается мочевого канала, ибо мочевой канал открывается непосредственно близ влагалища, тогда как у мужчины этот канал не прямой и менее широкий [4], и пьют девочки больше, чем мальчики. Вот так или почти так обстоит дело относительно всего этого.

10. Относительно времен года.

Обращая внимание на следующее, всякий может решить, какой именно будет год, здоровый или приносящий болезни. Если признаки погоды, при восхождении и захождении звезд, будут являться согласно расчету, если в продолжение осени будет итти дождь и зима будет умеренная, ни слишком мягкая, ни сверх меры холодная, а весною и летом явятся своевременно дожди, то естественно, что такой год — самый здоровый. Но если зима будет сухая и северная, а весна дождливая и южная, то по необходимости лето изобилует лихорадками и наводит болезни глаз и дизентерии, ибо, когда от весенних дождей и от южного ветра земля будет размягчена и вдруг наступит жара, тогда по необходимости и от земли мокрой и теплой, и от припека солнечного жар удвоется, между тем как желудки людей совсем не устанавливаются и мозг не осушивается. Да и в самом деле, когда такая весна будет, тогда быть не может, чтобы

тело и мясо не были напоены излишней влагой, так что на всех и в особенности на флегматиков нападают острейшие лихорадки. У женщин же и у натур весьма влажных естественно случаются дизентерии. Если при восхождении Пса[5] наступит дождь и зимняя погода и подуют этезии, то есть надежда на прекращение болезней и на то, что осень будет здоровая. В противном случае есть опасность, что дети и женщины будут умирать, а старые люди нет, или что те, которые избежали 4-дневных лихорадок, наконец, захватят их и после лихорадок получат водянку. Если же зима будет южная, дождливая и мягкая, а весна северная, сухая, бурная, то прежде всего женщины, которые будут беременны и которым роды предстоят на весну, по всей вероятности будут выкидывать, а которые и родят, произведут плоды слабые и болезненные, так что они или тотчас погибнут или будут жить тощими, слабыми и болезненными. Это—у женщин; у остальных же—дизентерии, сухие болезни глаз, а у некоторых—истечения из головы на легкие. Поэтому у флегматиков естественно делаются дизентерии, а также и у женщин, вследствие истечения слизи из мозга по причине влажности их природы; у желчных—сухие болезни глаз вследствие теплоты и сухости мяса; у стариков—истечения вследствие редкости и тонкости вен, так что некоторые из них внезапно умирают, а другие лежат пораженные параличом с правой или левой стороны. Так как при существовании зимы южной, влажной и теплой ни тело не стягивается, ни вены, то при наступлении весны северной, сухой и холодной мозг, который вместе с весной должен был бы расшириться и очиститься посредством насморка и охриплости, настолько уплотняется и стягивается, что при внезапном наступлении лета и происходящей перемене к жаре возникают указанные болезни. И, конечно, города, которые расположены

хорошо к солнцу и ветрам и употребляют хорошие воды, менее чувствуют перемены этого рода; а которые употребляют воды болотные и озерные и нехорошо расположены к ветрам и солнцу—более. И если лето будет сухое, болезни скорее прекращаются, а если дождливое, они становятся продолжительными и естественно на ранах по всякому случаю появляются разъедающие язвы, называемые фагеденическими. И, наконец, ко времени прекращения болезней являются поносы и водянки, так как желудки не могут легко осушиться; если же лето будет дождливое и южное, также и осень, то зима по необходимости приносит много болезней. И у тех, которые изобилуют слизью и перешли за сороковой год, естественно делаются горячки, у желчных — плевриты и воспаления легких. Но если лето будет сухое и северное, а осень дождливая и южная, то естественно к зиме являются боли головы и воспаления мозга и кроме того охриплости, насморки и кашли, а у иных даже и чахотка. Если же осень будет северная и сухая и не будет дождливой ни во время Пса, ни во время Арктура, то это полезно в особенности флегматикам и влажным по природе и женщинам; желчным же это наиболее вредно, ибо они очень иссушаются и появляются у них сухие болезни глаз и лихорадки острые и продолжительные, а у некоторых также и меланхолии, ибо все, что есть в желчи самого влажного и водянистого, уничтожается, а самое густое и острое остается, и это случается по той же самой причине и в крови, откуда и происходят у них указанные болезни. Флегматикам же все это служит в помощь, ибо они иссушиваются и к зиме подходят, не обилуя влагами, но высушенные.

11. Итак, кто своим умом все это обнимет и обозрит, тот на основании перемен будет предвидеть весьма многое из того, что имеет произойти. В особенности же должно наблюдать важнейшие перемены вре-

мен года, так, чтобы ни лекарства очистительного без необходимости не прописывать, ни резать, ни прижигать, прежде чем не пройдет десяти дней или даже более. Особенно же важные и опасные перемены следующие: оба солнцестояния (в особенности же летнее), а также оба так называемые равноденствия (в особенности осеннее). Следует также остерегаться восхождения звезд и в особенности Пса, затем Арктура и захождения Плеяд [7], ибо в эти дни болезни преимущественно впадают в кризис и одни кончаются смертью, другие прекращаются, а все прочие переходят в другую форму и положение. Вот как обстоит дело относительно всего этого.

12. Я хочу также сказать относительно Азии и Европы [8], насколько они между собою во всем разнятся, а также и относительно внешнего вида их племен, насколько они отличны друг от друга и ни в чем не схожи. Конечно, говорить обо всем было бы долго, но я скажу только о самых главных и важных различиях, как это дело представляется мне самому. По моему мнению, Азия весьма много отличается от Европы как природою всего того, что производится из земли, так и природою людей, ибо все в Азии рождается более красивым и более великим, и самая страна мягче другой, и нравы людей приветливее и спокойнее. И причиною всего этого служит умеренность времен года, так как страна расположена в середине восхода солнца к востоку и дальше отодвинута от холода. Она доставляет рост и меру всему больше всех других стран, так как в ней нет ничего, что брало бы верх через силу, но во всем господствует равномерность. И, однако, не везде в Азии все одинаково. Но местность, расположенная по середине от тепла и холода, самая плодоносная, самая богатая деревьями, самая благорастворенная и наслаждается самыми лучшими водами, небесными и земными, ибо она не слишком сожигается жаром и не сохнет от засух и не-

достатка вод, а с другой стороны, не угнетается холодом и не становится сырой и мокрой от многих дождей и снега; естественно, что там рождается во благовремении многое, что происходит из семян и что дает сама земля, плодами чего пользуются люди, делая дикие растения домашними и пересаживая их в надлежащее место. И животные, выращенные там, естественно процветают, чаще рождают и прекрасно вскармливают, и люди, упитанные, прекраснейшие на вид и по величине величайшие, мало различаются по своему виду и величине. Страна эта, естественно, наибольше приближается к весне, сообразно с своей природою и умеренностью времен года. Но мужественный дух, выносливость к труду и смелость не могут рождаться в такой природе ни у принадлежащих к тому же племени, ни к чуждому, но по необходимости берет верх наслаждение [9].

. . . .

По этой причине среди животных рождаются разнообразные породы. Вот как по моему мнению обстоит дело относительно египтян и ливийцев.

13. Относительно же тех стран, которые расположены по правой стороне летнего восхода солнца, даже до озера Меотийского [10],—оно, ведь, является границей Европы и Азии,—дело обстоит следующим образом: народы этих стран по этой причине больше различаются между собою, чем указанные выше, как вследствие перемен времен года, так и по местности. Относительно земли дело обстоит так же, как и относительно людей. В самом деле, где времена года производят весьма большие и весьма частые перемены, там и местность является весьма дикой и весьма неравномерной, и в ней ты можешь найти весьма многие и заросшие горы, а также поля и луга. Но где времена года не слишком разнообразны, там и страна эта бывает весьма равномерна. Так же дело обстоит и по отношению к людям, если кто обратит

внимание на это. Действительно, есть некоторые натуры, похожие на места гористые, лесистые и водянистые, а другие—на места голые и безводные; некоторые носят натуру лугов и озер, а некоторые подходят к природе равнины и мест обнаженных и сухих, ибо времена года, которые разнообразят природу внешних образов, различаются между собою; и если между собою они окажутся многоразличными, то произведут разнообразные и многочисленные формы людей.

14. Те народы, которые мало между собою разнятся, я оставлю без внимания, но о тех народах, которые весьма много различаются между собою или по природе, или по законам [11], я скажу, как у у них обстоит дело. И прежде всего о макроцефалах, ибо никакой другой народ не имеет голов, подобных этому народу. И сначала, как мне кажется, обычай людей был причиною удлинения головы, но теперь и природа приходит на помощь закону, ибо имеющих самые длинные головы они считают самыми благородными. Закон же этот таков: лишь только дитя родится, как голову его, еще нежную вследствие ее мягкости, преобразуют руками и заставляют расти в длину, употребляя повязку и приспособления, годные для того, чтобы уменьшить круглоту головы и увеличить ее длину [12]. Таким образом, обычай положил начало такой природе путем насилия, с течением же времени он сам вошел в природу, так что в обычае уже не было никакой нужды, ибо происрождающее семя происходит из всех частей тела; из здоровых—здоровое, а из болезненных—болезненное[13]. Поэтому, если от лысых рождаются лысые, а от голубоглазых голубоглазые и от уродливых наичаще уродливые и то же относится к прочим формам, то, что́ препятствует, чтобы и от макроцефала рождался макроцефал? Теперь уже в таком виде, как прежде, они не рождаются, ибо обычай уже не имеет силы вследствие

общения [14] людей. Итак, у них дело обстоит по моему мнению таким образом.

15. Теперь скажу о тех, которые населяют Фасис [15]. Это страна болотистая, теплая, водянистая и густо заросшая, и во всякое время года там идут дожди, частые и сильные. Люди проводят жизнь на болотах и имеют дома деревянные и тростниковые, устроенные на воде; редко посещают города и рынки, но на лодках, выдолбленных из одного дерева, переезжают вверх и вниз, так как каналов там весьма много. Воды пьют теплые, стоячие, загнившие от солнца и увеличенные дождями. Сам же Фасис из всех рек самая стоячая и протекает весьма тихо. Плоды, которые там рождаются, не имеют никакого роста, ослаблены и несовершенны вследствие обилия вод и поэтому не дозревают. Густой туман, поднимающийся с вод, обнимает страну. Вот по этим причинам фасийцы имеют форму тела, далеко отличную от прочих людей. Именно: они весьма высокого роста, чрезвычайно толсты; у них не видно ни одного сустава, ни одной вены; цвета они бледного, как бы одержимые желтухой; голосом говорят самым грубым из всех людей, так как пользуются воздухом не чистым, но туманным и весьма сырым. Для упражнения тела они слишком ленивы, и времена года у них как в отношении жары, так и относительно холода немного разнообразятся. Ветры у них в большинстве южные, кроме одного местного, который иногда дует жестоко, тяжело и горячо и который они называют кенхроном. Северный же ветер нечасто сюда достигает и, если иногда дует, то слабо и весьма мягко проявляется. Таковы различия в природе и во внешнем виде народов, населяющих Азию и Европу.

16. Что же касается вялости духа и трусости, то наибольшей причиной, почему азиаты менее воинственны, чем европейцы, и отличаются более тихими нравами, суть времена года, которые не производят

больших перемен ни к теплу, ни к холоду, но всегда приблизительно одинаковы, ибо тогда ни ум не испытывает потрясений, ни тело не подвергается сильным переменам, от которых нравы естественно грубеют и делаются участниками безрассудства и отваги в большей степени, чем когда все остается в одном и том же состоянии. В самом деле, перемены всего сильнее возбуждают ум человека и не позволяют оставаться в покое. Вот по этим-то причинам, кажется мне, народ азиатский лишен всякого мужества, а кроме того и по причине их законов, ибо большая часть Азии управляется властью царей. А там, где люди сами над собой не властны и не автономны, а подчинены владыке, забота у них—не о том, чтобы упражняться в военных делах, а чтобы казаться неспособными к войне. И в самом деле опасности не одинаковы. Ведь подданным необходимо отправляться за своих господ на войну и переносить труды и смерть вдали от детей, жен и остальных друзей. И как бы ни были хороши и мужественны их дела, господа от них возвеличиваются и возрастают, сами же они, кроме опасностей и смертей, ничего не пожинают. При этом по необходимости земля у таких людей остается необработанною как по причине нашествия врагов, так и вследствие беспечности их самих; так что даже если кто по природе будет храбрым и мужественным, законы отвратят его от этого. Великим доказательством этого служит то, что все те греки и варвары Азии, которые вовсе не подчинены государям, а свободны и трудятся сами для себя, являются воинственнейшими из всех, ибо они подвергаются опасностям для самих себя и как получают награду за храбрость, так несут наказание за трусость. Ты найдешь, что и азиаты весьма много разнятся между собою и одни доблестнее, другие слабее. Причинами этого являются перемены времен года, как сказано мною раньше. Так вот как дело обстоит относительно тех, которые населяют Азию.

17. В Европе есть народ скифский, который населяет страну возле озера Меотийского и весьма много разнится от прочих народов: они называются савроматами [16]. Их женщины ездят на конях, стреляют из лука и бросают копья с коня, и ведут войну с врагами, и это до тех пор, пока остаются девицами, и не прежде слагают девство, как не убьют трех врагов, и не прежде сходятся с мужчинами, пока не исполнят священных обрядов в честь отечественного бога. Избравшая себе мужа перестает ездить на коне, пока не настанет необходимость в общем походе на войну. Правой груди они не имеют, ибо еще во время младенчества матери накладывают на правую грудь накаленный медный инструмент, для этого сделанный, и прижигают ее, чтобы уничтожить ее рост и чтобы вся сила и полнота перешли к правому плечу и руке.

18. Что касается до вида остальных скифов, что они друг на друга похожи, а на других никого,—об этом то же самое должно сказать, что и об египтянах, за исключением того, что эти последние угнетаются жаром, а те—холодом. Пустыня, названная скифской, расположена на равнине и изобилует лугами, безлесна, в меру снабжена водой, ибо великие реки выносят воду из равнины. Там живут скифы, называют же их номадами, потому что они не имеют никаких домов, а живут в повозках. Самые малые повозки на 4 колесах, а остальные—на 6; сверху они обтянуты войлоком, но есть и сделанные наподобие домов, одни двойные, а другие тройные; они же служат защитой от дождя, снега и ветров. Повозки эти тянут две пары, а иные три пары безрогих быков (рогов они не имеют вследствие холода). В этих повозках проводят жизнь женщины с детьми, а сами мужчины едут на лошадях. За ними следуют стада овец, коровы и лошади. На одном месте останавливаются столько времени, пока для их скота достаточно будет

корма, а когда последнего недостает, тогда переселяются в другую страну. Сами они питаются вареным мясом, пьют кобылье молоко и едят гиппаку (это есть конский сыр). Таков образ их жизни и обычаи.

19. Что касается времен года и внешнего вида людей, то народ скифский во многом отличается от остальных людей, а сам на себя похож так же точно, как египетский. Он весьма мало плодовит, и страна очень мало питает животных, не отличающихся ни величиною, ни количеством. В самом деле, она расположена под самыми Медведицами и Рипейскими горами [17], откуда дует северный ветер. Солнце, когда придет к летнему стоянию, подходит ближе всего и тогда, конечно, на малое время согревает и то не очень. И дующие от теплых мест ветры сюда не достигают, разве только редко и слабо, но беспрерывно дуют ветры холодные с севера от снега, льда и многих вод, которые никогда не оставляют гор, вследствие чего последние только с трудом могут быть обитаемы. Густой туман обнимает целый день поля, на которых живут скифы, так что у них почти непрерывная зима, а лето лишь в самые немногие дни и в те не очень жаркое, ибо равнина у них возвышенная, голая и не опоясана горами, но наклонна со стороны севера. Здесь и звери небольшие, но рождаются такими, что могут скрываться под землею, ибо зима и обнаженность земли препятствуют им иметь какое-либо убежище и кров. Перемены времен года не велики и не сильны, но сходны и мало отличаются друг от друга; вследствие этого и люди имеют вид, схожий между собой. Они пользуются всегда одинаковой пищей, зимою и летом одеты в одну и ту же одежду, вдыхают воздух сырой и густой, пьют воды из снегов и льда и не пользуются никакими телесными упражнениями, ибо не могут ни тело, ни дух упражняться там, где не происходят сильные перемены. В силу этого по внешнему виду

скифы толсты, мясисты, нерасчленены, влажны и слабы; желудки у них наиболее влажные из всех; да и не может в самом деле живот осушиться в стране при такой природе и таком состоянии времен года. Но вследствие тучности и гладкости тела по внешнему виду все похожи друг на друга: мужчины на мужчин и женщины на женщин, ибо, так как времена года почти одинаковы, никакие изменения или пороки не случаются при первоначальном образовании семени, разве бывает это по какому-нибудь насильственному случаю или болезни.

20. Великое доказательство их влажности я представлю: ты найдешь большинство всех скифов, в особенности номадов, с прижиганиями на плечах, руках и на кистях рук, на грудях, на бедрах и на пояснице, и это только по причине влажности природы и слабости. Действительно, они не могут вследствие влажности и слабосилия натянуть лук, ни бросить плечом дротик. Когда же они прижигаются, тогда из членов высыхает обилие влаги, и их тела делаются здоровее, способнее к питанию и более гибкими. Они становятся обрюзглыми и широкими прежде всего потому, что не пеленаются, как это обыкновенно бывает в Египте, и не считают это нужным ради верховой езды, чтобы сидеть крепче на конях, а затем вследствие сидячей жизни. Действительно, мальчики, пока еще не могут ездить на конях, в продолжение долгого времени сидят на повозках и мало пользуются прогулкою, вследствие постоянной перемены мест и переселения; особенно девочки выглядят удивительно опухшими и слабы на вид. Скифский народ вследствие холода—красно-желтого цвета, так как сильное солнце к нему не приближается. От холода же белизна иссушается и переходит в желтизну.

21. Такая природа не может быть плодовитою. И, действительно, мужья не испытывают большого

желания соития по причине влажности природы, мягкости и холодности живота, вследствие чего, естественно, весьма мало могут предаваться половой любви. Да, кроме того, трясясь все время на лошади, они делаются слабыми для соития: у мужчин— таковы причины бесплодия, у женщин же—ожирение и влажность. Именно матки у них не могут уже захватить мужское семя; месячного очищения у них не бывает как следует; оно слишком малое и через долгие промежутки времени, и самое устье матки, вследствие жира, закрывается и совсем не воспринимает мужского семени. И сами они не занимаются совсем телесными упражнениями и весьма жирны, а животы их холодные и мягкие. И вот вследствие этих причин народ скифский мало плодовит. Доказательством этого служат также рабыни, которые вследствие упражнений и сухощавости тела, как только приходят к мужчинам, сейчас же становятся беременными.

22. Кроме того, многие в Скифии становятся евнухами, исполняют женские обязанности и, как женщины, делают и говорят; называют их немужественными. Туземцы приписывают причину этого богу и людей этого рода почитают и уважают, боясь всякий за себя [18]. Мне и самому эти болезни кажутся божественными, как и все прочие, и одна из них не божественнее или человечнее другой, но все одинаковы и все божественны. Однако всякая из них имеет свою собственную природу, и ничто не делается вне природы. И я расскажу, каким образом, по моему мнению, эта болезнь приключается: вследствие верховой езды наездников схватывают боли суставов, так как ноги их, конечно, всегда свешиваются с коней. Затем те, которые сильно болеют, делаются хромыми, и у них бедра изъязвляются. Лечат же они себя таким способом: когда начнут болеть, то открывают обе вены позади ушей, и когда кровь истечет,

то вследствие слабости охватываются сном и засыпают. Затем одни пробуждаются здоровыми, а другие нет. И мне кажется, что от такого лечения пропадает способность рождения, ибо имеются около ушей вены такого рода, что если кто их надрежет, то подвергшиеся сечению становятся бесплодными. Эти именно вены, мне кажется, они и рассекают. После же, когда приближаются к женам и не могут с ними иметь дела, сначала, нисколько не задумываясь, успокаиваются; когда же два-три раза или больше пытаются делать это и не успевают, тогда, воображая, что они оскорбили бога, на которого сваливают вину, надевают женскую одежду, открыто признавая свою потерю мужских свойств. Они живут по-женски и исполняют вместе с женщинами их работы. Такою болезнью страдают скифы не самого низшего сословия, а благороднейшие и те, которые посредством верховой езды достигли величайшего могущества; бедные же страдают меньше, ибо не ездят верхом, хотя должно было бы, если бы эта болезнь была божественнее прочих, чтобы она постигала не одних только благороднейших и богатейших скифов, но всех одинаково и более тех, которые владеют малыми средствами, если только боги довольны бывают служением и почитанием со стороны людей и соразмерно с этим посылают им благодеяния. Ведь богатые, владея деньгами, конечно, часто приносят богам жертвы и дары и оказывают им почести; бедняки же не могут этого делать, не имея ничего, и даже порицают богов за то, что они не доставляют им средств; поэтому те, которые владеют малым, скорее должны были бы терпеть наказание за подобные грехи, чем богатые. Но, как я уже сказал, и эта болезнь так же божественна, как и все прочие; каждая из них происходит по природе. Эта болезнь случается у скифов по той причине, о которой я говорил; так же обстоит дело и у других

людей. Где люди ездят верхом весьма много и часто, там на очень многих нападают болезни от истечения, ишиасы и подагры, и для половых сношений они совершенно не пригодны. А все это имеется у скифов, и по этой причине они ближе всех людей к евнухам, а также и потому, что всегда носят штаны и проводят большую часть времени на конях, так что им нельзя и прикоснуться рукою к детородной части, и вследствие холода и утомления они не чувствуют желания к соитию и не делают никаких попыток, прежде чем будут лишены мужской способности. Вот как дело обстоит относительно племени скифов.

23. Остальной же род людей в Европе разнится между собою как по величине, так и по форме по причине великих и частых перемен времен года, когда возникают сильные жары, суровые зимы, многие дожди и снова продолжительные засухи и ветры, благодаря которым случаются многие и всякого рода перемены. И естественно, что вследствие их зарождение в том, что касается образования семени, различно и не бывает одно и то же летом, зимою, в дождливое и сухое время. Поэтому, я думаю, европейцы более отличаются друг от друга по внешнему виду, чем азиаты, и в каждом отдельном городе люди по величине и росту очень между собою различны, ибо повреждения произрастающего семени чаще происходят при частых переменах во временах года, чем когда эти времена сходны и одинаковы. То же самое рассуждение относится и к нравам: грубость, дикость и отвага возникают в такой же природе, ибо частые возбуждения ума производят грубость нравов и, напротив, притупляют кротость и мягкость. Поэтому я считаю населяющих Европу более мужественными, чем азиатов, ибо равномерность вещей производит леность, а разнообразие возбуждает тело и душу к труду. И от покоя и лености возрастает трусость, а от упражнения и трудов—храбрость. По этой именно

причине жители Европы воинственны, а также и благодаря своим законам, потому что не повинуются власти царей, как азиаты. Где подчиняются царям, там необходимо людям быть самыми боязливыми, о чем сказано нами прежде, ибо души, попадая в рабство, не желают добровольно подвергать себя опасности за чужую власть по-напрасному. А которые живут по своим законам, те подвергаются опасностям для себя, а не для других, и они охотно по своей воле идут навстречу опасности, так как награду за победу получают сами. Таким образом очевидно, что законы немало значат для величия духа. Так в общем и целом дело обстоит относительно Европы и Азии.

24. Кроме того в Европе есть народы, различающиеся между собою как по величине, так и по внешнему виду, а также и по храбрости. Причины различия суть те же, о которых выше сказано, и я раскрою их более ясно. Те, которые населяют страну горную, неровную, высокую и снабженную водой, где времена года весьма различаются и формы людей естественно становятся большими, от природы бывают рождены как для труда, так и для храбрости. Но дикими и зверскими нравами натуры этого рода одарены не в малой степени. Те же, которые населяют долины, обильные травою и удушливые, и которые обвеваются более ветрами теплыми, чем холодными, и употребляют теплые воды, эти не могут быть, конечно, высокими и пропорционально сложенными; они от природы протягиваются в ширину, отличаются телом мясистым и черными волосами, цветом более черным, чем белым, и менее слизисты, чем желчны. Но храбрость и выносливость в трудах не одинаково даны их душе от природы; это довершает вмешательство закона. И если эта страна будет иметь реки, которые выносят воды озерные и дождевые, люди будут здоровы и отличаться светлым цветом кожи. Если же рек не будет, и люди будут пить воды озер, стоячие и болотные,

то по необходимости у них будет выдающийся живот и большая селезенка. Те, которые населяют страну высокую, ровную, обвеваемую ветрами и обильную водами, те отличаются огромным внешним видом тела, похожи между собою, с духом немужественным и кротким. Но те, которые занимают тощие и сухие места, лишенные воды и обнаженные, и не имеют умеренных перемен времен года, естественно отличаются грубым и крепким видом тела и цветом скорее светлым, чем черным; по нравам и стремлениям духа они самолюбивы, горды и упорно держатся принятого мнения, ибо где перемены в погоде и весьма часты и многоразличны между собою, там ты можешь найти и формы, и нравы, и натуры, во многом различные. Итак, вот важнейшие причины природных изменений, а кроме них также сама страна, в которой кто-либо воспитывается, и воды, ибо ты найдешь, что большею частью формы людей и нравы отражают природу страны. В самом деле, где земля жирная, мягкая и содержит много влаги, воды же расположены на очень возвышенном месте, так что летом они теплые, а зимою холодные, и времена года хороши, там люди мясисты, нерасчленены, сырые, неспособные переносить труды и в большинстве случаев слабой души. Также кажутся они вялыми и сонливыми, и в искусствах они неуклюжи, не имеют тонкости и остроты. Но где страна голая, безводная, неровная и если она угнетается холодом и печется солнцем, там увидишь ты людей твердых, тощих, с хорошо расчлененным телом, сильных и волосатых и таких, которые от природы энергичны и бодры для деятельности. Нравы же они имеют гордые, упорные и более причастные к дикости, чем к мягкости; ты заметишь также, что эти люди для искусств острее и способнее и более годны для ведения военных дел. Так точно и остальное все, что производится из земли, следует природе самой земли. Таковы природы

и формы, наиболее противоположные; исходя из них, следует рассматривать все остальное,—и ты не ошибешься.

1. Священная болезнь, ἱερὴ νόσος — падучая болезнь, или эпилепсия, ἐπιληψία. О ней см. особое сочинение: «О священной болезни». По поводу наименования болезней священными см. ниже гл. 22.

2. Стадий, στάδιον=177,4 метра.

3. Нитр, νίτρον—сода; добывалась обыкновенно в Египте.

4. Эти слова заключены в скобки в последнем издании Кюлевейна и представляют вероятно глоссу, пояснительную вставку переписчика. Фукс пропускает их в своем переводе.

5. Пес, κύων, блестящая звезда в созвездии Ориона, по современной номенклатуре Сириус; его восхождение по Евдоксу—25-го июля.

6. Этезии, пассатные ветры, дующие только в определенное время года; в указанное время это были северо-западные.

7. Арктур, ἀρκτοῦρος, звезда в созвездии Бостеса, ее восхождение по Евдоксу—14 сентября. Плеяды, πλειάδες, стожары, группа звезд в созвездии Тельца; по Евдоксу их раннее захождение—14 ноября, раннее восхождение—14 мая.

8. По географии того времени (Геродот, 450 до н. э.) весь мир делился на 3 части: 1) Европа—страны, лежавшие к северу от Средиземного, Черного и Каспийского морей; в нее входила, конечно, и Греция с островами; 2) Азия—страны к востоку от Средиземного и Красного морей; к ней относились Малая Азия, Колхида (Кавказ), Армения, Финикия, Сирия, Вавилон и Ассирия, Мидия, Персия, Индия, Аравия. Большинство этих стран было объединено в то время под властью персидского царя; 3) страны к югу от Средиземного моря, впоследствии Африка—Ливия и Египет.

9. Здесь в изложении имеется перерыв, в котором речь шла, очевидно, о Египте и Ливии, как видно из дальнейшего.

10. Озеро или болото Меотийское, Μαιῶτις, palus Maeotica, теперь Азовское море; Керченский пролив назывался в то время Боспор Киммерийский.

11. По природе и по закону, φύσει καὶ νόμῳ. Эта формула и связанное с ней противопоставление природы и людских установлений или обычаев были чрезвычайно распространены в эпоху греческого просвещения, связанного с деятельностью софистов.

12. Какой народ Гиппократ разумеет под макроцефалами, не известно. Обычай удлинения головы посредством бинтования ее у новорожденных встречается у различных племен Старого и Нового света.

13. Эта фраза резюмирует теорию наследственности Гиппократа; аналогичную теорию развивал в XVII веке Борелли (Borelli, De motu animalium), а в XIX в. Дарвин под именем пангенезиса (изменение животных и растений в состоянии приручения). Это же учение излагается в книге «О семени», помещенной в настоящем сборнике.

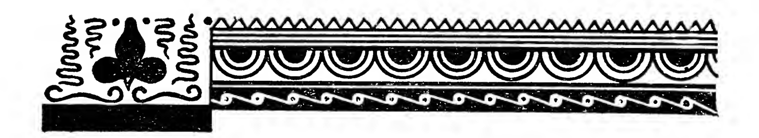
14. Таким образом, по Гиппократу природа после прекращения обычая опять возвращается к прежней форме, аналогично тому, что имеет место при длительной модификации современной науки.

15. Фасис, Φᾶσις, река в Колхиде; вероятно, современный Рион.

16. О скифах того времени и савроматах, или сарматах, подробно рассказывает Геродот (кн. IV). Племя сарматов, по его рассказу, произошло от браков амазонок с скифскими юношами.

17. Разумеются созвездия Большой и Малой Медведицы, которыми обозначался север. Относительно Рипейских гор древние имели весьма смутное представление, хотя известны они были давно; вероятно, это были Уральские горы.

18. Описанные Гиппократом явления евнухизма у скифов сопоставляют с загадочной θήλεια νοῦσος, «женской болезнью» скифов, о которой упоминает Геродот в следующих выражениях: «На скифов, ограбивших храм в Аскалоне, и на их потомков на вечные времена богиня (Афродита) наслала женскую болезнь; и скифы рассказывают, что по этой причине они болеют, и прибывающие в скифскую страну видят у них самих, в каком состоянии находятся те, которых называют «ἐναρέας» (I, 105). Эта «женская болезнь» вызвала целую литературу и самые различные попытки ее объяснения, начиная от пассивной педерастии и кончая душевным расстройством; но вероятнее всего, что дело идет здесь о той же форме импотенции, которую описывает Гиппократ, как это доказывал Штарк (Starck, De νούσῳ θηλείᾳ, apud Hippocratem prolusio, Ienae, 1827). Он приводит, между прочим, интересное свидетельство путешественников конца XVIII и начала XIX вв. о том же самом явлении у ногайских татар: «Когда поражает неизлечимая слабость, результат болезни или возраста, кожа на всем теле покрывается морщинами; они теряют и ту небольшую бороду, какую имеют, становятся неспособными к половому сношению и все их чувства и действия перестают быть чувствами и действиями мужчин. В таком состоянии они избегают мужского общества, живут среди женщин и принимают все их привычки» (Reineggs). То же описывалось у камчадалов и северо-американских индейцев. В общем во всем этом можно видеть не столько болезнь, сколько обычай (Литтре, II, XXXIX s. s., Rosenbaum, Geschichte der Lustseuche im Alterthume, Halle, 1839).



ПРОГНОСТИКА

Книга прогнозов, προγνωστικόν, prognosticum, с большой вероятностью должна быть причислена к подлинным сочинениям Гиппократа, если вообще таковые имеются. Предсказание болезней, их течения и исхода играло большую роль в греческой медицине, в особенности в косской школе, и по этому вопросу мы находим в сборнике, кроме «Прогностики», два сочинения: «Косские прогнозы» (κωακαὶ προγνώσεις) и «Предсказания» (προρρητικόν) в двух книгах. «Косские прогнозы» представляют собрание большого количества (640) коротких тезисов, относящихся к различным болезням. 1-я книга «Предсказаний» составлена таким же образом, но меньше по величине (170 параграфов); 2-я книга, принадлежащая очевидно другому автору, отличается связным изложением и посвящена тоже различным болезням. «Прогностика» отличается от них всех тем, что посвящена исключительно острым болезням, и материал, частично встречающийся и у них, строго систематизирован. О взаимоотношении всех этих книг были высказываемы различные, как всегда противоречивые, мнения. Предполагали, что «Косские прогнозы» составлены на основании записей в косском асклепейоне и относятся к временам до Гиппократа, а «Прогностика» содер-

жит выдержки из него с дополнениями (Эрмеринс, Гиршберг); то же высказывалось и относительно 1-й кн. «Предсказаний» (Эрмеринс). Другие, наоборот, склонны считать эти книги выдержками из «Прогностики» ввиду ее планомерного и обработанного характера (Фукс). Против предположения, что «Прогностика» является ранней работой Гиппократа, энергично восстает Фукс, характеризуя ее как «планомерное, основанное на многолетнем опыте и зрелом суждении произведение выдающегося врача». Нельзя не отметить близости в этом отношении «Прогностики» и «Диэты при острых болезнях»: в обоих сочинениях та же систематичность и тщательное перечисление всех деталей, имеющих практическое значение.

Содержание «Прогностики»: Гл. 1—Важность прогноза; гл. 2—лицо больного, facies Hippocratica; глаза; гл. 3—положение больного; скрежетание зубов; язвы; гл. 4, движения рук; гл. 5, дыхание; гл. 6, поты; гл. 7, подреберья и опухоли в них; гной; гл. 8, водянки; гл. 9, различные признаки; гл. 10, сон; гл. 11, испражнения, ветры; гл. 12, моча; гл. 13, рвота; гл. 14—15, мокрота; хорошие признаки; дурные признаки; гл. 16—19, нагноения; мочевой пузырь; гл. 20, лихорадки, кризисы; гл. 21, боли в голове; гл. 22, ухо; гл. 23, глотка; язычок; гл. 24, абсцессы при лихорадке; головная боль; конвульсии; гл. 25, заключение.

Прогностика много раз комментировалась врачами; первый комментарий принадлежит Герофилу; имеется также комментарий Галена.

Литература у Литтре, II, 94; Фукс, Puschm. Gesch., I, 227.

НЕ кажется, что для врача самое лучшее позаботиться о способности предвидения. В самом деле, когда он будет предузнавать и предсказывать у больных и настоящее, и прошедшее, и будущее, и все то, что больные опускают при своем рассказе, то, конечно, ему будут верить, что он больше знает дела больных, так что с большею доверчивостью люди будут решаться вручать себя врачу. А задача лечения наилучше будет совершаться, если он из настоящих страданий предузнает будущие. Да и в самом деле, сделать всех здоровыми невозможно; конечно, это последнее далеко было бы превосходнее, чем предузнавать последствия будущего. Но так как люди умирают одни прежде, чем пригласят врача, по причине силы болезни, а другие вскоре после приглашения—одни проживши один день, другие несколько дольше,—прежде чем врач благодаря своему искусству мог бы воспротивиться каждой болезни, то должно врачу узнавать природу таких страданий, именно, насколько они преодолевают телесные силы (а вместе с тем, если есть что в болезнях божественного)[1], и научаться предвидению этого. Этим именно способом он по заслуге приобретет себе уважение и будет хорошим врачом, ибо тех больных, которые могут побороть болезнь, он, конечно, сможет уберечь гораздо лучше, задолго предусматривая каждый отдельный случай, а предузнавая и предсказывая, кто из больных умрет, кто останется в живых, поставит себя вне всякого нарекания.

2. В острых болезнях должно вести наблюдение следующим образом. Прежде всего—лицо больного, похоже ли оно на лицо здоровых, и в особенности, на само себя, ибо последнее должно считать самым лучшим, а то, которое наибольше от него отступает, самым опасным. Будет оно таково: нос острый, глаза впалые, виски вдавленные, уши холодные и стянутые, мочки ушей отвороченные, кожа на лбу твердая, натянутая и сухая, и цвет всего лица зеленый, черный, или бледный, или свинцовый. Поэтому, если при начале болезни будет лицо такого рода, и ты еще не сможешь сделать заключения на основании остальных признаков, то следует спросить, не было ли у человека бессонницы или сильного расстройства желудка, или не имел ли он недостатка в пище. И если он подтвердит что-либо из всего этого, тогда считать положение его менее опасным: болезнь разрешится в продолжение дня и ночи, если лицо сделалось подобным вследствие одной из этих причин. Но если он скажет, что у него ничего подобного не было раньше, и если он не придет к прежнему состоянию в указанное время, то должно знать, что этот признак смертельный. Если же лицо таковым окажется при болезни уже более старой, чем три или четыре дня, то должно спросить то, о чем я раньше предписал, а также принять в рассмотрение и остальные признаки как всего лица, так и остального тела и глаз. В самом деле, если глаза боятся света и против воли наполняются слезами или перевертываются, или один из них сделается меньше другого, или белки краснеют или синеют, или на них появляются черные жилки, или вокруг зрачка гнойные корочки; если они также постоянно двигаются, или сильно выдаются, или, наоборот, сильно западают; если зрачок их грязный и без блеска, или если цвет всего лица изменился,—то все эти признаки должно считать дурными и гибельными. Должно

также наблюдать и во время сна, не видна ли какая-нибудь часть глаза. В самом деле, если по закрытии век выступает часть белка и если это не произошло ни от поноса, ни от очистительного лекарства и если так больной не привык спать, то это дурной признак и весьма гибельный. Если же сморщится веко, или посинеет, или побледнеет, а также губа или нос, то должно знать, что это смертельный знак. Смертельный также признак—губы распущенные, висящие, холодные и побелевшие.

3. Должно, чтобы врач находил больного лежащим в постели на правом или на левом боку, с руками, шеей и ногами, несколько согнутыми, и чтобы все тело лежало мягко, ибо таково почти всегда положение здорового человека при лежании, а то положение считается наилучшим, которое наиболее похоже на положение вполне здоровых. Лежать же на спине с руками, шеей и ногами растянутыми менее хорошо. Если же он лежит наклонно вперед и спадает к ногам с постели, то это еще более опасно. Когда врач заметит, что больной имеет ноги нагие и не очень теплые и руки и ноги неравно раскинутые и голые, то это худо, ибо показывает тоску. Гибельный признак также спать постоянно с раскрытым ртом и когда лежит на спине с голенями сильно сдвинутыми или наоборот раздвинутыми. Лежать на животе тому, кто во время здоровья спать так совсем не привык, худо: это показывает бред или боль каких-нибудь частей около живота. Если больной желает сидеть во время самого напора болезни, то это дурно во всех острых болезнях и весьма худо для страдающих воспалением легких. Если при лихорадках скрежещут зубами те, у которых с детства это вовсе не было в привычке, то это означает безумие и смерть. А если это случается также и у страдающего бредом, то это уже совсем гибельно. Также насчет язвы следует узнавать, явилась ли

она прежде болезни или она возникла во время самой болезни, ибо если больной умрет, то перед смертью эта язва будет синей и сухой или бледной и твердой.

4. Относительно движения рук я знаю следующее. Если у кого при острых лихорадках или при воспалении легких, или при френите, или при болезнях головы руки носятся перед лицом, что-нибудь понапрасну ищут, собирают соломинки и вырывают шерстинки из одежд, то все это предвещает худое и смерть.

5. Дыхание частое и малое показывает боль и воспаление в местах выше грудобрюшной преграды. А дыхание глубокое и через длинные промежутки показывает бред. Холодное выходящее из носа и рта дыхание весьма гибельно. Легкое дыхание следует считать великой силой, дающей спасение во всех острых болезнях, которые соединены с лихорадками и имеют кризис в продолжение 40 дней.

6. Самые лучшие поты во всех острых болезнях те, которые случаются во время кризисов и совершенно освобождают от лихорадки. Хороши также те, которые появляются на всем теле и показывают, что больной легче переносит болезнь. Но те поты, которые ничего подобного не производят, совсем бесполезны. Самые же худые—холодные, и те, которые являются только около головы лица и шеи, ибо они вместе с острой лихорадкой предвозвещают смерть, а с более легкой—продолжительность болезни.

7. Подреберья самые лучшие те, которые свободны от боли, мягки и ровны как с правой, так и с левой стороны. Воспаленные же и чувствующие боль, или напряженные, или неравномерно расположенные от правой стороны к левой, все такие должны быть предметом внимания. Если также и пульс находится в подреберьях, то это показывает беспокойство или

бред. Но должно также обратить внимание на глаза таких больных, ибо если глаза часто двигаются, то должно ожидать безумия. Вздутие в подреберье твердое и с болью—весьма худо, когда оно обнимет все подреберье; если же оно будет на одной стороне, то менее опасно на левой. Опухоли этого рода в начале болезни показывают, что в скором времени будет смерть. Но если в продолжение 20 дней ни лихорадка не успокаивается, ни опухоль не опадает, тогда дело идет к нагноению. У таких больных в первом периоде случается также и течение крови из носа и весьма помогает. Но их должно спрашивать, не страдают ли они головою или не чувствуют ли они слабого зрения глаз; если что-либо из этого будет, то должно знать, что дело туда (в голову) направляется. Однако, только у людей молодых и не достигших еще 35 лет должно более ожидать истечения крови. Мягкие же опухоли, лишенные боли и уступающие пальцам, делают кризисы более продолжительными и менее тяжелыми, чем те, вышеозначенные. Но если в продолжение 60 дней не прекратится лихорадка и не опадет опухоль, то это означает, что будет нагноение в том месте; то же относится и к остальному животу. Опухоли с болью, твердые и большие, означают приближение смерти в продолжение немногих дней. Мягкие же, безболезненные и уступающие давлению пальцев обыкновенно бывают продолжительнее предыдущих. Опухоли живота меньше размягчаются, чем те, которые являются в подреберье, а меньше всего обращаются в гной те, которые имеют место ниже пупка; излития же крови больше всего следует ждать из верхних мест. Но все продолжительные в этих областях опухоли, должно ожидать, дадут нагноения. Нагноения же, которые здесь произойдут, следует оценивать таким образом. Те, которые направляются наружу, самые лучшие, когда они малы, сколь можно больше несутся нару-

жу и поднимаются в остроконечие; большие, плоские и мало заостряющиеся—самые худшие. Те, которые разрываются внутри, самые лучшие, когда нисколько не сообщаются с внешним местом, но стягиваются в себя, безболезненны и вся кожа снаружи имеет одинаковую окраску. Самый лучший гной—белый, ровный и гладкий и как можно меньше вонючий; наиболее противоположный этому—самый худший.

8. Различного вида водянки, которые происходят от острых болезней,—все дурны, ибо они не освобождают от лихорадки, весьма возбуждают боли и гибельны. Начинается же большинство из них от пахов, от поясницы, а частью от печени. При водянках, ведущих начало от пахов и поясницы, ноги раздуваются; делаются продолжительные поносы, но они не уничтожают болей в пахах и пояснице и не делают живота более мягким. У кого водянки берут начало от печени, является сильный позыв кашлять, но отхаркивание бывает совершенно незначительное; ноги пухнут, желудок выделяет только твердые испражнения, с болью и с трудом, и вокруг живота делаются опухоли, которые являются то с правой, то с левой стороны, держатся и прекращаются.

9. Если голова, руки и ноги холодеют, а живот и бока теплы, то это возвещает худое. Но если всё тело равномерно теплое и мягкое, то это очень хорошо. Должно также, чтобы больной легко поворачивался и чтобы, когда поднимается, был проворен. Если же он представляется тяжелым как в остальном теле, так в руках и ногах, то есть очень большая опасность; но кроме этой тяжести, если ногти и пальцы посинеют, то должно скоро ожидать смерти. Но как пальцы, так и ноги, совершенно черные, менее опасны, чем синеющие. Но должно также принимать во внимание и прочие признаки. В самом деле, если больной представляется легко переносящим болезнь и, кроме этого, будет налицо еще какой-либо другой

из признаков спасительных, то должно надеяться, что болезнь обратится к разрешению, так что больной должен превозмочь болезнь и части тела почерневшие должны отпасть. Когда яички и детородные части стягиваются вверху, то это показывает сильные боли и опасность смерти.

10. Что касается сна, то подобно тому, как это привычно нам от природы, днем должно бодрствовать, а ночью спать; если это будет изменено, дело обстоит хуже. Но наименьше будет вреда, если больной будет спать с утра до третьей части дня; сон, который случается после этого времени, хуже. Но самое худшее, если больной не спит ни ночью, ни днем, ибо или у него является бессонница вследствие боли и страдания, или это есть знак наступающего бредового состояния.

11. Испражнения—наилучшие, когда они мягки и плотны, происходят в то время, как обыкновенно в здоровом состоянии, и если количество их будет соответствовать принятому внутрь, ибо такой выход показывает, что нижний живот здоров. Если же будет жидкое действие желудка, то хорошо, чтобы оно происходило без бурчания и чтобы было не часто и не по малу, ибо частый труд садиться для извержения утомляет больного и причиняет ему бессонницу. Если же больной много и часто извергает, то есть опасность обморока. Но, сообразно с количеством введенного, действие должно быть дважды или трижды днем и раз ночью; более, однако, пусть ходит утром, как это и привычно человеку. Испражнения должны делаться гуще по мере приближения болезни к кризису, желто-красного цвета и без запаха. Полезно также, чтобы во время направления болезни к кризису с испражнением выходили круглые черви. В продолжение всей болезни живот должен быть мягким и умеренно вздутым. Но весьма водянистое испражнение, или белое, или зеленобледное, или слишком

красное, или пенистое, все это—дурные признаки; худо также и то, которое бывает малым, клейким, зеленобледным и гладким. Но самые гибельные испражнения черные, или жирные, или серые, или цвета ржавчины и вонючие. Разноцветные же суть продолжительнее всех тех, однако, нисколько не менее гибельны. Такого рода суть извержения, похожие на оскребки, желчные, кровянистые, зеленоватые и черные, то смешанные вместе, то выходящие по частям. Если ветры выходят без треска, то это очень хорошо. Однако, лучше, когда они выходят с треском, чем там задерживаются; хотя и те, которые выходят таким образом, показывают, что больной страдает какою-либо болью или находится в бреду, если только не испускает ветров по своей воле. Но боли в подреберье и опухоли свежие и без воспаления разрешаются бурчанием, происходящим около подреберья, в особенности если оно выйдет вместе с калом и мочой; если же нет, то и само по себе происходящее бурчание полезно; полезно также, когда оно нисходит к нижним местам.

12. Моча наилучшая есть та, в которой во все время, пока болезнь не получит кризиса, образуется белый, гладкий и однообразный осадок, ибо это означает безопасность и то, что болезнь будет короткою. Но если она показывает перемену, и иногда выходит моча чистая, а иногда в ней также белый, гладкий и однородный осадок, то болезнь делается более продолжительною и менее безопасною. Но если моча красноватая и осадок красноватый и гладкий, то такая болезнь бывает гораздо продолжительнее, чем первая, но, однако, весьма спасительна. Оседания в моче мучнистые—дурной знак; еще хуже похожие на лепестки. Белые и тонкие весьма худы, а еще хуже их—похожие на отруби. Облачка, которые носятся по моче, белые—хороши, а черные—худы. До тех пор, пока моча будет тонкой и красной, это по-

казывает, что болезнь еще сырая (не сварилась), но если такая моча продолжится дольше, то есть опасность, что больной не сможет выдержать, пока болезнь сварится. Но гибельнее всех моча вонючая и водянистая, черная и густая; для мужчин и женщин самая худшая—черная, а для детей—водянистая. Кто испускает тонкую и сырую мочу в продолжение долгого времени, то, хотя другие признаки указывают на выздоровление, у тех абсцесс[2] должен ожидаться у мест внутри грудобрюшной преграды. Так же точно должно осуждать жирные материи, плавающие сверху и похожие на паутинную ткань, ибо это показывает разжижение. В той же моче, которая имеет облачка, полезно обращать внимание, носятся ли они вверху или внизу и какой именно имеют цвет, и те, которые носятся внизу, с окрасками, о которых сказано, что они хороши, должно хвалить, и те, которые носятся вверху с окрасками, указанными как плохие, осуждать. И пусть не обманывает тебя мочевой пузырь, пораженный какою-либо болезнью, если он будет давать подобного рода мочу, ибо он есть показатель не всего тела, а только самого себя.

13. Рвота—самая полезная та, которая имеет желчь, как можно более смешанную со слизью, и если не будет слишком густа и обильна: не перемешанная—хуже. Если же выбрасываемое рвотой имеет цвет зеленого лука или если будет синевато-серым или черным, то всякий из таких цветов в отдельности должно считать дурным. Но если в одной и той же рвоте все эти цвета выбрасываются, то это уже весьма гибельно. Синеватая рвота, если тяжело пахнет, возвещает самую скорую смерть, ибо все гнилые и тяжелые запахи во всех рвотах—худы.

14. Во всех болезнях легких и плевры полезно, если мокрота отходит скоро и легко и если к мокроте весьма обильно примешана желтизна, ибо если светло-желтое или красное появляется гораздо позже после

начала болезни и если при этом возбуждается большой кашель и выплевывается мокрота не весьма смешанная, то это хуже. Именно желтая мокрота, если будет чистой, свидетельствует, что опасность подходит; белая же, клейкая и круглая—безвредны. Нехороша также очень зеленая мокрота, а также пенящаяся а если она до того будет несмешанной, что даже покажется черной, то это еще хуже предыдущих случаев. Худо также, когда ничего не очищается, и когда легкое ничего не выбрасывает, но по причине скопления происходит клокотание в горле. Но при воспалениях легких, если в начале болезни отделяется мокрота желтая, немного смешанная с кровью, то это очень благоприятно. На седьмой же день и позже не настолько безопасно. Все те мокроты худы, которые не успокаивают боли, наихуже же черные, как прежде написано; но из всех тех, которые выделяются, наилучшие те, которые успокаивают боль. Во всех болезнях легкого насморки и чихания предшествующие и последующие—плохой признак. Но в прочих, наиболее смертоносных, болезнях чихания полезны.

15. Должно знать, что те боли в этих местах (в груди), которые не успокаиваются ни через очищение мокрот, ни через обильное испражнение, ни через кровопускание, ни через лекарства очистительные, ни через диэту, ведут к нагноению. Из нагноений же весьма губительны те, которые нагнаиваются в то время, когда еще существует желчная мокрота, выплевывается ли это желчное выделение отдельно или вместе с гноем; в особенности, если нагноение начнет происходить после выделения такого рода, когда болезнь достигнет до 7-го дня. Кто отхаркивает такую мокроту, есть опасность, что он умрет на 14-й день, если не случится что-нибудь хорошее. В числе хороших признаков считаются следующие: если больной легко выдерживает бо-

лезнь, хорошо дышит, если боль облегчается, мокрота выкашливается без труда, если тело представляется равномерно теплым и мягким и нет жажды, если моча, испражнение и пот являются каждое в отдельности в таком благоприятном виде, как это описано раньше, ибо, когда все эти признаки сойдутся вместе, больной не умрет. Но если из них только некоторые случаются, а другие нет, то больной будет продолжать жизнь не долее 14-го дня. Дурные признаки противоположны предыдущим: если больной трудно переносит болезнь, большое и частое дыхание, если боль не успокаивается, мокрота откашливается с трудом, присутствие сильной жажды, тело неравномерно охватывается лихорадкой, желудок и бока горячи, тогда как лоб, руки и ноги холодны; моча, испражнения, сон и пот все плохие, как было описано, ибо если что из всего этого присоединится к указанной мокроте, то больной умрет прежде, чем достигнет 14-го дня на десятый или одиннадцатый день. Так должно заключать на том основании, что эта мокрота весьма гибельна и не додерживает даже до 14-го дня. Вот, сопоставляя эти как хорошие, так и дурные явления, должно делать предсказания, ибо таким образом всякий наилучше достигнет истины. Прочие нагноения в большинстве случаев прорываются частью на 20-й день, частью на 30-й, некоторые на 40-й, а иные доходят даже до 60-го дня.

16. Начало нагноения можно подозревать, принявши в расчет тот день, когда больной в первый раз залихорадит или когда у него сделается озноб и когда он скажет, что у него вместо боли сделалась тяжесть в том месте, которое поражалось болью; таковы обыкновенно бывают начала нагноений. Начиная с этого времени и следует ожидать прорыва гноя в продолжение указанных сроков. Если же эмпиема будет только в одном боку, тогда следует

поворачивать больного и узнавать при этом, имеется ли боль в боку, и если один бок будет теплее другого, то спрашивать больного, когда он ляжет на здоровый бок, не кажется ли ему, что у него сверху наложена тяжесть. Если это будет, то эмпиема имеется в том боку, на который давит тяжесть.

17. Но всех эмпиематиков должно распознавать по таким признакам: прежде всего лихорадка не оставляет, но днем легче, а ночью усиливается и появляются обильные поты; у больных большой позыв кашлять, но, однако, ничего не отхаркивается достойного внимания; глаза делаются впалыми, щеки становятся красными; ногти на руках искривляются, пальцы и в особенности кончики их горячие; на ногах делаются и исчезают отеки; больные совсем не имеют позыва к пище, и на всем теле появляются гнойнички. Итак, вот какими признаками проявляются продолжительные нагноения, и им должно придавать большую веру. Те же нагноения, которые длятся короткое время, распознаются, если появится какой-либо из тех признаков, которые бывают при начале, и вместе с тем, если больной будет дышать слишком тяжело. Но какие из них прорываются скорее, а какие медленнее, можно распознать так: если сначала будет боль и тяжесть дыхания, кашель, отделение мокроты будут продолжаться, то следует ожидать прорыва в течение 20 дней или еще и раньше. Но если боль будет слабее и соответственно этому все прочее, то ожидай прорыва медленного. Но необходимо, чтобы прежде прорыва нагноения появилась боль, трудность дыхания и выделение мокроты. Остаются в живых после болезни скорее всего те, которых лихорадка оставляет в тот же день после прорыва, которые скоро пожелают пищи и освободятся от жажды, у которых желудок выбрасывает извержения малые и сгущенные; если гной будет белым, гладким и одноцветным, свободным

от мокроты, и если выводится без боли и сильного кашля. Вот так именно наилучше и наискорее освобождаются от болезни; если же не так, то те, которые наиболее подходят ко всему этому. Умирают же те, которых лихорадка не оставляет, или когда, повидимому, оставивши, опять воспламеняется; которых беспокоит жажда, а к пище нет позыва; если желудок выбрасывает жидкое и если выплевывается гной зеленобледный, синеватый, сильно смешанный с мокротой и пенистый. У кого все это случается, те умирают, но у кого одни из этих признаков имеются, а другие нет, из таких некоторые, конечно, умирают, а другие остаются в живых в продолжение даже длинного промежутка времени. Но ты делай заключение на основании всех существующих признаков как в этих последних случаях, так и в прочих всех.

18. У кого после болезней легких появляются абсцессы около ушей и обращаются в гной или же открываются в нижних местах вследствие сделавшейся фистулы, такие выздоравливают. Но здесь надо обращать внимание на следующее: если лихорадка удерживается, боль не успокаивается, мокрота не выходит по должному расчету, испражнения не желчны, нелегко вытекают и без примесей, и моча не очень густа и не имеет обильного осадка, и в пользу больного говорят и все прочие признаки, то ожидай, что в таких случаях будут абсцессы подобного рода. И одни из них являются в местах низших у тех, у кого около подреберья есть некоторое воспаление, а другие в верхних, если у кого подреберье—мягкое и остается безболезненным и затруднение дыхания, бывшее некоторое время без всякой другой видимой причины, прекращается. Абсцессы на ногах при сильных и близких к опасности воспалениях легких все весьма полезны, но лучше всех те, которые возникают, когда мокрота подвергается изменению.

В самом деле, если опухоль и боль возникнут тогда, когда мокрота вместо желтой становится гноевидной и выделяется наружу, то этим способом и больной наверняка останется жив, и весьма скоро абсцесс прекратится без боли. Но если и мокрота не выделяется правильно, и моча представляется не имеющею хорошего осадка, тогда есть опасность, что сустав станет хромым и доставит много забот. Если же исчезнут абсцессы, причем мокрота не выходит и лихорадка держится, то больному угрожает опасность бреда и смерти. Из страдающих нагноениями, которые возбуждены болезнями легких, умирают большею частью старики, а от прочих нагноений больше гибнут молодые.

19. Но боли в пояснице и в нижних частях живота, поражающие вместе с лихорадкой, если, оставивши нижние части, перейдут к грудобрюшной преграде, весьма гибельны. Поэтому врачу должно обращать внимание и на остальные признаки, потому что если какой дурной признак появится из прочих, то человек этот безнадежен. Если же, напротив, во время направления болезни к грудобрюшной преграде, остальные признаки не покажутся дурными, то есть большая надежда, что будет нагноение. Мочевые пузыри, твердые и болезненные, все угрожают опасностью, в особенности же гибельны они, если бывают с постоянною лихорадкою, ибо и страдания самих мочевых пузырей достаточны для причинения смерти, да и желудки при них не выделяют ничего, кроме чего-то твердого, и путем принуждения. Разрешение дает выделение гнойной мочи с белым и гладким осадком. Если же моча вовсе не испускается и мочевой пузырь не делается мягким, но будет постоянная лихорадка, то должно ожидать, что больной умрет в продолжение первых периодов болезни. Этой же формой больше всего страдают мальчики, начиная с 7 лет, пока не дойдут до 15-летнего возраста.

20. Кризисы лихорадок исчисляются тем же самым числом дней, с какого и начинают выздоравливать, и умирают люди. Именно и самые слабые лихорадки, и те, которые проявляются при самых безопасных признаках, прекращаются на четвертый день или раньше. Наиболее же злые и те, которые бывают с самыми тяжелыми признаками, убивают на четвертый день или раньше. Таким образом заканчивается первый приступ их, второй доходит до 7-го дня, третий до 11-го, четвертый до 14-го, пятый до 17-го, шестой до 20-го. Итак, эти периоды болезней наиболее острых, прибавляя 4-й день, оканчиваются на 20-й. И ни одного из них нельзя точно высчитать целыми днями; ведь и самый год, и месяцы не могут быть высчитаны точно целыми днями. После этого по тому же расчету и в той же прогрессии первый период состоит из 34 дней, второй из 40, третий из 60. Но в начале этих болезней весьма трудно распознать те, которые должны разрешиться на продолжительном пространстве времени, потому что начала их весьма схожи. Но с самого первого дня должно обращать внимание и, сообразно с прибавкою каждого четвертого числа, наблюдать, и тогда не скроется, куда именно обращается болезнь. Появление четвертичных лихорадок происходит тем же порядком. Но те болезни, которые должны разрешиться в более короткий промежуток времени, легче распознаются, так как сначала весьма между собою различаются, ибо те больные, которые выздоровеют, дышат легко, свободны от боли, ночью спят и остальные признаки имеют самые безопасные, а которые погибнут, мучатся трудностью дыхания, бредят, не спят и имеют прочие самые дурные признаки. Предусматривая все это, следует делать заключение относительно направления болезней к кризису как на основании времени, так и на основании всякой прибавки. По тому же самому расчету и у женщин

после родов бывают кризисы. Но если у кого лихорадки перестают, между тем как не появляются ни признаки разрешения, ни дни кризисов, то у таких должно ожидать возвращения болезни.

21. Боли в голове, сильные и непрерывные, с лихорадкой, с прибавкой какого-либо из смертельных признаков, весьма пагубны. Но если боль перейдет за 20-й день, без подобного рода признаков, и лихорадка удерживается, то должно ожидать истечения крови из носа или какого-либо абсцесса в нижних местах. Но пока боль будет недавнею, следует ожидать истечения крови или нагноения, в особенности же если боль имеется около висков и лба. Но истечение крови скорее следует ожидать у тех, которые еще не достигли 35-летнего возраста; у более старых—нагноение.

22. Боль уха острая, с непрерывной и сильной лихорадкой,—ужасна, ибо приносит больному опасность бредового состояния и смерти. Поэтому, так как этот род болезни опасен, должно с первого дня пристально обращать внимание на все признаки. Умирают же от этой болезни молодые люди на седьмой день или даже скорее, а старые гораздо медленнее, ибо у них меньше являются и лихорадки и бреды и по этой причине в ушах успевает образоваться нагноение. Но в этих возрастах наступающие возвращения болезни убивают весьма многих; молодые же умирают прежде, чем ухо получит нагноение. Но если из уха потечет гной белый, то есть надежда, что молодой человек останется жив, если к этому прибавится какой другой хороший признак.

23. Изъязвление глотки вместе с лихорадкой предвещает нечто тяжелое. Но если при этом будет также и другой признак из тех, которые мы прежде определили дурными, то должно возвестить, что больной находится в опасности. Та ангина есть самая тяжелая и весьма скоро убивает, которая не дает ничего ви-

деть ни в горле, ни на шее, но причиняет весьма большую боль и затруднение дыхания. Эта ангина задушивает даже в тот же самый день и во второй, третий и четвертый. Но та ангина, которая во всем прочем похожа и причиняет одинаковую боль, но производит опухоль и красноту в горле, хотя весьма гибельна, однако, продолжительнее первой; а когда краснота охватывает не только глотку, но и шею, от нее в особенности выздоравливают, если краснота удерживается на шее и на груди и не возвращается внутрь. Если же краснота не исчезает в критические дни, а нарыв не стягивается к внешнему месту и гной не выбрасывается с кашлем легко и без боли, то это показывает смерть или возвращение болезни. Но безопаснее бывает, когда опухоль и краснота как можно больше выходят наружу. Если же она обратится к легкому, то возбуждает безумие, и большинство таких больных получает нагноение. [Язычок в горле, пока он красен и опухший, опасно рассекать или прокалывать, ибо за этим следуют воспаления и истечения крови. Но должно пробовать уменьшить его в это время другими приемами. Когда же то, что называют виноградиной, уже будет отделено и самая верхняя часть язычка сделается большой и округленной, а верхняя тоньше, в это время безопасно приступать к операции. Лучше пользоваться хирургией, когда освободишь желудок, если только позволяет время и больной не задушится.] [3]

24. У кого лихорадки прекращаются без признаков разрешения болезни и не в критические дни, следует ожидать рецидива. Если какая-нибудь лихорадка затягивается у больного, расположенного к выздоровлению, причем нет заметной боли ни от воспаления, ни от какой-нибудь другой причины, в таком случае должно ожидать абсцесса с опухолью и болью при каком-либо суставе, и наиболее в нижних частях. Однако подобного рода абсцессы обыкновенно

чаще и в более короткое время случаются у тех, которые не достигли еще 30 лет. Но должно подозревать абсцесс тотчас, если лихорадка держится долее 20-го дня. У более же старых меньше случается это, так как лихорадка у них обыкновенно бывает продолжительнее. Такого же рода абсцессы следует ожидать, если лихорадка будет непрерывна; но когда она будет перемежающаяся и будет схватывать неправильным способом и таким образом дойдет до осени, то абсцесс должен установиться в лихорадку четверодневную. Подобно тому, как абсцессы являются у тех, которым меньше 30 лет, так и четырехдневные лихорадки чаще у людей 30-летнего возраста или у старейших. Следует знать, что абсцессы чаще случаются зимою, длятся дольше и меньше возвращаются. Кто при лихорадке несмертельной скажет, что болит голова или нечто темное носится перед глазами, или если присоединится к этому и боль в желудке, то будет желчная рвота. Но если также поднимается озноб и нижние части подреберья станут холодными, то еще скорее наступит рвота. Если же под это время больной выпьет что-либо или съест, то все это скорейшим образом выбрасывается рвотою. У кого в первый день начнется болезнь, те на 4-й и на 5-й день наиболее мучаются, а на 7-й день выздоравливают. Большинство, однако, начинает болеть на третий день, наиболее же страдают в 5-й, но в 9-й или 11-й освобождаются от болезни. Но у тех, которые начнут страдать от боли на 5-й день, если по расчету все остальное соответствует предыдущему, болезнь получает кризис к 14-му дню. Случается это у мужчин и у женщин в особенности при трехдневных лихорадках; у более же молодых—как при этих последних, так даже более при лихорадках непрерывных и правильных трехдневных лихорадках. Но если у кого во время лихорадки этого рода болит голова и, вместо темноты, являющейся перед глазами, делается

слепота, или представляется вращение сверкающих блесток, а вместо боли в желудке является в правой или левой стороне подреберья некоторое напряжение без боли и без воспаления, то у таких вместо рвоты должно ждать кровотечения из носа. Однако и в этом случае скорееe можно ждать кровотечения у молодых; у тех же, которые достигли 30 лет и немного старее, ожидай рвот. У детей случаются конвульсии, если лихорадка будет острая, желудок не действует, если они не спят, пугаются, постоянно плачут и цвет лица меняется: становится бледно-зеленым, синеватым или красным. Но все это случается весьма легко у детей самых малых, до 7-го года. Старшие же дети и мужчины уже не схватываются конвульсиями при лихорадках, если только не будет какого-либо весьма сильного и весьма дурного признака, каковые обыкновенно бывают при френитах. Относительно же того, выздоровеют ли или умрут как дети, так и прочие, следует заключать на основании всех признаков, как об этом в каждом отдельном случае описано выше. Все это говорится мною о болезнях острых и о тех, которые от них являются.

25. Но кто захочет правильно предузнать имеющих выздороветь от болезни и имеющих умереть, и у каких больных болезнь будет продолжаться больше дней, а у каких—меньше, тот должен, изучивши все признаки и сравнивши силы их между собою, разумно взвесить их, как это описано относительно других различных видов мочи и мокроты, когда, например, с кашлем будут выброшены вместе и гной, и желчь. Следует также быстро разбираться в движении всегда существующих эпидемических болезней и в состоянии времен года. Твердо следует знать относительно свидетельств и признаков, что во всяком году и во всякое время года дурные признаки возвещают дурное, а добрые—доброе, так как и в

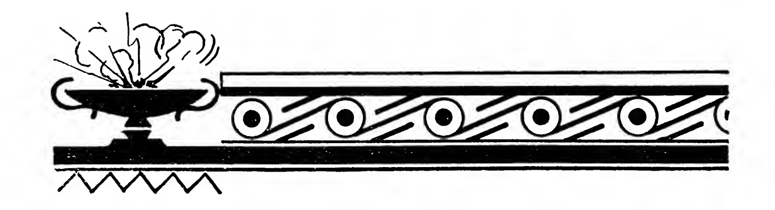
Ливии, и на Делосе, и в Скифии вышесказанные признаки представляются истинными [4]. Поэтому должно хорошо помнить, что нельзя встретить в этих самых странах что-либо опасное, кроме весьма многих из этих признаков, если только, изучивши их, уметь правильно разбирать и взвешивать их. Не следует спрашивать названия ни одной болезни, которое здесь не будет написано, ибо все те болезни, которые имеют кризис в вышесказанные времена, ты узнаешь на основании тех же самых признаков.

1. Фраза «а вместе с тем, если есть что в болезнях божественного» в последнем издании Кюлевейна заключена в скобки, как подозрительная, хотя она имеется во всех рукописях. Дело в том, что она во все времена вызывала недоумение и длинные рассуждения комментаторов, так как противоречит определенным высказываниям Гиппократа (в книге «О воздухах, водах и местностях», «О священной болезни») против чего-либо божественного в болезнях. Эрмеринс, которому принадлежит одно из изданий Гиппократа в XIX в., на основании одной этой фразы считал возможным отрицать принадлежность этой книги Гиппократу, что вызвало отповедь Кюлевейна (I, 75). Может быть, конечно, что Гиппократ придавал слову θεῖον несколько иное значение, чем «вызванное богами», и разумел неведомые природные и атмосферические влияния, как думали некоторые.

2. Словом «абсцесс» здесь, как и в других местах, переводится греч. ἀπόστασις,—отложение веществ, инфильтрат; когда в нем образуется гной, он переходит в нагноение— эмпиему, ἐμπύημα.

3. Конец 23-й главы заключен в скобки по предложению Эрмеринса. Он действительно не совсем гармонирует с остальным текстом в том отношении, что здесь дело идет о хирургическом вмешательстве.

4. Поскольку можно судить по этому и другим сочинениям, Гиппократ бывал в Афинах, Фессалии, в Абдере, на остр. Фасосе, Делосе, в Малой Азии, странах около Черного моря, Скифии, Колхиде, Ливии и Египте.



ЭПИДЕМИИ

1-я и 3-я книга «Эпидемий» из семи, имеющихся в Сборнике (Ἐπιδημιῶν βιβλία ἑπτά, Epidemiorum libri VII), по единогласному отзыву комментаторов древности, от Бакхия до Галена, принадлежат самому Гиппократу. В пользу этого говорит также их близкая связь с «Прогностикой» и с основными идеями книги «О воздухах, водах и местностях». В «Эпидемиях» дело идет не о заразных болезнях, как можно было бы думать по названию — только в 3-й книге описана одна подобная эпидемия рожи, а о болезнях эндемических, главным образом, болотных лихорадках в связи с состоянием погоды. В 1-й книге описываются три ряда наблюдений, произведенных на острове Фасосе в течение трех лет. Сначала описывается состояние погоды по временам года: ветры, дожди, жара и т. д., затем какие болезни наблюдались в каждое время года, с каким течением и исходом. После этого несколько глав посвящено общим замечаниям прогностического характера, касающихся описанных болезней, и в заключение приводятся истории болезней 14 больных; из них 7—со смертельным исходом. 3-я книга прямо начинается с историй болезни подобных же лихорадочных больных, числом 12, из которых 9 умерло. Затем идет новое «Состояние погоды» с прибавле-

нием слова «заразительное» (позднейшая прибавка), и описываются болезни, происходившие в этот год, особенно подробно эпидемия рожи септического характера. Где это происходило, не отмечено, но можно предполагать, что на том же острове Фасосе. Конец книги занимают опять истории болезней 16 больных, главным образом, с жгучими лихорадками и френитами. Здесь среди больных с острова Фасоса идут больные из Лариссы, Абдер и других городов, и самый стиль описаний немного не тот, что в прежних сериях: там изложение идет отрывистым телеграфным стилем, здесь—более связное, с большим количеством слов, хотя по духу то же самое и несомненно того же автора.

Тесная связь 1-й и 3-й книги «Эпидемий» ясна; с другой стороны, несомненно, что материал в них перетасован. Попытка восстановить логический порядок была сделана Демаром (Desmars), и она вполне приемлема, но Литтре совершенно резонно говорит, что нарушать в изданиях порядок текста, существующий со времен Александрийской библиотеки, было бы произволом. Он только советует читать обе книги в таком порядке: сначала 4 состояния погоды, одно за другим, затем вставочные главы общего характера и под конец все 42 истории болезней без перерыва.

Долгое время описанные в «Эпидемиях» острые болезни пытались сопоставлять с известными в Европе формами, например, различными тифозными состояниями, но Литтре в обширном исследовании показал, что это неправильно. Таких болезней, как на Фасосе, в Париже не было и нет, но они до сих пор все существуют в южных странах в виде тропических лихорадок с таким же бурным течением и летальными исходами. Он доказал это путем тщательного сопоставления с «Эпидемиями» ряда сочинений французских и английских врачей о болезнях жарких стран; среди них был и отчет врача французского экспедиционного корпуса в Морее в 1828 г.

Большое количество смертельных исходов—25 на 42 больных—всегда поражало читателей. Асклепиад (I в. до н. э.), основатель методической школы, называл иронически «Эпидемии» «размышлением о смерти». Конечно, Гиппократ выбирал тяжелые случаи, может быть, для лучшей иллюстрации к своей прогностике. Во всяком случае исцелителем он себя не выставлял, и это говорит об его действительной серьезности. Удивляло также многих отсутствие в историях болезней указаний на лечение: как будто врач только смотрел и регистрировал, а помощи не оказывал. Линк так и смотрит на автора «Эпидемий», как на человека, «который является превосходным наблюдателем, но оставляет умирать своих

больных, ничего им не предписывая», а в другом месте он называет «Эпидемии» произведением не врача, а натуралиста. Что Гиппократ своих больных лечил, это несомненно, иначе его и звать бы не стали, и на это, кроме того, имеются в разных местах отдельные указания (промывательные, свечки, кровопускание, припарки, обливания головы), но в целом, конечно, он не касался в этой книге терапии, и отдельные терапевтические указания всегда стоят в связи с изложением течения болезни. Но, ведь, режим при острых болезнях был изложен им в особом сочинении, а диэта в этих случаях составляла главное. Далее следовали очистительные средства и клизмы. Относительно кровопусканий из отрывков 2-й части «Диэты» известно, что они постоянно применялись, но только в первые дни болезни.

Остальные книги «Эпидемий» не представляют собой целых произведений, а собрания отдельных заметок и историй болезней, иногда очень коротких. Больные здесь фигурируют из разных местностей, главным образом, Фессалии, но попадаются, например, из Афин и Евбеи. Книги 2, 4, 6 Гален приписывал Фессалу, сыну Гиппократа; 5 книгу позднейшего происхождения—Гиппократу IV, сыну Дракона; книгу 7 относят ко времени Филиппа II Македонского. Впрочем, ничего определенного в этом отношении сказать нельзя, и, например, книгу 6 Эроциан в древности приписывал самому Гиппократу. Вероятно только, что все они происходят из одной врачебной семьи.

Литература: у Л и т т р е, II и III, в предисловиях Ф у к с а (Puschm. Gesch., I, 233) и у К о в н е р а.

КНИГА 1

ПЕРВЫЙ ОТДЕЛ

ПЕРВОЕ СОСТОЯНИЕ (ПОГОДЫ)

А острове Фасосе[1] к осени, около равноденствия и во время восхождения Плеяд[2], были многие непрерывные и тихие дожди при южных ветрах. Зима южная; малые дуновения северных ветров, сухость; в целом зима была похожа на весну. Весна также южная, холодная, имевшая небольшие дожди. Лето в большей части облачное, при отсутствии дождей. Этезии дули мало, легко и разрозненно. Итак, при южном направлении погоды в целом вместе с сухостью, когда в начале весеннего времени состояние атмосферы сделалось почти противоположным и северным, у некоторых появились жгучие лихорадки[3] с весьма легким течением, причем у немногих только были кровотечения из носа и никто из больных не умер. Но у многих стали появляться опухоли около ушей (заушницы) на одной стороне и на двух; большинство переносило их без лихорадки и на ногах; некоторые, однако, немного чувствовали жар. У всех без вреда эти опухоли разошлись и ни у кого не произвели нагноений, подобных тем, которые происходят от других причин. По виду они были мягкие, большие, разлитые, без воспаления и боли; у всех исчезли постепенно и без всякого следа. Возникали они у подростков,

юношей и у людей цветущего возраста и из последних наибольше у тех, которые упражнялись в борьбе и гимнастике; но у женщин случались у немногих. У большинства больных кашель сухой: кашляют и ничего не выделяют; голос хриплый. Вскоре (а у некоторых после известного промежутка времени) появились воспаления с болью в яичке с одной стороны, а у некоторых и в обоих. Одни лихорадили; другие нет. Большинство переносило это очень тяжело. От всего прочего, что требует лечебницы, жители были свободны.

2. С начала летнего времени в течение всего лета и даже зимой многие из тех, которые уже долгое время изнурялись чахоткой, слегли, причем у многих, еще сомнительных, она оказалась явною. Были такие, у которых чахотка началась тогда впервые,— именно те, которые имеют природу, расположенную к чахотке. Из этих многие (и даже весьма многие) погибли; и я не знаю, оставался ли кто в живых из слегших даже в продолжение короткого времени; напротив, они погибли скорее, чем обыкновенно бывает в таких болезнях, в особенности, когда другие болезни, более продолжительные и соединенные с лихорадками, они переносили и не умирали, о каковых болезнях будет писано немного спустя. Действительно, чахотка—это была единственная и самая тяжелая из господствовавших в то время болезней, которая убила многих людей. У весьма многих из них были налицо такого рода страдания: лихорадки с дрожью от озноба, постоянные и острые, вообще не перестающие; их характер был полутрехдневный: один день они были легче, а на другой усиливались, в целом с возрастающим ожесточением. Пот постоянный, но не по всему телу; больше охлаждение конечностей, которые с трудом согревались. Расстройство желудка; испражнения желчные, скудные, несмешанные[4], тонкие, едкие; больные часто вставали для

этого. Моча—или тонкая, сырая, бесцветная и в небольшом количестве, или густая и нехорошего состояния, но с каким-то сырым и неблаговременным осадком. Во время кашля больные выплевывали немногое, густое, несваренное, понемножку и отхаркивали с трудом. У больных, которые наиболее сильно поражались, не было и малого даже сварения, но они до конца выплевывали сырое. У весьма многих из них с начала до конца болело горло, обнаруживая красноту и воспаление; небольшие истечения, тонкие и острые; больные скоро таяли и изнурялись, постоянно отказывались от всякой пищи, не ощущали жажды, и многие, при приближении смерти, заговаривались. Это следует сказать о течении чахоток.

3. Уже к лету и осени стало появляться много непрерывных[5] лихорадок, несильных, но с длительным и во всем прочем нетяжелым течением, ибо у большинства желудки были расстроены легко и никакого вреда, достойного упоминания, не принесли; моча у большинства была хорошего цвета и чистая, но тонкая и такая, которая сваривалась только во время кризиса. Кашляли не сильно; отхаркивали без труда; от пищи не отказывались, но даже возможно было давать им ее больше. В общем переносили болезнь не по образцу чахоточных, но с лихорадочными ознобами; слегка потели; лихорадки имели приступы, непостоянные и блуждающие (и не переставали совсем, но ожесточались наподобие лихорадок трехдневных). У кого были наиболее краткие болезни, те разрешались кризисом к 20-му дню; у большинства же к 40-му, а у некоторых даже к 80-му. Бывало даже и не так, но у некоторых они переставали блуждающим образом, без какого-либо кризиса. У таких в большинстве случаев лихорадки спустя некоторое время возвращались назад и разрешались наконец в те же самые периоды; у многих из них они так долго тянулись, что они болели даже до зимы. Но

из всех тех, которые описаны в этом состоянии, только у чахоточных были смертельные исходы; все прочие переносили болезнь легко, и в прочих лихорадках смертные случаи никогда не встречались.

ВТОРОЙ ОТДЕЛ

ВТОРОЕ СОСТОЯНИЕ (ПОГОДЫ)

4. В начале осени на острове Фасосе бури не по времени, но внезапные, с сильными северными и южными ветрами и большими ливнями. И все это происходило даже до времени захождения Плеяд[6] и во время самых Плеяд. Зима северная; дожди частые, сильные, большие; снега; в промежутках по большей части ясное небо. При всем этом холода не наступили раньше положенного времени. Но уже после зимнего солнцестояния, и в то время, когда начинает дуть западный ветер в конце зимы, были великие холода, частые северные ветры, постоянно снег и дожди; небо бурное и облачное. Все это продолжалось и не переставало до равноденствия. Весна холодная, северная, дождливая и облачная; лето настало не особенно жаркое: этезии[7] дули непрерывно. Но скоро, около времени восхождения Арктура[8], вместе с северными ветрами снова большие дожди, опять многие воды. Хотя весь год был влажный, холодный и северный, зимой большинство чувствовало себя здоровыми, но в начале весны многие и даже большинство постоянно болели. Прежде всего начались катаральные болезни глаз, болезненные, с несваренным выделением; на глазах небольшие гнойные корочки, у многих с трудом отделявшиеся; в большинстве случаев рецидивы; окончились поздно: только к осени. В продолжение лета и осени болели дизентерией, тенезмами и лиентерией[9]. А также диарреи желчного характера с большим количеством

тонких, сырых и едких извержений; у некоторых и водянистые. У многих также случались обильные, но без боли истечения (через мочевые пути), желчные, водянистые, оскребочные, гнойные, с затруднением мочи, характера не нефритического, но потому, что у них одни признаки выступали вместо других. Были рвоты слизистые, желчные и выведения непереваренных кушаний; поты и у всех отовсюду обильная влага. Многие все это переносили на ногах и без лихорадок; у многих также были и лихорадки, о чем скоро будет написано. У которых же все вышеописанное замечалось, те много страдали и чахли. Но уже осенью и под зиму появились постоянные лихорадки; у некоторых жгучие, дневные, ночные, полутрехдневные, правильные трехдневные, четырехдневные, блуждающие, и каждая из перечисленных лихорадок появлялась у весьма многих. Итак, жгучие лихорадки случались у весьма немнóгих, и эти из болящих наименьше страдали, ибо и кровь из носа не текла, разве только в небольшом количестве у немногих, и они не бредили; и все прочее протекало легко. Разрешение наступало у них вполне правильно; у большинства в продолжение 17 дней, и я не знаю, умер ли кто-нибудь тогда от жгучей лихорадки; френита в то время не было[10]. Но трехдневных лихорадок было больше, чем жгучих, и они были труднее; у всех этих больных они правильно проходили от первого приступа до 4 периодов; в семь периодов они имели окончательный кризис, и ни у одного из больных не возвращались. Четырехдневные же лихорадки с самого начала у многих являлись с точным характером 4-дневной лихорадки; а у некоторых, немалого количества, 4-дневные лихорадки возникали из других лихорадок и болезней путем отложения веществ, и у таковых они были продолжительны, как обыкновенно, и иногда даже еще продолжительнее. Ежедневных же лихорадок,

ночных и блуждающих, у многих было много, и они долго продолжались, причем больные были и на ногах, и в постели; весьма многих из них лихорадки сопровождали во время Плеяд и даже до зимы. Конвульсии[11] у многих, в особенности у детей, появлялись с самого начала, а после лихорадочное состояние, а то за лихорадками следовали конвульсии, и было это все у многих продолжительно, однако безвредно, разве если у кого все прочее не приносило гибели. Но непрерывные лихорадки и вообще те, которые нисколько не перемежались, но обострялись у всех по образцу 3-дневных, один день более легкие, другой—более сильные, из всех тогда случавшихся были самые жестокие, продолжительные и трудные; сначала легкие, а потом, непрерывно возрастая, в критические дни обостряясь и вызывая ухудшение, они немного ослабевали, но скоро после перемежки сильнее ожесточались и в критические дни чаще всего сильно мучили. При всех лихорадках случались беспорядочные и неправильные ознобы; у этих больных меньше и реже, но в прочих лихорадках больше. Частые поты у этих больных были весьма невелики и нисколько не облегчали, но, напротив, приносили вред. Сильное охлаждение конечностей, которые с трудом разогревались. Вообще, все страдали бессонницей, но эти больше всех, а затем сонливостью. Желудки у всех были расстроены и худо действовали, а у этих далеко хуже. У большинства из них моча была тонкая, сырая и бесцветная и после некоторого промежутка несколько сваренная, как при кризисе, или же отличалась густотою, нисколько не имея ни облачков, ни осадка, или же осадок был в небольшом количестве дурного качества и сырой; последнее было хуже всего. Кашли были спутниками лихорадок, но не могу сказать, какую пользу или какой вред принес тогда кашель. Итак, эти болезни были продолжительные и трудные,

протекали весьма беспорядочно, блуждающим образом, и весьма многие из них оставались без кризиса, как у тех больных, которые находились в опасном положении, так и у тех, у кого опасности не было. Если у кого-нибудь они несколько переставали, то вскоре опять возвращались. Были случаи у немногих, когда они разрешались в кратчайшее время к 80-му дню, но у некоторых из них они повторялись так, что весьма многие из них болели даже зимой. Большинство же они оставляли без кризиса. И все это случалось одинаково как у тех, которые оставались в живых, так и у тех, которые умирали. Хотя много разнообразия было в этих болезнях при отсутствии кризиса, но наибольший и самый худой признак, преследовавший большинство до конца, был тот, что больные отвергали всякую пищу, в особенности те, у которых и все прочее состояние было опасно. Жажды при этих лихорадках сильной и неблаговременной не было. После долгого промежутка времени, многих страданий и сильного истощения тела наступали у таких больных отложения влаг [12], или слишком большие, чтобы их можно было перенести, или слишком малые, чтобы они могли принести какую-либо пользу, но такие, которые тотчас возвращались внутрь и вызывали ухудшение. У таких больных наступали дизентерические явления, тенезмы, лиентерии и жидкие поносы; у некоторых и водянки, с явлениями подобного рода или без них. Что из всего этого проявлялось в сильной степени, то быстро изнуряло больного или же опять направлялось к тому, что не приносило никакой пользы. Появлялись небольшие высыпи, которые и не довольно соответствовали размеру этих болезней, и скоро снова исчезали, или же опухоли ушей, которые тотчас проходили и не имели никакого значения. Появлялись у некоторых больных отложения в сочленениях и преимущественно в бедреном; у не-

многих они во время кризиса проходили и скоро опять достигали прежнего состояния. Умирали от всякого рода болезней, но в наибольшем количестве от этих. Среди них дети, уже отнятые от груди, и старше: 8-летние, 10-летние и еще не достигшие зрелости. Все это у них случалось не без вышеописанных признаков, а у многих случалось вышеописанное без этих последних признаков. Только одно оказалось полезным и из всех наиболее спасительным признаком, который даже многих освободил от грозящей величайшей опасности,—это у кого все дело обращалось к затруднению мочи и в этом месте делались отложения [13]. Случалось же, что затруднение мочи делалось в особенности в указанных выше возрастах: оно делалось также и у многих других, которые оставались на ногах, а также и у страдающих болезнью. У таких являлась какая-то быстрая и великая перемена всего. Именно, если желудки были расстроены самым зловредным способом, то они тотчас сгущались и охотно принимали всякую еду, и лихорадки после этого становились слабее. Но все то, что относилось к задержке мочи, это у них оказывалось продолжительным и трудным. Моча же отделялась у них обильная, густая, разнообразная и красная, отчасти гнойная, с болью. Но они все остались в живых, и я не знаю, чтобы кто-либо из них погиб.

5 [14]. В опасных случаях должно наблюдать все созревания тех материй, которые отовсюду истекают, и благоприятные и полезные для кризиса отложения. Сварения предсказывают близость кризиса и верный исход к выздоровлению. Сырое же и несваренное и все то, что обращается в дурные отложения, показывает или медленность кризиса и боль, или продолжительность, или смерть, или возвращение тех же самых вещей. Что именно из всего этого скорее всего случится, должно наблю-

дать из других признаков. Рассказывать прошлое болезни, знать настоящее, предсказывать будущее— упражняться в этом. Добиваться в болезнях двоякого—приносить пользу или не вредить[15]. Искусство составляют следующие три предмета: болезнь, больной и врач: врач — служитель искусства, — и больному должно вместе с врачом бороться с болезнью.

6. Боли и тяжести с болями в голове и шее бывают без лихорадок, и также во время самих лихорадок они у френитиков предвозвещают конвульсии, рвоту ржавчинными массами; некоторые из больных быстро умирают. В жгучих и других лихорадках, у кого делается боль шеи и тяжесть висков, темные пятна перед глазами и напряжение подреберья без боли, у тех кровь изливается из носа. Но которые чувствуют тяжесть во всей голове, с желудочною болью и тошнотой, эти выбрасывают рвотой все желчное и слизистое. В этих случаях часто у детей бывают конвульсии, у женщин случается и это и кроме того боли, происходящие от матки. У пожилых же и у кого недостает теплоты, случаются или параличи, или мании, или слепота глаз.

ТРЕТЬЕ СОСТОЯНИЕ (ПОГОДЫ)

7. Немного раньше Арктура и во время самого Арктура на острове Фасосе были обильные и великие дожди, при дуновении северных ветров. Около же равноденствия и даже до Плеяд—умеренные южные дожди. Зима северная,—сухость, холода, великие ветры, снега. К равноденствию же—сильные бури. Весна северная, сильные засухи, умеренные дожди и холода. Около летнего солнцестояния—немногие дожди, большие холода даже до Пса[16]. После же Пса даже до Арктура жаркое лето, большие жары, не с промежутками, а постоянные и жестокие; дождей

не было; дули этезии. Около Арктура южные дожди—до равноденствия.

8. При таком состоянии погоды к зиме начались параличи членов[17] и делались у многих, и из них некоторые скоро умирали, ибо эта болезнь была особенно эпидемична, но во всем прочем жители проводили жизнь здорово. В начале же весеннего времени начались жгучие лихорадки и свирепствовали даже до равноденствия и лета. Кто начинал болеть тотчас с начала весны и лета, все из них большею частью остались живы: немногие умерли. Но когда уже была осень и настали дожди, лихорадки стали смертельны и погибало больше людей. Были же эти жгучие лихорадки такого рода, что те, у кого случались хорошие и обильные носовые кровотечения, благодаря им преимущественно спасались; и я не знаю ни одного, кто бы умер в этом состоянии погоды, если только у него было хорошее кровотечение. Действительно, у Филиска, Эпаминона и Силена на четвертый и пятый день очень мало вышло крови из носа, и они умерли. Большая часть больных при наступлении кризиса испытывала озноб—и в особенности те, у которых не было кровотечения из носа; и у них был озноб, а затем пот. У некоторых больных на шестой день делалась желтуха, но их облегчало или очищение через мочевой пузырь, или расстройство желудка, или обильное излитие крови из носа, как, например, у Гераклида, который лежал у Аристоцида, хотя у него было обильное кровотечение из носа и расстройство желудка и очищение через мочевой пузырь; на двадцатый день болезнь разрешилась. Не так, как служитель Фанагора, у которого ничего из всего этого не случилось,—он умер. Кровь шла носом у весьма многих, однако, преимущественно у подростков и людей цветущего возраста, а умерли многие из тех, у которых кровь не шла. У более же пожилых возрастов болезнь переходила в желтуху

или же у них расстраивались желудки, как это случилось у Биона, лежавшего у Силена. Летом также эпидемически преобладали дизентерии, и некоторые из заболевших, у которых также кровь шла из носа, в конце получали дизентерию, как, например, у раба Эратона и Милла, которые после обильного кровотечения впали в дизентерию; они остались живы. Итак, у многих главным образом господствовала эта влага (кровь), так как у тех, у которых при наступлении кризиса, не излилась кровь из носа, а появившиеся опухоли возле ушей исчезли (по исчезновении которых было чувство тяжести в левом паху и до верхушки бедра), когда после кризиса возникла боль и стала выходить тонкая моча, немного начала изливаться кровь к 24-му дню, и отложения разрешились в кровотечения. У Антифона, сына Критобула, например, болезнь остановилась и окончательно разрешилась около 40-го дня. Женщины также многие болели, однако, меньше, чем мужчины, и не так многие умирали; зато весьма многие трудно рожали и после родов сверх того болели, и такие наибольше умирали, как, например, дочь Телебула, которая умерла на 6-й день после родов. У весьма многих при этих лихорадках появлялись месячные очищения, и у многих девиц они тогда пошли в первый раз; у некоторых были носовые кровотечения, у некоторых в то же время и месячные очищения, как это случилось у дочери Дайтарса, девицы, у которой тогда в первый раз они явились, и обильная кровь истекла из носа. И я не знаю, умерла ли хотя бы одна из тех, у которых правильно произошло какое-либо из этих явлений. Но те, которым случилось заболеть в состоянии беременности, эти все, сколько я знаю, выкинули. Моча у большинства была хорошего цвета, но тонкая и имела мало осадка; желудок у большинства расстроенный, с извержениями тонкими и желчными. У многих, впрочем, после кризиса болезнь

кончалась дизентерией, как, например, у Ксенофана и Крития. Моча была у некоторых водянистая, обильная, жидкая, тонкая, и в ней после кризиса образовался хороший осадок; тогда все остальное разрешилось хорошо; перечислю тех, у кого это было: у Биона, который лежал у Силена, Кратиды в доме Ксенофана, раба Аретона и жены Мнезистрата. Но они все после получили дизентерию. (Необходимо обсудить, не причина ли тонкая моча, которую они выделили.)[18] Около Арктура, на одиннадцатом дне кризиса, многие освободились от болезни, и у них не было возвращения болезней, которое обыкновенно бывает, как правило. Но в это время были случаи сонливости, больше у детей, и из них умерло меньше всего.

9. К равноденствию же и до самых Плеяд, и под зиму продолжались жгучие лихорадки: кроме того в то время весьма многие также делались френитиками, и из этих большею частью все умирали. Летом же френит был у немногих. Начала жгучих лихорадок достаточно показывали, кому угрожала скорая гибель. Именно у заболевающих сразу являлась острая лихорадка с небольшим ознобом, бессонница, жажда, тошнота; больные слегка потели около лба и ключиц, никогда по всему телу; сильно бредили; страхи, упадок духа; конечности очень холодные: концы ног и в особенности рук; в четные дни случились усиления лихорадочных припадков. У большинства же наибольшие страдания бывали на 4-й день и по большей части холодные поты; конечности уже не согревались, но оставались синими и холодными, и при этом жажды уже не было. Мочи было мало, черная, тонкая, и делались запоры; и ни у кого из тех, у кого все это случалось, кровь не текла из носа, но разве капала понемножку, и ни у кого из них дело не дошло до рецидива, но на шестой день они погибали с потом. У френитиков случались также все вышеописанные

явления, но у них в большинстве случаев кризис наступал на 11-й день, а у некоторых и на 20-й: кого френит захватил не сразу сначала, а около 3-го или 4-го дня, и у кого болезнь с первого времени держалась умеренно и около 7-го дня получила остроту. Итак, велико было число этих болезней. Из больных преимущественно умирали подростки, юноши, цветущие возрастом, и те, которые были с безволосым (гладким) телом, с беловатой кожей, с прямыми волосами, с черными волосами и черными глазами, жившие кое-как и легкомысленно, с голосом тонким, с голосом грубым, заики, раздражительные. И женщины этого рода в большинстве случаев умирали. Но при таком состоянии погоды выздоравливали наибольше при наличии 4 следующих признаков: именно те, у которых хорошо перед этим истекла кровь из носа, или через мочевой пузырь прошло много мочи, в которой осадок был обильный и благоприятный, а также те, у которых расстроенный желудок выводил своевременно желчные массы, или те, которые получали дизентерию. Для многих шло в пользу, что они получали кризис не от одного из вышеописанных признаков, но проходили через все эти признаки и представлялись в более тяжелом положении. Но все, у кого это случалось, выходили невредимыми. У женщин и у девиц случались также все прежде упомянутые признаки; у кого происходило что-нибудь из этого в достаточной мере, или являлись обильные женские очищения, те спасались и получали разрешение болезни и, сколько я знаю, ни одна не умерла из тех, у которых что-нибудь из всего это совершилось как следует. Что касается дочери Филона, то, хотя и обильно истекла у ней кровь из носа, но, так как она на 7-й день слишком неблаговременно пообедала, она умерла. У некоторых появлялись при лихорадках опухоли с болью около ушей и, когда лихорадка переставала при кризисе,

они не проходили и не давали нагноения; в этих случаях желчные диарреи, или дизентерия, или осадки в густой моче разрешали болезнь, как это было у Гермиппа Клазоменского. Что касается до кризисов, то из них мы распознавали, какие болезни были сходные, а какие различные, как, например, у двух братьев: они жили близ театра; начали болеть вместе в один час; это были братья Епигена. У старшего из них последовал кризис на шестой день, а у младшего на 7-й, и была перемежка для одного шесть дней, а для другого—пять; у обоих болезнь возвратилась в один и тот же час, и после возвращения оба вместе совершенно освободились кризисом в 17-й день. У весьма многих кризис следовал на 5-й день, 7 дней была перемежка, и после рецидива на 5-й день сделался кризис. У кого на 7-й день следовал кризис, после 7-дневной перемежки кризис на третий день. У иных на 7-й день кризис: после трех дней перемежки кризис на 7-й день. У кого на 6-й день был кризис, после 6 дней перемежки три дня болезнь, день перемежки, день приступа, кризис, как случилось у Евагонта, сына Даитарсова. У иных же на 6-й день следовал кризис, 7 дней была перемежка, и после повторения на 4-й день болезнь разрешалась кризисом, как, например, у дочери Аглаидовой[19]. Итак, вот какой ход болезни имели весьма многие из тех, которые тогда болели, и я не знаю ни одного из оставшихся в живых, у которого не было бы рецидивов, правильно возвращавшихся, и все, сколько я знаю, выздоравливали, у которых происходили этого рода рецидивы. И из болевших таким образом я не помню, чтобы болезнь опять у кого-нибудь повторялась. Умирали же от этих болезней большинство на 6-й день, как, например, Эпаминонд, Силен и Филиск, сын Антагора. У кого появлялись опухоли около ушей, у тех болезнь разрешалась кризисом на 20-й день. Но эти опухоли у всех прошли и не загноились, но обрати-

лись к мочевому пузырю. Загноились они у Кратистонакта, который жил близ храма Геркулеса, и у служанки Скимна, валяльщика, и эти больные умерли. У некоторых же болезнь получала кризис на 7-й день, 9 дней имела перемежку, возвращалась и после рецидива разрешалась кризисом на 4-й день, как, например, у Пантокла, который жил близ храма Дионисия. У иных же она получила кризис на 7-й день, 6 дней имела перемежку, возвращалась и после возвращения получала кризис на 7-й день, как это случилось у Фанокрита, который лежал у валяльщика Гиатона. Но зимою, около зимнего солнцестояния, даже до равноденствия, продолжались жгучие лихорадки и френиты, и многие умирали. Однако, кризисы различно изменялись, и у большинства болезнь получала кризис на 5-й день от начала, 4 дня была перемежка, возвращалась, и после рецидива на 5-й день делался кризис, вообще в 14 дней. И подобным образом происходил кризис у весьма многих детей, а также и у более взрослых. У некоторых же болезнь получала кризис на 11-й день, в 14-й повторялась, и на 20-й день наступал окончательный кризис. У кого же на 20-й день делался озноб, у тех болезнь получала кризис на 40-й день. Большинство знобило во время первого кризиса; тех же, которых знобило в начале, во время кризиса снова знобило и при возвращении болезни во время кризиса. Весною озноб был у очень немногих, летом—у большего числа, осенью еще у большего, а зимою уже у большинства; кровотечения же постепенно переставали.

ТРЕТИЙ ОТДЕЛ[20]

10. Что касается до всех тех обстоятельств при болезнях, на основании которых должно устанавливать диагноз, то все это мы узнаем из общей природы всех людей и собственной всякого человека, из болез-

ни и из больного, из всего того, что предписывается, и из того, кто предписывает, ибо и от этого больные или лучше, или тяжелее себя чувствуют; кроме того из общего и частного состояния небесных явлений и всякой страны, из привычки, из образа питания, из рода жизни, из возраста каждого больного, из речей больного, нравов, молчания, мыслей, сна, отсутствия сна, из сновидений, какие они и когда появляются; из подергиваний, из зуда, из слез, из пароксизмов, из извержений, из мочи, из мокроты, из рвоты. Должно также смотреть на перемены в болезнях, из каких в какие происходят, и на отложения, ведущие к гибели или разрешению, далее—пот, озноб, похолодание тела, кашель, чиханье, икота, вдохи, отрыжки, ветры беззвучные или с шумом, истечения крови, геморрои. Исходя из всех этих признаков и того, что через них происходит, следует вести исследование.

11. Лихорадки бывают одни непрерывные, а другие держатся днем, а ночью перестают, или ночью держатся, а днем оставляют: полуторадневные, трехдневные, 4-дневные, 5-дневные, 7-дневные и 9-дневные. При лихорадке непрерывной протекают болезни самые острые, самые большие, самые тяжелые и самые гибельные. Но из всех самая безопасная, самая легкая и самая продолжительная лихорадка—4-дневная, ибо не только она сама по себе такова, но также освобождает от других опасных болезней. В той же, которая называется полутретичною (полтораדневною), случаются и острые болезни, и она гибельнее прочих; но и чахоточные и страдающие другими продолжительными болезнями болеют преимущественно этой формой. Ночная лихорадка не очень гибельна, однако, продолжительна. Дневная еще продолжительнее; у некоторых же обращается в чахотку. 7-дневная продолжительна, но не смертельна. 9-дневная еще продолжительнее и тоже не смертельна. 3-дневная

правильная; имеет скорый кризис и не смертельна. 5-дневная же есть самая худшая из всех, ибо если она появится до чахотки или уже у чахоточных, то убивает. В каждой отдельно из этих лихорадок свои формы, состояния и пароксизмы. Непрерывная лихорадка у некоторых тотчас, как начнется, цветет, достигает наибольшей силы и доводит до самого тяжелого состояния, но около кризиса и в самом кризисе уменьшается. У некоторых же она начинается тихо и скрытно, возрастает со дня на день и ожесточается, но под кризис и во время самого кризиса обнаруживается во всей своей силе. Есть случаи, когда она после умеренного начала усиливается и ожесточается—и ослабевает, дойдя до известной высоты снова близ кризиса и в самом кризисе. И все эти перемены обыкновенно случаются во всякой лихорадке и во всякой болезни. На основании этих явлений, хорошо рассчитавши, необходимо устанавливать режим больных. Есть также и другие многие особенные признаки, близкие к указанным, о которых уже отчасти писано было раньше, а отчасти еще напишется. Вот, разбирая в уме эти признаки, должно взвешивать и рассуждать, какой именно из них предвещает быструю опасность и смерть, а какой показывает, что больной останется в живых и кому именно должно предписывать пищу, а кому нет, а также когда, в каком количестве и какова именно пища должна быть.

12. Те болезни, которые имеют пароксизмы в четные дни, и кризис получают в четные дни. В которых же пароксизмы бывают в нечетные дни, те в нечетные и разрешаются. Первый период для тех болезней, которые имеют кризис в четные дни, бывает на четвертый день, затем на 6-й, 8-й, 10-й, 14-й, 20-й, 34-й, 40-й, 60-й, 80-й, 100-й. Из периодов же болезней, имеющих кризис в нечетные дни, первый в 3-й день, далее 5-й, 7-й, 9-й, 11-й. 17-й, 21-й, 27-й и 31-й.

Должно знать еще, что если иным способом произойдет как-нибудь кризис вне вышеописанных дней, то это показывает, что будет возвращение болезни, а, может быть, также предвозвещает и опасность. Должно обращать внимание и знать, что именно в эти указанные сроки бывающие кризисы направляются к выздоровлению или к гибели, или же делают перемены к лучшему или к худшему. В какие именно периоды лихорадки блуждающие, 4-дневные, 5-дневные и 7-дневные имеют свои кризисы, это следует изучить.

ЧЕТЫРНАДЦАТЬ БОЛЬНЫХ

Первый больной

Филиск, который жил близ стен, слег, и в первый день его схватила острая лихорадка; потел; ночь была трудная. На другой день все обострилось; вечером после небольшой клизмы сходил хорошо; ночь была спокойна. 3-й день с утра до самого полудня больной, повидимому, был свободен от лихорадки, но к вечеру наступила острая лихорадка с потом и жаждой; язык высох, моча была черная; ночь была тяжелая и трудная, больной не спал и все бредил. На 4-й день все сделалось тяжелее; моча черная; ночь была легче и моча лучшего цвета. В 5-й день около полудня из носа капало немного крови и притом черной; моча разнообразная, и в ней вверху плавали какие-то круглые облачка, похожие на половое семя; они были рассеяны там и сям, но не оседали[21]. После поставления больному свечки вышло немного с ветрами; ночь была тяжелая, сон малый, слова с бредом, конечности везде холодные, которые даже нельзя было согреть; мочу испустил черную; несколько спал к утру; голос ослабел, появился холодный пот, конечности посинели. На 6-й день около полудня скончался. Дыхание у него было постоянно редкое и большое, как у человека, которого окликают;

селезенка поднялась в виде круглого горба; холодные поты продолжались до конца. Пароксизмы наступали в четные дни.

Второй больной

Силена, который жил на площади возле дома Евалкида, вследствие утомления и трудов, а также несвоевременных гимнастических упражнений, схватила сильная лихорадка. Начало болеть с поясницы; тяжесть в голове, напряжение шеи. В первый день из кишечника вышло много желчных, несмешанных, пенящихся и весьма сильно окрашенных испражнений. Моча черная, с черным осадком; больной чувствовал жажду; язык сверху сухой; ночью нисколько не спал. На другой день лихорадка была острая, много извержений—жидких, пенистых, моча черная, ночь беспокойная и трудная; несколько бредил. В 3-й день все обострилось, напряжение подреберий с обеих сторон к пупку слегка мягкое, испражнения жидкие, черноватые; моча мутная, черноватая, ночь совсем не спал; многословие, смех, пение, больной не мог сдерживаться. Весь 4-й день то же самое. 5-й день испражнения несмешанные, желчные, гладкие, жирные; моча тонкая, прозрачная; больной немного пришел в сознание. На 6-й день на голове появился небольшой пот, конечности холодные, синеватые; беспокойное метание; желудок не действовал совсем; моча остановилась, острая лихорадка. На 7-й день безгласие (афония); конечности не могли согреться; мочи вовсе не было. На 8-й день холодный пот по всему телу; с потом высыпи красные, круглые, небольшие, как угорьки; они оставались, не уменьшаясь. Со стороны желудка после небольшого раздражения испражнения жидкие, как бы непереваренные; подействовал много, с болью. Мочился с болью едким; конечности понемногу согревались; сон легкий и как бы коматозный; безгласен; моча тонкая и прозрачная.

На 9-й день то же самое. На 10-й больной не принимал питья; коматозное состояние; легкий сон; испражнения, подобные прежним; мочился часто, довольно густым, при стоянии в моче осадок, похожий на грубую ячменную муку, белый; конечности снова холодные. На 11-й день скончался. У него с начала до конца дыхание было редкое и глубокое и постоянное биение подреберья; по возрасту был около 20 лет.

Третий больной

Герофонта схватила острая лихорадка; желудок действовал сначала мало, с тенезмами, а после испражнения жидкие, желчные и довольно обильные; сна не имел никакого; моча черная и тонкая. На 5-й день утром глухота, все обострилось, селезенка вздулась, напряжение подреберья, из желудка выходило немногое и черное; бредил [22]. На 6-й день заговаривался; ночью появился пот, озноб; бред продолжался. На 7-й день общее похолодание; больной чувствовал жажду, галлюцинировал, ночью возвратился к сознанию; спал. На 8-й день был в лихорадке; селезенка стала уменьшаться; больной совершенно пришел в сознание; боль появилась сначала в паху, со стороны селезенки, затем перешла к обеим икрам; ночь легкая, моча лучшего цвета, и в ней небольшой осадок. На 9-й день, после появления пота, болезнь получила кризис, перемежка. На 5-й день рецидив. Тотчас селезенка опухла, острая лихорадка, и опять глухота. На 3-й день после рецидива селезенка уменьшилась, глухота стала меньше, боль в ногах, ночью появился пот; к 17-му дню болезнь разрешилась; во время рецидива больной не галлюцинировал.

Четвертый больной

На острове Фасосе жену Филина, родившую перед этим дочь, когда родовые очищения произошли пра-

вильно и чувствовала она себя легко, на 14-й день после родов схватила сильнейшая лихорадка с ознобом. Сначала у ней появилась боль в сердце и около правого подреберья; боли в половых частях; очищение приостановилось. После введения пессария[23] все это облегчилось, но боли в голове, шее и пояснице продолжались; сна не было; конечности холодные; больная чувствовала жажду; в желудке запор, действовал мало. Моча тонкая и по началу бесцветная. На 6-й день ночью много галлюцинировала и опять приходила в сознание. На 7-й день жажда, испражнений мало, желчные, сильно окрашенные. На 8-й день, после появления нового озноба, острая лихорадка, частые конвульсии с болью; много бредила. После вставления свечки встала для действия желудка, вышло много испражнений с желчным истечением; сна не было. На 9-й день конвульсии. На 10-й немного стала сознавать. На 11-й день спала, все вспомнила, но тотчас снова сделались галлюцинации. Находясь в конвульсиях, испускала много густой мочи, когда несколько раз напоминали ей; моча густая, белая, какой делается отстоявшаяся моча при взбалтывании; при стоянии она не оседала, но цветом и густотою напоминала мочу вьючных животных. Такого рода была моча, которую я видел. К 14-му дню трясение всего тела; много говорила; немного приходила в сознание, но тотчас опять бредила. Около 17-го дня потеря голоса; на 20-й день скончалась.

Пятый больной

Жена Эпикрата, которая лежала у Архигета, когда уже наступали роды, схвачена была сильным ознобом и, как говорили, не была в жару, а на другой день было то же самое. На 3-й день она родила дочь, и все прочее произошло правильно и в порядке. На

другой день после родов ее схватила сильная лихорадка, с болью в сердце и половых частях. Все это после введения пессария облегчилось, но наступила боль головы, шеи и поясницы, и не было никакого сна. Испражнений немного, желчные и жидкие, не смешанные; моча тонкая и черноватая. На 6-й день от начала лихорадки ночью галлюцинировала. На 7-й день все обострилось, бессонница, галлюцинации, жажда, испражнения желчные, сильно окрашенные. На 8-й день, когда опять появился озноб, больше спала. На 9-й день все то же. На 10-й ноги очень болели, снова боль в сердце, тяжесть головы, не галлюцинировала, спала несколько больше; желудок не действовал. На 11-й день больная испустила мочу лучшего цвета, с обильным осадком, чувствовала себя легче. На 14-й день знобило, сильная лихорадка. На 15-й день рвота желчная, желтая, обильная; потела без лихорадки. Ночью острая лихорадка; моча густая, имевшая белый осадок. На 16-й день обострение; больная тяжело себя чувствовала ночью, не спала, галлюцинировала. На 18-й день жажда, язык запекшийся; не спала, много бредила; ее беспокоила боль в ногах. К 20-му дню утром, после небольшого озноба, сонливость; тихо спала; вырвало немного желчным, черным; ночью появилась глухота. Около же 21-го дня левый бок отовсюду охватила тяжесть с болью; небольшой кашель; моча густая, мутная, красноватая, при стоянии не дала осадка; в остальном легче, но не без лихорадки. У больной с самого начала болезни боль в глотке и краснота; язычок подтянут кверху, сильное выделение—едкое и соленое—продолжалось все время. К 27-му дню освободилась от лихорадки; моча с осадком; бок несколько болел. К 31-му же дню появилась лихорадка, желудок расстроился желчным. В 40-й день вырвало немного желчного. На 80-й день вследствие кризиса совершенно освободилась от лихорадки.

Шестой больной

Клеанактида, который жил выше храма Геркулеса, схватила лихорадка блуждающего характера. Сначала была боль в голове и левом боку, а также и боли в прочих членах, как бы от утомления. Лихорадочные пароксизмы, когда так, когда иначе, без всякого порядка; пот то появлялся, то нет. Пароксизмы лихорадки наступали наибольше в дни критические. К 24-му дню концы рук стали болеть; больного рвало желчными желтыми обильными массами, а немного спустя ржавыми; больному во всех отношениях стало легче. Около 30-го дня начала течь кровь из обеих ноздрей и тоже непостоянным образом, понемногу, до кризиса; больной не отказывался от пищи и все время не чувствовал жажды и не мучился бессонницей; моча была тонкая, не бесцветная. К 40-му дню выделил мочу красную, с большим красным осадком; чувствовал себя легче. Но после этого моча бывала разнообразною так, что иногда имела осадок, а иногда нет. На 60-й день осадок мочи был обильный—белый и гладкий; все облегчилось; лихорадка оставила. Моча опять была тонкая, однако хорошего цвета. На 70-й день лихорадка; перемежка 10 дней. На 80-й день, после появления озноба, острая лихорадка; был обильный пот, а осадок мочи красный, гладкий. Болезнь совершенно разрешилась.

Седьмой больной

Метона схватил сильный жар с тяжестью и болью в пояснице. На другой день, после довольно обильного питья воды, желудок имел правильное отправление. На третий день тяжесть головы держалась; испражнения жидкие, желчные, несколько красноватые. На четвертый день все ожесточилось, два раза из правой ноздри [24] понемногу текла кровь; ночь была трудная; испражнения те же, что и в третий день;

моча черноватая, которая имела вверху нечто плавающее, черноватое, разорванное и не осаждающееся. На 5-й день из левой ноздри обильно текла чистая кровь; после появления пота болезнь получила кризис. После кризиса бессонница; больной говорил в бреду; моча тонкая и черноватая. После обливаний головы больной успокоился; пришел в сознание. У него болезнь не возвращалась, но даже и после кризиса кровь часто текла из носа.

Восьмой больной

Эразина, жившего при горном потоке Боота, схватила сильная лихорадка после ужина; ночь провел он тревожную. Первый день был спокоен; ночь трудная. На следующий день все обострилось; ночью галлюцинировал. На 4-й день весьма тяжело; во всю ночь совсем не спал; были сновидения и рассуждения; затем сильное и опасное ухудшение; страх и тяжелое самочувствие. На 5-й день утром был спокоен и совершенно пришел к сознанию. К полудню же весьма безумствовал и не мог себя сдерживать; конечности холодные и синеватые; моча остановилась; к заходу солнца скончался. У него даже до конца были лихорадочные припадки с потом; подреберья вздуты, напряжены и болезненны. Моча черная; вверху она имела плавающие круглые облачки и не давала осадка; испражнения выходили. Постоянная жажда, но не великая. Во время смерти сильные конвульсии с потом.

Девятый больной

У Критона, на острове Фасосе, когда он был на ногах и ходил, начала сильно болеть нога от большого пальца. В тот же день он слег; озноб с дрожью и тошнотой; несколько в жару; ночью бредил. На другой день по всей ноге и до лодыжки опухоль красноватая и с напряжением; маленькие черные фликтены; острая лихорадка; безумствовал. Из желудка

вышло довольно много чисто желчной материи. На следующий день, после того как начал болеть, он умер.

Десятый больной

Клазоменец [25], который жил близ колодца Фринихидова, был схвачен сильной лихорадкой. Сначала он стал чувствовать боль в голове, шее и пояснице. Затем тотчас напала глухота, и не было сна; схватила острая лихорадка; подреберье вздулось и припухло без большого растяжения; язык сухой. На 4-й день ночью бредил. На 5-й день тяжелое состояние. На 6-й—все обострилось. К 11-му же дню несколько отпустило; испражнений сначала и до 14-го дня выводил много,—жидкие, похожие на воду, смешанную с желчью; действие желудка переносил легко. Затем желудок остановился; моча в продолжение всей болезни была тонкая, но хорошего цвета и обильная, и вверху имела нечто плавающее по середине, несколько разделенное, но не давала осадка. К 16-му дню больной испустил более густую мочу, в которой было немного осадка; несколько облегчился и больше был в сознании. На 17-й день моча снова тонкая; около обоих ушей появилась опухоль с болью; сна не было, заговаривался, мучился болью ног. На 20-й день вследствие кризиса освободился от лихорадки, не потел и совершенно возвратился к сознанию. Около 27-го дня появилась сильная боль в тазобедреном суставе и вскоре успокоилась. А бывшие при ушах опухоли не проходили и не нагнаивались, но болели. К 31-му дню диаррея обильными водянистыми массами, с дизентерическими явлениями; мочу испустил густую; опухоли около ушей спали. Около 40-го дня появилась боль правого глаза, зрение сделалось тупее. Больной встал.

Одиннадцатый больной

Жену Дромеада, после того как она родила дочь и когда все прочее проходило правильно, на другой

день схватил озноб с острой лихорадкой. На первый же день наступила боль вокруг подреберья, тошнота, дрожь от сильного беспокойства и в последующие дни не спала. Дыхание было редкое, глубокое и быстро прерывавшееся. Назавтра от того дня, когда начался озноб, из желудка прекрасно вышли испражнения; моча густая, белая, мутная, какою обыкновенно делается от осадков, когда после долгого стояния взбалтывается, и не оседала; ночью больная нисколько не спала. На 3-й день к полудню после озноба острая лихорадка; моча такая же; боль в подреберье, тошнота; ночь была трудною, и больная не спала; пот холодный выступил по всему телу, но вскоре она опять разогрелась. На 4-й день боль в подреберье несколько облегчилась, но тяжесть головы вместе с болью, глубокий сон короткое время; немного крови из носа; язык сверху сухой; жажда; моча тонкая, маслянистая; больная немного спала. На 5-й день чувствовала жажду, страдала тошнотой; моча та же; из желудка ничего не вышло; около полудня сильно галлюцинировала и вскоре опять немного возвратилась к сознанию; когда вставала, то одержима была сонливостью; немного зябла; ночью несколько спала, галлюцинации. На 6-й день утром появился новый озноб и скоро перешел в жар; пот по всему телу; конечности стали холодеть; бредила; галлюцинации; дыхание было редкое и большое. Немного спустя начались конвульсии с головы; вскоре скончалась.

Двенадцатый больной

Человек, имевший уже жар, пообедал и пил слишком много. Ночью, по извержении всего рвотою, его схватила острая лихорадка с болью в правой стороне подреберья; воспаление с небольшим напряжением направлялось из внутренней части; ночь была тяжелая и трудная. Моча сначала густая, красная, мутная, которая при стоянии не давала осадка; язык

весьма сухой; жажда не сильная. На 4-й день острая лихорадка; со всех сторон мучили боли. На 5-й день мочился гладко, маслянисто, обильно; острая лихорадка. На 6-й день к вечеру весьма много галлюцинировал; ночью не спал. На 7-й день все обострилось; моча была попрежнему; произносил много слов и не мог себя удерживать. Из желудка, раздраженного и расстроенного, исходили жидкие испражнения с глистами. Ночь была трудная. Утром рано озноб. Сильная лихорадка. Горячий пот, после которого был, повидимому, оставлен лихорадкой; спал. После сна зябкость, частое плевание; к вечеру много галлюцинировал. Немного же спустя последовала рвота черными массами немногими, желчными. На 9-й день зябкость; больной бредил и не спал. На 10-й день наступила боль в голенях; все обострилось; бредил. На 11-й день умер.

Тринадцатый больной

Одна женщина, которая жила на берегу моря, беременная на 3-м месяце, схвачена была сильной лихорадкой, и тотчас наступила боль в пояснице. На 3-й день боль в шее, голове и правой ключице. Скоро язык отнялся; правая рука при конвульсиях ослабела, как это обыкновенно случается при параличе; бредила все время. Ночь была трудная, больная не спала; из расстроенного желудка выходили желчные, несмешанные и немногие испражнения. На 4-й день язык был невнятный, затем это прошло; конвульсии и боли в тех же частях продолжались; в подреберье болезненная опухоль; больная не имела сна, сильно галлюцинировала; было расстройство желудка; моча выходила тонкая и нехорошего цвета. На 5-й день схватила острая лихорадка с болью в подреберье; всякого рода галлюцинации; желчные испражнения. Ночью появился пот, и больная освободилась от лихорадки. На 6-й день пришла в сознание,

все облегчилось; но около левой ключицы продолжалась боль; больная чувствовала жажду, моча тонкая; не спала. На 7-й день дрожание, тяжелый сон, небольшие галлюцинации, боли в ключице и в правой руке продолжались, прочее же все облегчилось; пришла совершенно в себя. Три дня перерыв лихорадки, на 11-й день возвратилась: озноб, сильный жар. К 14-му дню рвотою выброшены были массы желчные, желтые, достаточно обильные; потела. Болезнь разрешилась без лихорадки.

Четырнадцатый больной

У Мелидии, которая жила возле храма Геры, началась сильная боль в голове, шее и груди, и тотчас ее схватила острая лихорадка. Месячные очищения показались в небольшом количестве; во всех упомянутых частях были непрерывные боли. На 6-й день коматозное состояние, тошнота, дрожь, краснота щек; легкие галлюцинации. На 7-й день, при обильном поте, лихорадка перестала, боли продолжались; лихорадка возвратилась, небольшой сон. Моча во все время болезни была хорошего цвета, впрочем тонкая. Испражнения выходили жидкие, желчные, едкие, в малом количестве, черные, вонючие; в моче осадок белый, гладкий; потела. На 11-й день окончательное разрешение.

1. Остров Фасос, Θάσος, с городом того же имени — самый северный из островов Эгейского моря. Остров был богат благодаря торговле и золотым приискам. Гиппократ по данным «Эпидемий» I и III практиковал там четыре года.

2. Восхождение Плеяд 14 мая.

3. Жгучая, или горячая, лихорадка, горячка — καῦσος, каусос, франц. fièvre ardente, нем. Brennfieber; по определению Галена: «лихорадка, сопровождаемая большим жаром, не дающая покоя телу, иссушающая и чернящая язык и вызывающая желание холода» (Литтре, II, 571). В дальнейшем приводится ряд историй болезней, относящихся к этой форме.

4. «Несмешанные», иногда в переводе «чистые» (ἄκρατοι)

испражнения следует понимать в смысле прим. 4 к «Древней медицине» как неуравновешенные, неумеренные по своим составным частям, лат. intemperata.

5. Непрерывные, или постоянные, лихорадки, συνεχεῖς πυρετοί—сюда Гиппократ относил: жгучую лихорадку (каусос), френит, летарг и полутрехдневную.

6. Захождение Плеяд—по Евдоксу 14 ноября.

7. Этезии—пассатные ветры, дувшие в определенное время года, обыкновенно северо-западные.

8. Раннее восхождение Арктура по Евдоксу—14 сентября; позднее восхождение—24 февраля.

9. Лиентерия, λειεντερία, enteritis, понос непереваренными массами, диаррея, διάρροια—профузный понос жидкими массами.

10. Френит, φρενῖτις, лихорадка, при которой на первый план выступали мозговые явления: длительное расстройство сознания, бред, коматозное состояние (Φρήν— собственно значит: грудобрюшная преграда, но в переносном смысле дух, душа, ум, так как в древности, например, в гомеровские времена, душевные состояния локализировали в этом месте.) Гиппократ всегда упоминает о френите рядом с жгучей лихорадкой (каусос). Гален поясняет: «жгучие лихорадки возникали, когда излишки желчи направлялись в печень и желудок; френиты—когда они неслись в голову» (Литтре, II, 571).

11. Конвульсии по греч. σπασμοί, буквально спазмы.

12. Отложение, ἀπόστασις, франц. dépôt, нем. Ablagerung. Обыкновенно ко времени кризиса влаги, или соки, которые по гуморальной патологии вызывали болезнь или выходили из организма вместе с различными очищениями: мокротой, мочой, калом, или отлагались в каком-нибудь месте, образуя там очаг: опухоль, нарыв или абсцесс, который мог затем или рассасываться, или нагнаиваться, образуя гнойник—эмпиему. См. прим. 2 к «Прогностике», где ἀπόστασις переводится «абсцесс»; в других местах переводчик пользуется термином «нарыв». Следует помнить, что все эти термины тождественны.

13. Затруднение мочи—στραγγουρία, странгурия. Вероятно, здесь дело идет о катарральном состоянии мочевого пузыря, которое, по мнению автора, доставляло разрешение болезни.

14. Главы 11 и 12 содержат в себе некоторые общие положения прогностического характера, относящиеся к течению описанных болезней. Вторая половина главы 11 носит характер афоризмов. Фукс (II, 108) находит, что они «erinnern an die Gorgianische Ausdrucksweise». Горгий, знаменитый софист и ритор, был по преданию учителем Гиппократа.

15. Ὠφελεῖν ἢ μὴ βλάπτειν — классическое изречение, бывшее в течение веков лозунгом врачей гиппократовой школы.

16. Восхождение Пса, Κύων, Canis (Сириуса) по Евдоксу 25 июля; начало летней жары. Лат. canicula, откуда наши каникулы.

17. Параличи здесь παραπληγίαι, параплегии; эпидемия кашля и ангины с параличами описывается в 6-й книге «Эпидемий» (так наз. «эпидемия в Перинфе»).

18. Это место Эрмеринс рассматривает как позднейшую вставку.

19. Гален в комментарии к этому месту пишет: «Он описал разновидные кризисы, все ограниченные в пределах 17 дней» (Литтре, II, 663). Действительно, если сложить в каждом случае дни 1-го кризиса, ремиссий и окончательного кризиса, в результате получится число 17: 1) 5+7+5=17; 2) 7+7+3=17; 3) 7+3+7=17; 4) 6+6+3+1+1=17; 5) 6+7+4=17.

20. Следующие здесь главы 10, 11 и 12 также представляют общие замечания о болезнях, их диагнозе, лихорадках, пароксизмах и критических днях. Литтре предлагал их читать после 4-го состояния погоды в 3-й книге «Эпидемий».

21. Круглые облачка, похожие на сперму, в верхних слоях мочи постоянно отмечаются как плохой прогностический признак в непрерывных лихорадках. По-гречески они обозначаются словом ἐναιώρημα—нечто плавающее или взвешенное вверху; соответствующего термина по-русски нет; Литтре ставит прямо enéorème; Фукс переводит Wolken, но это не означает обычное «облачко». См. также «Прогностику», гл. 22.

22. Παρεφρόνησε; в «Эпидемиях» мы встречаем разработанную номенклатуру бредовых состояний, на что обратил внимание Демар (Desmars); παραφρονεῖν (буквально: сходить с ума) употребляется для обозначения бреда вообще; παρακρούειν—галлюцинировать, сильная степень бреда; παραληρεῖν—бредить, в смысле говорить бессвязные речи; παραλέγειν—заговариваться, меньшая степень бреда.

23. Пессарии (προσθετά в то время вводились только мягкие, лекарственные, состоявшие из полотняного мешочка, в который вкладывались различные вещества. См. «Женские болезни».

24. Кровотечение из правой ноздри считалось неблагоприятным признаком, а из левой—благоприятным.

25. Клазомены, Κλαζομεναί, город в Малой Азии, родина философа Анаксагора.

КНИГА III

ОТДЕЛ ПЕРВЫЙ

Первый больной

1. Пифион, живший возле храма Геи, был охвачен в первый день дрожанием, которое началось с рук; острая лихорадка, бред. На 2-й день все обострилось. На 3-й день то же состояние; на 4-й день выделение желудка малое, чистое и желчное. На 5-й день все обострилось; сон легкий; желудок закрепился. На 6-й день выделения мокроты разнообразные и немного красные; на 7-й день искривление рта; на 8-й день все обострилось; дрожание еще продолжалось. Сначала и до 8-го дня моча была тонкая, бесцветная; она имела в себе нечто, похожее на облачко. На 10-й день вспотел; мокрота несколько созревшая; кризис; моча была немного тонка в момент кризиса. После кризиса же, на 40-й день болезни, образовалась эмпиема вокруг седалища, и абсцесс характеризовался припадками странгурии. [Толкование знаков: вероятно, обилие выделенной мочи произвело разрешение болезни и выздоровление на 40-й день[1].]

Второй больной

Гермократ, живший около новой стены, получил сильную лихорадку. Сначала боль головы и поясницы; напряжение в подреберье без опухоли; язык был с самого начала как бы обожжен. Глухота появилась тотчас; совсем не было сна; малая жажда; моча густая, красная, оставленная в сосуде не давали со-

вершенно осадка; из желудка вышло не мало извержений сожженных. На 5-й день тонкая моча с чем-то плавающим и без осадка; в течение ночи галлюцинировал. На 6-й день желтуха; все обострилось; совсем нет сознания. На 7-й день больному было очень тягостно; моча тонкая, как и прежде; в последующие дни она сохраняла тот же характер. К 11-му дню все казалось облегченным; наступила кома; моча, более густая, немного красная, внизу тонкая, не давала совершенно осадка; мало-помалу больной пришел в сознание. На 14-й день, освободившись от лихорадки, больной не потел, спал, все понимал; моча прежнего вида. Около 17-го дня рецидив; у больного был жар; следующие дни острая лихорадка, тонкая моча, галлюцинации. На 20-й день новый кризис, свободный от лихорадки; пота нет. Потеря аппетита в течение всего времени; полное сознание; не мог разговаривать; язык сухой, совсем нет жажды; немного сна; коматозное состояние. Около 24-го дня возвращение лихорадочного жара; стул жидкий, обильный и тонкий. И в следующие дни острая лихорадка; спекшийся язык. Умер на 27-й день. У этого больного глухота продолжалась все время; моча была или густая и красная без осадка, или очень тонкая, бесцветная и с кое-чем плавающим на ней. Он не мог принимать никакой пищи (толкование характеров: вероятно, Гермократ умер на двадцать седьмой день вследствие отсутствия стула).

Третий больной

Человек, лежавший в саду Делеаркеса, в течение долгого времени имел тяжесть головы и боль правого виска. После случайной причины он был охвачен сильной лихорадкой и слег; на 2-й день у него из левой ноздри вышло немного чистой крови; из желудка вышли хорошие испражнения; моча тонкая, разнообразная, с маленьким облачком, плавающим в ней,

как из ячменной крупы, похожим на сперму. На 3-й день острая лихорадка; испражнения черные, тонкие и пенистые с осадком синеватого цвета; спал тяжелым сном; испытывал состояние дурноты, когда поднимался; в моче синеватый и немного клейкий осадок. На 4-й день рвота мало обильная, желчная, желтая и после короткого перерыва—ржавого цвета; легкое истечение чистой крови из левой ноздри; тот же стул, та же моча, небольшой пот вокруг головы и ключиц. Селезенка опухла; боль в соответствующем бедре; мягковатое напряжение правого подреберья; ночью не спал; легкие галлюцинации. На 5-й день испражнения более обильные, черные, пенистые; черный осадок в испражнениях; ночью совсем не спал; галлюцинировал. На 6-й день испражнения черные, жирные, вязкие, вонючие; спал; понимал лучше. На 7-й день язык немного сух, жажда; совсем не спал; галлюцинировал; моча тонкая и нехорошего цвета. На 8-й день испражнения черные, мало обильные, густые; спал; понимал; посредственная жажда. На 9-й день озноб, острая лихорадка; потел; озяб; галлюцинировал; искривление правого глаза; язык немного сухой; жажда; бессонница. 10-й день—то же состояние. На 11-й день сознание вполне возвратилось; свободен от лихорадки; спал; моча тонкая около времени кризиса. Свободен был от лихорадки два дня; она возвратилась на 14-й день; ночью не спал; галлюцинации общие. На 15-й день моча грязная и похожая на ту, которую взболтают после стояния. Острая лихорадка; общие галлюцинации; не спал; боль в коленях и в икрах; из желудка после суппозитория вышли черные испражнения. На 16-й день моча тонкая, с облачным кое-чем, плавающим в ней; галлюцинировал. На 17-й день, утром, конечности холодные; был укутан; острая лихорадка; общий пот; облегчение; более понимал; небольшая лихорадка; жажда; рвота в небольшом количестве желчными жел-

тыми массами; испражнения мало обильные, черные и мелкие; моча тонкая, нехорошего цвета. На 18-й день никакого сознания; кома. 19-й день—то же состояние. На 20-й день спал, все понимал, потел, нет лихорадки, нет жажды, но моча тонкая. На 21-й день немного галлюцинировал; небольшая жажда; боль правого подреберья и до конца пульсация возле пупка. На 24-й день осадок в моче; все понимал. На 27-й день боль в правом бедре; в остальном состояние было сносное; в моче осадок. Около 29-го дня боль правого глаза; тонкая моча. На 40-й день довольно частое, слизистое, белое испражнение; пот профузный и общий; окончательное разрешение болезни. [Толкование знаков: вероятно, вследствие действия стула, мочи и критического пота больной выздоровел в 40 дней.]

ОТДЕЛ ВТОРОЙ

Четвертый больной

На Фасосе Филист имел в течение долгого времени головную боль и охватываемый по временам более глубоким сном ложился в постель. Когда же от излишка питья произошли непрерывные лихорадки, болезнь обострилась. Вначале у него был жар ночью. В 1-й день его рвало сначала в небольшом количестве желчными желтыми массами, потом в большем количестве массами меднокрасного цвета; из желудка же вышли твердые испражнения; тягость в течение ночи. На 2-й день глухота, острая лихорадка, напряжение правого подреберья, которое втянулось внутрь; моча тонкая, прозрачная с небольшим плавающим облачком, похожим на сперму; в середине дня у него был приступ буйного бреда. 3-й день был тягостный. На 4-й день конвульсии, обострение всех симптомов. На 5-й день утром умер. [Толкование знаков: вероятно, смерть больного к концу пяти дней была обязана フрениту и неблагоприятному очищению.]

Пятый больной

Хайрион, который лежал у Демайнета, был охвачен сильной лихорадкой после излишней выпивки; потом он почувствовал болезненную тяжесть головы; не спал; желудок был расстроен; стул жидкий и немного желчный. На 3-й день—острая лихорадка, дрожание головы и в особенности нижней губы; вскоре после озноба, конвульсии, общие галлюцинации; мучительная ночь. На 4-й день больной был спокоен, немного спал, заговаривался. 5-й день был труден; все обострилось; бред; мучительная ночь; совсем нет сна. На 6-й день—то же состояние. На 7-й день знобило; острая лихорадка; общий пот; кризис. Стул в течение всего этого времени был желчный, мало обильный, несмешанный; моча тонкая, нехорошего цвета и с облачком, плавающим в ней. Около 8-го дня больной выделил мочу лучшего цвета, с белым осадком и мало обильным; возвращение сознания; отсутствие лихорадки; интермиссия. На 9-й день рецидив. Около 14-го дня острая лихорадка. На 16-й день желчные рвоты, желтые, довольно частые. На 17-й день снова озноб, острая лихорадка, пот; свободен от лихорадки; кризис. Моча после рецидива и кризиса была хорошего цвета и имела осадок; у больного совсем не было галлюцинаций во время рецидива. На 18-й день несколько лихорадил; немного жажды; тонкая моча с облачным чем-то, плавающим в ней; легкие галлюцинации. К 19-му дню совсем нет лихорадки; имел боль в шее; осадок в моче. Окончательное разрешение болезни на 20-й день. [Толкование знаков: вероятно, больной выздоровел в двадцать дней через обильный желчный стул и обильную мочу.]

Шестой больной

Дочь Еврианакта, девица, была охвачена жестокой лихорадкой; у нее не было жажды в течение всей

болезни и вкуса к пище; стул у нее был мало обильный; моча тонкая, в небольшом количестве и мало благоприятного цвета. В начале лихорадки она испытывала боль в седалище. На 6-й день была без лихорадки; не потела; кризис; нарыв, образовавшийся в седалище, выделил немного гноя и открылся в момент кризиса. На 7-й день, после кризиса, у нее был озноб; последовавший жар был не особенно сильный; больная потела; впоследствии конечности были все время холодными. К 10-му дню, после наступившего пота, галлюцинировала и снова быстро пришла в сознание; это обстоятельство приписывали грозди винограда, который она съела. После интермиссии на 12-й день она снова много бредила; желудок расстроился; стул желчный, небольшой, несмешанный, жидкий, едкий; больная часто вставала. После того как имела галлюцинации в последний раз, она умерла на седьмой день. Эта больная с самого начала болезни страдала горлом, которое оставалось постоянно красным; язычок отклонен назад; обильные истечения, тонкие, едкие; кашляла, не выделяя ничего зрелого. Больная не принимала совсем пищи в течение этого времени и не чувствовала никакого желания; совсем без жажды она не пила ничего, достойного упоминания. Сохраняя молчание, она не произносила ни одного слова; подавленное состояние; она отчаивалась сама в себе. В ней было также некоторое врожденное предрасположение к чахотке. [Толкование знаков: вероятно, абсцесс седалища и повреждение легкого вызвали чахотку.]

Седьмой больной

Женщина, жившая у Аристиона, была поражена ангиной. У нее она началась с языка; голос нечистый; язык красный, высыхал. Первый день мелкая дрожь, сопровождаемая жаром; на 3-й день озноб, острая лихорадка; опухоль твердая и красного цвета

распространилась на шею и на грудь с двух сторон; конечности холодные; сине-багровые; дыхание поверхностное; питье выливалось через ноздри; больная не могла глотать; стул и моча прекратились. На 4-й день все обострилось; на 5-й она умерла (ангина). [Толкование знаков: очевидно, причиной смерти на 5-й день было действие прекращения выделений.]

Восьмой больной

Молодой человек, который жил на площади Лжецов, был охвачен сильной лихорадкой после усталости, тяжелого труда и непривычного бега. 1-й день: расстроенный желудок; выделения желчные, тонкие, обильные; моча тонкая, черноватая; не спал; жажда. На 2-й день все обострилось: стул более обильный, несвоевременный; совсем не спал; расстройство сознания; небольшой пот. На 3-й день тягостное состояние; жажда, тошнота; сильное беспокойство, тоска; галлюцинировал; конечности синие и холодные; напряжение подреберий с двух сторон, без большого вздутия. На 4-й день совсем нет сна; состояние больного ухудшилось. На 7-й день умер; ему было около двадцати лет. [Толкование знаков: очевидно, причиной смерти на 7-й день было что-то необычное.] Острое заболевание[2].

Девятый больной

Женщина, которая лежала у Тизамена, внезапно получила тяжелые симптомы закупорки кишок; частые рвоты; она не могла держать в себе питья. Боль в подреберье, боль в низу живота, беспрерывные рези, отсутствие жажды. У нее был жар, холодные конечности до конца, тошнота; бессонница; моча мало обильная, тонкая; стул не переваренный, тонкий, небольшой. Ничто не могло ее облегчить: она умерла[3].

Десятый больной

Между женщинами дома Пантимида одна, после выкидыша, была охвачена в первый день сильной лихорадкой. Сухость языка, жажда, тошнота, бессонница, расстроенный желудок, обильные выделения тонкой непереваренной материи. На 2-й день дрожь, острая лихорадка, обильные кишечные выделения; совсем нет сна. На 3-й день страдания были более значительные. На 4-й день галлюцинировала. На 7-й день умерла. Желудок был расслаблен вследствие обильных, тонких, непереваренных испражнений; моча редкая и тонкая. Жгучая лихорадка. [Толкование знаков: вероятно, расстройство испражнений произвело поражение матки.]

Одиннадцатый больной

Другая женщина, жена Гикета, после выкидыша на пятом месяце получила сильную лихорадку. С самого начала она была коматозная, а затем имела бессонницу; боль поясницы; тяжесть головы. На 2-й день расстройство желудка, мало обильные выделения, тонкие и чистые сначала. На 3-й день выделения более обильные, худшие; совсем нет сна. На 4-й день галлюцинировала; страхи; упадок духа; искривление правого глаза; небольшой холодный пот вокруг головы; холодные конечности. На 5-й день все обострилось; много бредила, потом снова быстро пришла в себя; отсутствие жажды; бессонница; обильные несвоевременные кишечные извержения до конца. Мочи мало, тонкая, черноватая; конечности холодные, немного синеватые. На 6-й день то же состояние. На 7-й день умерла. Френит. [Толкование знаков: вероятно, расстройство испражнений и выкидыш вызвали смерть на 7-й день.]

Двенадцатый больной

Женщина, жившая на площади Лжецов, родив в первый раз мальчика, после трудных родов получила сильную лихорадку. С самого начала жажда, тошнота, легкая боль сердца; язык немного сухой; желудок расстроился; стул тонкий и малообильный; нет сна. На 2-й день небольшой озноб, острая лихорадка, мелкий, холодный пот вокруг головы. На 3-й день тяжелое состояние; вышли непереваренные извержения, тонкие и обильные. На 4-й день дрожь; все обострилось; бессонница. На 5-й—тяжелое состояние. На 6-й день то же состояние; кишечные извержения жидкие и обильные. На 7-й день озноб, острая лихорадка, жажда, беспокойство. К вечеру холодный пот распространился на все тело; холод; холодные конечности не согревались; новый озноб в течение ночи, конечности не согреваются; нет сна; легкие галлюцинации и вскоре возвращение сознания. На 8-й день больная согрелась к полудню; жажда; забытье; тошнота, рвота желчными материями в небольшом количестве, желтоватого цвета; тяжелая ночь; совсем нет сна; выделила в короткое время очень много мочи, не замечая этого. На 9-й день уменьшение всех припадков, забытье; к вечеру небольшой озноб, небольшая желчная рвота. На 10-й день озноб, лихорадка обострилась, никакого сна; утром больная выделила много мочи, давшей осадок; конечности согрелись. На 11-й день рвота меднокрасного цвета, желчная. Короткое время спустя—возвращение озноба и снова холодные конечности; вечером озноб, холодный пот, обильная рвота; тяжелая ночь. 12-й день: обильная рвота, черная, вонючая; частая икота; изнурительная жажда. 13-й день: обильная рвота, черная, вонючая; озноб; к полудню потеря голоса. На 14-й день кровоизлияние из носа; смерть. У этой женщины в течение всей бо-

лезни стул был жидкий и мелкая дрожь; ей было около 17 лет. Жгучая лихорадка [3].

ОТДЕЛ ТРЕТИЙ

Заразное состояние. (*погоды*)

2. Год южный, дождливый; безветрие до конца. После того как засуха господствовала непосредственно перед этим, около восхождения Арктура наступили обильные дожди с южным ветром. Мрачная облачная осень, обилие дождей; зима с южным ветром, влажная, мягкая после солнцестояния; но долгое время спустя, при приближении равноденствия, возвращение зимнего времени и уже около самого равноденствия—северные ветры со снегом, продолжавшиеся недолгое время. Снова южная весна без ветра; обильные беспрерывные дожди до восхождения Пса. Лето ясное, жаркое; удушливая жара; летние ветры дули очень немного и без правильности, но около восхождения Арктура начались обильные дожди с северным ветром.

Когда же год был, таким образом, с южным ветром, влажным и мягким, люди чувствовали себя поистине здоровыми в течение зимы, исключая чахоточных, о которых будет речь.

3. Ранней же весной, вместе с наступившими холодами, появились многочисленные рожи: у одних от какой-нибудь причины, у других без причин, плохого качества, погубившие много людей; частые боли горла; изменение голоса; горячки; френиты; афты во рту; опухоли на половых органах; офтальмии; карбункулы; расстройства желудка; анорексии; жажда у одних и отсутствие ее у других; моча мутная, обильная, плохая; сонливость у большинства, прерываемая бессонницей; у многих отсутствие кризиса или трудный кризис; водянки; много чахоток. Таковы были болезни, которые господствовали эпидемически; были

больные каждого из сортов, обозначенных выше, и многие умерли. Вот симптомы, которые наблюдались в каждом из этих видов.

4. Рожа у многих открывалась из-за ничтожной случайной причины на самых маленьких ранках, на всем теле, но в особенности у лиц около шестидесяти лет и на голове у многих, которые хоть немного пренебрегали лечением этих повреждений. У многих даже в то время, когда их лечили, появлялись большие воспаления, и рожа быстро распространялась во всех направлениях. У большинства из них нарывы переходили в нагноение, и мясо, сухожилия и кости на большом протяжении отпадали. Истечение, которое образовалось, не походило на гнойное, но это был другой вид гниения и истечение обильное и разновидное. У тех, у которых случалось, что голова служила местом какого-нибудь из этих повреждений, вся голова и подбородок были обнажены от волос, было обнажение костей и выпадение их, происходило обильное истечение. И это протекало с лихорадкой или без лихорадки. Эти случаи были более страшны, чем опасны, потому что из тех, у которых болезнь приводила к нагноению или к какому-нибудь подобному созреванию, большинство выздоравливало, но из тех, у кого воспаление и рожа расходились, не образовав никакого подобного нарыва, многие погибали. Случаи были одинаковые, в какой бы части тела ни поместилась эта блуждающая болезнь. У многих плечо и предплечье всецело были кругом обнажены; у тех, у которых болезнь помещалась на груди, она портила стенки или передней или задней части; у других бедро целиком или голень или же вся стопа была обнажена; из всех этих повреждений самые тяжелые были те, которые находились на лобке и в половых частях. Таковы были рожи, происходившие вокруг ран из-за случайных причин. У многих они появлялись во время лихорадок и перед ли-

хорадками и после них. С этими рожами случалось также, что те, при которых образовался нарыв и нагноение или своевременные кишечные извержения, или же благоприятное выделение мочи, они в этом находили свое разрешение, но те, при которых не являлось ничего подобного и которые исчезали без явных знаков, те оканчивались гибельным образом. Рожа господствовала особенно весной; однако, она продолжалась также в течение лета и до осени [4].

5. Много беспокойства было причиняемо некоторым опухолями в горле, воспалениями языка, нарывами на деснах. У многих голос представлял признаки испорченности, был прерывистым и измененным, сначала у тех, у которых начиналась чахотка, потом даже при горячках и френитах.

6. Горячки и循 френиты начались рано весной после наступивших холодов, и тогда весьма многие заболели. Симптомы при них были остры и смертельны. Вот какой был характер: вначале кома, тошнота, дрожь, мелкая, острая лихорадка, жажда посредственная; совсем нет бреда; из ноздрей немного вытекает крови; пароксизмы у большинства в четные дни; около пароксизмов беспамятство; общее расслабление; потеря голоса. Руки и ноги, постоянно холодные, охлаждались еще больше при приближении пароксизмов; потом больные согревались медленно и плохо, снова приходили в себя и разговаривали. Они были или погружены в беспрерывную кому без сна, или одержимы бессонницей из-за страданий. У большинства из них расстройство желудка; непереваренные извержения, тонкие, обильные; моча обильная, тонкая, не представляющая ничего критического, ни благоприятного; у этих больных, так пораженных, не проявилось также никакого другого критического явления; у них не наблюдалось ни благоприятного кровотечения, ни какого из критических нарывов, которые образуются обыкновенно, Больные умирали,

каждый как придется, неправильно: некоторые—лишенные в течение долгого времени голоса; многие—обливаясь потом. Таковы были симптомы в гибельных случаях; они были почти те же и у больных, пораженных френитом. Эти были совершенно без жажды, и ни один из них не безумствовал, как это замечается у других, но вместо этого они были погружены в какую-то вялую и плохую летаргию, от тяжести которой погибали.

7. Господствовали также другие лихорадки, о которых было написано; у многих были афты и изъязвления рта; частые отеки на половых органах; изъязвления; опухоли внутри и снаружи, вздутия в пахах; воспаления глаз, влажные, длительные и болезненные; мясистые, образовавшиеся на веках, снаружи и внутри опухоли, которые влекли за собой потерю зрения у многих и которые называют «фигами» [5]. Вырастали также и на других ранах многие опухоли и на половых органах. Летом замечалось большое число карбункулов и других болезней, которые называются септическими. Пустулезные сыпи обширнее. А у многих больных—большие пузырчатые сыпи.

8. Припадки со стороны желудка были у большинства многочисленны и пагубны; сначала у многих были тенезмы болезненные, в особенности у детей и у всех тех, кто не достиг еще возмужалости, и большинство из них погибло. Были поносы в большом количестве. Дизентерии, которые причиняли также только посредственные страдания. Выделения были желчные, жирные, тонкие и водянистые. В большом количестве случаев они сами составляли болезнь, имея место не только при лихорадках, но и без лихорадок; болезненные колики кишок и рези плохого характера. Хотя много материй было в теле и ова́лись задерживаемы, но вышедшие извержения не облегчали боли, и прописываемые больным средства действовали только с трудом. Действительно, слаби-

тельные усиливали болезнь у большинства. Из тех, которые находились в этом состоянии, большинство умерло быстро, но много также противостояло дольше. Сказать коротко, все больные,—как те, у которых болезнь была длинной, так и те, у которых болезнь была острой,—умерли в особенности от явлений со стороны желудка, потому что это желудок погубил их всех.

9. Отсутствие аппетита было общим не только у больных, перечисленных прежде, в степени, которой я никогда не встречал, но особенно у этих и других, у которых жизнь была в опасности. Некоторые были мучимы страшной жаждой, у других ее не было; при лихорадках и при других болезнях никакой больной не чувствовал чрезвычайной жажды, и ты мог регулировать их питье, как находил нужным.

10. Что же касается мочи, она была обильна, но выделения, будучи далеко от пропорциональности с прописываемым питьем, очень превосходили его в количестве; кроме того, в моче много было каких-то худых качеств. Она не имела ни консистенции, ни варения, ни полезного очищающего действия. В общем, очищающее действие мочи, которое облегчает, имеет хорошее предзнаменование, но здесь она обозначала изнурение, расстройства, страдания и отсутствие кризиса.

11. Френиты и горячки были в особенности сопровождаемы комой; этот симптом являлся также в течение всех других болезней, которые сопровождались лихорадкой. В общем у большинства замечали или глубокую кому, или короткий легкий сон.

12. Господствовало много других видов лихорадки: трехдневные, четырехдневные, ночные ежедневные, непрерывные, длительные, блуждающие, лихорадки с тошнотой, неправильные. Все эти лихорадки сопровождались большим расстройством; у большинства больных желудок был расстроен; появлялась дрожь,

поты, которые не были критическими, и моча такая, как была описана выше. Болезнь долго длилась у большинства потому, что нарывы, которые образовались у них, не приводили совершенно к разрешению болезни, как это было у других. Все болезни представляли и тяжесть кризиса, и отсутствие кризиса и долгую продолжительность, но это замечалось гораздо больше при этих болезнях. У малого числа кризис был около 80-го дня; у большинства болезнь прекращалась как придется. Небольшое число умерло от водянки прямо на ногах. Многие, так же как больные, пораженные другими болезнями, были измучены отечными опухолями, в особенности чахоточные.

13. Из всех болезней самая великая, самая трудная и наиболее уносящая людей была чахотка. Многие начали болеть ею в течение зимы, и из них некоторые слегли в постель, другие переносили прямо на ногах. С первых дней весны большинство из тех, которые слегли в постель, умерло. Что же касается других, то кашель, не прекращаясь совершенно ни у кого, уменьшился в течение лета, но осенью все слегли в постель и многие умерли. Большинство из них долго болело. Внезапное обострение состояния у большинства было обозначаемо появлением признаков: частой и мелкой дрожью; во многих случаях продолжительная острая лихорадка; несвоевременные обильные и холодные поты до конца; часто зябли, с трудом опять разогревались. Закрепления кишечника сменялись быстро расслаблениями; перед концом у всех сильное расстройство. Все, что было вокруг легкого, распределялось внизу. Обилие мочи, которая не была полезной; плохие разжижения. Кашель был до конца, постоянный, и сопровождался обильным выделением материй переваренных и жидких, но они немного причиняли боли, и если больные и страдали, то очищение легкого производилось у всех легким способом. Горло было местом только небольшого раздражения,

и соленые мокроты не тревожили, но материи вязкие, белые, жидкие и пенистые опускались из головы в изобилии. Самое великое зло, которое не покидало этих больных и других, была анорексия, о которой было написано выше, потому что, не имея никакого аппетита к питью и пище, они были без жажды; испытывали тяжесть в теле; коматозное состояние; у весьма многих из них отеки, и они становились водяночными; озноб с дрожью; перед смертью бред.

14. Чахотка свирепствовала среди мужчин, тело которых было без волос, кожа беловатая, цвет бледный, розоватый, глаза светлые, мышцы мягки и одутловаты, лопатки выступали подобно крыльям; то же относится и к женщинам. Что же касается меланхолических и немного сангвинических комплекций, они были поражены горячками, френитами и дизентериями. Молодые люди флегматики были поражены тенезмами; желчные—продолжительным поносом и стулом едким и жирным.

15. Для всех этих болезней, которые только что были описаны, весна была наиболее гибельным временем года и убила наибольшее число больных. Лето было наиболее благоприятным сезоном, и не многие умерли. В течение осени и во время Плеяд снова многие умирали. Мне кажется, что здоровое влияние, которое оказывалось летом, соответствует рассуждению; действительно, наступление зимы излечивает больных летних, и обратно—лето меняет зимних больных. Однако, лето этого года не было само по себе правильным сезоном; оно было неожиданно жарко, южное и без ветра, тем не менее его перемена в отношении прочего состояния принесла пользу.

16. Я рассматриваю, как важную часть искусства, способность произнести верное суждение относительно того, что написано. Тот, у кого есть эта способность и который может ею пользоваться, не совершит по моему суждению важных ошибок в искусстве,

Нужно научиться познавать с точностью состояние погоды каждого времени года и каждой болезни, какое общее благо в погоде или в болезни, какое общее зло в погоде или в болезни; какая болезнь продолжительна и смертельна, какая продолжительна и без опасности; какая болезнь острая и смертельная, какая острая и безопасная. Исходя из этого, имеют возможность замечать порядок критических дней и оттуда ставить прогноз. Когда знают эти вещи, знают также, какому больному, в какое время и каким образом нужно назначать диэту.

ШЕСТНАДЦАТЬ БОЛЬНЫХ

Первый больной

17. На острове Фасосе паросец, живший выше храма Артемиды, был охвачен острой лихорадкой, которая сначала была непрерывной, жгучей; жажда; смены комы и бессонницы; расстройство желудка; тонкая моча. На 6-й день больной выделил мочу маслянистую; галлюцинировал. На 7-й день все обострилось; больной совсем не спал, но моча оставалась такой же; спутанное сознание; стул желчный и вязкий. На 7-й день у больного было небольшое кровотечение из носа; его вырвало немного материей ржавого цвета; немного спал. На 9-й день то же состояние. На 10-й день все улучшилось. На 11-й день у больного был пот, но не общий: он почувствовал холод, но вскоре согрелся. На 14-й день острая лихорадка; стул желчный; тонкий, обильный; нечто плавающее в моче; галлюцинировал. На 17-й день тяжелое состояние, потому что не было сна и лихорадка увеличилась. На 20-й день общий пот; бессонница; стул желчный; отвращение к пище; кома. На 24-й день возвращение лихорадки. 34-й день свободен от лихорадки; желудок не закрепился, и снова жар возвратился. 40-й день свободен от лихорадки; желудок

закрепился в течение короткого времени; отвращение к пище; у больного опять была небольшая лихорадка—в общем неправильная; одно время—жар, другое—нет, потому что, едва бывала какая-нибудь интермиссия и кое-какое облегчение, как возвращалась лихорадка. Больной питался мало и плохо; у него был плохой сон; во время рецидива галлюцинировал; он выделял тогда густую мочу, мутную и неблагоприятного характера; желудок то закреплялся, то расслаблялся. Лихорадочное состояние беспрерывное; стул обильный, тонкий. Больной умер на 120-й день. У этого больного с первого дня и до конца либо желудок был расслаблен и стул был желчный, жидкий, обильный или же, если желудок закреплялся, извержения состояли из материй обожженных и без варения; моча до конца была плохая; кома в течение большинства времени; мучительная бессонница; беспрерывное отвращение к пище. Жгучая лихорадка. [Толкование знаков: вероятно, ослабление, произведенное лихорадкой, френитом и поражением подреберья, вызвало смерть на 120-й день.]

Второй больной

На острове Фасосе женщина, жившая возле Холодной Воды, родила девочку, и, когда очищения не происходили больше, была охвачена через 3 дня после родов острой и трясучей лихорадкой. Задолго до своих родов она лихорадила, слегла в постель и была без аппетита. После имевшего место озноба лихорадка была беспрерывная, острая и трясучая. На 8-й день и следующие дни галлюцинации общие, с быстрым возвращением сознания; расстроенный желудок; стул обильный, тонкий, водянистый и желчный; отсутствие жажды. На 11-й день больная пришла в сознание, но была в коме; моча была обильная, тонкая, черная; бессонница. На 20-й день—легкий озноб, за которым сейчас же последовало возвраще-

ние жара. Немного бредила; бессонница; кишечные извержения остались те же; водянистая обильная моча. На 27-й день—апирексия; закрепление желудка; немного времени спустя очень сильная боль правого бедра продолжительное время; снова возникла лихорадка; водянистая моча. На 40-й день боль бедра облегчилась, но появился беспрерывный кашель, влажный, с обильным выделением; желудок закрепился; отсутствие аппетита к пище; моча представляла те же признаки. В общем лихорадка не имела интермиссий, но пароксизмы ее были неопределенными: то они появлялись, то их не было. На 60-й день кашель исчез незаметно, потому что не проявлялось никакого варения в отхаркиваниях, никакого обычного абсцесса. Щека с правой стороны была охвачена конвульсивными подергиваниями. Кома; больная снова немного бредила, потом быстро приходила в себя; было отвращение к пище; конвульсии щеки уменьшились; небольшой, желчный стул; лихорадка стала более острой; мелкая дрожь. В следующие дни больная потеряла голос, потом снова разговаривала. На 80-й день умерла. До конца моча была черная, тонкая и водянистая; кома упорно держалась; отвращение к пище, упадок духа, бессонница, гнев, беспокойство, меланхолическое состояние ума. [Толкование знаков: вероятно, прекращение послеродовых очищений вызвало смерть на 80-й день.]

Третий больной

На острове Фасосе Пифион, живший выше храма Геркулеса, после работ, утомлений и образа жизни мало регулярного, был охвачен сильным ознобом и острой лихорадкой. Язык слегка сухой, желчный; чрезвычайная жажда; не спал; моча черноватая с с кое-чем плавающим наверху; осадка не образовывалось. На 2-й день к середине дня—холодные конечности, особенно руки и голова; потеря речи, потеря

голоса; короткое дыхание в течение долгого времени; затем больной согрелся; жажда; покойно проведенная ночь; был небольшой пот головы. На 3-й день больной был спокоен, но вечером, около заката солнца, снова почувствовал небольшой озноб; тошнота, беспокойство, тяжелая ночь; не спал, выделил небольшое количество твердых испражнений. На 4-й день спокойствие утром, но к середине дня все обострилось; озноб; потеря речи, голоса; состояние ухудшилось; затем больной согрелся; он выделил черную мочу с кое-чем плавающим в ней; ночь была покойна; был сон. На 5-й день больной казался лучше, но в желудке болезненная тяжесть, чрезвычайная жажда; мучительная ночь. На 6-й день: утро прошло спокойно, но вечером страдания увеличились; обострение; вечером небольшая клизма вызвала у больного благоприятный стул; ночь он спал. На 7-й день в течение дня тошнота; немного беспокойства; выделил маслянистую мочу; в течение ночи много беспокойства; бредил; совсем нет сна. На восьмой день утром спал немного, но вскоре затем — озноб; потеря голоса; легкое дыхание, ослабленное; вечером снова согрелся; галлюцинировал; при наступлении дня было легкое улучшение; небольшой стул, чистый, желчный. На 9-й день кома; тошнота, когда просыпался; посредственная жажда; около захода солнца было тягостное состояние; бредил, и ночь была плохая. На 10-й день утром потеря голоса, сильный озноб, острая лихорадка, обильный пот; больной умер. Он страдал сильнее всего в четные дни. [Толкование знаков: вероятно, обилие потов вызвало смерть на 10-й день].

Четвертый больной

У больного, пораженного френитом и слегшего в постель, в первый день были обильные рвоты тонких материй меднокрасного цвета; трясучая лихорадка, очень сильная; беспрерывный общий пот; тяжесть

головы и шеи с болью; моча тонкая, нечто плавающее в ней, небольшое и рассеянное; совсем нет осадка; больной выделил громадное количество экскрементов; много галлюцинировал; совсем не спал. На 2-й день утром—потеря речи; острая лихорадка; потел; интермиссии нет; трепетание во всем теле; ночью конвульсии. На 3-й день все обострилось. На 4-й умер. [Вероятно, поты и конвульсии причинили смерть.]

Пятый больной

В Лариссе [6] лысый человек внезапно почувствовал боль в правом бедре; никакое из прописанных ему лекарств не помогало; 1-й день: острая лихорадка характера жгучей; держал себя спокойно; боли продолжались. На 2-й день боли в бедре хотя уменьшились, но лихорадка усилилась; у больного было тягостное состояние; он не спал; холодные конечности; выделил в большом количестве мочу, которая не была хороша. На 3-й день боль бедра прекратилась, но появилось расстройство рассудка, волнение и большое беспокойство. На 4-й день около середины дня он умер. Острая болезнь[3].

Шестой больной

В городе Абдерах [7] Перикл был охвачен острой лихорадкой, постоянной, со страданиями; большая жажда, тоска; он не мог удерживать питья; у него было небольшое увеличение селезенки и тяжесть головы. В 1-й день у него было кровотечение из левой ноздри; лихорадка, однако, очень возросла; он выделил обильную мочу, мутную, белую, которая при стоянии не давала совсем осадка. На 2-й день все обострилось, хотя моча, еще густая, осаждалась больше; что же касается тоски, она уменьшилась; больной спал. На 3-й день лихорадка сделалась мягче; обильное выделение переваренной мочи, имеющей большой осадок; проведенная спокойно ночь.

На 4-й день к середине дня у больного был обильный пот, горячий, общий. Свободен от лихорадки; наступил кризис, и лихорадка не возобновлялась. Острая болезнь [3].

Седьмой больной

В Абдерах молодая девушка, жившая на Святой дороге, была охвачена жгучей лихорадкой; у нее были жажда и бессонница; ее месячные показались в этот момент в первый раз. На 6-й день—сильная тоска, краснота, дрожь, печаль. На 7-й день—то же состояние; хотя моча тонкая, но хорошего цвета; со стороны желудка не была мучима. На 8-й день глухота, острая лихорадка, бессонница, тоска, дрожь; у больной было сознание; моча не изменилась. На 9-й день и следующие дни—то же состояние; также упорствовала глухота. На 14-й день сознание расстроено; лихорадка улучшилась. На 17-й день обильное кровотечение из носа; глухота немного уменьшилась. В следующие дни—тоска; глухота; был и бред. На 20-й день боль ног; глухота; бред прекратился; небольшое кровотечение из носа; пот, апирексия. На 24-й день возвращение лихорадки, снова глухота; боль ног упорно продолжалась; расстроенное сознание; на 27-й день обильный пот; совсем нет лихорадки; глухота исчезла; боль ног продолжалась, но в остальном болезнь совершенно разрешилась. [Вероятно, выздоровление на 27-й день вследствие выделения мочи.]

Восьмой больной

В Абдерах Анаксион, живший у Фракийских ворот, был охвачен острой лихорадкой; беспрерывная боль в левом боку; сухой кашель без выделений в первые дни; жажда; бессонница; моча хорошего цвета, обильная, тонкая. На 6-й день — бред; горячие припарки к левому боку не дали никакого улучшения. На 7-й день мучительное состояние, потому

что лихорадка увеличилась, а страдания не уменьшились: кашель мучил, и больной испытывал одышку. На восьмой день я ему сделал кровоизвлечение из локтя [8]; кровотечение было обильное—такое как, оно должно было быть; страдания уменьшились, но сухой кашель продолжался. На 11-й день лихорадка уменьшилась; у больного был небольшой пот головы, кашель и выделения из легкого, более влажные. На 17-й день больной начал отхаркивать немного созревшей мокроты и был облегчен. На 20-й день потел и был без лихорадки, но после кризиса испытывал жажду и выделения из легких не были хорошего качества. На 27-й день лихорадка снова возвратилась; больной кашлял; он выделил много зрелой мокроты; моча представляла осадок обильный и белый; больной был без жажды, свободно дышал. На 34-й день обильно потел, освободился от лихорадки; окончательный кризис. [Толкование знаков: вероятно, выделение мокроты произвело выздоровление на 34-й день.]

Девятый больной

В Абдерах Геропит чувствовал боль головы, находясь на ногах; немного времени спустя слег в постель. Он жил возле Верхней дороги. Он был охвачен горячей и острой лихорадкой; вначале его много рвало желчными материями; жажда; много беспокойства; тонкая моча, черная, то с кое-чем плавающим в ней, то без него вверху; трудная ночь; лихорадка, усиливающаяся то одним, то другим способом, в общем блуждающая. Около 14-го дня—глухота; лихорадка возросла в силе; моча сохранила тот же характер. На 20-й день много галлюцинировал—так же, как и в следующие дни. На 40-й день у больного было обильное кровотечение из носа, и он более сознавал; глухота существовала еще, но в меньшей степени; лихорадка уменьшилась. Кровотечение возобновлялось в следующие дни часто, но мало за один раз.

Около 60-го дня кровотечения прекратились, но появилась сильная боль правого бедра, и лихорадка увеличилась. Немного времени спустя боль во всех нижних частях; случалось так, что или лихорадка была больше и глухота сильнее, или эти явления ослабевали, а боли в нижних частях и бедре усиливались. Около 80-го дня без того, чтобы что-нибудь прекратилось, наступило, тем не менее, улучшение, потому что выделилась моча хорошего цвета и дающая больше осадка; бред был меньше. Около 100-го дня у больного был стул обильный и желчный, и эти обильные извержения продолжались немалое время, потом снова возвратились припадки дизентерии с болью, но остальное улучшилось. В общем лихорадка исчезла, и глухота прекратилась. На 120-й день разрешение болезни было полное. Жгучая лихорадка. [Толкование знаков: вероятно, желчные выделения доставили выздоровление на 120-й день.]

Десятый больной

В Абдерах Никодем был охвачен сильной лихорадкой после половых излишеств и питья; вначале он чувствовал тоску и боль сердца; чрезвычайная жажда; язык был обожжен; моча тонкая, черная. На 2-й день лихорадка обострилась; дрожь; тоска. Больной не спал; его рвало желчными желтыми массами; моча, подобная этому; ночь прошла спокойно; спал. На 3-й день все ослабело; облегчение; к заходу солнца возобновилось тягостное состояние, и ночь была трудна. На 4-й день озноб, сильная лихорадка; боль всего тела; тонкая моча с кое-чем плавающим в ней; снова проведенная спокойно ночь. На 5-й день все припадки существовали, правда, но было облегчение. На 6-й день те же общие страдания; в моче нечто плавающее; много галлюцинировал. На 7-й день облегчение. На 8-й день все остальное ослабело. На 10-й и следующие дни страдания существовали еще, но все они были

менее сильны. Пароксизмы и страдания у этого больного давали себя чувствовать сильнее постоянно в четные дни. На 20-й день он выделил белую мочу, которая была густа и которая, оставленная в покое, не давала совсем осадка. Больной много потел и казался без лихорадки, но к вечеру у него было возвращение жара. Снова появились те же страдания: дрожь, жажда, легкие галлюцинации. На 24-й день больной выделил много белой мочи, которая дала обильный осадок; у него был сильный пот, горячий, общий; болезнь разрешилась. [Толкование знаков: вероятно, выздоровление на 24-й день вызвано желчными выделениями и потами.]

Одиннадцатый больной

На острове Фасосе своенравная женщина, имевшая некоторые причины печали, заболела прямо на ногах бессонницей и отвращением к пище; у нее была жажда и тоска. Она жила возле дома Пилада в долине. В первый день, в начале ночи,—ужас; она много говорила; упадок духа; легкое лихорадочное состояние; утром—частые конвульсии. Когда эти частые конвульсии прекратились, больная бредила, говорила непристойности; различные боли сильные, беспрерывные. На 2-й день то же состояние; совершенно не было сна; лихорадка более острая. На 3-й день конвульсии прекратились, но больная находилась в коме и в подавленном состоянии, которое сменялось возбуждением: она соскакивала со своей постели, не могла сдержать себя, много бредила; острая лихорадка. В ту же ночь обильный пот, горячий, общий; отсутствие жара; сон; полное возвращение в сознание; разрешение болезни. Около третьего дня—черная, тонкая моча, с кое-чем плавающим в ней, круглым, которое не осаждалось. Около кризиса месячные текли обильно.

Двенадцатый больной

В городе Лариссе молодая девушка была охвачена жгучей острой лихорадкой. Бессонница; жажда; язык, покрытый корками, сухой; моча хорошего цвета, но тонкая. На 2-й день тягостное состояние; больная не спала. На 3-й день у нее был обильный водянистый стул зеленоватого цвета; те же извержения повторялись в следующие дни, с облегчением. На 4-й день больная выделила тонкую мочу в малом количестве, имевшую нечто плавающее в ней сверху, что не осаждалось; в течение ночи она галлюцинировала. На 6-й день у нее было обильное кровотечение из носа и после дрожи профузный пот, горячий, общий; свободна от лихорадки; болезнь разрешилась. Во время лихорадки и даже после кризиса появились месячные в первый раз, ибо больная была девица. Во все течение болезни у нее была тоска, дрожь, красное лицо, боль в глазах, тяжелая голова. Не было рецидива, но было разрешение. Боли были в четные дни.

Тринадцатый больной

В Абдерах Аполлоний чахнул долго, находясь на ногах; у него были вздуты внутренности, и с давнего времени он имел обычную боль в области печени; с этого времени он сделался желтушным; ветры; желтоватый оттенок кожи. Пообедав и выпив не во время коровьего молока, он почувствовал жар,—сначала слабый,—и слег в постель; он употреблял в большом количестве вареное и сырое молоко, козье и овечье; следовал плохой диэте, и в нем все начало страдать в большем размере, потому что лихорадка обострилась; кишечные извержения были ничтожны в отношении к принимаемой пище; моча была тонкая и в небольшом количестве; не было совсем сна; сильный метеоризм; интенсивная жажда; кома; взду-

тие правого подреберья с болью; конечности повсюду немного холодные; больной слегка бредил; забывал все, что говорил: он не был более в сознании. Около 14-го дня, считая от того, когда слег в постель, испытав дрожь и жар, он безумствовал: крики, беспокойство, много говорил, потом—пот; тогда наступила кома; после этого желудок расстроился,— были обильные извержения желчных материй, чистых и без переваривания. Моча черная, малообильная, тонкая; сильное беспокойство; вид стула был различный: или черный, малообильный, позеленелый, или жирный, без переваривания, едкий, по временам даже казался похожим на молоко. На 24-й день—тихое состояние; впрочем, все остальное было тем же; у больного были небольшие возвращения в сознание, но со дня, когда он слег, он ничего не помнил; вскоре после он снова начал бредить; все шло, ухудшаясь. Около 30-го дня острая лихорадка; обильный стул, тонкий; бред; холодные конечности; потеря голоса. На 34-й день умер. Этот больной, с момента, в который я его видел, имел до конца расстроенный желудок, тонкую черную мочу, кому, бессонницу, холодные конечности и бред до конца. Френит.

Четырнадцатый больной

В Кизике[9] женщина, родив двух девочек-близнецов, после трудных родов, когда очищение не было полным, была охвачена сначала трясучей острой лихорадкой; тяжесть с болью головы и шеи. Сначала у больной была бессонница; в то же время она была молчаливая, хмурая и не подчинялась никакому приказанию. Моча тонкая и бесцветная; жажда; тоска; большую часть времени желудок неправильный; он то расслаблялся, то снова закреплялся. На 6-й день ночью больная много бредила, совсем не спала; около 11-го дня безумствовала, потом пришла в себя;

моча черная, тонкая и снова по прошествии времени маслянистая; кишечные извержения были обильные, тонкие и мутные. На 14-й день частые конвульсии; холодные конечности; никакого возвращения к сознанию; моча остановилась. На 16-й день потеря голоса. На 17-й день умерла. Френит.

Пятнадцатый больной

На Фасосе жена Делеарка, жившая в долине, была охвачена после печали лихорадкой трясучей и общей. Сначала она натягивала на себя свое одеяло, все время до конца сохраняя молчание; она руками щупала, выдергивала, царапала, собирала волосы; слезы, сменяемые по временам смехом; не спала; раздражение со стороны кишечника; отсутствие стула. Пила мало, даже при напоминании об этом. Моча тонкая и малообильная; судя по руке, лихорадка была легкая; холод конечностей. На 9-й день много бредила, потом приходила в себя; молчаливость. На 14-й день дыхание по временам редкое и глубокое и снова делающееся коротким. На 17-й день раздражение и расстройство желудка; потом выходило уже само питье. Больная была бесчувственна ко всему; кожа натянутая и сухая. На 20-й день больная умерла. У нее до конца дыхание было редкое и большое; совершенно ничего не чувствовала; беспрестанно покрывала себя и до конца либо много говорила, либо хранила молчание. Френит.

Шестнадцатый больной

На Мелибее[10] молодой человек, разгорячаемый вследствие напитков и половых излишеств в течение долгого времени, слег в постель; у него была дрожь, тоска, бессонница, совсем не было жажды. Первый день у него был стул несколько раз, твердый, с большим истечением жидкости; в следующие дни стул водянистый, зеленоватого цвета; моча тонкая, мало-

обильная, бесцветная; дыхание по временам редкое и глубокое; мягковатое напряжение подреберья,— удлиняющееся в обе стороны; беспрерывное биение сердца в течение всей болезни; выделил маслянистую мочу. На 10-й день галлюцинировал спокойно, был же он скромный и молчаливый; кожа сухая и натянутая; стул либо обильный и тонкий, либо желчный и жирный. На 14-й день все обострилось: галлюцинировал, много бредил. На 20-й день безумствовал; сильное беспокойство; больной не выделял совсем мочи; удерживал в себе лишь небольшое количество питья. На 24-й день умер. Френит.

1. В конце некоторых историй болезней 3-й книги «Эпидемий» находится ряд букв и каких-то загадочных знаков), похожих на буквы. Их называли характерами (χαρακτῆρες), и уже в древности о них возникла целая литература. Из греческих комментаторов один Зенон приписывал их самому Гиппократу; все остальные считали их позднейшей прибавкой. Предполагали, что составил их Мнемон, врач из малоазийского города Сиды, занимавшийся в Александрийской библиотеке и там же приписавший их черными чернилами. По другой версии «характеры» находились в экземпляре, купленном у корабельщиков, на котором стояло имя Мнемона; следовательно, составлены они в Сиде, в школе Клеофанта. Гален, который подробно излагает всю историю, указывает, что в старых рукописях «Эпидемий», которые он видел, знаков не было. Он же пытался расшифровать эти загадочные характеры (что отчасти было сделано и раньше), предполагая, что каждая буква служила началом отдельного слова, и составил ключ. Существуют далее разногласия, у каких историй болезни они должны находиться. Гален указывает, что раньше у 6 первых больных их не было и прибавлены они были впоследствии (см. Литтре, III, 28; Ковнер, Прибавления, стр. 26), из филологов этим вопросом занимался Ильберг (Ilberg, Philologus, 54, 3).

2. «Острое заболевание». Эти короткие диагнозы в конце историй болезни, по мнению Галена, прибавлены кем-то для памяти. Они находились не во всех экземплярах.

3. Знаки расшифровать не удалось.

4. Эпидемия рожи с обширными гангренозными разрушениями, протекавшая в обстановке мирного времени, остается для нас загадочной. Литтре указывает на ее сходство с ужас-

ными гангренозными эпидемиями средних веков, которые под именем антонова огня (feu Saint-Antoine, mal des ardents) наводили ужас на население. Но те заболевания безусловно вели к смерти, тогда как здесь, наоборот, разрушения гарантировали выздоровление. Розенбаум сближал эту эпидемию с так называемой афинской чумой 428 года, описанной Фукидидом, и видел в ней эпидемию того же характера, как и эпидемия сифилиса в XV веке. Гезер также предполагал, что эпидемия Гиппократа совпадала по времени с афинской чумой и с эпидемией чумы в Риме, описанной около этого времени Титом Ливием, и видел в них проявление одной и той же инфекции, которую он считал тифоидной. Подробная критика этих предположений дана Литтре (III, Argument и Avertissement).

5. Греч. σῦκα.

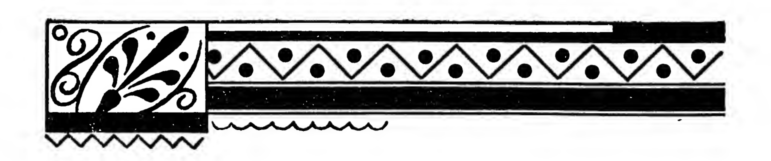
6. Ларисса, Λάρισσα, город в Фессалии, где Гиппократ долго жил.

7. Абдеры, Ἄβδηρα, город во Фракии, недалеко от острова Фасоса, родина философа Демокрита.

8. Здесь Гиппократ единственный раз упоминает о кровопускании, вероятно, потому, что оно было сделано на 8-й день ввиду болезни легкого. Кровопускания при лихорадках делались обычно, но как правило только в первые дни.

9. Кизик, Κυζίκος, колония в Малой Азии на берегу Пропонтиды.

10. Мелибея, Μελίβοια, небольшой город в Фессалии у подножия Оссы.



О ДИЭТЕ ПРИ ОСТРЫХ БОЛЕЗНЯХ

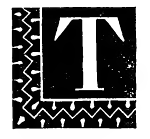
«О диэте при острых болезнях», περὶ διαίτης ὀξέων, de victu (diaeta) in acutis, в той первой части, перевод которой дается здесь, громадным большинством ученых признается подлинным сочинением Гиппократа. Гален предполагал, что эта книга была издана из записок, оставшихся после смерти Гиппократа (XV, 624). Написана ли она раньше книги «О древней медицине», с которой имеет нечто общее по стилю и содержанию, как это доказывал Петрекен, или после, как Литтре, решить трудно.

Если в «Древней медицине» автор протестует против построения медицины на основе натурфилософских гипотез, то здесь мы видим его как представителя косской школы, ведущего полемику с принципами книдской школы. Гален даже называет это сочинение иногда πρὸς τὰς κνιδίας γνώμας, «против книдских учений». В упрек им ставится исключительное пользование анамнезом при описании болезней, чрезвычайное увеличение их названий, однообразие терапии и неправильное назначение диэты. В противовес этому автор задается целью подробно осветить диэту при острых заболеваниях, как наиболее частых и опасных для жизни, и установить точные показания, когда, что и в каком количестве следует

давать в зависимости от состояния больного. Это задание он выполняет очень тщательно по отношению к обычному питанию таких больных. Большая часть книги (до гл. 14) посвящена главному диэтетическому средству—птизане, или ячменному отвару (почему Гален называет иногда всю книгу Περί πτισάνης), далее следует назначение вина, разных сортов и крепости (гл. 14), меликрата, или воды с медом (гл. 15), оксимеля, т. е. меда с уксусом (гл. 16) и воды (гл. 17). В конце подробно рассматривается применение ванн (гл. 18).

Далее следует вторая часть, еще с древности признаваемая подложной (νόθα). В ней идет речь сначала об острых болезнях, горячке, лихорадках, их лечении кровопусканием, затем о самых различных болезнях без всякой системы, включая сюда рецепты против болезней глаз. Гален, анализировавший эту часть, находит, что одни места в ней достойны Гиппократа и по выражению и по мысли; другие—или по выражению, или по мысли; третьи недостойны его ни в том, ни в другом отношении. Он предполагает, что какой-нибудь ученик собрал отдельные заметки Гиппократа без системы и прибавил к ним свою мудрость. Хотя эта часть не имеет прямого отношения к первой и явно к ней пристегнута, но с точки зрения медицины «Сборника» в целом, несомненно, представляет интерес.

Литература. Литтре, II (192 и сл., 378 и сл); Фукс (Puschm. Gesch., I, 228).



Е, которые изложили в писаниях так называемые «Книдские изречения», правильно описали все то, что в каждой отдельной болезни терпят больные и каким образом обыкновенно проходят у них некоторые болезненные явления, и в этих пределах всякий, даже не врач, мог бы правильно писать, если бы хорошо от больных узнал все, что они терпят. Но все то, что должно врачу наперед знать без доклада больного, это в значительной степени опущено, а между тем эти сведения в разных случаях различны и некоторые из них весьма важны для заключения [1]. Но когда дело идет о заключении, каким образом должно лечить каждый отдельный случай, обо всем этом я многое знаю по-иному, чем они изложили. И я не хвалю их не только поэтому, но еще и потому, что они употребляют немногие по числу врачебные средства, ибо в большинстве случаев, исключая острые болезни, они говорят: «должно дать очистительное лекарство на низ» и «должно пить сыворотку и молоко, когда можно, по времени года». Итак, если бы все эти средства были хороши и соответствовали тем болезням, во время которых их советуют принимать, то они достойны были бы скорее похвалы, потому что хотя их немного, но они вполне достаточны. Теперь же дело обстоит иначе. Те, которые впоследствии дополнили «Книдские изречения», дали нечто более медицинское относительно назначений в каждом отдельном случае. Однако относительно диэты древние не написали ничего до-

стойного упоминания и, хотя это вещь важная, опустили ее. Впрочем, некоторые из них знали разнообразные формы отдельных болезней и многочисленное разделение их, но, стараясь точно указать числа отдельных болезней, они неправильно описали их. И в самом деле, никто легко не исчислит их, если будет на том основании обозначать болезнь у болеющих, что она отличается от другой каким-нибудь признаком, и не будет считать ее одною и тою же болезнью, если она не будет названа одним и тем же именем.

2. Мне нравится, чтобы на всякое искусство мы устремляли свое внимание. В самом деле, какие операции производятся правильно и красиво, каждую из них надо делать правильно и красиво; которые имеют нужду в скорости, те—скоро; которые требуют чистоты—чисто и которые можно делать рукою без боли, эти как можно больше следует делать без боли, и все другое в этом роде следует доводить до лучшего в отличие от других. Но я наибольше одобрил бы того врача, который в острых болезнях, от силы которых большинство людей умирает, ведет себя далеко лучше прочих. Эти острые болезни, насколько их древние выразили именами, суть: плеврит, перипневмония, френит, горячка и другие близкие болезни, лихорадки которых в общем непрерывны, ибо когда не свирепствует какой-либо общий вид губительной болезни эпидемически, но когда спорадически происходят указанные более многочисленные болезни,—от них умирает больше людей, чем от всех прочих, взятых вместе. Простые люди не достаточно различают тех, которые в этих болезнях далеко превосходят других, и являются скорее хвалителями или порицателями каких-нибудь особенных лечений. В самом деле, великим доказательством того, что простые люди совершенно не имеют никакого понятия о болезнях этого рода и не знают,

как с ними надо обходиться, служит вот что: не врачи кажутся скорее всего врачами в болезнях этого рода, ибо легко изучить названия всего того, что обыкновенно дается страдающим ими. Если кто назовет птизану (ячменный отвар), или то или другое вино, или меликрат (медовый напиток), то простым людям кажется, что все врачи говорят одно и то же, как лучшие, так и худшие. Но здесь дело не так обстоит, а напротив: в этих именно болезнях больше всего отличаются одни врачи от других.

3. Мне кажется, что наиболее достойно изложения все то, что не известно врачам и в то же время важно для познания, и все то, что приносит великую пользу или великий вред. Не известны даже такие вещи: по какой именно причине в острых болезнях некоторые врачи весь свой век дают непроцеженные ячменные отвары и думают, что они правильно лечат; а другие прежде всего заботятся о том, чтобы никоим образом больной не съел ячменного зернышка, думая, что от этого последует большой вред, но, процедивши через полотенце, предлагают только сок ячменя; а некоторые не предписывают ни густого отвара, ни ячменного сока: одни—пока болезнь не достигнет седьмого дня, другие—до конца, пока болезнь не разрешится. Вопросы этого рода врачи не особенно привыкли предлагать себе, а если бы предложили, то не разрешили бы их. А между тем, все искусство пользуется у народа такой дурной славой, что кажется, будто нет вовсе никакой медицины. Так что, если в острых болезнях настолько будут разногласить между собою специалисты, что то, что предлагает один, считая самым полезным, другой это признает даже вредным, то, смотря на них, скоро скажут, что медицинское искусство похоже на гадание, потому что и прорицатели одну и ту же птицу, если она является слева, считают хорошим знаком, а если справа—дурным и в гадании по внутренно-

стям животных также: в одних случаях—одно, в других—другое, а некоторые прорицатели утверждают всё наоборот.

Я утверждаю, что этот вопрос, сам по себе прекраснейший, близко связан с многими важнейшими вопросами в медицинском искусстве, ибо всем больным он дает большие возможности для выздоровления, здоровым—для сохранения их здоровья и тем, которые упражняются в гимнастике,—для приобретения хорошего внешнего вида и того, что каждый захочет.

4. Птизана, или ячменный отвар, кажется мне, справедливо предпочитается при упомянутых острых болезнях пред всеми хлебными кушаньями, и я хвалю тех, которые предпочитают его, ибо он имеет слизь легкую, непрерывную, приятную и скользкую, умеренно влажную, не возбуж ающую жажду, и легко выделяется, если требуется и это; он не имеет ничего вяжущего, не причиняет неприятного расстройства и не вздувается в желудке. Действительно, во время переваривания он вздувается настолько, насколько это он мог бы сделать естественно. Итак, те, которые в болезнях этого рода употребляют чистый ячменный отвар, пусть ни на один день не допускают, так сказать, опорожнения сосудов [2], но пусть употребляют его без перерыва, разве только полезно будет прекратить или ради лекарства, или ради клистира. И тем, которые привыкли принимать пищу два раза в день, дважды следует давать его; тем же, которые привыкли принимать пищу раз в день, в первый день давать однажды в случае необходимости и можно также давать дважды, если покажется нужным прибавить. Но вначале не должно предлагать ни большего количества, ни слишком густого отвара, но сколько следует сообразно привычке больного и чтобы не было большого опорожнения сосудов. Что касается до увеличения коли-

чества отвара, то, если болезнь будет суше, чем можно было думать, не следует предлагать в большом количестве, но перед отваром дать больному выпить или медового напитка, или вина, что больше подходит, а что именно будет наиболее подходящим в каждом отдельном случае—об этом будет сказано[3]. Если же рот больного увлажняется и выделения из легкого таковы, как им должно быть, то полезно увеличивать количество отвара как общее правило, ибо скорое и обильное увлажнение возвещает скорость кризиса, а более медленное и меньшее—более поздний кризис. И это, конечно, вообще так обстоит. Но и многое другое, также пригодное, оставляется без внимания, чем следует пользоваться для предсказания и о чем будет сказано после. Чем обильнее происходит очищение, тем большее количество должно прибавлять до кризиса, в особенности же в продолжение 2 дней после кризиса, в болезнях, которые разрешаются на 5-й, на 7-й или на 9-й день, чтобы также иметь в виду расчет четности и нечетности дней. После этого же утром должно употреблять ячменный отвар, а вечером переходить к кушаньям. Большею частью все это полезно для тех, которые сначала же употребляют цельный отвар ячменя. В самом деле, и плевритные боли тотчас перестают сами собой, когда начнут выплевывать что-нибудь достойное внимания и очищаться, и очищения бывают более совершенными и меньше делаются гнойными, чем если бы кто установил другую диэту; кроме того, кризисы делаются проще и лучше разрешаются и реже возвращаются.

5. Но должно, чтобы отвар ячменя был приготовлен из самого лучшего ячменя и как можно лучше сварен, и это в особенности в том случае, если ты хочешь употреблять не одну жидкость, ибо к прочим добрым качествам его присоединяется также следующее: скользкость отвара производит то, что съеден-

ный ячмень нимало не вредит, так как нигде не зацепляется и не замедляется проход по направлению к груди. Прекрасно сваренный отвар бывает наиболее скользким, наименьше возбуждает жажду, наилегче переваривается и есть самый легкий, а во всех этих качествах и имеется нужда. Если, кроме того, не предписать необходимого для того, чтобы способ питания этим отваром ячменя был достаточен, то слишком часто больному наносится вред. В самом деле, если у каких больных выход пищи запирается и кто-нибудь, не опорожнивши больного, даст ему суп [4], он сделает боль, если она уже есть, более тяжкою, а если ее нет, он вызовет ее, и дыхание сделается чаще. И это последнее обстоятельство очень дурно, так как оно иссушивает легкое и утомляет подложечную и подвздошную области и грудобрюшную преграду. Кроме того, если боль в боку непрерывна, не уступает теплым припаркам и отхаркивание совсем не выходит, но без сварения делается крайне липким, если в этом случае не разрешить боли или размягчением желудка, или кровопусканием, смотря по тому, что из этих двух показано, а дать больным в таком положении отвар ячменя, то скоро у таких наступит смерть. По этим и другим причинам подобного рода те больные, которые употребляют цельный отвар ячменя, на седьмой или более ранний день умирают: одни—потерявши сознание, другие—задушенные тяжелым дыханием и хрипением. И вот таких-то древние считали «пораженными» в значительной степени и потому, что у них после смерти находят бок синим, как от удара. Причина этого заключается в том, что они умирают прежде, чем боль разрешается, ибо быстро делаются затруднения дыхания. А от многого и частого дыхания, как уже сказано, мокрота, сделавшаяся в высшей степени липкою, непереваренная, препятствует выходу и кроме того, прилипая к бронхам легкого, производит хри-

пение и, когда дело дойдет до этого, большею частью приносит смерть, ибо сама мокрота, удержанная внутри, препятствует дыханию нестись внутрь, но заставляет его нестись быстро наружу, так что они взаимно помогают друг другу в причинении вреда: с одной стороны, задержанная мокрота производит частое дыхание, с другой—дыхание, часто производимое, делает мокроту более липкою и препятствует ей отставать. И случается все это не только тогда, когда не во-время употребляют ячменный отвар, но и гораздо в большей степени, когда съедят или выпьют что-нибудь менее подходящее.

6. Очень сходны во многом указания как для тех, которые употребляют целый ячменный отвар, так и для тех, которые—только сок его. Но тем, которые не употребляют ни того, ни другого, но пользуются одним только питьем, в некоторых случаях следует указывать иначе. Вообще же должно поступать следующим способом. Если кого-либо после недавно принятой пищи, еще до испражнения желудка, схватит лихорадка с болью или без боли, должно такого удержать от принятия ячменной похлебки до тех пор, пока не убедишься, что пища отошла к нижней части кишки. Но если при этом будет боль, то должно употреблять в питье мед с уксусом, зимой—теплый, а летом—холодный, а если при этом будет и большая жажда, то нужно давать меликрат и воду. И затем, если наступит какая-либо боль или будет угрожать что-либо опасное, не должно предлагать цельного отвара ни в большом количестве, ни густого, но давать его после 7-го дня, если больной будет крепок. Но если после недавно принятой пищи старая не выйдет, то, если больной будет крепок и цветущего возраста, сделать клистир; если он будет слабее, то поставить свечку, если само собой хорошо не прослабит. Должно в особенности наблюдать время для предложения ячменной по-

хлебки в начале и в продолжение всей этой болезни, именно: когда ноги будут холодны, прекратить дачу похлебки, в особенности воздерживаться и от питья; когда же к ногам низойдет теплота, тогда полезно давать и вообще должно считать, что подходящее имеет великую важность как во всех болезнях, так и в острых и наиболее в тех, в которых сильнее лихорадка. И прежде всего должно употреблять сок, а затем и ячменный отвар, обращая прилежное внимание на вышеописанные признаки.

7. Болезнь бока, случится ли она в начале болезни или после, не будет некстати попытаться разрешить теплыми припарками. И из них самая лучшая есть горячая вода, приложенная в мехе или в пузыре или в сосуде—медном или глиняном. Но должно при этом подложить что-нибудь мягкое под бока, чтобы легче делался жар. Хорошо также прилагать губку, мягкую и большую, выжатую из горячей воды, и припарку должно покрыть сверху полотенцем, чтобы она хватила на более продолжительное время и держалась и вместе для того, чтобы пар не возносился к дыханию больного, разве только и это показалось бы полезным для чего-нибудь, ибо и это иногда идет в пользу. Кроме того, можно прикладывать и ячмень или горох в уксусе, настолько разведенном, чтобы он был несколько острее, чем тот, который пьют, предварительно размельчив их, прокипятив и зашив в мешочках; таким же образом и отруби. Для их припарок наиболее пригодны соль и жареное просо в шерстяных мешочках, ибо такое просо легко и удобно. Мягкие припарки этого рода разрешают боли, распространяющиеся даже до ключицы; сечение вены менее хорошо разрешает боль, если только она коснется ключицы. Но если при горячих припарках боль не прекращается, то не следует согревать продолжительное время, потому что это сушит легкое и собирает внутри груди гной. Но если боль

в ключице дает о себе знать, а в плече или около соска или выше грудобрюшной преграды будет чувство тяжести, то следует рассечь внутреннюю вену в изгибе локтя и извлечь как можно скорее обильную кровь, даже до тех пор, пока она будет течь более красною или вместо чистой и красной— темною, ибо то и другое случается. Но если боль будет под грудобрюшной преградой и не обнаружится в ключице, тогда должно размягчить желудок или черной чемерицею [5], или молочаем [6], примешав к чемерице или морковь, или горный укроп, или тмин, или анис, или что-нибудь другое пахучее, а к молочаю—сок сильфия [7]. Впрочем, даже если они будут смешаны между собою, они суть одного рода и не действуют различно, но черная чемерица лучше, чем молочай, разрешает желудок и более способствует кризису; молочай же больше заставляет выходить ветры. Но боль оба они успокаивают; успокаивают ее также и другие многие послабляющие лекарства, но из тех, которые я знаю, они самые лучшие. Помогают также и те слабительные, которые предлагаются в отварах, именно все те, которые не бывают слишком неприятны или по горечи, или по другой какой неприятности—или по обилию, или по цвету, или по иному какому-либо подозрительному обстоятельству. Когда лекарство выпито, то должно тотчас дать ячменный отвар для кушанья и не в меньшем сколько-нибудь количестве против обычного, так как сообразно с разумом—не предлагать похлебки в течение очищения. Но когда очищение закончится, тогда следует давать в количестве меньшем привычного, а затем постепенно доводить до большего, если и боль успокоится и не будет других противопоказаний. Такова же будет моя речь и по поводу употребления сока ячменного отвара, ибо я утверждаю, что лучше вообще тотчас начинать принимать его, чем начинать, когда сосуды будут пусты

от отвара на 3-й, 4-й, 5-й, 6-й или 7-й день, если только в продолжение этого времени болезнь не разрешится. И в этих случаях должно делать подобные приготовления, какие показаны уже.

8. Итак, вот как я думаю относительно назначения отвара. Но и на счет питья, какое должно принимать из тех, которые будут описаны, в общем речь будет такая же. Я знаю врачей, которые делают совершенно обратное тому, что следует, ибо все они хотят только тогда предлагать отвары и питья, когда наперед, в начале болезней, изнурят людей неядением два, три или даже больше дней: им кажется и правильным и естественным великой перемене тела противопоставлять также некоторую великую перемену в диэте. Конечно, перемена имеет немалую пользу, однако, она должна быть применяема правильно и безопасно, и еще более предложение кушаний после перемены. Больше всего потерпят вреда в случае неправильной перемены те, которые употребляют цельный ячменный отвар. Потерпят также вред и те, которые употребляют одно питье, и те, которые—один сок; последние меньше всего.

9. Должно также изучать все, что полезно, и на основании образа жизни людей, еще здоровых. В самом деле, если у людей хорошо здравствующих кушанья представляются имеющими между собою весьма многое различие, как в некоторых иных обстоятельствах, так и при переменах, то неужели в болезнях и в особенности весьма острых кушанья не имели бы большого различия? Но легко понять, что при здоровье даже плохая диэта, но всегда на себя похожая как в питье, так и в пище, вообще надежнее, чем если кто вдруг сделает великую перемену к иной лучшей. В самом деле, и тех, которые привыкли принимать пищу дважды в день, и тех, которые—однажды, внезапные перемены портят и делают слабыми; и те, которые будут завтракать, не при-

выкши завтракать, тотчас чувствуют себя дурно и во всем теле делаются тяжелыми, слабыми и вялыми и, если, кроме того, еще пообедают, отрыгают кислоту; у некоторых даже делается понос, когда без привычки отягощается тяжестью чрево, привыкшее быть сухим, не расширяться и не переваривать пищи дважды. Для таких полезно уравновешивать перемену, именно, следует поспать так, как проводят ночь после ужина, т. е. зимою без холода, а летом без жары. Но, если спать они не будут в состоянии, то пусть сделают большую медленную прогулку, без остановок, и ничего не обедают, или же немного и без вредных блюд; кроме того, пусть менее пьют вина, и притом не водянистого. Еще более заболеет тот, кто поест три раза в день до сытости, и еще гораздо более, кто—больше. Впрочем, есть многие, которые трижды в день легко переносят обильную пищу, потому что к этому привыкли. Но, с другой стороны, и те, которые привыкли принимать пищу дважды в день, если не позавтракают, бывают слабы и немощны, боятся всякой работы и страдают болью желудка, ибо им кажется, что внутренности их висят; они выпускают мочу горячую и зеленоватую, и испражнения иссушаются; у некоторых также во рту делается горечь, глаза впадают, виски бьются и конечности холодеют. И весьма многие, не позавтракавши, не хотят и обедать, а если пообедают, то отягощают чрево и гораздо труднее спят, чем если бы они раньше позавтракали. Итак, если такие явления случаются у здоровых вследствие перемены привычного образа жизни в продолжение одной половины дня, то представляется неполезным им прибавлять что-либо или убавлять против привычки. Поэтому, кто вопреки привычке принимать пищу однажды целый этот день пробудет с пустыми сосудами и пообедает сообразно с привычкой, тот, естественно, если без завтрака болел и был слаб и, когда

пообедал, был тяжелым, еще более отягощается. Если же, пробыв еще более продолжительное время с опорожненными сосудами, вдруг пообедает,— конечно, гораздо более отяготится. Поэтому кто без привычки опорожнит сосуды, тому полезно так уравновесить этот день, чтобы, во-первых, избегать холода, тепла и труда, так как все это он трудно переносит, и пусть он обед берет далеко меньший обыкновенного и притом не сухой, но несколько более влажный. Затем пусть пьет питье неводянистое и в количестве, соответствующем пище,—не меньше, а на следующий день пусть позавтракает мало, чтобы, постепенно сделавши прибавку, возвратиться к привычке. Однако, все это труднее переносят некоторые, именно те, которые в верхних частях накопляют горькую желчь. Необычное же воздержание от пищи легче вообще переносят те, которые в верхних частях богаты слизью, так что и принятие пищи против привычки только однажды они легче могут вынести. Достаточным доказательством служит и то, что величайшие перемены всего того, что случается в отношении нашей природы и нашего внешнего вида, скорее всего производят болезни. Поэтому не следует предписывать неблаговременные и весьма сильные опорожнения сосудов, но, с другой стороны, не следует предлагать пищу, когда болезни имеют силу и находятся в воспалении, и вообще не следует вдруг переменять все дело в ту или другую сторону.

10. Можно бы упомянуть также о многих других условиях, родственных этим, которые случаются в отношении желудка, именно, что те кушанья легко переносят, к которым привыкли, даже если по природе они не будут хорошими; так точно и питья. Наоборот, с трудом переносятся те кушанья, к которым совсем не привыкли, хотя бы они были и не дурны, и таким же образом и напитки. И относительно всего того, что производит против привычки ядение

большого количества мяса, или чеснок, или сок или ствол сильфиона и иные вещи этого рода, одаренные некоторыми особенными замечательными свойствами,—относительно всего этого, конечно, никто не будет удивляться, если они производят боли в животе больше, чем другие. Скорее, если узнаешь, какой беспорядок, тяжесть, вздутие и резь в животе производит маза (лепешка из ячменной муки), съеденная против привычки, у того, кто привык есть хлеб, и какую тяжесть и задержку в желудке производит хлеб у тех, кто привык есть мазу, или какую жажду и внезапную полноту производит самый хлеб, съеденный теплым, потому что он иссушает и медленно идет на низ, и сколь различные между собою действия производят хлебы, чистые и смешанные, принятые в пищу против привычки, и маза против обыкновения сухая или влажная или липкая и свежие ячменные хлебы у непривыкших, и наоборот, хлебы иного рода у тех, которые привыкли к свежим, так же точно и питье вина и воды, измененное вдруг против привычки, одно на место другого, а также вино с водою и чистое вино, выпитое вдруг против привычки: первое произведет в верхнем желудке обильную влажность, а в нижнем—ветры, а второе—биение вен, тяжесть головы и жажду; так же точно вино белое и черное, если кто переменит против привычки: хотя оба они и будут одинаковой крепости, однако, в теле произведут многие различные действия, и поэтому никто не сочтет удивительным, что вино сладкое и вино крепкое, когда будут внезапно переменены, имеют ту же силу.

11. Но с некоторой стороны должно отнестись благосклонно и к противоположному слову, именно, что у них перемена диэты происходила без изменения тела ни по отношению к крепости, так, чтобы должно было прибавить пищи, ни по отношению к слабости, так, чтобы должно было ее уменьшить. Но вообще

в каждом отдельном случае должно обращать внимание и на силу, и род болезни, и на природу человека, и на привычный режим больного и не только в кушаньях, но и в напитках. Итти на прибавление пищи следует гораздо реже, так как часто бывает полезно и совершенно отнять ее там, где больной выдержит, пока сила болезни не дойдет до своей зрелости. В каких случаях это должно делать, будет написано немного после. Многое также другое, сродное тому, что сказано мною, можно было бы написать. Но вот это доказательство наилучшее, ибо в нем не только родственное тому предмету, о котором больше всего сказано, но предмет сам доставляет самое подходящее поучение. Именно в начале острых болезней случается, что одни больные в тот же день, как начали болеть, принимали пищу, а другие—и на следующий. Одни ели суп, какой придется, а иные даже пили кикеон [8]. Все это, конечно, хуже другой установленной диэты, однако, гораздо менее вредят те ошибки, которые допускаются в это время, чем если бы кто в первые два или три дня совершенно опустошил сосуды и принял бы такую пищу на четвертый или пятый день; еще, однако, хуже, если кто, опустошивши во все те дни сосуды, в последующие затем установит такую диэту, прежде чем болезнь сделается зрелою. При таком способе лечения он, очевидно, причинит весьма многим смерть, если только болезнь не окажется совершенно слабою. А те погрешности, которые допускаются вначале, для них не являются одинаково неисправимыми, но гораздо легче излечиваются. Вот это я считаю наибольшим доказательством того, что не должно совершенно отказывать в том или ином супе в первые дни болезни таким больным, которым немного спустя придется есть супы или кушанья. Совершенно не знают те, которые употребляют цельный ячменный отвар, что от него бывает худо, когда начнут принимать

его, опустошивши прежде сосуды в продолжение двух, трех или больше дней; с другой стороны—не понимают те, которые употребляют жидкость отвара, что, принимая ее, вредят себе, когда неправильно начнут принимать. Однако, они остерегаются и знают, что большой вред приносит, если, прежде чем болезнь дойдет до зрелости, больной, привыкший употреблять сок, будет принимать отвар с ячменем. Итак, все это свидетельствует, что врачи неправильно проводят диэту, но в тех болезнях, в которых не следует опустошать сосуды, и в которых должно давать супы, они опустошают сосуды, и в которых после опустошения сосудов не должно переходить к супам, они переходят. И вообще большею частью они прямо приступают после опорожнения сосудов к супам в такое время, когда часто после похлебок полезно постепенно переходить к опорожнению сосудов, если допускает это усиливающаяся болезнь. Иногда и сырые влаги желчного характера привлекаются со стороны головы и области груди, и к ним присоединяются бессонницы, по причине которых болезнь не сваривается; больные делаются весьма печальными и капризными; они бредят, и глаза у них сверкают сильным блеском; уши наполняются шумом; конечности холодеют; моча—не сваренная; плевки делаются тонкими, солеными и слегка окрашенными свойственным им цветом; пот вокруг шеи; беспокойство; дыхание, прерывающееся при выдохе, частое или очень сильное; брови имеют мрачный вид; обморочные состояния дурного рода; одежды с груди срываются; руки дрожат, и иногда происходит трясение нижней губы. Если все эти явления показываются в начальные дни, то они представляют признак тяжелого бреда, и большею частью больные умирают. Остающиеся же в живых спасаются не иначе, как благодаря нарыву или истечению крови из носа, или отхаркиванию густого гноя. Не вижу я, чтобы

и в том были опытны врачи, как следует распознавать слабости сил в болезнях, именно—происходят ли они от опорожнения сосудов или от какого-либо другого раздражения, или от боли и силы болезни, и какие виды страданий всякого рода порождает в каждом из нас наша личная природа и телосложение. А, между тем, знание или незнание всего этого приносит спасение или смерть. Действительно, еще большее зло есть, если кто ослабевшему по причине боли или силы болезни предложит питье или больше супа или пищи, думая, что он слаб по причине опорожнения сосудов. Позорно не узнать ослабевшего вследствие опорожнения сосудов и душить его диэтой; эта последняя ошибка, конечно, приносит некоторую опасность, однако, гораздо меньшую, чем другая, но смеха она достойна гораздо больше, чем та. В самом деле, если какой-нибудь другой врач или даже простой человек, придя и узнав все, что случилось, предложит пищу и питье, которые другой запретил,—он явным образом принесет помощь. Подобные вещи в особенности позорят практиков-врачей в глазах людей, ибо этим последним кажется, что другой врач или простой человек одним своим приходом как бы воскресил умершего. Поэтому ниже будут описаны признаки всего того, на основании чего должно распознавать каждый отдельный случай.

12. Подобны желудочным и следующие явления: если все тело, вопреки обычаю, много будет отдыхать, то не скоро делается крепче; если же после продолжительного покоя вдруг обратится к трудам, то, конечно, будет работать плохо. То же относится и к каждой отдельной части тела, ибо и ноги потерпят нечто такое, и остальные члены, не привыкшие трудиться, если после известного промежутка времени вдруг обратятся к труду; также будут страдать и зубы и глаза и все остальное без исключения. Но достаточно будет описать какой-нибудь пример всех

этих явлений. Именно, если кто-нибудь, получивши на голени рану, не очень значительную, но и не заслуживающую пренебрежения (причем раны заживают у него ни слишком легко, ни слишком трудно), если он тотчас с первого дня, лежа, начнет лечиться и нисколько не будет поднимать голени, то она, конечно, не воспалится, и он гораздо скорее сделается здоровым, чем если бы он лечился на ходу. Однако, если он захочет встать и пройтись на пятый или шестой или даже какой-либо дальнейший день, то, конечно, будет страдать в этом случае больше, чем если бы сначала лечился на ходу. А если он сразу много потрудится, то гораздо более потерпит, чем если бы, лечившись этим способом, он так потрудился в те дни. Итак, все эти примеры вполне подтверждают друг друга, что всякая внезапная сверх меры перемена в ту или другую сторону вредит. Поэтому гораздо больший бывает вред для живота, когда после большого опорожнения сосудов вдруг сверх меры вводится пища, чем если бы сделана была перемена от многой пищи к опорожнению сосудов; необходимо, однако, чтобы у таких успокаивалось также и все тело. Да и остальное тело, если после долгого покоя тотчас обратится к слишком большому труду, гораздо более потерпит вреда, чем если после большого утомления вдруг перейдет к покою и бездействию; у таких также и желудок должен быть покоен от обилия пищи. Иначе он вызовет болезнь и тяжесть во всем теле. Сильная бессонница делает пищу и питье трудно варимыми, но перемена в противоположную сторону расслабляет тело, производит несварение и тяжесть головы. И постель мягче привычной причиняет неприятность, так же как и твердая, и сон под открытым небом без привычки вызывает затвердение тела.

13. Итак, большая часть моей речи касалась перемен диэты в ту или другую сторону. Знать это

весьма полезно во всех отношениях, но и в частности по отношению к тому предмету, о котором у нас шла речь,—именно, что в острых болезнях после опорожнения сосудов делают перемену к супам. Следует делать перемену, как я это предписываю; затем—совершенно не давать супов прежде, чем болезнь дойдет до зрелости или покажется какой-либо другой признак в области внутренностей: опорожнительный или раздражительный, или в области подреберья, каковые признаки будут описаны.

14. Вино сладкое и крепкое, белое и черное, медовый напиток, просто воду и мед с уксусом должно различать в острых болезнях на основании следующих признаков. Сладкое вино меньше, чем крепкое, отягощает голову и меньше ее поражает и сильнее, чем другое, послабляет, но зато оно увеличивает печень и селезенку. Поэтому оно и неполезно тем, которые содержат горькую желчь, ибо у них оно сверх того производит жажду. Кроме того, оно в верхней кишке возбуждает ветер, не будучи вредным нижней кишке в отношении ветра; однако, ветер от сладкого вина нелегко выходит, но задерживается в области подреберья. И это вино меньше вообще гонит мочу, чем крепкое белое; однако, мокроту оно выводит сильнее другого, потому что сладко; и у тех, у кого оно выпитое вызывает жажду, меньше выводит, чем другое вино, а у кого оно совсем не возбуждает жажды, у тех—больше. Что касается вина белого, крепкого, то оно в самом главном уже похвалено и осуждено в рассказе о вине сладком. Проникая легче другого к мочевому пузырю, будучи мочегонным и слабительным, оно всегда очень полезно в этих болезнях, ибо, если для всего иного оно менее пригодно, чем другое, однако, очищение, которое делается им через мочевой пузырь, облегчает, если выгоняется то, что должно. Хороши эти показания о пользе и вреде вина, которые старейшим моим

предшественникам не были известны! Вином же бледнокрасным и черным, вяжущим, ты мог бы пользоваться в этих болезнях при следующих условиях: если нет ни тяжести головы, ни поражения ума, если нет препятствий для мокроты нестись вверх, если также не задерживается моча, но испражнения желудка будут слишком влажны и с кусочками: в этих случаях весьма полезно делать перемену белого вина и во всех подобных им. Но сверх того должно знать и то, что, если вино будет более разведено водой, оно менее повредит всем верхним частям и тем, что около мочевого пузыря; а более чистое вино более полезно частям около внутренностей.

15. Медовый напиток [9], выпиваемый в острых болезнях в продолжение всей болезни, для тех, которые накопляют горькую желчь и у которых увеличиваются внутренности, менее пригоден, чем для не имеющих всего такого. Однако, он возбуждает жажду меньше, чем сладкое вино, ибо он смягчает легкое и изводит умеренно мокроту и успокаивает кашель. Действительно, он имеет какое-то чистительное свойство, потому что делает мокроту сверх меры клейкою. Медовый напиток вызывает мочу в достаточном количестве, если только не препятствует что-либо со стороны внутренностей, выводит также на низ желчные испражнения, иногда хорошие, а иногда окрашенные больше меры и более пенистые; это чаще случается у желчных и с увеличенными внутренностями. Больше выводит мокроту и смягчает легкое медовый напиток, более разведенный водой. Но чистый больше, чем водянистый, выводит испражнения пенистые, больше, чем следует, насыщенные желчью и более горячие. А такое испражнение имеет и другие большие неприятности: оно не утушает жара в подреберье, но возбуждает его, производит тяжелое самочувствие, беспокойное

движение членов и изъязвляет кишки и седалище. Лекарства на все это будут описаны. Итак, если в болезнях этого рода, оставивши супы, ты будешь употреблять воду с медом вместо другого питья, то достигнешь во многом успеха и не во многом испытаешь неудачу. Кому должно давать ее и кому и по каким причинам не должно,—об этом главное уже сказано. Но людьми медовый напиток осуждается, будто бы питье его приводит к крайней слабости, и поэтому считают, что он ускоряет смерть. Но это сказано по причине тех, которые лишают себя жизни путем голодания, ибо некоторые употребляют медовый напиток в качестве питья, как будто он способствует этому. Но дело совершенно не так обстоит, и напиток этот, если его пить только один, укрепляет гораздо сильнее воды, если только не расстраивает желудка. Но он также в некоторых отношениях сильнее и белого вина, легкого, слабого и непахучего, а в других отношениях—слабее его. Весьма много различаются между собою чистое вино и чистый мед по силе; однако, если кто-нибудь возьмет то и другое и выпьет даже двойное количество чистого вина в сравнении с тем, сколько он вылижет меду,—конечно, он будет крепче от меда, если только не расстроит желудка; ибо и испражнений у него выйдет во много раз больше. Если после принятия ячменного отвара выпить еще и медового напитка, то этот весьма переполняет, вздувает и бывает вреден для внутренностей подреберья; напротив, если пить его прежде супов, он не вредит так, как после, но даже некоторым образом помогает. Сваренный медовый напиток по виду далеко красивее сырого: он становится светлым, мягким, белым и прозрачным. Но я не могу приписать ему какого-либо достоинства, которым он превосходил бы сырой: он не приятнее сырого, если только мед попадется хороший, но сырой, однако, слабее и меньше дает испражнений. Но из

этих качеств ни в том, ни в другом не нуждается медовый напиток, чтобы действовать лучше. Преимущественно же сваренный должно употреблять в том случае, если мед будет плохой, нечистый, черный и с дурным запахом, ибо посредством варения в значительной части уничтожаются эти отталкивающие качества.

16. Питье уксуса медового, называемого оксимель [10], имеет, как ты убедишься, многоразличную пользу в этих болезнях, ибо он выводит мокроту и делает легким дыхание. Выгоды употребления его таковы: очень кислый, сделает немало для отхаркивания мокроты, отходящей нелегко, ибо если он выведет все то, что производит хрипение, сделает скользким и как бы прочистит горло, конечно, он успокоит легкое, так как он его мягчит. И если все это удастся, то принесет большую пользу. Иногда же, будучи весьма острым, он не способствовал выведению мокроты, но делал ее более вязкой и тем вредил, и больше всего страдают от этого те, которые вообще находятся в опасном положении; не могут ни кашлять, ни выделять всего того, что содержится внутри. Итак, при нем должно брать во внимание силы больного и, если есть надежда, давать и, когда захочешь дать, предлагай его очень теплым и по малым дозам, а не сразу. Но когда оксимель бывает мало острым, он увлажняет рот и горло, выводит мокроту и не вызывает жажды: для подреберья и внутренностей, там содержащихся, это бывает благоприятным. Действительно, он предотвращает вредные свойства меда, так как исправляет то, что в нем есть желчного; заставляет также прорываться ветры и возбуждает мочу; однако, нижнюю часть кишки делает влажною более надлежащего и вызывает мелкие кусочки в испражнениях. Иногда в острых болезнях он вреден, в особенности потому, что препятствует ветрам выходить, напротив, заставляет их возвращаться на-

зад; кроме того, он обессиливает и охлаждает конечности. Я знаю только один этот вред от оксимеля, достойный описания. Малое количество этого питья полезно выпивать ночью и натощак перед супом, хотя и после долгого промежутка после супа ничто не препятствует пить его. Но для тех, которые пользуются в своей диэте одним питьем без супов, не следует употреблять всегда только его одного по следующей причине: главным образом потому, что он скоблит и делает шероховатой кишку; так как он мало дает испражнений, то производит это еще в большей степени, когда существует опорожнение сосудов. И это также отнимает у медовой смеси ее питательные силы. Если, однако, окажется полезным в продолжение всей болезни употреблять многое количество этого питья, то должно приливать к нему немного уксуса, чтобы едва только различать его, ибо таким образом то, что обыкновенно вредит, совсем не будет вредить и будет полезно то, в пользе чего есть нужда. Чтобы сказать вообще, острота уксуса более полезна для натур желчных, чем для меланхолических, ибо все горькое разрешается и переходит в мокроту, будучи им поднято. Все же черное приходит в брожение, поднимается вверх и увеличивается во много раз, ибо уксус все черное выводит вверх. Для женщин уксус вообще более вреден, чем для мужчин, именно потому, что он причиняет боли в матке.

17. Относительно воды, кроме того, что ее пьют в острых болезнях, я не имею ничего другого прибавить. И в самом деле она не облегчает кашля во время воспаления легких и не выводит мокроты; напротив, даже меньше других средств она это делает, если ее постоянно употребляют как питье. Но если прихлебывать небольшое количество воды между оксимелем и меликратом, то она выводит мокроту вследствие перемены качества пития, ибо она производит нечто вроде наводнения. Вообще она

даже не утоляет жажды, но производит горечь, так как для желчной натуры она желчна и вредна для грудобрюшной преграды. Но она сама себя превосходит во вреде, бывает в высшей степени желчной и наибольше ослабляет силы тогда, когда входит в пустой желудок. Она также увеличивает селезенку и печень, когда они воспалены, вызывает волнение внутри и всплывает кверху. Она медленно проходит потому, что она холодновата и с трудом варится, и не вызывает ни послабления, ни мочи. Кроме того, она несколько вредна и потому, что по природе своей не дает помета. А если больной ее выпьет в то время, когда у него холодные ноги, то она сделает еще бóльшими вредные последствия этого, в каком бы направлении они ни пошли. Когда ты будешь подозревать у больного в болезнях этого рода присутствие сильной тяжести головы или повреждение ума, то следует совершенно воздерживаться от вина и употреблять тогда воду или давать вино, разведенное водою, и светлокрасное вино совершенно без запаха и после питья его сверх того выпивать немного воды, ибо при этом условии сила вина менее будет поражать голову и ум. Относительно же тех случаев, в которых должно употреблять наиболее воды и когда много, и когда умеренно, и когда холодную, и когда теплую, об этом частью уже раньше сказано, а частью будет говориться еще в свое время. Об остальных же напитках, например, из ячменя, а также тех, которые приготовляются из трав, из сушеного винограда, из зерен масличных, из пшеницы, из сафлора, из миртовых ягод, из гранатового яблока и из других материалов, а также о том, когда какое из них благовременно будет употреблять, об этом будет написано при самой болезни так же как и об остальных сложных лекарствах.

18. Ванна в большинстве болезней полезна для употребления в одних случаях постоянно,

в других—нет; иногда ею меньше следует пользоваться, когда люди к ней не приготовлены, ибо в немногих домах находятся соответствующие приспособления и служителя, какие необходимы. Но если больной вымоется не по всем правилам, он может подвергнуться немалому вреду. В самом деле, необходима и комната, свободная от дыма, нужна вода обильная и обливания частые, но не слишком в большом количестве, если это не будет требовать дело [11]. И лучше совсем не употреблять растираний. Но если растирать, то нужно брать средство теплое и во много раз больше, чем обыкновенно делается, и прежде растирания облить немалым количеством воды и после облить сейчас же. Дорога к ванне должна быть короткая, при легком как входе, так и выходе. Кто моется, пусть держит себя спокойно и молчит и пусть сам ничего не делает, но позволяет обливать себя и растирать другим. Должна быть заготовлена большая смесь воды холодной и горячей и должны делаться быстрые обливания ею, а вместо щеток при растирании должно употреблять губки и не должно умащать тела слишком сухого. Голову, однако, следует осушать как можно больше, вытирая ее губкой, и не должно охлаждать ни конечностей, ни головы, ни остального тела. И не должно мыться после недавнего приема супа или питья, а также не должно есть и пить тотчас после омовения. Однако, должно обращать большое внимание на то, любил ли очень больной, когда был здоров, мыться и привык ли к этому, ибо такие более желают ванны и получают от нее пользу, а без нее—вред. Вообще же более полезно это при воспалении легких, чем при горячках, ибо ванна успокаивает боль в боках, груди и спине, сваривает мокроту и выводит ее, делает легким дыхание, уничтожает усталость, так как смягчает члены и внешнюю кожу, выводит мочу, разрешает тяжесть головы и увлажняет ноздри. Вот та-

кие-то благотворные последствия бывают от ванны, которые все вообще необходимы. Но если будут недостатки приготовления в одном или во многих отношениях, то следует опасаться, что она больше повредит, чем принесет пользы; в самом деле, каждое из тех условий, не хорошо подготовленное со стороны служителей, приносит великий вред. Меньше всего годится ванна тем, у кого желудок в болезнях бывает влажнее надлежащего, а также тем, у кого он останавливается более надлежащего и не разрешился прежде. Не следует мыть также ослабевших, страдающих тошнотой, рвотой, у кого поднимается желчь, а также у кого кровь течет из носа, если только она не течет меньше положенного времени; а времена эти ты знаешь. Но если она течет меньше, чем следует, тогда следует мыть или все тело, если это полезно в других отношениях, или одну голову. Итак, если имеются соответствующие приспособления и больной будет выносить ванну, тогда полезно мыть ежедневно. Что же касается любящих мыться, если даже будешь их мыть дважды в день, нисколько не погрешишь. Впрочем, те, которые употребляют цельный отвар, гораздо безопаснее могут принимать ванны, чем те, которые употребляют одну его жидкость, хотя и те иногда могут пользоваться купанием; менее же всего те, которые употребляют одно питье; однако, некоторым и это можно. Из всего того, что выше написано, следует заключать, кому при каждом виде диэты омовение будет полезно, а кому нет. Действительно, для тех больных, у кого наибольше недостает какого-либо из тех благ, которые происходят от омовения, и находятся все признаки, которые облегчаются омовением, тех должно мыть, а у кого нет недостатка ни в одном из тех условий и у кого налицо такие признаки, при которых мыться неполезно, тех мыть не должно.

1. Книдские гномы, или изречения, κνιδίαι, γνῶμαι единственное сочинение, которое называется во всем «Сборнике» по имени; такого обычая вообще в то время не существовало. Автором его считают Еврифона книдского. Как видно из последующего, книга эта была издана второй раз в исправленном виде, и Гиппократ имел перед глазами оба издания. (О книдских врачах подробно у Литтре, Rémarques sur les médécins Cnidiens, VII, 304, где приведены данные Галена.)

2. «Не допускать опорожнения сосудов» (κενεαγγητέον) Не следует думать, что здесь дело идет о кровеносных сосудах, как это сейчас же приходит в голову современному врачу (у греков такого термина не существовало), а о самых обыкновенных, в которых помещается пища и питье. Пустые сосуды производят голод; в этом смысле слово κεναγγής, «производящий голод», употребляет Эсхил (Агамемнон, 189). В дальнейшем это фигуральное выражение Гиппократ постоянно употребляет для обозначения состояния организма, вызванного недостатком пищи.

3. Здесь и во многих других местах Гиппократ обещает дать те или иные указания в дальнейшем, но таких указаний нигде нет; очевидно, предполагаемые им главы или книга не были написаны или же утерялись. Вторая часть «Диэты», считаемая подложной, не связана в этом отношении с первой.

4. Когда дело идет о супе или похлебке, ῥόφημα, надо разуметь тот же ячменный отвар или лечебный суп из крупы или муки с прибавлением некоторых приправ.

5. Черная чемерица, ἐλλέβορος μέλας, Veratrum nigrum L., употреблялась как слабительное, но чаще как рвотное. См. примеч. 19 к книге: «О внутренних страданиях».

6. См. прим. 20 там же.

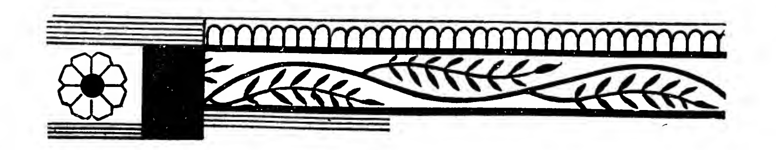
7. См. прим. 17 там же.

8. См. прим. 14 там же.

9. Медовый напиток, меликрат, μελίκρητον, мед, разбавленный водой в различной пропорции; иногда его предварительно кипятили.

10. Оксимель, ὀξύμελι, мед с водой и с уксусом; подробный рецепт неизвестен.

11. Интересно примечание Галена к этому месту; он пишет: «Кажется, во времена Гиппократа ванны еще не были устроены. Когда он говорит, что в немногих домах имеется необходимая утварь и служителя и что кроме того требуется помещение, свободное от дыма, и достаточно воды и т. д., то это показывает, что воду нагревали дома в котлах и затем наливали ее в ванну». Литтре, приведя эту цитату, задает вопрос: а как же делалось в Риме во времена Галена? где нагревали воду, когда делали домашние ванны?



О ВНУТРЕННИХ СТРАДАНИЯХ

Книгу «О внутренних страданиях», περὶ τῶν ἐντος παθῶν, de affectionibus internis, современные ученые относят единогласно к книдской школе. Она обнаруживает заметную близость к книгам «О болезнях», II и III, иногда даже дословное совпадение; в то же время Гален приводит в одном месте отрывок из «Книдских гном» Эврифона книдского, относящийся к бледной лихорадке, который почти буквально воспроизводится в главе 68 книги II «О болезнях». Помимо того, за книдское происхождение книги «О внутренних страданиях» говорит многое: роль слизи и желчи в патогенезе различных заболеваний, описание многих видов однородных болезней (3 болезни печени, 4 почек, 5 селезенки, 4 вида желтухи, 5 «тифов» и т. д.), оригинальный метод лечения вливанием в легкое, широкое пользование прижиганиями, постоянное применение слабительных и рвотных, наконец, неизбежное лечение молоком в соответствующие сезоны (см. Л и т т р е, Rémarques sur les médécins Cnidiens, VII, 304). Гален, хотя и приводит сам все эти признаки, как характерные для книдской школы, не считает, однако, автором книги книдского врача; он называет ее: «вторая большая книга о болезнях» и указывает только, что книга эта, хотя и содер-

жит много правильного, недостойна считаться произведением Гиппократа (XV, 537). Предположение Гудара (Houdart, Histoire de la médécine grecque depuis Esculape, Paris, 1856), что автором книги является знаменитый современник Гиппократа Эврифон книдский, не встретило поддержки и мало вероятно. Шпет (Spaet Franz, Hippocratische Medizin im Lichte der neuesten Forschung, Berlin, 1897, p. 40) высказывает мнение, что сочинение это не принадлежит древней книдской школе, а что автор соединил в нем учения обеих тогдашних школ—книдской и косской.

«О внутренних страданиях» представляет собой образчик частной патологии и терапии эпохи Гиппократа: это систематическое руководство с большим практическим уклоном. В каждой главе излагаются, хоть и кратко, этиология болезни, патогенез, симптомы и течение, затем автор переходит к лечению и здесь подробно останавливается на дозировке и приготовлении сложных лекарств, промывательных и рвотных, детально регулирует питание и режим больного, включая сюда прогулки; в конце дается прогноз. Книга представляет интерес не только для историка медицины, но и для истории греческого быта вообще: в ней подробно перечисляются все обеденные меню древнего грека, сорта хлеба, рыбы и животные, которые в то время употреблялись в пищу.

Краткое содержание: гл. 1—7, болезни легких; гл. 8, надрывы груди; гл. 9, эмпиема; гл. 10—12, 3 вида чахотки; гл. 13, сухотка; гл. 14—17, болезни почек; гл. 18—19, болезни, вызванные венами; гл. 20—21, болезни от слизи; гл. 22—26, водянки; гл. 27—29, болезни печени; гл. 30—34, болезни селезенки; гл 35—38, различные виды желтухи; гл. 39—43, виды тифа; гл. 44—46, илеосы; гл. 47—так называемые «толстые» болезни; гл. 51, ишиас; гл. 52—54, тетанусы.

Заглавие всей книги и отдельных глав, где оно имеется, несомненно, позднейшего происхождения.

Не следует думать, что описанными здесь болезнями исчерпывается вся частная патология Гиппократова сборника: в книгах «О болезнях», I—IV, и «О страданиях» описано много форм, не упоминаемых здесь (Литтре, VII, 162).

СЛИ артерия легкого (дыхательное горло) будет изъязвлена или если какая-нибудь тонкая маленькая вена из тех, которые заключаются в легком, или какой-нибудь из проходов, направляющийся через легкое, разрывается, или если они открываются один в другой и будут наполнены кровью,—растягиваясь и разрываясь в особенности от таких причин: усталости, бега, падения, удара, наступивших сильных рвот, лихорадок,—тогда больной испытывает следующие припадки: сначала у него сухой кашель, потом, немного спустя, он выделяет отхаркиванья с кровью, но иногда чистые. Если он быстро освобождается от болезни, это хорошо; если она не уступает, кровь становится со временем более обильной, иногда выделяется чистой; в других случаях она гноевидная; часто также горло наполняется незаметно кровью; потом больной отхаркивает кусочки крови мало-помалу и часто; иногда от них происходит вонючий запах, и иногда горло наполняется какой-то пеной; дрожь и лихорадка наступают в начале болезни с большой силой, позже—с меньшей, и от времени до времени в груди, спине и боках чувствуется боль, и, когда больной прекращает отхаркивать кровь, он выделяет в изобилии водянистую слюну, иногда вязкую. Таким образом он все это испытывает, пока не пройдут четырнадцать дней. После этого срока, если болезнь не прекращается, он, кашляя, отрывает от дыхательного горла чешуйки, как бы происходящие от фликтен,

и боль ощущается в груди, спине и боках, и подреберья на ощупь болезненны, как рана. При этом надлежит возможно более сохранять покой внутри дома, если болезнь будет в таком состоянии, ибо, если больной сколько-нибудь поработает, боль становится острее, кашель более мучает, чем раньше; дрожь и лихорадка интенсивнее; если он чихает, боль дает себя чувствовать с остротой и даже в кровати он страдает, когда поворачивается. Такому больному нужно давать ту же самую пищу из злаков, как при эмпиэме, но немного; как съестное, из рыб у него должны быть: скат [1], пагр [2] или акула большая голубая [3], или что-нибудь другое этого рода; все приготовленные с сумахом [4] и ориганом [5]. Из мяса он должен есть жареного петуха без соли, вареную козу, употреблять вяжущее вино, очень старое, очень сладкое, черное; должен пользоваться умеренными прогулками, лишь бы у него не было лихорадки. Если у него лихорадка, он должен есть супы из ржаной или черного проса муки; она должна быть в малом количестве, и блюда должны быть расслабляющими; если тебе покажется, что больной нуждается в лекарстве, дай ему семя книдии [6] или молочая [7]; после очищения он должен принять два триблия [8] грубой вареной муки; потом его нужно поправлять старательно, чтобы он был насколько возможно менее худ. При этой болезни надлежит не быть худым. Вначале больной должен делать маленькие прогулки, не переутомляя себя; время от времени он должен принимать паровые ванны [9], и в этот день он должен быть без пищи, исключая вареной муки, которую он будет иметь один триблий. Пить должен воду. На следующий день он должен есть меньше, чем обычно, и меньше, чем привык; пить черное, сладкое, вяжущее вино в малом количестве. В остальное время он должен принимать два или три раза в день пищу, до тех пор, пока не укрепит себе желудка, но

в малом количестве, потому что следом за лихорадкой и воздержанием, если рот желает, а желудок не хочет принимать, обильное потребление причиняет воспаление. Следовательно, нужно давать понемногу сразу, потому что если ты станешь давать много и если больной немного работает, желудок не освежается прогулками, так как пища там мало-помалу уплотняется. Поэтому обыкновенно происходит лихорадка, менее зимой, но летом есть больше опасности для подобной ошибки. Такого больного следует возможно более поправить для того, чтобы он был насколько возможно дородным; он должен делать умеренные прогулки, бороться меньше, чем он привык; сначала должен работать мало, потом больше, никогда много; если он это сделает, он выздоровеет очень быстро. Если же он сделается худ вследствие усиленного труда, он должен прервать его и находиться в покое. Такой больной, когда будет здоров, не должен быстро бежать против ветра, не ездить ни на лошади, ни в экипаже и остерегаться крика и гнева, ибо есть опасность, чтобы болезнь не возвратилась. Итак, нужно всего этого избегать. Если больному недостает аппетита, взять чечевицу, поджарить ее, снять шелуху, вымочить в воде в течение трех дней, причем каждый день нужное отцеживать и наливать новой воды; после этого на четвертый день нужно процедить и высушить, размолоть мельчайшим образом и просеять; поджарить льняного семени и мелко смолоть; поджарить кунжута и его смолоть мелко; нужно взять ячменной крупы без соли, чистой и мелкой; должно быть равное количество чечевицы и крупы; третья часть кунжута и шестая часть льняного семени; все, сваренное в козьем молоке, должно приниматься очень жидким. Потом больному нужно давать на завтрак пищу чистую и блюда более сильного качества. Он должен пить такое же вино; ему нужно давать также

корни золототысячника [10], которые хороши при этих разрывах и оскребки которых нужно класть в вино; или же в вине корни аспидника [11], или же вследствие кашля оскребки аспидника, чтобы принимать в виде лепешки в меду. Если больной будет утверждать, что не в состоянии принимать приготовленный на молоке отвар, он должен пить коровье молоко в насколько возможно большем количестве, разбавленное на треть меликратом [12]. Таким образом, выздоровление последует очень быстро. Болезнь нуждается во многих заботах, потому что она трудна: действительно, если лечимый и выздоровевший больной не охраняет самого себя, она в большинстве случаев снова возвращается и является причиной гибели. Если от этого лечения больной выздоровеет, то хорошо; если нет, больному придают дородность молоком, и необходимо прижигать ему грудь и спину, ибо, если прижигание имеет успех, есть надежда спастись от болезни.

2. Если артерия (дыхательное горло) или какая-нибудь из вен, направляющихся в легкое, находится в спазме, вот симптомы: в начале болезни острый кашель, дрожь и лихорадка, отхаркиванье обильное, белое и пенистое, иногда с кровью; боль обнимает голову и шею. Эта болезнь сильнее предшествующей; таковы симптомы первых десяти дней; потом на одиннадцатый большинство отхаркивает с усилием густой гной; на четырнадцатый отхаркиванье чище в том случае, если больной может избежать конца; боль менее беспокоит, и скоро он делается здоровым. Но если болезнь должна будет длиться долго, тогда он отхаркивает гораздо больше гноя; общие страдания в теле более сильны, однако, жар легче, чем прежде. Если такого больного получишь с самого начала, то должно очистить его на низ соком скаммонии [13], если у него нет лихорадки. После очищения пускай он получит то, что дают в предшествующем случае, и в остальном принимает

то же самое. Он должен находиться в покое насколько возможно более и лежать на мягкой постели; вот что он станет делать вначале, в течение десяти дней. Если образуется в груди нагноение, нужно поступать, как в предшествующем случае. Если он выздоровеет, он должен беречься в пище и питье веществ кислых, едких, соленых и жирных; в работе—всего того, что запрещено в вышеизложенном случае. Если он это сделает, он скорее всего освободится от болезни; если же не сделает чего-либо в точности, он будет находиться в опасности, что болезнь снова вернется и будет хуже. Многие таким образом проводят жизнь с разрывом легкого до тех пор, пока не умрут. Если кто не излечит такого больного с первого раза и если болезнь рецидивирует, ты не будешь иметь возможности подать помощь, если не сделаешь этого; упитав больного коровьим молоком, прижигай грудь и спину. Если прижигание будет иметь успех, ты этим принесешь такую же пользу. Болезнь эта происходит от тех же самых погрешностей, как и предыдущая.

3. Пневмония возникает чаще всего от следующих причин: когда легкое притянет к себе кровь или соленую слизь и их обратно не выделит, но эти жидкости в нем будут сжаты и сгущены, то от этого происходят обыкновенно опухоли и нагноения в легком. Больной испытывает следующие симптомы: в начале и во всю болезнь—острый и сухой кашель; нападает дрожь, лихорадка, боль в груди и спине, иногда в боку, и появляется сильная одышка. В этом состоянии больной остается в течение четырнадцати дней, часто даже больше; потом гной прорывается, и отхаркиванье становится обильным. Иногда он отхаркивает как бы паутину; иногда также отхаркиванья бывают с кровью. Если легкое будет очищаться и быстро высушится, есть надежда избежать гибели. Если нет, болезнь тянется до года и симптомы

меняются, и больной испытывает то одни, то другие перемены. В этом случае вначале, прежде чем гной излился, нужно поступать следующим образом: когда лихорадка падает, моют обильно горячей водой; предписывают много супов. Больной получает очень разваренный отвар ячменя, к которому примешивают вареный мед; он должен пить сладкое, белое вино или вареный меликрат. Когда же он начнет выхаркивать гной, он должен употреблять то же самое питье, какое предшествующий эмпиематик. Его пища, его питье, его блюда должны быть те же самые, при воздержании от вещей кислых, едких, соленых и жирных, коитуса, излишеств в вине, если только это не соответствует болезни. Необходимо наблюдать за цветом его лица, чтобы предписывать ему то, что покажется необходимым. В остальном он должен делать то же самое. В соответствующем сезоне он должен пить коровье и козье молоко; предварительно он должен очиститься вареным ослиным молоком. Он также должен пить кобылье молоко снятое, каждый день утром сосуд в три котилии [8], если он сможет его переносить. Если, лечимый таким образом, он будет чувствовать себя лучше и если гной не изливается в грудь, то больной должен сам заботиться о себе, находясь в покое, насколько возможно, и сообразуясь с тем, что ему подходит. Если же гной изливается в грудь, тогда в той части, где покажется знак его пребывания, там лучше всего, сделав разрез или прижигание, извлечь гной в малом количестве сначала, а в остальном нужно делать все то, что указано для случая эмпиемы.

4. Если в легком образуется расширение сосуда, наступает сухой кашель, дрожь, лихорадка, очень сильная в начале болезни; есть также затруднение дыхания, и боль фиксируется в голове. Брови кажутся нависающими; опухоль нисходит на лицо, грудь и ноги. Часто боль фиксируется в голове и вследствие

боли, когда она беспокоит, больной не может видеть; тело желтовато, и вены через него идут то красные, как огонь, то черные. Когда он таков и страдание наиболее сильно, начинают с того, что пускают кровь, потом моют обильно горячей водой; если у него жажда, дают кикеон[14] в черном вяжущем очень приятном вине, на половину разбавленном водой; его нужно пить как можно более холодным. Как суп больной должен иметь отвар ячменя с прибавлением хорошего меда. Это нужно делать первые четырнадцать дней. Если болезнь дольше затягивается, если боль в теле увеличивается и если есть слабость, нужно лечить, как в случае гнойного легкого, когда пройдут четырнадцать дней. Эта болезнь происходит от тяжелого труда и от черной желчи.

5. Если маленькие полые вены, проходящие через легкое, будут наполнены кровью или черной желчью и если маленькие вены прорываются одна в другую, будучи в узком месте сжатыми и не имея выхода, то это вызывает боль и вздутие в легком. Эта болезнь трудна и требует многих забот; в противном случае она совсем не оставляет больного и обыкновенно оканчивается только с его смертью.

6. Если в легком образуется воспаление, оно происходит в особенности от излишества в вине и от обжорства рыбою: кефалью [15] и угрями. Они, ведь, содержат наиболее противоположный природе человека жир. Но уже слизь сама достаточна, чтобы произвести эту болезнь, когда примешанная к крови она устремляется на легкое. Происходит она также от питания мясом и перемены воды. Больной испытывает следующие симптомы: он сильно кашляет, отхаркивает мокроту жидкую и в большом количестве; часто также она густая и белая, как при простуде. Острая боль сжимает грудь, спину, бока и ребра; кислая отрыжка; грудь и легкое производят урчание, как желудок; больного рвет кислой слизью; выброшенное

вещество, попавшее на землю, производит шипение, как уксус, и вызывает оскомину на зубах; есть дрожь, лихорадка, сильная жажда; если больной пожелает есть что-нибудь жирное, это производит урчание и вызывает рвоту; все тело цепенеет; когда больного вырвет, ему кажется немного лучше; потом, когда наступает вечер, в животе урчит; у больного — рези и бурчанье. Когда он в таком состоянии и случай кажется благоприятным, начинать лечение следующим образом: смешать мед, молоко, уксус и воду, налить в горшок, согреть, мешать веточками майорана в головках; когда все станет горячо, давать пить или, захватив язык, вливать (в легкое) медленно, через канюлю [16]; потом приказать завернуть больного и оставить его в покое. Если наступит рвота, пусть больного немедля вырвет; если нет, ее нужно вызвать, щекоча горло пером; если больной извергает немного слизи, он должен то же самое делать в течение пяти дней, так как это его облегчит. Он должен принимать это лекарство, после того как проделает упражнения, если он в состоянии, и после обмывания обильной горячей водой; если он слаб, пусть по крайней мере обмоется горячей водой. По прошествии пяти дней он должен пить утром натощак в меликрате или в меде с вином сок сильфиона величиною с чечевичное зерно [17], есть чеснок и редьку натощак, сверх этого пить чистое черное или белое вяжущее вино; пить он должен как во время еды, так и после. Он должен употреблять пищу сухого качества, вареное ослиное или собачье мясо [18], если дрожь и лихорадка не появляются у него. Если после такого вливания через канюлю в рот он очищается, это хорошо; если нет, нужно очистить верхом чемерицей [19]. После очищения ему нужно дать два триблия [8] вареной с примесью меда муки; он должен пить также вино, разбавленное водой. Если ты позван не с самого начала болезни, дай больному по-

полнение при помощи молока и прижигай грудь и спину. Таким образом он лучше всего будет избавлен от болезни. Если больной не будет прижигаем, болезнь упорствует, нелегко проходит и тянется до старости. Часто даже умирает вместе с ним, в случае, если больной не погибает в первые сорок дней. Поэтому самые большие заботы необходимы. В соответствующем сезоне больной должен пить сыворотку, молоко коровье, козье, ослиное и кобылье; таким образом он выживет легче всего, но болезнь трудна.

7. Если легкое опухает от рожи, это опухание происходит прежде всего от крови, когда легкое привлекает к себе кровь и воспринятую ее задерживает. Эта болезнь происходит в особенности летом. Вот что испытывает при ней больной: нападает сухой кашель, дрожь, лихорадка, затруднение дыхания, сильная боль в груди; больной раздувает ноздри, как бегущая лошадь; он высовывает язык, как собака, которая летом распалена зноем воздуха; у него опухоль в груди; едва говорит; в лице краснота и тело зудит; страдание мешает ему спокойно лежать, и он мечется в беспокойстве; этот больной погибает обыкновенно в течение семи дней. Если он переживает этот срок, он не так легко умирает. При таком положении вещей его нужно лечить следующим образом: освежить тело, прикладывая свеклу, смоченную в холодной воде, в особенности если боль недавняя, или прикладывается тряпочка, намоченная в холодной воде и выжатая; если состояние улучшается этими средствами, это хорошо; если нет, нужно прикладывать холодную горшечную глину и больной должен спать на воздухе. Если лечат этим образом, случается часто, что больной живет дольше семи дней; когда пройдут семь дней, если боль упорствует, смазывать маслом болезненную часть и делать в общем те же самые теплые прикладыванья, как при плеврите; больной должен для умеренного очищения принимать пеп-

лион [20], мекониду [21] и книдийское семя. После очищения дать в похлебке триблий чечевицы; больной должен пить воду. На следующий день его нужно обильно обмыть горячей водой за исключением головы; потом он должен принять майорана, вымоченного в медовой воде. Питье должно быть насколько возможно более горячо; пища должна быть та же самая, как при плеврите, если только не упорно держится лихорадка; эта болезнь тяжела, и немногие выживают.

8. Если грудь и спина испытывают надрыв, что случается чаще всего от сильной натуги, то больной испытывает следующее: нападает сильный кашель; отхаркиванье иногда с кровью; обыкновенно охватывает дрожь и лихорадка; острая боль в груди и спине; больному кажется, что его давит в боку камень. Боли—такие, как будто кто колет его иголкой. При таком положении вещей нужно дать в питье молоко и тотчас прижигать грудь и спину. Таким образом он будет очень быстро здоров. В остальном он должен проводить жизнь, держась насколько возможно более в покое, так как, если он сколько-нибудь натрудится, севши в повозку или на лошадь, или же поработает сам, неся тяжесть на плечах, то можно бояться, чтобы болезнь не сделала снова рецидива. И если это случится, есть опасность, что он погибнет, ибо болезнь, возвратившись, более мучит, чем вначале. Если он не будет прижигаем, то нужно лечить теми же способами, как эмпиему: супами, питьем и пищей. В общем, сохраняя покой, он должен хорошо есть подходящие вещества. Если его будут лечить таким образом, он быстро станет здоровым. Болезнь же тяжела.

9. Если опухоль образуется в боку и делается нагноение, то вот каковы симптомы: держится дрожь и лихорадка; сухой кашель в течение многих дней; боль в боку, которая отражается в сосок, ключицу и лопатку. Когда дело обстоит так, больной в первые

одиннадцать дней должен употреблять, как суп, очень разваренный отвар ячменя, к которому, когда он будет сварен, можно прибавить меду. Больной должен пить белое сладкое или вяжущее вино с водой; ему нужно предписать глотать часто вино и отплевывать; ему нужно воспрепятствовать спать, пока не пройдут одиннадцать дней. После этих дней он должен принимать, насколько возможно, меньше пищи: мясо молодой собаки или петуха, горячее; из этого надо приготовить хороший бульон, который больной должен пить. Он должен употреблять супы до еды; у него не должно быть жажды до тех пор, пока образуется нагноение в боку; нагнаивается же в сорок дней или немного раньше; по этому ты определишь, когда гной находится в боку, ибо больной не отхаркивает гноя и его не рвет гноем. Когда дело так обстоит, нужно применить там, где опухоль дает знак о своем пребывании, разрез или прижигание; потом удалять гной мало-помалу; после удаления гноя наложить корпию из сурового льна; на следующий день снять корпию и снова извлечь немного гноя. Потом снова наложить корпию, и опять на следующий день и в другие дни извлекать гной два раза в день до тех пор, пока он не будет высушен. Нужно давать пищу и блюда, если больной будет это допускать. Он должен есть столько, сколько может, свежего майорана, смоченного в меду: если нет свежего, то—майоран сухой; последний нужно истолочь, прибавить туда меда и заставить принимать столько, сколько возможно. Больной не должен зябнуть, принимая ванны, и должен лежать на мягкой постели. Если будешь лечить таким образом, то весьма скоро заставишь выздороветь. Когда больной выйдет здоровым, он должен беречься холода, жары, солнца. Он должен пользоваться умеренными прогулками после еды таким образом, чтобы усталость не охватила тела. Делая это, он выздоровеет. При всех этих болезнях, когда ты прижигаешь,

надо класть на ожоги много растертого порея [22] тотчас после прижигания и оставлять его там на один день.

10. Существует три вида чахотки. Первая производится слизью. Когда голова, наполненная слизью, заболеет и в ней наступит жар, слизь загнивает в голове, так как она не может двигаться таким образом, чтобы спускаться вниз; потом, когда она сгущена и загнила и маленькие вены наполнены сверх меры, образуется истечение к легкому, а легкое, когда примет его, тотчас же заболевает, будучи раздражено слизью соленой и гноевидной. Итак, больной испытывает следующее: наступает слабая лихорадка и дрожь; в груди и спине боль; иногда острый кашель удручает, и больной выделяет обильное водянистое и соленое отхаркивание; таковы испытываемые симптомы при начале болезни, но со временем тело худеет, исключая голеней, ибо они опухают, так же как и стопы. Ногти загибаются; плечи становятся худыми и слабыми; горло наполняется чем-то вроде пуха: оно свистит, как через трубочку; жажда сильна в течение всей болезни, и сильная слабость охватывает тело. Когда дело так обстоит, больной погибает в течение года очень изможденным. Нужно приложить самую большую заботу к излечению. Сначала нужно дать пить чемерицу, а низом очистить при помощи эпитима [23] или пеплия, или книдийского семени, или молочая; нужно прописывать эти очистительные четыре раза в году: два раза—верхом, два раза—низом. Нужно также дать для очищения вареное молоко ослицы, или коровье, или козье; должно пить сырое коровье молоко с прибавлением трети меликрата и подмесью туда майорана в течение сорока пяти дней. Сначала нужно очистить голову, прикладывая к ноздрям чихательное средство. Пища и блюда не должны быть ни жирны, ни пахнущие гарью, ни очень острые. Все это нужно делать для больного,

наблюдая за болезнью; он должен пользоваться прогулками пропорционально пище и должен стараться не охлаждаться; зимой он должен избирать свое место пребывания у огня. Он должен пить вяжущее, черное, очень старое и очень приятное вино, но в малом количестве. Если тебе покажется надлежащим предписать паровую ванну прежде, чем дать лекарство, очисти после ванны, но, если ты не хочешь давать чистительного, предпиши паровую ванну и вызови рвоту после пищи, как это было описано выше. Этот больной должен пользоваться прогулками, если ходьба ему полезна; если не подходит, он должен сохранять насколько возможно покой. Этот больной, лечимый таким образом, легче всего перенесет болезнь, но она опасна и немногие от нее избавляются.

11. Вторая чахотка: происходит от тяжелого труда. То же самое испытывает больной, как в предшествующем случае, но болезнь представляется более тихой, чем первая, и летом дает ремиссии. Больной отхаркивает более густую мокроту, чем в предыдущем случае. Кашель удручает в особенности людей пожилых; страдание сильнее в груди: кажется, что там нависает камень; спина также болезненна; цвет самого больного прозрачен, и при малейшем усилии он тяжело дышит и задыхается. Обыкновенно от этой болезни он умирает в три года. Его нужно лечить теми же средствами, как и предшествующего. Болезнь продолжается у большинства до трех лет; но от нее умирают, так как болезнь—тяжелая.

12. Третья чахотка. От нее больной испытывает следующее: спинной мозг наполняется кровью и желчью. Сохнет он также от полых вен: они наполняются водянистой слизью и желчью. Впрочем, симптомы одни и те же, каково бы ни было происхождение чахотки. Человек становится тотчас черным и немного опухшим. Части под глазами становятся желтыми. Вены тела—желтого цвета, натянуты, некоторые

очень красные; наиболее выступают вены, которые подмышками. Отхаркиванье—желто, и, когда оно наступает, больной задыхается и иногда не может кашлять, хотя и хочет; иногда задыхание и нужда в откашливаньи вызывают в нем рвоту большим количеством желчи или же слизи, часто также пищи, когда он поест. Когда вырвет, ему кажется лучше; потом по прошествии незначительного времени он лежит в тех же самых страданиях. У больного голос более пронзителен, чем когда он был здоров; по временам его охватывает дрожь и в промежутках—лихорадка с потом. Когда дело так обстоит, его нужно лечить той же самой пищей, теми же супами, питьем, лекарствами и остальным, как в предшествующем случае. Болезнь обыкновенно тянется девять лет до полного истощения больного. Немногие от нее выживают, так как болезнь трудна. Если хочешь, лечи больного следующим образом: сначала паровыми банями, после паровой бани на следующий день дай пить половину хоея [24] меликрата с небольшим количеством уксуса и заставь проглотить все одним духом. Потом нужно очень накрыть больного покрывалами и насколько возможно дольше. Если он не может так держаться и чувствует позыв к рвоте, пускай его вырвет; если по прошествии некоторого времени рвоты не наступает, он должен выпить большой бокал тепловатой воды и вызвать рвоту, щекоча при помощи пера. После того как его вырвало настолько, что он чувствует себя хорошо, он должен оставаться в покое этот день. Когда наступит время обеда, он должен съесть немного мацы [25], для кушанья взять солонину и порей и пусть съест их насколько возможно более; пить он должен сладкое вино. В остальное время он должен обильно мыться каждый день с утра горячей водой. После ванны он должен остерегаться, чтобы не охладиться, и, укладываясь, он должен спать насколько возможно дольше. Пробудясь и встав, он

должен сделать в этот день прогулку, по крайней мере, в двадцать стадий [26]. Следующие дни он должен делать на пять стадий больше, прибавляя каждый день пять стадий до тех пор, пока он достигнет ста стадий. Нужно ежедневно расслаблять желудок при помощи отвара свеклы и капусты; нужно сварить отдельно свеклу и капусту и их процедить: каждого один хоей. Потом их нужно смешать и варить вместе; в каждой отдельно нужно было сварить сало от овечьей почки, в дозе одной четверти мины [27], и разделить между обеими. Когда же больной пожелает пить, прибавляют к отвару капусты соли, к отвару свеклы—меду; хорошо также пить их отдельно или пить их, прибавляя к одной чашке меду, а к другой соли. Нужно выпить весь сок, и это надо делать в течение тридцати дней. В следующий месяц больной должен есть хлеб, вареное жирное свиное мясо и ничего другого. Он должен пить белое вяжущее вино и ходить не меньше, чем тридцать стадий перед обедом и десять после обеда; он не должен охлаждаться, но укрываться. Если он будет это делать, он легче перенесет болезнь. На следующий месяц он должен пить кикеон из цветов, следующим образом приготовленный: возьми корень петрушки, укроп, руту, мяту, кориандр, свежий мак, базилику, чечевицу и сок сладких и винных гранат; сладких нужно взять вдвойне. Сок тех и других должен составить полкотилии [8]: следует взять полкотилии черного сладкого вяжущего вина и полкотилии воды; потом, после того как хорошо истолкут цветы, нужно их вымачивать в этой смеси и налить в чашку; потом нужно прибавить один оксибаф [28] чечевичной муки, столько же ячменной и такое же количество старого козьего сыра, настругав его; смешав все это, давать больному пить. Потом по прошествии небольшого времени он должен завтракать хлебом и в качестве блюда куском гнюса [29], или ската, или акулы, или батиды [30]. Он должен есть

вареное свиное мясо и стараться пополнеть, сохраняя насколько возможно более покой. Он должен принимать спокойно паровые бани каждые десять дней; на четвертый месяц он должен принимать легкие паровые бани каждые пять дней. Он должен есть, насколько он может, более, употребляя сыр, мясо и вареную баранину. Он должен проходить свои стадии, как это было сказано раньше, начиная в первый день четвертого месяца с десяти и прибавляя десять каждый день до тех пор, пока дойдет до восьмидесяти; тогда он должен сделать в день восемьдесят стадий: тридцать до обеда, двадцать после обеда и тридцать утром. В остальное время он должен держаться диэты: есть мазу и хлеб, употребляя одно и другое. Как блюда у него будут селахии и всякое мясо, исключая воловье и свинину. Он должен воздерживаться от следующих рыб: головля[31], угря, меланура[32], а есть гнюса, ската, батиду, акулу, тригона[33], лягву[34] и ничего другого. Он должен принимать также, если это не покажется причиняющим ему вред, кикеон. После того как он пожелает спать, должен пить черное сладкое и старое вино в дозе чашки из двух котилий. В течение дня он должен пить то же вино сверх своей еды. Он должен делать в течение дня сто пятьдесят стадий: девяносто перед обедом, двадцать после и сорок утром. Лечимый таким образом этот больной выйдет здоровым в один год.

13. Спинной мозг сохнет в особенности, когда маленькие вены, направляющиеся к мозгу, и выход, ведущий от головного мозга, будут заграждены. Вследствие изнурения тела возникает это страдание и болезнь. Иссушается также мозг вследствие излишества венерического; это в особенности является причиной. Симптомы таковы: острая боль чувствуется в голове, шее, пояснице, мускулах поясницы и суставах нижних конечностей до такой степени, что иногда больной не может их согнуть. Стул не происходит;

есть запор и страдание от задержания мочи. Больной вначале переносит довольно спокойно свою болезнь, но чем больше протекает времени, тем больше увеличиваются его страдания. Ноги опухают, как от водянки; изъязвления образуются на пояснице, одни залечиваясь, другие—появляясь. Когда дело будет так обстоять, отпарив голову, очистить тело соком гиппофея[35] или семенем книдийским. Вечером после очищения больной должен съесть, как суп, два триблия ячменя в отваре с прибавлением меда. Он должен пить белое и мягкое вино. На следующий день ему нужно дать выпить восемь котилий вареного ослиного молока с прибавлением меда. Если ты не имеешь ослиного молока, дай три половины хоея коровьего или козьего молока, вареного с примесью меда. Когда позволяет время, больной должен пить молочное в виде сыворотки и молока в течение сорока пяти дней. Из пищи и из блюд он должен употреблять те, которые более всего расслабляют желудок. Он должен пить белое мягкое вино из Мендеса[36]. Когда он будет наиболее полным, ему нужно сделать на пояснице с каждой стороны позвонков четыре прижигания: на спине—пятнадцать с каждой стороны, а на шее—два между сухожилиями, ибо если ты будешь иметь успех в прижигании, сделаешь больного здоровым; но болезнь эта тяжела.

14. Четыре болезни происходят от почек. Вот симптомы первой: острая боль чувствуется в почке, пояснице, паху, яичке, соответственно почке; больной часто мочится; мало-помалу моча прекращается, и с мочой выходит песок. Когда этот песок проходит уретру, он причиняет сильную боль в ней. Когда же больной выбросит песок с мочой, боль успокаивается. Потом после этого больной снова лежит при тех же самых страданиях. Когда же он мочится, он трет член вследствие боли. Многие врачи, не понимающие болезни, видя песок, думают, что мочевой пузырь

страдает от камня, но это не мочевой пузырь, но почка страдает от камня [37]. Эта болезнь происходит от слизи, когда почка притягивает к себе эту слизь, обратно ее не отсылает, но внутри себя делает ее отверделой и образует из нее тонкие камешки, как песок. Когда дело так обстоит, нужно подвергнуть паровой бане все тело, после чего умеренно очистить соком скаммонии или тем же корнем. На следующий день следует очистить отваром стручков белого гороха в дозе двух хоеев, положить туда соли, дать пить. После этого нужно лечить питьем, пищей и ваннами, давая те же самые лекарства, какие даются при странгурии. Когда боль будет мучить, обильно омывают горячей водой и делают горячие прикладыванья там, где сильнее всего боли. Когда же образуется опухоль и выпуклость, ты сделаешь в это время разрез соответственно почке и, извлекши гной, станешь лечить песок мочегонными. Действительно, если произведен разрез, есть надежда на спасение; если нет, болезнь в конце концов причиняет смерть.

15. Вторая болезнь почек. Боли сильно чувствуются, как в предшествующей. Эта болезнь происходит от чрезмерного труда, когда маленькие вены, идущие к почке, разрываются и почка после этого наполняется кровью. В этом состоянии больной выделяет с мочой в начале болезни кровь, потом со временем гной. Если он сохраняет покой, он выздоровеет очень быстро, но если он потрудится как-нибудь, боли становятся гораздо острее. Когда почка будет наполнена гноем, она опухает возле позвоночника. Когда дело так обстоит, нужно применить на опухшей части разрез, лучше всего очень глубокий, в направлении почки. Если разрез будет иметь успех, ты немедленно излечишь больного. Если ты ошибешься, нужно опасаться, чтобы рана не потребовала корпии. Если края раны соединятся, почечное углубление наполнится внутри

гноем; если гной прорвется внутрь и пройдет в прямую кишку, есть надежда на спасение, но, если он достигнет другой почки, следует опасаться, чтобы больной не погиб. Нужно лечить лекарствами и всеми другими средствами, как в предшествующем случае. Эта болезнь тяжела, и у многих она оканчивается почечной чахоткой.

16. Третья болезнь почек. Моча выделяется подобная соку жареной говядины. Болезнь происходит от черной желчи, когда желчь притечет в вены, направляющиеся к почке; задерживаясь там, она изъязвляет маленькие вены и почку. Следовательно, изъязвления производят то, что с мочой выделяется такая жидкость. Боли чувствуются в пояснице, мочевом пузыре, промежности и в самой почке в течение короткого времени. Потом страдание прекращается и вскоре снова появляется с остротой. Иногда также боль охватывает нижнюю часть живота. Когда дело так обстоит, нужно очистить желудок эпитимом или корнем скаммонии. Нужно давать пить то, что дается при странгурии, и, когда будет припадок боли, необходимо мыть обильно горячей водой и делать горячие прикладывания, в особенности на болезненное место. В виде супа больной получает вареную муку, к которой прибавляют меда; остальная его диэта также, насколько возможно, для послабления желудка. Он должен пить белое сладкое вино из Мендеса или другое белое, очень приятное и значительно разбавленное вино. Эта болезнь совсем не оставляет больного. В удобное время он должен пить сыворотку и молоко: сыворотку, чтобы расслабить желудок; что же касается лечения молоком, он должен пить его в сезоне в течение сорока пяти дней. Если ты это так сделаешь, то поставишь болезнь в лучшее состояние.

17. Четвертая болезнь почек. Болезнь эта происходит от желчи и слизи, в особенности летом; бо-

лезнь также происходит от излишества в коитусе. Вот что испытывает больной: боли чувствуются в боках, паху, пояснице и мускулах поясницы. Больной страдает, как женщина при родовых болях; он не может лежать на здоровом боку, что увеличивает страдания чрезмерно, и ему кажется, что в паху что-то привешенное как будто отрывается, но, если он ложится на живот, он не страдает. Спина и голени постоянно холодны; моча едва выделяется, вследствие ее жгучести и густоты; если ты оставишь ее, в течение некоторого времени, чтобы она отстоялась, ты увидишь осадок густой и похожий на муку: если будет преобладать желчь, он будет красноватым; если же болезнь будет от слизи,—белым и густым. Вначале больной остается во власти этих страданий в течение одного года, немного более, немного менее времени; потом, если болезнь длится, страдание увеличивается и образуется нагноение. Когда оно образовалось и если есть опухание, нужно применить там, где опухание значительнее всего, разрез до почки и извлечь гной. Если разрез имеет успех, тотчас следует выздоровление. Когда дело так обстоит, нужно лечить больного теми же средствами, как в предшествующем случае. С самого начала болезни нужно очистить и прежде очищения применить паровую баню. Он не должен часто принимать ванны, но больше натираться маслами и не охлаждаться; он не должен подвергать себя солнцу и должен воздерживаться от коитуса. Если ты сделаешь это и больной не выздоравливает очень быстро, ничего нового нет, ибо болезнь весьма тяжела. Если больной хочет лечиться без лекарств, следует доставить ему пополнение диэтой, эта ли у него болезнь или одна из предшествующих. Раздели его обычную пищу на десять частей, отними одну из них, и пусть он ест остальные. Как блюдо пусть он имеет рубленое свиное мясо, и пусть в этот день он сделает прогулку в десять стадий.

На следующий день и еще через один день до десятого дня он должен есть одной частью пищи меньше каждый день и каждый день также должен ходить десятью стадиями больше; когда он дойдет до последней части пищи и до ста стадий, он должен съесть одну эту часть, и в этот день он должен сделать сто стадий: сорок перед обедом, двадцать после и сорок утром. Он должен пить мендейское вино, белое, вяжущее; он должен это делать в течение трех месяцев, потом в остальное время он должен уменьшать ходьбу и увеличивать пищу тем же самым образом, как он ее уменьшал. Он должен укорачивать ходьбу до десятого дня, потом он должен соблюдать покой наиболее полный и питаться чистой пищей; очень жирные блюда, все сладкие вещества для него подходящи. Он должен воздерживаться от зелени, от всего кислого, от всех вещей острых, от всех производящих метеоризм; он должен мыться горячей водой в большом количестве и не охлаждаться. Если он это сделает, он весьма скоро выздоровеет.

18. От воспаления почек наступает большая болезнь полых вен, идущих от головы в длину шеи по позвоночнику к наружной лодыжке ноги и к промежуточному месту большого пальца. Эта болезнь происходит от слизи и желчи, когда они стекут в вены, а эти вены полны крови: если, следовательно, что-нибудь постороннее проникает туда, они заболевают. Симптомы таковы: если болезнь охватит правую сторону, она начинает причинять боли сначала в бедреном углублении; чем более будет длиться время и болезнь, тем острее становится боль, и она спускается ниже, и, когда достигнет наружной лодыжки ноги и промежуточного места большого пальца, снова начинает итти к голове и, установившись в голове, сильно удручает, и человек думает, что у него раскалывается голова. Глаза наполняются слизью так же, как и все остальное тело. Когда дело

так обстоит, нужно давать сок дикого огурца [38] или корень тапсии [39], или чемерицы, или сок скаммонии; после очищения нужно прописать те же самые вещества, как предшествующим больным. Если лечение не имеет успеха, больному нужно дать пополнение при помощи молока и применить четыре прижигания в низу правой лопатки, три в углублении правого бедра, два в ягодицу, два посредине бедра, одно выше колена, одно выше лодыжки. Если больной так будет прижжен, это не позволит болезни распространяться ни вверх, ни вниз. Если же где-либо боль предупредит своим появлением и, если она нападет на голень прежде прижигания, больной будет хромым; если на голову, он будет глухим или слепым; если на мочевой пузырь, он испускает с мочой кровь, в особенности около сорока дней. Нужно, если боль вспыхнет в мочевом пузыре, давать те же самые лекарства, которые дают при стангурии, и, если боль фиксируется в каком-нибудь другом месте, прижигать. Нужно прижигать мясистые части при помощи железных инструментов, части костные и сухожильные—при помощи грибов [40]. Во всяком случае нужно предварительно делать следующее: если ты позван с самого начала болезни, то дать, как питье, белое мендейское вино, разбавленное водой и в большом количестве в течение дня. Больной должен опьянеть, пока у него не произойдет кровоизлияние из носа. Когда кровь начнет вытекать, по крайней мере в течение тринадцати дней позволить ей течь; когда эти дни пройдут, больной не должен больше опьяняться, ни даже когда кровь начала вытекать. Однако он должен пить во время еды немного более вина для того, чтобы кровь могла течь. У некоторых случалось, что, после того как кровь останавливалась, она прорывалась в мочевой пузырь, и больной выделял кровь и гной. Если, следовательно, она прорвется, дают те же самые лекарства, как при странгурии, и заставляют

обильно пить то же самое вино. Если больной так лечится и получает пищу, послабляющую желудок, и блюда того же самого действия, то выздоровеет очень быстро, но болезнь тяжела.

19. Другая болезнь происходит от левой вены. Больной в общем испытывает те же самые припадки, как в предшествующем случае, но острая боль фиксируется прежде всего в селезенке с самого же начала болезни. И если будет разгадана болезнь, прежде чем она засядет в селезенке, необходимо у этого больного при помощи грибов сделать восемь прижиганий насколько возможно быстрее, захватив головы селезенки. И в каком бы другом месте ни фиксировалась другая боль, необходимо прижечь, и таким образом больной тотчас выздоровеет. Если его не будут прижигать и если он выздоравливает сам по себе, часто случается, что болезнь снова возвращается после двенадцати лет и, если она захватит селезенку, она производит у большинства водянку. Нужно тотчас лечить, как в предшествующем случае, и, если покажется нужным, прижигать таким образом, как у предыдущего больного, если боль фиксировалась в тех же самых членах. Если больной не будет лечиться таким образом, он умирает истощенный во всех отношениях, так как болезнь тяжела.

20. О слизи я имею то же самое мнение, как о желчи, а именно: я полагаю, что она бывает нескольких видов; эпидемическая—это самая свежая слизь, и лечение ее самое легкое. Сначала нужно вызвать рвоту после еды, в то время как больной должен стараться в течение двух или трех дней завтракать и сохранять покой, если у него была привычка есть только один раз и работать. Если нет, он должен следовать тому же самому режиму, но обильно мыться горячей водой; когда пожелаешь вызвать рвоту, он должен есть размолотую мазу [41] и хорошо выпеченный черствый хлеб. Эти вещества

действительно больше привлекают слизь. Он должен есть блюда и зелень острые, вещества маслянистые, сладкие, кислые; все они, надлежащим образом смешанные, ему подходят. Он должен есть всякие зеленые овощи. Сверх того, он должен пить в небольшом количестве и часто сладкое вино; подконец он должен есть пирог, мед, винные ягоды; когда же будет обедать, он должен свободно выпивать бокалы вина и, когда насытится, должен немного спать. Потом, проснувшись, пускай вызовет рвоту, проглотив большой стакан вина, разбавленного тепловатой водой, ибо таким образом слизь наилучше извлекается из мышц и вен и тело наилучше осушается. Рвота должна продолжаться до тех пор, пока он не извергнет винных ягод, ибо они выходят последними. Вот это он сделает в этот день; на следующий день он должен сдержать себя до обеда, за которым он будет есть хлеб простого помола. Блюда у него будут из самых тяжелых. Он должен пить черное вяжущее вино. Таково лечение слизи, господствующей эпидемически. Если больной в состоянии пить и есть и с удовольствием принимает пищу, но потом ноги его тяжелеют и у него изменяется цвет, нужно объявить, что причина его болезни есть слизь в животе. Когда дело так обстоит, возьми соды величиной с косточку барана, смешай с медом, сладким вином и маслом и сделай клизму. Эти вещества в действительности есть самые мягкие в промывании желудка для человеческой природы. Дозы должны быть следующие: вина—одна котилия, масла—полкотилии, столько же меда. Если больной не хочет клизмы, следует увлажнить человека, предписав ему влажную паровую баню. Вероятно, она сможет вызвать стул, ибо эту болезнь производит излишняя сухость пищи. Если, следовательно, кто будет есть очень сочную пищу, без сомнения, испытает эту болезнь в меньшей степени и, если ее когда-нибудь

испытает, будет нуждаться только в небольшом лечении. Леча таким образом, ты очень быстро сделаешь больного здоровым.

21. Если слизь окажется более старой, ее называют белой слизью; она имеет следующие симптомы: человеку более тягостно; он имеет вид более желтый и отличный от того, который бывает при эпидемической слизи; тело все опухает, лицо краснеет, во рту сухо; у больного жажда, и, когда он поест, дыхание становится учащенным. В один и тот же день он то чувствует себя лучше, то внезапно страдает, и ему кажется, что он умирает. Такой больной, если у него желудок самопроизвольно будет расстроен, очень близок будет к выздоровлению. Если же несамопроизвольно желудок расстраивается, нужно очистить желудок, давая больному или кнеорон[42], или гиппофей[35], или книдийское семя, или камень магнезии[43]. После очищения желудка он должен съесть один или два триблия пюре из чечевицы; чеснок должен быть сварен в чечевице. Больной должен съесть также один триблий свеклы в жире, ничем не приправленной и посыпанной ячменной мукой. Он должен пить черное, вяжущее и сильное вино. На следующий день утром он должен пройти двадцать стадий; возвратясь, съесть маленький хлебец, очень хорошо выпеченный, и как блюдо у него должен быть вареный чеснок. Он должен пить немного того же самого достаточно чистого вина. Потом он должен пройти тридцать стадий; когда наступит время, он должен обедать, съедая количество, которое обычно составляло его завтрак. Как блюда у него должны быть в особенности свиные ноги и голова; если нет,—петух или рубленая свинина; из рыб—скорпион[44], драконова рыба[45], кукушка[46], коллионим[47], бычок[48] и все те, которые имеют подобное свойство. Из овощей он должен есть только чеснок и воздерживаться от всех остальных, но чеснока он должен есть столько,

сколько может: сырым, кипяченым, вареным, жареным, увеличивая количество его каждый день. Он должен работать немного более, сообразно с пищей и с очень постепенными увеличениями. Эта болезнь происходит в особенности в летнее время, когда пьют много воды, а также, когда много предаются сну. Она разрешается в тридцать дней в сторону смерти или жизни. Вот что нужно делать по прошествии тридцати дней. В первые дни у больного должна быть как суп похлебка чечевичная, подкисленная уксусом, и ячмень подкисленный. Он должен пить теплый меликрат, смешанный с небольшим количеством ячменной муки, для того, чтобы тело было расслаблено для питья лекарства. В течение этих дней он должен спать на открытом воздухе. Если тебе кажется нужным выпустить кровь из поясницы, поставь кровососную банку и открой самые большие вены мошонки. Лечимый таким образом больной выздоровеет очень быстро.

22. Слизь чаще всего переходит в водянку следующим образом: вследствие жара расплавляется жир, который находится в слизи, и обращается в воду. Ты узнаешь, какой случай может быть излечен и какой нет, так: до тех пор, пока остается жир в низу живота, больной может быть излечен. Ты узнаешь, есть ли или нет жир в низу живота, следующим образом: если появляется лихорадка и больной не может подняться и пупок вздут, надо сказать, что нет больше жира и что случай неизлечим. Если же, наоборот, лихорадка не наступает, больной может подняться и пупок не выступает,—сказать, что есть жир и случай излечим. Такому больному полезно осушить живот, давая хлеб простого помола, теплый и нечерствый, а как блюда: заячье мясо, мясо взрослой собаки, баранину, жареную свинину, жареного горячего петуха, полипа [49], вареного в вяжущем черном вине. Больной должен пить черное,

очень густое и очень вяжущее вино. Из рыб он должен есть: бычка, драконову рыбу, кукушку, каллионима и другие подобные, все варенымп накануне и холодными; это в действительности те, которые наиболее осушают; он не должен их есть в супе, и рыбы не должны быть солеными; из овощей он должен употреблять редьку и петрушку. Он должен сварить похлебку из чечевицы, подкисленную уксусом, и есть ее; должен гулять в течение дня после обеда и утром, ложиться спать поздно и вставать рано. Если от этих средств болезнь прекращается, этого достаточно; если нет, надо пить кнеорон, или сок гиппофея, или книдийское семя. После очищения желудка больной должен съесть в виде супа два триблия чечевичной похлебки и маленький хлебец; он должен пить черное вино вяжущее в малом количестве. Он должен пить лекарство два раза в день до тех пор, пока спадет опухоль. Если отек фиксируется в мошонке, бедрах и голенях, нужно там произвести многочисленные надрезы очень острым скальпелем. Если ты это сделаешь, ты получишь очень быстро выздоровление.

23 [52]. Водянка. Водянка происходит так: когда летом от желания пить, пьют много воды, сразу, одним залпом, нередко последствием этого является водянка: именно, легкое, будучи наполнено, сейчас же изливает в грудь. И когда излияние будет в груди, оно у больного вызывает сильный жар, так что плавится жир, находящийся на артериях (бронхах), а раз жир начал в изобилии плавиться, водянка в скором времени образуется. Она образуется еще, когда в легком появляются опухоли, наполняющиеся водой и разрывающиеся в грудь. Что водянка образуется от опухолей, я имею доказательство на быке, собаке и свинье. Действительно, главным образом у этих четвероногих образуются в легком опухоли, имеющие воду; ты в этом убедишься тотчас, рассекая

их; оттуда выйдет вода. Без сомнения, у человека подобные опухоли зарождаются гораздо чаще, чем у животных, так как наш образ жизни гораздо более нездоров. Многие также стали эмпиематиками вследствие появления опухолей. Вот симптомы начала болезни: сухой кашель, горло кажется охрипшим, наступает дрожь и лихорадка, затруднение дыхания, опухание тела, набухание ног, загибание ногтей. До тех пор, пока водянка находится в верхней полости тела, налицо острая боль, но когда перейдет в нижнюю полость, больному кажется больше по себе, тем не менее по прошествии некоторого времени он испытывает то, что прежде, когда живот наполнится. Иногда опухоль обнаруживается в боку и показывает, где нужно рассекать. Если не показывает, обмыть больного обильно горячей водой, взять его за плечи и встряхивать; потом слушать, в каком боку больше зыбление. Определив это, провести разрез на третьем ребре, считая с последнего, до кости; потом перфорировать ребро трепаном в виде сверла; после перфорирования выпустить немного воды и после удаления наложить корпию из сурового льна, а сверху—мягкую губку. Затем ты наложишь повязку для того, чтобы корпия не упала. Извлекать воду следует в течение двенадцати дней, раз в день; после двенадцати дней на тринадцатый извлечь всю воду; в остальное время, если образуется немного воды, извлечь ее и осушить желудок пищей. После разреза нужно давать следующие препараты: взять драхму сока сильфиона, наскоблить аристолоха[50] в размере пятки оленя, очистить чечевичную крупу и поджаренную чечевицу, каждого половину хойникса[51], замесить все с медом и уксусом и затем сделать шестьдесят лепешек; каждый день истолочь одну из этих лепешек, развести ее в полкотилии черного вяжущего, очень приятного вина и давать пить натощак. В остальном пищевая диэта и труд должны

быть согласованы, как в прежнее время; если половые органы и бедра становятся отечными, применять без колебания проколы. Если этого больного так будешь лечить, он очень быстро сделается здоровым.

24. Водянка, происходящая от печени. Водянка от печени происходит, когда в печень придет слизь, и печень ее соберет и будет увлажнена. Тотчас она производит жар, зарождает ветры и потом по прошествии некоторого времени наполняется водой. А затем чувствуется в теле зуд; опухание обнаруживается в стопах и голенях; печень тверда и опухает, а ключицы худеют. Когда дело так обстоит, нужно дать в начале болезни, если печень болезненна, следующее: истолочь майоран, взять величиною в чечевичное зерно сока сильфиона, развести его в полкотилии белого вина и дать пить. Заставить выпить также чашу, содержащую четыре котилии козьего молока с третью меликрата. Больной должен воздерживаться от пищи первые десять дней, которые в действительности определяют, смертельна ли болезнь или нет. Как суп, у него должен быть ячменный отвар с прибавлением хорошо сваренного меда; вино—белое мендейское или всякое другое, очень приятное, разбавленное водой. Когда пройдут первые десять дней, больной должен принимать чистую пищу; из блюд—горячего жирного петуха, вареную молодую собачку; из рыб—жаренными акулу и гнюса; пить то же самое вино. Если от этих средств болезнь прекратится, этого достаточно; если нет, нужно прижигать при помощи грибов, когда больной наиболее толст и печень имеет наибольший объем. Так излечишь наиболее быстро. Нужно сделать прижиганием восемь струпьев. Если же водянка образуется и изливается в живот, нужно лечить теми же самыми лекарствами, как в предшествующем случае: питьем, пищей, трудами; больной должен пить черное вяжущее вино. Если тебе кажется, что болезнь покидает

печень, ты станешь прижигать там, где она покажется, железом и извлекать воду мало-помалу и лечить в остальном, как в предыдущем случае. В случае, если от этих средств больной не будет здоров, он чахнет и через некоторое время умирает, потому что болезнь тяжела и немногие от нее избавляются.

25. Водянка, происходящая от селезенки. Водянка, происходящая от селезенки, главной причиной имеет чрезмерное употребление в осеннем сезоне зеленых винных ягод и яблок. Многие также получали эту болезнь, съедая много винограда и выпивая много выжимок вина. Когда, следовательно, больной заболевает этой болезнью, его тотчас охватывает страдание; острые боли фиксируются в селезенке и оттуда распространяются к плечу, ключице, грудному соску и в бок; появляется сильная лихорадка. Если он съест что-нибудь, желудок наполняется, селезенка опухает и причиняет боль. Если болезнь продолжается, он испытывает в остальное время меньше боли, но, когда появляются фрукты и если он станет их есть, тогда он страдает больше всего. Когда дело так обстоит, нужно лечить больного, сначала давая ему чемерицу, чтобы очистить верхом, и чтобы очистить низом—кнеорон, сок гиппофея или книдийское семя; нужно давать также ослиное молоко в дозе восьми котилий с прибавлением меда. Если эти средства уничтожают болезнь, этого достаточно; если нет, то, когда селезенка имеет наибольший объем и наибольше опухла, нужно сделать при помощи грибов или железа прижигания, которые должны охватить головку селезенки. Нужно иметь самую большую заботу, чтобы прижигание не прошло внутрь; вот что нужно делать в начале болезни. Что касается диэты, нужно предписать, если нет лихорадки, следующее: больной должен употреблять поджаренный пшеничный хлеб или дважды поджаренный из твердой пшеницы; из блюд он должен иметь

соленую рыбу из Гадейры[53] или саперду[54] и рубленую баранину. Он должен есть все кислое или соленое, пить вино из Коса, вяжущее и очень черное, воздерживаться от сладких вещей. Если он встает и если у него есть сила, он должен бороться верхними частями плеч и делать много прогулок в течение дня. Он должен хорошо питаться, главным образом, тем, что было сказано. Если образуется водянка, ее нужно лечить так же, как и в предыдущих случаях.

26. Общая водянка. Водянка происходит следующим образом: летом, если проходят длинный путь и встретят дождевую стоячую воду и если пьют ее много, продолжительным глотком, мясные части тела поглощают воду и задерживают ее и не происходит никакого выделения. Вот симптомы: если вода будет находиться в мясе, она причиняет в животе и теле жар, таким образом, что жир, находящийся в животе, плавится. До тех пор, пока больной ходит, кажется, что в нем нет никакой болезни, но когда он перестает ходить и сядет солнце, тотчас страдание становится сильным. Если болезнь продолжается, он очень худеет и еще больше, если есть отвращение к пище. Если он сможет есть пищу и будет неспособен к труду, еще больше будет себе вредить. У большинства отек обнаруживается во всем теле. Худые субъекты получают синеватый цвет; живот становится большим; жажда нападает сильная, так как внутренности осушаются жаром. По прошествии времени он охотно будет есть и пить все, что ему дают, и не страдает. Если отек появится, окраска кожи становится желтой и многочисленные черные вены тянутся по всему телу. Больной без причины раздражается и огорчается от всего, даже если не происходит ничего нового. Живот опухает от воды, становится велик и по виду прозрачен, как фонарь. Со временем больной не принимает пищи, и больному кажется, что пища имеет запах дикого огурца, вслед-

ствие отвращения к ней. Когда дело так обстоит, нужно дать кнеорон или сок гиппофея, или книдийское семя; эти лекарства должны даваться следующим образом: кнеорон—через шесть дней, сок гиппофея—через восемь дней, семя книдийское—через десять дней; нужно прописывать их до тех пор, пока очищение будет полным и опухоль исчезнет. Промежуточные дни больной должен хорошо питаться той же самой пищей, как и в предшествующем случае. Нужно, в особенности, чтобы он пил ту же самую воду, которая причинила ему болезнь, в большом количестве, чтобы желудок был расстроен и чтобы у больного был много раз стул: таким образом ты в особенности сделаешь его здоровым. Если это тебе покажется подходящим, ты станешь часто очищать его клизмой: для чего надо взять полпорции кнеорона, истолочь, примешать треть котилии меда, четыре котилии воды от свеклы, развести и ставить. На следующий день дать восемнадцать котилий вареного ослиного молока с прибавлением меда или соли. После очищения больной должен употреблять те же самые вещи, как в предшествующем случае; в промежуточные дни у него подобным же образом должна быть одинаковая пища, питье и прогулки. Лечимый таким образом он будет быстро освобожден от болезни: в три месяца или шесть. Но если есть какая-нибудь небрежность или если он не будет лечим с начала, он скоро погибает. Исхудавший больной должен быть лечим тем же образом, но ему нужно сначала увлажнить тело паровыми банями, чтобы действие чистительных лекарств было более действительно. Нужно лечить с самого начала; если нет, у большинства больных болезнь укореняется; можно предписать также для этих болезней, если ты хочешь, следующее промывание желудка: взять две котилии белого вина, полкотилии меда, полкотилии масла, четверть котилии сушеной египетской соды, истолочь листья дикого

Древнегреческий рельеф: врач Язон производит «ощупывание» в области печени; справа внизу—огромная банка.

огурца, выжать котилию сока, смешать, налить в горшок, прокипятить и сделать клизму, таким образом приготовленную.

27. Воспаление печени (гепатит). Эта болезнь происходит от черной желчи, когда она устремится на печень. Эта же желчь притекает в особенности в течение осени при переменах года. Вот симптомы: острая боль чувствуется в печени—под последними ребрами, в плече, ключице и соске. Удушье бывает сильное; иногда больного рвет желтой желчью; бывает дрожь и лихорадка, сильная в первые дни, более легкая впоследствии. Нажимание на печень болезненно. Цвет синеватый; пища, которую больной ел раньше, введенная, давит, причиняет ему жар и рези. Таковы симптомы начала; но, если болезнь идет, лихорадка уменьшается; немного пищи достаточно, чтобы наполнить больного; остается только боль в печени—боль то сильная, то меньше, с перерывами; иногда она схватывает с остротой, и часто больной внезапно испускает дух. В этом случае надлежит, когда есть боль, делать то же самое и в особенности горячие прикладыванья, которые делают при плеврите. Когда боль утихает, больного обильно обмывают горячей водой, дают пить либо меликрат, либо сладкое, белое, вяжущее вино, смотря по необходимости, и супы, которые предписывают плевритикам. Против боли вот что нужно давать пить: возьми вареный желток куриного яйца, разотри его, налей полкотилии сока паслена[56] и четверть котилии поликрата, разбавленного водой, разведи и давай пить. Этот препарат успокаивает боль. Его дают каждый день до тех пор, пока боль утихнет. Больной должен пить также следующее: возьми величиною с чечевичное зерно сок сильфиона, истолки майоран, разведи в белом вине; это дается натощак; должно принимать также лекарства, дающиеся при плеврите против боли. Больной должен пить козье

молоко в дозе четырех котилий, с примесью трети меда; это принимается утром, если не будет других лекарств. Он должен воздерживаться от пищи до тех пор, пока не разрешится болезнь; она же разрешается в особенности в семь дней, ибо в этот промежуток видно, смертельна она или нет. Если к этому присоединяется задыхание, нужно давать, чтобы больного вырвало, следующий препарат: возьми меда, воды, уксуса и соли, смешай, налей в новый горшок, потом согревай и размешивай ветками майорана с головками семени. Когда все это будет горячим, его дают пить горячим; потом укрывают больного одеялами и оставляют в покое, чтобы он обильно потел. Когда наступит рвота, он должен выбрасывать из себя не колеблясь, щекоча пером. Если его не может рвать, он должен проглотить две котилии тепловатого меликрата, и таким образом вызвать рвоту. Если его вырвет немного только желчью или слизью, он должен снова начать делать то же через четыре часа, ибо это полезно. После кризиса болезни ты станешь лечить больного, давая малое количество чистой пищи. Если он привык есть хлеб, он должен есть горячий хлеб, насколько возможно более чистый. Если же мацу, он должен есть ее не истолченную, но предварительно замешанную; из блюд у него должно быть мясо молодой собачки, голубя или цыпленка,—все это вареное; из рыб—акула, гнюс, тригон и маленькие скаты,—все это вареное; он должен купаться каждый день, избегать холода и ходить немного до тех пор, пока не будет в безопасности. Если он будет соблюдать эти предписания, нечего бояться, что болезнь возвратится. В действительности подобная болезнь тяжела и долгой длительности.

28. Другое воспаление печени. Боли дают себя чувствовать тем же образом в печени, но окраска кожи разнится от предшествующего; она цвета

граната. Это болезнь поражает в особенности летом, она проявляется, когда питаются говядиной и когда потребляют в излишестве вино, ибо это наиболее вредит печени в это время года и наиболее застаивает в ней желчь. Вот симптомы: острые боли нападают; они не покидают ни на один час и беспрерывно все более тягостны. Иногда больного рвет желтою желчью, и когда его вырвало, ему кажется ненадолго, что ему лучше; если его не рвет, желчь идет в глаза, которые сильно желтеют; ноги опухают. Эти симптомы иногда сильны, иногда меньше, когда пройдут дни, в которые определяется болезнь, и, если страдание уменьшилось, нужно соблюдать без всякого послабления диэту, указанную прежде. Действительно, если больной опьяняется некстати, если предается коитусу или совершает какую-нибудь другую неправильность, печень тотчас становится твердой, она опухает, в ней чувствуется биение от силы боли, и при малейшем усилии незамедлительно страдает печень и все тело. Когда дело так обстоит и первые дни прошли, больного нужно подвергнуть паровой бане, потом очистить скаммонией [55]. Если есть запор, нужно прописать клизму, приготовленную, как в предшествующих случаях, хорошо прочищающую, а после клизмы нужно очистить желудок вареным ослиным молоком, которое пьют в дозе восьми котилий с прибавлением меда. Нужно дать также козье молоко с прибавлением одной трети меликрата утром, чашу в четыре котилии; дают также козье молоко вареное в размере двух котилий, примешав одну третью часть меликрата или даже чистого меда. Дают также, как ослиное молоко, кобылье молоко. Если болезнь, лечимая этими средствами, прекращается, этого достаточно; если—нет, надо открыть внутреннюю вену сгиба правой руки и выпустить кровь. В случае, если ты не хочешь очистить ослиным молоком, давай две котилии сырого коровьего

молока с прибавлением одной третьей части меликрата каждый день в течение десяти дней, потом десять других дней с прибавлением одной шестой части меликрата; в остальное время нужно давать одно молоко в размере двух котилий до тех пор, пока больной не пополнеет. Если же эти средства не имеют успеха, нужно прижигать, когда печень сделалась очень большой и выступает. Нужно прижигать при помощи буковых веретен, смоченных в кипящем масле, сколько ты найдешь это подходящим, и до полного прижигания, или же нужно сделать восемь прижиганий при помощи грибов. Если прижигание будет иметь успех, ты излечишь больного, и в остальное время он будет чувствовать себя лучше, но, если прижигание не удается, больной, не будучи излечен другими средствами, чахнет и умирает.

29. Другое воспаление печени. Симптомы в общем те же самые, как и в предшествующих случаях; цвет, однако, черен. Желчь печени, наполненная слизью и кровью, по нашему суждению, изливается; как только произойдет это излияние, тотчас больной безумствует, сердится, говорит некстати, лает, как собака. Его ногти делаются красными; его глаза не видят; волосы подняты на голове, и острая лихорадка охватывает его. И нужно предписать те же самые вещи, как в предшествующих случаях. Большая часть умирает в течение одиннадцати дней; немногие выживают.

30. Первая болезнь селезенки. Эта болезнь происходит от солнечного жара, когда желчь приведена в движение и когда селезенка будет притягивать к себе желчь. Вот симптомы: вначале лихорадка остра, но, если болезнь продолжается, она падает, за исключением самой селезенки, которая постоянно находится во власти жара. Время от времени острая боль чувствуется там и в боку, и в животе; у больного вначале аппетит, но у него совершенно нет

стула. По прошествии времени больной получает желтую окраску; чувствуется сильная боль; он худеет в ключицах; у него нет больше аппетита, как вначале: немного пищи достаточно, чтобы его насытить; селезенка в один и тот же день то велика, то меньше. Когда дело так обстоит, нужно давать пить чемерицу и очистить низом при помощи книдийского семени; вечером, после очищения, нужно дать в виде супа один триблий подкисленной чечевичной похлебки, триблий свеклы в жире, смешанной с ячменной мукой; на следующий день и на третий больной должен есть малый хлебец; из блюд у него должна быть чечевичная похлебка, вареное свиное мясо в похлебке и изрубленное; он должен пить вяжущее черное вино чистым и мало за один раз; он должен находиться в покое в течение этих дней, разве только у себя он должен ходить немного в тени. В остальное время вот что нужно предписать: из пищи—хлеб, в котором не отсеяны отруби, из блюд—рубленое мясо взрослой собаки, или козье, или овечье; соленую рыбу из Гадейры или саперду; все кислые вещества, соленые, вяжущие; он должен пить вино из Коса, немного вяжущее, очень черное; он должен воздерживаться от сладких, маслянистых и жирных веществ; он не должен есть сильфиона, ни чеснока, ни свиного мяса, ни соленой или свежей кестрии, ни угря, никакой зелени, вареной без уксуса. Что касается зелени, которая употребляется сырой, он должен есть редьку и петрушку, приправленную уксусом; он должен есть муку, замешанную в вине; пить чистое вино. Если хочет, может есть теплый хлеб, накрошенный в вине; из рыб нужно давать скорпиона, драконову рыбу, кукушку, бычка, каллонима, все вареные и холодные. Нужно давать то, что уменьшает селезенку, каждый день: семя златоцветника[55], или листья омелы[57], или козий рог[58], или семя целомудренника[59], или руту[60], или корень кукушкиных слез[61];

какое хочешь из этих растений, истолченное, должно быть прописано натощак в одной котилии вяжущего вина. Если силы больному позволяют, нужно заставить его пилить дрова в течение тридцати дней; он должен бороться верхушками плеч; должен гулять в течение дня; должен ложиться поздно и вставать рано; питаться хорошо, как было сказано. Если болезнь не улучшается этими средствами, нужно сделать при помощи грибов прижигание десять больших струпьев на селезенке, когда она будет самая большая и наиболее опухшая. Если ты будешь иметь успех, какой нужно в прижигании, ты вылечишь больного, но не быстро. Болезнь требует забот в лечении, ибо она тяжела и долго длится, если не будет лечима немедленно.

31. Другая болезнь селезенки. Она происходит от тех же самых причин, как предшествующая. Вот симптомы, которыми она выражается: живот наполняется ветрами; потом селезенка опухает и твердеет; в ней чувствуются острые боли; окраска изменяется: больной черен, желт, цвета граната; уши издают плохой запах; десны отделяются от зубов и скверно пахнут; язвы появляются на ногах, как ночные высыпи; члены худеют, и есть запор. При таком положении вещей нужно лечить больного теми же самыми лекарствами, пищей, питьем, трудами и всем прочим. Когда нет стула, предписывают следующее: взять полкотилии меда и величиной с баранью бабку египетской соды, истолочь, развести в четырех котилиях воды от вареной свеклы и сделать такую клизму. Если же болезнь не поддается этим средствам, ты станешь прижигать селезенку, как в предшествующем случае, и в случае успеха прижигания ты получишь выздоровление.

32. Другая болезнь селезенки. Она наступает в особенности весной, и порождает ее кровь. Когда селезенка наполняется кровью, происходит излия-

ние в живот; острая боль чувствуется в селезенке, соске, ключице, плече и под лопаткой. Окраска тела свинцовая; на ногах образуются маленькие язвочки, как ссадины, которые становятся большими язвами; материи, выделяемые с экскрементами,—зеленого цвета и с кровью. Желудок тверд, и селезенка, как камень. Эта болезнь предрасполагает к большей опасности, чем предшествующая, и немногие от нее выживают. При таком положении вещей лечить теми же средствами, как в предшествующем случае, исключая того, что не нужно давать рвотное. Ты очистишь низом при помощи книдийского семени; на следующий день ты пропишешь восемь котилий вареного ослиного или кобыльего молока, с прибавлением меда; если же его нет, два хоея вареного коровьего или козьего молока с прибавлением меда, одной чашки на две; должно пить попеременно. Вечером после этого очищения нужно давать те же самые вещи, какие давали в предшествующем случае после чистительного лекарства; если ты найдешь это подходящим, пусти кровь из внутренней вены сгиба левой руки. В следующие дни ты станешь давать натощак каждый день четыре котилии коровьего молока, с прибавлением одной третьей части рассола. Лечение в пище, питье и во всем остальном будет такое же, как в предшествующем случае. Нужно воздерживаться от коитуса и излишества в вине этому больному, как и предшествующим; в случае, если ты найдешь это подходящим, ты станешь прижигать, когда селезенка будет наиболее велика и объемиста. Если ты будешь иметь успех прижиганием, то получишь выздоровление, но, если больной не выздоравливает от этого лечения, он со временем умирает от сухотки, так как болезнь очень тяжелая.

33. Другая болезнь селезенки. Эта происходит в особенности в течение весны, когда селезенка получает слизь в самое себя и внезапно становится боль-

шой и твердой; потом возвращается в прежнее положение. Когда она будет опухшей, в ней чувствуются острые боли; когда же она будет мягкой, она безболезненна, и, если болезнь будет продолжительной, она становится менее ясно выраженной, обостряется и быстро ослабевает. При таком положении вещей у больного в начале болезни нет аппетита; он быстро худеет, и тело поражается большой слабостью. Эта болезнь, если она не будет лечима немедленно или же она не успокоится сама по себе, испытывает интермиссию в пять, шесть месяцев и потом снова показывается. Интермиссия появляется в особенности зимой. Если ты принимаешься за больного с самого начала, сделай десять прижиганий на селезенке, и ты тотчас сделаешь его здоровым. Если не будешь его прижигать, надо лечить теми же самыми лекарствами, как в предшествующих случаях,—пищей, питьем и трудами. Таким образом сделаешь его наиболее быстро здоровым. При этой болезни кожа беловата, желтовата и суха.

34. Другая болезнь селезенки. Она в особенности бывает осенью от черной желчи; происходит же, когда едят много сырых овощей и пьют много воды.

Вот симптомы: когда болезнь обнаруживается, бывает сильная боль в селезенке, дрожь, лихорадка, неядение пищи; тело быстро худеет, селезенка же не очень увеличивается, но становится твердой; она попадает к внутренностям и, прилегая, сосет. Когда дело так обстоит, нужно лечить теми же самыми лекарствами—пищей, питьем и трудами,—как в предшествующих случаях. И, если тебе покажется полезным, прижигай таким образом и других больных. Эта болезнь, если она будет лечима немедленно, быстро поддается у большинства.

35. Четыре желтухи. Одна из них в особенности поражает летом, когда желчь приведена в движение. Желчь фиксируется под кожей и на голове, таким

образом, что тотчас тело изменяет окраску и становится желтым, как кожура граната. Глаза желтеют; на голове под волосами образуется нечто вроде коры; нападает дрожь и лихорадка; больной испускает желтую мочу, и в ней отлагается желтоватый осадок. Утром больной до тех пор, пока он натощак, испытывает урчание в сердце и во внутренностях. Если кто к нему обращается с речью или спрашивают его, он приходит в нетерпение, раздражается и не переносит разговора. Стул—бело-желтый и зловонный. В таком положении больной погибает в четырнадцать дней. Если он переживает этот срок, он выздоравливает. Вот как нужно лечить, когда лихорадка упадет: моют больного обильно горячей водой и дают пить меликрат; как суп у него будет отвар ячменя с прибавлением меда, но мед не нужно варить с ячменем до тех пор, пока не пройдут четырнадцать дней. Действительно, эти дни определяют, смертельна ли болезнь или нет. Потом нужно мыть два раза в день и питать вначале умеренно тем, что возбуждает аппетит больного, потом—в большем количестве. Он должен пить, насколько возможно больше, белого вина в течение дня. Если со временем он покажется тебе желтым и слабым, предпиши ему вызывать рвоту после пищи, как было сказано в предшествующих болезнях. Если он успокоится от этих средств, этого достаточно; если нет—нужно дать выпить чемерицы. После такого очищения вечером больной должен есть мягкую мацу или мякиш хлеба. Из блюд: цыпленка, хорошо сваренного в бульоне с луком, кишнецом[62], сыром, солью, кунжутом и сухим белым виноградом. Он должен пить белое вяжущее, очень старое вино. Он должен принять слабительное; на следующий день пить отвар белого стручкового гороха, приготовленный с медом: он должен его выпить две котилии. Начиная еще со следующего дня, он должен начать пить каждый день

воду, следующим образом приготовленную: заставь сварить щепотку тонких корней укропа в двух котилиях воды до уменьшения наполовину; заставь сварить также до уменьшения наполовину один хойникс белого стручкового гороха в двух хоеях воды; сделав это, процеди, поставь на ночную прохладу, смешай; больной должен пить или вино, разбавленное этой водой, или, если хочет, эту воду одну; он должен ее пить столько, сколько может, и не пить никакой другой воды. Если это питье ему не нравится, можно приготовить следующее: возьми один хойникс белых винных ягод, свари в двух хоеях воды, процеди, выставь на ночную прохладу; больной должен пить эту воду либо одну, либо с вином. Он не должен ее пить помногу за один раз, но только по полкотилии одним глотком, для того чтобы у него не появился понос, и он должен делать известный промежуток между каждой чашкой. Вот еще хороший препарат для того, чтобы давать каждое утро натощак: возьми одну котилию старого белого вина, семя петрушки, семя огурца, семя укропа, эфиопского тмина, сухостебельника[63], кишнеца, белого сухого винограда, истолки и дай настояться. Принимая это питье или вышеуказанные питья, больной получит пользу и весьма быстро выздоровеет.

36. Другая желтуха. Она поражает зимой следом за опьянением и простудой: сначала чувствуется дрожь, потом появляется лихорадка; влага, находящаяся в теле, сгущается в коже. Вот что указывает на то, что дело таково: тело больного синевато и немного твердо; бледные вены тянутся по телу: они больше и толще, чем прежде; другие более темные вены также натянуты; если кто открывает какую-нибудь из них, выходит бледная кровь из вен бледных и черная—из вен черных. Больной вследствие зуда не переносит одежды, надетой на него. У него

сильное желание ходить и гулять, но вследствие слабости ноги подгибаются под ним; у него сильная жажда. Эта болезнь нисколько не меньше смертельна, чем предшествующая, но она длится большее время, если выздоровление не наступает в течение семи дней. Если болезнь продолжится и наступит восьмой или девятый день, больной сляжет: болезнь и страдание еще больше усиливаются; он не может вставать, и большинство в этот промежуток внезапно погибает. При таком положении вещей, если ты присутствуешь с самого начала болезни, когда прошло уже семь дней, пропиши чемерицу, потом очисти желудок низом соком, указанным в предшествующем случае, и давай те же самые прочие лекарства. Давай также кантариду[64], но без крыльев и головы; разотри их четыре штуки, распусти в полкотилии белого вина, прибавь немного меда и давай пить этот препарат два или три раза в день. По мере того как болезнь подвигается, больного надо лечить ваннами и паровыми банями. Он должен есть то, к чему у него есть аппетит. Он должен пить белое вяжущее вино и в остальном употреблять те же самые вещества, как прежде. Эта болезнь длинна и тяжела, если только она не будет лечима хорошо с самого начала.

37. Другая желтуха. Эта называется эпидемической, ибо появляется во всякое время. Она происходит в особенности от переполнения, излишества в вине и после простуды. Тотчас тело меняется и становится желтым. Глаза сильно желтеют; болезнь распространяется под волосы и под ногти; есть дрожь и слабая лихорадка. Тело больного—слабое; в голове—боль; моча желта и густа. Эта желтуха менее смертельна, чем предшествующая, и выздоравливают, если ее лечат быстро. При таком положении вещей нужно пустить кровь из сгиба руки, потом после предварительной паровой бани нужно пропи-

сать сок дикого огурца; снова на третий день нужно очистить низом при помощи ослиного молока. В остальном нужно давать те же самые супы, питье и пищу, как прежде. Нужно часто очищать голову; больной должен пить отвар харадрия [65]; его нужно обильно мыть горячей водой. Мясо должно быть изрублено и даваемо в белом вине. Во всем остальном больной должен употреблять те же самые вещи—и выздоровеет быстро.

38. Другая желтуха: она происходит от слизи и поражает в особенности зимой. Цвет самого больного бел; грудь наполняется слизью; больной отхаркивает мокроту, и, когда отхаркивает, у него появляется икота. Моча бела и густа и отлагает осадок, похожий на муку. Эта желтуха не смертельна и быстро излечивается. При таком положении прописывают книдийское семя и после прочищения ячменный отвар, с прибавлением меда в дозе четырех котилий. Что касается верхней части желудка, его очищают рвотой, как в предшествующих случаях: действительно, этим образом слизь легче всего изгоняется из легкого и дыхательного горла. Часто приготовляют также полоскания горла. У этого больного иногда слабая лихорадка и наступает легкая дрожь; в остальном его лечат, как в предшествовавшей желтухе, лекарствами, паровыми банями, ваннами, пищей, питьем и супами. Таким образом ты лучше всего излечишь его.

39. Болезнь, называемая тифом [66]: эта болезнь называется тифом; она поражает летом, когда созвездие Пса восходит, а желчь приведена в движение в теле. Тотчас наступает сильная лихорадка; острый жар; вследствие тяжести слабость; бессилие ног; в особенности руки делаются бесполезными. Желудок расстраивается: стул зловонен, и сильные рези. Таковы симптомы, и, когда кто захочет поднять больного, последний не может держаться, стоя, и вслед-

ствие жара он не может видеть глазами и, если его кто спрашивает, он не может вследствие боли отвечать. Накануне смерти зрение его становится более острым; он говорит рассудительно, желает пить и есть, и, если кто ему это дает, он быстро испускает дух, если только его не вырвет. Эта болезнь определяется в семь или четырнадцать дней. У многих идет она даже до двадцать четвертого. Если больной их переживает, он выздоравливает, ибо в этот промежуток определяется, смертельна ли эта болезнь или нет. Когда дело так обстоит, лечение следующее: в первые дни нужно воздерживаться от ванн, нужно делать смазыванья нагретым вином и маслом в постели; нужно воздерживаться от твердой пищи, следует давать легкие холодные супы. Больной должен пить черное вяжущее вино, если это ему подходит; если—нет, белое вяжущее вино, разбавленное водой; если его мучит сильная жажда, дай ему пить воду в таком количестве, чтобы его вырвало: действие, которое он должен произвести два или три раза кряду. Если у больного будет жар, нужно намочить полотно в холодной воде и прикладывать его там, где он чувствует наиболее сильный жар; если в теле явится дрожь, прекратить холодные прикладыванья. Больной, когда он сильнее всего страдает, подвергается вследствие силы боли опасности внезапно скончаться; поэтому ему нужно давать против боли быстро лекарства, которые даются в случае плеврита. Когда он поднимется, его нужно, как можно скорее, поправлять пищей, питьем и ваннами. Болезнь трудна, и немногие от нее выживают.

40. Другой тиф: эта болезнь поражает во всякое время года; она происходит от влажности тела, когда пища влажна и питье обильно, а мясные части поглощают их и увлажняются. Таково главное происхождение болезни. Итак, начинается лихорадка, и сначала она трех- или четырехдневная; сильная боль чув-

ствуется в голове, иногда во всем теле перемежающимся образом. Больного рвет слюной; у него частая отрыжка; он чувствует боль в области глаз; лицо белеет, и отек появляется в ногах; иногда даже все тело опухает; иногда боль идет к груди и спине. Желудок расстраивается. Взгляд неподвижен. Больной выплевывает обильную и пенистую слюну; ему кажется, что у него что-то есть в горле и он охрип. Часто даже горло воспаляется. Когда дело так обстоит, страдание поражает таким образом, что нередко наступает сильное стеснение дыхания, и во многих случаях вследствие боли больной внезапно испускает дух в течение семи или четырнадцати дней. У многих же болезнь идет до двадцать четвертого дня. Часто болезнь внезапно облегчается, и больной кажется излеченным, но нужно остерегаться до тех пор, пока пройдут двадцать четыре дня; действительно, если он переживет этот срок, он не так легко подвержен смерти. При таком положении вещей нужно в первые дни давать мучную похлебку, хорошо сваренную, с прибавлением меда, не особенно густого; больной должен пить небольшими глотками черное вино, разбавленное, как он хочет; никакой пищи до тех пор, пока не пройдут указанные дни. Больной должен есть полипы, варенные в вине, пить бульон и есть много редьки. Возьми семя кардамона[67], поджарь его, истолки и просей через тонкое сито; потом всыпь этот порошок и немного мелкой ячменной муки в черное вяжущее вино и давай пить утром. От ванн воздерживаться до тех пор, пока не пройдут те дни. Больного должно натирать горячим маслом и вином на ночь и затем обтирать. Он должен пить десять семян пеонии, варенных в черном вине. Нужно очень хорошо сварить репу и давать пить отвар ее, приготовленный с сыром без соли, маком, солью, маслом, сильфионом и уксусом. Если хочешь заставить принять лекарство, нужно прописать кни-

дийское семя; после очищения дать два триблия вареной жирной муки. Следует пить то же самое вино. Каково бы ни было даваемое тобою лекарство, суп или питье из указанных выше, будет ли оно одно или в соединении,—ты принесешь им пользу, и таким образом ты скорее всего произведешь выздоровление. Болезнь тяжела, и немногие от нее выживают.

41. Другой тиф. Этот происходит следующим образом: когда испорченная желчь смешивается с кровью в венах и суставах и если она там остановится, образуется, в особенности в суставах, опухоль, там фиксирующаяся; иногда также эта опухоль появляется в остальном теле, и острые боли дают себе чувствовать. Большинство становится хромыми от этой болезни, когда желчь, задержанная в суставах, там затвердевает. Боль охватывает перемежающимся образом каждые три или четыре дня. Вот лечение при таком положении вещей: когда боль преобладает в теле, прикладывают что-нибудь горячее, предварительно смазав маслом. Когда боль ослабеет, заставляют принять общую паровую ванну и прописывают чемерицу. На следующий день надо дать вареную сыворотку козьего молока в количестве двух хоеев, подсластив один медом и посолив другой; больной должен пить попеременно одну чашку одного и одну чашку другого до тех пор, пока он не выпьет всего. Вечером, после очищения, у него должен быть в виде супа триблий чечевицы и триблий жирной свеклы, приготовленной с мукой; больной должен есть цыпленка или голубя, или горлицу, или же баранину и жирную свинину. Он должен принимать каждые шесть дней чемерицу. Если какой-нибудь из суставов остается вспухшим и не хочет опадать, надо поставить кровососную банку и выпустить кровь, проколов трехугольной иглой колени (если опухоль будет в коленях), но ты не должен

прокалывать никакого другого сочленения. В промежуточные дни он получает в пищу очень хорошо пропеченный хлеб, растертую мацу; из блюд—жареную птицу без соли, в крайнем случае вареную, но бульон должен быть без сыра, кунжута и соли; из рыб больной должен есть наиболее мясистые, но поджаренные тем же образом, как и мясо, или вареные, после того как были приправлены майораном и смазаны маслом. Он должен пить белое вино, если оно для него хорошо; если нет, черное вино. В течение дня он должен делать упражнение прогулкой и после обеда, и утром. Во время сезона он должен беспрерывно пить сыворотку и молоко; ты можешь еще, если найдешь это подходящим, давать вареное ослиное молоко. В случае выздоровления он должен держать себя настороже, чтобы не повредить себе холодом и жарой и не объедаться очень пищей, ибо есть опасность, чтобы болезнь не вернулась. Эта болезнь, лечимая таким образом, излечивается в шесть месяцев, ибо, когда она лечится с самого начала,—это срок, который определяет, смертельна она или нет. Но эта болезнь тяжела и у многих длится до самой смерти.

42. Другой тиф: эта болезнь наступает во время плодов, когда кто обедает фруктами всякого рода. У многих также она происходит от неумеренного употребления пирожков с кунжутом и лакомств на меду. Действительно, вареный мед горячит и прилипает в животе; потом, когда он будет переварен в желудке, он кипит, и внезапно желудок вздувается, воспаляется и кажется, что разрывается. Затем внезапно наступает понос, и, раз начавшись, он продолжается несколько дней, и многие после этого очищения выздоравливают. Когда же самопроизвольное очищение останавливается, нужно предписать выпить полтора хоея чечевичного отвара с прибавлением соли; после слабительного действия этой

воды вечером у больного должен быть как суп один триблий холодной, без соли, чечевицы; туда нужно натереть много сильфиона. Больной должен также съесть один триблий свеклы, без приправы, жирной, посыпанной мукой. Он должен пить черное вяжущее вино маленькими глотками. В остальное время он должен делать то же самое; из пищи у него должны быть хорошо выпеченный хлеб и тонко растертая маца. В первые дни он должен есть ячменную муку, очень проваренную, которую нужно остудить и, если нужно, влить меду. Он должен пить черное вяжущее вино; это ему нужно давать, пока не прекратится болезнь. У того же, кто получил эту болезнь вследствие фруктов, бывают метеоризм, рези и боль; пища не проходит; живот велик и тверд; есть озноб и лихорадка. В этом случае, если желудок расстраивается сам по себе, очищение длится по меньшей мере двадцать дней, и когда оно прекращается, больной тотчас же здоров. Если желудок не расстраивается сам по себе, нужно очистить соком гиппофея или книдийским семенем. Вечером нужно дать то, что дается тому, кто очистился сам по себе. На следующий день, если есть лихорадка, больной должен сохранять покой; он должен пить то же самое вино с наиболее холодной водой; если нет лихорадки, надо следовать не жидкой диэте, но достаточно укрепляющей; прогулки должны быть в соответствии с питанием. У многих эта болезнь вызывает водянку; если ты найдешь подходящим очистить клизмой, предписывай то же самое, как при водянке. Ты можешь, если желаешь, также прописать следующее: возьми одну котилию меликрата, натри туда траву тапсии, затем поставь из этого клизму. Больной, лечимый таким образом, выздоровеет очень быстро.

43. Другой тиф: эта болезнь наступает, когда влага, которая есть в теле, сгущается и высушивается больше, чем нужно. Больной, одержимый этой бо-

лезнью, принимает вид влажный, желтоватый, становится прозрачным, похожим на пузырь, наполненный мочой, только он не опухает, а худ, сух и слаб; в теле похудание наиболее выступает в ключицах; лицо сильно исхудалое, глаза сильно впадают; таковы симптомы болезни. Вот причина, если цвет тела становится черным: когда черная желчь проникает в мелкие вены и кожу и к тому же наступает жар, необходимо от жара сжигаются и осушиваются вены таким образом, что кровь не проходит через них. Симптомы, которые присоединяются тогда, таковы: больной становится очень тонким и очень худым; нередко у него наступает мигание глаз; он гоняет мух от своего одеяла; он более жаден к пище, чем в здоровом состоянии; он любит запах потушенной светильни; он видит часто эротические сны; часто даже семя истекает во время ходьбы. При таком положении вещей нужно очистить желудок черной чемерицей, понятно, сверху; низом нужно очистить при помощи сока скаммонии; после очищения нужно дать то, что дают другим. Нужно давать в сезоне сыворотку и коровье или козье молоко; можно давать также как послабляющее ослиное молоко. Больной, лечимый таким образом, излечивается чаще всего в течение двух лет. Он должен есть пищу, какую хочет, и есть столько, сколько возможно; гулять он должен в соответствии с пищей. Эта болезнь поражает людей, имеющих более двадцати лет. Когда она поражает и если ее не лечат с самого начала, она не прекращается в течение двадцати лет, но продолжается; потом у некоторых она прекращается от лечения. Эта болезнь тяжела.

44. Илеосы[68]. Следующие болезни называются илеосами. Болезнь происходит чаще всего следующим образом: если кто зимой пользуется горячительной и влажной диэтой, не упражняет себя прогулками достаточно в соответствии с тем, что он ест, но с на-

полненным желудком всегда спит, потом вдруг принужден сделать длинный путь во время холода, который проникает его до костей, то в результате он испытывает следующее: ветер возникает во всем теле; цвет лица—свинцовый; больному всегда холодно, таким образом, что горячие обливания не кажутся ему горячими. Тело, обмытое, шелушится вследствие действия жара, в особенности мошонка; если ты надавишь пальцем в каком бы то ни было месте, ты там оставишь вдавление, и знак его—таков, как в тесте; вдавление в особенности выступает на ногах. Ноги тяжелы: если больной ходит, они дрожат, и если он поднимается на гору, он очень задыхается. Предплечия ему кажутся тяжестью. Голова болит; брови давят. Ночью у него сильная жажда; все, что он ест, проходит без переваривания. При таком положении вещей больного заставляют принять паровую ванну и дают пить либо кнеорон, либо сок гиппофея, либо книдийское семя. После очищения прописывают то, что было указано для предшествующих больных. На следующий день нужно дать два раза хоей вареного ослиного молока с прибавлением соли; вечером больной должен есть хлеб; из блюд у него должна быть вареная баранина, вареные в черном вине полипы и бульон из них. Он должен есть чечевичную похлебку, следующим образом приготовленную: возьми одну котилию чечевицы, свари, разотри, прибавь туда муки, натри сильфиона, положи соли, налей уксуса, свари чеснок со всем этим, потом налей воды и дай два или три раза вскипеть, помешивая; отставь от огня и оставь остудить; это не должно быть очень густым; туда также нужно подбросить для аромата полея[69], который должен вместе свариться. В промежуточные дни больной должен производить рвоту через шесть дней; нужно время от времени принимать паровые ванны перед рвотой и очищением. Он должен принимать ванны каждые три дня, если

это подходит; если нет, он должен делать умащивания и гулять, в случае, если может, в соответствии с пищей. Он должен есть вареные листья бузины и всегда мягкой конины[70]. Лечимый таким образом больной будет в наилучшем состоянии, и болезнь прекратится к концу первого года. У многих, уже излеченных, болезнь после двух лет возвращается. Нужно, если это случится, следовать тому же самому лечению. В случае третьего рецидива у больного совсем нет опухоли; он становится тонким и худым; похудание начинается с лица; цвет более беловатый, чем прежде. Иногда в животе образуется водянка; если это случается, не нужно делать разрезов, так как больной погибнет, но следует лечить тем же образом, как при водянке, происходящей от селезенки. Нужно в особенности желать начать лечение с самого начала болезни, и таким образом быстро излечивают больного. Эта болезнь требует больших забот, так как она тяжела.

45. Другой илеос—желтушный: это поражение появляется в особенности летом в болотистых местах и после того, как пили много воды. Многие также, согретые солнцем, приобрели болезнь после того, как у них была головная боль. Симптомы подобны предшествующему случаю, исключая цвета, который желт, как кора граната. Иногда также глаза наполняются желтизной. При таком положении вещей нужно лечить теми же средствами, как в предшествующем случае. Нужно сварить белый стручковый горох и дать воду для питья; можно развести также с этой водой вино и давать пить. Нужно очистить голову при помощи тетрагона[71]. Эта болезнь менее смертельна, чем предшествующая. Она называется илеос желтушный.

46. Илеос кровянистый: симптомы в общем те же самые, как в предшествующих случаях. Болезнь начинается осенью. Вот что бывает по большей части

при болезни: изо рта скверно пахнет; десны отделяются от зубов; из ноздрей вытекает кровь. Иногда на ногах развиваются язвы: одни заживают, другие появляются. Цвет черен. Кожа истончается. Больной не расположен ни ходить, ни взяться за труд. При таком положении вещей его нужно лечить теми же самыми средствами, как предшествующих. Ему нужно приготовить следующее промывательное: истолки хорошенько пять листьев лесного огурца, прибавь туда полкотилии меда, горсть соли, полкотилии масла и четыре котилии отвара свеклы. Для очищения давать восемь котилий вареного ослиного молока с прибавлением меда. В сезоне больной должен пить коровье молоко в течение сорока дней; он должен пить также утром две котилии коровьего молока с примесью одной трети меликрата, в дни промежуточные. Эта болезнь нуждается в том, чтобы ее хорошо лечили; если нет, она не проходит и оканчивается со смертью больного. Она называется илеос кровавый.

47. Болезни, называемые плотными[72]. Вот главные симптомы болезней, называемых плотными: когда слизь и желчь смешиваются в теле, они притекают в желудок и, собравшись там, вздуваются, текут вверх и вниз в виде волн. Тогда наступает дрожь и лихорадка; боль охватывает голову, и, когда она идет к внутренностям, она причиняет задыхание. Иногда больного рвет кислой слизью, иногда же соленой; после рвот у него горько во рту. Эритема распространяется на боках; действительно, когда слизь находится в желудке, собранная вследствие жара кровь устремляется к бокам, и там развивается эритема и жар также в боках; спина искривляется. И когда у больного сильнее всего страдание, он не переносит, чтобы его трогали, ибо боль, им испытываемая, такова, как боль от раны. Мышцы от боли трясутся; яички стягиваются; жар и боль охватывают

седалище и мочевой пузырь; моча плотна, как при водянке; волосы падают с головы; ноги и ступни всегда холодны. Боль в особенности чувствуется в боках, спине и шее; больному кажется, что что-то ползет по коже. Эта болезнь иногда больше удручает, иногда ослабевает, но, продолжаясь, она становится более непрерывной; кожа головы уплотняется и краснеет. Больной остается в этом положении до шести лет; потом наступает обильный и зловонный пот; часто также бывают ночью поллюции; семя выходит с кровью и синеватое. Эта болезнь происходит от жары солнца и питья воды. При таком положении вещей очистить, давая кнеорон или гиппофей, или книдийское семя; давай также пить вареное ослиное молоко в дозе восьми котилий с прибавлением меда. На следующий день после очищения больному нужно прописать те же самые вещи, как предшествующим. В первые дни он должен есть то, что ест больной, одержимый водянкой, и, если у него будет сила, производить упражнение прогулкой. Если он не сможет этого вследствие лихорадки и если ему невозможно будет есть пищу, у него должны быть как суп чечевичная похлебка и для питья—черное, очень вяжущее вино. Эта болезнь поражает в особенности осенью и в сезоне фруктов. Если больной не будет вылечен в шесть лет, болезнь длится и до десяти; у многих она оканчивается только с их жизнью, если она не будет лечима немедленно.

48. Другая «плотная» болезнь: она происходит от желчи, когда желчь притекает к печени и фиксируется в голове. Вот симптомы: печень опухает и вследствие опухоли загибается назад к диафрагме, и тотчас боль сосредоточивается в голове, в особенности в висках; и ушами больной не слышит остро; часто даже не видит; наступает дрожь и лихорадка. Эти симптомы наступают в начале болезни, но они наступают перемежающимся образом, то сильнее, то менее

сильно. Чем больше будет длиться болезнь, тем сильнее будет страдание тела: зрачки глаз расходятся, в глазах темно, и если ты приблизишь палец к глазам, больной этого не заметит, так как он не видит ничего; что он не видит, распознаешь из того, что он не мигает глазом при приближении пальца. Он снимает ниточки с своего одеяла, если их видит, думая, что это вши. Когда печень больше распространится к диафрагме, он бредит. Ему кажется, что перед его глазами показываются пресмыкающиеся, другие животные всякого рода, сражающиеся гоплиты, и ему кажется, что он сам борется среди них, и он говорит так, как если бы видел битвы и войны; он нападает и угрожает, если кто его не пускает выйти; если же он встанет, он не может поднять ног и падает. Его ноги всегда холодны, и когда он спит, он вскакивает во сне и пугается, видя угрожающие сновидения. Мы узнаем, что его заставляют вскакивать и пугаться сны, после того как он придет в себя, ибо он рассказывает сновидения, которые он и телом проделывал, и языком высказывал. Таковы симптомы. Иногда также больной лежит целый день и целую ночь, лишенный голоса, с сильным и учащенным дыханием. Когда прекращается бред, он тотчас приходит в себя; если его спрашивают, он отвечает правильно и понимает все то, что говорится. Потом, немного времени спустя, он снова лежит при тех же самых страданиях. Эта болезнь наступает в особенности в путешествии и если кто проезжает пустынную дорогу и если это видение поражает его ужасом; иногда же делается это и другим образом. При таком положении вещей ему нужно предписать пять оболов [73] черной чемерицы, которую нужно давать пить в сладком вине, или же ему нужно приготовить следующее промывательное: возьми египетской соды величиною с баранью бабку, хорошенько истолки, смешай с полкотилией очень хорошего вареного меда и полкотилией масла, четы-

рьмя котилиями отвара свеклы, который выставили на ночную прохладу, и, если хочешь, вместо отвара свеклы, можешь прилить вареного ослиного молока; из всей этой смеси поставить клизму, есть ли у больного лихорадка или нет. Как суп, у него должен быть отвар очень разваренного ячменя с прибавлением меда. Он должен пить смесь меда, воды и уксуса до тех пор, пока не определится болезнь. Четырнадцать дней наибольше определяют, смертельная она или нет. У многих болезнь, прекратившись, снова возвращается. Если она возвратится, нужно опасаться, чтобы больной не погиб. Семь дней определяют, смертелен ли он или нет. Если больной переживает этот срок, он не умирает, но у большинства лечение доставляет выздоровление. Когда прекратится болезнь, больной должен следовать хорошей диэте, вводя все то, что желудок постепенно мог бы принять и в нем не сделался бы жар, а также, чтобы принятое не произвело поноса, так как эти две вещи повидимому опасны. Больной должен купаться каждый день; немного гулять после еды. Одежда его должна быть легка и мягка; в сезоне он должен пить молоко и сыворотку в течение сорока пяти дней. Если он это сделает, то в самом скором времени выздоровеет. Болезнь же тяжела и требует больших забот.

49. Другая болезнь плотная. Она происходит от испорченной слизи. Что она испорчена, очевидно из следующего: происходящая отрыжка имеет запах, как у того, кто поел редьки. Эта болезнь начинается с ног, откуда она поднимается к животу. Когда она фиксировалась в животе, она снова делает вторжение во внутренности. Раз фиксировавшись там, она вызывает урчание и рвоту, которая выводит в одно и то же время кислую и испорченную слизь, и когда больного вырвет, ему не по себе; он испытывает стеснение во внутренностях, а также иногда острая боль

появляется в голове. Больной не может ни хорошо слышать, ни хорошо видеть вследствие тяжести. Обильный и зловонный пот распространяется по телу, в особенности, когда есть боль; он распространяется также, когда существующая боль разошлась, в особенности ночью. Цвет больного желтушный. Эта болезнь немного менее смертельна, чем предшествующая. При таком положении вещей нужно очистить желудок низом при помощи гиппофея, верхом—чемерицей. Голову нужно очищать тетрагоном. Когда больной очищен чемерицей, на следующий день его нужно легко очистить вареным ослиным молоком, на третий—вареным козьим молоком и подобным образом на четвертый и пятый день. В течение двадцати других дней нужно давать сырое коровье молоко или козье молоко с прибавлением одной трети меликрата; больной должен выпивать один хоей молока. После очищения лекарствами нужно предписать ему то, что предписывается водяночным. В остальное время, когда он пьет молоко, он должен есть за обедом очень хорошо испеченный хлеб; из блюд рыбных: скорпион, каллионим, кукушка или кусок ската в соусе; из мяса—ягненка или цыпленка вареными. Если для него хорошо, он может пить белое вино; если нет,—черное вяжущее вино. Потом, после еды, он должен гулять, но так, чтобы не простудиться. Если для него хорошо, он может принимать твердую пищу; если нет, у него должен быть, как суп, отвар ячменя или проса. При этой болезни больной, если он переживет тридцать дней, выздоравливает, ибо этот срок определяет, смертельна ли болезнь или нет; болезнь тяжела.

50. Другая плотная болезнь. Эта болезнь происходит от белой слизи. Она собирается в желудке, если лихорадки долго охватывали тело. Болезнь начинается с лица, и лицо опухает, потом спускается в желудок, и, когда она там фиксировалась, она

производит большое вздутие в брюшной области. Тело чрезвычайно переутомлено, как после труда; в желудке тяжесть и сильное страдание; ноги опухают. Если падает дождь на землю, больной не переносит запаха пыли, и, если он будет стоять во время дождя и ощутит запах земли, он внезапно падает. У этой болезни более долгие интермиссии, чем в предыдущей, и позднейшее разрешение. Лечить ее нужно теми же самыми средствами, как водянку: паровыми ваннами, лекарствами, питанием и трудами. Эта болезнь в общем длится шесть лет; потом, хорошо лечимая, она исчезает со временем, даже если она не будет лечима с самого начала. Эта болезнь тяжела и требует многих забот.

51. Об ишиасе[74]. Ишиас происходит у большинства следующим образом: если кто подвергается солнцу в течение долгого времени, бедра будут согреваться и влага, которая находится в суставах, будет высушиваться от жары. Вот что мне доказывает, что она высыхает и сгущается: больной не может повернуть или двинуть суставы вследствие того, что он там испытывает боль и позвоночный столб сделался ригидным. Он страдает в особенности в пояснице, позвонках, которые находятся на стороне бедер и в коленях. Острая и жгучая боль фиксируется долго в пахах точно так же, как в бедрах. Если кто подымает и двигает больного, он кричит вследствие боли во всю мочь; иногда наступают спазмы, лихорадка и дрожь. Эта болезнь происходит от желчи, также от слизи и крови. Боли при всех этих болезнях почти одинаковы, и иногда обнаруживается дрожь и слабая лихорадка. Нужно следующим образом лечить того, кому солнце причинило подобное поражение: нужно увлажнить его тело паровыми банями, и пищей, и питьем, и всем остальным, что ему станут давать. Все должно быть тепловатым и влажным; все должно быть вареным; из пищи у него

должна быть маца мягкая и нерастертая; он должен пить белое вино, разбавленное водой; он должен соблюдать в покое тело, если в состоянии вставать; должен ходить немного каждый день; не должен простуживаться и не особенно обильно омываться. Когда тебе покажется, что он в хорошем состоянии и что тело его влажно, нужно его заставить принять паровую баню очень легкую, ибо это лучше расслабит и увлажнит тугоподвижные суставы. Потом на следующий день ему нужно дать выпить книдийское семя. Если оно не подействует, ему нужно предписать следующее промывание: истолки полкотилии тмина, истолки в ступке одну тыкву, не перерезанную, маленькую и круглую, просей очень тонко четверть мины[27] красной египетской соды, высуши, истолки тонко, положи все в горшок и налей одну котилию белого сладкого вина и две котилии воды от свеклы. Вари до тех пор, пока густота тебе покажется хорошей; потом процеди через полотно, прибавь одну котилию аттического меда, если не хочешь варить мед со всем остальным. В случае, если бы у тебя не было аттического меда, подмешай одну котилию наилучшего меда и свари в ступке. Если эта клизма очень густа, добавь туда того же самого вина, сообразуясь с плотностью. Этим надо ставить клизму. Потом можно позволить очищать желудок три дня; если очищать дольше, давай пить три котилии коровьего или козьего молока. Потом больной должен есть жирную свеклу, с приправами и без соли. От этой болезни много людей сделались хромыми. Если болезнь происходит от желчи, нужно очистить низом при помощи чемерицы или сока скаммонии. После прослабления больной должен принять два триблия ячменного отвара с прибавлением меда. На следующий день или на третий, приняв паровую ванну, он должен быть очищен вареным ослиным молоком. Вечером он должен съесть

два триблия жирной свеклы, посыпанной мукой. Он должен пить и во время и после действия лекарства белое сладкое вино с водой. Если болезнь происходит от слизи, нужно дать выпить книдийское семя или гиппофей после предварительной паровой бани. После очищения нужно прописать те же самые супы, питье, употребление молока. В промежуточные дни больной должен следовать наиболее легкой диэте. Если эти средства его облегчают, это хорошо; если нет, нужно прижигать его на частях костных при помощи грибов, на мясистых частях—при помощи железного инструмента, производя многочисленные и глубокие прижигания. Если болезнь происходит от крови, нужно предписать паровую ванну, поставить кровососную банку и открыть вены подколенные. Если тебе покажется подходящим, нужно заставить пить книдийское семя. Больной должен следовать наиболее сухой диэте. Пускай он не пьет вина; если, тем не менее, ему хочется пить, он должен пить его насколько возможно менее и очень разбавленным водой. Больному нужно предписать ходить немного, а если он будет в состоянии—много. Полезно также делать это тому, кто болен от слизи. Если он не в состоянии держаться на ногах, его нужно очень часто переворачивать в кровати, от какой бы причины он ни заболел, и все это нужно делать совершенно одинаковым образом для того, чтобы хрящ внутри не срастался. Если же срастется и суставы спаяются, по всей необходимости человек будет хромым. Если ты хочешь поставить клизму тому, кто болен от крови, таким образом, чтобы из бедер извлечь кровь и слизь, необходимо следующее промывание: истолки горсть соли, примешай туда одну котилию масла и две котилии вареного ячменя и поставь такую клизму больному. Если ты проделаешь лечение таким образом, очень быстро сделаешь больного здоровым. Болезнь же очень тяжела и длительна.

52. Три столбняка (тетануса). Если столбняк наступает вследствие раны, больной испытывает следующее: челюсти соединяются и становятся тугоподвижными, и больной не может открыть рта; глаза слезятся и стягиваются; спина тугоподвижна; ни ноги, ни руки, ни позвоночник не могут быть согнуты. Если болезнь будет смертельна, питье и пища, которую принимал больной раньше, иногда возвращаются через ноздри. При таком положении вещей нужно прописать паровую баню; потом, смазав маслом, согревать его не так близко от огня; затем делают горячие прикладывания, умастив тело. Необходимо взять полынь или листья лавра, или семя белены[75] и ладан; истолочь; потом намочить в белом вине и налить в новый горшок; подлить масла наравне с вином; согреть и обильно умащивать этим горячим препаратом тело и голову. Потом, положив больного, дать телу пропитаться и обернуть теплыми и мягкими покрывалами для того, чтобы больной мог сильно вспотеть. Давать тепловатый меликрат, если больной сможет пить через рот: если не сможет, вливай его через ноздри. Давать пить белое очень сладкое вино в изобилии. Вот что нужно делать каждый день, до излечения. Болезнь тяжела и нуждается в немедленном лечении.

53. Опистотонус. Опистотонус в общем представляет те же самые симптомы: он наступает, когда сухожилия задней части шеи будут поражены. Они поражаются либо от ангины, либо от язычка, или же от нагноения частей около миндалин; иногда также вследствие лихорадок, происходящих от головы, если к этому присоединяется судорога. Причиной также служат поранения. Больного сводит назад; боль охватывает спину и грудь; он громко кричит, и судорога настолько сильна, что присутствующие с трудом поддерживают его, чтобы он не упал с кровати. Больной в течение одного и того же дня много раз

поражается; много раз также ему легче. При таком положении вещей ему нужно предписать то же самое, как в предшествующем случае. Болезнь длится наибольше сорок дней. Если больной выживет их, будет здоров.

54. Другой столбняк: этот столбняк менее смертелен, чем предшествующий; он происходит от тех же самых причин. Многие получили болезнь вследствие падения на спину. Больной испытывает следующее: все тело в судороге; иногда также судорога охватывает первое попавшееся место в теле. Сначала больной ходит; потом, по прошествии времени, он сляжет в постель, и снова страдание и судорога ослабевают. Если он поднимется, то, может быть, он будет ходить в течение нескольких дней; потом он снова будет лежать при тех же самых страданиях. Таковы симптомы и перемены в течение долгого времени. И если больной ест что-нибудь, то совсем нет стула или с большим трудом и пережженными веществами, но пища задерживается в груди и причиняет задыхание. Если ты будешь лечить эту болезнь тем же образом, как и предшествующие, то очень быстро получишь выздоровление. Нужно делать клизмы легким ячменным отваром и медом.

1. Скат, ῥίνη, Raja clavata L., скат-шипонос.

2. Пагр, φάγρος, морская рыба, точно не определенная; по Кювье это Pagrus vulgaris C., отряда колючеперых.

3. Акула большая, голубая, γαλεὸς ὁ μέγας ὁ γλαυκός, Carcharias glaucus или Galeus glaucus, а, может быть, какой-нибудь другой вид. Мясо акул очень жестко, невкусно и редко употребляется в пищу.

4. Сумах, ῥόος, ῥοῦς, Rhus coriaria L., известное дубильное растение, применявшееся и в качестве приправы. Отваром листьев красили волосы в черный цвет.

5. Ориган, ὀρίγανον, Origanum L., O. majorana L., майоран, ароматические травы, бывшие в большом ходу у греков; их прибавляли в кушанье и клали в ванну.

6. Книдийские зерна, или ягоды, κνίδιοι κόκκοι, плоды кустарника Daphne cnidium. Очищенные зерна в числе

30 и больше давали в меду или вине как слабительное, не только в книдской, но и в косской школе.

7. Молочай, τιθυμαλίς, Euphorbia characias L. сем. Euphorbiaceae.

8. Триблий, τρύβλιον, мера жидкостей и сыпучих тел, равная котилии, κοτύλη; эгинетский триблий, употреблявшийся в Книдосе, равняется 0,25 литра.

9. Паровую ванну, или баню, делали обыкновенно следующим образом. Больного сажали на стул, укрывали одеялами, оставляя свободной голову, и ставили под стул сосуд, в который наливали кипящей воды, так чтобы тело больного подвергалось действию пара. В воду прибавляли иногда уксуса и оригана.

10. Золототысячник, κενταύριον, Gentiana centaurium L., распространенное народное средство.

11. Аспидник, δρακόντιον, Arum dracunculus, в других местах называется «белый корень».

12. Меликрат, напиток из меда, разведенного с водой; иногда его предварительно кипятили.

13. Скаммония, σκαμμωνία, Convolvulus scammonia L., млечный сок скаммонии, полученный путем надрезов, лучше всего корня, и засохший в камедеобразную массу, представляет собой сильное слабительное, drasticum. Его прописывали также в виде вина, οἶνος σκαμμωνίτης.

14. Кикеон, κυκέων, смесь в виде напитка, которую приготовляли из ячменной каши, прибавляя в нее воды и, кроме того, вина или меда. Иногда, кроме ячменной каши или муки, брали также тертый сыр, лук и травы. «Кикеон из ячменной каши с прибавлением одной воды холодит и питает; с прибавлением вина согревает, питает и вызывает запор; с прибавлением меда он меньше согревает и питает, но больше послабляет, если только не брать неразбавленный мед; в противном случае он не послабляет, а запирает» («О диэте», II, V).

15. Кефаль, κέφαλος, Mugil cephalus C., лобан.

16. Гален в сочинении «О лучшей школе», § 10, говорит: «Книдские врачи пытались лечить тех, у кого в легком находится гной, способом, подобным тому, который употребляет природа: они вытягивали язык больного и вливали в трахею какую-нибудь жидкость, которая вызывала сильный кашель, чтобы гной был удален в подражание симптому» (Литтре, VII, 162). Конечно, они вливали жидкость в пищевод, замечает Литтре, но часть при этом попадала в дыхательное горло и вызывала сильный приступ кашля. Следует заметить, что в эпоху Гиппократа было распространено убеждение, что жидкость при питье проходит в легкое—воззрение, которое разделяли автор книги «О сердце» и Платон (Тимей, 70 С). С дру

гой стороны, в 4-й книге «Болезней», гл. 25, находится подробное опровержение этого ошибочного взгляда.

17. Сильфион, σίλφιον, Thapsia silphium (?), гладыш, африканское растение, особенно распространенное в Киренаике, сок которого употреблялся как лекарство и как приправа. Он близок к вонючей камеди, Asa phoetida.

18. Мясо молодых собак охотно употребляли в пищу, о чем имеются указания и у Галена.

19. Чемерица, ἐλλέβορος, Veratrum album L., белая чемерица; ἐ. μέλας черная, Helleborus orientalis Lamark, s. officinalis; употреблялись как рвотное; очень ядовиты. Ктезий, лейбмедик Артаксеркса, в сохранившемся отрывке писал, что перед приемом этого средства надо сделать завещание, так как максимальная доза неизвестна.

20 и 21. Пеплион, πέπλιον, Euphorbia peplis L., меконида, μηκωνίς, Euphorbia retusa L. (по Литтре), растения из сем. молочайниковых, сок которых употреблялся как слабительное. См. также прим. 7.

22. Порей, πράσον, Allium capitatum Plin. a. porrum L., лук порей.

23. Эпитим, ἐπίθυμον, Cuscuta epithymum Sm.

24. Хоей, χοεύς, мера жидкости, равная 3 литрам. Котиле и триблий=$^1/_{12}$ хоея (см. прим. 8). Литтре почему-то переводит хоей conge, беря соответствующую римскую меру (congium).

25. Маза, или маца, μάζα, ячменные лепешки или хлеб, замешанный на воде, римская полента, как и передают этот термин французские и немецкие переводчики; для нас же нет необходимости отступать от подлинника. Маза была обычной едой греков; ею кормили афинских граждан в Пританее; хлеб собственно, с закваской, ἄρτος, обыкновенно пшеничный, готовили больше к праздникам.

26. Стадий, στάδιον=177,4 метра; 20 стадий=3 548 метрам, 5 стадий=887 метрам, 100 стадий=17,74 километра.

27. Мина, μνᾶ=100 драхмам=630 граммам.

28. Оксибаф, ὀξύβαφον, мера сыпучих тел и жидкостей; эгинетский оксибаф=$^1/_4$ котилии=0,063 литра.

29. Гнюс, ναρκη, Torpedo ocellata, или marmorata, электрический скат.

30. Батида, βατίς, вероятно, Raja batis, гладкий скат.

31. Кестрей, κεστρεύς, морская рыба, вероятно, относящаяся к роду Mugil; может быть, серый голавль, так называемый ramado.

32. Меланур, μελάνουρος, по предположению Фукса—Oblata melanura, так как и теперь эту рыбу греки называют μελανούριον.

33. Тригон, Trygon pastinaca, скат хвостокол, имеющий на хвосте большую ядовитую иглу, которой он наносит уколы.

34. Лягва, βάτραχος, Lophius piscatorius, морской чорт, рыба из отряда колючеперых, похожая по внешнему виду на ската.

35. Гиппофей, ἱππόφεως, Euphorbia spinosa.

36. В подлиннике Μενδήσιος. Μένδης был город в дельте Нила, но Фукс предполагает, что следует читать Μενδαῖος, как это и встречается дальше, от Μένδη или Μένδαι, города на полуострове Паллене, где теперь находится Кассандрия; этот город в свое время имел большую торговлю.

37. Предполагают, что здесь автор имеет в виду 79-й афоризм Гиппократа из 4-й книги, который гласит: «У кого в моче оседает песок, у тех пузырь страдает камнем», и, как представитель книдской школы, ведет полемику с косской.

38. Сок дикого огурца, Momordica elaterium L., в подлиннике ἐλατήριον, что означает просто слабительное, так как этот сок был ходовым средством.

39. Тапсия, θαψία, Thapsia silphium, из северной Африки.

40. Как производилось прижигание при помощи грибов и что это за грибы, остается невыясненным. Фукс в своем комментарии (II, 505) указывает, что слово μύκης, гриб, имело различные значения, в том числе и ламповый фитиль; он предполагает, что в данном случае прижигание производилось именно горящим фитилем, с которого был снят нагар, и недоумевает, как можно прижигать при помощи champignos (Литтре). Но Фукс забывает, что существуют грибы, растущие на деревьях, твердые, сухие и способные гореть, как уголь (Polyporus igniarius, fomentarius); они издавна применялись, как трут, и могли служить для прижигания; пользовались же для этой цели буковым деревом (гл. XXVIII). Кроме того, можно было пользоваться и высушенными корнями грибов.

41. Гален поясняет в словаре: «размолотая маза—растертая с медом и маслом» (Ф у к с, II, 506).

42. Кнеорон, κνέωρον, листья книдийского кустарника, Daphne Cnidium, от которого добывалось и семя.

43. Камень магнезии, ἡ τῆς Μαγνησίης λίθος, магнитный железняк, получивший свое название от малоазийского города, в окрестностях которого его находили.

44. Скорпион, σκορπίος, Scorpaena scrofa L., морской ерш.

45. Драконова рыба, δράκων, Trachinus draco L.

46. Кукушка, κόκκυξ, Trigla Sp. Древние называли так эту рыбу потому, что при прикосновении она издавала скрипящий звук.

47. Каллионим, καλλιώνυμος, Uranoscopus scaber L., звездочет, названный так потому, что оба глаза расположены на верхней части головы.

48. Бычок, κωβιός, Cottus gobio L.

49. Полип, πολύπους, Octopus vulgaris Lam., осьминог.

50. Аристолохия, ἀριστολοχία, один из видов Aristolochia L.

51. Хойникс, χοῖνιξ, мера, равная 4 котилиям, 1 литру.

52. Начиная с 23, главы получают особые заглавия: как было уже указано, они внесены, вероятно, позднейшими переписчиками.

53. Гадейра—Кадикс.

54. Саперда, σαπέρδης, рыба, которую не удалось определить; она считалась у древних деликатесом; Литтре переводит coracin, следуя Атенею, который отождествлял ее с κορακῖνος.

55. Златоцветник, ἀσφόδελος.

56. Паслен, στρύχνος, Solanuma, σ. ὑπνωτικός, s. dulcamara, σ. μανικός, Atropa belladonna.

57. Омела, ἰξός, Viscum album L., паразитическое растение.

58. Козий рог, αἰγόκερας'τῆλις, Trigonella foenum graecum L.

59. Целомудренник, ἄγνος, Vitex agnus L.

60. Рута, πήγανον, Ruta graveolens L.

61. Корень кукушкиных слез, διδύμη, от растения ὄρχις, orchis L., различные виды.

62. Кишнец, κορίανος.

63. Сухостебельник, ἀδίαντος, Adiantum capillus Veneris L.

64. Кантарида, κανθαρίς, Lytta vesicatoria, шпанская мушка.

65. Харадрий, χαράδριος, птица; в других списках стоит χαλαρίου, χυλαρίου. Фукс (II, 527) предпочитает оставить в этом месте пробел текста и думает, что здесь дело идет о каком-нибудь плоде, а не о птице.

66. Тиф, τῦφος. Первоначальное значение этого слова—дым, чад, отуманенное состояние; в переносном смысле—надутость, самомнение. Как видно из дальнейшего, тифом называют в этой книге различные заболевания, в том числе суставной ревматизм, гастроэнтерит и какое-то нервное страдание со сперматорреей. Нелегко даже понять, какой общий признак полагается в основу такой номенклатуры.

67. Кардамон, κάρδαμον,—не наш Lepidium sativum L., а, по Фраасу, Erucaria aleppica.

68. Илеос, εἰλεός. Эти формы болезней не имеют ничего общего с нашим ileus, так как о закупорке кишок нет и речи. Первые две формы Литтре определяет как «дискразия, вероятно, скорбутической природы», третью—прямо «скорбут».

69. Полей, γλήχων, Mentha pulegium L.

70. Кониза, κόνυζα, Erigeron viscosus L.

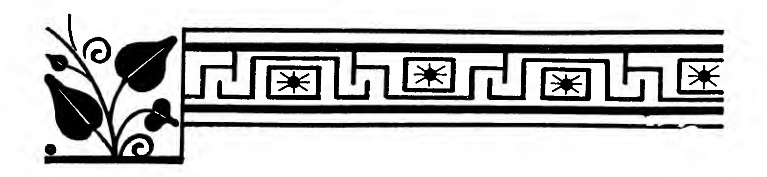
71. Тетрагон, τετράγωνον, четыреугольник. По объяснению Галена: «некоторые понимают под этим находимые в стимми (сурьмяный блеск—глазное средство египтян) таблички; некоторые—само стимми». Один из издателей Гиппократа Мак (Mack, 1743), не мог допустить, что здесь дело идет о сурьме; он предлагал читать τῇ τετραγωνία, имея в виду растение, о котором говорит Теофраст и плоды которого обладали слабительным и рвотным действием.

72. «Плотные» болезни, τὰ παχέα νοσήματα. Παχύς значит толстый, тучный, крепкий, плотный, объемистый, густой; в переносном смысле грубый, тупой, глупый. Литтре переводит maladies dites epaisses, Фукс: dicken Krankheiten. Почему книдская школа дала такое название этим болезням, остается неясным,—дело идет о страданиях нервного характера.

73. Пять оболов эгинетских=5 граммам.

74. Ишиас, ἰσχίας, от ἰσχίον—бедро. Литтре переводит Coxalgie, Фукс—Hüftweh.

75. Белена, ὑοσκύαμος, Hyoscyamus niger, или albus L.



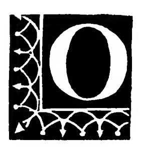
О СВЯЩЕННОЙ БОЛЕЗНИ

Книга «О священной болезни», περὶ ἱερῆς νούσου, de morbo sacro, была известна всем древним; ее комментировал Бакхий, ученик Герофила. В двух рукописях имеется интересное примечание, передающее взгляд Галена на это сочинение: «оно не подлинное Гиппократа,—так говорит Гален,—но принадлежит какому-то мужу, достойному внимания как в отношении изложения, так и по мысли; в ней, повидимому, нет ничего гиппократовского ни в способе изложения, ни в точности мышления» (Литтре, VI, 352). Действительно, книга эта, не в пример многим сочинениям сборника, включая и гиппократовские, написана чрезвычайно ясно, обстоятельно и вполне понятно. Но, с другой стороны, она очень близко примыкает к книге «О воздухах, водах, местностях», развивая подробно некоторые намеченные в этой книге положения; в двух местах даже повторяя и дословно. Поэтому принадлежность ее косской школе не подлежит сомнению; можно предполагать даже больше,—что это произведение «ученика Гиппократа, который развивает его мысли», как думает Фридрих (Hip. Unters., p. 32). Фукс тем не менее относит ее к группе «софистических произведений» наряду с книгой «О ветрах» и «О природе человека» и думает, что ее написал иатрософист, находившийся под влиянием сочинений Гиппократа. Книга эта, конечно, не специально медицинское сочинение,—в ней

говорится о лечении в самых общих чертах,—и адресована широкой массе образованной публики, преследуя в значительной степени просветительные цели. Но, кроме того, она носит во многих местах полемический, иногда довольно резкий характер. Исследования Велльманна, выяснившие мало обращавшие на себя внимание особенности сицилийской школы врачей, ведущей начало от Эмпедокла, показали, что полемика автора направлена именно против этой школы. Там, где он говорит о магах и заклинателях, лечащих эпилепсию методами религиозно-мистического очищения и заклинаниями, он имеет в виду Эмпедокла и его последователей, включая сюда Диокла каристского, которые применяли эти приемы. Сюда же относится опровержение взгляда, что разумение помещается в сердце.

Книга «О священной болезни», как совершенно правильно отмечает Литтре в своем коротком вступлении, замечательна в двух отношениях. Во-первых, она утверждает и доказывает, что все болезни возникают естественным путем и нет ни одной вызванной богами—«священной». Автор, по крайней мере в области медицины, является полным рационалистом. Эта же мысль и так же решительно высказывается в книге «О воздухах и пр.». Во-вторых, с полной отчетливостью высказывается и подробно развивается положение, что все высшие психические функции: мышление, печальные и радостные чувства, связаны с мозгом и при поражении его исчезают. Это положение утверждается или подразумевается во многих медицинских сочинениях сборника, так что для врачей косской и книдской школ его можно считать общепринятым, но такого подробного развития там нигде не имеется и не было долгое время спустя; следует вспомнить, что для Аристотеля психика локализуется в сердце. Автор подробно выясняет далее роль мозга в патогенезе эпилепсии и связывает ее с учением о слизи (флегме) и истечениях (катаррах); здесь имеются точки соприкосновения с книгой «О железах». Влияние погоды, главным образом ветров, на возникновение припадков эпилепсии, детально развиваемое и подчеркиваемое, является второй точкой соприкосновения с книгой «О воздухах» и через нее—с Гиппократом. Попутно дается описание сосудов в теле; автор считает главными два (печеночная и селезеночная вена), связывая их с мозгом. Это не позволяет относить книгу во время после Аристотеля, как, например, делал Линк.

Литература. Фукс (Puschm. Gesch., I, 222); Велльманн (Wellmann M., Fragmentsammlung d. griechischen Aerzte, Bd. I., Berlin, 1901); Фридрих, l. c.



ТНОСИТЕЛЬНО болезни, называемой священною, дело обстоит таким образом: нисколько, мне кажется, она ни божественнее, ни более священна, чем другие, но имеет такую же природу происхождения, какую и прочие болезни. Природу же ее и причину люди назвали каким-то божественным делом вследствие неопытности и удивления, потому что она нисколько не похожа на другие болезни. И вот, вследствие невежества в том, чего не знают, у них предоставляется ей божественное свойство; вследствие же знания способа лечения божественность отнимается. Ведь если бы она считалась божественной потому, что удивительна, многие болезни были бы священными, а не одна, как я докажу, и другие нисколько не менее чудесны, которые никто божественными не считает. Да, вот именно лихорадки ежедневные, трехдневные, четырехдневные нисколько не менее кажутся мне священными и происходящими от бога, чем эта болезнь, а им, однако, не удивляются. Во-вторых, я наблюдаю людей безумствующих и бредящих без какой-либо ясной причины, делающих многое некстати; я знаю, что многие во сне рыдают и кричат, другие задыхаются, иные соскакивают с постели и бегут вон, и бредят, пока их не разбудят, а потом здоровы, в рассудке, как и прежде, но бледны и слабы; и это не один раз, но часто. И много другого есть разнообразного; о всем этом пришлось бы долго говорить. Мне кажется, что первые, признавшие эту болезнь священною, были такие люди, какими и теперь ока-

зываются маги, очистители, шарлатаны и обманщики, которые представляются весьма благочестивыми и понимающими больше других. И действительно, прикрывая и оправдывая божественностью свою несостоятельность, они за неимением средств, чем бы действительно могли помочь, из опасения, чтобы не сделалось явным их полное невежество, провозгласили, что эта болезнь священна, и, предложивши годные по их мнению средства, проложили себе путь к безопасному для себя лечению этой болезни, противопоставивши ей очищения и заклинания, предписавши воздерживаться от ванн и употреблять в пищу многие яства, совершенно непригодные для пользы больных: так, из морских рыб— тригла, меланур, кестрей[1] и угорь,—это те, коих в особенности должно избегать; из мясных же кушаний—мясо козье, оленье, свиное и собачье (ибо они действительно наибольше расстраивают желудок); из птиц—петух, горлица и стрепет (которые считаются самыми твердыми); из зелени же—мята, чеснок и лук (ибо ничто острое не полезно больным); из одежды же запрещают употреблять черную, потому-де, что черный цвет означает смерть, а также ложиться на козьей коже или ее носить, а также не класть ногу на ногу или руку на руку, ибо все это по их уверению препятствует лечению. И все это они предлагают ради божественности, как будто зная нечто большее, а также выдумывая иные предлоги для того, чтобы в случае, если больные выздоровеют, то это приписывалось бы их славе и искусству, а если умрут, то чтобы найти себе верную защиту и приобрести предлог уверять, что не они причиною того, а боги, так как они не давали никакого лекарства для еды и для питья и не употребляли ванн так, чтобы им можно было приписать вину. И, по моему мнению, из тех, которые живут в средних местностях Ливии, ни один человек не мог бы

быть здоровым, потому что все они лежат на козьих шкурах и питаются козьим мясом и не имеют никакого другого покрова, ни одежды, ни обуви, как только из коз, да и никакого другого домашнего скота у них нет, кроме коз и быков. Поэтому, если все это, употребленное в виде одежды и принятое в пище, рождает и умножает болезнь и если излечиваются от нее воздержанием от пищи, то, очевидно, вовсе не бог здесь причина и не религиозные очищения тут помогают, но излечивает и вредит все то, что едят, а влияние божества здесь остается не при чем. Итак, мне кажется, что те, которые подобным способом приступают к лечению этих болезней, не считают их ни священными, ни божественными, ибо если подобного рода очищениями и таковым лечением эти болезни уничтожаются, то что препятствует им, вследствие подобных же способов, и появляться у людей или нападать на них? Так что, во всяком случае, нисколько не божественное, а нечто человеческое видится мне во всем этом деле. Действительно, всякий, кто будет в силах, посредством очищений и магических средств, отводить болезнь этого рода, тот также, пользуясь другими средствами, может и вызвать ее, и в силу такого рассуждения мнение о божественности здесь совершенно уничтожается. Но своими речами и приготовлениями они трубят о своем великом знании и обманывают людей, предписывая им разные очищения и обряды, и много трактуют о божественности и чудесности. Мне, напротив, кажется, что они в этом случае ведут речь не о благочестии, как они думают, а высказывают нечестие, и вовсе не верят в бытие богов,—и таким образом вся их религиозность и божественность, как я докажу, обращается в нечестие и преступление. В самом деле, если они провозглашают, что они умеют отводить луну, затмевать солнце, наводить бурю и ведро, производить дожди и засухи, делать море непрохо-

димым для кораблей и землю бесплодною и прочее в этом роде, то, будут ли они приписывать такое могущество или священно-таинственным обрядам, или какому-либо другому средству, мне кажется, что те, кои занимаются этими делами, суть по истине нечестивы, ибо они или вовсе не верят в бытие богов, или полагают, что если и есть боги, то они ничего не могут и совершенно бессильны отвращать людей от дел, наиболее нечестивых. Действительно, делающие подобные дела разве не враждебны по отношению к богам? В самом деле, если бы кто, благодаря магическим действиям и обрядам, отвел луну, затмил солнце, навел непогоду и ведро, то, конечно, я не стал бы считать что-нибудь из этого делом божественным, а человеческим, раз божественное могущество превышается человеческим разумом и обращается в рабство человеку. Но, конечно, дело обстоит иначе, и люди, вследствие житейской нужды, решаются на многие и разнообразные вещи, и как в отношении всего такого, так и в частности по отношению к этой болезни различно себя держат, при всяком виде этого страдания приписывая причину богу. И при этом они называют не одно божество, но многие. В самом деле, если больные будут подражать козе и мычать и при этом будут повергаться на правую сторону, то они называют как причину этого матерь богов [2]. Если же больной будет издавать более резкий и сильный голос, то говорят, что он похож на коня, и причину болезни относят к Посейдону [3]. Если же у больного будут выходить твердые испражнения, что часто случается у страдающих этою болезнью, то здесь выступает на сцену имя Енодия [4]; если же он выделяет более жидкое и часто, как птицы, то это—Аполлон Номий [5]. Если же испускает изо рта пену и топает ногами, то виною Арес [6]. Когда же ночью бывают страхи, испуг, безумие и припадки ужаса, причем больные соска-

кивают с постели и бегут, то утверждают, что это ковы Гекаты[7] и наваждения героев. В этом случае они пользуются очищениями и заговорами и по моему суждению совершают дело самое нечестивое и безбожное. В самом деле, людей, одержимых болезнью, они очищают кровью и другими подобными средствами, как будто запятнанных преступлениями, порочных и злодеев или таких, коим от людей присужден яд, или таких, кои совершили какое-либо нечестивое дело, между тем как следовало бы поступать наоборот: приносить жертвы и молиться, приводить больных в храмы и умолять богов. А они ничего из этого не делают, а только очищают. И средства для очищения частью скрывают в земле, частью выбрасывают в море, частью также возносят на горы, где бы их никто не мог коснуться и потоптать ногами, а между тем должно было бы их, если здесь бог причиною, отнести в храм, воздать богу. И, однако, я не думаю, чтобы тело человека, в высшей степени подверженное смерти, осквернялось со стороны бога, святейшего существа. Напротив, если бы даже случилось, что оно было осквернено кем-либо другим или вообще потерпело что-либо, в таком случае со стороны бога оно скорее очистится и освятится, чем осквернится. Поэтому бог очищает и омывает величайшие и преступнейшие грехи и является нам защитой, и мы сами обозначаем для богов границы храмов и святилищ, которые только чистый переходит, и, вошедши, мы окропляемся не для того, чтобы оскверниться, но чтобы, если и допустили какое преступление, от него очиститься. Так мне представляется дело об очищениях этого рода.

2. Но эта болезнь представляется мне нисколько не божественнее остальных, но имеет такую же природу, как и другие болезни, и причину, откуда каждая из них происходит. Я думаю, что она рождается от того же начала и от той же причины,

от которой и все прочие болезни, и нисколько не менее других требует лечения, разве только она уже будет угнетать в продолжение долгого времени и до того усилится, что будет превозмогать все предложенные лекарства. Начало она ведет, как и другие болезни, по наследству: ибо, если от флегматика рождается флегматик, от желчного—желчный, от чахоточного—чахоточный и от страдающего селезенкой—страдающий селезенкой, то что препятствует для этой болезни, если одержимы были ею отец и мать, появиться у кого-либо из их потомков? В самом деле, так как рождение происходит от всех частей тела, то от здоровых оно будет здоровое, а от болезненных—болезненное. Кроме того, есть еще другое великое доказательство, что эта болезнь нисколько не божественнее прочих болезней,—это именно то, что эта болезнь является у флегматиков по природе, а у желчных совершенно не случается. А, между тем, если бы она была божественнее других, должно было бы, чтобы она случалась одинаково у всех и не делала бы различия между желчными и флегматиками.

3. Но причина этой болезни, как и прочих великих болезней, есть мозг. А каким образом и почему это случается, я раскрою ясно. Мозг у человека, как и у остальных всех животных, бывает двойной, и середину его разделяет тонкая оболочка. Поэтому не всегда болит голова одинаковым образом, но иногда та или другая часть, а иногда и вся голова. Кроме того, к мозгу несутся со всего тела многие и тонкие вены, и две толстые: одна—от печени, другая же—от селезенки. И та, которая идет из печени, представляется в таком виде: одна часть вены идет направо вниз возле самой почки и поясницы к внутренней части бедра и достигает до ноги; она называется полой веной. Другая же часть направляется вверх через правые стороны грудобрюшной преграды и легкое и разветвляется в сердце и в правом плече. Остальная же

ветвь через ключицу устремляется к правой стороне шеи в самую кожу так, что бывает видима; около же уха она скрывается и там разделяется и своею толстейшею, наибольшею и обширнейшею частью оканчивается в мозгу; другою же ветвью своею, которая есть вена тонкая, идет отчасти к правому уху, отчасти к правому глазу, а частью к носу. Вот в таком-то виде находятся вены от печени. От селезенки же вена устремляется вниз и вверх по левую сторону, так же как от печени, но, однако, более тонкая и слабая [8].

4. Через эти вены мы вводим весьма много воздуха [9], ибо они суть у нас продушины тела, привлекающие к себе воздух; они разносят его по остальному телу через маленькие вены, охлаждают и выпускают. И, в самом деле, невозможно воздуху стоять на одном месте, но он несется вверх и вниз, ибо если он где-нибудь останавливается и задерживается, то та сторона, в которой он стоит, делается бессильною. И доказательством этого служит следующее: когда у сидящего или лежащего маленькие вены так сжимаются, что воздух через вену пройти не может, тотчас наступает онемение. Так обстоит дело с венами и прочим.

5. Но эта болезнь случается у флегматиков, у желчных же не бывает совсем. И она начинает зарождаться еще тогда, когда плод находится в утробе, ибо мозг очищается и растет так же точно, как и другие части, прежде чем явится на свет. И если это очищение будет происходить правильно и умеренно и будет стекать не больше, не меньше, а как должно, то в таком случае голова будет наиболее здоровою. Если же из всего мозга будет истечение больше надлежащего и произойдет обильное разжижение, то такой плод, когда вырастет, будет иметь голову, подверженную болезням и полную шума, и не будет выносить ни солнца, ни холода. Если же истечение

сделается из одной какой-либо части, именно: из глаза или уха и если вена какая-либо сделается тонкою, то эта часть портится, поскольку происходит разжижение. Если же очищение не произойдет, но задержится в мозгу, тогда по необходимости от этого рождается флегматозный младенец. И те, у коих в детстве высыпают нарывы на голове, на ушах и на остальной коже, если они будут слюнявые и сопливые, то такие в продолжение дальнейшего возраста легко будут проводить жизнь, ибо в таком случае та слизь, которая должна была бы очиститься раньше в утробе, выводится и очищается теперь, и все те, кои так очистятся, почти никогда не поражаются этою болезнью. Что же касается до тех, которые останутся чистыми так, что не будут иметь ни одного нарыва, и ни слизь из носа, ни слюна не будут выходить у них, а также и в утробе материнской не были очищены,—относительно таких есть опасность, что они будут поражаться этой болезнью.

6. Если же истечение изберет дорогу к сердцу, то получатся биение сердца и одышка; грудь расстраивается; некоторые даже искривляются. Ибо, когда холодная слизь достигнет легкого и сердца, кровь охлаждается, и вены, насильственно охлажденные, отскакивают назад к легкому и сердцу, и сердце начинает биться, отчего по необходимости наступает астма и затруднение дыхания, принуждающее больного выпрямляться, ибо больной не получает воздуха, сколько желает, пока притекающая слизь не будет ослаблена и согретая не разольется по венам. Тогда сердцебиение и одышка прекращаются, и это в той мере, какую будет иметь количество слизи, ибо если ее будет притекать больше, то они прекращаются позже, а если меньше—то раньше. Так же точно, если истечения будут более частые, то чаще бывают припадки болезни; в противном случае—реже. Такие страдания возникают, когда исте-

чение направляется в легкие и сердце. Если же оно устремится к животу, тогда появляются поносы.

7. Если же слизь минует эти пути, а произойдет ее истечение в вышеупомянутые вены, тогда происходит лишение голоса, давление в горле, слюна течет изо рта, зубы стискиваются, руки сжимаются, глаза перевертываются, и больные ничего не понимают; у некоторых даже появляются извержения низом. И все это случается иногда на левой, иногда на правой стороне, а иногда даже и на обеих. Каким же именно образом происходит страдание в каждом отдельном случае, я расскажу. Голос теряется тогда, когда слизь, внезапно стекая к венам, запирает воздух и не допускает его ни в мозг, ни в полые вены, ни в полости, но прерывает дыхание, ибо так как человек принимает воздух ртом и носом, то прежде всего этот воздух стремится в мозг, затем большею частью несется в живот, часть его идет к легкому, а часть к венам, откуда он распространяется по остальным частям. И тот, который несется в живот, охлаждает его и ничего другого не приносит, а который достигает легкого и вен, тот проникает в полости и в мозг и таким образом доставляет членам разумение и движение. Поэтому, когда слизь запрет внешний воздух от вен и они его совсем не получают, они этим делают человека лишенным голоса и совершенно ничего не сознающим. Руки делаются бессильными для движения и стягиваются вследствие того, что кровь застаивается и не разливается по своему обыкновению. Глаза перевертываются, так как вены лишаются воздуха и сильно бьются. Пена же выходит через рот из легкого, ибо, когда воздух в него самого совсем не входит, оно, как бы умирая, пенится и издает пузыри. Испражнение же выходит вследствие насильственного удушения, а оно наступает тогда, когда печень и желудок вторгаются в грудобрюшную преграду и отверстие желудка за-

пирается; а вторгаются они тогда, когда воздух входит в рот не в таком количестве, как обыкновенно. Ногами же бьет больной тогда, когда воздух, запертый в членах, не в состоянии выходить наружу, благодаря слизи, и—носимый напором крови то вверх, то вниз—производит конвульсии и боль; от этого больной и бьет ногами. Все это терпит больной, когда холодная слизь вливается в теплую кровь, ибо она охлаждает и останавливает кровь. И если истечение будет обильное и густое, то тотчас убивает, ибо посредством холода овладевает кровью и замораживает ее. Если же оно будет несколько меньше, то сначала берет верх и прерывает выдыхание, но потом по истечении времени, когда оно разойдется по венам и смешается с обильною и теплою кровью, то в случае, если таким образом оно будет ослаблено, вены воспринимают воздух, и больной возвращается к сознанию.

8. Те, кои в детском возрасте поражаются этой болезнью, большею частью умирают, если случится истечение обильное и будет южный ветер. Действительно, так как вены бывают тонки, то они не могут принять густой и обильной слизи, но кровь охлаждается и сгущается, и вот таким образом больные дети гибнут. Но если слизь будет малая и сделается истечение в обе вены или вену одной стороны, то они остаются в живых с оставшимся знаком, намеченным болезнью: или рот искривится, или глаз, или шея, или рука везде, где только вена, наполненная слизью, будет ослаблена и истощена. Такая вена по необходимости делается слабее, и пораженная часть тела лишается сил; но зато это обыкновенно помогает на долгое время, ибо если однажды дитя получит знак, намеченный болезнью, то уже не становится припадочным по этой причине. Прочие вены по необходимости ухудшаются, а вместе в некоторой части делаются тощими, так что хотя и принимают воздух, но истечение слизи не особенно сильно изливается;

все же, однако, при худо действующих венах члены естественно бывают слабы. Те же дети , у коих при северном ветре истечение будет невелико и пойдет на правую сторону, останутся свободны от знака, напечатлеваемого болезнью, но существует опасность, что болезнь усилится и увеличится с их возрастом, если не будет употреблено соответствующее лечение. Итак, вот какие явления (или весьма близкие к ним) случаются у детей.

9. Когда же эта болезнь нападает на людей уже взрослых, то и не убивает их, и не обезображивает, ибо у них вены имеют обширную внутренность и наполнены теплою кровью, вследствие чего слизь не может преодолеть кровь и заставить ее охладиться, но сама преодолевается и скоро смешивается с кровью, и вот по этой причине вены воспринимают воздух, и является разумение, и благодаря крепости сил вышеупомянутые признаки менее выражаются. Когда же эта болезнь нападает на людей весьма старых, то убивает их или же производит паралич в какой-либо части, потому что вены у них сделались уже пустыми и содержат в себе немного крови и притом кровь тонкую и водянистую. Поэтому, если будет обильное истечение и время будет зимнее, то болезнь убивает, ибо она закрывает ходы для дыхания и охлаждает кровь, если истечение сделается в обе стороны: если же только в одну, то производит паралич в какой-либо стороне, ибо, когда кровь тонкая, холодная и в малом количестве, она не может преодолеть слизи, но—сама побежденная—охлаждается, так что те части, в коих кровь испортится, уже делаются неспособными к движению.

10. Истечение бывает всегда более на правую сторону, чем на левую, потому что вены там обширнее и в большем количестве, чем на левой стороне, ибо они выходят из печени, а не из селезенки. У детей происходит наибольшее истечение и разжижение

влаги у тех, у коих или от солнца, или от огня голова согреется и затем мозг сразу будет охвачен холодом, ибо тогда выделяется слизь. Разжижение ведь делается от теплоты и от расширения мозга, а выделение—от охлаждения и стягивания, и таким путем происходит истечение. Итак, у некоторых это бывает причиной, а у иных, когда после северных ветров внезапно захватит уплотненный и здоровый мозг южный ветер и сильно разрешит и расслабит так, что появится слизь в изобилии, и таким образом вызовет истечение. Иногда также бывает истечение сверху по неизвестной причине, при появлении от чего-либо страха, если, например, дитя испугается какого-либо крика или когда посреди плача не может скоро переводить дух, что у детей часто случается. Когда произойдет что-либо подобное, все тело сразу начинает дрожать, ребенок становится без голоса и не привлекает воздуха, но дух замирает, мозг сжимается, кровь останавливается, и вот таким образом выделяется слизь и происходит истечение. Вот какие причины вызывают появление эпилепсии у детей. Для старших возрастов наиболее враждебна зима, ибо, когда при большом огне голова и мозг согреются и затем вследствие холода подвергнутся оцепенению, или когда человек с холода войдет в теплое помещение и сядет возле огня, тогда страдает таким же образом и становится эпилептиком, как выше уже было сказано. Не мала также опасность, что это страдание случится весною, если голова будет находиться на солнце; летом же опасность меньше всего, так как тогда не бывает внезапных перемен. Когда же пройдут 20 лет, тогда болезнь эта уже не поражает, если только она не случилась в детстве, и разве только немногих, ибо вены уже наполнены кровью и мозг сделался плотным и крепким, так что уже не может истекать в вены, а если и истечет, то не преодолеет обильной и теплой крови.

11. Но в ком эта болезнь возникла и возросла с детства, у того появляется привычка при перемене ветров страдать ею и подвергаться припадкам и преимущественно при южных ветрах. И освободиться от нее трудно, ибо мозг делается влажнее, чем требует природа, и слизь обильно изливается, так что происходят частые катарральные истечения, и нельзя уже больше сделать, чтобы мокрота выделилась или чтобы мозг осушился, но по необходимости он бывает орошенным и влажным. Это самое может всякий видеть на овцах, пораженных таким образом, и в особенности на козах, которые чаще всего поражаются этой болезнью, ибо, если рассечешь их голову, заметишь, что мозг влажен, изобилует водою и дурно пахнет, из чего, конечно, узнаешь, что болезнь, а не бог повреждает тело [10]. Так же точно дело обстоит и в человеке; когда болезнь застареет, ее уже нельзя более лечить, ибо мозг объемлется слизью и разжижается, а разжиженный он обращается в воду, которая обходит мозг вокруг и заливает все вблизи, а поэтому чаще и легче делаются припадки эпилепсии. Продолжительною же болезнь бывает потому, что обильно притекающая жидкость тонка и тотчас преодолевается кровью и нагревается.

12. У кого эта болезнь вошла уже в привычку, те предчувствуют припадок и потому убегают от взора человеческого и спешат домой, если это близко, в противном случае—в уединенное место, где только весьма немногие могли бы увидеть их припадок, и тотчас закрывают себя. И это они делают, стыдясь этой болезни, а не от страха перед божеством, как большинство думает. Но дети сначала, вследствие непривычки, падают, где придется; когда же чаще поражаются болезнью, то, предчувствуя ее, бегут к матерям или к кому другому, наиболее им известному, вследствие боязни и страха болезни, ибо стыда в это время они еще не чувствуют.

13. По моему мнению, эпилепсия проявляется вследствие перемен ветров и преимущественно при южных погодах, затем также при северных, а потом уже когда дуют и остальные ветры, ибо те первые суть наиболее сильные из ветров и как по своему направлению, так и по силе наиболее вредоносные. Действительно, северный ветер сгущает воздух, отделяет все бурное и облачное и делает его чистым и светлым; так же точно он действует и на все остальное, что берет начало с моря и прочих вод, ибо изо всего и даже из самых людей он очищает влажность и мрак, и поэтому северный ветер есть самый здоровый. Совершенно противоположное ему делает южный ветер: прежде всего он начинает разжижать и расширять сгущенный воздух, отчего он не тотчас делается сильным, но сначала дует легко, так как не может сразу преодолеть воздух, дотоле густой и плотный, но, однако, все-таки по прошествии некоторого времени, он разрежает воздух. То же самое он делает с землей, с морем, с реками, с источниками и колодцами и со всем тем, что растет из земли и в чем есть влага, а она имеется во всякой вещи то в большей, то в меньшей степени. И вот все эти вещи чувствуют силу этого ветра и из светлых делаются темными, из холодных—теплыми, из сухих—влажными. И все те глиняные сосуды, находящиеся в домах или под землею, наполненные вином, или какой-либо другою жидкостью, все они чувствуют южный ветер и принимают другую на вид форму. Даже солнце, луну и остальные светила он делает далеко более слабыми, чем каковы они от природы. Итак, поскольку он имеет такое могущество по отношению к столь великим и сильным предметам, то, конечно, и тело он заставляет чувствовать его силу, и вот, при переменах ветров, оно по необходимости переменяется, и от ветров южных мозг разрешается и делается влажным, и вены тоже более расширяются; напротив,

от северных ветров все, что в мозгу есть более здорового, сгущается, а что болезненно и влажно, отделяется и разливается наружу, и таким путем делаются катарральные истечения при переменах этих ветров. Таким образом зарождается эта болезнь и пускает ростки как от всего, что приходит, так и от всего, что выходит, и нисколько не труднее ее лечение и распознавание, чем прочих болезней, и она не более божественна, чем остальные.

14. Полезно также знать людям, что не из иного места возникают в нас удовольствия, радости, смех и шутки, как именно отсюда (от мозга), откуда также происходят печаль, тоска, скорбь и плач. И этой именно частью мы мыслим и разумеем, видим, слышим и распознаем постыдное и честное, худое и доброе, а также все приятное и неприятное, различая отчасти все это по установившемуся обычаю, а отчасти по той пользе, которую получаем. Этою же частью мы распознаем удовольствия и тягости, смотря по обстоятельствам, и не всегда нам бывает приятно одно и то же. От этой же самой части нашего тела мы и безумствуем, и сумасшествуем, и являются нам страхи и ужасы, одни ночью, другие днем, а также сновидения и заблуждения неуместные, заботы беспричинные; отсюда также происходит у нас незнание настоящих дел, неспособность и неопытность. И все это случается у нас от мозга, когда он нездоров и окажется теплее или холоднее, влажнее или суше своей природы или вообще когда он почувствует другое какое-нибудь страдание, несообразное со своей природой и обычным состоянием. Безумие случается у нас от влажности, ибо когда мозг будет влажнее, чем требует природа, то он по необходимости приходит в движение, и, когда волнуется, тогда по необходимости ни зрение, ни слух не находятся в спокойном состоянии, но иногда совсем иное видит и слышит, а язык произносит все то, что больной каждый раз

видит или слышит. А когда мозг находится в спокойном состоянии, тогда человек здраво мыслит.

15. Но порча мозга происходит от слизи и желчи; то и другое ты распознаешь следующим образом: те, которые безумствуют от слизи,—спокойны: не кричат и не волнуются, а те, которые безумствуют от желчи,—крикливы, зловредны и совершенно неспокойны и всегда делают что-либо несообразное. Итак, вследствие этих причин они постоянно безумствуют. Когда же появляются ужасы и страхи, они происходят от изменения мозга, что бывает тогда, когда от желчи мозг нагревается и когда желчь через вены, разносящие кровь, с напором будет перенесена из тела на мозг, и страх до тех пор присутствует, пока она опять не возвратится в вены и в тело; затем наступает успокоение. Без причины же происходит печаль и тоска тогда, когда мозг сильно охлаждается и сжимается больше привычного своего состояния, а это бывает от слизи; через это же самое страдание больной теряет память. Ночью когда мозг внезапно согревается, больной взывает и кричит, и это случается у желчных и совсем не бывает у флегматиков; согревается же мозг тогда, когда обильная кровь нахлынет к мозгу и в нем начинает вскипать. Та же кровь в изобилии проходит через вышесказанные вены, когда случится, что кто-либо видит страшное сновидение и бывает в страхе; как у бодрствующего лицо сильно разгорается и глаза краснеют, когда он испытывает страх и ум его замышляет сделать что-либо злое, то же самое происходит с ним во сне. Когда же он пробудится и придет в себя и кровь снова разольется по венам, тогда это прекращается.

16. По всем этим причинам, я думаю, что мозг имеет весьма великую силу в человеке, ибо, находясь в здоровом состоянии, он бывает для нас истолкователем всего того, что происходит от воздуха, но самое понимание дает ему воздух[11]. Глаза, уши, язык

руки и ноги выполняют все то, что одобрит мозг, ибо тело настолько имеет разумения, насколько оно причастно воздуху. Но мозг является вестником этого разумения, ибо, когда человек втянет в себя дух, этот прежде всего несется в мозг, а затем воздух рассеивается в остальное тело, оставивши в мозгу свою силу и все то количество разумения и ума, которое он имел. А если бы сначала он входил в тело, а потом уже в мозг, то, оставивши способность различения в плоти и венах, он входил бы в мозг теплым и не чистым, но смешанным с влагой плоти и крови, и в таком случае он не был бы вполне совершенным.

17. Поэтому я утверждаю, что истолкователь разумения есть мозг. А грудобрюшная преграда [12] получила свое название, повидимому, случайно и по обычаю, а не вследствие самой действительности и не от природы. И в самом деле я не вижу, какую силу имеет диафрагма для разумения и мышления, кроме лишь того, что, если человек будет поражен нечаянною великою радостью или печалью, она прыгает и отскакивает вследствие своей тонкости и вследствие того, что очень сильно растянута в теле и не имеет полости, в которую могла бы воспринять все случающееся хорошее и дурное, но от того и другого из них она сотрясается вследствие природной слабости. Действительно, она ничего не чувствует больше, чем прочие части, находящиеся в теле, и напрасно приписывается ей это имя и дело, точно так же как те части, которые связаны с сердцем, названы ушами, хотя они не принимают участия в слышании [13]. Некоторые же говорят, что мы мыслим сердцем и что оно именно чувствует печаль и заботу [14]. Но дело не так обстоит; напротив, оно сокращается, как и диафрагма, и даже еще более по следующей причине: из всего тела направляются к нему вены, которые оно держит закрытыми, так что оно чувствует, когда у человека возникает печаль или забота,—ведь у опе-

чаленного тело по необходимости содрогается и сокращается, и то же самое бывает у чрезмерно радующегося. По этой причине сердце и диафрагма больше всего чувствуют; однако, ни тому, ни другому не свойственно разумение, но виновник всего этого есть мозг. Как из всего находящегося в теле мозг прежде всего воспринимает разумение и воздух, так же точно, если какая-нибудь более сильная перемена по причине времен года случится в воздухе и этот последний будет разниться сам от себя, мозг первый это чувствует. Поэтому я утверждаю, что на него именно нападают болезни наиболее острые, тяжелые и смертельные—такие, которые для неопытных представляют наибольшую трудность определения.

18. Эта же болезнь, которая называется священною, возникает от тех же причин, как и остальные,— именно от того, что приходит и уходит, как-то: от холода, солнца, ветров, каковые явления все меняются и никогда не находятся в покое. Все это есть божественное, так что нет нужды думать, что эта болезнь превосходит божественностью прочие, но все они божественные и все человеческие. Природу же и силу каждая из них имеет сама по себе, и ни одна из них не отвергает лечения или помощи, но большая часть из них излечивается всем тем, откуда и происходит, ибо одно для одного есть пища, а для другого— погибель. Врачу это должно знать, чтобы, различая удобное время, в одном случае давать пищу и увеличивать ее, в другом—отнимать и уменьшать. Должно как в этой болезни, так и во всех остальных не увеличивать болезненные припадки, а поспешно уничтожать их, употребляя в дело то, что всякой болезни наиболее враждебно, а не то, что ей благоприятно и свойственно, ибо от того, что ей привычно, она крепнет и умножается, а от того, что ей враждебно, она уменьшается и притупляется. Поэтому всякий, кто сумеет производить перемену такого рода в людях

и посредством диэты делать человека влажным и сухим, теплым и холодным, тот действительно будет в силах лечить и эту болезнь без всяких очищений и магических средств и вообще без всякого подобного рода ремесла, если только будет распознавать время, удобное для всего того, что приносит пользу.

1. Тригла, τρίγλη, Mullus L., морской окунь. Меланур и кестрей—см. «О внутренних страданиях», прим. 31 и 32.

2. Матерь богов—Рея, дочь Урана и Геи, супруга Кроноса, мать Зевса; ее отожествляли с богиней Кибелой фригийского культа, Великой матерью; ей был посвящен лев, но в некоторых местностях также коза.

3. Конь был сотворен Посейдоном и посвящен ему.

4. Енодий, Ἐνόδιος, обозначает здесь Гермеса.

5. Аполлон Номий—бог стад.

6. Арес—бог войны.

7. Геката—подземное божество, которое появляется ночью в виде привидения ужасного вида. Волшебницы, собирая вредные травы, призывали ее в заклинаниях.

8. Учение о двух главных сосудах тела, идущих от печени—ἡπατῖτις, hepatitis, и от селезенки—σπληνῖτις, splenitis, встречается в целом ряде книг сборника («О болезнях, I», «О страданиях», «О внутренних страданиях»). Оно совпадает с учением Диогена Аполлонийского, приведенного Аристотелем в «Истории животных», III, 2. Учение о начале сосудов из сердца («О сердце», «О болезнях, IV») принадлежит более позднему времени. (Подробности у Friedrich, Hippocrat. Untersuchungen, 1899, в гл. «Adern und Arterien».)

9. Воздух здесь, как и в других книгах, иногда πνεῦμα, пневма, иногда ἀήρ, безразлично.

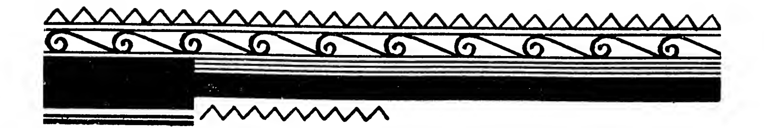
10. Дело идет здесь, очевидно, о пузырчатке мозга (coenurus cerebralis), зародышевой стадии развития ленточного червя мозговика овечьего (Taenia coenurus), которая вызывает вертеж овец и эпилептоидные припадки.

11. То же утверждали ионийские натурфилософы гилозоисты: Анаксимен и Диоген Аполлонийский, считавшие воздух первовеществом.

12. Диафрагма, по греч. φρένες, φρήν, еще во времена Гомера считалась местопребыванием ума; поэтому φρήν обозначало также прямо ум; глагол φρονέω—мыслю.

13. Ту же остроту см. в сочинении «О сердце», гл. 8.

14. Это учение возникло в сицилийской школе; в сборнике представителем его является автор «О сердце».



О ВРАЧЕБНОМ КАБИНЕТЕ

О врачебном кабинете и о том, что там производится, была уже речь в книге: «О враче»; в этой же книге (κατ’ἰητρεῖον, de officina medici) о самом кабинете ничего не говорится; она дает наставление хирургу, как он должен держать себя при операциях, и содержит затем подробное учение о повязках (десмургию), составлявшее значительную часть хирургии того времени. Уже с первых строк видно, что книга представляет собой конспект, очень сжатый, в котором фразы часто заменены отдельными словами или сокращены до минимума,— с другой стороны—очень продуманный, систематичный и насыщенный содержанием, в котором нет ни одного слова лишнего. Учиться по такой книге нельзя: она слишком трудна и местами просто непонятна, но, несомненно, она имела в виду цели преподавания, потому что начинает с самых начальных сведений. Вероятнее всего мы имеем перед собой подробный конспект, план или программу лекций, которые автор читал ученикам, может быть, конспект книги, которая должна была быть написана, но опять-таки на основе преподаваемого. Еще Гален отметил, что между этой книгой и книгой «О переломах» существует тесная связь: не только ряд положений, вкратце намеченных в первой, более подробно развиты во

второй, но и обратно: некоторые места, непонятные в «Переломах», получают разъяснение в книге: «О врачебном кабинете». Они, так сказать, дополняют друг друга. Все вместе взятое исключает мысль о заимствовании одним лицом у другого и заставляет предполагать одного автора для обеих книг, т. е. Гиппократа. Таково же было мнение большинства древних комментаторов. Приписывать авторство Гиппократу 1-му или Фессалу, как делали по словам Галена некоторые, нет никаких оснований. Еще меньше оснований относить книгу в книдскую школу, как это делает Эрмеринс.

Книгу комментировали в древности Бакхий, ученик Герофила, Асклепиад и Гален. Комментарии, действительно, были нужны уже по одному тому, что некоторые термины были неизвестны уже Галену, не говоря уже о толковании ряда мест, которые можно понять и так и иначе. В новое время комментарии даны в изданиях Видия, Боскильона, Литтре (III т.) и Петрекена (см. предисловие к «Переломам»).

Содержание книги «О врачебном кабинете»

Гл. 1—2. Об исследовании вообще. Предмет книги.
Гл. 3. Положение хирурга во время операции.
Гл. 4. Ногти, пальцы.
Гл. 5. Место инструментов.
Гл. 6. Помощники.
Гл. 7—8. Повязки, их виды, достоинства.
Гл. 9. Общие правила наложения повязки.
Гл. 10. Свойства повязок.
Гл. 11. Различное действие повязок и в связи с этим различные приемы их наложения.
Гл. 12. Компрессы, бинтование при переломах, лубки.
Гл. 13. Применение воды.
Гл. 14—15. Подставки и положения при переломах.
Гл. 16. Вытяжение.
Гл. 17. Массаж.
Гл. 18. Ведение перевязок при переломах.
Гл. 19—21. Некоторые общие положения.
Гл. 22. Повязки при кровоизлияниях, ушибах и т. д.
Гл. 23. Повязки при вывихах и расхождениях части.
Гл. 24. Перевязка при атрофии членов.
Гл. 25. Укрепляющие повязки.

Перевод этой книги представляет особые трудности.

Перевод Литтре очень хорош, но он слишком пространен, включает в себя толкования и уничтожает характер подлинника.

ССЛЕДУЕМ сначала сходство и различие (со здоровым состоянием); самые значительные, самые легкие—те, которые всеми способами познаваемы, что может быть видимо, осязаемо и услышано; то, что можно заменить зрением, ощупыванием, слухом, носом, языком, умом; то, что может быть познаваемо всеми возможными средствами знания.

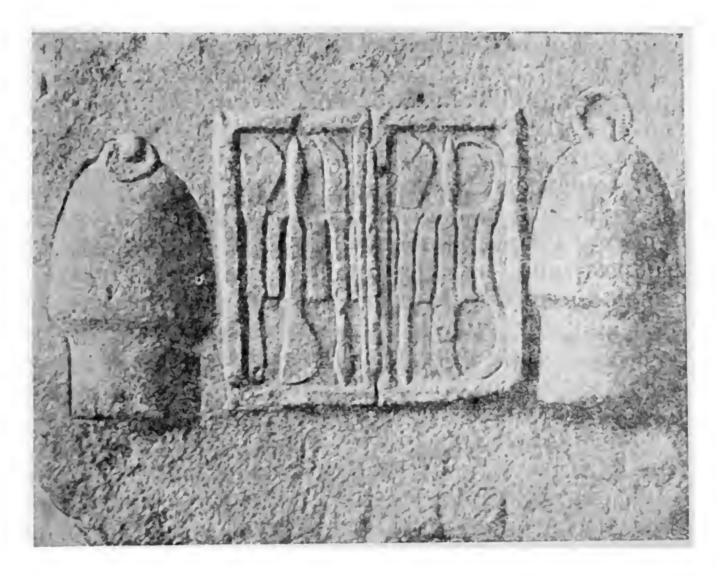
2. Здесь дело идет о хирургии во врачебном кабинете. Подлежит обсуждению: больной, оператор, помощники, инструменты, свет; где и как; какие предметы и как; где тело больного; где инструменты; время и способ; место.

3. Оператор либо сидит, либо стоит в положении удобном, соответствующем ему самому, части, которую он оперирует, и свету. Есть два сорта света: свет обычный и свет искусственный. Обычный свет не находится в нашем распоряжении; свет искусственный—в нашем распоряжении. Пользуются каждым светом двумя способами: или к свету или сбоку. Сбоку употребление его ограничено, и соблюдение надлежащей меры ясно. Что же касается света в лицо, нужно повернуть к самому сильному свету, какой есть и может оказаться полезным, ту часть, которую оперируют, за исключением той части, которую надо скрыть или которую неприлично показывать; таким образом то, что оперируется, должно быть помещено против света. Оператор же должен поместиться против оперируемого, не делая, однако, себе тени: в таком случае оператор будет видеть, а оперируемая часть не будет видна. Удобное положение оператора по отношению

к самому себе: сидя, ноги у него будут под прямым углом; в коленях он их будет держать на небольшом расстоянии друг от друга; колени немного выше паха и раздвинутые таким образом, чтобы можно было туда положить локти или поместить их вне; одежда легкая, хорошо сидящая, ровная, одинаковая в локтях и в плечах. Положение сидящего оператора по отношению к оперируемой части: обсудить степень удаления и близости, высоту и низ, правую сторону, левую сторону и середину. По степени удаленности или близости граница такова, чтобы локти не переходили коленей спереди, а боков—сзади; высота: чтобы руки не были поставлены выше, чем соски; снизу, чтобы оператор не был ниже положения, в котором, опираясь грудью на колени, он имел бы предплечия согнутыми под прямым углом к плечу; то же самое правило и для середины. Что же касается до боковых перемещений, они не должны простираться до того, чтобы заставить покинуть сидение, но, когда будет необходимость повернуться, тело и действующая часть придвигаются. В стоячем положении врач должен исследовать, держась ровно и крепко на обеих ногах, но оперировать, подняв одну ногу, которая не будет со стороны оперирующей руки; высота: чтобы колено было на высоте паха, как в сидячем положении; в остальном правила будут те же. Оперируемый поможет оператору остальным своим телом, стоя, сидя или лежа, способом, в котором ему будет легче всего сохранить надлежащее положение, избегая опускания, отворачивания, покатости. Таким образом, сохраняется как должно и фигура и форма оперируемой части во время осмотра, операции и последующего.

4. Ногти не должны ни выходить за края пальцев, ни быть короче их. Для действий надо хорошо владеть концами пальцев, в большинстве случаев указательным, противопоставленным большому, всей

рукой в пронации, обеими руками в противоположном направлении. Когда расстояние, которое разделяет пальцы, велико, создается счастливое расположение пальцев и большой палец противостоит. Но порок,



Рельеф из афинского асклепейона, изображающий раскрытый хирургический набор с ножами и двойным крючком; по сторонам—банки.

стесняющий употребление пальцев, имеется у тех, у которых с рождения или со времени роста большой палец привык лежать под другими пальцами. Нужно упражняться выполнять каждое дело той и другой рукой и обеими вместе (потому что они одинаковы), стремясь к тому, чтобы действовать хорошо, прекрасно, быстро, легко, изящно, удобно.

5. Для инструментов время и способ действия будут указаны; что же касается места, они должны быть

положены таким образом, чтобы не стеснять оператора и быть взятыми без препятствия возле части тела, которая оперируется. Если их подает помощник, он должен держаться наготове немного раньше и он их подает, когда ему прикажут.

6. Помощники, окружающие больного, поддержат часть, которую нужно оперировать, так, как оператор найдет это удобным; они будут держать остальное тело в неподвижности, молчаливые, слушающие начальника.

7. Перевязок два вида: наложенная и налагаемая. Налагать следует быстро, безболезненно, ловко, изящно; быстрота значит скоро совершить работу; безболезненно—это действовать легко; ловкость—готовность ко всему; изящество—приятность для зрения. Какими упражнениями приобретаются эти качества, было сказано. Наложенная перевязка должна быть хороша и красива; у нее будет красивый вид, если ее части гладки и без складок и если ее повороты правильны; эта правильность существует, если для частей одинаковых и похожих перевязка одинакова и похожа и если в частях неравных и непохожих она не равна и не похожа. Виды ее следующие: простая (круговая), спиральная, восходящая, глаз, ромб или полуромб [1]. Вид должен быть приспособлен к форме и страданию перевязываемой части.

8. Хороши для перевязываемой части два вида перевязки по силе, степени сжимания или количеству бинтов. Одна перевязка сама излечивает, другая служит для поддержки исцеляющих средств. В этом—закон, а самое важное в перевязке следующее: сжатие—таково,чтобы прилежащие части не отставали, чтобы очень не сдавливали, но чтобы они прилегали плотно, не причиняя, однако, боли, менее по краям, но меньше всего по середине повреждения. Узел и шов [2] должны направляться не вниз, но вверх во

всех положениях: при представлении врачу, при перевязывании и последующем укреплении. Концы бинтов не должно набрасывать на рану, но туда, где находятся узлы. Узлы не должны быть в частях, которые переносят усилия, работу; ни там, где пустое место. Узлы и швы должны быть мягкие и небольшие.

9. Нужно хорошо знать, что всякая повязка соскальзывает в сторону частей покатых и заостренных: например, на голове—вверх, на голени—вниз. Перевязывать правые части должно налево, а левые направо, исключая головы, где перевязка будет итти вертикально. Когда нужно применить повязку на частях прямо противоположных, употребляют двуглавый бинт; если употребляют одноглавый, нужно, чтобы он шел на обе стороны от части, сохраняющей постоянное место, какова, например, середина головы или другая подобная область. Подвижные части, например, сочленения, необходимо обертывать в направлении сгиба меньше всего и самыми узкими бинтами, например, подколенную впадину; те же части, которые натягиваются, должны получить повязку простую и широкую, например, надколенная чашка. Следует также сверх того окружить бинтами для удержания всего положенного вокруг этих мест и для укрепления всей повязки неподвижные и более ровные части тела, например, сверху и снизу колена. Для плеча этому соответствует обведение вокруг другой подмышки, для паха—вокруг мягких частей противоположного бока, для голени—вокруг части, расположенной вверху икры. Там, где повязка соскальзывает кверху, ее нужно прикрепить снизу; там, где она стремится вниз, ее нужно прикрепить вверху. Там, где, как на голове, нет места, где можно бы приладить повязку, нужно делать укрепление в наиболее ровном месте бинтами, положенными насколько возможно менее косо, чтобы последний

наиболее крепкий оборот придерживал наиболее подвижные части. Когда же невозможно при помощи бинтов охватить близлежащие части, ни противоположные, то нужно нитками сделать укрепление, обвязывая или сшивая ими.

10. Повязки должны быть чистые, легкие, мягкие и тонкие. Нужно упражняться катать их двумя руками сразу или отдельно одной и другой рукой. Пользоваться соответствующей повязкой, принимая во внимание ширину и толщу частей. Головки и края круговых бинтов должны быть плотны, ровны и хорошо расположены. Повязки, которые должны будут спуститься, хуже тех, которые быстро спускаются; о том, чтобы они не давили и не спускались, достаточно сказанного.

11. Вот действия, которые производят внутренняя повязка, наружная и та, и другая[3]. Повязка служит для того, чтобы приблизить разъединенные части, привести в соприкосновение вывихнутые части, соединенные части развести, выпрямить части искривленные или же произвести обратные явления. Приготовить надо бинты легкие, тонкие, мягкие, чистые, широкие, без швов, шероховатостей, не бывшие в употреблении, чтобы они могли выдерживать натяжение и даже немного посильнее, не сухие, но увлажненные в жидкости, которая подобает каждой болезни. Разъединенные части надо сближать так, чтобы свободные края раны касались друг друга, но не давили. Начинать перевязку следует со здоровой части; оканчивать ее местом раны, чтобы жидкость, которая там находится, была оттуда выталкиваема и чтобы там не собиралось новой. Перевязывать надо прямое в прямом направлении, косое в косом направлении, в положении, которое не производит боли и при котором не будет ни сдавления, ни расслабления, так что, когда положение изменится вследствие взятия на повязку или подставку, не

изменится и останется тем же расположение мускулов, вен, сухожилий, костей. Перевязанная часть должна находиться на повязке (рука) или лежать (нога) в положении безболезненном и естественном. У тех же, у которых нет разъединения, требуется обратное. У кого имеются вывихнутые части, их необходимо свести в общем тем же способом, но сведение должно начаться на довольно большом расстоянии от места повреждения и сжатие должно быть постепенным, сначала наиболее слабое, потом все сильнее; границей служит взаимное соприкосновение. У тех, у кого имеется сближение, удалять части; если же есть воспаление,—наоборот; если его нет, то теми же самыми бинтами вести перевязку в противоположном направлении. Части же, вывернутые, необходимо выпрямить, поступая подобным же образом. Нужно разошедшиеся части сводить; сошедшиеся разводить с помощью перевязки, склеивания и соответствующего положения; противоположному помогать противоположным образом.

12. В переломах нужно употреблять компрессы определенной длины, ширины, толщины и в определенном количестве. Длина—такая, как у перевязки; ширина—три или четыре пальца; толщина—сложенная втрое или вчетверо: количество—достаточное, чтобы обвести кругом без излишка или недостатка. Те, которые служат к выпрямлению больной части, должны быть в длину таковы, чтобы они сделали круг; ширина и толщина их будут определены пустотами, которые нужно стараться не выполнять сразу. Что же касается бинтов, которые употребляются для внутренней перевязки,—их два: первый идет от места повреждения и заканчивается вверху; второй идет от места повреждения вниз и снизу возвращается, чтобы закончиться вверху. Сжатие должно быть самое сильное в месте повреждения; наименьшее—по концам и соответственно на остальном пространстве,

Повязка должна захватить значительную часть здорового места. Бинты, накладываемые сверху: их число, длина, ширина. Число их должно быть таково, чтобы они не уступали действию поврежденного места и чтобы не было ни давления лубка, ни тяжести, ни шатания кругом, ни расслабления повязки. Длина и ширина: они должны иметь три, четыре, пять или шесть локтей [4] в длину; столько же пальцев в ширину. Полосы материи нужно обмотать поверх бинтов, чтобы они не производили сжатия; полосы должны быть мягкие и не толстые. Все это должно быть приноровлено к длине, ширине и толщине больной части. Лубки должны быть легкие, равные, утонченные к концам, немного более короткие вверху и внизу, чем повязка, и с наибольшей толщиной там, где выдаются переломленные части. Во всех частях, изогнутых и по природе лишенных мяса, избегать выступов, например у пальцев, лодыжек, или помещая подходящим образом лубки, или их укорачивая. Укреплять их полосами без сжатия. Сначала необходимо обмазать мазью из воска, нежной, мягкой и чистой.

13. Вода, ее теплота и количество. Узнать степень теплоты, наливая на руку жидкость. Что касается количества, очень обильные обливания превосходны для того, чтобы ослабить и чтобы утончить; умеренные обливания—чтобы увеличить мясо или чтобы смягчить. Мера обливаний—такова: они должны быть прекращены еще в то время, когда часть подымается и прежде чем она спадется, потому что вначале часть вздувается, потом она утончается.

14. Подставка, на которую полагают член, должна быть мягкая, ровная и должна итти, подымаясь, для выдающихся частей тела, каковы, например, пятка и бедро, таким образом, чтобы от нее не происходило ни загибов, ни искривлений, ни отклонений. Желобоватая шина должна быть положена под

ногу целиком, а не наполовину. Нужно, однако, обращать внимание на характер страдания и на все прочее, что вредит.

15. Представление больной части врачу, растяжение, вправление и все остальное должно быть произведено сообразно естественному состоянию. Естественное состояние познается для действий из производства действия, в данном случае из спокойного состояния, обычного и привычного положения. Положение при отдыхе и при расслаблении указывает правильное соотношение частей, например, для руки: обычное положение, степень разгибания и сгибания, например, сгибание предплечья к плечу почти до прямого угла; привычное положение показывает, что не все состояния некоторые части могут переносить, например, ноги—разгибание. В этих положениях продолжительное время можно оставаться легче всего без всякого изменения. В перемене же вследствие вытяжения будут сохранять одинаковые соотношения мускулы, вены, сухожилия, кости, чем лучше они положены и удерживаемы.

16. Вытяжение должно быть наиболее сильное для частей самых больших и самых толстых и там, где две кости переломлены; на втором месте, когда переломлена нижняя кость; еще менее сильное, когда переломлена верхняя кость. Вытяжение более сильное, чем следует, приносит вред, исключая детей. Нужно держать часть немного возвышенной. Об исправлении узнают по сравнению с одноименной, сопряженной, подобной и здоровой частью тела.

17. Растирание (массаж) может разрешать, стягивать, давать мясо или заставлять худеть; твердое растирание стягивает, мягкое—разрешает; частые растирания заставляют похудеть, умеренное—потолстеть.

18. Накладывать перевязки следует, во-первых, так, чтобы перевязанный сказал, что он чувствует

сжатие больше всего на месте повреждения, меньше всего—на концах; надо укрепить, не производя сжатия, множеством бинтов, но не с силой. В этот день и ночь сжатие должно немного увеличиваться; на следующий день оно должно уменьшиться; на третий день ослабеть. На следующий день нужно найти на концах мягкую опухоль; на третий день, когда повязка будет развязана, часть должна казаться уменьшенной в объеме. Это должно представляться при всех перевязках. При второй перевязке нужно посмотреть, была ли она положена правильно; с этого времени нужно стягивать больше и с большим количеством бинтов; при третьей—еще больше и еще с бо́льшим количеством бинтов. На седьмой день после первой перевязки, когда она будет снята, надо найти кости опавшие и подвижные. Нужно наложить лубки и, если части тонкие, без зуда, без язвы, нужно оставить их на месте до двадцатого дня после повреждения, но, если есть какое-нибудь подозрение, нужно снять в середине этого промежутка. Нужно снова накладывать лубки каждые три дня.

19. Наблюдать, чтобы при взятии на повязку (руки), лежании (ноги), перевязывании сохранялось одно и то же положение. Главные формы положений зависят от привычки и от естественного устройства каждого из членов; виды познаются действиями, которые исполняются: бегом, ходьбой, стоянием, лежанием, работой, отдыхом.

20. Что́ упражнение укрепляет, то покой расслабляет.

21. Сжатие производить количеством бинтов, а не силой.

22. В случаях излияния крови, ушиба, спазма или невоспалительной опухоли надо удалить кровь из раны: большую часть кверху, а меньшую—к нижней части тела. Рука или нога должна держаться не в наклонном положении; начало бинта должно

быть положено в месте повреждения; сжимание там наиболее сильное, наименьшее—в концах, среднее—в средних частях. Конец бинта должен вестись к верхней части тела. Удаление крови производится перевязкой, сжиманием, но и в данном случае скорее числом бинтов, чем силой. В особенности в этих случаях нужны бинты тонкие, легкие и мягкие, чистые, широкие, не бывшие в употреблении, как при повязке без лубка. Нужно употреблять обливания в большом количестве.

23. При вывихах, расхождениях, отрывах, отломах или выворачиваниях, кривых, наклоняющихся в другую сторону, нужно оставить без давления место, откуда произошло смещение, и стягивать место, куда оно перешло, чтобы во время перевязки или прежде, чем она будет сделана, перевести часть в положение, противоположное смещенному, и немного дальше естественного. Нужно применять бинты, компрессы, косынки, соответственные положения, растяжения, растирание, выпрямление, обильные обливания.

24. Атрофированные части требуют перевязки, которая обнимала бы много здоровой части для того, чтобы притоком крови эти похудевшие части получили больше того, что они теряют, и чтобы повязка другого рода склоняла их к увеличению и производила восстановление мяса. Еще лучше применить повязку на верхней вышележащей части, например, на бедре, когда атрофирована голень, и вместе с тем перевязать другую здоровую ногу для того, чтобы она была более похожа, одинаково находилась в покое, одинаково была стеснена в питании и получала его. Количеством бинтов, а не сжиманием нужно пользоваться. Освободивши прежде всего части, которые в этом более всего нуждаются, надо применять растирания, вызывающие прирост мяса, и обливания; лубков не применять.

25. Повязки, которые служат для поддерживания и укрепления частей, каковы: грудь, ребра, голова и все то, что требует подобных предосторожностей, применяются: некоторые вследствие болезненного пульсирования для того, чтобы из-за него не происходило трясения, другие вследствие расхождения швов костей черепа для того, чтобы их поддержать, другие же—из-за кашля, чихания и всех остальных движений, происходящих в груди для того, чтобы их сдерживать. Для всех их мера сжатия такая же, как и для перевязок. В месте повреждения сжимание повязки самое сильное; следовательно, нужно поместить снизу мягкую шерсть, соответствующую повреждению. Повязки класть надо, сжимая не больше, чем это нужно, чтобы пульсирование не производило колебания и чтобы конечные края костей, разъединенные, соприкасались взаимно и не для того, чтобы мешать кашлю и чиханию, но они должны укреплять части, не причиняя им никакого насилия и не позволяя им никакого колебания.

1. По объяснению Галена, «простая» повязка (ἁπλοῦν) должна обозначать круговую (ἔγκυκλος), при которой туры бинта точно покрывают один другой.

«Спиральная» в подлиннике обозначается σκέπαρνον—рубанок; она похожа на стружку, т. е. в каждом следующем туре края немного выступают.

«Восходящая», в подлиннике σιμόν, круто поднимающаяся, когда края бинта значительно выступают.

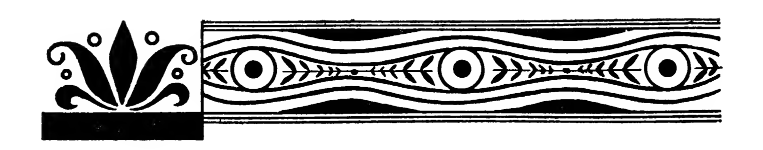
Что касается «глаза» (ὀφθαλμός), то предполагают, что эта повязка соответствует нашей monoculus;

«ромб» (ρόμβος), когда туры бинта перекрещиваются, образуя ромбовидные фигуры; в целом повязка образует четырехугольник. Подробные разъяснения даны Петрекеном (l. c., II, 29).

2. ῥάμμα, шов, стежки, которые делают нитками с иголкой, чтобы удержать перевязку; булавок в то время не было. Весь этот абзац далеко не ясен; он не был ясен и для древних комментаторов.

3. Во всей книге, так же как и в других хирургических сочинениях, проводится различие между внутренней повязкой ὑπόδεσις и наружной ἐπίδεσις. Внутренняя повязка, или перевязка собственно, накладывалась прямо на тело, и назначение ее было, главным образом, лечебно-механическое, как это и объяснено ниже. Наружная повязка удерживала компрессы, пластыри, лубки и т. д.

4. Локоть=0,45 см. Все содержание 12-й и следующих глав в более подробном виде изложено в «Переломах».



О ПЕРЕЛОМАХ

Книга о переломах, περὶ ἀγμῶν, de fracturis, принадлежит к числу лучших книг Гиппократова сборника и громадным большинством комментаторов древности и нового времени приписывается самому Гиппократу. Возражения Эрмеринса нельзя признать основательными. Книга эта по духу своему и манере письма, несомненно, очень близка к таким сочинениям, как «Диэта при острых болезнях» и «Прогностика»; та же полемика против невежества современных врачей, то же вдумчивое отношение ко всем симптомам, детальное, доходящее до мелочей, описание всех приемов лечения, тот же громадный личный опыт. Теоретические спекуляции отсутствуют совершенно, и анатомии приводится ровно столько, сколько нужно для дела. Писал это врач-практик, клиницист с большой личной инициативой, увлекавшийся— следуя вероятно духу времени—механикой и механическими методами вправления. В тесной связи с этой книгой находится превосходящая ее по объему книга «О вправлении суставов», написанная позднее, так как в ней имеются ссылки на первую. Впрочем многие главы книги «О переломах» трактуют о вывихах, и в книге «О суставах» содержатся также главы о переломах. В каком виде они были написаны Гиппократом, представляли ли обе одно целое или части еще более обширного целого, как думают некоторые (Литтре),

об этом можно только гадать, Несомненно то, что в таком виде, как дошли до нас, они имелись в Александрийской библиотеке, а дальше мы ничего не знаем.

Содержание книги по главам таково.

I. Введение

Гл. 1—3. Критика приемов вытяжения и перевязки, практиковавшихся в то время врачами, на примере руки.

II. Простые переломы

Гл. 4—7. Переломы костей предплечья. Подробное описание перевязки и дальнейшего ухода.
Гл. 8. Переломы плечевой кости.
Гл. 9—10. Вывихи костей стопы.
Гл. 11. Вывих пяточной кости.
Гл. 12. Кости голени.
Гл. 13—14. Вывих голеностопного сочленения.
Гл. 15—16. Переломы костей голени.
Гл. 17. Переломы малоберцовой кости.
Гл. 18. Переломы большеберцовой кости.
Гл. 19—23. Переломы бедра.

III. Осложненные переломы

Гл. 24—29. Лечение осложненных переломов.
Гл. 30. Постоянное вытяжение.
Гл. 31. О времени вправления.
Гл. 32—33. Вправление рычагами.
Гл. 34. Отделение секвестров.
Гл. 36—37. Открытые переломы бедра и плеча.
(Гл. 38—48. Вывихи локтя).

Эти последние главы в настоящем издании опущены; они представляют большую трудность для перевода и неменьшую для чтения вследствие необычной для нас и вследствие этого неясной терминологии Гиппократа. Это относится главным образом к определению направления вывиха: квнутри, кнаружи, вперед, назад, вбок и объясняется тем, что исходное положение руки, откуда надо считать эти направления, у Гиппократа было иное, чем у нас. Поэтому, например, Литтре, сам врач, наделал в своем переводе целый ряд ошибок, которые были затем исправлены Петрекеном (см. классификацию вывихов локтя по Гиппократу, Литтре и Петрекену в виде таблиц у Ковнера, стр. 490—91). Вводить чита-

теля в детали этого запутанного вопроса в настоящем издании не представляется целесообразным, а простой перевод будет невразумителен и никому не нужен.

К переводу приложены рисунки, заимствованные у Литтре и поясняющие методы вытяжения конечностей и аппараты, применявшиеся Гиппократом для этой цели. Без них в большинстве случаев трудно представить себе все обстоятельства дела, так как описание, хотя и подробное, для нас все-таки мало понятно вследствие незнакомства с обиходом того времени и живым греческим языком. Это относится в особенности к знаменитой «скамье Гиппократа», которая в книге «О переломах» только рекомендуется, но подробное описание которой дано в книге «О вправлении суставов». Оно приводится здесь в примечаниях.

Книгу «О переломах» комментировали в древности Гален и Палладий; особенно ценны комментарии Галена в 3 частях (XVIII, 2), без которых многие места остались бы непонятными, хотя, с другой стороны, в ряде случаев сам Гален требует исправления. В новое время издания с комментариями были даны Видием (Chirurgia e graeco in latinum conversa, Vido Vidio interprete, Parisiis, 1544), который пытался давать и рисунки, в значительной мере ошибочные; Максимини (Andreae Maximini, De fracturis commentaria, Romae, 1776), Боскильоном (Hippocratis de officina medici et de fractis libri duo, edente Fr. Mar. Bosquillon, Paris, 1816). Затем следует перевод и комментарии Литтре (III, отчасти IV) и, наконец, классический труд Петрекена (Pétrequin, Chirurgie d'Hippocrate, Paris, 1878, 2 v.); на нем базируется изложение хирургии Гиппократа у Ковнера. Французские хирурги XIX в. живо интересовались Гиппократом, и кроме Петрекена надо упомянуть об известном хирурге Мальгене (Malgaigne, Recherches hist. et prat. sur les appareils dans le traitement des fractures, Paris, 1841).

Как высоко ценили они хирургические сочинения Гиппократа, показывает восторженный отзыв Петрекена, который сам был крупным специалистом в этой области, о «Переломах» и «Суставах». Он пишет: «В них на каждом шагу сказывается опытный клиницист, умеющий в самых сложных переломах и самых трудных вывихах схватывать каждый раз наиболее характеристические симптомы и наиболее существенные черты, составляющие главное основание как для местного различительного распознавания, так и для установления истинных показаний и основ рационального лечения. Здесь он выступает вполне опытным наставником, который свысока производит оценку различных методов и оперативных прие-

мов и, разрушая твердой рукой на своем пути все ложные учения, посеянные рутиной и шарлатанством, в то же время восстанавливает значение трезвого наблюдения и с одинаковым успехом ведет полемику и устанавливает практические правила медицинского искусства, предлагая новые методы и новые операции. При этом он везде является тонким наблюдателем, умеющим с необыкновенным искусством разграничивать частные и общие факты, делать выводы и формулировать правила, помимо гипотез, словом установить науку на основании освещенного разумом опыта в сочетании с разумно примененным суждением» (цит. по Ковнеру, 517—518).

Работы филологов за последующее время (Uthoff, Kühlewein) не внесли чего-либо нового, и комментарий Фукса к его переводу «Переломов» сводится всего к нескольким примечаниям.

ЫТЯЖЕНИЕ всех вывихов и переломов врач должен делать возможно больше в естественном положении, ибо это наиболее правильно по природе. Если же что наклонится в ту или другую сторону, то лучше направлять вниз (пронировать), ибо эта погрешность меньше, чем вверх (супинировать). Поэтому те врачи, которые не имеют предвзятых мнений, большею частью нисколько не ошибаются, потому что тот, кому должно сделать перевязку, сам протягивает руку как следует, правильно побуждаемый природой. Врачи же, когда начинают мудрствовать, конечно, и ошибаются.

Итак, небольшая наука лечить переломленную руку, и это всякому врачу, сказал бы я, легко. Но об этом предмете меня побуждает писать больше то обстоятельство, что я знаю врачей, которые из положения руки при перевязке снискали себе славу мудрости, тогда как на основании этого их следовало бы скорее считать невеждами. Но в нашем искусстве и о многом другом судят таким образом, ибо и новое, не зная еще, полезно ли оно, предпочитают привычному, о чем уже знают, что оно полезно, и необычайное предпочитают тому, что ясно для всех. Поэтому следует сказать, какие погрешности врачей я хочу опровергнуть и чему хочу научить относительно природы руки, ибо эта речь содержит учение и о других костях тела.

2. Итак, пусть кто-нибудь подставит для перевязки руку (ибо о ней идет речь) в наклонном положении (пронации). Но врач заставил его держать руку, как это делают стрелки из лука, когда они

выносят вперед плечо, и в таком положении перевязал ее, думая, что это есть для нее естественное положение [1]. В доказательство этого он приводил, что кости локтя расположены друг относительно друга по прямой и что поверхность руки сама по себе имеет ту же прямоту как во внешних частях, так и во внутренних. Так же точно, говорил он, и мышцы, и нервы устроены от природы, и приводил в доказательство искусство стрелков. Говоря и действуя таким образом, он казался мудрецом, но о прочих искусствах, которые исполняют свою работу или силами, или ловкостью, он забыл, не зная, что естественное положение в разных случаях разное, и даже в одной и той же работе, если дело так случится, естественное положение правой руки—одно, а левой—иное, ибо иное естественное положение стрелка, иное пращника, иное в бросании каменьев, иное в кулачном бою, иное в покое. Какие бы кто ни рассматривал искусства, в каждом из них он найдет не одно и то же естественное положение рук, но фигуры рук приспособляются и к соответствующему орудию, которое каждый имеет, и к тому делу, которое он хочет совершить. Для того, кто упражняется в искусстве стрельбы, указанное положение левой руки, естественно, есть самое сильное, ибо при этом положении блоковидный конец плеча, опираясь во впадину локтя, приводит кости локтя и плеча в прямое положение так, как если бы они были одно целое; изгиб сустава при этом положении растянут. Естественно, таким образом, это место, совсем не гнущееся и напряженное, должно не уступать тетиве, которую натягивает правая рука, и не преодолеваться ею. И таким способом стрелок наибольше натянет тетиву и с самым сильным и внезапным напряжением спустит ее, ибо выпущенные таким образом стрелы получают скорость, силу и дальность полета. Но перевязка не имеет ничего общего с искусством стрелять из лука. В самом

деле, кто захочет перевязанную руку так держать, причинит другие боли, далеко бо́льшие, чем рана. Если же прикажет согнуть ее, то ни кости, ни сухожилия, ни мускулы больше не останутся в том же положении, но, преодолевши перевязку, расположатся по-иному. Поэтому какую пользу может принести способ стрелков? И в этом случае, наверно, не погрешил бы мудрствующий врач, если бы позволил, чтобы раненый сам простер свою руку.

3. Другой какой-то врач, поместив руку тылом вверх, в положении супинации, приказал ее вытянуть, и в этом положении перевязывал ее, считая его естественным и заключая об этом из ровной поверхности кожи, и из того, что естественное расположение костей по его мнению таково, ибо кость, выступающая при запястьи руки со стороны мизинца, представляется расположенною в прямоте с той костью, по которой люди измеряют локоть (внутренний мыщелок плеча)[2]. Вот этими-то доказательствами он утверждал, что это есть естественное положение, и, повидимому, он говорил хорошо. Но это положение, если рука будет вытянута в супинации, причинит сильную боль; насколько такое положение болезненно, узнает всякий, кто так протянет свою руку. Действительно, и более слабый человек, охвативши своими руками более крепкого в таком положении, что изгиб его локтя будет обращен вверх, поведет его, куда захочет. И в самом деле, если в этой руке он будет держать меч, то он не сможет им воспользоваться,—настолько насильственно будет такое положение. Кроме того, если кто перевязанную руку оставит в таком положении, то больше будет боль при ходьбе, но бо́льшая будет даже при лежании. Если же кто согнет руку, то по необходимости мускулы и кости получат другое положение. Не знал этот врач, кроме прочих неудобств, этого положения и следующего. Ведь кость, выдающаяся около за-

пястья со стороны мизинца, действительно относится к локтю, но кость в сгибе, от которой люди меряют локоть, есть конец плеча. Он же думал, что та и эта—одна и та же кость; так же думали и многие другие. Но к первой кости принадлежит так называемый локоть, на который мы иногда опираемся. Поэтому у держащего руку в супинации, во-первых, эта кость представляется перевернутой, а кроме того и сухожилия, идущие от внутренней части запястья и пальцев, при положении руки тылом вверх перекрещиваются, так как эти сухожилия направляются к плечевой кости, откуда меряется локоть. Вот такие-то и столь многие ошибки существуют относительно природы руки, и столь велико невежество. Но если кто вытянет переломленную руку, как я советую, тот ту кость, которая лежит при мизинце и простирается к изгибу локтя (локтевую), поворотит в прямом направлении, и сухожилия, идущие из запястья к оконечности плеча, также будут иметь прямое направление. И рука, взятая на повязку, будет в том же положении, как она была перевязана, без боли для идущего, без боли для лежащего и без утомления. Человека же должно так посадить, чтобы часть переломленной кости, которая выдается, была выставлена на самый ясный свет, чтобы не было скрыто от хирурга во время вытяжения, достаточно ли прямо она поставлена. От опытного хирурга и при проведении рукой не скроется выдающаяся кость, но, кроме того, она сильнее всего болит при ощупывании.

1. ПРОСТЫЕ ПЕРЕЛОМЫ

4. (*Переломы предплечья.*) Когда же не обе кости локтя переломлены, то верхняя кость (луч)[3], раненая, допускает более легкое лечение, хотя она толще,—частью потому, что для нее, вместо опоры, протягивается внизу здоровая кость, отчасти же по-

тому, что костная мозоль легче скрывается, если только перелом не случится около кисти, ибо нарост мяса в верхней части больше. А нижняя кость (локоть) и не имеет мяса, и не легко скрывается, и нуждается в более сильном вытяжении. Если же не эта кость будет переломлена, а другая (луч), то достаточно легкое вытяжение. Но где обе кости переломлены, там требуется более сильное вытяжение. У ребенка мне пришлось видеть вытяжение их более надлежащего, но большею частью, однако, они растягиваются меньше, чем требует дело. Во время вытяжения должно вправлять, приложивши ладони [4]. Затем, намазав руку восковым спуском [5] не так много, чтобы не скользили повязки, перевязывать так, чтобы держать конец руки не ниже изгиба локтя, но несколько даже выше, чтобы кровь задерживалась и не приливала к оконечностям. Затем налагать повязку, положивши начало бинта на перелом, укрепляя его, но, однако, не сильно сжимая. Когда же вокруг того же места другой раз и третий обовьешь бинт, то пусть он направляется вверх, чтобы удержать приток крови, и там повязка должна быть закончена. Надо, чтобы первый бинт был недлинным. Другой же бинт начальным концом надо положить на перелом, и, обернувши раз на этом месте, направить затем вниз, меньше сжимая и делая более длинные промежутки для того, чтобы его хватило возвратиться вверх к тому месту, на котором окончился первый бинт. Бинты пусть обводятся справа налево или слева направо в сторону, которая соответствует форме перелома или смещению [6]. После этого должно сверху наложить компрессы [7], обмазанные немного восковым спуском, ибо так они мягче и лучше прилегают. Затем следует перевязать бинтами, направляя их обратно друг другу: один—направо, другой—налево, чаще всего начиная от нижней части вверх, а иногда и сверху вниз. Части утончающиеся надо тщательно окружать ком-

прессами и выравнивать углубления не большим количеством туров сразу, а по частям; следует сделать несколько слабых оборотов и вокруг кисти, там и здесь. Что касается до числа бинтов, то на первый раз достаточно их будет два куска [8].

5. А что правильно уврачеван и удобно перевязан больной, это узнается по тому, что он на вопрос: не жмет ли его, сам скажет, что его жмет, но легко, и это в особенности вокруг перелома. И необходимо, чтобы тот, которого правильно перевязали, все время заявлял, что он так себя чувствует. Должная мера узнается из следующих признаков: в день перевязки и ночью больному должно казаться давление не меньше, а больше; на следующий день должна появиться на конечности руки небольшая отечность, мягкая; это служит признаком умеренного сжатия. Но к концу дня больной должен почувствовать меньшее давление, а на третий день повязки должны казаться ему широкими. И если недостает какого-либо из указанных признаков, значит, перевязка была наложена слишком слабо; а если что будет излишнее, значит, она давила свыше меры; руководствуясь этими признаками, можно на будущее время накладывать повязки или более свободные, или более тесные. На третий же день следует развязать, вытянуть и выправить; и если в первые дни тебе удалась соразмерная перевязка, то ее следует несколько теснее стянуть. Конец бинта следует накладывать на перелом так же, как прежде, ибо, если ты перевяжешь его сначала, ихор выжимается отсюда к концам в ту и в другую сторону. Если же ты стянешь прежде другое место, то оттуда будет двигаться ихор к перелому. Понять это бывает полезно для многих вещей. Поэтому всегда необходимо начинать перевязку и сжатие с этого места, а остальное перевязывать по тому расчету, что чем дальше отступаешь от перелома, тем меньше делаешь сжатие. Но

все-таки обороты никогда не накладывать свободно, а всегда плотно прилегающие. Затем всякую дальнейшую перевязку следует производить бóльшим количеством бинтов. И спрошенный больной должен ответить, что давление несколько сильнее, чем прежде, и больше всего на месте перелома, и в остальных местах соответственно. И в отношении опухоли, и в отношении боли, и в отношении облегчения должно происходить соответственно тому, как и при первой перевязке. Когда же настанет третий день, больной должен почувствовать повязку более свободной. Затем, развязавши повязку, следует опять перевязать несколько теснее, и при этом наложить все бинты, которыми он должен быть перевязан. После этого с больным должно происходить то же самое, что и в первых периодах перевязок.

6. Когда же дело дойдет до третьего дня, который будет седьмым от первой перевязки, то, если перевязка будет правильна, явится отечность на конце руки, и притом не очень большая. А перевязанное место при всякой перевязке будет усматриваться более тонким и тощим; на седьмой же день—даже весьма тонким, и переломленные кости легче передвигаются и приводятся к выправлению. И вот, когда все это так будет, сделавши выправление, следует перевязать, как для наложения лубков [9], несколько больше сжимая, чем прежде, если только не возникает какая-либо боль от отечности на конце руки. Когда же обвяжешь бинты, должно приложить лубки, и как можно больше охватить их возможно свободными повязками, так, чтобы они лежали неподвижно и чтобы приложение лубков нисколько не увеличивало давления на руку [10]. После всего этого в отношении и боли, и облегчения должно наблюдаться все то же самое, что и в первых периодах перевязок; когда же на третий день больной скажет, что повязка свободна, тогда, наконец, следует укрепить лубки, в особенности около пе-

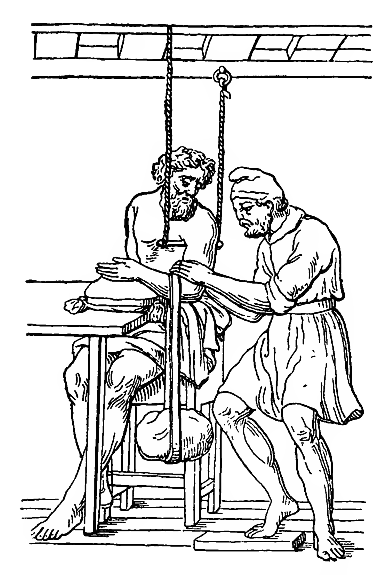
релома, но и в других местах, соответственно тому, где повязка будет свободнее или теснее. Должно, чтобы лубок был толще всего в том месте, где выдается перелом, но, однако, не слишком. И наибольшую должно прилагать заботливость, чтобы лубок ставился не в направлении большого пальца, но с той или другой стороны, и не в направлении малого пальца, где есть выступления кости, но с той или другой стороны. Если же может быть полезно для перелома, чтобы в этих местах приложить некоторые лубки, то должно, чтобы они были короче остальных, так, чтобы не касались костей, выдающихся подле запястья руки, ибо через это угрожает опасность изъязвления или обнажения сухожилий. Следует каждый день весьма осторожно укреплять лубки, памятуя, что лубки прикладываются для укрепления повязки, а не для того, чтобы производить давление.

7. Если же ты убедишься, что во время предшествующих перевязок кости достаточно выправлены, и если нет никакой опасности ни в отношении зуда, ни в отношении изъязвления, то должно так привязанные лубки оставить долее 20-го дня, ибо большею частью в продолжение 30 дней вообще кости предплечья совершенно срастаются; но, однако, нет ничего постоянного, ибо одна природа от другой и один возраст от другого весьма много различествуют. Но, когда ты развяжешь, полезно поливать обильно теплой водой и потом перевязывать, сжимая уже несколько меньше, чем прежде, и меньшим количеством бинтов, чем прежде, и затем на третий день развязать и опять перевязать, меньше сжимая и меньшим количеством бинтов, чем прежде. Но, если после приложения лубков возникает подозрение, что кости неправильно положены, или что-нибудь другое тяготит раненого, тогда должно развязывать и затем перевязывать в половинном промежутке времени или несколько раньше. Диэта

для тех, у которых вначале не делаются язвы или кости не выдаются наружу, достаточно умеренная. Однако, меньшее количество пищи должно употреблять до 10-го дня, в особенности, когда больные сохраняют покой, и должно предлагать мягкие кушанья, которые правильно выводил бы желудок; от вина же и мяса должно воздерживаться; после этого следует постепенно укреплять больных. И настоящая речь полагается мной, как справедливый закон относительно лечения переломов, именно: как с ними должно обращаться и что должно произойти из правильного лечения. Если же что выйдет не так, то следует знать, что в самом лечении что-нибудь или недостает, или сделано лишнее. При этом в настоящем простом способе лечения должно еще обращать внимание на те обстоятельства, которые не особенно примечают врачи, но которые, если неправильно произойдут, могут испортить все лечение и всю перевязку. Именно, если обе кости или только одна нижняя (локтевая) переломлены и рука, перевязанная, поддерживается повязкою, которая большей частью своей будет лежать на переломе, рука же будет висеть оттуда и отсюда, то у нее, по необходимости, кость перевернется в верхнюю часть. Если же при таком переломе костей повязка будет обнимать самую верхнюю часть руки и изгиб локтя, а остальное предплечье будет висеть в воздухе, то кость искривится в нижнюю часть. Поэтому должно, чтобы широкою и мягкою повязкою одинаково ровно поддерживалась большая часть предплечья и кисть руки.

8. (*Перелом плеча.*) Но при переломе плечевой кости, если после протягивания руки будет делаться вытяжение в этом положении, мускул плеча будет перевязан в растянутом виде и, когда перевязанный согнет локоть, этот мускул переменит свое положение. Итак, самое правильное растяжение плеча таково:

должно подвесить дерево длиною в локоть или несколько короче, такое, как бывают ручки у лопат, привязавши его с той и другой стороны веревкой. Человек же пусть сядет на какой-нибудь высокий стул, поместивши руку выше дерева, чтобы ручка под мышкою лежала симметрично, и притом так, что он едва сможет сидеть, но будет немного подвешен. Тогда, положивши на другом каком-нибудь седалище кожаную подушку, одну или несколько, на такой высоте, которая соответствовала бы косвенно помещенному локтю под прямым углом, лучше всего будет, перекинув ремень из широкой и мягкой кожи или широкую повязку, подвесить на них какой-либо тяжелый груз, который производил бы умеренное вытяжение. Или же какой-нибудь крепкий мужчина будет тянуть вниз локоть, находящийся в таком положении, взявши его у самого изгиба. Врач же пусть приступает к рукодействию стоя, поместивши одну ногу на более возвышенном месте, и ладонями рук вправляет кость. И это сделается легко, так как этот способ вытяжения хорош, если его очень хорошо подготовить. После того пусть врач приступает к перевязке, налагая около перелома концы бинтов, и действует во



Растяжение плеча при переломе плечевой кости.

всем прочем так, как мы прежде советовали, и задает те же вопросы и пользуется теми же признаками, чтобы узнать, соразмерно ли давление или нет; и на третий день также пусть перевяжет и сильнее сожмет; на 7-й же день или на 9-й возьмет в лубки. Но если будет подозрение, что кость неправильно расположена, то должно развязать в середине этого времени, и, правильно расположивши кость, перевязать. Кость плеча укрепляется обыкновенно в продолжение 40 дней. Когда эти последние больной перейдет, тогда должно развязать и перевязать менее тесными бинтами и меньшим количеством их. Диэту должно употреблять более строгую и более продолжительное время, чем в первом случае. Руководствоваться надо той отечностью, которая имеется на оконечности руки, принимая во внимание силы больного. Кроме того, должно иметь в виду, что плечо, по собственной своей природе, изогнуто во внешнюю сторону и туда обыкновенно искривляется, если плохо будет лечиться. Также и остальные все кости, в какую сторону естественно изогнуты, туда имеют стремление смещаться, когда лечатся переломы. Поэтому, где есть такое подозрение, следует окружить руку широкими повязками и обвести кругом груди. И, когда больной захочет спать, должно подложить между локтем и ребрами какой-нибудь компресс, много раз сложенный, или что-нибудь в подобном роде, ибо этим способом будет делаться исправление искривленной кости. Однако, должно остерегаться, чтобы она не слишком изгибалась во внутреннюю сторону.

9. (*Вывихи костей стопы.*) Стопа человека состоит из многих и малых костей, так точно, как и рука. Но эти кости обыкновенно не ломаются, если только не ранится вместе с тем кожа от чего-либо острого и тяжелого. Но о лечении этих ран мы будем говорить в той части, где будет итти речь об открытых переломах. Если же что сдвинется со своего места,

или сочленение пальцев, или какая-либо из костей так называемого тарсоса (плюсны), то должно вправить все на свое место, так, как это сказано и для руки [11]. И лечить следует при помощи воскового спуска, компрессов и бинтов, так точно, как и переломы, кроме лубков, таким же образом сжимая и на 3-й день меняя перевязку. Так же следует расспрашивать перевязываемого, как и в переломах, тесна ли или свободна перевязка. Все эти случаи совершенно излечиваются в продолжение 20 дней, исключая кости, которые находятся в соединении с костями голени и в направлении соответствуют ей. Все это время полезно лежать, чего, однако, не исполняют, считая болезнь маловажною, и начинают ходить прежде, чем сделаются здоровыми. И потому весьма многие не выздоравливают совершенно, и естественно, что страдание это часто напоминает им о себе; ведь ступни поддерживают тяжесть всего тела. Когда таким образом ходят еще не совсем здоровыми, то сочленения, приводимые в движение, плохо залечиваются, и по этой причине от времени до времени чувствуются боли в частях около голени.

10. Кости, соединенные с костями голени, больше остальных и требуют, после сдвига их с места, более продолжительного времени для излечения. Однако, способ лечения их тот же самый: следует применять в большом количестве бинты и компрессы и накладывать повязку на все место с обеих сторон; давление производить, как и во всех других случаях, преимущественно на те части, где кость сдвинута, и там прежде всего бинтовать. Но всякий раз, когда повязки развязываются, должно употреблять много теплой воды, ибо во всех повреждениях сочленений этой водой надо обильно поливать. Сжимание и ослабление повязки делаются в те же самые времена, при тех же самых показаниях, что и прежде, и последующие перевязки надо производить таким же образом.

Больные, если не будут тяготиться лежать, совершенно выздоравливают, чаще всего в течение 40 дней. В противном случае они страдают теми же болями, как и предыдущие больные, и еще более сильными.

11. (*Вывих пяточной кости.*) У всех тех, которые, соскакивая с высоты, ударяются пяткой с сильным напором, кости, конечно, расходятся; малые вены, вследствие повреждения плоти около кости, изливают кровь, и является опухоль и большая боль. И в самом деле эта кость—не малая; она внизу выступает над прямой линией голени и имеет сообщение с венами и большими сухожилиями. К этой кости прикрепляется заднее сухожилие ноги. Лечить здесь надо восковым спуском, компрессами и бинтами, и при этом должно пользоваться очень большим количеством теплой воды и весьма многими бинтами, и, кроме того, самыми лучшими и самыми мягкими. Если кожа, которая окружает пятку, по природе будет мягкая, то так ее и оставить; если же толстая и твердая, какая замечается у некоторых людей, то ее должно ровно обрезать, утончить, но, однако, не ранить. Перевязать же хорошо не всякий сможет, ибо, если кто перевяжет таким способом, каким все прочее перевязывается около лодыжек, накладывая туры бинта частью по ноге, а частью по сухой жиле, то такого рода петли отделяют пятку, где есть поранение, и, таким образом, пяточной кости угрожает опасность омертвения. И если это случится, то болезнь будет продолжаться целую жизнь. Действительно, все другие бывающие омертвения, как, например, тогда, когда при лежании, вследствие пренебрежения положением пятки, она чернеет, или если вследствие значительной и долго длящейся раны голени, общей для нее и для пятки, или раны бедра, или вследствие другой болезни больные будут лежать долго на спине, все они одинаково продолжи-

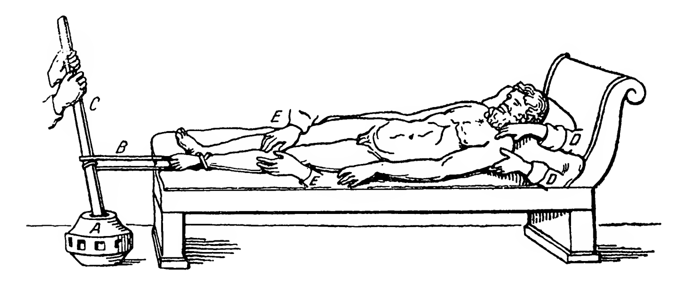
тельны и тяжелы и часто возобновляются, если только они не лечатся при самом лучшем уходе и полном покое. Всякие же омертвения, возникающие таким образом, кроме другого вреда, приводят также все тело в величайшую опасность, ибо появляются лихорадки, весьма острые, постоянные, с дрожанием и икотой, повреждающие ум, и могущие в несколько дней умертвить больного, а также синеватая окраска расширенных вен, кровоподтеки и гангрены вследствие сжатия; это может случиться помимо всякого омертвения. Сказанные явления должно относить к весьма сильным ушибам, но в большинстве случаев ушибы более легки и не требуют особенно большого старания в лечении; однако, и их следует лечить правильно. Но, когда повреждение окажется сильным, тогда и следует делать то, что сказано, и при наложении повязки наибольшую часть оборотов положить кругом пятки, направляя их то к вершине ноги, то к середине, то к частям около голени; следует также захватить повязкой и соседние части с той и другой стороны, как прежде сказано, и сделать несильное, конечно, сжатие, но с большим количеством бинтов. Хорошо также в тот же или на следующий день предложить больному питье чемерицы, а на третий день—развязать и опять повязать. Ухудшается ли болезнь или нет, это узнается по следующим признакам: когда образуются излияния крови из вен, почернения и по соседству с ними небольшая краснота и затвердение, тогда есть опасность, что болезнь ухудшается. Если же больной освободится от лихорадки, то опять должно очистить его сверху, как сказано и как следует делать, когда лихорадка не постоянная. Если же лихорадка будет постоянная, то не очищать, но воздерживаться от кушаний и супов; для питья употреблять не вино, а воду, но с кислосладким напитком[12]. Но если не предвидится ухудшения болезни, тогда кровоподтеки и почернения

и соседние части делаются бледножелтыми и нетвердыми. Это последнее есть хороший признак при всех кровоподтеках, не идущих на ухудшение. Но если они станут синеватыми с затвердением, то есть опасность, что они почернеют. Ногу же следует стараться помещать несколько выше остального тела. Выздоровеет больной, если будет в покое, в продолжение 60 дней.

12. *(Кости голени.)* Голень составляют две кости, из которых одна с одного конца много тоньше другой, с другого—немного. Они соединяются между собою там, где касаются ноги, и имеют общий эпифиз, но по ходу голени они не соединены. Части около бедра соединены и имеют эпифиз, а эпифиз—диафиз [13]. Другая кость (малоберцовая) в той стороне, где она обращена к малому пальцу, протягивается несколько длиннее. Такова природа костей голени.

13. *(Вывих голеностопного сочленения.)* Бывает, что эти кости в той стороне, где они соприкасаются со стопою, вывихиваются, иногда обе кости вместе с эпифизом, иногда так, что эпифиз раздвигается, а иногда отходит и другая кость голени (малоберцовая). Все это, лишь бы только люди были в покое, представляет меньше трудности, чем то, что происходит при вывихе кисти руки. Лечение же в том и другом случае одинаковое. Действительно, и здесь должно делать вправление через вытяжение, как и в тех случаях. Но только это требует более сильного растяжения, поскольку тело в этой части крепче. В большинстве случаев, однако, достаточно бывает двух мужчин, которые тянут в противоположные стороны. Если же они не осилят, нетрудно сделать более сильное растяжение. Именно, закопавши в землю ступицу колеса или другую какую-либо подобную вещь, должно привязать кругом к стопе что-нибудь мягкое, затем кругом обвязать стопу широкими бычачьими ремнями и, привязавши концы их или к пе-

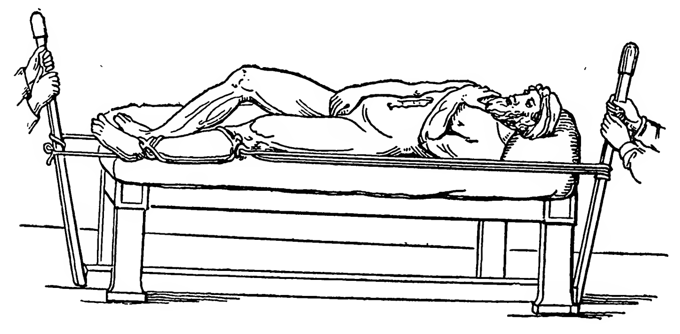
сту, или к другой деревянной палке, вставить конец его в ступицу и отгибать назад; помощники же сверху должны тянуть в противоположную сторону, охвативши плечи и колено. Можно также и верхнюю часть тела твердо укрепить. Если захочешь, то, закопавши в землю глубоко деревянный кол круглый, гладкий, сделай так, чтобы часть его, выдающаяся



Вытяжение при вывихе голеностопного сочленения.
A—ступица; *B*—бычачьи ремни; *C*—отгибаемый пест или палка; *EE* и *DD*—руки помощников оператора, производящие оттяжение в противоположных направлениях у плеч и голени.

поверх земли, поставлена была между ног у промежности для того, чтобы препятствовать телу сдвигаться к тем, которые делают вытяжение со стороны ступней. Затем, чтобы не было наклонения тела к вытягиваемой ноге, кто-нибудь, сидя сбоку, пусть отклоняет зад, чтобы тело не обращалось кругом палки. Можно также укрепить подмышками деревянные колья с обеих сторон, руки же пусть будут растянуты подле тела, а кто-нибудь пусть еще возьмет ногу около колена, и так производи противовытяжение. Можно также по желанию привязать другие ремни к колену или к бедру, другую ступицу колеса закопать около головы и, прикрепивши ремни к какой-нибудь палке, которая будет вставлена в ступицу колеса, делать вытяжение, противоположное тому, ко-

торое делается от ступни. Еще, если пожелаешь, можно вместо ступицы колеса подложить под кровать перекладину умеренной толщины, затем у концов ее, с той и с другой стороны, укрепить деревянные колья и, нагнувши их назад, тянуть ремни. А если хочешь, можно делать растяжение посредством лебедок, помещенных с той и другой стороны. Есть



Вытяжение при вывихе голеностопного сочленения с помощью двух кольев.

и другие весьма многочисленные способы растяжений. Но лучше всего для того врача, который занимается медициной в большом городе, иметь специально приготовленный деревянный аппарат, в котором содержались бы все способы действовать силою, которая прилагается как в переломах, так и в вывихах, и посредством вытяжения, и через действование рычагами. Для этого достаточно будет дерево длиною, шириною и толщиною такое, какими обыкновенно делаются доски дубовые четырехугольные [14].

14. Когда вытяжение достаточно, то вправить сустав уже легко, ибо он поднимается вверх в прямом направлении над прежними местопребываниями. Вправлять надо ладонями рук: одной прижимая смещенную кость, другой производя давление в про-

тивоположном направлении ниже лодыжки. После вправления надо перевязать, если это можно сделать, растянутый сустав; если же препятствуют ремни, то, развязавши их, отвести их в противоположные стороны, пока не сделана будет перевязка. Перевязывать должно тем же самым образом, положивши также концы бинтов на выступающую кость; первые обороты (как можно больше) сделать тут же; большинство компрессов положить на это место и произвести на него наиболее сильное давление. И, кроме того, повязку следует наложить на большое расстояние в ту и другую сторону. Этот сустав при первой перевязке должно больше сжать, чем тот, который на руке. После наложения перевязки перевязанная часть ставится выше остального тела, поместить ее нужно так, чтобы ступня как можно меньше свешивалась. Но истощение тела диэтой будешь делать смотря по тому, насколько тяжел будет вывих, потому что иногда вывихи бывают малые, иногда—большие. Вообще, больше и дольше должно истощать при ранах ног, чем рук, ибо они больше и толще. Кроме того, также необходимо, чтобы тело было в покое и лежало. Менять перевязку сустава на третий день ничто и не препятствует, и не заставляет. В остальном лечить следует так же, как в предыдущих случаях. Но если больной будет выдерживать лежание, то достаточно, может быть, 40 дней, если только кости находятся на прежнем месте. Если же он не захочет соблюдать покой, то с трудом будет пользоваться ногой и принужден будет весьма долго носить повязку. Когда же кости не всецело восстанавливаются на своих местах, но в некоторой части имеется недостаток, тогда с течением времени ляжка, бедро и голень худеют. И если вывих имеется внутри, то похудание делается в наружной стороне, а если снаружи, то во внутренней. Большею частью вывих делается кнутри.

15. *(Переломы голени.)* Когда же обе кости голени будут переломлены без образования открытой раны, то они требуют более сильного растяжения. И если смещения костей велики, то следует употребить какой-либо из прежде упомянутых способов вытяжения. Однако, достаточны могут быть вытяжения, которые мы делаем посредством людей. В большинстве случаев достаточно двух сильных мужчин, которые будут тянуть туда и сюда, в противоположные стороны. Тянуть надо в прямом направлении, сообразно с естественным положением и прямотою голени и бедра, будешь ли ты вытягивать перелом костей голени или бедра. И перевязать следует обе кости в состоянии вытяжения, какую бы из них ты ни перевязывал. Ведь не один и тот же способ перевязки пригоден и для ноги, и для руки, потому что, когда перевязываются переломленные кости локтя или плеча, рука поддерживается на повязке; и если ты перевяжешь ее растянутою, то положение мускулов при сгибании локтя изменится. И в самом деле, невозможно, чтобы локоть долгое время был разогнут, ибо он не привык часто находиться в этом положении, но обыкновенно согнут. Также при поранении руки, когда люди могут ходить, им требуется сгибать руку в локте. Нога же и при хождении, и при стоянии обыкновенно бывает или совсем разогнутой, или почти совсем разогнутой, и по природе опущенной в более нижнюю сторону, чтобы носить остальное тело; поэтому она легко может переносить разгибание, когда это нужно. Даже и в постели она, большею частью, держится в этом положении. Но когда нога ранена, и необходимость подчиняет желание, то, так как люди не могут подниматься, им и в голову не приходит ни согнуть ее, ни встать, но они остаются спокойно в лежачем положении. Итак, по этим причинам не бывает полезен для руки и для ноги один и тот же способ и вытяжения, и перевязки.

Если же достаточно будет вытяжения, которое делается посредством людей, то не должно более понапрасну трудиться, ибо неразумно было бы придвигать машины там, где дело не требует этого. Но если не может быть достаточно растяжение, сделанное людьми, то нужно употребить в дело какое-либо из механических средств, какое будет наготове. Когда же вытяжение сделано достаточно, тогда легко уже выправить кости и привести их к естественному положению, ладонями рук выпрямляя их и приводя в надлежащий порядок.

16. Когда же кости вправлены, то ногу следует перевязать в вытянутом положении бинтами и первые бинты, смотря по удобству, полезно обводить кругом или на правую, или на левую сторону; концы их надо накладывать на место перелома, и здесь делать первые обороты, дальше направляться с перевязкою к верхней части голени, как сказано и о других переломах. Должно также, чтобы бинты для ноги были более широкие и длинные, и в большем количестве, чем для руки. И когда перевяжешь, то ногу надо положить на что-нибудь мягкое и равномерное, чтобы она не поворачивалась ни в ту, ни в другую сторону и не сгибалась вперед и назад. Самое подходящее будет подложить подушку льняную или шерстяную, нежесткую, сделав ее мягче посредине или что-нибудь другое подобное, ибо на счет желобков (желобоватых шин), которые подкладываются к переломленным голеням, я не знаю, что посоветовать: надо ли их подкладывать или нет; они, ведь, полезны, но не настолько, насколько думают те, которые их предлагают, ибо они не содержат голени в покое, как думают, и в то время, когда остальное тело поворачивается в ту или другую сторону, желобки не препятствуют голени следовать за ним, если не постарается об этом сам человек, и, с другой стороны, не препятствуют голени двигаться в ту или другую сто-

рону без остального тела. Да притом неприятным кажется, если подкладывается дерево, если только не положить в него что-нибудь мягкое. При всем том, однако, желобок бывает наиболее полезен, когда перестилается постель и когда больной идет на стул. Итак, дело может и с желобком, и без желобка делаться хорошо или худо. И, однако, народ убежден, что врач не будет виновен в ошибке, если подложится желобок, хотя это и не вполне соответствует искусству. Во всяком случае, нога должна лежать на какомнибудь ровном и мягком предмете, в прямом положении, потому что по необходимости перевязка расстраивается от тех поворотов, которые случаются в расположении члена, куда бы и насколько бы он ни поворачивался. Перевязанный же пусть отвечает на вопросы то же самое, что сказано выше, ибо и повязке надлежит быть такого же рода, и отечности на концах таким же образом появляться, и повязке таким же образом расслабляться, и в третий день также надо сменять перевязку, и также перевязанную часть найти тоньше, и затем перевязки нужно делать более тесными и с большим количеством бинтов; следует также и стопу захватывать более свободной повязкой, если только перелом не подходит достаточно близко к колену. Кости должны вытягиваться умеренно и выправляться всякий раз, как перевязываются, ибо если лечение будет поставлено правильно и опухлость появится по расчету, то и перевязанное место будет становиться тоньше и худее и кости легче будут двигаться и более будут уступать вытяжению. На 7-й же день, или 9-й, или 11-й должно приложить лубки, как сказано об этом в других переломах. Следует остерегаться, чтобы лубки располагались в направлении лодыжек и по сухожилию, которое идет от голени к стопе. Кости голени укрепляются в продолжение 40 дней, если будут правильно лечиться. Но если ты подозреваешь,

что какая-либо кость нуждается в выправлении, или если будет опасность какого-либо изъязвления, то следует в середине промежутка развязать, хорошо разместить и снова перевязать.

17. *(Перелом малоберцовой кости)*. Но если другая кость голени (малоберцовая) будет переломлена, то нужно более слабое растяжение, однако, оно не должно быть недостаточным или делаться небрежно. И в особенности при первой перевязке должно всегда растягивать все переломы, насколько соответствует, или, по крайней мере, как можно скорее, ибо, если будет произведено сжатие перевязкой, когда кости неправильно расположены, это будет угнетать место поранения еще большею болью. Остальное лечение то же самое.

18. *(Перелом большеберцовой кости.)* Из костей та, которая занимает внутреннюю часть голени (большеберцовая), делает лечение более трудным и требует большого растяжения и, если кости не будут правильно сложены, это не может быть скрыто, ибо вся она, лишенная плоти, на виду и когда она переломлена, гораздо позже могут ступать на ногу. Но если наружная кость переломлена, это переносят гораздо легче, а также она легче скрывается, даже если и неправильно будет сращена, так как она покрыта мясом; и на ноги становятся тогда скорее: ведь наибольшую часть тяжести выдерживает кость внутренней стороны голени, ибо и по самому строению ноги, и по направлению тяжести, падающей на голень, большую часть труда выносит внутренняя кость, так как головка бедра, которая поддерживает верхнюю часть тела, расположена с внутренней стороны ноги, а не с внешней, и притом прямо в направлении большеберцовой кости. Вместе с тем и остальная нижняя часть тела ближе к ее направлению, чем к направлению внешней кости. Присоедини к этому то, что внутренняя кость толще внешней, так

же как в предплечье та, которая в прямом направлении соответствует мизинцу (локтевая), тоньше и длиннее.

Но в нижнем суставе кость более длинная (малоберцовая) не протягивается подобным образом, так как сустав локтя и коленный сгибаются различным образом. Итак, по этим причинам после перелома внешней кости начинают ходить скорее, чем после перелома внутренней.

19. *(Перелом бедра.)* Но если кость бедра будет переломлена, то всеми силами должно стараться произвести вытяжение так, чтобы оно не было меньше, чем следует, ибо избыток в этом отношении не принесет никакого вреда. В самом деле, если ты перевяжешь кости, разошедшиеся от силы вытяжения, то повязка не сможет держать кости так, чтобы они расходились; но как только растяжение ослабеет, они опять столкнутся между собою, ибо здесь мышцы толстые и крепкие преодолевают перевязку, а не ею преодолеваются. Итак, в этом случае, о котором идет речь, вытяжение следует делать хорошо, без поворота в сторону и ничего не упуская; ведь большой стыд и вред сделать бедро слишком коротким. Действительно, укорочение руки может быть скрыто, и в этом нет большого греха, а нога, сделавшись короче, сделает человека хромым, ибо здоровая нога при сравнении показывает, что она длиннее; так что для того, кого будут плохо лечить, уж лучше, чтобы обе ноги переломились, а не одна: в таком случае он сам себя будет уравновешивать. Когда же ты достаточно сделаешь растяжение, то следует, вправивши ладонями рук, перевязать таким же образом, как прежде написано, наложивши концы бинтов, как сказано, и ведя их к верхней части перевязки. Больной так же ответит на вопросы, как и прежде; он будет испытывать ту же боль и облегчение, и таким же образом будет снова перевязан. И наложение луб-

ков произойдет также. Бедро же укрепляется в продолжение 40 дней.

20. Сверх того следует иметь в виду, что бедро изогнуто больше к наружной части, чем к внутренней, и больше в передней части, нежели в задней; к этим частям оно и искривляется, когда неправильно идет лечение. И, кроме того, также в этих частях оно менее мясисто, чем в остальных, так что искривление не может скрыться. Итак, если нечто подобное замечено, то должно применить механическое воздействие, как мы советовали при вывихе руки. Кроме того, должно обвести немного бинтов вокруг бедра и поясницы так, чтобы перевязать пахи, а также сустав в так называемом шагу. Это и в других отношениях полезно, а также и для того, чтобы концы лубков, придвинувшись к частям, лишенным повязок, не ранили их. Лубки от обнаженных частей должны всегда достаточно отступать с обеих сторон, и, прикладывая их, всегда должно наблюдать ту осторожность, чтобы они не прилегали к костям, естественно выдающимся около суставов, а также и к сухожилию.

21. Опухоли подколенной впадины или ступни, или другой какой-либо части, поднявшиеся от сжатия, надо повязать большим количеством неочищенной шерсти, хорошо расчесанной, смоченной вином и маслом, предварительно намазав восковым спуском, и, если лубки жмут, скорее распустить их. Ты уменьшишь отечность, если после снятия лубков обвяжешь их многими бинтами, начавши с самых нижних частей и идя вверх, ибо таким образом весьма скоро отек опадет и уйдет под первую перевязку. Однако, этим способом перевязки не должно пользоваться, если не будет опасности образования на опухоли пузырей или почернения (гангрены). Но ничего подобного не случается, если перелом не будет сильно сжат, если он не будет свисать, если не будет поцарапан

рукою, или какое-нибудь другое раздражение не будет действовать на кожу.

22. Но если кто подложит под бедро желобок, который не выйдет за подколенную впадину, тот скорее повредит, чем принесет пользу, ибо он не воспрепятствует двигаться ни телу, ни голени без бедра; с другой стороны, приложенный к подколенной впадине, он будет причинять тягость и побудит больного делать то, что совсем не нужно, а именно: сгибать колено, ибо кто после перевязки бедра или голени согнет колено, тот совсем расстроит систему повязок, так как необходимо будет, чтобы мускулы каждый раз размещались по-иному; необходимо также, чтобы разломанные кости сдвинулись. Итак, больше всего надо стараться, чтобы колено было разогнуто.

Поэтому я считаю, что тот желобок будет в пользу, который будет выдаваться от ступни до седалища, в особенности, если колено вместе с желобком забинтовать свободно, как обыкновенно свивают детей в колыбель. Тогда даже, если бедро изогнется в верхнюю сторону или в бок, оно с желобком лучше удержится. Итак, желобок надо прикладывать сверху донизу или же совсем не прикладывать.

23. Следует очень заботиться о конце пятки, чтобы она имела удобное положение при переломах как голени, так и бедра, ибо, если ступня будет висеть после укрепления остальной ноги, кости в голени по необходимости выгнутся вперед. Если же после укрепления пятки выше, чем следует, остальная голень будет несколько висеть, то кости в ней по необходимости выгнутся сверх меры назад, особенно если пятка человека по своей природе будет велика. Но и кости все будут укрепляться слишком медленно, если, лежа в естественном положении, не будут оставаться неподвижными в том же самом состоянии, и костные мозоли будут слабее.

2. ОСЛОЖНЕННЫЕ ПЕРЕЛОМЫ

24. Все сказанное относится к таким переломам, в которых ни кости не выступают наружу, ни присоединяется какая-нибудь рана. Но тех, у которых имеется простой перелом, не множественный, но кости выходят наружу, причем в тот же самый день или на следующий вправлены и уложены на свои места, и нельзя предполагать, что какой-нибудь обломок отойдет от кости, или также тех, у кого хотя делается рана, а переломленные кости, однако, не выдаются, и перелом не такого рода, чтобы можно было ожидать отделения обломков костей, таких больных некоторые врачи, не делая ни большого добра, ни большого зла, лечат так, что раны покрывают каким-либо очищающим средством, или спуском вместе со смолой, или примочкой для кровавых ран, или чем-нибудь другим, что они обыкновенно применяют [15], а поверх этого они повязывают компрессы, намоченные вином, или немытую шерсть, или что-нибудь другое в этом роде. Когда же раны сделаются чистыми и уже срастутся, тогда пытаются их перевязать большим количеством бинтов и направить лубками. Такой способ лечения, с одной стороны, приносит некоторую пользу, а с другой—не вредит много. Однако, кости не могут укрепляться одинаково на своих местах, но становятся в этом месте несколько толще, чем следовало бы. Они делаются даже короче у тех, у которых обе кости предплечья или голени переломлены.

25. Напротив, некоторые врачи тотчас лечат переломы этого рода перевязками и с обеих сторон накладывают бинты; у раны же они делают перерыв и оставляют ее открытою. Затем прикладывают к ране какое-нибудь очищающее средство и лечат винными компрессами и шерстью. Но этот способ лечения худой, и те, которые им пользуются, поистине не понимают самого главного, как в этих,

так и в остальных переломах, ибо самое главное — знать, каким способом следует наложить начало бинта и в какой части наибольше должно сжать и насколько полезно правильно положить начало бинта и сжать там, где это больше всего необходимо, и насколько вредно положить начало бинта неправильно и сжать не там, где это следует, а с той и с другой стороны. Уже выше было сказано, что происходит от этого в обоих случаях. Но это доказывает и само лечение, ибо после такой перевязки по необходимости поднимается опухоль на самой ране. В самом деле, если здоровая часть тела, перевязанная отсюда и оттуда с оставлением некоторого промежуточного пространства, опухает больше всего в промежутке и делается бесцветною, то почему тому же самому не произойти в ране? Поэтому рана по необходимости сделается бледной, с краями расширенными, сукровичной и нисколько не гноящейся, а кости, и не собиравшиеся омертвевать, отделяются, и будет в ране биение и жар. Является нужда, вследствие опухоли, налагать сверху пластыри, что для больных, которые перевязаны с двух сторон, бывает неудобно, так как к пульсации прибавляется еще бесполезная тяжесть. Но, наконец, эти врачи развязывают повязки, когда зло усилится, и в остальное время ведут лечение без перевязки. Но, несмотря на это, они, если получат другую рану, употребляют тот же способ лечения, так как они не считают причиной их перевязку, сделанную с двух сторон, и открытую рану, но какое-нибудь другое несчастное обстоятельство. И, конечно, я не был бы принужден писать об этом предмете столь много, если бы для меня не было ясно, что такая перевязка вредна и что весьма многими этот способ лечения применяется; важно, чтобы они отучились от этого. И все это свидетельствует, что написанное раньше о том, в каком месте следует или весьма много, или весьма мало сжимать переломы, написано правильно.

26. Должно, вкратце говоря, к тем переломам, относительно которых нет подозрения на отделение (омертвелых) костей, прилагать такой же способ лечения, как и тогда, когда кости переломлены без раны, а также делать как вытяжения и вправления костей, так и ту же самую перевязку. Именно, на рану должно наложить тонкий двойной компресс, намазанный воском смоляным, а ближайшие части намазывать белым спуском. Бинты и все прочее должны быть разрезаны несколько шире, чем тогда, когда раны нет налицо, и тот бинт, который прежде всего накладывается, пусть будет гораздо шире, чем рана, ибо если бинты слишком узки, они опоясывают середину раны, а это совсем не нужно, но первым оборотом должно охватить целиком всю рану так, чтобы с верхней и нижней стороны повязка выступала. Бинт надо накладывать в направлении самой раны, но сжимать несколько меньше, чем если бы раны не было, и направлять перевязку таким способом, как выше было сказано. Бинты всегда вообще должны быть мягкими, но в данном случае мягче, чем при отсутствии раны; количество их не меньше, чем в прежних случаях, но даже несколько больше. Когда больной перевязан, ему должно казаться, что все плотно прилажено, но не сдавлено; и пусть он скажет, что особенно в той части, где есть рана, укреплено сильнее. И в то же самое время ему должно казаться, что все понемножку прилегает сильнее, и чтобы в то же время чувствовалось, что все понемножку делается свободнее, как выше сказано. Затем на третий также день должно развязать и опять перевязать и вообще делать то же самое, что прежде сказано, кроме того, что вообще все это должно сжимать сравнительно меньше. И если все это будет делаться по расчету, тогда место раны и все прочее, что удерживается повязкой, всегда будет оказываться более опавшим и будут более скорые нагноения, чем при другом лечении

ран. Также и кусочки мяса, которые в ране чернеют и омертвевают, скорее при этом лечении, оторвавшись, выпадают, и рана, леченная этим способом, скорее, чем при всяком ином, рубцуется. Причина же всех этих явлений есть та, что часть раненая, а также и вокруг все соседние опадают. Итак, во всем остальном должно прилагать такое же лечение, какое в переломах без раны, но лубков, однако, не надо прикладывать. Поэтому здесь требуется больше бинтов, чем в других случаях, как потому, что здесь меньше бывает сжатие, так и потому, что лубки налагаются позже. Но, однако, если ты их приложишь, то должно наблюдать, чтобы они не налагались по направлению раны и, в особенности, чтобы налагались посвободнее, а также чтобы не было от них никакого ущемления, о чем сказано также и на тех страницах, которые прежде написаны. Диэту, однако, следует установить более строгую, притом на более продолжительное время для тех, у кого с самого начала имеется рана и у кого кости выступают. И говоря вообще, чем тяжелее раны, тем более точной и более продолжительной должна быть диэта.

27. То же самое лечение пригодно и для тех ран, которые после перелома костей не появляются сначала, но происходят уже во время самого лечения или от чрезмерного давления повязок, или от внедрения лубков, или по какой-либо другой причине. Появление раны узнается по боли и по биению; а при этом и опухоль на крайних частях отвердевает, и после надавливания пальцем краснота уничтожается, но скоро опять возвращается. Поэтому, если что-нибудь подобное заметишь, должно развязать; и если под первыми повязками или под другою какою-либо повязанною частью будет зуд, то должно применить смоляной спуск вместо другого. Но если ничего этого не будет, а сама рана окажется раздраженной или слишком нечистой и мягкие части в ней могут

загноиться, а сухожилия отпасть, то таких ран вообще не следует держать открытыми и нисколько не должно бояться этих нагноений, но лечить вообще таким же способом, как и тех, у которых с самого начала образовалась рана. Перевязку бинтами следует начать с опухоли, которая существует на крайних частях, совершенно свободно и затем все время направлять их вверх и никоим образом не сжимать, но плотно укреплять на ране, менее—в остальных частях. Что касается первых бинтов, пусть они будут чистые и не узкие; количество бинтов такое, как если бы перевязка делалась с лубками, или немного меньше. На самую рану накладывается достаточной величины компресс, обильно намазанный белым спуском; если мясо или сухожилие почернеют, то они отпадут. И действительно, подобные раны не следует лечить острыми средствами, но мягкими, как ожоги. На третий день следует переменить повязку, лубков же не прилагать, а также еще более, чем прежде, соблюдать покой и воздерживаться от пищи. Должно также иметь в виду, что когда мясо или сухожилие должны отпасть, то при таком способе это гораздо менее широко распространяется и гораздо скорее идет отпадение, и окружающие части делаются много тоньше, чем в том случае, если кто-либо, развязавши повязки, будет лечить рану каким-либо из очистительных лекарств. Кроме того еще, если то, что имеет гноиться, отпадет, то скорее при этом лечении, чем при другом, выполнится мясом и скорее зарубцуется. Все дело заключается в том, чтобы знать, как сделать правильную и соразмерную перевязку. Но успеху содействуют также и положения членов, если они таковы, какими должны быть, и остальная диэта, и подходящий выбор бинтов.

28. Впрочем, если ты, введенный в заблуждение свежей раной, не рассчитаешь, что должно случиться отделение осколков костей, а между тем окажется,

что они должны отпасть, то никоим образом не должно опасаться этого способа лечения, ибо не бывает никакого большого вреда, если только ты сможешь приспособить своей рукой правильную и безвредную перевязку. Признак, что кости будут отделяться при этом способе лечения, таков: гной в очень большом количестве изливается из раны, и пораженная часть вздувается. Поэтому должно почаще менять перевязку вследствие промокания, так как и вообще больные освобождаются от лихорадки, если не сильно сжимаются перевязкой, и рана с окружающими частями делается тоньше. Те, у кого отходят только очень тонкие кости, не нуждаются в особом изменении ухода, только перевязка у них должна прилегать более свободно, чтобы гной не задерживался, но легко истекал, и почаще, пока кость не отпадет, должно менять перевязку и не прилагать никаких лубков.

29. Но если ожидается отделение более значительной кости, предвидишь ли ты это по началу или узнаешь это после, тогда уже не нужно того же самого лечения. Вытяжения и выпрямления должно делать таким же способом, как сказано выше, но компрессы должны быть двойные, шириною в полчетверти (около 11 см) и не меньше (нужно сообразоваться с тем, какова у кого будет рана), длиною же несколько короче, чем нужно для того, чтобы дважды охватить раненый член, но, однако, значительно длиннее, чем для одного обвода; по количеству же столько, сколько польза дела потребует. Эти компрессы, намочивши вином черным, вяжущим, должно обвернуть кругом раны, начавши с середины, как обыкновенно накладывается бинт с двумя концами, и затем, перекрестивши концы наискось наподобие двойного топора, оставить их. Компрессы должно приложить как на самую язву, так и с обеих сторон ее, и не надо ими сжимать, а только прило-

жить к ране так, чтобы они лежали плотно. На самую же рану должно положить спуск со смолой или какое-либо из веществ, которые прилагаются к кровавым ранам, или иное какое лекарство, которое можно было бы сочетать с увлажнением. И если время летнее, должно смачивать компрессы несколько раз вином, а зимою должно сверху накладывать много неочищенной шерсти, намоченной вином или маслом. Надо также подстилать козью шкуру и стараться, чтобы истечения шли легко, остерегаясь подтеков вниз и памятуя, что эти места, если долгое время будут находиться в одном и том же положении, образуют ссадины, трудные для лечения.

30. (*Постоянное вытяжение.*) Но в отношении тех больных, которые не могут лечиться под повязками ни одним из прежде изложенных способов или о которых будет сказано после, должно прилагать наибольшее старание, чтобы они переломленную часть держали правильно и в прямом положении, наблюдая при этом, чтобы она лучше была выше, чем ниже. Но если у кого есть намерение действовать хорошо и ловко, тот должен приложить к делу механические способы для того, чтобы переломленная часть могла растягиваться правильным и не насильственным вытяжением, и это, в особенности, можно делать на голени. Поэтому некоторые врачи всегда после перелома голени, будет ли наложена какая-либо повязка или нет, привязывают конец ноги к кровати или к иному какому-либо предмету, вкопанному подле кровати. Но они, не принося никакой пользы, причиняют только всяческий вред, ибо, с одной стороны, такое привязывание ноги не приносит никакой пользы для вытяжения,—ведь остальному телу это нисколько не помешает придвинуться к ногам, и таким образом вытяжения не будет, а с другой стороны, это не ведет нисколько к выпрямлению, а, напротив, даже препятствует. Действительно, при по-

вороте остального тела в ту или другую сторону привязь нисколько не препятствует ступне и соединенным с ней костям следовать за остальным телом. Напротив, если нога не будет привязана, то меньше будет ее вращение, так как при движении она меньше будет отставать от остального тела. Вместо этого можно сделать два кольца (шара) из египетской кожи — такие, какие носят те, которые надолго заключены в оковы [16]; и пусть эти кольца с той и с другой стороны будут опоясаны кожаными прикрытиями, более углубленными в сторону раны и более короткими в стороны сочленений; кроме того, пусть они будут хорошо набиты, мягки и так приспособлены, чтобы одно помещалось сверху лодыжек, а другое — внизу колена. С боков же каждое имеет два ушка, довольно коротких, вроде ручек из простого или двойного ремня, расположенных по обеим сторонам лодыжек и голени. Затем надо взять четыре кизиловых прута, равной между собою величины, толщины в палец, а длины такой, чтобы они, согнутые, удобно приходились к ушкам, причем прилагается забота, чтобы верхние концы прутьев налегали не на тело, а на выдающиеся края колец. Прутьев должно быть три набора или и больше, и одни несколько длиннее, другие короче и меньше, для того, чтобы ты мог, если угодно, больше или меньше растягивать. Прутья должно поместить попарно с обеих сторон мыщелков. Это механическое приспособление, если оно хорошо сделано, доставит и вытяжение правильное и равномерное в прямом направлении, и никакой боли не принесет ране. В самом деле, давления, если какие и бывают, отводятся частью к ноге, а частью к бедру, и сами прутья с той и с другой стороны лодыжек правильно помещаются для того, чтобы они не препятствовали положению голени и чтобы рану можно было хорошо осматривать и переносить. Ничто не препятствует, если кто захочет соединить между со-

бою два верхние прута и легко наложить что-нибудь сверху, если желательно, чтобы наложенное было подвешено над раной. Итак, если кольца будут легкие, мягкие и недавно сшитые и напряжение прутьев, как уже сказано, будет сделано правильно, то это будет прекрасный механический аппарат. Если же что-либо из всего этого выйдет нехорошо, то он скорее повредит, чем принесет пользу. Так же точно и другие машины нужно устраивать хорошо или вовсе не устраивать, ибо позор и невежество, если делающий машину окажется неискусным в этом деле механики.

31. (*О времени вправления.*) Далее, большинство врачей лечит в первые дни переломы и с раной, и без раны неочищенной шерстью, и это представляется нечуждым искусству. Поэтому к тем, которые при свежих поранениях принуждены вследствие недостатка повязок употреблять шерсть, должно относиться очень снисходительно, ибо, не имея бинтов, вряд ли кто найдет что-нибудь лучше шерсти для перевязки. Только в этом случае шерсть должна быть в большом количестве, хорошо раздерганная и нежесткая; в малом же количестве и дурная шерсть мало имеет значения. Но те врачи, которые один или два дня считают правильным прикладывать шерсть, а на третий и на четвертый сжимают рану наложением бинтов и тогда, главным образом, делают вытяжение, такие врачи очень мало понимают в медицине и не знают очень важных вещей, ибо на третий и четвертый день, коротко говоря, совершенно не должно трогать все раны и должно воздерживаться от всякого исследования зондом в эти самые дни и от всего другого, чем обыкновенно раздражаются раны, ибо вообще третий и четвертый дни порождают в большинстве ран ухудшение, как те, которые вызывают воспаление и нечистое состояние раны, так и те, которые ведут к лихорадкам. И это правило заслужи-

вает самого великого внимания больше, чем всякое иное, ибо есть ли такой в медицинской практике случай из самых важных—не только в области ран, но и во многих других болезнях,—к которому бы это правило не имело отношения? Пожалуй, кто-нибудь скажет, что и остальные болезни также суть раны. Ведь и эта речь имеет некоторое правдоподобие, так как и одни, и другие во многом сродны. И те, которые считают правильным пользоваться шерстью, пока не пройдут 7 дней, и тогда только вытягивать, вправлять и перевязывать бинтами, не так уже должны казаться невеждами. Действительно, и наиболее склонное к воспалению время пройдет, и после этих дней кости становятся свободнее и хорошо вправляются. Но все-таки далеко лучше этого способа лечения тот, при котором с самого начала перевязывают бинтами, ибо этот последний способ делает на седьмой день больных совершенно без воспаления и подготовляет к окончательной перевязке при посредстве лубков, что при первом способе случается гораздо позже, да он имеет и некоторые вредные стороны, о которых долго было бы все писать.

32. (*Вправление рычагами*). Если же у кого переломленные кости, выдающиеся из кожи, не могут поместиться в свое место, то они вправляются следующим образом: должно сделать железные инструменты, наподобие рычагов, какие употребляются в каменоломнях, с одной стороны более широкие, а с другой—более узкие. Их должно быть три или больше для того, чтобы наиболее приспособленные применить к делу. Их следует применять в одно время с вытяжением, как рычаги, чтобы они нижнею своею частью подпирали нижний отломок кости, а верхнею упирались на верхнюю кость, сказать просто, как в том случае, когда сильно сдвигают рычагом камень или дерево. И пусть эти орудия будут крепки, как только можно, для того чтобы не согнулись. И это вели-

кая помощь, если и инструменты будут пригодны и если действовать ими как следует. Действительно, из всех механических средств, которые изобретают люди для соответственного употребления, наиболее сильными являются следующие три: вращение ворота, действие через рычаг и применение клина. Без приложения какого-либо одного из них или всех люди не могли бы совершить ни одного из дел, требующих великой силы. Поэтому не должно пренебрегать и этим действием через рычаг, ибо кости будут уложены на свои места или этим способом, или никаким другим. Если же отломок кости, которая выдвигается над другим, не представляет удобного места для рычага, а выдается что-нибудь острое, то, выдолбивши кость, надо сделать удобное место для рычага. Применять рычаг и вытяжение следует в тот же самый день или на другой, но не на третий, и менее всего на четвертый или пятый, ибо в эти дни и без вправления одним раздражением можно вызвать воспаление и нисколько не меньше также вправлением. Напротив, даже после вправления кости гораздо чаще делаются судороги, чем после неудачного вправления, и это хорошо нужно помнить, ибо, если после вправления кости являются судороги, надежда на спасение плоха. И тогда полезно вернуть кости назад, если это возможно сделать без тягости, ибо не тогда, когда части лежат просторнее надлежащего, происходят судороги и тетанусы, но когда они сильно натянуты. Возвращаясь к тому, о чем идет речь, скажу, что не должно в вышеозначенные дни наносить больному никакой тягости, но стараться, чтобы рана как можно меньше охватывалась воспалением и скорее переходила к нагноению. По прошествии же семи дней или даже несколько больше, если лихорадки нет и рана не воспалена, препятствий к тому, чтобы сделать попытку вправления, меньше, если только ты надеешься, что можно этого достигнуть;

если же нет, то не следует понапрасну утруждать ни больного, ни самого себя.

33. Итак, ты вдвинул кости на свое место; а способы лечения их были уже описаны, ждешь ли ты отделения омертвелых костей или нет. Следует даже, если ты ожидаешь, что кости будут отделяться во всех случаях, делать перевязку бинтами, начиная обыкновенно с середины бинта так, как делается перевязка двумя концами. Но должно также брать во внимание форму раны для того, чтобы под повязкою она как можно меньше зияла и разворачивалась, ибо иногда удобно вести повязку направо, иногда налево, а в иных случаях начинать с двух концов.

34. (*Отделение секвестров.*) Но если кости не смогли стать на свои места, то следует знать, что они будут отделяться, равно и те, которые совершенно обнажены от мяса. Обнажаются же некоторые кости на верхней стороне, а у иных кругом мясо отмирает, и у одних кости омертвели от первоначальной раны, у других—не от этого; у одних омертвели более, у других—менее; иногда—малые осколки, иногда—большие. Поэтому по сказанным причинам нельзя объяснить одним словом, в какое время кости будут отделяться, ибо некоторые скорее отходят по своей малости, а другие потому, что находятся наверху; иные же совсем не отходят, но, иссушенные и прогнившие, отслаиваются. Кроме того, в этом отношении различаются между собою и способы лечения. Вообще, скорее всего кости отходят у тех, у которых весьма скоро происходит нагноение, и весьма скоро, а также весьма хорошо возобновляется мясо, ибо, если в пораженной части снизу вырастает мясо, оно почти всегда поднимает кости вверх. Однако, если весь круговой отрезок кости отделяется в продолжение 40 дней, то это правильное отделение; иногда оно достигает 60 дней. В самом деле, более редкие кости отделяются скорее, более крепкие—медленнее

а также те, которые меньше, отделяются гораздо скорее этого срока, а другие кости—иначе. Выдающуюся же кость должно отпиливать по следующим причинам: если нельзя ее вдвинуть на свое место, а между тем немного недостает, чтобы она вошла, и если можно ее извлечь, если она будет неуместна и может поранить мясо с какой-либо стороны, если будет причинять тягость при восстановлении и если будет обнаженною, то и в таких случаях следует произвести удаление. Будут ли отпилены остальные кости или нет, это безразлично, ибо нужно хорошо знать, что кости, которые совершенно лишаются мяса и сохнут, всецело отделяются. Но кости, которые должны отслаиваться чешуями, не должны отпиливаться. На основании указанных признаков можно заключить, какие кости должны вполне отделиться.

35. Тех, которые находятся в таком положении, должно лечить посредством компрессов и обливания вином, как и раньше написано об отделении костей. Но должно беречься, чтобы с самого начала не обливать слишком холодным, ибо угрожает опасность озноба с лихорадкой; есть опасность и конвульсий. Действительно, холодные примочки возбуждают конвульсии, а иногда также причиняют язвы. Следует также знать, что по необходимости член делается короче тогда, когда переломлены обе кости и когда лечение происходит так, что одна кость выступает над другою, а также у кого кость отделилась кругом.

36. (*Открытые переломы бедра и плеча.*) Но у кого выдается кость бедра или плеча, те с трудом остаются в живых, ибо кости эти велики и имеют много мозга, а также при этом ранятся многие важные сухожилия, мускулы и вены. И если ты вправишь их, то обыкновенно появляются судороги, а без вправления—лихорадки острые, желчные, с икотой и гангреной. Не меньше надежды выжить тем, у которых и не вправлены кости и не было сделано попыток вправления; скорее еще

выживают те, у которых выдается нижняя часть кости, а не верхняя; могут также остаться в живых (но редко) те, у которых кости вправлены. Ведь способы лечения и природные свойства тела во многом различны, а это именно представляет важность для выздоровления. Большая разница также, если выдаются кости на внутренней стороне руки или бедра, ибо многие и важные растяжения вен проходят по внутренней стороне, поранение которых смертельно; имеются они и во внешней части, но в меньшем количестве. Поэтому не должно оставлять без внимания, почему и какая именно опасность угрожает в случаях этого рода, и это во-время должно предсказывать. Если же ты вынужден вправить кости и надеешься этого достигнуть и если захождение обломков костей друг за друга не велико и мускулы не сходятся вместе, что с ними обыкновенно бывает, то и в этих случаях применение рычага с вытяжением окажет хорошее действие.

37. Когда вправишь, следует дать пить больному в тот же день слабую чемерицу, если произведено вправление в первый день; если же нет, то и предлагать не следует. Рану же надо лечить таким же способом, как при переломе костей головы; не прикладывать ничего холодного и совершенно запретить пищу. И если больной по природе будет желчный, то, примешав к воде немного душистого кисло-сладкого напитка, держи его на этой диэте; если же он не будет желчным, то должно употреблять для питья воду. Но если он будет одержим непрерывной лихорадкой, то его следует выдерживать на этой диэте самое меньшее в продолжение 14 дней; если же будет свободен от лихорадки, то в продолжение 7 дней; затем постепенно, сообразно с расчетом, должно переводить его на умеренную диэту. И тем, у кого кости не будут вправлены, надо предписывать и то же лекарство, и тот же способ лечения раны, и ту же

диэту. Также находящуюся под сомнением часть тела растягивать не должно; напротив, лучше стягивать—для того, чтобы сделалось шире то место, где рана. Отделение костей также происходит продолжительное время, как уже сказано об этом прежде. Самое лучшее всего этого избежать, если есть возможность уйти с честью, так как здесь надежды невелики, а опасностей много: если не вправишь, покажешься неискусным, а если вправишь, то приведешь скорее больного к смерти, чем к спасению.

1. Дело идет о левой руке, которая держит лук в вытянутом положении и находится в положении, среднем между пронацией и супинацией. См. Литтре, III, 417.

2. Локоть—здесь обычная в древности мера длины.

3. Терминология Гиппократа во многих местах представляет затруднения для современного читателя, в особенности в отношении предплечья. Когда Гиппократ называет луч верхней, а локоть нижней костью, он исходит из естественного положения протянутой руки, о чем шла речь раньше.

4. В подлиннике τὰ θέναρα, thenara, т. е. возвышения, соответствующие большому пальцу.

5. Κηρωτῇ; Гален поясняет, что здесь разумеется жидкий спуск, получавшийся из воска, распущенного в масле—оливковом или розовом.

6. Гиппократ употреблял для перевязки два бинта; другие врачи, по словам Галена, три: один—от места повреждения кверху, другой—отсюда же книзу, третий—снизу доверху.

7. О компрессах см. «О врачебном кабинете», гл. 12.

8. Бинты длиною в 3—4—5—6 локтей (локоть 0,45 см), шириной 3—6 пальцев («О врачебном кабинете», гл. 12).

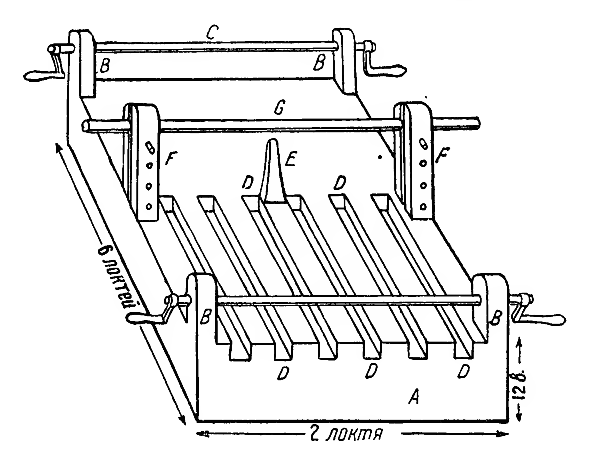
9. Перевязка эта делалась таким образом, чтобы сообщить члену цилиндрическую форму.

10. Лубки (или шины) «должны быть гладкими, ровными, суживающимися на концах, короче сверху и снизу повязки и толще всего там, где выдается перелом» («О врачебном кабинете», гл. 12).

11. О вывихах кисти в этой книге не говорится, это отмечает и Гален. В книге «О рычаге» вывихи кисти помещены за вывихами локтя. Так как книга «О переломах» трактует в конце о вывихах локтя и на этом обрывается, то можно думать о потере следующих глав, которые составитель книги «О рычаге» имел перед глазами.

12. ὀξύγλυκύ, не мед с уксусом (ὀξύμελι), о котором говорится в «Диэте». Напиток этот приготовлялся, по сообщению Галена, таким образом, что в чашку помещали лучшие медовые соты, раздавливали их, наливали чистой воды и затем кипятили, пока не извлекался весь мед. Напиток этот готовили впрок и прибавляли к воде.

13. Диафиз, διάφυσις, здесь обозначает (по Галену) бугор большеберцовой кости (tuberositas tibiae).



«Скамья Гиппократа».

A—четырехугольная деревянная подставка; *BBBB*—поддержки. *CC*—оси воротов; *DDDDD*—пазы, или борозды; *E*—маленький деревянный столбик; *FF*—две деревянные подпорки; *G*—деревянная поперечина в виде ступени.

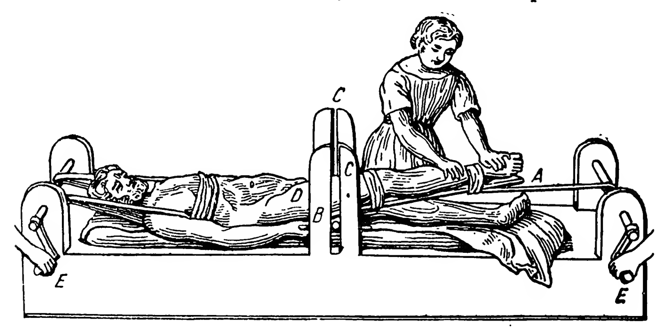
14. Аппарат этот, получивший широкую известность, носит название «скамьи Гиппократа» (scamnum Hippocratis; сам Гиппократ называет его просто ξύλον—дерево). Описание его дано в книге «О вправлении суставов», к которому в двух парижских манускриптах (2247 и 2248) были приложены рисунки. Их обнаружил впервые Vidus Vidius, известный хирург и анатом XVI века, и составил по ним свой рисунок, который опубликовал со своими пояснениями (Chirurgia e graeca in lat. conversa, Paris, 1544). Литтре после тщательного исследования обнаружил неточности в изображении Видия и дал свой чертеж (IV, 44), который здесь приводится. Описание Гиппократа таково.

«Уже раньше было сказано, что врачу, практикующему в многолюдном городе, важно иметь четырехугольную деревянную подставку в 6 локтей (2,6 м) или немного более длины, в 2 локтя (0,9 м) ширины и толщиною достаточно в пядь (0,22). Далее по длине с правой и с левой стороны (т. е. по четырем углам) она должна иметь вырезки, чтобы механизм не стоял выше, чем следует, и затем короткие и крепкие поддержки, плотно прилаженные, которые несут с каждой стороны ворот. Затем на одной половине подставки (можно и на всей) следует вырезать длинные борозды, числом 5 или 6, на расстоянии приблизительно 4 пальцев друг от друга, ширина их достаточна в 3 пальца, глубина—такая же. На середине подставки следует иметь более глубокий четырехугольный паз шириною в 3 пальца, и в этот паз, когда понадобится, вставлять деревянный столбик, снизу приспособленный к отверстию, в верхней же части—округленный; его нужно укреплять между промежностью и головкой бедра, когда это будет найдено полезным. Этот неподвижный столбик препятствует телу подаваться по направлению к тем, которые тянут за ноги; иногда он может служить вместо противовытяжения сверху, иногда же при растяжении ноги в обе стороны; сам столбик, помещенный так, чтобы была свобода в обе стороны, может повернуть, как рычаг, головку бедра кнаружи. Для этой же цели вырезаны и борозды, чтобы деревянный рычаг, вдвинутый в ту из них, которая подходит, мог действовать совместно с вытяжением, если его поставить рядом с головкой сустава или на головку, понадобится ли сдвинуть ее кнаружи или внутрь, понадобится ли рычаг круглый или широкий, ибо для разных суставов подходит разная форма. Это рычаговое действие совместно с вытяжением весьма полезно для вправления всех суставов ноги» (гл. 72)..

В главе 73-й находится добавление к этому описанию: «Большая подставка может иметь посредине сбоку две подпорки шириною приблизительно в фут (0,3 м) и высотою, какая покажется нужной, одну справа, другую слева; в эти подпорки вставляется деревянная поперечина, как ступенька лестницы, затем здоровая нога помещается между подпорками, а больная поверх ступеньки и т. д.». Чтобы дать более наглядное представление о скамье с лежащим на ней больным, мы заимствуем у Литтре еще один рисунок (Л., IV, 301). Он изображает больного с вывихом бедра, которому делается вытяжение и противовытяжение посредством ворота; больная нога положена на доску и поднята кверху.

Следует заметить, что описание Гиппократа благодаря его краткости в некоторых пунктах остается неясным; это

относится, например, к рычагам, которые вставляются в борозды. Не избежал, повидимому, ошибок и Литтре: в его тол-

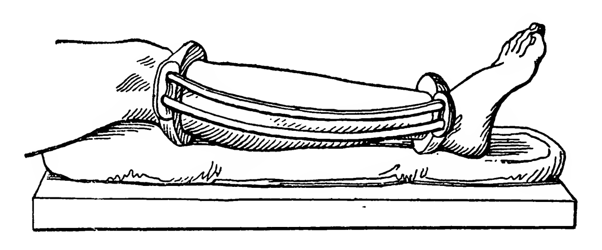


Вытяжение с помощью ворота.

A и *B*—рычаги; *C*—паз, или борозда; *D*—больной член; *EE*—ворота̀, действующие в противоположных направлениях.

кования вносили поправки Рейнгольд и в особенности Петрекен. Подробности об этом можно найти у Ковнера (стр. 499 и сл.).

15. Для лечения ран применялось много различных средств, о которых говорится в книге «О ранах». Для примера



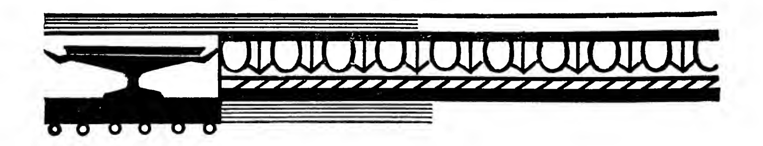
«Кольца» (bourrelets).

можно привести «черное средство для ран», в состав которого входили: виноградные выжимки, приготовлявшиеся в сосуде из красной меди, терпентинная смола, мирра, медный цвет и сода; способ приготовления указан подробно (гл. 12).

16. В подлиннике δύο σφαίρας—два шара, что как-то не вяжется со всем последующим, почему переводчики ставят

«кольца», Ringe, bourrelets. И это описание не отличается особой ясностью, поэтому весь аппарат этот, предназначенный для производства постоянного вытяжения, комментаторы представляли по-разному. Литтре, который посвятил ему несколько страниц (III, 356—365), приводит рисунок, данный Видием (Vidus Vidius), совершенно ошибочный, и дает свой, с помощью которого легко будет разобраться в устройстве целого; что касается колец, то как они изготовлялись, это остается во многом неясным (ср. также перевод Ковнера, стр. 472).

Не следует думать, что затруднения, встречающиеся при попытках воссоздать на основании описания устройство аппаратов, свойственны только книгам Гиппократова сборника. Еще бо́льшие трудности представила реконструкция античных артиллерийских орудий, разных арбалетов, баллист, палинтопов и пр., для которых имелись также описания и рисунки; она потребовала многих специальных исследований филологов и артиллеристов. См. об этом: Дильс, Античная техника, ОНТИ, 1934.



О РАНАХ ГОЛОВЫ

Книга «О ранах головы» περὶ τῶν ἐν κεφαλῇ τρωμάτων, de capitis vulneribus, относится к тому же ядру хирургических сочинений Сборника, к которому принадлежат книги «О переломах» и «О вправлении суставов». Подлинность ее была засвидетельствована всеми комментаторами древности, начиная с Бакхия, и только в новейшее время некоторые ученые (например Дарамберг) стали высказывать некоторые сомнения, руководствуясь, главным образом, особенностями языка и стиля, который немного архаичнее, чем в других произведениях Гиппократа. Но особенности эти, по справедливому замечанию Фукса, не настолько велики, чтобы их нельзя было отнести за счет разного времени писания. С другой стороны, по духу это произведение вполне соответствует другим сочинениям Гиппократа: изложение очень систематичное, последовательное, не упускающее никаких мелочей, основанное к тому же на большом личном опыте и стремящееся передать этот опыт другим. Так пишет опытный учитель. Далее, большое внимание, уделяемое прогностике, некоторые общие приемы лечения, например, предписание производить трепанацию в первые три дня ранения (аналогичные правила даются в «Переломах» и «Афоризмах»), указывают на

школу Гиппократа. Может возникнуть вопрос—который, насколько мне известно, не поднимался—такого рода: откуда мог почерпнуть автор тот громадный материал, которым он располагает? Для этого, повидимому, надо было быть военным хирургом или сопровождать войско в походе; по ряду мест можно заключить, что дело идет о повреждениях, полученных на войне, свежих, которых тыловой хирург не увидит (см. «О враче»). Между тем в биографии Гиппократа таких указаний нет; о сыне его Фессале, например, известно, что он сопровождал отряд Алкивиада во время Пелопонесской войны. На все это можно сказать только, что подлинная биография Гиппократа нам неизвестна и что, проживши много лет, он мог перевидать многое: это вопрос снимает, но, конечно, не решает.

Перед началом книги имеется краткое вступление о важном значении ран головы; оно дошло до нас только в латинских переводах изданий XVI века и считается подложным; перевод его помещен здесь в примечаниях. Содержание книги в общих чертах таково:

Гл. 1—3. Швы и кости черепа, их свойства в разных местах.

Гл. 4—8. Шесть главных видов поранения черепа: 1) перелом костей с ушибом; 2) ушиб; 3) перелом с вдавлением кости; 4) знаки на кости с переломом и ушибом; 5) знаки без перелома; 6) раны не в том месте, где удар (par contre coup).

Гл. 9. Показания к трепанации.

Гл. 10. Расспрос и исследование больного.

Гл. 11. Характер раны в зависимости от свойств оружия.

Гл. 12. Раны в области швов.

Гл. 13—21. Лечение ран: добавочные разрезы, применение лекарственных веществ, выскабливание, трепанация.

Разделение на главы в разных изданиях различно; здесь принято деление по изданию Литтре, как и у Кюлевейна. Комментарий Галена на книгу «О ранах головы» не сохранился. Из новейших лучшим является в издании Петрекена (Chirurgie d'Hippocrate, I, 413).

Литература. У Литтре (III), Фукса (III, 259) и Ковнера.

ОЛОВЫ человеческие совершенно не похожи между собой, и швы головы не имеют у всех одного и того же расположения. Так, у кого есть передняя выпуклость головы (выпуклость есть круглая часть кости, которая выдается больше, чем все остальное), у того швы черепа расположены, как пишется греческая буква «тау»—Т. Действительно, более короткая линия идет поперечно к выпуклости; другая, более длинная, по середине головы тянется в длину до шеи. У того, у кого есть выпуклость в задней части головы, расположение швов противоположно расположению швов предшествующего случая, потому что более короткая линия идет поперечно к выпуклости, в то время как более длинная по середине головы направляется в длину ко лбу. У того же, у кого есть выпуклость головы в двух направлениях—вперед и назад, у того швы расположены, как буква «эта»—Н; из линий две длинные поперечны к одной и другой выпуклости, а короткая проходит в длину середину головы и оканчивается у длинных линий. Тот же, который не имеет выпуклости ни в одном, ни в другом направлении, имеет швы, расположенные как, буква «хи»—Х; из линий одна идет косо к виску, другая проходит в длину в середину головы [2]. Кость в середине головы двойная; самая твердая и самая плотная часть—это верхняя пластинка, где костная поверхность смежна с мясом, и пластинка нижняя, где костная поверхность соприкасается с мозговой оболочкой. По мере того, как удаляются от пластинок

верхней и нижней, приближаются, начиная от частей самых твердых и самых плотных, к частям более мягким, менее плотным и более полым, до тех пор, пока не придут к διπλόη[3], что представляет собой наиболее полое, наиболее мягкое и губчатое. Весь череп, за исключением очень маленькой части, а именно—верхней и нижней пластинки, похож на губку, и кость заключает в своей внутренности много влажных мясных частиц, которые, если сжать между пальцами, дадут кровь. Есть также в кости вены, более тонкие, более полые, полные крови. Таково состояние черепа в отношении твердости, мягкости и порозности.

2. Что же касается толщины и тонкости всей головы, то самая тонкая кость и самая слабая—это темя; в этом месте кость имеет поверх себя наименее мяса и наименьшую толщину, и под низом ее—наиболее значительная масса мозга. Таким образом, из подобного расположения следует, что если раны и ранящее оружие будут равными по величине или меньшими и условия поранений будут похожими или более благоприятными, то кость в этом месте будет более ушиблена, сломлена и более углублена, и рана в этом месте более опасна; ее труднее лечить и труднее избежать смерти, чем при всякой другой ране головы; и с одинаковой раной или меньшей и при условиях подобных или более благоприятных раненый в тех случаях, когда он все равно должен умереть, умирает от раны, находящейся в этой части, раньше, чем от раны, находящейся в другом месте, ибо мозг в области темени наиболее чувствителен, быстрее всего и сильнее всего воспринимает раны, которые получает мясо и кость, потому что в этом месте кость наиболее тонка и мозговая масса значительнее всего. Из других областей самая слабая есть область висков; здесь находится соединение с черепом нижней челюсти, которая пользуется здесь дви-

жением вверх и вниз, как сустав. Здесь также слух находится в соседстве, и от одного конца до другого в височной области направляется вена полая и сильная. Вся кость головы в области, расположенной позади темени и ушей, плотнее, чем в передней части, и мяса больше (и более толстое) имеет на себе эта кость. Поэтому из такого расположения следует, что если раны и ранящее оружие будут одинаковыми и похожими или бо́льшими, то при условии поранения одинаковых или даже менее благоприятных кость в этом месте будет менее изломана и менее ушиблена, так что, если больной вообще должен умереть от раны, тот, который получил рану в заднюю часть головы, умрет в более долгий промежуток времени, потому что нужно более времени вследствие толщины, чтобы гной наполнил кость и проник вниз до мозга, кроме того, под этим местом меньше мозга, и в общем при ранах в заднюю область гораздо большее число избегает смерти, чем при поражении в переднюю часть. Зимой также раненый, если в конце концов он должен умереть от своей раны, живет дольше, чем летом, какова бы ни была область, куда он получил удар.

3. Что же касается знаков[4] от острых и легких оружий, когда они одни в кости, без трещины, ушиба и вдавления (и они точно так же бывают впереди головы и позади головы), то смерть не является их естественным результатом, даже если она наступает. Если шов находится в ране, где кость обнажена, какова бы ни была область, где находится рана, сопротивление поранению и ранящему оружию слабее всего, если оружие вонзилось в самый шов, в особенности, если удар будет нанесен в темя, место головы наиболее слабое, и если швы находятся по соседству раны, то оружие поражает их самих.

4. Кость на голове может быть ранена следующими способами, и каждый способ поранения заклю-

чает несколько видов повреждения: пораненная кость разламывается, и за переломом необходимо следует ушиб в соседних частях, потому что всякое оружие, которое производит перелом кости, в одно и то же время ушибает кость более или менее и в месте перелома, и в частях, которые лежат по соседству с переломом. Это—первый способ. Виды его очень различны. Иногда переломы бывают узкие и очень узкие, до такой степени, что некоторых из них не видно ни немедленно после поранения, ни в дни, когда для больного могла быть польза для страданий и избавление от смерти; другие имеют бо́льшую расщелину и шире; некоторые даже очень широки. Одни больше протягиваются в длину, другие короче; одни идут довольно прямо, другие совсем прямо; одни более изогнуты, другие сильно изогнуты; и одни глубже и проходят через всю толщину кости, другие менее глубоки и не проходят ее насквозь.

5. Кость может быть ушиблена, сохраняя вполне свою целость, так что не присоединяется никакая трещина к ушибу. Это—второй способ. Виды его многочисленны. Действительно, ушиб бывает более или менее сильным; он бывает глубоким и проходит кость во всю ее толщину и менее глубоким и не проходит ее всецело; он распространяется больше или меньше в длину и ширину. Но ни для одного из этих видов нет возможности определить глазами, ни какая может быть форма ушиба, ни какова может быть его величина, потому что в случаях, когда кость ушиблена и произведено поранение, зрение не в состоянии различить тотчас после полученного удара, есть ли или нет ушиба, точно так же, как оно не различает некоторых переломов, расположенных вдали от раны.

6. Кость может потерять свое естественное положение и вдавиться в то же самое время, как она переламывается, потому что иначе она не вдавится. Часть, которую разбил удар и отделил, вдавливается

в середину, в то время, как остальная кость сохраняет свое естественное положение. Таким образом, перелом соединяется с вдавлением; в этом состоит третий способ. Виды его многочисленны, потому что кость вдавливается на большем или меньшем пространстве; она вдавливается больше и на бо́льшую глубину; она вдавливается меньше и остается более поверхностной.

7. И знак от оружия делается на кости; знаком называется, когда при сохранении костью естественного положения ударяющее оружие сделало заметным место, где оно ударило. Знак, произведенный в кости ранящим оружием, может соединиться с переломом, и, если есть перелом, необходимо следует и ушиб более или менее сильный и в месте, где находится знак и перелом, и в частях кости, которые находятся по соседству со знаком и переломом. Это—четвертый способ. Может случиться, что будет знак с ушибом кости, но без того, чтобы какой-нибудь перелом осложнил знак и ушиб, произведенный ранящим орудием,—это пятый способ. Каждый способ заключает в себе несколько видов. Что же касается ушиба и перелома, в том случае, когда оба осложняют знак или же ушиб один его осложняет, уже было указано, что существует несколько видов как ушибов, так и переломов; знак же сам по себе бывает или более длинный, или более короткий, или более извилистый, или более прямой, или более круглый, представляя много других видов этого рода, смотря по форме ранящего оружия. Знаки проникают также более или менее глубоко в кость, бывают узкими или широкими или даже очень широкими, смотря по надрезу. Надрез, который производит ранящее оружие, какова бы ни была его длина и ширина в кости, есть знак, что остальная кость, находящаяся в соседстве, сохраняет свое естественное положение и не оторвалась и не вдавилась в глубину надре-

зом; в противном случае будет вдавление и не будет знака.

8. Кость может быть ранена и в другом месте, чем то, в котором у раненого находится рана, или то, где кость была обнажена от мяса. Это—шестой способ. И это несчастие, если оно происходит, не поддается никакой помощи, потому что в случае, когда это зло существует, невозможно определить, испытал ли его раненый и в каком месте головы.

9. Между этими видами поранений те, к которым применяется трепан, следующие: ушиб видимый или невидимый и перелом видимый или невидимый. Точно так же, если знак был произведен в кости ранящим инструментом и к нему присоединяется перелом и ушиб или только ушиб без перелома, то и в этом случае требуется трепан[5]. Но когда кость, выведенная из своего естественного положения, будет вдавлена, то лишь немногие из этих случаев требуют трепана, и чем больше кости будут вдавлены и раздроблены, тем менее необходим трепан. Знак, сам по себе, без перелома или ушиба, точно так же не нуждается в этой операции, как и надрез тоже не нуждается, если он велик и широк, потому что надрез и знак одно и то же.

10. Сначала нужно исследовать раненого, рассмотреть, в каком месте головы находится рана, находится ли она в частях самых крепких или в частях самых слабых, и узнать, в каком состоянии находятся волосы вокруг раны, порезало ли их ранящее орудие и попали ли они в рану. И если это будет так, можно сказать, что кость рискует быть обнаженной от мяса и испытать поранение от оружия. Это следует раньше обсудить и высказать, еще не касаясь человека, потом, касаясь его рукою, постараться узнать положительно, действительно ли кость обнажена от мяса или нет, и если обнаженная кость доступна зрению, то это хорошо; если нет, то иссле-

довать зондом. Если найдут кость обнаженной от мяса и раненной ударом, то диагносцируют сначала состояние кости, рассматривая, во-первых, как велико зло и какой операции оно требует. Нужно расспросить также у больного, от какого оружия им получена рана и каким способом. В тех случаях, когда не различают, пострадала или нет кость, еще больше необходимо расспросить больного, если кость обнажена, чтобы знать, как произведена рана и каким способом, ибо, если дело идет об ушибах и переломах, которые не очевидны в кости, но которые тем не менее существуют, то прежде всего на основании ответов больного надо стараться диагносцировать, испытала ли кость какое-либо из этих поранений, потом уже доказывать рассуждением и делом, исключая употребления зонда. Зонд в действительности не показывает, испытала ли кость какое-либо поранение или же кость не пострадала, но он обнаруживает знак оружия, а также, вдавлена ли выведенная из своего естественного положения кость и сильно ли она переломлена, что, впрочем, узнается и зрением вполне очевидно.

11. Переломы очевидные или не очевидные, ушибы очевидные или не очевидные, вдавливания кости, смещенной из своего положения, производятся в особенности, когда субъект был ранен другим и рана была сделана с намерением или когда нанесенный нарочно или ненарочно удар, какой бы он ни был, от руки или дротика, является с места более высокого, или когда на равной высоте он нанесен человеком, который в совершенстве владеет оружием, которым он управляет, и когда, поражая рукой ли или оружием для метания, более сильный поражает им более слабого. Если кость и близлежащие части поражены падением, то чем с большей высоты и на более твердое и более тупое тело падают, тем бо́льшая опасность, что кость будет раздроблена, контужена

или вдавлена. Тот же, который падает на почву менее неровную и на тело более мягкое, испытывает менее тяжелые поражения или не испытывает их совсем. Если же это ранящее оружие, падая на голову, ранит близлежащие части и кость самое, то от оружия, падающего с большой высоты, а не с равной, от орудия более твердого, наиболее тупого, наиболее тяжелого, наименее мягкого, наименее острого, наименее легкого, кость будет раздроблена и ушиблена. Этих случаев в особенности нужно бояться для кости, когда удар—прямой и кость была ударена перпендикулярно оружием, держали ли его в руках или оно было пущено, упало ли оно само на голову или больной сам ранил себя, падая,—одним словом, каков бы ни был способ поранения, лишь бы оружие действовало перпендикулярно на кость. Наоборот, ранящие оружия, которые касаются кости косо, менее способны переломить, ушибить и вдавить кость, даже в том случае, если они ее обнажают. Некоторые из этих ран, произведенных таким образом, не обнажают даже кости. Что же касается ранящих оружий, те, которые производят в особенности переломы явные или невидимые ушибы или вдавливания кости, то это предметы круглые, в форме шаров, не острых, но притупленных или тупых и которые в то же время тяжелы и тверды; они ушибают мясо, размозжают и раздавливают. Раны, которые происходят от этого сорта оружий, то удлиненные, то круглые, становятся полыми; они больше гноятся; они влажнее и требуют больше времени для своего очищения. Нужно, ведь, чтобы ушибленное и сдавленное мясо превратилось в гной и расплавилось. Ранящие оружия, удлиненные, будучи вообще тонкими, острыми и легкими, разрезают мясо больше, чем ушибают; то же самое происходит и с костью; они в ней делают знак и порез (разрез и знак одно и то же), но они совершенно не способны ушибить, переломить или вдавить кость.

Кроме осмотра, который будет произведен тобой самим, какой бы вид ни представляла кость, нужно осведомиться обо всех обстоятельствах (потому что это настолько же признаки большей или меньшей тяжести раны). Точно так же ты осведомишься, был ли раненый оглушен ударом, потемнело ли у него в глазах, испытал ли он головокружение и не упал ли он.

12. Когда кость окажется обнаженной от мяса ранящим оружием и рана занимает область швов, трудно различить знак, который был бы видим в остальной кости, и узнать, существует ли он в кости или его там нет, в особенности, в случае, когда швы сами служат местом знака раны, потому что шов, будучи более неровным, чем остальная кость, обманывает зрение, и недостаточно ясно, где шов и где знак оружия, разве только знак не будет очень большим. Чаще всего присоединяется перелом к знаку, который находится в швах, и тогда сам перелом в сломанной кости становится более трудным для распознавания, потому что шов в большинстве случаев сам по себе является местом перелома, если только есть перелом. Действительно, кость там предрасположена к перелому и к разъединению вследствие слабости и рыхлости своего построения в этом месте и также вследствие того, что предрасположение к перелому и разъединению существует в швах; остальная кость, лежащая вблизи шва, остается без разрыва связи частей, потому что она более крепка, чем шов. Перелом, который образуется в шве, есть также разъединение, и не легко сказать, когда знак, произведенный в шов ранящим инструментом, переломил и разъединил кость, когда это разъединение является результатом ушиба, полученного в шов. Но перелом как результат ушиба еще труднее распознать. Суждение и зрение врача бывают обмануты теми швами, которые представляют вид перелома и которые более

неровны, чем остальная кость, если только порез и расхождение не будут значительны. Порез и знак одно и то же. Но если удар находится в области швов и если ранящее оружие попало на кость и в кость, нужно, приложив все свое внимание, открыть, какое повреждение получила кость. Ведь от ранящих оружий, равных по величине и похожих или даже гораздо меньших, при ране одинаковой или даже гораздо меньшей, кость тем не менее испытывает повреждение, гораздо более значительное у того, кто получил удар в швы, чем у того, кто такого удара не получил. Большинство из этих случаев следует трепанировать; самые же швы трепанировать не следует, но, отступя, в ближайшей кости произвести операцию, если ее делаешь.

13. Что касается лечения ран головы и способа обнаружить повреждения, которые испытала кость и которые не очевидны, то вот каково мое мнение: рана головы не должна быть ничем увлажняема, даже вином, но нужно воздерживаться от применения какой бы то ни было жидкости; не нужно употреблять припарок, не нужно лечить корпией, не нужно употреблять повязок, если только рана не находится на лбу, в области, лишенной волос, или вокруг брови и глаза. Рана, которая занимает эти места, более нуждается в применении припарок и повязок, чем раны какой бы то ни было другой части головы; остальная часть головы окружает, действительно, весь лоб, и из этих окружающих частей раны, каково бы ни было их положение, притягивают воспаление и опухоль через приток крови. Не нужно, однако, даже при ранах лба беспрестанно применять припарки и повязки, но, когда воспаление прекратилось и опухоль опала, прекращают применение этих средств. Что же касается ран в остальной части головы, туда не надо класть ни корпии, ни припарок, ни повязок, если только там нет необходимости произвести разрез.

Разрез необходимо производить при ранах головы и ранах лба, когда кость обнажена от мяса и, кажется, испытала какое-нибудь повреждение от действия ранящего оружия, раны же не особенно длинны и не особенно широки, чтобы позволить различить, пострадала ли кость, в чем она пострадала, насколько мясо ушиблено и как кость повреждена и обратно, цела ли кость и совсем не пострадала от ранящего оружия, наконец, и для лечения, какого требует рана, мясо и повреждение кости. Таковы раны, которые требуют разреза. И если даже кость будет обнажена от мяса, а рана несколько вогнута вкось, необходимо сделать разрез в глубине в том месте, где лекарство, каково бы оно ни было, не достигает легко. Но раны, более круглые и значительно вогнутые, и другие в этом роде, должны насекаться в двух противоположных точках окружности пропорционально росту человека и чтобы рана сделалась длиннее. В разрезах, применяемых на голове, в то время, когда все остальные места могут быть разрезаемы с уверенностью, на виске и на части выше виска в длину вены, которая проходит через виски, не надо резать, потому что оперируемый бывает охвачен конвульсиями. Если разрез сделан на левом виске, конвульсии наблюдают на правой стороне, а если разрезы сделаны на правой стороне, конвульсии бывают на левой.

14. Когда разрезаешь рану головы вследствие обнажения кости из желания узнать, потерпела ли кость какое-нибудь повреждение от действия ранящего оружия или кость не пострадала, нужно применить разрез настолько большой, насколько считаешь достаточным. Произведя его, нужно отделить мясо от кости в том месте, где она соединена с надчерепной плевой и с черепом; вслед за этим нужно наполнить всю рану корпией, которая к следующему дню сделает рану насколько возможно шире с наи-

меньшей болью. После вкладывания корпии нужно приложить на такое же время, как и корпию, припарку, составленную из теста, сделанного из тонкой ячменной муки, которую нужно замешать в уксусе, сварить и сделать по возможности наиболее клейкой. На следующий день, когда вынешь корпию, чтобы рассмотреть, что произошло с костью, то в случае, если ты не откроешь, какого рода повреждение там существует и не узнаешь даже, повреждена ли она или не повреждена в чем бы то ни было, а по предположению, тем не менее, ранящее оружие достигло кости и ранило ее,—необходимо скоблить распаторием[6] в глубину и в ширину, соответственно сложению человека, и затем косо вследствие переломов невидимых и ушиба невидимого, который оставляет кость на своем месте и не вдавливает ее. Скобление очень хорошо для обнаружения повреждения, когда, впрочем, существование этих повреждений в кости не очевидно. К тому же, если ты там увидишь знак, произведенный оружием, нужно поскоблить его самого и соседнюю кость из опасения (что часто бывает), чтобы прободение не было осложнено переломом и ушибом или одним ушибом и чтобы эти повреждения, не будучи явными, не ускользнули от тебя. После того, как ты поскоблишь кость распаторием, если ты находишь, что трепанация требуется повреждением кости,—следует ее применить и не дать пройти больше, чем трем дням, без применения этой операции, но прибегнуть к ней в эти дни, в особенности во время жары, если ты берешь лечение раненого с самого начала. Если же ты подозреваешь перелом или ушиб или же то и другое, узнав из речей раненого, что удар был жесток и что тот, кто его нанес, если рана сделана другим,—сильный, если ты узнаешь, что ранящее оружие принадлежит к числу опасных, затем если узнаешь, что раненый испытал головокружение, что у него потемнело в глазах, что

он был оглушен и упал, в этом случае, если ты не распознаешь, была ли кость переломлена или ушиблена или переломлена и ушиблена и если, несмотря на все усилия, ты не сможешь ничего увидеть, нужно, полив на кость расплавляющее вещество, самое черное, намазать рану черным лекарством [7], тоже растопленным, после чего нужно положить на рану тряпочку, смоченную в растительном масле, после этого нужно применить припарку из ячменного теста и повязку. На следующий день нужно все снять, вычистить рану и опять соскоблить ее. Если вместо того, чтобы быть не тронутой, кость переломлена и ушиблена, вся здоровая часть останется белой после соскабливания, но перелом и ушиб, будучи пропитаны лекарством, которое растворилось и которое черно, дадут цвет черный посредине остальной кости, которая будет бела. Опять нужно соскоблить в глубину этот перелом, который оказывается черным, и если скобление изгладит его и заставит исчезнуть, ты имеешь дело с ушибом кости более или менее сильным, который в то же время произвел трещину, которую скобление стерло. Но перелом, который исчезает таким образом, должен возбудить менее опасений и причинит менее хлопот; если же, наоборот, он распространяется в глубину и не желает исчезнуть при скоблении, то такое несчастное обстоятельство требует трепанации. После операции нужно лечить рану во всем остальном.

15. Нужно остерегаться, чтобы кость не испытала чего-нибудь дурного от мяса, если оно плохо лечится. Действительно, кость, трепанированная или обнаженная другим способом, здоровая или кажущаяся такой, в то время, как она испытала какой-либо вред от ранящего оружия, больше подвергается опасности нагноиться (если бы при других обстоятельствах этого и не было), если мясо, охватывающее кость, лечится плохо, воспаляется и сдавливается,

ибо в нем делается жар, сильное воспаление. В этом состоянии кость притягивает из окружающего мяса жар, воспаление, волнение, пульсирование и вредные вещества, каковы бы они ни были, которые находятся в самом мясе; и вот каким образом отсюда происходит нагноение кости. Плохо также, если мясо раны влажно и грибовидно и требует много времени для своего очищения. Поэтому нужно перевести рану возможно скорее в нагноение. Таким образом, окружающие части испытают наименьшее воспаление, и рана очищается быстрее всего потому, что по необходимости мясо, разрезанное и ушибленное ранящим оружием, нагнаивается и исчезает. По очищении раны нужно, чтобы она стала более сухой: таким образом она вылечится быстрее всего разрастанием сухого, лишенного влажности, мяса, и рана не покрывается наростами дикого мяса. То же самое относится к оболочке, окружающей головной мозг. Действительно, если, отпиливши кость и снявши ее с мозговой оболочки, обнажить последнюю, то нужно ее очистить и высушить насколько возможно быстрее, чтобы она не оставалась влажной достаточно времени, чтобы стать губчатой и набухшей, потому что, если это случится, нужно опасаться, чтобы она не подверглась гниению.

16. Часть кости, которая в конце концов должна отделиться, как следствие раны головы и знака, произведенного ранящим оружием и вообще вследствие значительного обнажения кости, отделяется обыкновенно, становясь бескровной, ибо кровь высыхает в кости от действия времени и большинства лекарств. Отделение кости будет тем быстрее, чем, очистив рану возможно скорее, высушить повсюду ее и часть кости—маленькую или большую. Действительно, кость, быстро приведенная в состояние сухости и чешуйчатости, отделяется лучше всего вследствие этого от остальной кости, которая со-

храняет кровь и жизнь, сделавшись сама бескровной и сухой.

17. В случаях вдавливания переломанных или широко разорванных костей меньше опасности, если мозговая оболочка не тронута; чем многочисленнее и шире переломы, тем меньше опасности и тем легче извлечь осколки. Не нужно трепанировать ни в каком из этих случаев и не делать рискованные опыты извлечения прежде, чем осколки не поднимутся произвольно после предварительного спадения опухоли. Они поднимаются вверх, когда мясо подрастает; мясо же растет и из двойной пластинки кости, и из здоровой кости, если верхняя пластинка кости только одна омертвеет. Таким образом весьма быстро мясо будет расти и давать отпрыски и кости поднимутся, если возможно быстро сделать, чтобы рана прошла через нагноение и очистилась. Если кость целиком со своими двумя пластинками, верхней и нижней, была вдавлена в мозговую оболочку, то при подобном лечении рана будет вылечена быстрее всего, и кости, которые были вдавлены, поднимутся быстрее всего.

18. У детей кости тоньше и мягче, потому что они имеют больше крови; они полы и пещеристы, неплотны и нетверды. При ранящих оружиях, равных или более слабых, при ранах, одинаковых или меньших, кость мальчика нагнаивается быстрее и в меньшее время, чем кость юноши; и когда, впрочем, смерть должна быть результатом раны, более молодой умрет быстрее, чем более старший. Если кость была обнажена, нужно приложить свое разумение, чтобы постараться различить то, что неявно для глаз, и распознать, переломлена ли и ушиблена ли кость или же только ушиблена и, если ранящее оружие произвело знак, присоединился ли к нему ушиб или перелом, или оба они вместе. Если кость испытала какое-нибудь из этих повреждений, нужно дать выход

крови, просверливая умеренно, с осторожностью кость маленьким трепаном, потому что у молодых кость тоньше и более поверхностна, чем у старших.

19. Если раненый должен умереть от раны головы и его невозможно вылечить и спасти, то вот признаки, по которым можно узнать того, кто предназначен к смерти, и по которым можно предсказать, что должно случиться. Вот что испытывает больной. Когда врач, не распознав в кости перелома или трещины, ушиба или какого бы то ни было повреждения, ошибается и не производит скобления и трепанации в случае, когда это необходимо, и оставляет больного, как будто бы кость была здорова, лихорадка обнаруживается обычно раньше истечения 14 дней зимою, летом же—после 7 дней. Когда это произойдет, рана обесцвечивается, оттуда вытекает немного сукровицы и воспаление в ней замирает; рана становится липкой; она получает вид солонины; цвет красный, немного синеватый. С этих пор кость начинает омертвевать; из белой (какой она была) она становится черноватой, в конце имеет желтоватый или беловатый цвет. Если она уже пропитана гноем, фликтоны образуются на языке, и больной умирает в бреду. Он охватывается конвульсиями, у большинства больных—с одной стороны тела: если рана находится на левой стороне головы, конвульсии охватывают правую сторону тела; если рана находится на правой части головы, конвульсии охватывают левую часть. Некоторые даже поражаются апоплексией. И при таких явлениях смерть наступает раньше 7 дней летом и раньше 14 дней зимой. Значение этих признаков одинаково, будет ли рана у более взрослого или у более молодого. Поэтому необходимо, как только ты узнаешь о наступлении лихорадки и присоединении какого-нибудь из других признаков, не медлить, но трепанировать кость до мозговой оболочки или скоблить ее распаторием (тогда легко тре-

панировать и скоблить); потом в остальном лечить больного согласно тому, что кажется необходимым, смотря по обстоятельствам.

20. Когда при ране головы—была ли сделана трепанация или нет, но во всяком случае кость была обнажена—образуется красная и похожая на рожу опухоль на лице, на обоих глазах или на одном и, если прикосновение к ней болезненно, если наступит лихорадка и озноб, а рана тем не менее имеет хороший вид как со стороны мяса, так и со стороны кости, если соседние части раны находятся в хорошем состоянии, исключая припухлости, которая на лице, и если к опухоли не присоединяется никакой ошибки в остальном режиме, нужно прочистить нижние пути слабительным, которое выводит желчь. После этого очищения лихорадка уступает, опухоль спадает, и здоровье восстанавливается. При назначении слабительного нужно иметь в виду, в каком состоянии находятся силы раненого.

21. Что касается трепанации, если к ней необходимо прибегнуть, то вот что необходимо знать: если, приняв лечение больного с самого начала, ты применишь эту операцию, ты не должен тотчас же пилить кость до мозговой оболочки, потому что невыгодно, чтобы эта оболочка была долго обнажена от кости и находилась в состоянии страдания; но в конце концов она может стать влажной и загноиться. Есть еще другая опасность при отделении с самого начала спиленной кости от мозговой оболочки—это опасность ранить оболочку во время пиления кости. Вот что нужно сделать, когда немного недостает, чтобы отделение было полным и когда кость уже стала подвижной: оставить эту операцию, чтобы костная часть отделилась самопроизвольно, потому что в кости перфорированной, когда операция не доведена до конца, не может произойти ничего дурного; то, что осталось, уже достаточно тонко. В остальном лече-

ние должно быть таково, как оно подобает ране. Во время операции вследствие согревания кости часто нужно вытаскивать трепан и погружать его в холодную воду, потому что трепан, нагретый своим вращением, нагревая и высушивая кость, жжет ее и производит в костных частях, соседних операции, некроз бо̀льший, чем он был бы без этого. В случае, если ты хочешь немедленно выпилить кость до мозговой оболочки, потом вынуть кость, нужно также вынимать в несколько приемов трепан и погружать его в холодную воду. Если, наоборот, вместо того, чтобы принять лечение с самого начала, ты получишь больного от другого, с опозданием в лечении, нужно пилить немедленно трепаном венечным кость до мозговой оболочки, но часто вынимать инструмент, чтобы исследовать как другим способом, так и зондом всю окружность пути трепана. Ведь гораздо более быстро выпиливается кость, если ты пилишь ее, когда она находится в состоянии или в процессе нагноения, и часто она уже истончена, в особенности, если рана занимает часть головы, где кость более тонка, чем плотна. Поэтому нужно остерегаться какой бы то ни было оплошности в применении трепана; там, где кость кажется самой толстой, нужно всегда фиксировать инструмент, часто исследуя и стараясь расшатать костную часть и заставить ее выскочить. Как только она будет вынута, лечение в остальном будет такое, какое подходит к ране. Если, предприняв лечение с самого начала, ты захочешь пилить кость до конца и отделить ее от мозговой оболочки, нужно также исследовать несколько раз зондом путь трепана и применить всегда инструмент в том месте, где кость толще всего, и расшатывать костную часть, чтобы ее вынуть. Если ты употребляешь перфоративный трепан, тебе не нужно доходить до мозговой оболочки в случае, если ты трепанируешь, предприняв лечение с самого начала,

но оставь тонкий слой кости, как это было описано в операции при трепане с венчиком.

1. В латинских переводах Кальва (1525) и Корнария (1545) перед первой главой, трактующей о человеческих черепах, было помещено еще вступление общего характера, отсутствующее в рукописях и изданиях греческого текста. Литтре приводит в примечании его латинский текст. Впоследствии Дарамберг нашел в одном издании Корнария на полях приписанный греческий текст, из которого по некоторым словам можно заключить, что он возник позднее самой книги. Фукс, однако, включает его в свой перевод (III, 258). Привожу это короткое вступление. «Ни одну из ран головы нельзя легкомысленно оставлять без внимания. Часто уже повреждение одной кожи железным или другим предметом, если оно не лечится достаточно тщательно и осторожно, например, не очищается от свернувшейся крови или остается в пренебрежении в каком-нибудь другом отношении, переводя рану в сырое состояние (несварения), причиняет немалую тягость, иногда вызывает лихорадку и врачу доставляет много забот, а больного подвергает немалой опасности. Но это случается еще в большей степени, если ломается череп и мозговая оболочка. Поэтому, если врач не лечит каждое в отдельности с полной тщательностью, часто оно служит причиной смерти. Обо всем этом мы говорили уже в другом месте, но следует сказать и здесь. Прежде всего, если ранена голова, следует спросить, чем она ранена, затем, что человек делал, когда он был ранен, и наконец, в какой части головы находится рана, ибо головы людей совершенно не похожи между собой» и т. д.

2. Описание швов, данное Гиппократом, подвергалось критике с самого начала возрождения анатомии в XVI веке, когда анатомы стали изучать черепа на бóльшем материале. Первый Реальд Колумб (De re anatomica, I, 5) утверждал, что он никогда не видал черепных швов, уклоняющихся от нормы. Какие неосновательные представления могли возникать у древних, доказывает Аристотель, который писал в «Истории животных» (I, 7), что женский череп имеет один круговой шов (!), а мужской обыкновенно три. А Мелетий утверждал, что по этому признаку различают в могилах мужские и женские черепа (Литтре, III, 174). Гиппократ, правда, не идет так далеко, и часть его утверждений должна быть отнесена на счет аномалий. Петрекен посвятил целое исследование этому вопросу (Sur les sutures du crâne d'après Hippocrate et les anciens, l., c., I) и на громадном материале показал, что все описанные им формы швов встречаются, и ошибка Гиппократа заключается в обобщении исключений.

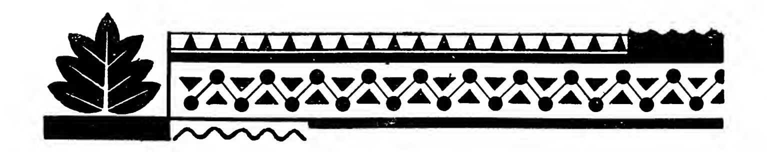
3. Δίπλοος—двойной, отсюда διπλόη—двойная пластинка, губчатое вещество черепной кости.

4. Словом «знак» здесь передан гиппократовский хирургический термин ἕδρα, хедра, что буквально значит седалище, место для сидения (отсюда καθέδρα, кафедра). Он обозначает след, оставленный на кости оружием; место, где оно было; оттиск, отпечаток. Литтре не счел возможным переводить его и оставил прямо hedra; Фукс передает словом Eindruck. Мне кажется, что слово «знак», обычное в травматологической номенклатуре народа и отчасти протоколов, довольно близко передает сущность дела.

5. Трепанация черепа, πρίσις, принадлежала в то время к числу обычных операций; возникновение ее относится к глубокой древности, на что указывают трепанированные черепа первобытных людей. Для операции служил трепан с пилообразными зубцами, венечный (πρίων χαρακτος) и перфоративный буравящий трепан (τρύπανον). Найденный при раскопках древний трепан—см. рис. античных инструментов при кн. «О враче». Как приводился в действие трепан, об этом никаких сведений не имеется; вероятно, так же как в доисторическое время—веревкой или луком, как дикари добывают огонь. О производстве трепанации подробно говорится в последних главах (20—21).

6. Распаторий, скребец, ξυστήρ, применялся часто, судя по находкам. Он имел такую же форму, как и современные.

7. Φάρμακον μέλαν—черное лекарство, см. примеч. 15 к «Переломам», также «О женских болезнях», гл. 106.



О ГЕМОРРОИДАХ

Небольшое хирургическое сочинение «О геморроях (о геморроидальных шишках)», περὶ αἱμορροΐδων, de haemorroidibus, образует, как доказывает Петрекен, одну книгу с другим небольшим сочинением «О фистулах», περὶ συρίγγων, de fistulis. Мы помещаем здесь перевод первого, чтобы показать, насколько была разработана хирургическая техника во времена Гиппократа. Книга написана деловым, сжатым языком, без всяких отклонений от темы и, после краткого изложения патогенеза (гл. 1), описывает различные методы удаления геморроидальных шишек как хирургическим путем (прижигание, иссечение, отжимание, гл. 2—6), так и медленным способом—вяжущими и прижигающими средствами (присыпки и суппозитории, гл. 7 и 8). Средства эти те же самые, которые применялись при так называемом сухом лечении ран и язв: квасцы, чернильные орешки и, главным образом, препараты меди. Книга была известна древним и фигурирует в каталоге Эроциана, но комментарии того времени неизвестны. Кроме Эрмеринса, относившего это сочинение к книдской школе, все остальные, в том числе Литтре, Даламберг и Фукс, считают, что оно написано ближайшими учениками Гиппократа. Подробные комментарии даны Петрекеном (Chirurgie d'Hippocrate, I).

ЕМОРРОИДАЛЬНАЯ болезнь образуется так: желчь или слизь, задерживаясь в венах прямой кишки, согревает кровь, которая находится в венах; эти вены, согретые, притягивают из соседних маленьких вен кровь и, когда наполняются, образуют опухоль во внутренности прямой кишки. Головки маленьких вен выступают и, с одной стороны, ушибленные экскрементами, при выходе последних, с другой—сдавленные собирающейся в них кровью, изливают кровь, в особенности со стулом, но иногда и без стула.

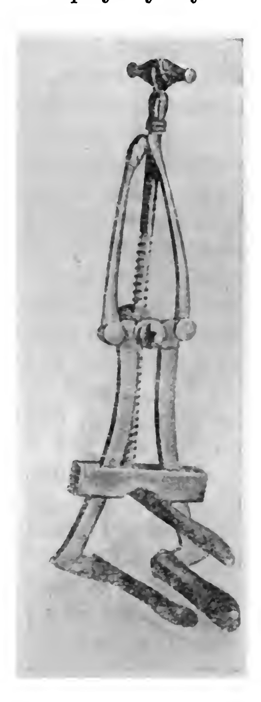
2. Нужно лечить так. Прежде всего, необходимо узнать, в каком месте расположены геморроиды. Прямую кишку можно резать, отрезывать, сшивать, жечь, перевязывать, нагнаивать—хотя все это кажется ужасным,—не причиняя вреда. Я советую запастись семью или восемью железными инструментами, длиною в пядень [1], толщиною, как толстый зонд, согнутый в конце и имеющий в этом конце сплющенность, как маленький обол [2]. Накануне операции ты очистишь желудок больного; в день, в который ты предпримешь прижигание, ты положишь человека на спину, подложив подушку под поясницу; ты вытянешь, на сколько возможно, пальцами задний проход наружу; у тебя будут твои инструменты раскалены добела, и ты станешь прижигать до тех пор, пока полное высушивание не будет произведено, и таким способом, чтобы не только прикасаться,—прижигать следует так, чтобы не оставить без прижигания ни одной геморроидальной шишки,

но прижечь все. Ты узнаешь геморроидальные шишки без труда: они выступают во внутренность прямой кишки, как синие ягоды винограда, и, как только задний проход вытаскивается, они выделяют кровь. Помощники будут держать больного во время прижигания за голову и за руки, чтобы он не двигался, и, пока его прижигаешь, он должен кричать, ибо тогда задний проход более выходит. Когда сделаешь прижигание, свари в воде чечевицу и дикий горох, раздави очень мелко и употребляй его в виде припарок пять или шесть дней. На седьмой срежь мягкую губку, на сколько возможно тоньше; ширина губки должна быть в шесть пальцев со всех сторон; потом положи на губку полотно, равное губке, тонкое и гладкое, и смажь его медом. Потом, положив губку серединой на указательный палец левой руки, введи его в задний проход на сколько возможно вперед; сделав это, положи на губку овечью шерсть для того, чтобы она спокойно оставалась в заднем проходе. Опоясавши бока и подостлавши сзади повязку, проведи ее между бедрами и прикрепи к поясу у пупка. Лекарство, которое я укрепил повязкой, способно произвести мясо крепкое и твердое. Эту повязку необходимо применять не менее двадцати дней. Больной будет принимать один раз в день суп из пшеничной муки, из пшена или отрубей и пить воду; и если он будет итти на стул, он должен обмываться теплой водой; ванну он должен принимать каждые три дня.

3. Другое лечение. Вытащив задний проход на сколько возможно, примачивать горячей водой, потом отсекать концы геморроидальных шишек. Для отсечения должно заготовить следующее лекарство: собрать мочу больного в медной вазе, насыпать в мочу цвет меди [3], пережженный и мелко истолченный, оставить размокнуть, встряхивать вазу, высушить содержимое на солнце; когда оно будет высу-

шено, соскрести и мелко истолочь. Приложить это лекарство к заднему проходу, положить компрессы, пропитанные маслом, и привязать сверху губку.

4. Другой способ. Происходит на вене кровоточивая бородавчатая опухоль, похожая на плод шелковицы. Если шишка сильно выдается снаружи, мясо образует вокруг нее нечто вроде оболочки. Поместив человека в коленно-локтевое положение, исследуй его: ты найдешь промежуток между ягодицами опухшим около заднего прохода и кровь, текущую изнутри. Если шишка поддается под оболочкой, ее следует отщемить пальцем; это будет не труднее, чем просунуть палец между кожей и мясом барана, которого обдирают. Произведи это незаметно во время разговора. Когда шишка отнята, струя крови необходимо потечет из всей поверхности отнятой части. Нужно промыть вяжущим вином, в котором размочены чернильные орешки. Таким образом, кровоточивая вена уйдет вместе с шишкой, и оболочка осядет. Чем болезнь более застарела, тем легче излечение.



Древнегреческое трехстворчатое зеркало (Афины).

5. Если шишка расположена выше, нужно исследовать зеркалом[4] и не обмануться этим инструментом. Действительно, раскрытый он сглаживает шишку; закрытый, он показывает ее очень хорошо. Нужно удалить шишку, натереть задний проход черной

чемерицей [5], потом на третий день очистить вяжущим вином. Когда ты удалишь эту шишку, не удивляйся, если кровь не потечет, ибо кровь не потечет, если ты отсекаешь руку или ногу в суставах; но, если ты отсекаешь ее вверху или внизу суставов, ты найдешь большие вены, полные крови, и будет трудно совладать с вытеканием ее. То же самое и для геморроидальных шишек; если ты их отсекаешь вверху или внизу места, где шишка была удалена, кровь будет течь; если же ты отнимаешь шишку в самой связи ее, кровь не потечет. Если дело обстоит так, то положение вещей хорошо; если же нет, то надо прижигать, остерегаясь дотронуться железом: ты только станешь приближать железо таким образом, чтобы высушить, и затем применишь также цвет меди, приготовленный в моче.

6. Другой способ лечения геморроя: нужно сделать трубку, пустую, как тростник, с инструментом, который в нее точно входит; потом ввести трубку в заднепроходное отверстие и инструмент железный, раскаленный до бела, в трубку. Необходимо вынимать часто железо для того, чтобы больной лучше переносил жар. Тогда этот жар не произведет изъязвления и, осушая вены, их излечит.

7. Если ты не хочешь ни отсекать, ни прижигать, сделай предварительно обильное обливание горячей водой, вытащи задний проход, истолки мирру [6] и чернильный орешек в тонкий порошек, египетские квасцы [7] пережженные, полторы части по отношению к остальному, столько же сапожной сажи [8]—этот препарат ты употребишь сухим. Геморроидальная шишка при помощи этих лекарств отделится, как прижженная часть кожи. Это должно делать, пока все геморроидальные шишки заставишь исчезнуть. Полчасти пережженного халкита [9] производит то же действие.

8. Если ты хочешь лечить при помощи суппозитория, возьми скорлупу каракатицы, одну треть мо-

либдены[10], асфальта, квасцов, немного цвета меди, чернильного орешка, немного ярь-медянки,—все это полей вареным медом, сделай из этого удлиненный суппозиторий и применяй его до тех пор, пока геморроидальные шишки заставишь исчезнуть.

9. У женщин геморроидальные шишки надо лечить следующим образом: сделай обильное омывание горячей водой, в которой варились ароматические травы; истолки тамариск[11], сушеную свинцовую окись, чернильный орешек; налей белого вина, масла и гусиного жира; разотри все это вместе; этот препарат употреблять после обмываний. Нужно смачивать задний проход после того, как его заставили выйти на сколько возможно больше.

1. Пядень=22 см.

2. Монета, приблизительно круглая, с диаметром в 1—$^3/_4$ саатиметра.

3. Медный цвет см. «О зрении», прим. 6.

4. Ректальное зеркало, κατοπτήρ, было распространенным инструментом; его находили несколько раз при раскопках.

5. Черная чемерица, Helleborus orientalis, s. officinalis Lmk.

6. Мирра, σμύρνα, сок деревьев Balsamodendrum myrrha и Commiphora myrrha, Engler, известное благовонное вещество.

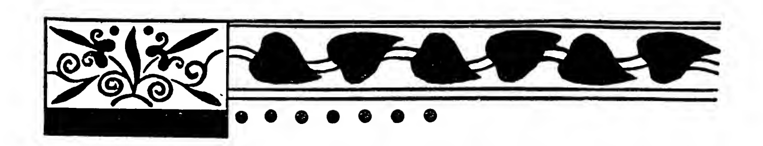
7. Египетские квасцы, αἰγυπτία στυπτηρία, отличались по свидетельству Галена от обыкновенных тем, что легко раскалывались.

8. Сапожная сажа, μελαντήρια, медный препарат, получавшийся по Диоскориду из медных рудников, может быть, с примесью железного купороса. Лучший сорт был желтого цвета; от воды чернел.

9. Халкит, χαλκῖτις; этим именем обозначались различные вещества, между прочим медный купорос.

10. Молибдена, μολύβδαινα, препарат свинца; вероятно, свинцовые белила.

11. Тамариск, μυρίκη, Tamarix L. Вероятно, применялись тамарисковые галлы, содержащие 43% таннина.



О ЗРЕНИИ

Небольшая книга «О зрении», περὶ ὄψιος, de visu, дошедшая до нас в виде какого-то отрывка, в неисправном виде, является единственным сочинением Сборника, посвященным глазным болезням, что и оправдывает ее помещение здесь. Неизвестный автор книги «О страданиях», относимой к книдской школе, в гл. 5-й указывает, что «глазные болезни изложены особо»; предполагают, что он имел в виду имённо трактат «О зрении», принадлежность которого книдской школе считается вероятной. Древние не упоминают об этой книге, и у Галена, сочинения которого о глазных болезнях не сохранились, нельзя почерпнуть на ее счет никаких указаний. Обширное исследование книги с привлечением рукописного материала было произведено французским окулистом Зихелем (по-франц. Сишель), которое, впрочем, не дало чего-либо нового. Его перевод и комментарии помещены в т. IX издания Литтре. Содержание книги таково:

Гл. 1. Болезни с изменением цвета зрачка.

Гл. 2. Выскабливание и прижигание как средство исправления зрения.

Гл. 3. Прижигание спины.

Гл. 4. Выскабливание и прижигание век при грануляциях.

Гл. 5. Лечение утолщения век.
Гл. 6. Средства против блефарита.
Гл. 7. Лечение никталопии.
Гл. 8. Трепанация при потере зрения.
Гл. 9. Эпидемические воспаления глаз.

Бросаются в глаза чрезвычайно энергичные методы лечения; часть их сохранилась до нашего времени в лечении трахоматозных грануляций. Из средств на первый план выступает медь и ее препараты, вероятно, заимствованные от египтян, которым много приходилось заниматься глазными болезнями. Операция катаракты была неизвестна гиппократикам, хотя она давно практиковалась у вавилонян (законы Хаммураби) и, повидимому, у египтян (указание в папирусе Эберса). Описание этой операции у греков было дано много спустя Антиллом (IV в. н. э.).

Но не следует думать, что «О зрении» исчерпывает все сведения о глазных болезнях, имеющиеся в Сборнике: ряд отдельных заболеваний и в особенности рецептов рассеяны в других книгах: «Прорретикс, II», «О местах в человеке», «Эпидемиях», «Женских болезнях, I». Выдающиеся окулисты XIX века занимались офтальмологией Гиппократа; здесь достаточно упомянуть труды Магнуса (M a g n u s, Die Anatomie des Auges in ihrer geschichtlicher Entwickelung, Breslau. 1900, и Die Augenheilkunde der Alten, Breslau, 1901) и Гиршберга (H i r s c h b e r g, Geschichte der Augenheilkunde в Graefe-Saemisch. Handbuch., 2 Aufl., 1899). Подробное изложение офтальмологии Сборника на русском языке у Ковнера стр. 518 и сл.

Литература: старая у Л и т т р е (IX, 123); новая у Ф у к с а (Puschm. Gesch., I, 260).

РАЧКИ, которые портятся, становясь самопроизвольно голубоватыми, внезапно делаются такими, и, когда сделаются, нет излечения таковых. Те же, которые становятся подобными цвету моря, портятся постепенно, в течение долгого времени, и часто другой глаз портится только много времени спустя [1]. У этих больных нужно очистить голову и прижигать вены, и, если кто лечился так с самого начала, болезнь останавливается и не прогрессирует. Перемены в цвете зрачка, которые находятся посредине между голубоватым и морским, если они происходят в детстве, останавливаются с возрастом, если они происходят у субъекта старше семи лет... он видит лучше; он видит предметы очень объемистые и блестящие, даже издали, но неясно, и предметы, которые он приближает к глазу, также видит, но ничего другого. В этом случае полезно очищение [2] и прижигание головы, но не полезно у них выпускать кровь, ни когда глаз голубоват, ни когда он цвета моря.

2. Что касается видения глаз, если зрачок сохраняет свое нормальное состояние у молодых людей мужского или женского пола, ты не улучшишь их никаким средством до тех пор, пока тело не достигнет полного своего развития. Когда оно больше не растет, нужно, направляя все внимание на глаз, уменьшить веки выскабливанием, если это будет найдено необходимым, прижигая их изнутри прижигателями, накаленными не добела.

3. [Часть тела, которую выбирают чаще всего для прижигания, есть спина; чтобы его применить, укладывают больного надлежащим образом][3]. Потом, заставив его вытянуть ноги, привязывают его веревками и подставляют скамью, за которую он может схватиться руками; кто-нибудь должен держать его поперек тела. Обозначают потом вены спины, выбирая предпочтительно те, которые расположены больше всего кзади; потом производят прижигание толстым железом медленно, чтобы во время прижигания не произошло кровоизлияния. Если выхождение крови покажется удобным, его должно произвести прежде прижигания. Прижигание должно быть сделано до кости сзади; потом, положив на прижженное место губку, смоченную маслом, жгут еще глубже, избегая, однако, проникнуть очень близко к кости. Если губка пристает к каутеру, нужно повторить прижигание при другой губке, лучше промасленной, после чего покроют корки аройником [4], смоченным в меду. Если ты прижжешь вену или прожжешь ее, когда отпадет корка, вена натягивается, как раньше, набухает, кажется полной и бьется, когда кровь притекает снизу вверх; если прижигание, хотя глубокое, было произведено на нижней части спины, все это имеет место в меньшей степени. Если первое прижигание было недостаточно глубоко, нужно его повторить с большей силой; нужно также энергично жечь губки, в особенности возле вены, которая доставляет кровь. Чем больше корки обожжены, тем скорее они отпадают. Рубцы от ожогов, сделанные возле кости, становятся более красными. Когда раны залечиваются, (вены) снова подымаются, становятся более красными, чем соседние части, и кажется, что они должны приподниматься до тех пор, пока пройдет время. То же самое бывает, когда прижигают голову, грудь или всякую другую часть тела.

4. Когда ты будешь выскабливать веки глаза [5], сделай это сначала; потом надо прижигать веретеном

из дерева, вокруг которого ты обернешь милетскую шерсть, волнистую, чистую, и берегись очень дотронуться до края век и прижечь хрящ. Знак, что не нужно дальше производить выскабливание, тот, чтобы не вытекала светлая кровь, но жидкость, похожая на кровь или водянистая. Тогда же нужно смазать каким-нибудь жидким лекарством, где находится цвет меди [6]. Наконец, после выскабливания и прижигания, когда корки спадут и раны очищенные выпускают мясистые почки, нужно произвести насечку теменной области. Когда кровь вытечет, нужно произвести смазывание одним из лекарств, которое кладут на свежие раны. После этого в данном случае и во всех остальных следует очистить голову.

5. Если веки более толсты, чем следует по природе, срежь, как только сумеешь лучше, мясо их нижней части. Потом прижигай веко каутером, не раскаленным до бела, избегая места волос, или втирай цвет меди, пережженный и превращенный в тонкий порошок. Когда отпадет корка, лечи, как все остальное.

6. Когда веки изъязвляются и зудят [7], растолки на твердом камне небольшой осколок цвета меди, потом натри веко. Потом разотри чешуи меди, насколько возможно тоньше, потом подлей туда сок незрелого винограда, пропущенный через тряпочку, старательно размешивая; потом остальной сок наливай в вазу из красной меди и понемногу растирай, пока она не примет густоты кашицы; потом, когда она высохнет, мелко истолки и употребляй.

7. Лекарство против никталопии [8]: больной должен принять средство из сока диких огурцов [9] и очистить себе голову; ему поставить на шею столько кровососных банок, сколько возможно, поддерживая вытекание крови долгое время выжиманием [10]; после некоторого времени нужно дать смоченную медом сырую печень быка [11], сколько возможно больше, один или два раза.

8. Если у кого глаза, будучи здоровыми, теряют зрение, нужно произвести разрез в теменной области, отделить мягкие части, трепанировать кость, извлечь жидкость и этим лечить. Таким образом, больные становятся здоровыми[12].

9. При годичном эпидемическом воспалении глаз очищение головы и нижней части живота полезно и, если конституция больного позволяет, кровопускание полезно в некоторых случаях этих поражений, точно так же, как применение кровососных банок на венах. Для питания—хлеб в малом количестве; для питья—вода. Больной должен лежать в постели в темноте, вдали от дыма, огня и всего блестящего, то на правом, то на левом боку. Не нужно смачивать головы, потому что это вредно. Примочки не подходящи, если нет боли, но держатся истечения. При опухолях безболезненных и после острых лекарств, употребленных как смазывание против боли, когда боль прекратилась и исчезла после смазывания лекарством, тогда подходящий момент, чтобы наложить примочку, какая покажется тебе наиболее соответствующей. Не нужно, чтобы больной смотрел пристально и долго, потому что это вызывает слезы, так как глаз не может переносить действия ничего блестящего. Но не следует также держать глаза долгое время закрытыми, в особенности когда существует теплое истечение, потому что задержанная слеза согревает. Если же не существует истечения, полезно сделать смазывание одним из сухих лекарств.

1. Зихель предполагает, что в первом случае дело идет о глаукоме, во втором—о катаракте.

2. Очищение головы достигалось слабительными и средствами, вызывающими чихание. Оно имело целью отвести ток жидкости, идущий от головы к глазам.

3. Поставленных в скобки слов в подлиннике нет; они введены Зихелем. Корнарий предполагал, что вся эта глава не относится к данному сочинению, а переписана из другого места.

4. Аройник, Arum maculatum L.

5. Операция относится к грануляциям век, трахоме. Ξύειν, как справедливо указывает Фукс (III, 317), значит просто скоблить, а не скарифицировать, как передается во французском переводе.

6. Цвет меди, χαλκοῦ ἄνθος, Flos aeris, употреблявшийся вообще при лечении ран, получался путем обливания расплавленной меди холодной водой или путем сильного вдувания воздуха. Он представляет собой закись меди в виде крупинок красновато-желтого цвета, легко растирающихся в порошок.

7. Хронический блефарит; Гирш предполагает хроническую бленоррею.

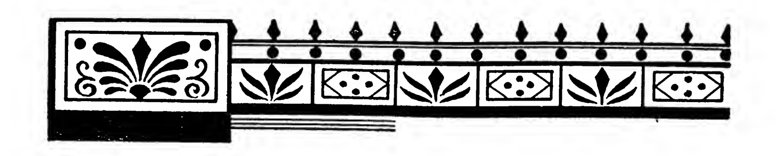
8. Никталопия, νυκταλωπία, видение ночью, у Гиппократа обозначает светобоязнь и слезотечение при дневном зрении. В «Прорретике, II, 33» сказано: «Те, кто видят ночью и кого мы называем никталопами, поражаются болезнью в раннем возрасте, детском или юношеском»... и далее: «те, у кого бывает продолжительное слезотечение, становятся никталопами». Такие случаи описаны в «Эпидемиях», например, при эпидемии кашля в Перинфе. Но у других греческих врачей никталопия стала обозначать слепоту ночью, куриную слепоту, гемералопию, и это смешение продолжалось до XVIII века, причем гемералопию также лечили бычьей печенью.

9. Дикий огурец, Momordica elaterium L.

10. Чтобы дать наглядное представление о том, как можно различно толковать не совсем ясный текст, я попрошу читателя сравнить последнюю фразу: «ему поставить на шею столько кровососных банок, сколько возможно, поддерживая вытекание крови долгое время выжиманием» (русский перевод сделан по французскому Зихеля, IX, 159) с буквальным переводом того же места, сделанного с немецкого перевода Фукса: «возможно сильнее освежить шею и посадить больного на очень продолжительное время на строгую диэту» (III, 320). Подлинник краток и невразумителен, в нем нет ни кровососной банки, добавленной Зихелем, ни диэты, вставленной Фуксом.

11. Средство китайской органотерапии.

12. Эту краткую главу комментаторы сопоставляют с 15 гл. 2-й книги «О болезнях», где идет дело о водянке головы с потерей зрения и, после разных способов лечения, рекомендуется трепанация черепа.



О ЖЕНСКИХ БОЛЕЗНЯХ

1-я книга «О женских болезнях», περὶ γυναικείων, ά, de morbis mulierum, I, является одним из выдающихся произведений Гиппократова сборника и принадлежит тому же автору, что и книги: «О семени и природе ребенка», 4-я книга «Внутренних болезней» и книга «О бесплодии женщин», о чем свидетельствуют их ссылки друг на друга. Принадлежность 2-й книги «Женских болезней» тому же автору подвергается в настоящее время сомнению (Эрмеринс, Фукс) в противоположность мнению Галена и Литтре; она значительно отличается от 1-й и по стилю, и по методам лечения. Кто именно был автором 1-й книги—вопрос этот подробно изложен в предисловии к книге «О семени и природе ребенка», и возвращаться к нему нет необходимости. Следует только отметить, что «Женские болезни» позволяют с большой определенностью утверждать принадлежность автора к книдской школе, и Литтре, который в VII т. не высказывается определенно об авторе «Семени и пр.», в VIII томе доказывает убедительно, что «Женские болезни» написаны врачом из книдской школы, так же как книга «О внутренних страданиях», с которой у них имеется много общего.

Книга, значительная по объему, отличается обстоятель-

ностью изложения, иногда переходящей в многословие, стремлением подразделять болезненные формы, как это было свойственно книдской школе, и разнообразием терапевтических приемов, среди которых нередко рекомендуются героические средства, как, например, встряхивание рожениц и применение в пессариях раздражающих средств. Содержание книги в главных чертах таково.

Гл. 1-я. Меньшая заболеваемость рожавших женщин, сравнение тела женщины и мужчины; гл. 2-я и 3-я, задержка месячных; гл. 4-я, скудные; гл. 5-я, чрезмерные месячные; гл. 6-я, менструальная кровь; гл. 7-я, истерическое задушение; гл. 8-я, желчные; гл. 9-я, слизистые месячные; гл. 10—24, бесплодие женщин и различные способы его лечения; гл. 25—32, болезни беременных женщин, выкидыши и пр.; гл. 33—34, роды, их трудности; гл. 35—41, лохиальные очищения, их неправильности; гл. 42—48, болезни послеродового периода и их лечение; гл. 49—67, болезни матки после родов и др.; гл. 68—71, занос; гл. 72—73, различные заметки о лохиях и месячных; гл. 74—91, рецепты от всех женских болезней; гл. 92—109, рецепты от всяких болезней, которые, очевидно, случайно приложены к книге.

В нашем издании вся рецептурная часть, за исключением гл. 74, опущена, так как, занимая много места, представляет мало интереса для современного читателя, тем более, что основные виды рецептов указываются в предшествовавших главах. Гл. 74-я «Средства, вызывающие месячные» (emmenagoga) помещена в виде образца, по которому можно составить себе представление об остальном. Просматривая эти утомительно длинные ряды средств, различных пессариев, вливаний и т. д., отделенных словами «или», «другое», и сравнивая их с египетскими рецептурными книжками знаменитого папируса Эберса (XVI век до н. э.), нельзя не констатировать сходства в их форме, в приемах лечения, а отчасти и самих средствах. Несомненно, греческие сборники рецептов включали в себя богатое наследие прошлого и никак не могут считаться произведением гиппократовой эпохи.

Комментировал 1-ю книгу «Женских болезней» Маврикий Кордей (M a u r i c i u s C o r d a e u s, Paris, 1585).

В XIX в. многие врачи занимались изложением и комментированием акушерства и гинекологии Гиппократова сборника в целом; из них наибольшего внимания заслуживает книга Ф а с б е н д е р а (Entwickelungslehre, Geburtshülfe und Gynäk. in den hippokratischen Schriften, Stuttg. 1897).

Литературные указания у Ф у к с а (Puschm. Gesch., I, 263). На русском языке подробное изложение акушерства и женских болезней дано Ковнером (390—411).

КНИГА ПЕРВАЯ

ЕЛО идет о женских болезнях. Я говорю, что женщина, не имевшая детей, тяжелее и быстрее страдает месячными, чем та, которая имела детей. Действительно, когда она родила, у нее маленькие вены более текучи для месячных очищений; делает их текучими лохиальное (послеродовое) очищение и растворение тела; соседние части живота и сосков растворяются больше всего, но и остальное тело также растворяется, а почему это происходит, мною сказано в книге «О природе ребенка» при рождении. Если тело растворяется, вены неизбежно становятся более открытыми и более текучими для месячных, и матка открывается больше, так как дитя прошло ее с усилием и болью. При таком положении вещей месячное очищение происходит менее мучительно у женщины, которая испытала лохии, и даже если бывает у женщины рожавшей какое-нибудь поражение, препятствующее прохождению месячных очищений, она переносит боль легче, чем если бы не рожала, так как матка приучена и тело предрасположено для наполнения вследствие беременности, а в то же самое время после родов в теле есть более места для крови, так как тело растворилось, и кровь, будучи свободной, причиняет менее боли, если только вены не переполнены и не страдают чрезмерно. Но у той, которая не рожала, тело непривычное; если наступает полнокровие, оно становится более сильным,

более устойчивым, более плотным, чем если бы оно прошло через период лохий, и матка менее открыта,— поэтому месячные текут с большим трудом и бывает больше страданий, так что они преграждаются у тех, которые бездетны. Дело обстоит так, как прежде мною сказано, именно, я говорю: у женщины мышцы более рыхлые и более мягкие, чем у мужчины, а раз это так, тело женщины тянет из живота жидкость быстрее и больше, чем тело мужчины. Действительно, если кто положит сверх воды или даже во влажное место на два дня и две ночи очищенную шерсть и платье чистое из плотной ткани, весящее точно столько же, как и шерсть, то, вынув их, он найдет на весах, что шерсть сделалась гораздо тяжелее, чем платье; это происходит таким образом: вода, находящаяся в сосуде с широким отверстием, беспрестанно испаряется кверху, и шерсть, будучи редкой и мягкой, получает более испарения, а платье, плотное и густое, оказывается наполненным, получив не особенно много. Подобным же образом женщина, будучи по природе более рыхлой, черпает в животе на счет тела больше жидкости и быстрее, чем мужчина; так как она нежнее, то, когда тело наполняется кровью и если не бывает при переполнении кровью и жаре в мышцах выделения, наступает страдание. У женщины таким образом кровь более горяча, чем у мужчины; но если излишество ее удаляется, то не происходит вследствие крови ни страдания, ни жара. Мужчина, будучи с более твердыми мышцами, чем женщина, не испытывает совсем такого излишества крови, чтобы, не выделяя каждый месяц известное количество ее, испытать тягостное чувство. Он черпает столько, сколько требует питание тела, и тело, не будучи мягким, не подвержено излишеству ни страдания, ни жара вследствие полнокровия, как у женщины; и что значительно способствует этому у мужчины,—это то, что он бо-

лее работает, чем женщина; труд же отводит часть жидкости.

2. Если у женщины, которая не была беременна, месячные прекращаются и не могут найти выхода наружу, наступает болезнь. Это бывает, если маточное отверстие закрылось или отклонилось, или если что-нибудь в половых частях сжалось. Если что-нибудь из этого случилось, месячные не могут найти выхода до тех пор, пока матка не вернется в свое естественное здоровое положение. Эта болезнь происходит в особенности у тех, у которых маточное отверстие узко или шейка расположена вперед в половых частях. Если существует один из этих случаев и если женщина не соединяется с мужчиной, и если желудок опорожняется более, чем следует, вследствие какого-нибудь страдания, то матка испытывает перемещение, ибо она не влажна сама по себе, так как не было сношения и образовалось широкое пространство, после того, как живот сделался пустым; таким образом, матка перемещается ввиду сухости и своей большей, чем обыкновенно, легкости. И иногда, когда она таким образом смещена, отверстие оказывается повернутым вперед, так как шейка расположена вперед в половых частях, ибо, когда матка влажна от сношений и живот не опорожняется, она смещается нелегко. Такова причина, вследствие которой она закрывается, если женщина не имеет сношений. К концу трех месяцев больная будет чувствовать себя на сколько возможно хорошо, если будет выведено то, что собралось. Если же нет, вот что испытывает женщина: задыхание время от времени, жар, тоже время от времени, озноб и боль поясницы; таковы симптомы на третьем месяце, если не происходит истечения. На четвертом, если истечение не происходит и не происходит извержения предыдущей крови, все страдания, чувствовавшиеся на третьем месяце, обостряются, в особен-

ности во время месячных, потом меньше, и часто даже женщина кажется без страданий. На четвертом будут еще следующие признаки: она выделяет время от времени много густой мочи, живот твердеет и становится больше, чем прежде; она скрежещет зубами, отказывается от пищи и не спит. Вот что она испытывает на четвертом месяце, и, если она лечится, она в это время может выздороветь. И на пятом месяце, если месячные не появляются в изобилии, страдание возрастает в силе. А на шестой—болезнь становится неизлечимой. Предшествующие припадки более болезненны, и к ним прибавляются следующие: у больной иногда бывает тоска и сильное беспокойство, обмороки, рвоты слизистые; ее охватывает сильная жажда, так как живот сожигается маткой, обремененной кровью; прикосновение болезненно, в особенности в подчревной области; время от времени бывает острая лихорадка; в матке время от времени урчанье, так как кровь в ней волнуется и не выходит; стул обычным образом не выходит; мочевой пузырь точно так же не выделяет мочи, в особенности, когда матка падает на отверстие желудка, которое нервозно, и она идет к животу. Болит позвоночник и вся спина; язык задерживается и становится неявственным; наступает обморочное состояние; у некоторых даже отсутствие голоса; жжение в желудке; выходит желтая желчь; прерывистое дыхание, тоска, сильное беспокойство и жар. Если при этом смещении мочевой пузырь притягивает тонкую часть крови, находящуюся в матке, тогда моча выделяется красная; болит все тело, но в особенности шея, позвоночник, поясница и пахи. Когда дело дойдет до этого, живот вздувается, ноги по необходимости опухают, голени и ступни, и наступает смерть. В таком случае прекращение месячных влечет смерть к концу шести месяцев. Бывают еще следующие явления: у некоторых женщин месячные, будучи задержаны в изо-

билии в матке в гечение двух месяцев, приливают к легкому, и, когда они задерживаются, больная испытывает все, что было сказано о чахотке, и она не может противостоять этому. Вот еще что бывает: у некоторых месячные становятся гноевидными, когда задержались в течение двух или трех месяцев; это происходит в особенности, когда они согреты лихорадочным жаром. Признаки при нагноении следующие: сильные боли наступают в подчревии, а также биения, невозможность перенссить прикосновение; если должно наступить облегчение, менструации вытекают через половые органы; течет гной и кровь; это зловонное истечение продолжается семь, восемь или девять дней. В предшествующее время женщина страдает, как это было сказано выше. После очищения наилучшим будет, если не сделаются язвы; если же остались язвы, потребуется больше лечения, чтобы язвы не стали влажными и плохого запаха. Но женщина останется бесплодной, если даже ей будет легче, когда большие язвы образуются в матке. Если ставшие гноевидными месячные не выходят через половые органы, может случиться, что они прорвутся поверх паха, в боку, без опухоли, когда гной разъедает, и через это место выйдут гноевидные и зловонные материи. Если это случится, женщина не выздоравливает, и даже, если выздоравливает, остается навсегда бесплодной. Действительно, с этой стороны будет последняя дорога для месячных, чтобы они выходили наружу, так как маточное отверстие соприкасается с этой областью. Происходит и следующее: у некоторых женщин, если на втором или третьем месяце или даже позднее задерживаются месячные и бросаются в бок, не становясь гноевидными, вверху паха образуется опухоль без головки, большая и красная [1]. Многие из врачей, не зная, что это такое, разрезали ее и подвергали больную опасности. Этот род опухоли обра-

зуется следующим образом: мышцы пользуются кровью, так как маточное отверстие соприкасается с боком, и мышца ею наполняется, поднимается и возвышается, будучи наполнена кровью. Бывает также, когда маточное отверстие, перемещаясь, возвращается к половым частям и месячные уходят через половые органы; опухоль бока опадает, ибо она передает содержимое матке, которая выделяет его наружу. Но, если маточное отверстие не поворачивается к половым частям, нагноение образуется возле бока, и там делается путь для месячных, и опасность тогда та же самая, как в вышеуказанном случае. Месячные обращаются также на путь рвоты, а иногда на путь седалища, как мною сказано в болезнях молодых девушек [2]; признаки страдания и боли те же самые, как в этом описании. Но этот выход для месячных менее обычен у женщин, чем у молодых девушек.

3. Когда месячные задержаны, бывает боль внизу живота; больной кажется, что у нее там тяжесть; она жестоко страдает поясницей и боком. Если же месячные совершенно уничтожены вследствие какой-нибудь болезни или если они густы, вязки, клейки, сначала нужно очистить желудок верхом и низом, потом очистить матку при помощи пессария, извлекающего кровь; затем дают промежуток, после чего прописывают слабительное, действующее на кровь; пусть больная пьет также кретмон [3] в вине, настоенном на ветках сосны. Если месячное истечение не происходит, ей может показаться, будто она беременна, и сношение с мужем болезненно, так что ей кажется нечто внутри, и в животе чувствуется тяжесть; живот выдается; у нее те же самые прихоти, как у беременной женщины; у нее наступают тошноты, когда пройдет около пятидесяти дней; в пупочной области чувствуется боль с промежутками, также в шее, в пахах и пояснице. К концу двух или трех месяцев иногда обильно прорываются месячные

через половые части; и выделяемое—с мясными частицами, как после выкидыша, и черное. У некоторых также образуются язвы в матке, и бывает нужда в тщательном врачебном уходе. Во многих же случаях бывает и так, что женщина кажется беременной в течение шести месяцев или немного менее; живот выдается, и остальное, кажется, происходит, как при состоянии беременности. Затем у некоторых месячные становятся гноевидными и прокладывают себе путь поверх паха около пятого или шестого месяца. Иногда также образуется изъязвление в матке в месте выше паха; женщина подвергается риску смерти, и даже, если она останется в живых, она будет бесплодной. В других случаях истечение происходит половыми частями и выходят материи сгнившие и гноевидные, и от этого образуются язвы в матке; опасность велика, и следует, дабы язвы не стали хроническими, обратиться к лечению; такая больная останется бесплодной, даже если лечение будет успешно. Если же месячные, запоздавшие на шесть месяцев, не прорвутся, больная испытает все симптомы, какие испытывает женщина, не имевшая детей и у которой месячные не могут найти выхода. Но, если ее лечат, она будет здорова; если же нет, борясь до восьми месяцев, она умирает. У многих, если менструации слизистые, случается, что последние текут долго и в меньшем количестве, чем у здоровых. Лечимая надлежащим образом, такая женщина выздоравливает.

4. Если месячные идут у женщины, но менее обильные, чем следует, то маточное отверстие или немного отклонено от направления половых частей, или, соответствуя ему, немного закрыто, так что они выходят, но пути выделения закрыты маткой, так как кровь приходит в матку, но вытекает мало-помалу вследствие того, что она давит на маточное отверстие. Затем, когда пройдут дни обычного месяч-

ного очищения и остающаяся кровь задерживается в матке, а новые месячные не выгоняют задержанной крови, но, спускаясь в матку, все время отягощают ее, может случиться, что больная в первые два или три месяца не почувствует очень этого расстройства. Но, если будет больше прошедших месяцев, страдания увеличатся; она не забеременеет до тех пор, пока будет длиться это состояние, и у нее будет небольшая лихорадка, в особенности в дни, когда она обычно очищалась; возможно, что и в промежутки у нее будет лихорадка, озноб, боль в желудке, обильные рвоты каждый день; время от времени боль в теле, в особенности в пояснице, в позвоночнике, в пахах и суставах рук и ног. У нее не будет всех этих болей сразу, но то одна, то другая, сообразно с тем, куда устремляется кровь, которая была выделена и не могла остаться в матке; там, где она фиксируется, в теле может появиться опухоль, сильный спазм суставов тела или какой-нибудь из вышесказанных признаков. Такая больная, лечимая надлежащим образом, станет здоровой; в противном случае болезнь, продлившись семь месяцев или даже больше, причинит смерть или хромоту, или какую-нибудь невозможность действия частей, если кровь вследствие холода или воздержания от пищи сгустится вокруг нервов, там, куда она уйдет. Эта болезнь преимущественно наступает у женщин незамужних. Но, если эти поражения или те, о которых будет речь, поразят женщину рожавшую, они будут долгой длительности и менее болезненны. Тем не менее, признаки и исход будут те же самые для женщин, имевших детей, и для женщин, которые их не имели, если они не будут лечимы. Немедленно нужно употреблять лечение; если же нет, наступают болезни.

5. Если месячные более обильны и более густы, чем следует (что бывает, когда тело естественно

предрасположено к истечению и маточное отверстие находится близко к половому отверстию), и если у женщины частые супружеские сношения и она случайно обильно поест, истечение, спускаясь в изобилии и идя с полнотой, расширяет маточное отверстие своим усилием. Если это так и если сосуды не опустошаются и, наоборот, женщина снова много ест, маточное отверстие становится широким; тело, ввиду того, что женщина ест хорошо, чувствует желание и имеет сношение с мужем, истекает к матке и месячное истечение бывает обильно; до тех пор, пока это будет так, женщина будет бледна и, если за этим наступит какая-нибудь болезнь или какое-нибудь страдание, истощающее тело, матка останется с расширенным отверстием и тело с расположением к истечению в эту сторону. Следствием является жар, отвращение к пище, тоска, похудание, слабость во время месячных, боль в пояснице. Со временем, если женщина не будет лечима, все эти симптомы порой будут обостряться, и будет опасность, что она останется бесплодной или, если у нее появится какая-нибудь другая болезнь, умрет от нее, будучи истощенной временем и болезнью.

6. Месячные наиболее густы и наиболее обильны в средние дни, но в начале и в конце они менее обильны и более тонки. У каждой здоровой женщины среднее количество месячного истечения есть до двух аттических потим [4], немного больше, немного меньше, и это в течение двух или трех дней; большая или меньшая длительность влечет за собой болезнь и бесплодие. Судить об этом следует, осматривая тело женщины, и расспрашивать, сравнивая с предшествующим, болезненно или нет истечение. Действительно, если оно длится больше или меньше обычных дней или если оно больше или менее обильно, то есть расстройство, если только природа сама не болезненна и бесплодна. В этом случае, если перемена происходит

к более здоровому состоянию, это будет лучше. Кровь вытекает подобно крови жертвы и быстро свертывается, если женщина здорова. Женщины, у которых обычно очищение длится больше четырех дней и очень обильно, становятся худыми, и их плод худ и слаб. Те, у которых очищение длится менее трех дней или оно мало обильно,—толсты, имеют хороший цвет лица; у них мужской вид, но они не думают о родах и совсем не зачинают.

7. Внезапное маточное задыхание появляется в особенности у женщин, не имеющих половых сношений, и скорее у более пожилых, чем у молодых, ибо у них матка легче. Происходит же оно по следующей причине: когда женщина имеет более пустые сосуды, чем обычно, и более утомляется, то матка, осушенная утомлением, перемещается, так как она пуста и легка; пустота живота производит то, что есть место для ее перемещения; переместившись, она устремляется к печени, останавливается возле и идет к подреберью, ибо она бежит и идет вверх к жидкости ввиду того, что она иссушена чрезмерно от усталости, а печень—полна влаги. Когда она устремляется к печени, она причиняет внезапное задыхание, преградив дыхательный путь, находящийся в животе. Иногда в то время, когда матка начинает устремляться к печени, слизь спускается из головы к подреберьям, ввиду того, что женщина задыхается, и иногда с этим потоком слизи матка покидает печень, возвращается на место, и задыхание прекращается. Возвращается же она, наполненная влагой и отяжелевшая; возвращаясь на свое место, она производит урчание. После этого возвращения может случиться, что желудок сделается более влажным, чем прежде, ибо голова отпускает слизь в живот. Когда же матка находится на печени и в подреберьях и производит задыхание, белки глаз закатываются; женщина становится холодной, ино-

где даже багрово-синей; она скрежещет зубами; слюна притекает в рот; женщина походит на эпилептичку [5]. Если матка остается долгое время у печени и подреберий, женщина задыхается. В других случаях, когда у женщины имеются пустые сосуды и сверх того она испытала утомление, матка, перемещаясь, идет к шейке мочевого пузыря и причиняет странгурию. Это все то зло, которое от этого происходит, и больная быстро выздоравливает при лечении, иногда даже самопроизвольно. В других случаях, вследствие труда или голодания, происходит то, что матка идет к пояснице или же к бокам и причиняет страдание.

8. Если у женщины тело в плохом состоянии и месячные желчны, то это распознается следующим образом: они очень черны, иногда черны и блестящи, идут очень мало зараз и нескоро свертываются; семя обоих—мужчины и женщины—разрушается, и женщина не становится беременной. В начале болезни очищение длится обычное число дней, не больше, но со временем оно длится больше этого срока и оно менее обильно каждый день; наступают лихорадки, блуждающие, острые, с ознобом; отвращение от пищи по временам; боль желудка. Страдание сильнее всего при приближении месячных. По прошествии месячных на короткое время есть улучшение в сравнении с предшествующим состоянием; потом положение становится тем же самым. Лечимая больная быстро выздоравливает. Но если ее не лечат, а время проходит, все вышеуказанное обостряется, и боль появляется то в животе, ниже пупка, то в пахах, пояснице и бедрах, иногда в шее. Иногда сильное задыхание охватывает больную; темнота в глазах, головокружение, ввиду того, что очищение поднимается и идет кверху. Если у женщины тело в плохом состоянии, то месячные—в малом количестве; у женщины, у которой тело полно, они более обиль-

ны; в этом случае, если месячные имеют желчный характер, появляются обмороки, время от времени отвращение к пище, сильное беспокойство, бессонница; у больной частая отрыжка; она не хочет ходить; у нее упадок духа; ей кажется, что она не видит, и она боится. Если ее лечить, она от этого выздоровеет, но, если пройдет время, еще более станет болеть. Наилучшим явлением было бы, если бы наступила желчная рвота или желчные, но несильные расстройства желудка или незначительное истечение крови, ибо, если одно из этих очищений будет сильно, в теле, уже истощенном, от этого последует опасность. Если же есть умеренное очищение, уносящее часть желчной или всякой вредной жидкости, женщина выздоравливает. Но если она не лечится и ничего хорошего не происходит, женщина умирает. В большинстве случаев бывает, что при этой болезни наступает желчное истечение. Если истечение наступает, сначала показывается оно мало обильным, но каждый день оно идет, в общем возрастая. Когда же пройдет время, болезнь в большинстве случаев становится более острой, матка раздражается желчным истечением и изъязвляется. В этом случае также больная выздоравливает, если лечится и если истечение остановлено. Но если матка воспаляется вследствие язв, болезнь становится еще более острой; обильные, зловонные, гнойные выделения выходят уже из самой матки, и всякий раз вытекает как бы сукровица из мяса, и все это еще более удручает больную, и язвы становятся более лютыми до тех пор, пока их не победят. Если даже больная выздоровеет, она вследствие рубцов останется бесплодной.

9. Если у женщины тело в плохом состоянии вследствии слизи, месячные будут выходить слизистыми. Вот почему распознают, что они слизисты: они кажутся перепончатыми, нечто вроде паутины тянется в них, и цвет их беловат. Это происходит,

когда тело и голова наполнены слизью, и слизь не выделяется ни через нос, ни стулом, ни мочевым каналом, но во время месячных, при волнении крови, с очищением выходит наружу. При таком положении вещей больная ничего не чувствует в течение двух или трех месяцев, но, когда пройдет больше времени, и она не лечится, она начинает страдать более; появляется блуждающая лихорадка; по временам отвращение к пище и боль желудка. Страдания в особенности обостряются при приближении месячных. Когда же женщина очистится, ее состояние сравнительно улучшается на короткое время, потом приходит к тому же самому, и, если это продолжается без лечения, здесь также может наступить то, что случается при желчных месячных, пока истечение не остановлено. Последствием этого поражения также является истечение, но оно слизистое или другое, о чем я скажу немного дальше. Если же истечение наступит, оно постоянно во все дни прорывается то в изобилии, то в малом количестве, иногда похожее на воду от ячменя, иногда на воду от мяса, и в нем находятся многочисленные сгустки крови; оно съедает землю, как уксус, раздражает части женщины, которых оно касается, и изъязвляет матку. И когда дошла до этого женщина, она испытывает те же самые симптомы, как в предшествующем случае: она меньше страдает головой, и язвы не такого плохого вида, не так велики, не так гноевидны и не так зловонны, как обыкновенно они делаются, но менее этого. Лечимая, она выздоравливает, даже когда болезнь далеко зашла вперед. До смерти дело не доходит, но в этом состоянии она не может забеременеть.

10. Когда женщина, сожительствующая со своим мужем, не может забеременеть, нужно осведомиться, идут ли месячные или нет; уходит ли семя немедленно или на следующий день, на третий, на шестой или седьмой день; если она говорит, что оно уходит

тотчас после сношения, тогда маточное отверстие не прямо—оно отклонено и не принимает семени. Если она говорит, что на второй или третий день, то, значит, матка очень влажна, и семя смывается жидкостью. Если она говорит, что на шестой или седьмой, то, следовательно, семя загнивает и, загнившее, уходит. В случае, когда с самого начала семя не воспринимается, следует прежде всего лечить маточное отверстие таким образом, чтобы оно стало прямым; в случае, когда семя смывается на второй или третий день, то—матку и голову; в случае, когда оно загнивает и уходит,—матку и все тело, которое влажно. Таковы признаки, по которым эти отдельные случаи необходимо различать.

11. В каком очищении есть нужда, это можно определить следующим образом: когда месячные наступают, складывают тряпочку несколько раз, чтобы она была величиною с пядень, и ее накладывают на тонкую золу; потом устраивают так, чтобы выделение изливалось на нее. Следует иметь два таких тампона: один—для дня, другой—для ночи; дневной нужно мыть на следующий день; ночной же, когда пройдут день и ночь, после того, как они остаются на золе. После мытья станут замечать, что сделается с этими тряпочками, высушенными на солнце, или еще лучше высушить их в темном месте. Если препятствием служит слизь, тряпочка будет испачкана слизью; если соленость и желчь, она будет красна и синевато-багрова. Обсудив это и подвергнув внимательному исследованию, необходимо рассмотреть все тело, дабы решить, требует ли оно обильного очищения или нет, приняв во внимание цвет, возраст, силу, время года и какой диэтой пользуется больная. Следует обдумать лечение всего тела; лечить также матку и ее отверстие. Если последнее закрыто, его следует открыть; если смещено, выпрямить; если влажно, осушить и делать все другое противоположное. Почти

у всех главная терапия та же самая, исключая употребления средств, вызывающих месячные, ибо, если они являются, не надо их вызывать, но, если в них есть что-нибудь плохое, надлежит только удалить его, например, слизистое, перепончатое, желчное, ихорозное, тонкое, белое, с видом запекшихся кусочков крови, или черное, обуглившееся, темное, едкое, соленое, мутное и гноевидное. Все эти ненормальности должны быть удалены, ибо они препятствуют беременности. Когда месячные слизисты и перепончаты и если женщина мясиста, то рот очень влажен, обильная и клейкая слюна; если женщина пьет уксус или что-нибудь едкое, слюна становится более жидкой и безвкусной; все, что женщина ест или пьет, вызывает новое тягостное чувство; живот вздувается; тошноты; сильная тоска; из головы опускается слизь, которая обволакивает все и наводит много влаги; части под глазами синеваты и вздуты. В этом случае нужно предписать цельные паровые ванны и частые рвоты, также после еды, как и натощак. Следует смягчить нижнюю часть живота при помощи очень легких слабительных, которые ни в коем случае не должны быть желчегонными. Женщина должна есть только раз в день, часто упражняться, пользоваться очень сухой диэтой и принимать очень мало чистого вина. Лучше было бы, чтобы живот оставался свободным. Матка, если эта диэта не отражается на ней, должна быть очищена приложенными лекарствами (пессариями), не имеющими ничего раздражающего. Следует всегда предписывать окуривания перед этими очищениями, сначала с водой укропа, потом с благовонными веществами. Окуривание и применение лекарств должно вестись таким образом, чтобы все было окончено и пришло в порядок ко времени, когда должны показаться месячные. Если, следовательно, они чисты, без примеси и кровавы, женщина пойдет к своему мужу в начале месячных или лучше, ког-

да они кончаются, но еще существуют, чем когда исчезли. Когда же она намерена итти к мужу, она сделает несколько ароматических и вяжущих окуриваний; окуривания должны быть через корзину и тростник, тогда как лекарства насыпаны на горячий пепел. Когда следует делать окуривание, женщина должна пользоваться свинцовым зондом для того, чтобы окуривание нашло маточное отверстие открытым. Потом, поднявшись с места своего окуривания и улегшись в постель, она снова применит свинец; затем, вытащив его, тотчас соединится с мужем, и если то, что вышло от мужа, не будет для нее заметно, то пускай вытянет ноги, скрестит их и будет лежать неподвижно. Этот день полезно ей поститься, исключая, если она захочет, кикеона без соли на воде[6]; она должна его выпить, когда намерена произвести окуривание. Если после сношения с мужем она сохраняет семя на следующий день и оно не выйдет даже через день, она должна воздерживаться от пищи и ванн и пить ячменную муку на воде без соли два или три раза в день. Эта диэта должна длиться шесть или, еще лучше, семь дней, если после сношения семя мужчины не уходит. В течение всего этого времени она должна оставаться без ванн и остерегаться движений. Если она хочет гулять, она должна гулять по ровной и гладкой почве, совершенно избегая поднятий и спусков. Сидеть она должна на мягком сидении, если зачнет, и соблюдать тот же самый режим в течение тридцати дней. Она должна продолжать воздерживаться от ванн, или, если ей нужно их принять, пусть она обмывается немного водой, которая не была бы очень горячей; пусть не мочит себе головы. Из пищи у нее должен быть пшеничный хлеб и ячменные лепешки; из мяса—голуби и другие подобные; из морских рыб—все то, что стягивает желудок; она должна воздерживаться от острой зелени; употреблять черное вино; мясо должно быть скорее

жареным, чем вареным,—как мясо домашних животных, так и диких.

12. Вот что должна делать женщина, если зачнет; но, если она не зачинает и семя мужчины вытекает со многой жидкостью на второй или третий день,—очевидно, матка более влажна; тогда следует лечить сообразно прежде изложенному способу до тех пор, пока матка не станет сухой. Когда она покажется высушенной, то наилучшее—применять смягчающие средства спереди и сзади до тех пор, пока матка не примет своего естественного состояния, и пусть женщина снова идет к мужу, когда месячные не только не велики, но их мало, хорошо окрашены и у нее возбуждается сладострастие. И в остальные дни должно быть желание общения с мужем, если матка находится в отличном состоянии. Если в указанные дни женщина имела общение с мужем и матка оказалась хорошо приготовленной и удержала семя до десяти или двенадцати дней, пускай женщина не идет к мужу. Если же она не зачинает, имея во всяком случае матку здоровую (что также часто бывает со многими), то, значит, матка, хотя в состоянии хорошего питания, была ослаблена каким-нибудь поражением или лекарствами, или чрезмерными окуриваниями и не может носить семени до тех пор, пока не привыкнет и не укрепится. Это может быть распознано следующим образом: если семя уходит (а уходит оно на второй, на третий день или даже позже), то выходящее—густо, кусочками, как гной, если только нет другого страдания и если семя не уходит из матки от другой болезни. Если дело происходит таким образом, нужно лечить матку, не пренебрегая и всем телом; нужно тело поставить в хорошее состояние таким образом, чтобы оно сразу имело крепость и дородность: мало ванн; много легких упражнений; воздержание от едких или соленых веществ; рвоты перед днями, когда должны притти

месячные; опять-таки строгая диэта и все остальное, как было сказано. Вот лечение этих случаев.

13. Что же касается того, когда после сношения семя мужчины сразу уходит, то причина этого заключается в маточном отверстии. Нужно лечить следующим образом: если отверстие очень закрыто, открыть его при помощи сосновых палочек и свинцовых бужей[7]; смягчающее окуривание с укропом; очищение при помощи пессариев[8], которые утончают матку и благоприятствуют ее выпрямлению. После очищений и окуриваний нужно предписать в промываниях то, что противоположно причине болезни. У некоторых маточное отверстие отклонено и прикасается к бедренной стороне,—это также одно из препятствий для матки воспринимать семя. Когда это случится, следует делать ароматичные окуривания; после окуривания женщина должна удалить пальцем отверстие от бедра; удалив, следует выпрямлять матку при помощи сосновых палочек и свинца, как это было сказано выше. Когда матка выпрямлена и открыта, ее очищают смягчающими пессариями и делают все остальное в указанном порядке. Если матка более открыта, чем следует, она нуждается в том, чтобы быть очищенной, а после очищений— в промываниях и ароматичных окуриваниях. Если она ближе к выходу, чем следует, предписывают рвоты и ароматные окуривания до тех пор, пока она не придет на свое место. Диэта такова же, как выше сказано. Если отверстие жирно и толсто и поэтому женщина не зачинает, пусть она ест натощак вареную белую горчицу, а потом пьет чистое вино; как пессарий, у нее должна быть красная сода, тмин и смола; лучше всего положить все это в тряпочку или же смешать соду с миррой, смолой, тмином, благовонным маслом, или же пережечь олений рог, туда подмешать двойное количество муки в вине и пить его в течение четырех дней. Если нет облегче-

ния, сварить порей; пусть женщина возьмет поясную ванну в этой воде; или же истолочь бук и прикладывать. Есть свежий чеснок; пить сверх того медовый напиток и вызывать рвоту.

14. Женщинам, у которых семя внутри пребывает, загнивает и причиняет неприятное чувство, давать в виде кашицы плод или сок лебеды с медом или тмином.

15. Когда месячные плохого запаха и женщина не становится беременной, смешать портулак и гусиный жир и прикладывать в пессарии.

16. Когда семя мужчины уходит, загнивши, на шестой или седьмой день; это, без сомнения, происходит от притока двух жидкостей: желчи и солености. Лечить следует чемерицей, скаммонией или евфорбием, ибо они очищают верхом и низом слизь и желчь и выгоняют ветры; пред очищением следует употребить ароматичные окуривания. После окуривания надлежит очистить при помощи пессария таким же образом, как в предшествующих случаях. За окуриваниями и очищениями должно употреблять размягчающие, пессарий из курзенья, чернобыльника, анемона и белой или черной чемерицы[10]. Таковы медикаменты, которые нужно применять. Что же касается диэты, то надлежит рассмотреть тело женщины в его совокупности, принимая в соображение, кажется ли она сухощавой или мясистой. Если она сухощава,—много ванн, из блюд—все вещества вареные, как морские рыбы, так и мяса; легкое вино; вареная зелень; все жирное и сладкое, ибо все эти вещества в общем производят влагу и во всем теле, и в матке. Если женщина влажна,—матка не нуждается ни в одном из этих веществ, и здесь все следует наоборот: не нужно трогать матку, не делать ни впрыскиваний[11], ни повторных окуриваний, ибо поток легко идет к возбужденной части. Если матка увлажняется более, чем следует, надлежит осушить и делать

окуривание. Если желчный поток идет к матке, давать то, что очищает желчь; если поток соленый, давать ослиное молоко, вино и другие вспомогательные средства.

17. Надлежит, соображаясь с силой болезней и определив надлежащим образом причины, их порождающие, поступать в остальном, как это было сказано, и применять местное лечение. Если именно маточное отверстие препятствует забеременеть, следует отверстие поставить в правильное положение. У тех, у которых препятствием служит влажность, принимают средства, чтобы ее устранить, исследуя все тело женщины; возникает ли истечение из всего тела, или из самой матки, или из того и другого. Матку же нужно лечить таким образом, чтобы она не была ни влажной, ни очень сухой. Для матки, у которой слишком много сухости, следует прописать, соответственно сухости, обилие сока и такой сок, чтобы она стала скорее жирной, чем худой. Матки мокрые, изобилующие влагой, осушать, оставляя тем не менее достаточно сока, чтобы они не остались высушенными, ибо чрезмерность в одну или другую сторону должна быть старательно избегаема. Не беременеет ни та женщина, у которой есть влажность, ни тем более та, у которой сухость, разве только если эти условия не будут их собственной природой. Впрочем, женщине следует итти к мужу после предпринятого лечения, когда месячные прекращаются или начинаются; самое же лучшее, когда они прекратились. В эти именно дни нужно испытать, может ли женщина забеременеть, ибо они самые подходящие. Если женщина не тотчас зачинает и остальное все хорошо обстоит, ничто не препятствует даже в другие дни иметь сношения с мужем, ибо эти действия возбуждают у нее желание, и маленькие вены при этом расслабляются, и, если семя мужчины встретится с таковым женщины, она забе-

ременеет. Действительно, у некоторых женщин это является причиной, что им или тотчас или в последующее время удается забеременеть. Вот все, что можно сказать об этом.

18. Если маточное отверстие более влажно, матка не может втянуть семени; надлежит употреблять едкие пессарии, ибо раздражаемое и воспаленное отверстие становится иногда плотным и получает некоторое сходство со скиррозным состоянием, когда хорошо применять едкие вещества. Жгучие вещества, будучи тонкими и горячими, рассеивают твердость скирра, и, если он смягчается, прибегают к помощи смягчающих и к тому, что не раздражает.

19. Если женщина долго не зачинает, хотя месячные появляются, возьми на третий или четвертый день квасцы, истолки тонко, намочи в благовонии, впитай в шерсть, как в губку, и прикладывай в виде пессария. Пусть женщина сохраняет его три дня; на четвертый свари сухую бычачью желчь в масле, намочи в ней корпию и применяй этот пессарий. Пусть женщина сохраняет его в течение трех дней; на следующий день пусть она его вынет и сойдется со своим мужем.

20. Если женщина не получает семени, несмотря на то, что месячные идут естественно, следовательно, впереди находится перепонка; это препятствие происходит также от других причин; ты узнаешь об этом, когда пальцем дотронешься до препятствия [12]. Приготовь пессарий из смолы и цвета меди [13], разведенных в меду, и положи в тряпочку, которую введи насколько возможно вперед, прикрепив к одному из концов нитку; когда женщина вытащит его, пускай сварит в вине мирт и обмоется тепловатым вином. Лучшее—это удалить перепонку.

21. Есть женщины, которые хотя легко зачинают, но не могут доносить до конца, и плоды у них погибают на третий или четвертый месяц без всякого

насилия, без всякой вредной пищи. У этих женщин причина заключается в одной из тех, которые были указаны, но в особенности, если матка дает возможность удалиться части того, что предназначено для роста зародыша. У них расстраивается желудок, появляется слабость, сильная лихорадка и отвращение к пище в то время, когда гибнет плод. Следует также считать в числе причин то обстоятельство, что матка становится гладкой или естественно, или вследствие происшедшего в ней изъязвления. Действительно, если матка гладка, то может случиться, что оболочки от нее отделяются, когда ребенок начинает двигаться, так как они слабее держатся в матке, чем следует, вследствие гладкости этого органа. Эти различные условия можно узнать, расспрашивая точно, но относительно гладкости нужно, чтобы другая женщина коснулась матки, когда она пуста, ибо иначе это не будет очевидно. Когда у таких женщин идут месячные, последние очень обильны. В их числе есть такие, которые донашивают ребенка до срока. При лечении есть надежда довести до родов. Так обстоит это дело.

22. Если ты хочешь заставить иметь детей женщину, которая их не могла иметь, следует осмотреть, слизисты или желчны месячные. Узнаешь ты это таким образом: следует рассыпать легкий и сухой песок и, когда пойдут месячные, полить на него на солнце кровь и дать ей высохнуть. Если женщина желчна, то высохшая на песке кровь будет желтой; если она слизиста, кровь будет, как слизь. Нужно прописать очистительное, подобающее тому или другому из этих условий, либо верхом, либо низом; потом очистить матку.

23. Если ты хочешь заставить зачать, пропиши в питье семь семян плюща или листья его и давай пить каждый месяц в старом вине в конце месячного очищения; или заставь сварить кору граната в чи-

стом вине хорошего аромата, приготовь из него пессарий, который примени в полдень; или истолки тонко египетские квасцы, завяжи в шерсть и применяй их в виде пессария. Когда сядет солнце, пусть женщина, вынув его, обмоется вином хорошего запаха; это должно делать в конце месячных.

24. Вот еще следующее: когда женщины очистились, скорее всего они зачинают, если имеют желание, и семя у них укрепляется, если они имеют сношение, когда должно; семя мужа легко смешивается, и, если имеется сила, происходит родственное соединение. Тогда, в особенности после месячного очищения, у матки отверстие зияет и растянуто, и вены притягивают семя; но в предшествующее время отверстие более закрыто, и вены не притягивают так хорошо, так как они полны крови. Если семя удаляется чистым и без промежутка, женщина не желает иметь сношение с мужем, и, если соединяется, не зачинает; поясница болезненна; есть изнурительный жар, бессилие, упадок духа, и иногда матка не на своем месте. Если истечение происходит от полноты, наилучше дать ему итти; если, наоборот, матка расслаблена, следует назначить диэту: кашу, мясо свиное или голубя, черное вино и питье, которое предписывается против истечений.

25. Теперь я стану говорить о болезнях беременных женщин. Я утверждаю, что женщина с двухмесячной или трехмесячной беременностью или больше, если месячные у нее приходят каждый месяц, необходимо будет худа и слаба. Иногда даже жар охватывает ее в дни, когда наступают месячные и когда они пойдут; после того, как они пройдут, она становится бледной; но они мало обильны. В этом случае матка более, чем следует, открыта и дает уйти части тому, что предназначено для роста зародыша. Действительно, когда женщина беременна, из всего тела к матке идет кровь понемногу; эта кровь, распола-

гаясь кругообразно, вокруг продукта зачатия, определяет его рост. Но, если матка более открыта, чем следует, она дает возможность уходить крови каждый месяц, как это обычно, и продукт зачатия становится худым и слабым. Если женщина лечится, зародыш укрепляется, и женщина сама поправляется; если же не лечится, она выкидывает и подвергается риску, что болезнь будет хроническая, если после выкидыша очищение более обильно, чем нужно (что может случиться ввиду того, что матка очень открыта). Будет еще опасность, если у беременной женщины голова слизиста и оттуда в желудок спускается едкая слизь, вызывающая понос; тогда нападает на нее изнурительный жар и иногда биения—легкие, несколько ослабевающие, потом снова появляющиеся и учащенные. Если к тому же есть отвращение к пище и бессилие, можно опасаться, чтобы она быстро не выкинула, и она сама после выкидыша будет подвергаться опасности не выдержать, если ее не лечат; когда же она избежит опасности, то ввиду того, что желудок расстроен, его надо немедленно закрепить. Есть еще много других опасностей, при которых повреждаются плоды. Действительно, если беременная женщина заболеет или будет слаба, или поднимет тяжесть, или она получит удар, или прыгнет, или она имеет отвращение к пище, или с ней случится обморок, или она много или мало ест, или испугается, задрожит или закричит, или живет невоздержанно, то она может выкинуть, ибо пища и многопитие служат причинами выкидыша. Но и сама матка может иметь природное расположение к выкидышу, когда она наполнена газами, плотна, велика, мала или обладает другими подобными свойствами. Если беременная женщина страдает желудком или поясницей, можно бояться, чтобы она не выкинула, так как оболочки, обволакивающие плод, разрываются. Есть такие, которые выкидывают, если они едят или пьют

что-нибудь едкое или горькое против их привычки, когда плод еще мал. Действительно, если что-нибудь необычное случится с ребенком, когда он еще мал, он умирает; он умирает также, если женщина ест или пьет такие вещества, которые расстраивают ей сильно желудок, когда ребенок еще мал, так как матка сжимается от кишечного извержения. И если женщина работает более, чем следует, если живот ее закрепляется или делается большим, ребенок также выкидывается, так как он нагревается от труда и сдавливается животом, ибо в большинстве случаев, пока плоды малы, они слабы. Да и большие дети выкидываются, так что женщины не должны удивляться, если они выкидывают против желания, ибо нужно много предосторожностей и знания, чтобы довести до срока плод, питать его в матке и избавиться от него при родах.

26. Если у беременной женщины тело в плохом состоянии, желчно и страдает, если у нее по временам лихорадка, горько во рту, желтый язык, желтушные глаза, желчные ногти, едкая моча, если в особенности у нее лихорадка, ей случается после родов иметь желчные очищения и слабое дитя. В этом случае лохии желчны или очень черны; там плавает жир; они идут только мало-помалу и не скоро свертываются. Сначала женщина от этого будет не особенно страдать, потом она от этого будет страдать больше, и лохиальное очищение не будет выделяться в таком количестве, какое необходимо. Действительно, если тело не будет в хорошем состоянии, лохии будут в меньшем количестве и более худшего качества. Женщина испытает все то, что испытывает женщина, у которой месячные желчны, но она будет больна менее времени; те же опасности, те же признаки, те же перемены; именно, у нее появляется или желчная рвота, или очищение через кишечник, и матка изъязвляется. Женщина нуждается в том, чтобы за ней

очень следили, когда с ней случается нечто подобное, для того чтобы она не умерла или не осталась бесплодной. Если никакие из этих явлений не появляются, если нет лечения, а лохии прекращаются, она обычно умирает в тридцать один день. При этой болезни дают желчегонное; очень также полезен анис и все то, что гонит мочу. Следует вызвать рвоту и пот, ставить клизмы с ячменным отваром или медом и яйцами и водой от мальвы.

27. Когда у женщины, беременной около седьмого или восьмого месяца, полнота грудей и живота внезапно опадает, когда соски становятся маленькими и молоко не показывается, можно сказать, что ребенок или мертв, или, если живет,—слаб.

28. Когда у беременной женщины появляются месячные, она выкидывает, если они обильны и с дурным запахом, или же плод становится болезненным.

29. Если беременная женщина будет слизиста, у нее бывает боль головы и по временам лихорадка; слизь у нее кружится в голове, причиняет тяжесть и холод и изливается в тело и в вены, когда голова будет полна. Больная получает свинцовый цвет; ее рвет слизью; язык и моча белые; стул беловатый и холодный; движения затруднены. После родов лохиальное очищение будет слизистым, будет казаться перепончатым и заключать в себе как бы протянутую паутину. Женщина будет испытывать то же самое, что и больная, у которой месячные слизисты, только она будет больна меньшее время. Болезнь будет иметь те же самые опасности, признаки и перемены, так как у женщины появится слизистая рвота и страдания такого же рода, как в вышесказанном случае, в случае продолжительности болезни. Слизистые лохии и месячные зависят от одного и того же, но болезнь длится меньше для лохий, чем для месячных. Если лохиальное запоздавшее очищение не изливается, смерть наступает в сорок пять дней, и, если

это очищение выходит слизистым, оно будет менее обильным, чем у здоровых. Но лечимая женщина выздоровеет, и у нее будет вздутие живота с самого начала до того, как она выздоровеет, ибо эта болезнь трудна. Следует давать лекарство, которое гонит слизь, и пить потом с медом вареное козье молоко; если не будет действия,—кардамон, сафлор, кнеорон [14], папоротник или же сыворотку, или же средства, приготовленные с солью, и все то, что расслабляет и изгоняет слизь.

30. Если беременная женщина получит поражение селезенки вследствие изложенных страданий, когда месячные идут водянистые и слизистые, то лохии будут водянисты и они будут выходить то в большом, то в малом количестве; иногда они будут, как вода, служившая для того, чтобы вымыть мясо с кровью, иногда немного более густы и не свертываются. И больная испытывает все то, что испытывает женщина, у которой месячные водянисты. Болезнь будет иметь те же самые опасности и те же перемены, ибо у больной может случиться водянистое истечение или очищение прекратится и перейдет на живот, ноги, грудь или какую-нибудь другую часть, и опасности будут те же самые, как это было сказано прежде.

31. Если беременная женщина опухает, давать семя крапивы насколько возможно более, мед и вино с хорошим запахом, разбавленное; все принимать два раза в день. Если беременная женщина страдает от желчи, давать ячменного отвара, приправляя его плодом красного сумаха [15] или плодом тутового дерева. Это должно принимать холодным, и боль утихнет.

32. У беременной женщины делается внезапное задыхание; это случается в особенности, когда она поработала или почувствовала отвращение к пище. Так как матка нагрелась от труда и жидкости стало для ребенка мало вследствие того, что у матери желудок более пустой, чем следует, то ребенок напра-

вляется к печени и подреберьям, ибо они полны жидкости, и внезапно причиняет сильное задыхание. Дыхательный путь через живот прегражден, женщина лишается голоса, белки глаз закатываются, и она страдает во всем так, как я говорил о женщине, задыхающейся от матки. В то же самое время, как у женщины начинается задыхание, слизь течет из головы к подреберьям ввиду того, что тело не может втягивать дыхание. И если, одновременно со спуском слизи, ребенок возвращается на свое место, притягивая жидкость и отталкиваемый обратно слизью, то женщина становится здоровой; слышится урчанье, так как ребенок возвратился на место, которое он оставил, и живот у женщины в большинстве случаев становится влажным. Но, если ребенок не идет быстро на свое место, то два условия заставляют его страдать, а именно: слизь, которая, спускаясь из головы, давит его своей тяжестью и, налегая, охлаждает его, и непривычка к месту. И положение опасно, если не будут быстро приняты надлежащие меры, ибо женщина будет задыхаться. Вот как дело обстоит относительно этого.

33. Если у беременной женщины наступило уж время родов, родовые боли держатся и она долгое время не может освободиться от ребенка, то происходит это обыкновенно от того, что ребенок идет боком или ножками; нужно же, чтобы он шел головкой. Так возникает страдание, как если бы кто в бутылку с узким горлышком впустил кость от маслины, которая не может быть оттуда вытащена боком. Подобным же образом у женщины возникает тяжелое страдание, когда плод будет искривлен, ибо ему трудно самому выйти. Тяжело также, если он будет итти ножками, и часто или мать погибает, или дитя. Существует также и другая большая причина, что ребенок нелегко выходит,—это, когда он будет мертв, или поражен апоплексией, или двойной [16].

34. Когда женщина беременна, она становится совсем бледной, ибо чистая часть ее крови стекает каждый день из тела и идет к зародышу и происходит его увеличение, а так как крови становится меньше в теле, то, по необходимости, она бледна; у нее желание особенной пищи; даже немного пищи причиняет отвращение и тошноты, и она ослабевает потому, что кровь уменьшается. Я утверждаю, что женщина, когда она рожает, имеет частое дыхание, и, когда начинается отхождение, живот полон и горяч наощупь, дыхание в особенности часто, когда приближаются роды, и поясница в особенности тогда болезненна, ибо она раздавливается ребенком. Во весь промежуток у женщины время от времени боли в желудке ввиду того, что живот и, в особенности, матка сокращаются вокруг плода. Если у рожающей женщины матка наполняется воздухом, надо положить в золу овечью или козью печень, потом сварить и принимать это и пить (если ничто не мешает) старое чистое вино в течение четырех дней в случае, если далеко еще до родов. Если есть боль в пояснице, пусть женщина пьет анис и эфиопский тмин и обмывается горячей водой. Если есть затруднение дыхания, возьми серы величиною с боб, столько же кардамона, руты и эфиопского тмина, истолки, разведи в вине и давай пить часто натощак; от еды надо воздерживаться. Если при родах воды идут сильно, то матка, мочевой пузырь и кишечник сокращаются одновременно; экскременты и моча, не задерживаемые больше, выходят. Надо давать яйца в супе, хлеб, печеный на золе, и все остальное, что предписывается. Если женщина будет суха и без воды при родах, давать пить масло и орошать части горячим маслом, также водой мальвы; намазать их жидким спуском и делать впрыскивание гусиного жира, приправленного маслом. Если роды не могут произойти, употреблять в виде окуривания смолу, или тмин,

или сосновую кору. Когда опухоль появляется в матке, или при родах, или после родов, не следует, как это делают врачи, употреблять вяжущее; наилучшими средствами служат эфиопский тмин, сколько можешь взять тремя пальцами, пять или шесть зерен аниса и горного укропа, полкерамиса [17] корня певонии или даже семени; давать это в белом вине с хорошим ароматом, в особенности натощак; или же корень эфиопской моркови, горного укропа, певонии, тем же самым образом; или же семя гиппоселинона и эфиопской моркови тем же образом; или же корень морского укропа или четыре аттических обола [18] эфиопского тмина или перца, аниса, моркови, бузины, корень певонии: истолки в вине и давай пить; или же две или три веточки миртидана, эфиопского тмина, корня певонии; или подобным же образом льняное семя, которое дети, кашляющие, принимают с вареным желтком яйца и поджаренным кунжутом. Если у роженицы появляются в половых частях афты, истолки миндаль и бычачий мозг, свари в воде, прибавь немного муки; намазать половые части и обмывать отваром ягод мирты.

35. Теперь я стану говорить о лохиях и о том, что выделяется после родов. Если у женщины нет лохий или месячных или если матка тверда, то есть боль в пояснице, сильные боли в пахах, боках, бедрах и ступнях; живот вздувается; дрожь проникает тело, и от всего этого получается острая лихорадка. В этом состоянии, если нет лихорадки, следует прописать ванны, смазать голову маслом лилий; сварить мальвы или налить кипарисового масла в воду и в ней принимать для успокоения сидячую ванну. При всех болезнях, при которых помогает применение тепла, после этого лучше умаститься жиром. Если есть лихорадка, воздержаться от ванн; делать паровые ванны и теплые примочки к низу живота и лечить поясницу; давать пить маточные лекар-

ства, примешивая или яйца каракатицы, или бобровую струю; после этого давать в супе или муку вареную с рутой или ячменный отвар.

36. Если у женщины при родах воды не идут, как следует, с ребенком, но их меньше, и если жидкость, привлеченная жаром при родах и немного раньше, находится в голове, то будет головная боль; если же жидкость придет в изобилии в живот, то, будучи приведена в движение, она его расстроит и не пойдет дальше. Следует притти на помощь из боязни, чтобы понос, следующий за этим в теле при плохом состоянии, не заставил женщину страдать. Если поток, идущий из головы, обращается к лохиальному истечению и обилен, — есть улучшение; если он переходит меру, надлежит лечить; если он идет в живот, выход становится более легким для ребенка. Если же очищение у женщины будет скудно, сильная боль охватывает поясницу и всю область половых частей; они отекают, бедра опухают; изо рта и ноздрей вытекает водянистая слизь; сильная головная боль, жар, озноб, пот, скрежет зубами; обмороки; желудок и мочевой пузырь закрепляются; глаза закатываются, и зрение становится помраченным. Когда у роженицы есть очищение, то может случиться, что оно не идет легко ввиду того, что матка воспалена и отверстие ее закрыто, ибо отверстие загибается после того, как ребенок произвел свой выход. Если это произошло, то очищение не пойдет, а если оно не пойдет, может случиться, что у женщины будет лихорадка, озноб и большой живот. Если до нее дотрагиваются, все тело болезненно, в особенности живот; время от времени кардиалгия; боль в пояснице; отвращение к пище, бессонница, ощущение укола. Потом на пятый или седьмой день желудок иногда расстраивается, и извержения черны и очень зловонны, и иногда даже моча такова, как ослиная моча. Если же извержения наступают, жен-

щина чувствует себя лучше и—лечимая—выздоравливает быстро; в противном случае, есть опасность, что при наступлении сильного поноса прекратятся лохии. Но, если желудок не расстраивается, если лохии не покажутся самопроизвольно, если быстро не пропишут того, что следует, и если такое состояние продлится, вышеуказанные симптомы обострятся, и вследствие этого появится для женщины опасность стать синей, как свинец, и водяночной; и пупок у нее будет выдаваться, поднятый маткой, и будет более черен, чем окружающие его части. И когда это так будет, невозможно, чтобы женщина выжила; погибают же одни в одно время, другие в другое, сообразно с состоянием своего тела и болезни; в большинстве случаев они не проживают больше двадцати одного дня. Если же прорвется очищение или от лекарства, или, что также бывает, само по себе, когда отверстие матки насильственно раскроется от притекающей внезапно в изобилии крови, то истечение—зловонно, гноевидно, иногда даже черно; тогда состояние улучшается, и лечимая больная выздоравливает. Появляется и изъязвление в матке вследствие порчи лохий; если это случается, нужно много забот для того, чтобы изъязвления не стали большими и гнилостными; есть опасность, что женщина может умереть или стать бесплодной. Вот признаки, если существуют изъязвления: когда наступают очищения, кажется, что колючки проходят через матку, и жар охватывает живот. Вот еще что часто появляется: область ниже пупка болезненна при ощупывании, как прикосновение к свежей нервной ране; затем сильные боли охватывают по временам матку; есть лихорадка, которая иногда легка наощупь; время от времени лохии текут достаточно плохого характера, гноевидные, зловонные. Вот признаки, когда есть изъязвление в матке, и тогда необходимо много внимания. Таковы исходы

этой болезни. Если же лохиальное очищение идет три или четыре первых дня, а потом внезапно исчезает, то женщина испытывает все симптомы, подобные предшествовавшим, но в меньшей степени; и если течение болезни изменяется, оно изменяется таким же образом. Болезнь—длительная и более слабая, чем в первом случае. Женщина при соответствующем режиме выздоравливает, если во-время лечится. Вот все, что касается этой болезни.

37. Если после родов нет очищения, то живот, селезенка и ноги опухают; имеется жар; озноб охватывает; боли чувствуются в пояснице, иногда даже во внутренностях; больная холодеет; чувствует жар; биение пульса слабое, иногда частое, иногда поднимающееся, иногда исчезающее. Это больная испытывает в начале болезни, и дело так обстоит: со временем углубления на лице под глазами становятся красными; при таком положении вещей давать легкую пищу; если жидкости находятся в движении, давать слабительные; если больная будет желчна,—желчегонные; если слизиста,—слизогонные; потом—ароматичные окуривания матки и в течение дня—смягчающий пессарий. Если отверстие будет твердо, окуривание каждый день и применение смягчающих пессариев; затем мыть горячей водой и применять свинцовые бужи; после этого, завязав щепотку соли и мирры в тряпочку, вареную смолу в шерсти, прибавив ароматических веществ, все в равном количестве, сделать пессарий величиною с маленький чернильный орешек и поставить его на день и ночь; потом, пропустив три дня,—окуривание из тех же составных частей. Другой пессарий: сними кору с книдских ягод, возьми этих ягод и перца в дозе двух порций, истолки тонко, подмешай белого египетского масла и очень хорошего меда, намажь слоем в виде замазки на шерсть, оберни вокруг пера и прикладывай в течение дня и ночи. Если очищение

покажется тебе полным, лучше остановиться на этом; если же окажется дальнейшая необходимость в очищении, прервав на два дня, снова прикладывать пессарий из дикого огурца в течение дня и ночи; потом взять масло горьких миндалей и розовое масло очень душистое, расплавить олений жир и прикладывать в шерсти в течение дня; нужно обильно мыть горячей водой наиболее нежным способом для женщины. Очистив немедленно страдающие части при помощи чистительных и горячей воды, пусть больная смажет маточное отверстие гусиным жиром, миррой и тепловатой смолой и делает припарки. На следующий день она должна делать впрыскивания в матку вином и маслом из нарцисса; если нет масла нарцисса,— одним вином. Следует устраиваться так, чтобы все это сделано было за один день до менструаций. Когда менструации наступят, в течение первых трех дней истолочь кипрскую чернь [19], положить туда несколько крупинок соли и применять в шерсти. Женщина должна сохранить это некоторое время в своем теле и пить натощак чистое вино хорошего запаха. Когда окончатся менструации, она должна употреблять в течение дня пессарий из полея, и пусть идет к мужу; забеременев, она выздоравливает. Она должна есть кушанья в течение месячного очищения. Кроме всего прочего, нужно сварить курзелье, подмешать порея, чеснока, капусты, семян граната и пить этот бульон. В остальном лучше употреблять морские рыбы, чем мясо, а сладких и маслянистых веществ избегать. Нужно все время пить натощак препарат из сосновых веток, пока не наступит очищение; в особенности пить его во время месячных.

38. Если лохий выделяется меньше, чем нужно, потому, что в матке узкое и отклоненное отверстие, или потому, что половые части сильно стянуты от воспаления, то у женщины острая лихорадка; она терзается болью желудка, все тело болезненно;

тягостное состояние; боль охватывает суставы рук и ног и поясницы; болит позвоночник и в пахах, и некоторые части тела становятся бессильными; потом жар утихает, озноб становится заметным; ее рвет также слизистыми, горькими и едкими веществами. Так обстоит дело. При этом может случиться, что, если ее лечат, она выздоровеет; если нет, она останется хромой или парализованной в какой-нибудь части тела. Эта болезнь не делает женщины совершенно бесплодной. Если матка изъязвляется и лохии не идут, как следует, то у женщины будут все боли и, если изъязвления будут небольшие и она в скором времени начинает лечиться, то выздоравливает. Следует лечить с большим старанием маточные изъязвления, так как они находятся в нежной, чувствительной и нервной полости; многие же части имеют к ней отношение: темя, желудок; ум поражается, делается негодным и нелегко понимает. Если матка становится узкой в отверстии, не давая течь лохиальному истечению, и воспаляется, то, если лечение не применяется быстро, все обостряется; будет дурной запах, опухает проход. Если матка не воспалена, то самопроизвольно выходят дурно пахнущие материи, синеватые или черноватые, содержащие кусочки запекшейся крови, и у женщины есть лохиальное очищение; но иногда ничего не выходит, и это предвещает женщине смерть, если быстро не открыть вены и не расслабить желудка; лучше в этом случае применить клизму. Если же женщину рвет легко, можно также вызвать рвоту; лучше, однако, вызвать мочу и пот. Для всего этого наилучшее время то, когда наступает необходимость.

39. Если после родов у женщины немного более обильные истечения, чем следует, и случается, что матка становится широкой в отверстии и некоторые вены, идущие под маткой, разрываются от усилий выхода ребенка, тогда наступает легкая лихо-

радка; жар во всем теле; иногда озноб и отвращение к пище; женщина гнушается всем; она становится худой, слабеет, бледнеет, становится отечной и отказывается от пищи. Если она ест или пьет что-нибудь, то не переваривает; у некоторых даже желудок и мочевой пузырь извергают внезапно большие количества, и озноб увеличивается. Вот как обстоит дело в этом случае.

40. Если после родов половые части закрываются (я видел и это, когда маточное отверстие изъязвлялось) и когда изъязвление было произведено при родах усилием выхода ребенка, тогда наступает нечто подобное афтам; воспаление становится сильным, и губы от воспаления приходят в соприкосновение и склеиваются одна с другой, так как они изъязвлены. Происходит соприкосновение, и появляется грибок, который держит склеенными обе губы, ибо лохиальное очищение прекращено. Если бы очищение произошло, язвы не стали бы грибчатыми; теперь же происходит истечение, которое уплотняется в дикое мясо. Следует лечить эти изъязвления, как во всем остальном теле, и вести их к зарубцеванию, так, чтобы место было гладким и одинаково окрашенным. Фронтида испытала то, что испытывают женщины, у которых не происходят лохиальные очищения; к тому же у нее была боль в половых органах, и при прикосновении она распознала, что там было запирание; она это сказала, и, лечимая, очистилась, выздоровела и сделалась плодной. Если бы ее не лечили и если бы очищение самопроизвольно не прорвалось, то изъязвление увеличилось бы и была бы опасность, что при отсутствии лечения изъязвления стали бы карциноматозными.

41. Если лохиальное очищение идет к голове, груди и легкому (это в действительности бывает), тогда женщины часто погибают, когда оно прекратится, но, если оно происходит хорошо через рот или нос,

больная делается здоровой. Если бы болезнь продлилась немного больше, женщина испытала бы все то, что было сказано относительно молодой девушки, у которой первое менструальное очищение пошло вверх; но женщина будет дольше противостоять, чем молодая девушка, и симптомы будут менее сильны до тех пор, пока легкое не сделается гнойным. Но, если лохиальное очищение не происходит через маточное отверстие и если оно обращается кверху, куда оно направилось, то лохии прекратятся и не будут выходить, как это в действительности и должно быть; кашель и затруднение дыхания дадут себя чувствовать; когда легкое будет наполнено кровью, бок и спина станут болезненными; когда женщина кашляет, кашель сух; иногда пенистое отделение слизи; со временем выделение слизи становится темным, грязным; грудь более горяча, чем остальное тело, ввиду того, что кровь ее согревает. У женщины—лихорадка, закрепленный желудок, голодание, бессонница, отвращение к пище; она не выздоравливает, но обыкновенно погибает в двадцать один день. Если лохиальное очищение, идя кверху, не уходит через отверстие и в то же время не устремляется к легкому, оно обратится на лицо, которое делается очень красным, голова станет тяжелой, и женщина не сможет повернуть ее без боли; глаза будут очень красны, и оттуда будет вытекать тонкая кровь. В некоторых случаях кровь вытекает через ноздри, и, если это пойдет таким образом, болезнь продлится дольше. При этой болезни слышат туго, испытывают боль в желудке, отрыжку, бред, маниакальное состояние, в некоторых случаях—дикое выражение конвульсивных глаз. Женщина испытывает все страдания, которые появляются, как это было сказано, когда очищение обращается на легкое, разве только, что она не кашляет и не отхаркивает так; она не страдает также

болями в спине. Лечимая, она выздоравливает; однако, надежда на выздоровление не велика, и, если женщина выздоровеет, последует в общем слепота или глухота. Вот какой конец этой болезни.

42. Если после родов наступает понос и пища не остается в желудке, возьми черного сухого винограда и внутренность сладкой гранаты, истолки, разведи в черном вине, наскреби козьего сыра, посыпь мукой высушенной пшеницы и, хорошо смешав, давай пить.

43. Если женщину рвет кровью после родов, то доля печени ранена; боль направляется к внутренностям, и спазмы охватывают сердце. Такую больную надо обильно обмывать горячей водой, применять припарки, которые больше всего будут подходящи, и давать пить ослиное молоко в течение семи или пяти дней; потом пить молоко черной коровы на тощий желудок (если сможет) в течение сорока дней; вечером пусть она пьет истолченный кунжут. Эта болезнь опасна.

44. О том, как образуется молоко, объяснено мной в книге «О происхождении ребенка» в главе о родах, а также и остальное. Если молоко исчезает, истолки порей, разведи водой и давай пить. Женщина также должна мыться горячей водой; она должна есть порей и капусту; вместе с ними должно сварить листья ракитника, и она должна пить этот отвар. Пускай также пьет корень и семя укропа. Молотый ячмень и масло коровье варят вместе, охлаждают и предписывают пить. Хорошо также прописать гиппомарат и гиппоселин и ракитник [20]. Все это вместе увеличивает молоко и делает его обильным. Козы Скироса[21] и сыры в особенности подходят. Хорошо также сварить шалфей, прибавить ягоды можжевельника или плоды кедра, перелить сок в другой сосуд, добавить вина и пить; то же, что остается, пусть женщина ест, подлив туда масла. Она

должна воздерживаться от всего едкого, соленого, кислого и от всех сырых овощей. Кардамон, прописанный в вине, хорош, ибо вызывает молоко. Женщина должна мыться горячей водой и после ванны пить: давать пить плод целомудренника [22] в вине. Обилие молока производится также отваром свеклы, немытого кунжута и трехмесячного ячменя; кладут в ступку, все толкут, процеживают сок через тряпочку, подмешивают меда или амамелидами [23]; потом дают пить в черном вине.

45. Когда женщина родила и освободилась от последа, следует лучше всего давать то, что в особенности вызывает лохии: вареный или жареный чеснок в вине или масле с маленькими полипами и маленькими каракатицами, жареными на угольях, что она из этого захочет; она должна пить бобровую струю или нард; пусть она пьет также руту в сладком черном вине натощак или без вина; если нет сладкого вина, лучше подмешать туда меда; есть также капусту, вареную с рутой и курзельем, и пить какое-нибудь семя, которое хорошо для матки. Если же образуются сгустки и причиняют боль в низу живота, давать порей, лесные и огородные овощи; все нужно приготовлять жирно. Женщина должна мыться каждые три дня в теплую погоду, ибо холод вреден в этом случае, и после ванны умаститься; лучше не особенно много употреблять горячей воды.

46. Когда послед не выходит тотчас после родов, наступают боли в низу живота и пахах; озноб; лихорадка. Когда послед выходит, женщина выздоравливает. Часто же он загнивает и выходит на шестой или седьмой день или даже позже. В этом случае надо давать лекарства, которые я опишу, и приказывать задерживать дыхание. Наилучшее—это чернобыльник, ясинец, цвет белой фиалки; сильнее всего сок сильфиона [24] величиной с греческий боб, выпитый в воде. Если место не может выйти, нужно воздержи-

ваться от пищи; потом истолочь листья целомудренника в вине и меду, налить масла, сделать теплым и давать пить в дозе одной котилии, и послед выходит. Когда у женщины остался хорион в матке (а это случается, когда пупочный шнурок разрывается насильно или когда разрезывающая его женщина разрезывает его по незнанию прежде, чем хорион уйдет из матки), тогда матка притягивает вверх послед скользкий и влажный, и задерживает его в себе, потому что хорион берет свое начало в пупочном шнурке ребенка; шнурок выходит последним из матки; если бы он выходил прежде, он не проводил бы пищу ребенку, потому что он привешен на нем.

47. Когда у беременной женщины плод, будучи одного. или двух месяцев, погибает и не может выйти, то, если она худа, ей нужно очистить тело и придать ей полноты, ибо загнившие плоды не уходят прежде, чем матка станет сильной и достаточно плотной.

48. Когда хорион задерживается, если матка не имеет широкого отверстия, лохиальное очищение меньше, чем следует; живот становится твердым и большим; сильный озноб, острая лихорадка, боль во всем теле, в особенности в подпупочной области; в матке чувствуется тяжесть и рези, как будто плод есть внутри. Если женщину лечат, она быстро выделяет загнивший хорион и выздоравливает.

49. Если после родов матка будет изъязвлена, следует лечить розовым цветом; женщина должна делать также вяжущие впрыскивания. Если отверстие будет изъязвлено и воспалено, взять мирры, гусиного жира, белого воска, ладана, заячьей шерсти с низа живота, все смешать, истолочь и прикладывать в шерсти, как пессарии.

50. Если матка будет воспалена после родов, наступает легкая лихорадка и потемнение зрения; жар в животе никогда не прекращается; у женщины жажда; боль в бедрах; область подчревная сильно

вздута и желудок расстраивается. Стул плохой, зловонный; сильный жар охватывает; отказ от пищи; боль в темени; желудочное отверстие не может втягивать питье и пищу, и пища не может перевариваться. Если лечение не тотчас вмешается, большинство умирает; желудок является причиной. Надо взять очень нежные листья бузины и грубую пшеничную муку, сварить и давать пить тепловатыми; давать также медовый напиток и разведенное вино; прикладывать охлаждающие примочки к низу живота; есть, насколько возможно, мало; остановить желудочное расстройство; лечить голову, прикладывать припарки к подреберьям и в месте матки.

51. Если после родов есть боль в седалище или в другой части, истолочь ягоды можжевельника или льняное или крапивное семя и давать пить. Если есть боль после родов, давать пить терпентин, мед и тепловатое вино, а если матка будет воспалена, прекратить это. Если маточная область болезненна, истолочь нежные листья миндального дерева горького и оливкового дерева, тмин, ягоды или листья лавра, анис, сурепицу, майоран, соду, смешать, тонко истолочь и из них приготовить свечи для матки. Если есть воспаление и боль матки, взять листья розы, корицы, благоуханной акации, истолочь мелко вместе, подлить масла горьких миндалей и приготовить лепешки весом в одну драхму, потом, согрев до красноты новый глиняный горшок, усадить женщину над ним, покрыть ее одеялами и делать окуривания матки; это успокоит боли.

52. Если после родов матка страдает, жар слаб, но внутри низ живота горит и иногда отек показывается у бедра; боль чувствуется в низу живота и в пахах; испражнения желчны и зловонны, и, если желудочное расстройство не остановлено, женщина внезапно умирает. Когда это так, следует охладить желудок, стараясь избежать того, чтобы не вызвать

озноба. Если понос не останавливается, больная должна пить отвар из круп, или хлеба, или муки; как суп, она должна получать сок винной гранаты, разбавленный водой, присыпанный чечевичной мукой и сваренный с примесью чечевицы, тмина, соли, масла и уксуса: этот суп должен даваться холодным, точно так же, как кислая каша из чечевицы. Сверх того больная должна пить крепкое вино из Прамны [25]; что касается другой пищи, она должна воздерживаться от нее, пока лихорадка не прекратится. Если найдут подходящим, она может брать ванну. Если она слаба, пусть пьет ячменный солод; если ее слабость еще больше, пусть пьет его в холодной воде. Когда лихорадка спадает, больная должна получить легкую пищу, которая не расстраивает желудка. Это — острая и смертельная болезнь.

53. Если матка у родильницы воспаляется, живот нагревается и становится большим; в подреберьях чувствуется задыхание. Когда это так, прикладывай припарки с морским мохом, который кладут на рыб; этот мох должен быть истолчен в ступке, туда надо подмешать грубой муки из несушеных зерен, пепел виноградной лозы и высушенное семя льна. Все это нужно смолоть, замесить уксусом и маслом и приготовить, как густой кикеон; его надлежит варить до тех пор, пока смесь не получит густоты сала, и применять его в припарках, насколько возможно более горячим. Если нужно, можно прописать поясные ванны.

54. Если матка у родильницы воспаляется, она опухает, и, так как там остаются лохии, она растягивается незаметно. Это случается, когда она была уплотнена от холода. В этом случае, если она была охлаждена, надлежит ее согреть; если же она горит, как огонь, и холод прекратился, делать пессарий, который противодействует воспалению, делать ванны, окуривать, прописывать лекарства, которые я опишу, и вдыхать пар ртом и через ноздри.

55. Если матка причиняет задыхание, сварить чечевицу в уксусе, соли и в большом количестве майорана и вдыхать пары этого; есть курзелье, и в соке его приготовить суп из тонкой муки.

56. Когда роды прошли очень быстро, давать, прежде чем наступит боль, лекарства, успокаивающие маточные боли, и прописать пищу, расслабляющую желудок. Если желудок воспаляется, предписать насколько возможно скорее клизму.

57. Если матка наполнена слизью, в ней развиваются ветры и месячные идут в малом количестве, белые, слизистые; иногда—это тонкая чистая кровь, полная перепонок; иногда также бывает расстройство; месячные показываются три раза в месяц. Вследствие влажности женщина не желает иметь сношений с мужем; у нее нет никакого желания к этому; она худеет; она страдает нижней частью живота, поясницей и пахами, и, если истечение раздражает и изъязвляет губы маточного отверстия, можно предсказать, что оно станет хроническим. Если оно обильно, вызвать рвоту с помощью чечевичной кашицы и чемерицы, затем сделать вливание в нос и предписать слабительное. Женщина должна воздерживаться от едкой пищи. Если она чувствует тяжесть, холод и онемение, давать молоко и благовонное вино; натощак пить зверобой, льняное семя, шалфей, в разведенном благовонном вине; делать маточные впрыскивания лекарствами на винной гуще и, если матка не изъязвлена, то, переждав два или три дня, промывания из книдских волчьих ягод, потом из вяжущих. Если же есть изъязвление, обмывать отваром мирты и лавра и смазывать лекарством с цветом серебра [26]. Болезнь тяжела, и немногие выздоравливают.

58. Если котиледоны [27] наполнены слизью, то месячные менее обильны, и, если женщина забеременеет, она выкидывает, когда плод сделается более сильным, ибо он не развивается, но вытекает. Ты

это узнаешь таким образом: женщина становится влажной; выделения—слизистые и клейкие, как выходящее из кишечника, и не имеют ничего раздражающего. Во время месячных, когда кровь перестает, в течение одного или двух дней из матки удаляется слизь; есть озноб, жар не острый, но не имеющий совсем промежутков. В этом случае предписывать клизмы из отвара незрелых винных ягод и того, что вызывает воду, и делать дважды и трижды. После этого очищения употреблять в остальном вяжущие средства, применять смягчающие пессарии, которые извлекают слизь, окуривать матку лекарством из лавра, промывать лекарствами с уксусом; по прекращении месячных делать окуривание ароматичными веществами. Потом женщина должна воздержаться от пищи и ванн и соединиться с мужем; получать в небольшом количестве пищу и вино, быть в тепле, обернуть ноги овечьей шкурой, натираться маслом.

59. Если в матке образуется водянка, месячные становятся скудными, плохими и останавливаются раньше времени; низ живота опухает; груди становятся твердыми, а не мягкими; молоко—плохого качества; женщина кажется беременной. Вот каким образом ты распознаешь, что это водянка. Но есть также признаки в маточном отверстии, ибо женщина, трогая его, находит его тонким и влажным. Наступает озноб и жар. По мере того, как время длится, боль обнимает низ живота, поясницу, бока и пахи. Эта болезнь наступает после выкидыша; она происходит также от других причин и, между прочим, от прекращения месячных. Следует обильно обмывать горячей водой и, если боль существует, прикладывать припарки, а если она прекратится, предписать слабительное и делать окуривание матки с коровьим навозом, потом приложить пессарий из шпанских мушек и оставить в течение двух или трех дней. Если женщина в силе,—промывания с маслом

горьких миндалей; если живот становится мягким, лихорадка прекращается и месячные идут надлежащим образом, пусть женщина спит с мужем, пусть она продолжает употреблять пессарий и после однодневного промежутка пьет натощак в вине кору морского укропа, пять зерен горной пеонии, семя бузины; пусть ест курзелье столько, сколько может, вареный и сырой чеснок; для сна пусть употребляет мягкую пищу, полипы и другое мягкое мясо, лучше морское. Если она забеременеет, она выздоравливает.

60. Если водянка образуется в матке, то месячные идут меньше, хуже и через бо̀льший промежуток. Женщина остается беременной в течение двух месяцев или немного дольше. Живот напухает так же, как лобок, икры и поясница. Если пройдет много времени и женщина беременна,—плод умирает и изгоняется и в то же время вытекает вода. В большинстве случаев женщина умирает; кровь портится и становится водянистой. В этом случае следует давать пить молоко и пить мак, до тех пор, пока плод сможет двигаться; тем не менее плод в большинстве случаев перед этим погибает, наступает выкидыш и из матки вытекает кровь и вода. Это случается как от тяжелой работы, так и от других причин. Ты можешь распознать, что есть водянка, если, прикасаясь пальцем, найдешь маточное отверстие тонким и полным влаги. Если выкидыш наступает не с самого начала, но когда имеется уже два месяца, и если женщина испытывает задыхание, то низ живота опухает; он болезнен при прикосновении, как будто бы там язва; сильная лихорадка; скрежет зубами; острая и сильная боль в половых частях, в низу живота, в бедрах, боках и пояснице. Когда дело будет так обстоять, следует обмыть больную горячей водой, если будет боль, делать горячие припарки, пробуя те, которые наилучше переносятся, и нужно дать пить лекарства, очищающие низом. После промежутка, какой ты найдешь доста-

точным,—впрыскивание, окуривание, пессарий из цикламена, смоченный в меду, положенный в тряпочку и приложенный к маточному отверстию; или, наскребя кипариса, смочи его водой и приложи подобным же образом, но этот пессарий ты оставишь меньше времени и ты его станешь применять через бо́льшие промежутки, так как он жжет и больше раздражает. Приготовив оловянный зонд, надо его ввести и палец таким же образом. Напитки же давать пить такие, какие наиболее подходят, и пускай женщина спит с мужем, в особенности в удобное время, ибо, если она получит семя и забеременеет, и родит, у нее очистятся и те вещества, которые у нее были раньше вместе с родовыми очищениями: таким образом, она скорее всего может сделаться здоровой.

61. Если женщина страдает водянкой вследствие селезенки, которая становится водянистой и большой, то селезенка становится водянистой следующим образом: у женщины лихорадка, которая ее не оставляет; у нее чрезвычайная жажда; она пьет и не извергает обратно рвотой; то, что идет в мочевой пузырь, удаляется мочой, остальное же селезенка притягивает, вытягивает из желудка, так как она не плотна, губчата и расположена возле желудка. Если при таком положении дел женщина не будет потеть и ее желудок не будет расслаблен, селезенка растягивается от питья, в особенности, если это питье—вода, и если кто ощупает селезенку, то она мягка, как пух; иногда же она твердая. Растянутая и наполненная чрезмерно она отдает жидкость через вены тела и в особенности в сальник, в желудочные части и ноги. В теле, ведь, она часть передает другой, когда, имея больше, чем нужно, она не может содержать это в изобилии. Это всегда причиняет водянку, когда селезенка, будучи по природе не плотной, а пористой, получает привычку всасывать в себя. В некоторых случаях начало болезни даже без лихорадки, когда жар раз-

вивается в желудке вследствие слизи, спускающейся туда, и женщина не сдерживает своей жажды, а мочевой пузырь и желудок не выделяют мочи и стула, как следует, и если женщина пользуется неподходящей диэтой. Когда образуется водянка, месячные внезапно являются в изобилии, иногда в небольшом количестве; иногда они—как вода от кровавого мяса, которое вымыли; иногда они более плотны и не свертываются. И одышка охватывает женщину, прежде чем пойдут месячные. Селезенка болезненна, в особенности, когда больная поела что-нибудь сладкое. Желудок вздувается и становится большим; при употреблении пищи больше, чем обычно, больная страдает от желудка. Время от времени поясница болезненна, и лихорадка наступает через короткие промежутки. Когда больная очистится, ей кажется лучше сравнительно с предшествующими днями, потом состояние становится таким же, и, если ее лечат, как следует, она выздоравливает; если же нет, истечение снова покажется, и все время будет вытекать непрерывно в небольших количествах ихорозная жидкость; это требует большого внимания. Если истечение не наступит, но из матки, вздутой вследствие вышесказанных поражений, не идут месячные, живот станет большим, тяжесть будет чувствоваться, как у беременной женщины, и кажется, что ребенок двигается в животе, так как матка полна воды, и когда вода в ней движется, по временам производит в ней волнение, как в мехе. Женщина испытывает боль, если ощупывают область ниже пупка; ключицы, грудь, лицо, глаза худеют, и соски поднимаются. В некоторых случаях живот, и ноги наполняются водой, в других—что-нибудь одно. Если наполняется то и другое, нет никакой надежды для больной на спасение; если же одно из них, есть некоторая надежда, в случае если лечение наступит и женщина не будет очень изнурена. Болезнь эта очень длительная,

62. Все это предпочтительно случается у женщин, у которых не было детей, хотя нередко бывает и у женщин рожавших; явления эти опасны, как это было сказано, и обыкновенно остры, велики и трудны для понимания, тем более, что женщины получают болезни и иногда сами не знают, что у них болит, прежде чем не испытают болезней, происходящих от месячных и не станут старше. Тогда необходимость и время их научат узнавать причину их болезней. Иногда у женщин, которые не знают источника страданий, болезни стали неизлечимыми, прежде чем врач был осведомлен больною о происхождении болезни. Действительно, вследствие стыдливости, они не говорят, даже когда знают, и незнание и неопытность заставляют их рассматривать это как постыдное для них. Вместе с тем врачи совершают ошибку, не осведомляясь точно о причине болезни и леча, как бы дело касалось мужской болезни, и я знаю многих женщин, погибших от подобного рода страданий. Поэтому нужно с самого начала старательно расспросить о причине, ибо женские болезни и мужские во многом разнятся в лечении.

63. Если матка будет изъязвлена, то вытекает кровь и гной; появляется сильный запах; острая боль охватывает поясницу, пахи и нижнюю часть живота; эта боль поднимается через бедра в бока, к лопаткам; иногда она достигает ключицы; она жгучая; сильная невыносимая головная боль, бред. С течением времени женщина вся опухает; она слаба, упадок духа, легкая лихорадка, охлаждение. В особенности опухают ноги. Эта болезнь наступает после выкидыша, когда у женщины, выкинувшей и освободившейся от загнившего плода, нет лохиального очищения и жар охватывает маточное отверстие; она наступает после истечений, которые, став едкими и желчными, разъедают. Если ты встретишь больную в таком состоянии, когда имеются боли,

обмой обильно горячей водой, делай горячие припарки к болезненным частям, и, если боль идет вверх и женщина сильна,—общее окуривание и давай пить лекарство, очищающее низом. Если время года позволяет, нужно сварить сыворотку, которую женщина будет пить в течение пяти дней, если сможет; если нет сыворотки, сварить ослиное молоко и пить три или четыре дня; после питья молока следует поправить женщину водой, подходящей пищей, нежным свежим бараньим мясом и мясом птиц, свеклой, огурцами. Пусть она воздерживается от вещей соленых, едких, всех морских продуктов, свинины, бычачьего и козьего мяса; пусть ест хлеб. Если бывают обмороки, если женщина не крепка, если она простуживается, пусть ест ячменные супы. Некоторые предписывают таким женщинам, страдающим головой, молоко, вследствие сильной головной боли, а другие, вследствие обмороков, предписывают воду. Я думаю наоборот: если голова болезненна и рассудок расстроен, подходит вода; если есть жжение и острые вещества, которые колят, молоко приносит им успокоение. Когда женщина тебе покажется сильной, делать сначала впрыскивания лекарством на винной гуще; потом, после перерыва в три или четыре дня, с лекарством, приготовленным на капустной воде, тепловатой, снова после перерыва в три дня—лекарством на коровьем масле. Если, когда ты все это сделаешь, матка излечивается, то промыть составом гранатовой коры. Изъязвления же нужно смазывать цветом серебра, чернильным орешком, миррой, ладаном, плодом египетской ежевики, цветом дикого виноградника, горной зелени, шелухой меди, опилками лотоса, шафраном, пережженными египетскими квасцами, каждого по равной части, исключая квасцов, чернильного орешка и шафрана, который должен составить половину всего, тонко истолочь, развести белым сладким вином, сварить до густоты

меда и смазывать этим лекарством язвы два раза в день после промывания тепловатой водой, в которой варились плющ или шалфей. Когда ты это сделаешь, и тебе будет казаться, что женщине лучше, заставь ее, предварительно, в течение одного дня, пить вареное козье молоко, потом давай коровье молоко таким же образом, как в предшествующих случаях. После же питья молока укрепить насколько возможно питанием и сделать так, чтобы женщина забеременела; таким образом, она выздоровеет. В большинстве случаев больные выживают, но становятся бесплодными; женщины пожилые—не так легко. После очистительных лекарств необходимо пить жареное льняное семя, кунжут, семя крапивы, горький корень пеонии: все истолочь в черном, с хорошим ароматом вине, разбавленном водой.

64. Если матка будет изъязвлена, то из нее вытекают кровь, гной и ихор, так как при загнивании матки происходит болезнь: низ живота опухает, становится тонким и при прикосновении болезнен, как рана; лихорадка, скрежет зубами, острая и непрерывная боль в половых частях, лобке, низу живота, пахах и пояснице. Болезнь эта происходит в особенности следом за родами, когда что-нибудь оторвавшееся загнивает в матке; она наступает также после выкидыша и даже сама по себе. Если ты встретишь такую больную, то необходимо обмыть ее обильно горячей водой и там, где имеется боль, прикладывать припарки, губку, смоченную в горячей воде и выжатую; делать промывания, в которых не было бы едкого или вяжущего, но примешивать туда те из смягчающих веществ, которые покажутся подходящими. Возьми льняное семя и бузину, истолки, смешай в меду и приготовь из этого лекарство, которое ты станешь применять следующим образом: обмыть горячей водой и, взяв губку или мягкую шерсть, которую ты намочишь в горячей воде, очистить

половые части и изъязвления; потом, намочив губку или шерсть в чистом вине, употреблять ее таким же образом; потом сделать смазывание вышесказанным лекарством, столько раз, как ты найдешь это полезным. После этого присоединить к этому лекарству смолу и свиное сало и пальцем делать смазывание несколько раз днем и ночью. Потом высушить льняное семя, истолочь и просеять, поджарить козий сыр, с которого снята была грязь и очищен сок, примешать коровьего масла и тонкой ячменной муки, взять равную часть лекарства, сыра и муки и давать пить рано утром и натощак в разведенном вяжущем вине; вечером, смешав густой кикеон, давать его; и из лекарств, предназначенных для женщин, прописывать те, которые наилучше подходят. Вот что нужно делать до тех пор, пока кровь течет обильно и есть острые боли с короткими промежутками. Но, когда изъязвление будет меньше, боли успокоятся и будут иметь более длительные промежутки, прописывать лекарства, очищающие скорее низом, чем верхом, с такими долгими промежутками, насколько будет казаться необходимым. Предписывать также легкие окуривания, усадив высоко больную, если это покажется каждый раз своевременным. Делая все это, женщина станет здоровой; болезнь же эта медленна, смертельна, и немногие избавляются от нее.

65. Если матка будет сильно изъязвлена, вытекает кровь и гной; появляется неприятный запах, и, когда боль охватывает, истечение причиняет обычно страдание такого характера, как боль при родах; по истечении известного времени и голени, и ступни опухают, и врачи эту болезнь лечат как водянку, но это не то. Если ты возьмешь такую больную для лечения, сначала нужно обмыть горячей водой, делать припарки, едкие впрыскивания, смягчающие, вяжущие, с водой и с вином. Возьми поликарпон, поликнемон [28] и мед, свари вместе; потом, смочив

в этом шерсть, надо смазывать половые части; также втирать смолу, мед и свиное сало. Давать пить льняное семя и кунжут, высушенный с коровьим маслом, козьим сыром и ячменной мукой, и давать натощак в вине; вечером туда надо подлить много меда. Вот что нужно делать, пока отделяется кровь, боли остры и с небольшими промежутками. Но когда истечение меньше и боли менее сильны, с более долгими промежутками, предложить пить лекарство чистительное и дать перерыв от этих средств. Если женщина будет это делать, она выздоравливает, но более не зачинает.

66. Все изъязвления, образующиеся в матке после выкидыша или от всякой другой причины, надо лечить, обращая внимание на все тело: какое лечение тебе покажется нужным—найдешь ли ты необходимым лечить все тело или одну матку. Вот как ты распознаешь, что болезнь происходит только от матки: изъязвления, происходящие от матки, доставляют истечение гнойное и густое; те же, которые не от нее происходят,—тонкое и ихорозное. Те истечения, которые тонки, должны быть лечимы при помощи чистительных и верхом, и низом, и сначала верхом. Если после питья лекарства истечение становится меньшим и более легким, дать перерыв и очистить снова тем же образом. После питья лекарств предписать такую диэту, от которой больная будет наиболее суха, и она будет таковой, если для всего ее тела через третий или четвертый день предпишешь окуривания и после окуривания сейчас же вызовешь рвоту; после рвоты—снова окуривание. После рвоты и окуриваний диэта такова: воздерживаться от ванн, мало пить и есть хлеб; никакого другого питья, кроме чистого вина, черного; никакой зелени. Когда ты подготовляешь рвоту, нужно очень наесться острой зелени, обильной пищи и всех тех блюд, которые захочет больная, и выпить боль-

шое количество водянистого вина, а затем после окуривания обильно вымыть ее горячей водой. Таково лечение истечений этого рода. Лучше, однако, лечить двумя лекарствами: заставлять рвать и извлекать верхом; лучшая диэта—осушающая и воздержание от ванн. Что касается матки, ее следует лечить следующим образом: сначала окуривание с водой из вареных листьев бузины; потом, после окуривания, впрыскивания из осадка мази для натирания; если в изъязвлениях будет гниение и если истечение зловонно, то мазь должна быть менее смешана с водой; если же нет ничего такого, она должна быть больше смешана; после осадка впрыскивание должно быть произведено водой; в воде нужно отварить мирт, лавр и шалфей; после этого—впрыскивание тепловатым чистым белым вином. Когда впрыскивания дают чувствовать ощущение жжения, это значит, что изъязвления очищаются; тогда, следовательно, нужно производить впрыскивания из гущи, более разбавленной водой и черным вином. После вина растопить свежее свиное сало, добавить гусиного жира, если он имеется; если же нет, всякий другой жир, в особенности куриный; если и этого нет, примешать старое оливковое масло и впрыскивать его теплым после вина, введя через другой клистир. В маточное отверстие, если оно будет изъязвлено, прикладывать смягчающую корпию; если это прикладывание причиняет жар, пусть женщина его снимет и очистит себя тепловатой водой, которая ей служит для промывания. Если в результате такого режима истечения не прекращаются, но становятся менее обильными и сильно раздражают, и если то, что они выделяют, будет желчь и соленые вещества и они разъедают не только внутренние части, но также и внешние, надлежит переменить диэту и увлажнять всю женщину таким образом, чтобы истечение было насколько возможно более водянистым и менее раз-

дражающим: много горячих ванн, маза, вареная зелень, все жиры, рыбы хрящевые, вареные, с пореем и кишнецом, в сладком соусе и жире, всякое вареное мясо (исключая бычачьего и козьего), очень разваренное с копером и укропом, вино цвета меда, бледное, водянистое, в изобилии питье молока со сладким вином. Относительно впрыскиваний нужно делать так, как только что было сказано. Таково лечение этих истечений. Что касается истечений гноевидных и густых, надлежит для них никоим образом не действовать на все тело, но предписать впрыскивания и на них обосновать все лечение, впрыскивания же должны быть такими же и употребляемы таким же образом, как выше сказано. Другие впрыскивания также будут указаны. Лечение изъязвлений: свежий олений жир в пессарии. Надлежит тотчас же делать впрыскивания вареным вином. Самое лучшее при изъязвлениях—это делать впрыскивание из белил вместе с нарциссовым маслом. Больная должна употреблять пищу очень нежную и не острую. Если изъязвления грязные, распространяются и разъедают соседнюю область, надлежит их очищать и произвести новое мясо, которое нужно вести к рубцеванию; они, действительно, легко поддаются и не становятся злокачественными; часто делать ванны.

67. Когда женщина получит большую рану вследствие выкидыша или когда матка изъязвлена едкими пессариями, что женщины постоянно производят для лечения и когда плод будет изгнан, а у женщины не было лохиального очищения, то матка сильно воспаляется, закрывается и не может дать выхода очищению, кроме того, которое выходит с самого начала с ребенком; в этом случае больная, если ее лечить, выздоровеет скоро, но останется бесплодной. Если лохии потекут сами по себе и изъязвление зарубцуется, она и в этом случае останется бесплодной.

Но если очищение идет, а изъязвления не лечатся, можно опасаться, что они станут гнилостными. Если же очищение наступит, когда женщина истощена и исхудала, она умирает. В случае, когда значительное изъязвление произведено при родах неестественно выходящим ребенком, она будет терпеть то же самое, что терпит женщина, которая имеет изъязвленную матку вследствие выкидыша. Болезнь имеет те же самые перемены и исход, происходят ли изъязвления от выкидыша или от родов, и, если все лохии идут, она менее будет болеть, если только изъязвления невелики, и при лечении она скоро выздоравливает. Следует быстро применять лечение, если есть изъязвления в матке, ибо, будучи в нежном месте, они быстро увеличиваются и скоро становятся гнилостными. Лечить же изъязвления следует, как изъязвления, которые образуются на остальном теле: уничтожить воспаление, очистить их, наполнить и довести до зарубцевания. Давать воду как питье; совсем не давать вина; легкую пищу и не в большом количестве.

68. Когда при выкидыше освобождение не может произойти, или потому, что плод целиком очень велик, или же части его велики, или, при небольших частях, он идет в косом положении, без силы, в этом случае, если дело идет в естественном порядке, надлежит давать лекарство, которое я укажу, обмывши большим количеством теплой воды. И если расположенный выйти плод, находясь в естественом положении, все-таки не идет легко, прописать чихательные, и во время чихания сдавить ноздри и закрыть рот, чтобы чихание действовало насколько возможно сильно. Применить также встряхивание следующим образом: взять высокую и крепкую кровать, постелить ее, положить женщину на спину, расположить вокруг груди, подмышек и рук пояс или широкую и мягкую завязку, которая ее прикрепит к кровати,

согнуть ноги и привязать их в мыщелках. Когда ты так устроишь, положи связку гибких веток или нечто подобное, что не позволило бы кровати, помещенной на землю, прикоснуться к земле ножками со стороны головы. Прикажи женщине взяться за кровать руками и держи кровать поднятой со стороны головы, чтобы она была наклонна к ногам, остерегаясь, чтобы женщина не падала вперед. Когда это будет устроено и кровать будет поднята вверх, надо положить связку под задние ножки (т. е. со стороны головы) и поставить на сколько возможно так, чтобы ножки не касались земли, когда кровать будет опущена и окажется в середине связки. Каждая ножка должна быть подхвачена с той и с другой стороны человеком, так, чтобы кровать падала прямо, правильно и ровно и чтобы не было перебоев. Следует делать встряхивание преимущественно вместе с каждой родовой схваткой; если женщина освобождается, тотчас следует прекратить; если нет, сделав промежуток, снова встряхивать и качать ее поднятой в кровати [29]. Вот что делают, когда плод идет прямо и в естественном положении. Предварительно следует смазать жидким спуском, который при всех маточных поражениях этого рода является наилучшим; также примачивать водой из мальвы, божьей травы и в особенности пшеничным отваром. Следует окуривать седалище и половые части, до пахов, и делать поясную ванну, в особенности, когда родовые боли очень сильны, и ни о чем другом не думать. Акушерка должна осторожно открыть маточное отверстие и слегка это делать; пупочный же шнурок тянуть вместе с ребенком.

69. Плоды, которые сгибаются вдвое и останавливаются в маточном отверстии, будут ли они живы или мертвы, следует оттолкнуть назад и повернуть таким образом, чтобы они шли естественно, головкой. Когда хочешь оттолкнуть или сделать поворот, сле-

дует положить женщину на спину, подложить что-нибудь мягкое под бедра и что-нибудь под ножки кровати, таким образом, чтобы ножки со стороны ног были гораздо выше. Бедра должны быть выше, чем голова; под головой не должно быть никакой подушки; об этом надо позаботиться. Когда ребенок отодвинут и повернут с одной стороны на другую, так, что расположится сообразно природе, то, что ты подложил под ножки кровати—камни и то, что под бедрами, необходимо снять, а под голову следует положить подушку. Вот таким образом надлежит лечить эти случаи. Что касается живых детей, которые подвигаются наружу ручкой или ножкой или обеими вместе, то следует, как только это станет очевидным, весьма быстро отодвинуть эти части вышесказанным образом, сделать поворот на головку и поставить на путь выхода. В отношении тех плодов, которые сгибаются и при родах согнуты в боку или бедре, их нужно выпрямить, сделать поворот и посадить женщину в горячую поясную ванну, пока части не станут мягкими.

70. Что касается мертвых детей, у которых ножка или ручка наружу, самое лучшее, если можно,—это отодвинуть внутрь и сделать поворот на головку; если это невозможно и делается опухоль, оперировать следующим образом: рассечь головку при помощи небольшого ножа, раздавить ее[30], чтобы она не причиняла затруднения, вытащить кости ложкой для костей; потом вытягивать крючком[31], укрепив его в ключице, чтобы он держался, вытягивая не сразу, но мало-помалу, ослабляя и затем опять усиливая. Когда ты выведешь его наружу и плод идет плечиками, необходимо отрезать обе ручки в суставах вместе с плечиками; когда ты это выведешь, если остальное может итти, тянуть его легко, но, если оно не повинуется, рассечь всю грудь до горла, остерегаясь рассекать живот и об-

нажать что-либо у зародыша, ибо может выйти наружу желудок, кишечник и экскременты. Если же что-нибудь из этого выпадет, то операция станет уже более затруднительной. Надо разбить ребра, сблизить лопатки, и тогда остаток плода пойдет без труда, если только уже не опух живот: если случится что-нибудь подобное, лучше осторожно просверлить живот плода; оттуда выйдет только ветер, и тело таким образом пойдет легко. Если ручка или ножка вышла, когда плод мертв, то в случае, если возможно оттолкнуть ту и другую и сделать поворот, это—наилучшее; в случае же, если невозможно сделать это, отрезать то, что находится снаружи, насколько возможно высоко, а затем, сведя руку, оттолкнуть и сделать у плода поворот на головку. Когда ты хочешь сделать поворот или рассечение ребенка, ты должен срезать свои ногти; нож, которым ты станешь рассекать, должен быть скорее согнутым, чем прямым, и конец его должен быть спрятан под указательным пальцем и при введении, и при продвижении вперед из опасения прикосновения к матке.

71. Вот причины образования заноса: когда менструации обильны, а матка получает малообильное и болезнетворное семя, то не происходит правильного зачатия; живот полный, как у беременной женщины, но ничто не движется в животе; совсем не образуется молоко в грудях, которые, тем не менее, вздуты. Это состояние длится до двух лет, часто даже три. Если возникает только один мясной нарост, женщина погибает, ибо она не в состоянии противостоять; если их несколько,—обильная и полная мясных частиц кровь изливается половыми частями; если это истечение умеряется, больная выживает; если нет, кровотечение из матки ее губит. Такова эта болезнь. Ее можно распознать вследствие разрастания живота и отсутствия всякого движения в жи-

воте. Действительно, мужской плод начинает двигаться к концу трех месяцев, женский плод—к концу четырех; когда, следовательно, время прошло без того, чтобы было какое-нибудь движение, то это, очевидно, болезнь; другой значительный признак—это то, что не образуется молоко в грудях. Насколько возможно надо избегать лечить этот случай, а если лечить, то предупреждать. Сначала нужно сделать общее окуривание, потом предписать клистир для стула, который произведет обильное истечение крови, так как, может быть, ты приведешь в движение то плотное образование, которое кажется эмбрионом, вследствие действия лекарства, которое согреет женщину. Делать также промывания матки, вызывающие кровь; если нет, вводить наиболее сильные пессарии, приготовленные из бупрестов [32], и давать пить критский ясинец в вине или (за его отсутствием) яичко бобра. Приложить сзади на боках кровососную банку и вытянуть на сколько возможно более крови; можно также, хорошо рассчитав, приложить банку в области матки.

72. Вот что я должен сказать о болезнях, происходящих от лохий. Немало в них опасности: они остры и быстро изменяются. Первородящие от них страдают больше, чем те, которые имели детей. У здоровой женщины количество вытекающих лохий бывает достаточно, если вначале они достигают одной с половиной аттических котилий или немного более; потом они пропорционально уменьшаются до тех пор, пока прекратятся. Они похожи на кровь жертвенных животных, если женщина, как я это сказал, здорова и должна здоровой себя чувствовать, и они быстро свертываются. Лохиальное очищение у здоровой женщины продолжается обыкновенно после рождения девочки самое большее сорок два дня, но не будет опасности также, если бы они продолжались только двадцать пять дней; после рождения

мальчика очищение наиболее долгое в тридцать дней, но нет опасности также, если бы оно продолжалось только двадцать. У тех, которые выкинули, лохиальные очищения продолжаются сообразно этой пропорции меньше для более молодого плода, дольше для более зрелого. Поражения, связанные с лохиями, одни и те же у той, которая выкинула, как и у той, которая родила, если только зародыш не был совсем малым; опасности больше для женщины выкидывающей, так как выкидыши—более трудны, чем роды. Действительно, невозможно, чтобы не было насильственности в изгнании плода либо лекарством, либо питьем, либо пищей, либо пессариями, или всякой другой причиной. Насильственность же плоха, ибо в подобном случае есть опасность, чтобы матка не изъязвилась или не воспалилась,—а это опасно.

73. Образование молока было объяснено мною в природе ребенка во время родов. После того, как женщина забеременеет, месячные не приходят, за исключением некоторых и в малом количестве. Наиболее сладкая часть жидкости, происходящей от пищи и питья, идет в груди и ими всасывается. По необходимости тогда остальное тело больше опустошается и становится менее наполненным кровью. Так это происходит. Есть такие женщины, которые бывают без молока и у которых молоко становится недостаточным прежде времени; эти по природе плотны и имеют твердое мясо, и потому жидкость не проникает из живота к грудям в достаточном количестве, так как путь—плотный.

74. Средства, вызывающие месячные: взять две порции сока дикого огурца, примешать бараньего жира, взятого вокруг почек, в количестве, равном соку дикого огурца, не растирать и приготовить два пессария. Или растереть спорынью от пшеницы, замесить водой и приготовить два пессария; эти пессарии нужно употреблять перед теми днями, когда

должны притти месячные; если они не приходят, пессарии вызывают озноб и лихорадки. Смягчающие средства, изгоняющие воду и кровяную жидкость, вызывают месячные, если прекращение их не затянулось, и смягчают маточное отверстие: нарцисс, мирра, тмин, ладан, полынь, циперус, каждое в равной части, исключая нарцисса, которого должно быть четыре части; подмешать часть вычесок сырого льна, которые остаются на гребне, истолочь вместе с водой, в которой варился майоран, сделать свечку и вкладывать. Смешать также величиною с игральную кость цикламена, истолочь величиною с боб цвет меди, смочив медом, сделать свечку и вкладывать; или же взять порей, мирру, ладан, желчь свиньи и вола, взбить в меду и сделать из этого свечку. Если месячные не наступают: гусиный жир, масло горьких миндалей, смолу смешать, собрать в шерсть и прикладывать. Чистительный смягчающий пессарий: возьми сухие винные ягоды, свари их хорошенько, отожми, разотри их очень хорошо, потом прикладывай в шерсти и розовом масле. Едкий пессарий: капусту, руту, каждого по полчасти, разотри, употребляй тем же образом. Чистительное: мозг гуся или быка, или оленя, величиною с боб, подливши розового масла и женского молока, разотри так, как растирают лекарства, потом этим препаратом мажь маточное отверстие. Другой смягчающий пессарий: гусиный мозг, величиною с орех, воск, величиною с боб, смолу мастикового дерева или терпентинового, величиною с боб, распусти с розовым маслом на легком огне и приготовь, как спуск; потом этим препаратом мажь отверстие матки и делай обливание на лобок. Другое чистительное: свежую муку, три обола мирры, столько же шафрана, один обол бобровой струи истолки с маслом ириса и прикладывай; или же: крапивное семя, мальвовый сок, гусиный жир смешать и прикладывать. Другой

чистительный пессарий, если месячные не показываются: стиракс, майоран истолочь тонко, смешать, подлить гусиного жира, прикладывать. Другой чистительный пессарий, который очищает матку и вызывает кровь: корень полыни истолочь, смешать с медом и гусиным жиром и прикладывать. Другой чистительный пессарий: у бупреста снять головки, лапки и крылья, остальное истолочь; туда подмешать внутренность винной ягоды; мясистая часть винной ягоды должна быть в двойном количестве; это средство надувает матку; оно превосходно для истеричек, потерявших речь. Или же листья курзелья истолочь, применять в пессарии; они вызывают очищение тонкое и желчное; и чернобыльник действует так же, как курзелье, и лучше очищает. Черная чемерица, истолченная в воде, влечет также очищение, похожее на воду от мяса. Квасцы и смола производят то же самое действие. Циперус, полынь, карказон, тмин, соль, мед истолочь все вместе и прикладывать. Чемерицу в сладком вине, муку плевел, ржаную муку замесить с медом, прикладывать в шерсти. Пессарий, если лекарства, принятые через рот, не влекут маточного очищения: курзелье, мирру, левкой садовый, порей, насколько возможно более сильный, спорынью и мяту смешать и, если женщина может перенести это, прикладывать. Едкие пессарии, вызывающие кровь: пять кантарид без лапок, крыльев и головы, мирру, ладан, все смешать с медом, потом смочить в розовом масле или египетском благовонии и прикладывать в течение дня; когда он жжет, снять его, потом намочить его в женском молоке и египетском благовонии и прикладывать в течение ночи; потом обмыть душистой водой и прикладывать жир. Бупрест подошел бы также, если он мал, без крылышек, лапок и головы; если велик, половину его смешивают с теми же самыми веществами, как кантариды, и так же применяют.

Если есть нужда в более мягком пессарии, смешивают с бупрестом вино, эфиопский тмин, сухой виноград, порошок горного укропа и аниса и кипятят вино; сцеживают, толкут и приготовляют лепешки весом в одну драхму; их применяют, подмешав к ним мирру и ладан, и поступают так же, как с песариями из кантарид. Или же истолочь спорынью от пшеницы с медом и сделать, как жолудь; обернуть вокруг пера. Сильно действующий пессарий: сок мандрагоры и лесного огурца применять с женским молоком. Или же зажечь сухую гущу старого белого вина и ее потушить в вине. Или же дикий огурец, курзелье, соду и сурепицу. Пессарий, наиболее быстро вызывающий месячные: корень мандрагоры, кантарида, богородская трава, ягоды лавра, масло ириса, лавра, туда подмешать сок молочая, взболтать и снять клей; это очень хорошо давать величиною с чечевичное семя и приготовлять в виде пессария. Если истечение очень обильное, обмывать вином или же развести пережженную медь, взять ее теплую в шерсть и прикладывать.

1. Фасбендер (l. c.) предполагает, что здесь дело идет об экстраперитонеальной гематоме.

2. В Гиппократовом сборнике имеется отрывок книги с тем же названием, но по всем данным он не имеет никакого отношения к указываемому сочинению, которое должно считаться утраченным.

3. Кретмон, κρῆθμον, Crithmum maritimum L.,—морской укроп.

4. 2×0,273 литра=0,546 литра.

5. В подлиннике: «на одержимых геракловой болезнью». Эроциан в своем словаре указывает, что этим именем называли эпилепсию «вследствие силы и трудности одолеть болезнь».

6. Кикеон, κυκεών,—напиток из ячменной каши и воды, в который прибавляли, смотря по обстоятельствам, вина, сыру, молока, меду, соли, луку и пряностей.

7. Гладкие сосновые палочки, числом от 5 до 6, конической формы, различного калибра, причем самая толстая имела размер указательного пальца,—служили для раскрытия ма-

точного отверстия и удержания матки в известном положении. Для этой же цели употреблялись свинцовые зонды или бужи, иногда полые и наполненные жиром.

8. Пессарий, приложенное к матке средство, πεσσός, πρόσθεμα, играл большую роль в гинекологической терапии греков. В современной терапии пессарий имеет механическое назначение: удержать матку в известном положении; у греков он служил главным образом для приложения к матке лекарственных веществ различного рода и изготовлялся, смотря по надобности, различной формы: округлой в виде шарика или продолговатой в виде жолудя, βάλανος, или свечки. Пессарии делались иногда значительной длины и толщины, например, рекомендуемые ниже вложения из морского лука, которые достигали в длину 6 пальцев.

9. См. «О внутренних страданиях», примеч. 19, 13, 20. Вообще лекарственные средства и диэтетика «Женских болезней» в упомянутой книге во многом сходны, что служит одним из доказательств принадлежности автора к книдской школе.

10. Курзелье, иначе пролесник, λινοζώντια, Mercurialis annua L. Чернобыльник, ἀρτεμίσια, Artemisia vulgaris L. Анемоне, ἀνεμώνη, Anemone pratensis L. Все эти растения, так же как чемерица, обладают едким, раздражающим соком.

11. Впрыскивания производились при помощи наконечника, который автор описывает в другой книге следующим образом: «спринцовка (в подл. клистир), коей конец должен быть гладкий, как в буже, и серебряный, отверстие сделать сбоку, оставив впереди небольшой кончик спринцовки; кроме того, она должна быть снабжена другими отверстиями, расположенными по длине его на одинаковом расстоянии с каждой стороны. Эти отверстия должны быть небольшие, узкие. Конец спринцовки должен быть компактный; остальная часть—полая наподобие трубочки. К ней привязывают свиной пузырь, хорошо выскобленный» («О бесплодии женщин», гл. 222).

12. Это место, как и некоторые другие, может привести к убеждению, что греческий гинеколог собственноручно производил внутреннее исследование. Но этого не могло быть по условиям тогдашнего быта: исследование производилось обязательно женщиной—повивальной бабкой, старой женщиной или подругой, которые и сообщали о найденном врачу. Это мы и встречаем в следующей 21-й главе. Ср. также гл. 59.

13. Цвет меди—закись меди; см. «О зрении», прим. 6.

14. Кнеорон—листья книдской Daphne, см. «О внутренних страданиях», прим. 6.

15. См. «О внутренних страданиях», прим. 4.

16. Фасбендер предполагает, что слово «двойной» обозначает ребенка в ягодичном предлежании, когда ноги вытянуты и охватывают туловище.

17. 0,018 литра.

18. Аттический обол=0,75 грамма.

19. Кипрская чернь: «Кипрская зола, которую мы употребляем для глаз», поясняет Гален в словаре.

20. Растения: по Литтре, Anethum segetum, Smyrnium olisastrum и Cytisus sp.

21. Скирос, остров Эгейского моря из группы Спорад, недалеко от Евбеи. Козы Скироса славились своей молочностью.

22. См. «О внутренних страданиях», прим. 59.

23. Амамелиды—какой-то фрукт: по одним, яблоки, по другим, груши или даже кизил.

24. См. «О внутренних страданиях», прим. 17.

25. Вино из Прамны—по Галену, черное, вяжущее вино. Прамна—гора на острове Икария из группы Циклад.

26. Цвет серебра, ἀργύρου ἄνθος, не есть соединение серебра, а свинца—окись свинца, свинцовый глет, который имеет серебристый оттенок. Он употреблялся также для лечения свежих ран.

27. Котиледоны—углубления, или пазухи в матке.

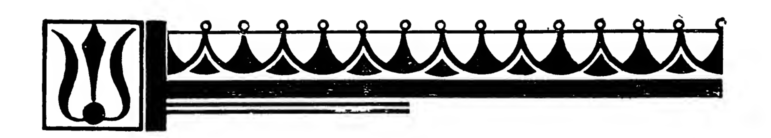
28. Растения: поликарпон—Polygonum persicaria L.; поликнемон—Ziziphora capitata L. (Литтре).

29. Метод встряхивания, σεισμοί, лат. succussio, считается принадлежностью книдской школы и приписывается Эврифону.

30. Эта операция производилась при помощи особого инструмента в виде щипцов—компрессора, πίεστρον.

31. Крючок для извлечения плода, ἑλκυστήρ, иногда называвшийся ногтем, ὄνυξ, по сходству с птичьим когтем, или вытягивателем плода, ἐμβρυουλκός, embryulcus; и сама операция называлась в старину embryulcia.

32. Бупресты, златки—жуки из семейства Buprestidae.



О ПРОРЕЗЫВАНИИ ЗУБОВ

Небольшое сочинение «О прорезывании зубов», περὶ ὀδοντοφυΐης, de dentitione, состоит из 32 афоризмов, которые только отчасти относятся к прорезыванию (афор. 6—12), а в остальном содержат общие указания относительно детей грудного возраста (афор. 1—5, 13—17) и, в частности, трактуют о заболеваниях миндалин и глотки (18—32). Гален и другие древние авторы об этой книге не упоминают; она имеется только в некоторых рукописях и была издана с другими сочинениями Гиппократа в XVI веке. Относительно автора и времени написания книги никаких указаний нет, но по стилю и прогностическому характеру она вполне гармонирует с другими сочинениями сборника и, в частности, с косской школой. Других книг, посвященных детским болезням, в сборнике нет, но отдельные указания на них рассеяны в различных сочинениях (см. Ковнер, 411—414).

ЕТИ, от природы хорошо упитанные, не высасывают молока соответственно своей полноте.

2. Дети жадные, втягивая много молока, не полнеют соответственно этому.

3. Грудные дети, которые много мочатся, менее всего подвержены рвоте.

4. Те, у которых обильные испражнения и которые переваривают хорошо, имеют лучшее здоровье; те, у которых мало испражнений, хотя и жадны, не полнеют пропорционально и болезненны.

5. У тех, которые извергают рвотою много молочного вещества, желудок закрепляется.

6. Те, которые при прорезывании зубов часто испражняются, менее подвержены судорогам, чем те, которые испражняются мало.

7. У которых при прорезывании зубов бывает острая лихорадка, редко имеют судороги.

8. Тем, которые при прорезывании зубов сохраняют полноту, а между тем сонливы, угрожает опасность судорог.

9. Дети, у которых зубы прорезываются зимою, при прочих равных условиях легче это переносят.

10. Не все дети, у которых появляются судорожные припадки при прорезывании, умирают; многие также выздоравливают.

11. Дети, у которых одновременно с прорезыванием зубов кашель, прорезывание затягивается; они больше худеют во время прокалывания острия зуба.

12. Те, у которых бурное прорезывание, при соответственном уходе легче переносят работу зубов.

13. Дети, которые мочатся больше, нежели испражняются, соответственно лучше упитаны.

14. Дети, которые не мочатся соразмерно, но у которых желудок с самого начала часто выделяет вещества непереваренные, болезненны.

15. Детям, которые спят хорошо и хорошо упитаны, возможно принимать больше пищи, даже если она не совсем переваривается желудком.

16. Дети, которых при кормлении грудью подкармливают, легче переносят отнятие от груди.

17. Дети, которые часто выделяют испражнения с кровью и непереваренные, большей частью спят в лихорадке.

18. Изъязвления миндалин, происходящие без лихорадки, менее опасны.

19. Грудные дети, которые кашляют во время сосания, обыкновенно имеют слишком большой язычок.

20. Дети, у которых быстро образуются разъедающие изъязвления на миндалинах в то время, как лихорадка и кашель продолжаются, подвергаются опасности нового появления язв.

21. Язвы, рецидивирующие на миндалинах у грудных детей, опасны.

22. Дети, имеющие довольно значительные язвы на миндалинах, если они могут глотать, это знак выздоровления, в особенности для тех, у которых прежде проглатывание было невозможно.

23. При язвах на миндалинах выделение через рвоту или посредством испражнения большого количества желчных веществ опасно.

24. При язвах на миндалинах присутствие чего-то похожего на паутину нехорошо.

25. При язвах на миндалинах после первых времен истечение через рот мокроты, чего раньше не

было, полезно; однако, надо ее выводить; если вместе с тем начинается облегчение, это самое лучшее; но если истечения в этом роде вовсе нет, надо опасаться.

26. При истечениях на миндалины, обильные испражнения разрешают сухой кашель; выделение верхом какого-нибудь переваренного вещества разрешает еще лучше.

27. Изъязвления на миндалинах, остающиеся долгое время без увеличения, безопасны в течение 5 или 6 дней.

28. Грудные младенцы, которые принимают много молока, обыкновенно бывают сонливы.

29. Грудные младенцы, которые плохо упитаны, бывают атрофичны и поправляются с трудом.

30. Изъязвления, происходящие на миндалинах летом, хуже тех, которые образуются в другое время года, так как они развиваются быстрее.

31. Изъязвления на миндалинах, которые простираются до язычка, изменяют голос у тех, которые от них избавятся.

32. Изъязвления, которые идут по направлению к глотке, более тяжелые и острые; по большей части они вызывают затруднение дыхания.

АФОРИЗМЫ

Афоризмы, ἀφορισμοί, aphorismi (буквально отдельные мысли или положения) пользовались во все времена наибольшей известностью. Их комментировало большинство древних комментаторов, включая Галена; издавали и комментировали в новое время бесчисленное число раз с конца XV до середины XIX века. В принадлежности «Афоризмов» самому Гиппократу никто не сомневался, кроме некоторых ученых XIX века (Ermerins, филолог Leutsch, отчасти Haeser), да и то по причине «риторической напыщенности» некоторых афоризмов, приличествующей скорее софисту. В действительности этого совсем нет, как всякий может убедиться по прочтении; а, кроме того, «софистом» Гиппократ, несомненно, был по своему образованию, на что неоднократно указывалось, и это ничему не мешало. Только последний 8-й отдел афоризмов считался искони подложным; Гален указывает, что видел его лишь в некоторых рукописях; в дошедших до нас он имеется. Большинство афоризмов в нем заимствованы из книги «О седьмицах».

Афоризмы представляют собой компендиум гиппократовой медицины, как характеризовал их Гален. Это собрание прогностических, диэтетических и терапевтических правил, относящихся к различным болезням—не только внутренним,

но и хирургическим и женским. Отдельные афоризмы с точностью передают мысли, развитые в ряде других сочинений Гиппократа: «О воздухах, водах и местностях», «Прогностике», «О диэте при острых болезнях», «Эпидемиях». Поэтому читатель, ознакомившийся с этими произведениями, встретит много знакомого. Афоризмы предназначены для практического врача и сами являются плодом обширного практического опыта, врачебной эмпирии. Теоретические представления включаются постольку, поскольку это необходимо для общего понимания; они укладываются в тот же круг идей, который положен в основу вышеуказанных сочинений, да и большинства медицинских книг Сборника. Это учение о «кразе», т. е. правильном смешении соков нормального организма, и нарушении этого смешения, «дискразии», когда преобладание слизи, желчи или черной желчи вызывает болезнь, смотря по месту, куда они устремляются. Организм освобождается от болезнетворного начала, подвергая этот «сырой» «несмешанный» продукт процессу «варения», за чем должно следовать его выделение. Задача врача двоякая: во-первых, способствовать выделению вредных веществ, очищению организма; вовторых, назначением соответствующей диэты поддерживать силы больного, не давая в то же время разгораться болезни. Перелом болезни, влекущий за собой выздоровление (а также и новый ее приступ), носит название «кризиса» и происходит в определенные «критические дни»; в них болезнь «разрешается» (или обостряется: «пароксизм»). Такие общие представления вполне удовлетворяли врачей того времени и позволяли им, не вдаваясь в теоретические тонкости, питать и очищать больных, а в случае необходимости—оперировать.

Распределение материала в «Афоризмах» таково:

1-й отдел. Диэтетические правила для больных и здоровых (2—25 аф.).

2-й отдел. Прогностические заметки (54 аф.).

3-й отдел. Времена года и возрасты в их отношении к болезням. (31 аф.).

4-й. Рвота, очищение желудка, пот, прогностические признаки при лихорадках, моча (83 аф.).

5-й. Конвульсии, чахотка, действие холода и тепла, гинекологические заметки и др. (72 аф.).

6-й. Различные прогностические заметки (60 аф.).

7-й. Побочные явления, осложнения, прогностические заметки (79 аф.).

8-й. Различные заметки (у Литтре всего 6, присоединенных к 7 отд., в др. изд. 18).

Из приведенного видно, что особого порядка в распределении афоризмов нет: местами они систематизированы, в дру-

гих расположены вперемежку афоризмы различного характера. Имеются, кроме того, повторения одного и того же, не только различно выраженные, но и буквальные. В первых 6 отделах таких немного, только 3, но в 7 отделе их 14, причем большинство заимствовано из 4-го отдела. Это обстоятельство заставляет задумываться, что собственно представляют собой афоризмы. Были ли это «памятные заметки», предназначенные для частного пользования, как предполагают некоторые (Friedrich), или для широкого, но в этом случае не вполне обработанные. Литтре предполагал, что публикация «Афоризмов» произошла уже после смерти Гиппократа из его бумаг, так как при жизни он вряд ли выпустил бы в свет такое необработанное произведение. Дарамберг совершенно справедливо указывает, что «Афоризмы» надо разделить на 2 части. Первые 6 отделов по нашему делению представляют систематизированный труд, проводящий определенные идеи, но 7-й—простое собрание заметок, из которого, может быть, делались выборки для труда при его оформлении. Что касается 8-го,—он явно подложный, неизвестно как сюда попавший.

Как бы там ни было, «Афоризмы» и в их теперешнем виде сыграли громадную роль в практической медицине на протяжении ряда веков. Трудно назвать какое-нибудь другое медицинское сочинение, которое пользовалось бы такой популярностью. Но их не только хвалили, а много раз критиковали и опровергали. Самое первое свидетельство о Гиппократе из медицинских кругов содержится в отрывке из сочинения знаменитого в свое время врача Диокла из Каристы. Оно относится как раз к критике одного афоризма (II, 34). Далее, опровергали «Афоризмы» Фессал из Траллеса, Лик Македонский, Юлиан из Александрии. Опровержению Лика Гален посвятил целую книгу.

Первый перевод «Афоризмов» на латинский язык был сделан Пелопсом, учителем Галена, который, как передают, перевел их слово в слово. В новое время они были переведены на все европейские языки, на главные—по многу раз. На русский язык имеется перевод Шюца (СПБ., 1848), не вполне удовлетворительный. Надо заметить, что перевод всякого рода афоризмов и изречений представляет особые трудности, если желательно передать не только содержание, но и стиль, который часто сообщает особый оттенок мысли, и который поэтому нельзя игнорировать.

Литература об «Афоризмах» собрана у Литтре (наиболее полная), Ковнера и Фукса.

ОТДЕЛ ПЕРВЫЙ

ИЗНЬ коротка, путь искусства долог, удобный случай скоропреходящ, опыт обманчив, суждение трудно. Поэтому не только сам врач должен употреблять в дело все, что необходимо, но и больной, и окружающие, и все внешние обстоятельства должны способствовать врачу в его деятельности [1].

2. При расстройствах желудка и при рвотах, происшедших сами собою, если только очистить все, что должно очистить,—это полезно и больными легко переносится. В противном случае—наоборот. Так точно и опорожнение сосудов; если можно произвести его так, как это следует делать, оно бывает полезно и легко переносится. В противном случае бывает наоборот [2]. Итак, должно принимать во внимание и местность, и время, и возраст, и самые болезни, которые требуют того или нет.

3. У предавшихся гимнастическим упражнениям чрезвычайно хороший внешний вид тела становится опасен, когда достигает своих крайних пределов, ибо он не может оставаться в том же состоянии и при этом сохранять совершенное равновесие; не сохраняя же равновесия и не имея возможности все улучшаться, он по необходимости склоняется к худшему. Поэтому надо немедленно уменьшать—ослаблять этот хороший вид тела, чтобы оно опять получило первоначальную потребность питания. Но при этом не следует доводить похудание тела до крайности, ибо

это опасно. Нужно доводить его до меры, сообразной с натурой лица, решающегося на подобное ослабление. Так точно и вообще всякое опорожнение, доходящее до крайности, опасно. И опять-таки упитывание, доходящее до крайности, тоже опасно.

4. Диэта легкая и слишком строгая в болезнях продолжительных всегда опасна, но бывает опасна и в острых болезнях в том случае, где она не уместна. С другой стороны, крайне скудная диэта бывает трудна. Так точно бывает трудно и переполнение, доходящее до крайности.

5. При скудной диэте больные допускают погрешности в ней и через это еще более получают вреда, ибо всякая ошибка, допускаемая в этом случае, делается гораздо более тяжелою при диэте скудной, чем при несколько более питательной. Поэтому даже для людей здоровых бывает опасна весьма скудная, вымеренная и точная диэта, потому что они более трудно переносят допускаемые здесь погрешности. Итак, в силу этого скудная и точная диэта в большинстве случаев менее надежна, чем несколько более полная и питательная.

6. Но в самых сильных болезнях нужны и средства самые сильные, точно применяемые.

7. Там, где болезнь очень острая, она тотчас причиняет крайние страдания, и вот тогда-то необходимо употреблять строжайшую диэту. Где же этого нет и болезнь позволяет питаться несколько больше, должно отступать от строгой диэты настолько, насколько болезнь будет более свободной от крайностей.

8. Когда болезнь достигает наивысшей точки, необходимо назначать самую строгую диэту.

9. Следует также рассчитать в отношении больного, в силах ли он при своей диэте выдержать высшую точку болезни—и он ли прежде ослабеет и не выдержит при своей диэте или прежде уступит и ослабеет болезнь.

10. Итак, тех больных, у которых незамедлительно наступает наивысшая точка (акме) болезни, надо сразу же кормить скудно; у тех же, у которых эта наивысшая точка еще впереди, должно уменьшать пищу только приблизительно к тому времени или несколько раньше этого времени, а перед этим должно питать обильнее, чтобы больной мог выдержать болезнь.

11. Во время пароксизмов необходимо уменьшать пищу, ибо тогда предлагать ее вредно. А также, если пароксизмы бывают через известные промежутки времени, то всякий раз во время таких пароксизмов следует уменьшать пищу.

12. Болезнь обнаруживает пароксизмы и состояния и по временам года, и по возвращению своих периодов, одного сравнительно с другим, именно бывают ли они ежедневно или через день или через более продолжительное время. Но также есть и другие обнаружения или признаки, как, например, отхаркивание при плеврите; если оно появляется тотчас при начале болезни, то сокращает ее; если же появляется после, удлиняет ее. Так же точно моча, желудочные экскременты и пот показывают, будет ли болезнь легкая или трудная, краткая или продолжительная.

13. Старики весьма легко переносят пост; во вторую очередь—люди взрослые, труднее—люди молодые, а всех труднее—дети, и из этих последних—те, которые отличаются слишком большой живостью.

14. Дети, которые еще растут, имеют весьма много врожденной теплоты [3] и поэтому нуждаются в весьма обильной пище; в противном случае тело их истощается. Но у стариков остается мало теплоты; поэтому они довольствуются малым питанием, ибо от избытка последнего теплота легко бы исчезла. Через это самое лихорадки у стариков не так остры, ибо тело у них холодное.

15. Зимою и весною желудки по природе бывают самые теплые и сон—самый продолжительный. Поэтому в эти времена года пищу надо употреблять в большем количестве, ибо чем больше врожденной теплоты, тем больше требуется питания; доказательством служат люди молодого возраста и атлеты.

16. Жидкая пища полезна для всех страждущих лихорадкою, и особенно для детей и для тех, которые к ней привыкли.

17. Также надо смотреть, кому полезно предлагать пищу раз в день или дважды и в бо́льшем или меньшем количестве или по частям. Нужно также сообразоваться и с привычкой каждого, и с временем года, и с местностью, и с возрастом.

18. Летом и осенью пищу наитруднее переносят, зимою—наилегче, а затем—весною.

19. Тем, у которых бывают пароксизмы через известные периоды, не нужно ничего давать и не нужно их ни к чему принуждать, но должно убавлять пищу перед кризисом.

20. То, что разрешается или только что разрешилось, не должно ни двигать, ни вновь производить ни очищающими, ни другими возбуждающими средствами, но пережидать.

21. Все, что необходимо отвести, должно направлять туда, куда наиболее оно само стремится, и через соответствующие места.

22. Все сварившееся должно очищать и уводить, но не сырое и не вначале, если оно еще не сильно выпирает. Но большею частью оно не выпирает сильно.

23. То, что выходит, должно судить не по количеству, а по тому, выходит ли оно как должно, легко ли переносит больной. И где необходимо производить это хотя бы до обморока, должно и это делать, если только больной выдержит.

24. В болезнях острых надо употреблять очистительные лекарства редко и притом вначале, и должно делать это не иначе, как с большой осторожностью.

25. Если очищается все, что должно очиститься, это полезно и легко переносится; если же наоборот, то трудно (Аф. 2).

ОТДЕЛ ВТОРОЙ

1. Если в какой-либо болезни сон производит страдание, болезнь—смертельна; если же сон облегчает страдание,—она не смертельна.

2. Когда сон успокаивает бред, это хорошо.

3. Сон и бессонница, то и другое сверх меры проявляющиеся,—худой знак.

4. Ни насыщение, ни голод и ничто другое не хорошо, если переступает меру природы.

5. Беспричинная усталость предвещает болезнь.

6. У всех, кто, страдая какою-либо частью тела, не чувствует совсем страдания, у тех болен ум.

7. Всякое тело, истощенное в течение продолжительного времени, должно укрепляться пищею медленно, а истощенное за короткий срок требует и укрепления скорого.

8. Если кто после болезни не укрепляется пищей, употребленной с аппетитом, то это значит, что он слишком много употребляет пищи. Если же это происходит у того, кто вовсе не принимает пищи, то должно знать, что он нуждается в чистительном [4].

9. Когда захочет кто очистить тело, должен сделать его наперед легко испускающим жидкости [5].

10. Если тело не очищено, то чем более будешь его питать, тем более будешь ему вредить.

11. Легче насытиться питьем, чем пищей.

12. Все, что остается в болезнях после кризиса внутри, обыкновенно производит рецидивы.

13. У кого бывает кризис, для тех ночь перед пароксизмом тяжела, но следующая—большею частью легче.

14. При истечениях из желудка изменение испражнений приносит пользу, если только они не переменятся к худшему.

15. Когда болеет глотка или появляются шишки на теле, должно смотреть на выделения, ибо, если они будут желчны, значит, болеет вместе и все тело, а если они бывают похожи на здоровые, можно безопасно питать тело.

16. Когда голод, не должно работать.

17. Когда пища вводится слишком обильно против природы, это вызывает болезнь. На это указывает излечение.

18. От питательных веществ, которые питают плотно и скоро, бывают также скоро и выделения[6].

19. В острых болезнях нельзя дать совершенно верных предсказаний ни относительно смерти, ни относительно выздоровления.

20. У кого во время юности желудок был слабый, у тех к старости он делается крепким. И, наоборот, у кого в юности желудок был крепкий, у тех в старости он расслабляется.

21. Питье вина утоляет голод.

22. Всякие болезни, которые происходят от переполнения, излечиваются опорожнением, а все, которые бывают от опорожнения,—наполнением; также и другие болезни излечивает противоположность[7].

23. Острые болезни определяются в 14 дней.

24. Для семи дней показатель четвертый. Восьмой есть начало следующей седьмицы. Следует смотреть и на 11-й; он четвертый во второй седьмице. Затем еще нужно замечать 17-й, ибо он есть четвертый от 14-го и седьмой с 11-го[8].

25. Летние четверодневные лихорадки большею частью бывают кратки; осенние же—продолжительны, и наиболее те, которые случаются к зиме.

26. Лучше, если лихорадка наступит после конвульсий, чем конвульсии—после лихорадки.

27. Не следует доверять всем тем благоприятным явлениям, которые облегчают не по расчету, равно как не следует слишком бояться дурных признаков, которые являются тоже неожиданно, ибо большинство из них непостоянно, обыкновенно не очень устойчиво и не длится долго.

28. При лихорадках не совсем легких худо, если тело остается в одном положении и нисколько не теряет или если оно истощается выше меры, ибо первое указывает на продолжительность болезни, а второе—на слабость.

29. В начале болезни, если что кажется необходимым привести в действие, приводи; когда же болезнь дойдет до высшей точки, лучше оставить тело в покое.

30. В начале и в конце болезни все бывает весьма слабо; во время же акме все наиболее сильно.

31. Худой признак, если у хорошо питающегося после болезни тело не поправляется.

32. В большинстве случаев все больные в плохом состоянии вначале едят хорошо, нисколько не поправляясь, а к концу не имеют аппетита к пище. Те же, которые вначале совершенно не чувствуют аппетита, а после едят хорошо, излечиваются лучше.

33. Во всякой болезни не терять присутствия духа и сохранять вкус к еде—хороший признак; противоположное—дурной.

34. В болезнях меньше подвергаются опасности те, болезнь которых более согласна с их природой, возрастом, конституцией тела и временем года, чем те, болезнь которых не отвечает ни одному из этих условий[9].

35. Во всех болезнях лучше, чтобы были толще те части тела, которые находятся около пупка и ниж-

ней части живота; напротив, худой знак, если эти части очень тонки и сухощавы. Это последнее также опасно и при очищениях на низ.

36. Имеющие здоровое тело с принятием чистительного лекарства скоро ослабляются, как и пользующиеся скудною пищей [10].

37. Имеющие тело в хорошем состоянии очищаются лекарствами с трудом.

38. Полезнее избирать и питье, и пищу, менее хорошие по качеству, но более приятные, чем лучшие по качеству, но неприятные.

39. Старики вообще гораздо меньше болеют, чем люди молодые. Но если у них бывают какие-либо болезни хронические, эти последние большею частью кончаются вместе с их жизнью.

40. Охриплость и насморк у глубоких стариков не достигают созревания.

41. Те, которые часто и сильно без явной причины падают в обморочное состояние, умирают внезапно.

42. Апоплексию сильную невозможно излечить, а слабую—трудно.

43. Из числа повешенных и снятых с петли, но еще не умерших не оправляются те, у которых пена будет около рта.

44. Весьма толстые от природы умирают внезапно чаще, чем худые.

45. Детям-эпилептикам доставляет излечение чаще всего перемена возраста, а затем—местности и образа жизни.

46. Из двух страданий, происшедших в одно время, но не в одном и том же месте тела, более сильное ослабляет другое.

47. При начале нагноения страдания и лихорадка происходят больше, чем когда оно уже совершилось.

48. При всех движениях тела, когда оно начнет болеть, если сделать сейчас же отдых, боль прекращается.

49. Привыкшие нести обычные труды, даже если они будут люди слабые или старые, переносят эти труды легче, чем люди крепкие и молодые, но непривычные.

50. Вещи, к которым привыкли в продолжение долгого времени, даже если они будут хуже непривычных, обыкновенно меньше причиняют беспокойства. Но следует время от времени переменять их и на необычные.

51. Много и сразу опорожнять или наполнять, или согревать, или охлаждать, или другим какимлибо способом возбуждать тело—опасно, ибо всякое излишество противно природе. А что делается постепенно, то безопасно, а также безопасно, с другой стороны, и то, когда постепенно переходят от одного состояния к другому[11].

52. Когда действуют по разуму, а, между тем, последствия выходят вопреки расчетам, то не должно переходить к другому, если продолжается то, что показалось с самого начала.

53. Все те, которые имеют желудок влажный во время молодости, легче излечиваются, чем имеющие желудок сухой; но потом в престарелом возрасте они излечиваются уже труднее, ибо желудок при постарении делается по большей части сухим.

54. Высокий рост в молодости имеет нечто благородное и не лишен приятности, но под старость он в тягость больше низкого роста.

ОТДЕЛ ТРЕТИЙ

1. Перемены времен года больше всего рождают болезни, но и большие перемены то холода, то тепла, а также все прочее в течение этих времен имеют такое же действие.

2. Из натур человеческих одни хорошо или дурно приспособлены для лета, другие—для зимы.

3. Из болезней одни хорошо или дурно переносятся в одни времена года, другие—в другие. Так же точно и некоторые возрасты приспособлены к известным временам года, к местностям и к образу жизни.

4. В те времена года, когда в один и тот же день бывает то жарко, то холодно, должно ожидать осенних болезней.

5. Южные ветры притупляют слух, затуманивают зрение, отягощают голову, производят вялость и расслабление. Когда господствует такая погода, тогда все это испытывают в болезнях. Если же будет время северных ветров, тогда наступает кашель, болезни горла, закрепление желудка, затруднение мочеиспускания, дрожь, боли в боку и груди. Когда этот ветер господствует, тогда всего подобного должно ожидать в болезнях.

6. Когда лето бывает похоже на весну, должно ожидать обильного пота в лихорадках.

7. При засухах лихорадки бывают острыми. И если год в большей части своей будет таким, то какое состояние погоды он определил, такого рода болезней в большинстве случаев следует ожидать.

8. При устойчивых временах года, если перемены сезонные происходят своевременно, то и болезни бывают своевременны и легко разрешаются; при непостоянных же временах года и болезни бывают непостоянны и трудно разрешаются.

9. Осенью болезни бывают самые острые и самые смертельные; весна, напротив, самое здоровое время и менее всего несет смертности.

10. Осень—плохое время для чахоточных.

11. Относительно времен года: если зима будет сухая и с северным ветром, а весна—дождливая и с южным ветром, то летом необходимо являются острые лихорадки, воспаления глаз, дизентерии, наиболее у женщин и у мужчин, по природе сырых.

12. Если же зима будет с южным ветром, дождливая и спокойная, а весна—сухая и с северным ветром, тогда женщины, которым на весну предстоят роды, выкидывают при всяком случае, а те, которые родят, рождают детей слабых и болезненных, так что эти последние или тотчас гибнут, или живут слабыми и болезненными. У прочих же людей являются дизентерии и сухие офтальмии, а у стариков—катарры, скоро убивающие.

13. Если же лето бывает сухое и с северным ветром, а осень—дождливая и южная, то к зиме являются головные боли, кашли, охриплости и насморки, а у иных—и чахотки.

14. Если же осень будет северная и без дождей, то она будет благоприятна для людей сырых по природе и для женщин; у остальных же будут сухие офтальмии, острые лихорадки и хронические насморки; у иных также меланхолии.

15. Из всех состояний года сухие вообще более здоровы и менее смертельны, чем дождливые.

16. При дождливой погоде большею частью появляются такие болезни: продолжительные лихорадки, поносы, гнойные нарывы, припадки эпилепсии, апоплексии и ангины. При сухой же погоде являются: чахотки, офтальмии, воспаления суставов, затруднения мочеиспускания и дизентерии.

17. Что касается состояний погоды на каждый день, то холодные дни укрепляют тело, делают его упругим и удобоподвижным, сообщают ему хороший цвет, изощряют слух, но также делают твердым желудок, раздражают глаза, а также производят боли в груди, и, если такие раньше существовали, усиливают их. Напротив, жаркие дни расслабляют тело и делают его влажным, притупляют слух и вызывают тяжесть в голове, производят головокружения, затрудняют движения глаз и тела и расслабляют желудок.

18. Что касается времен года, то весною и в начале лета чувствуют себя прекрасно и наиболее бывают здоровы дети и близкие к ним по возрасту; летом же и некоторую часть осени—старики. В остальную часть года, осенью и зимою,—люди среднего возраста.

19. Болезни, конечно, являются всякие при всяких временах года, но некоторые из них и скорее появляются и наиболее обостряются только в известные времена года.

20. Так, весною бывают: мании, меланхолии, эпилепсии, кровотечения, ангины, насморки, охриплости, кашли, проказы, накожные сыпи, веснушки, множество язвенных прыщей, шишки и боли в суставах.

21. Летом же бывают и некоторые из этих болезней, а также постоянные лихорадки, жгучие лихорадки и весьма часто лихорадки трехдневные, рвоты, диарреи, офтальмии, болезни ушей, изъязвления рта, гниения половых органов, потницы.

22. Осенью же бывают многие и из летних болезней, а также лихорадки четырехдневные, блуждающие, болезни селезенки, водянки, чахотки, странгурии, лиентерии, дизентерии, ишиасы, ангины, астмы, завороты кишок, эпилепсии, мании и меланхолии.

23. Зимою же: плевриты, перипневмонии, насморки, бронхиты, кашли, боли в груди, боках, пояснице и голове, головокружения и апоплексии.

24. Что касается возрастов, то вот что происходит: у малых детей и новорожденных—афты, рвоты, кашли, бессонницы, ночные страхи, воспаления пупка, течи из ушей.

25. У приближающихся к прорезыванию зубов: зуд в деснах, лихорадки, конвульсии, диарреи, наибольше с тех пор, как появляются глазные зубы, а также у детей весьма полных и имеющих твердый желудок.

26. У более же взрослых детей: воспаления миндалин, астмы, камни в мочевом пузыре, круглые глисты и аскариды, висячие бородавки, искривления внутрь затылочных позвонков, опухоли около ушей [12], золотухи и другие опухоли, но наиболее всего вышеуказанные.

27. А у еще более выросших и приближающихся к зрелости появляются многие болезни из только что перечисленных, а также более продолжительные лихорадки и кровотечения из носа.

28. Наибольшая часть детских болезней разрешается одни в сорок дней, другие—в семь месяцев, иные в семь лет, а иные уже при приближении к зрелости. Те же из них, которые останутся в детях и не разрушатся к зрелости или около появления менструаций, обыкновенно становятся хроническими.

29. У юношей же—кровохаркания, чахотки, острые лихорадки, эпилепсии и прочие болезни; наиболее же вышеупомянутые.

30. У перешедших юношеский возраст: астмы, плевриты, перипневмонии, летаргии, френиты, жгучие лихорадки, продолжительные диарреи, холеры, дизентерии, лиентерии и геморрои.

31. У стариков: затруднительность дыхания, катарры с кашлем, странгурии, дизурии, боли в суставах, нефриты, головокружения, апоплексии, кахексии, зуды всего тела, бессонницы, истечения из желудка, из глаз и из носа, амблиопии, катаракты и тупость слуха.

ОТДЕЛ ЧЕТВЕРТЫЙ

1. Беременных женщин должно очищать, если сильно раздувает, на четвертом месяце и даже до седьмого месяца, но с седьмого месяца—уже нельзя; нужно вообще быть осторожным по отношению к плодам утробным, более молодым и более старым.

2. При лекарственных очищениях надо выводить из тела все такое, что принесло бы пользу, если бы оно и само собой вышло: то, что не отвечает этому условию, должно оставлять.

3. Если действительно очищают то, что должно очистить,—это полезно и легко переносится; в противном случае—трудно (Аф. 1, 2).

4. Летом желудок лучше очищать сверху, зимою—снизу.

5. Очищения бывают трудны в созвездие Пса и перед ним.

6. Тощих и склонных ко рвоте должно очищать посредством рвотного, опасаясь зимы.

7. Тех же, которые трудно поддаются рвоте и довольно полны телом, должно очищать посредством слабительного, опасаясь лета.

8. Чахоточных очищать осторожно сверху.

9. Меланхоликов же нужно обильно очищать на низ, применяя по тому же расчету и противоположное средство.

10. При весьма острых болезнях должно очищать в тот же день, если пучит, ибо медлить при таких болезнях—худо.

11. Рези в животе, колика возле пупка и боль в пояснице, которые не решаются ни очищением, ни другим каким способом, переходят в сухую водянку [13].

12. У кого желудок склонен к поносам, тех опасно очищать зимою сверху.

13. При чемерице [14], если кто нелегко очищается сверху, нужно перед питьем чистительного увлажнять тело более обильною пищею и покоем.

14. Когда кто выпьет чемерицу, пусть побольше делает телесных движений, остерегается сна и покоя. Ведь и мореплавание показывает, что движение возмущает тело.

15. Когда желаешь усилить действие чемерицы,

приводи в движение тело; когда желаешь остановить, вызови сон и не давай двигаться.

16. Чемерица опасна для имеющих здоровые тела, ибо она производит конвульсии.

17. Отсутствие аппетита у нестрадающего лихорадкой, рези в верхней части желудка, головокружение с помрачением зрения и горечь во рту показывают, что есть нужда в очищении сверху.

18. Боли вверху грудобрюшной преграды показывают, что нужно очистить сверху, а боли внизу требуют очищения снизу.

19. Те, которые при питье чистительного не чувствуют жажды, не перестают очищаться, пока не почувствуют жажды.

20. Если без лихорадки бывает резь, тяжесть в коленях и боль в пояснице, это показывает необходимость очищения снизу.

21. Извержения черные, как кровь, выходящие сами собой и при лихорадке, и без лихорадки, весьма опасны; чем больше и более дурных будет окрасок, тем хуже; но после применения чистительного это лучше, и, хотя цвет извержений разнообразен, это не плохо.

22. Если при начале какой угодно болезни покажется черная желчь или сверху, или снизу,—это смертельный признак.

23. Если у больных, истощенных острыми или продолжительными болезнями, от ран ли или иначе каким-либо образом появится черная желчь или похожее на черную кровь, то на другой день они умирают.

24. Дизентерия, если начинается от черной желчи, смертельна.

25. Кровь, изверженная сверху, какая бы она ни была, худой признак; снизу же—хороший, так же, как черные испражнения.

26. Если с тем, что выходит при дизентерии, будут отделяться как бы кусочки мяса,—это смертельный признак.

27. Если у кого-нибудь в продолжение лихорадки вырвется откуда бы то ни было обильный поток крови,—у таких при выздоровлении желудок приобретает влажные свойства.

28. Если у кого бывают желчные извержения, то при наступлении глухоты они прекращаются; так же точно, если у кого есть глухота, при наступлении желчных извержений она проходит.

29. Если у кого во время лихорадки на шестой день является озноб, у тех кризис бывает труден.

30. Если у кого бывают пароксизмы, то в какой бы час ни покинула лихорадка, но если она вернется завтра в тот же самый час, у этих труден бывает кризис.

31. У истощенных лихорадкою появляются чаще всего на суставах и около челюстей отложения[15].

32. Если у кого при выздоровлении после болезни какая-либо часть болит, там образуются отложения.

33. Но также если какая-либо часть будет страдать до болезни, там фиксируется болезнь.

34. Если у одержимого лихорадкой при отсутствии опухоли в горле явится вдруг удушье,—это смертельно.

35. Если у одержимого лихорадкой шея вдруг подвергнется искривлению, сопровождаемому едва возможным глотанием, при отсутствии опухоли,—это смертельно.

36. Если начнется пот у лихорадящих, то он хорош в 3-й день, 5-й, 7-й, 9-й, 11-й, 14-й, 17-й, 21-й, 27-й, 31-й и 34-й, ибо пот в эти дни показывает кризис болезни. Тот же пот, что бывает в другие дни, означает трудность болезни, продолжительность ее и рецидивы.

37. Поты холодные, являющиеся при острой лихорадке, предвещают смерть, а при лихорадке более мягкой означают продолжительность болезни.

38. И на какой части тела является пот, там и место болезни.

39. И в какой части тела является жар или холод, там и болезнь.

40. И когда во всем теле происходят перемены и оно то охлаждается, то согревается или цвет его меняется из одного в другой, то это показывает продолжительность болезни.

41. Пот обильный после сна, происшедший без ясной причины, показывает, что тело пользуется слишком обильным питанием. Если же это случится у того, кто не принимал пищи,—это показывает необходимость очищения.

42. Пот обильный, холодный или теплый, всегда текущий, показывает: холодный—более тяжелую болезнь, теплый—болезнь менее опасную.

43. Лихорадки, которые, не прерываясь, делаются особенно сильными на третий день, опасны; но если они всяким другим образом прерываются,—это показывает, что они не опасны.

44. Если у кого бывают продолжительные лихорадки, у тех являются опухоли в сочленениях или боли.

45. У кого являются опухоли в сочленениях или боли после продолжительных лихорадок, те принимают слишком много кушаний.

46. Когда при неперемежающейся лихорадке наступит холод, причем больной уже слаб,—это смертельный признак.

47. Всякая мокрота при неперемежающихся лихорадках, синеватая, кровянистая, зловонная и желчная, есть худой признак, а отходящая как следует—хороший признак. Это же последнее относится и к извержениям желудка и к моче; если ничего из полезных выделений не происходит через указанные места,—это худо.

48. При неперемежающихся лихорадках, если

внешние части тела холодны, а внутренние горят от жара и при этом чувствуется жажда,—это смертельно.

49. При неперемежающейся лихорадке, если губы, или брови, или глаз, или нос больного искривляются, если он уже не видит и не слышит, при чем тело его уже слабо, если будет что-либо из этих признаков, то—вблизи смерть.

50. Когда при неперемежающейся лихорадке является трудность дыхания и бред,—это смертельный признак.

51. Отложения при лихорадках, не разрешающиеся при первых кризисах, показывают продолжительность болезни.

52. Если кто-нибудь при лихорадках или при прочих болезнях плачет по известной причине, в этом нет ничего особенного; а если плачут без причины, это уже более неуместно.

53. У кого при лихорадке появляется на зубах клейкая материя, у тех лихорадки делаются более сильными.

54. У кого долгое время бывает сухой, мало раздражающий кашель, те при жгучих лихорадках не особенно чувствуют жажду.

55. При бубонах лихорадки все злокачественны, исключая однодневных (эфемерных) [16].

56. Пот, являющийся у больного лихорадкой, причем эта последняя не ослабевает, есть дурной признак; болезнь, значит, продолжается и показывает слишком обильное накопление влаги.

57. Лихорадка, являющаяся у пораженного спазмом или столбняком, разрешает болезнь.

58. У одержимого жгучей лихорадкой при появлении озноба происходит разрешение болезни.

59. Трехдневная лихорадка, правильная, самое большее оканчивается в семь периодов.

60. У кого при лихорадке будут глохнуть уши,

у тех кровь, изливающаяся из ноздрей, или расстройство желудка разрешают болезнь.

61. У больного лихорадкой, если болезнь не покинет его в продолжение нечетных дней, она обыкновенно возвращается.

62. У кого при лихорадке появляется желтуха до седьмого дня, это худо, разве только обильное истечение жидкости пойдет через желудок.

63. Если у кого при лихорадке ежедневно бывает озноб, то и лихорадка ежедневно прекращается.

64. Если у кого при лихорадке 7-дневной, или 9-дневной, или 11-дневной, или 14-дневной появляется желтуха, это хорошо, лишь бы только правое подреберье не было твердым; в противном случае—плохо.

65. При лихорадках сильный жар вокруг живота и боль вверху желудка—худой знак.

66. При острых лихорадках спазмы и сильные боли во внутренностях—худой знак.

67. При лихорадке страх во сне и конвульсии—худой знак.

68. При лихорадках прерывистое дыхание—худой знак, ибо показывает спазматическое состояние.

69. Если у кого в присутствии лихорадки моча густая, комковатая, в небольшом количестве, то следующее за этим отделение жидкой мочи в большом количестве облегчает болезнь. Такая моча выходит наибольше у тех, у которых она с начала болезни или немного спустя содержит осадок.

70. У кого при лихорадке моча мутная, какая бывает у вьючных животных, то у таких боли головы или уже есть или будут.

71. У кого болезнь имеет кризис на седьмой день, у этих моча на четвертый день содержит в себе красное облачко; соответственно и прочие признаки.

72. У кого моча прозрачная и белая,—это худо. Наичаще она наблюдается у френитиков.

73. У кого в подреберьях бывает метеоризм и урчание при боли в пояснице, у этих наступает расстройство желудка, если только ветры с силой не начнут выходить или не появится обильная моча. Те же явления и в лихорадках.

74. У кого можно ожидать отложения в сочленениях, тех освобождает от отложения появление обильной мочи, густой и белой, каковая у некоторых начинает делаться при лихорадках, сопровождаемых слабостью, на четвертый день. Если же при этом также и кровь пойдет из носа, то это в скором времени совершенно разрешает их.

75. Если кто начнет мочиться кровью или гноем, это показывает изъязвление почек или мочевого пузыря.

76. Если у кого с густой мочой выходят вместе маленькие тельца наподобие волос, то это все у них выделяется из почек.

77. Если у кого с густой мочой выделяются также отрубевидные вещества, у таких мочевой пузырь страдает чесоткой[17].

78. Мочеиспускание кровью, наступающее само собой, означает разрыв вены в почках.

79. У кого в моче оседает песок, у тех мочевой пузырь страдает камнем[18].

80. Если у кого в моче будет кровь и комочки, имеется затруднение мочи и боль бывает в нижней части живота и в промежности, то страдают части около мочевого пузыря.

81. Если кто будет мочиться кровью и гноем и моча будет содержать чешуйки и иметь тяжелый запах, это означает изъязвление мочевого пузыря.

82. Если у кого в мочеиспускательном канале зарождаются опухоли, у этих, когда опухоль нагноится и прорвется, наступает разрешение.

83. Обильное выделение мочи, происходящее ночью, показывает малое испражнение низом.

ОТДЕЛ ПЯТЫЙ

1. Конвульсии от чемерицы смертельны.

2. Конвульсии, происходящие после раны, смертельны.

3. После обильного истечения крови, если являются конвульсии или икота,—это худой признак.

4. После чрезмерного очищения, если являются конвульсии или икота,—это худо.

5. Если кто, опьяневши, вдруг потеряет голос, то умирает в конвульсиях, если только не схватит его лихорадка или если не заговорит в тот час, когда проходит похмелье.

6. Те, которые поражены столбняком, гибнут в продолжение четырех дней; если же они переживут их, то делаются здоровыми.

7. У кого эпилепсия является до совершеннолетия, у тех она имеет перемену. Но если у кого она случится на 25-м году от рождения, у тех она умирает большею частью вместе с ними.

8. У тех, кто сделавшись плевритиками, не очищаются вéрхом в 14 дней, болезнь обращается в эмпиему.

9. Чахотка наичаще является в возрасте от восемнадцатого года до тридцать пятого.

10. У кого после перенесения ангины болезнь обращается на легкие, те умирают в продолжение 7 дней. А если они переживут эти дни,—получают эмпиему.

11. У чахоточных, если мокрота, которую они выкашливают, налитая на горячие угли издает тяжелый запах, а также если волосы с головы падают,—это смертельный признак.

12. Если у чахоточных с головы падают волосы, то такие при начавшемся поносе умирают.

13. У тех, которые выплевывают пенистую кровь, такое извержение делается из легких.

14. У одержимого чахоткой наступающий понос—смертельный признак.

15. Те, которые после плеврита получают эмпиему, если очистятся сверху в продолжение 40 дней со дня прорыва нарыва, излечиваются; в противном случае болезнь переходит в чахотку.

16. Кто часто держит себя в тепле, у того происходят следующие вредные последствия: изнеженность мышц, слабость нервов [19], тупость ума, кровотечения, обмороки; все это имеет последствием смерть.

17. Холод же причиняет спазмы, столбняки, черные пятна и лихорадочные ознобы.

18. Холод приносит вред костям, зубам, нервам, головному и спинному мозгу; напротив, тепло полезно им.

19. Что поражено холодом, должно согревать, за исключением тех частей, в которых бывает или имеет быть кровоизлияние.

20. Холод также едок для ран; он делает кожу жесткою, причиняет боль, которая не разрешается нагноением, производит почернение [20], лихорадочные ознобы, спазмы и столбняки.

21. Но есть случай, когда при столбняке, без раны, молодому человеку с хорошими мышцами, среди лета, обильное обливание холодной водой производит возвращение теплоты; теплота же разрешает болезни подобного рода.

22. Теплота, способствующая нагноению, хотя и не во всякой ране, есть наибольший признак безопасности; она смягчает кожу, утончает ее, подавляет боль, успокаивает озноб, конвульсии и столбняки и разрешает тяжесть в голове, наибольше приносит пользы при переломах костей, в особенности обнаженных, а при этих последних—наибольше у тех, которые имеют раны на голове; она также полезна для частей тела, которые умерщвляются от холода или изъязвляются, также для разъедающих лишаев, для седалища, для детородных частей, для матки и мочевого пузыря. Для всего этого теплота благо-

приятна и разрешительна; напротив, холод—вреден и пагубен.

23. Холодом же должно пользоваться в тех местах, откуда истекает кровь или еще имеет истечь, но не на самых этих частях, а около тех, откуда льется кровь. И если бывают какие воспаления или воспалительный жар, стремящиеся к красному или кровяному цвету вследствие свежей крови, то и на них, ибо холод приводит к черному цвету все застаревшие воспаления. Холод также помогает в роже неизъязвленной, потому что при изъязвленной он вредит.

24. Все холодное, например, снег, лед, вредно для груди, возбуждает кашель, производит кровотечение и катарры.

25. Но опухоли в сочленениях и боли без язвы, припадки подагры и конвульсии—из этих болезней наибольшую часть обильное обливание холодной водой облегчает, уменьшает, разрешает боль, ибо умеренное заглушение боли имеет разрешительную силу.

26. Вода, скоро нагреваемая и скоро охлаждаемая,—самая легкая.

27. Если у кого ночью является желание пить вследствие сильной жажды, то для них заснуть—хорошо.

28. Подкуривание ароматическими веществами вызывает у женщины месячное очищение; оно было бы полезно и во многих других случаях, если бы не производило тяжести в голове.

29. Беременных должно очищать, если пучит, на четвертом месяце и даже до седьмого месяца, дольше нельзя—ибо должно соблюдать осторожность по отношению к более ранним и более поздним утробным плодам (Аф., IV, 1).

30. Если женщину, имеющую в утробе, схватывает какая-либо острая болезнь,—это смертельно.

31. Женщина, имеющая в утробе, после кровопускания выкидывает и тем скорее, чем больше будет зародыш.

32. У женщины, которую рвет кровью, если пойдет месячное очищение, наступает разрешение.

33. Для женщины при остановке месячных очищений хорошо, если кровь пойдет из носа.

34. У женщины, имеющей в утробе, при сильном поносе есть опасность выкинуть.

35. Для женщины, страдающей истерическим припадком или трудно рождающей, появляющееся чихание полезно.

36. Если у женщины месячные очищения бесцветны и всегда наступают не в одно время, то они показывают необходимость очищения.

37. Если у женщины, имеющей в утробе, груди вдруг опадут,—она выкидывает.

38. Если у женщины, имеющей в утробе, одна из грудей спадается, в то время когда эта женщина беременна близнецами, она выкидывает одного из двух; и если спадается правая грудь, выкидыш будет мужского пола, а если левая—женского.

39. Если женщина небеременная и не родившая будет иметь молоко, то у ней приостановились месячные очищения.

40. Женщинам, у которых к грудям приливает кровь, это предвещает сумасшествие.

41. Если хочешь узнать, беременна ли женщина, дай ей на сон грядущий без ужина меликрат. И если она почувствует резь около желудка, она беременна, а если нет,—не беременна.

42. Женщина беременная, если носит мальчика, имеет хороший цвет лица, если девочку—нехороший.

43. Если у беременной женщины сделается в матке рожа,—это смертельно.

44. Женщины, необыкновенно худые, если имеют в утробе, выкидывают, пока не начнут толстеть.

45. Если же они, имея соразмерное телосложение, выкидывают на 2-м и 3-м месяце без видимой причины, то у них котиледоны[21] полны слизью и не могут выдерживать тяжесть зародыша, но разрываются.

46. У тех женщин, которые, будучи чрезвычайно толстыми, не зачинают во чреве, сальник сжимает отверстие матки, и, пока они не сделаются тоньше, они не бывают беременны.

47. Если матка, наклонясь к седалищной кости, будет поражена нагноением, необходимо приложить лекарство, наложенное на корпию.

48. Зародыши мужского пола находятся более на правой стороне, а зародыши женского пола— на левой [22].

49. Чтобы заставить выйти послед, для этого необходимо, давши чихательное средство, зажать рот и нос.

50. Женщине, если хочешь задержать у ней месячные очищения, приставь к грудям самую большую банку.

51. У тех женщин, которые имеют в утробе, шейка матки закрыта.

52. Если у женщины, имеющей в утробе, будет течь из грудей много молока, это показывает слабость зародыша; если же груди будут плотные,—это показывает более здоровое состояние зародыша.

53. У тех женщин, у которых должны погибнуть зародыши, груди делаются мягкими. Если же они опять сделаются твердыми, то будет боль или в грудях, или в бедрах, или в глазах, или в коленях, и они не теряют зародыша.

54. У тех женщин, у которых маточная шейка тверда, отверстие ее по необходимости бывает закрыто.

55. Все те женщины, имеющие в утробе, которые получают лихорадку, а также начнут сильно

худеть без видимой причины, трудно и опасно рожают или же подвергаются опасности выкинуть.

56. Если при месячном очищении наступят конвульсии или обморок,—это худо.

57. При появлении слишком обильных месячных очищений случаются болезни, а если эти очищения совсем не появляются, бывают страдания от матки.

58. При воспалении заднепроходной кишки и при воспалении матки, а также при нагноении в почках является затруднение мочи, а при воспалении печени—икота.

59. Если женщина не зачнет в утробе и желательно знать, может ли она зачать, то, покрывши ее кругом одеждами, подкури ее снизу и, если покажется, что запах проходит через тело до носа и до рта,—знай, что такая женщина не по своей вине бесплодна[23].

60. Если у женщины, имеющей в утробе, начнут выходить месячные очищения, то невозможно, чтобы зародыш был здоров.

61. Если у женщины перестанут выходить месячные очищения, причем не появляется ни дрожи, ни лихорадки, и если у ней при этом бывают тошноты, заключай, что она имеет в утробе.

62. Те женщины, которые имеют матку холодную и плотную, не зачинают в утробе, а также и те, которые имеют матку очень влажную, тоже не зачинают, ибо семя в них гасится, но также и те не зачинают, которые имеют матку более сухую и горячую, ибо семя вследствие недостатка пищи уничтожается. Но те, которые имеют соразмерное смешение обоих свойств, такие имеют детей[24].

63. Подобное наблюдается и у мужчин. В самом деле, или вследствие разреженности тела пневма выносится наружу, так что не сопутствует семени, или, вследствие плотности, влага не может выйти

наружу, или вследствие холодности семя не нагревается настолько, чтобы собраться в полноте к тому месту, или, наоборот, вследствие теплоты, происходит то же самое[25].

64. Молоко давать страдающим головою—худо. А также худо лихорадящим и тем, у которых подвздошья вздуты с бурчаньем, а также чувствующим жажду. Худо также давать его и тем, у которых извержения желчные в острых лихорадках, и тем, у которых произошло обильное излияние крови. Но, напротив, полезно давать молоко чахоточным, не особенно сильно лихорадящим, а также в лихорадках продолжительных и медленно текущих, при отсутствии какого-либо из вышеуказанных признаков, а также сверх меры истощенным.

65. У кого опухоли являются кругом ран, те не очень подвергаются ни конвульсиям, ни бреду. Но если опухоли внезапно исчезают, то у кого раны на задней стороне, у тех являются конвульсии и столбняки, а у кого на передней стороне, у тех мании, или острые боли в боку, или нагноение, или дизентерия, если опухоли были красного цвета.

66. Если при наличности великих и опасных ран не появится опухоли, то это большое зло.

67. Опухоли мягкие—хороший признак, но жесткие—дурной.

68. Когда болит задняя часть головы, полезно открыть прямую вену на лбу.

69. У женщин ознобы начинаются больше с поясницы и от спины к голове, но и у мужчин они больше с задней части тела, чем с передней, именно: с локтей и бедер. Но и кожа у них редка, это доказывается присутствием волос[26].

70. Пораженные четырехдневной лихорадкой не особенно подвергаются конвульсиям. А если они подвергаются прежде конвульсиям, а потому же явится четырехдневная лихорадка, то они излечиваются от них.

71. Те, у кого кожа натянута, суха и жестка, умирают без пота, а у кого она мягка и редка, те— с потом.

72. Желтушные не особенно страдают ветрами.

ОТДЕЛ ШЕСТОЙ

1. В хронических поносах появляющаяся кислая отрыжка, не бывшая прежде, есть хороший знак.

2. Те, у которых нос по природе слишком влажен и семя более жидкое,—более слабого здоровья, а у кого противоположное—более крепкого.

3. В продолжительных дизентериях отвращение от пищи—худой знак, а еще хуже, когда это соединяется с лихорадкой.

4. Язвы, кругом пропитанные гноем, злокачественны.

5. О болях в боках, в груди и в прочих частях должно узнавать, много ли они различаются (по часам) [27].

6. Болезни почек и мочевого пузыря трудно излечиваются у стариков.

7. Боли, бывающие в животе, поверхностные— легче, а глубокие—тяжелее.

8. У страдающих водянкою язвы, происшедшие на теле, не легко излечиваются.

9. Широкие сыпи не слишком возбуждают зуд.

10. У страдающего головой и чувствующего боли кругом, если гной, или вода, или кровь истекает через нос, рот и уши, то это разрешает болезнь.

11. У меланхоликов и нефритиков, если открываются геморрои, это хорошо.

12. У выздоровевшего от хронического геморроя, если не будет сохранена одна из шишек, является опасность, что может наступить водянка или чахотка.

13. У одержимого икотой появление чихания прекращает икоту.

14. У одержимого водянкой, если вода по венам потечет в желудок, наступает разрешение болезни.

15. У одержимого продолжительным поносом сама собой появляющаяся рвота прекращает понос.

16. У одержимого плевритом или перипневмониею присоединяющийся понос—дурной признак.

17. Если страждущего офтальмией схватит понос,—это хорошо.

18. У кого ранен мочевой пузырь, или мозг, или сердце, или грудобрюшная преграда, или какая-либо из тонких кишок, или желудок, или печень,—все это смертельно.

19. Когда рассечена будет кость, или хрящ, или нерв, или тонкая часть щеки, или крайняя плоть, все это не возрождается и не срастается.

20. Если в живот изольется кровь вопреки природе, то по необходимости она подвергается гниению.

21. У страдающих сумасшествием, если появится расширение вены или геморрой, то бывает разрешение сумасшествия.

22. Если боли от спины идут до локтей, то излечивает их кровопускание.

23. Если страх и печаль долгое время будут угнетать, то это признаки меланхолии.

24. Если из тонких кишок будет рассечена какая-либо, она не срастается.

25. Если рожа обращается снаружи внутрь, то это нехорошо, а если изнутри наружу, то—хорошо.

26. Если у кого при жгучей лихорадке возникнет дрожание, его прекращает бред.

27. Если у эмпиематиков или гидропиков делается прижигание или рассечение, то они, вследствие быстрого истечения гноя или воды, совсем гибнут.

28. Евнухи не страдают подагрою и не бывают лысыми.

29. Женщины не страдают подагрой, если у них не прекращаются регулы.

30. Мальчик не страдает подагрой прежде совокупления.

31. Болезни глаз разрешает питье чистого вина или ванна, или припарка, или кровопускание, или слабительное.

32. Заики наибольше подвержены продолжительной диаррее.

33. Подверженные кислой отрыжке редко страдают плевритом.

34. У лысых не бывает большого расширения жил; если же оно у них наступает, когда они лысы, волосы снова начинают расти.

35. У гидропиков наступающий кашель есть дурной признак.

36. Затрудненное мочеиспускание разрешает кровопускание; нужно пускать кровь из внутренних вен.

37. Если у пораженного ангиной на горле является опухоль снаружи,—это хорошо.

38. Если у кого рак бывает скрытым, то таких лучше не лечить, ибо испытавшие лечение скоро гибнут, а не лечившиеся живут более продолжительное время.

39. Конвульсии происходят или от переполнения, или от опорожнения. Так же точно происходит икота.

40. Если у кого бывают боли у подреберья, без воспаления, то у таких наступающая лихорадка разрешает болезнь.

41. Если у кого нагноение, существующее в теле, не дает о себе никакого знака наружу, это происходит вследствие густоты гноя или толщины места.

42. Если при желтухе печень делается твердою, это худо.

43. Если кто, страдая болезнью селезенки, подвергается дизентерии, то у таких, вследствие про-

должительного существования дизентерии, является водянка или лиентерия, и они гибнут.

44. Если у кого вследствие затрудненного мочеиспускания делается илеус, они гибнут в продолжение семи дней, если только при появлении лихорадки не потечет обильно моча.

45. Если какие бы то ни было язвы продолжаются год или существуют более продолжительное время, то по необходимости кость отпадает и являются углубленные рубцы.

46. Кто делается горбатым от астмы или от кашля до половой зрелости, те погибают.

47. Если кому кровоиспускание или очищение помогает, то этим следует пускать кровь или делать очищение весною.

48. Для страдающих селезенкою наступающая дизентерия—хороший признак.

49. Если делаются какие-нибудь подагрические болезни, то они, по успокоении воспаления, прекращаются в продолжение сорока дней.

50. Если у кого будет поранен мозг, у этих по необходимости наступает лихорадка и рвота желчью.

51. Если у кого в здоровом состоянии вдруг сделаются боли в голове и они тотчас делаются безгласными и начинают хрипеть,—таковые гибнут в продолжение семи дней, разве только схватит их лихорадка.

52. Должно также наблюдать появление глаз из-под век во время сна, ибо если при закрытых веках выступает внизу часть белка, то, если это будет не от диарреи или от слабительного,—это дурной знак и весьма смертельный.

53. Бред, бывающий вместе со смехом, менее опасен, но бред серьезный более опасен.

54. В острых лихорадочных страданиях дыхание со стоном—дурной знак.

55. Подагрические болезни преимущественно приходят в действие весною и осенью.

56. В болезнях меланхолических передвижение (черной желчи) опасно вот почему: оно предвещает или апоплексию тела, или конвульсии, или сумасшествие, или слепоту.

57. К апоплексии бывают склонны наиболее в возрасте от сорокового до шестидесятого года.

58. Если сальник выпадает,—он по необходимости начинает гнить.

59. Если у кого, вследствие хронического ишиаса, головка бедра выпадает и опять впадает, у таких образуются скопления слизи [28].

60. Если у кого, вследствие страдания от ишиаса, головка бедра выпадает, у таких нога сохнет, и они начинают хромать, если только не будет сделано прижигание.

ОТДЕЛ СЕДЬМОЙ

1. В острых болезнях холод конечностей—дурной знак.

2. На больной кости синеватое мясо—дурной знак.

3. При рвоте икота и красные глаза—дурной знак.

4. При поте дрожь—не хорошо.

5. При сумасшествии дизентерия, или водянка, или экстаз—хорошо.

6. Во время продолжительной болезни отвращение от пищи и несмешанные извержения—худой знак.

7. После излишнего питья зноб и бред—худо.

8. После разрыва внутренней опухоли является расслабление, рвота и обморок.

9. После кровотечения бред или конвульсии—дурной знак.

10. При илеусе рвота, или икота, или конвульсии, или бред—худой знак.

11. При плеврите перипневмония—худо.

12. При перипневмонии френит—худо.

13. При сильных лихорадочных жарах конвульсии или столбняк—худо.

14. При ударе в голову оцепенение или бред—худо.

15. После отхаркивания крови—отхаркивание гноя.

16. При харкании гноем чахотка и понос—худо: когда выделение останавливается, больные умирают.

17. При воспалении печени икота—худо.

18. При бессоннице конвульсии или бред—худо.

18а. При летаргии дрожание—худо.

19. При обнажении кости рожа—худо.

20. При роже гнилость или нагноение—худо.

21. При сильном биении в ранах кровотечение—худо.

22. При продолжительной болезни живота нагноение—худо.

23. При несмешанном извержении дизентерия—худо.

24. При рассечении кости (черепа)—бред, если рана проникнет в пустоту.

25. После слабительного питья конвульсии смертельны.

26. При сильной боли в области желудка холод конечностей—худой знак.

27. У женщины, имеющей в утробе, тенезм производит выкидыш.

28. Если какая-либо кость, или хрящ, или нерв в теле будут рассечены, они ни возобновляются, ни срастаются (Аф., VI, 19).

29. Если у одержимого белым отеком наступит сильный понос, он разрешает болезнь.

30. Если у кого бывают пенистые извержения при диарреях,—это у них слизь стекает из головы.

31. Если у кого при лихорадке в моче делаются осадки, похожие на грубую муку, они обозначают продолжительную болезнь.

32. Но если у кого осадки—желчные, вначале тонкие, то это означает острую болезнь.

33. Если у кого моча бывает неоднородная, у таких есть в теле сильное расстройство.

34. Если у кого в моче сверху держатся пузыри, это означает страдание почек, а также и то, что болезнь будет продолжительна.

35. Если у кого в моче появляется жирный и связный налет, у таких это означает страдания почек и притом острые.

36. Если у кого, при существовании болезни почек, случаются вышеуказанные признаки и если бывают боли вокруг спинных мускулов, то в случае, если эти боли бывают в наружных местах, ожидай, что и нарыв будет наружный. Если же боли будут более в местах внутренних, ожидай, что и нарыв также будет более внутри.

37. Кто имеет рвоту кровью, то, если это без лихорадки, спасительно, а если с лихорадкой, то—худо. Лечить же должно охлаждающими и вяжущими лекарствами.

38. Катарры в верхнем желудке свариваются в продолжение 20 дней.

39. Если кто мочится кровью и свертками, а также имеет странгурию, и если боль чувствуется в промежности, и в нижней части живота, и в лобке, то это показывает страдание со стороны мочевого пузыря.

40. Если язык вдруг сделается бессильным или какая-либо часть тела поражается апоплексией,—то это все—страдание меланхолическое (от черной желчи).

41. Если у стариков после чрезмерного очищения наступает икота,—это нехорошо.

42. Если схватит лихорадка, но не от желчи, то после обливания головы обильной и теплой водой бывает разрешение лихорадки.

43. Женщина не может одинаково действовать правой и левой рукой (ambidextra).

44. Кому, вследствие внутреннего нагноения, делается прижигание или сечение, те в случае, если гной будет истекать чистый и белый, выздоравливают, но, если гной будет кровянистый, мутный, вонючий,—умирают.

45. У кого при нагноении в печени делается прижигание или сечение, те в том случае, если гной будет истекать чистый и белый, переживают болезнь, ибо гной у них находится в оболочке, но если он будет истекать похожий на выжимки масла, те гибнут.

46. При болезнях глаз, давши пить чистое вино и омывши обильно теплой водой, делай кровопускание.

47. Если больного водянкой захватит кашель, он—безнадежен (Аф., VI, 35).

48. Странгурию и дизурию разрешает питье вина и кровопускание. Но должно открывать внутренние вены (Аф., VI, 36).

49. У одержимого ангиной появление опухоли и краснота на груди—хорошо, ибо болезнь обращается наружу (Аф., VI, 37).

50. Если у кого мозг будет поражен омертвением, те в продолжение трех дней умирают; если же они переживут эти дни, то делаются здоровыми.

51. Чиханье происходит из головы при сильном разгорячении мозга или при сильном овлажнении полости, находящейся в голове, ибо воздух, находящийся внутри, с напором вырывается наружу; производит же шум потому, что проход ему—через узкое пространство.

52. Если у кого печень кругом болит, то у таких наступающая лихорадка разрешает болезнь (Аф., VI, 46).

53. Кому полезно открывать кровь из вен, тем должно делать кровопускание весною (Аф., VI, 47).

54. Если у кого между грудобрюшной преградой и желудком заключена слизь и производит боль, не имея прохода ни в ту, ни в другую полость, то у таких после направления слизи через вены в мочевой пузырь происходит разрешение болезни.

55. Если у кого печень, наполненная водою, разорвется к сальнику, у таких живот наполняется водою, и они умирают [29].

56. Беспокойство, зевота и дрожь разрешаются питьем вина с равною частью воды.

57. Если у кого в мочеиспускательном канале делается опухоль, у них после нагноения и прорыва болезнь разрешается (Аф., IV, 82).

58. Если у кого мозг будет сотрясен от какой-либо причины, такие по необходимости тотчас теряют речь.

58а. Если у одержимого лихорадкой шея поворотится и он не сможет глотать, причем на шее не будет никакой опухоли, то это—смертельный признак (Аф., IV, 35).

59. Если у одержимого лихорадкой при отсутствии опухоли в горле явится вдруг затруднение дыхания и он не только с трудом, но и совсем почти не сможет глотать, это—смертельный признак (Аф., IV, 34).

59а. Личностям, имеющим тело очень сырое, должно предписывать голод, ибо голод сушит тело.

60. Когда во всем теле происходят перемены и тело сильно охлаждается, а потом опять согревается, или же когда один цвет поочередно меняется другим,—это показывает продолжительность болезни (Аф., IV, 40).

61. Пот обильный, теплый или холодный, всегда текущий, показывает присутствие чрезмерно обильной влаги. В таком случае должно выводить ее у крепкого субъекта верхними путями, а у слабого нижними.

62. Лихорадки неперемежающиеся, если на третий день сделаются сильнее,—опасны. А если они перемежаются каким бы то ни было образом, то это показывает, что они лишены опасности (Аф., IV, 43).

63. Если у кого лихорадки продолжительны, то у таких делаются или опухоли, или боли в сочленениях (Аф., IV, 44).

64. Если у кого бывают от лихорадки опухоли или боли в сочленениях, то такие употребляют слишком обильные кушанья (Аф., IV, 45).

65. Если кто больному лихорадкой будет давать пищу, то для выздоравливающего она—укрепление, а для ослабевающего—болезнь.

66. Должно осматривать все выходящее через мочевой пузырь, такое ли оно, какое выходит у здоровых; чем меньше оно похоже на последнее, тем оно более болезненно, а похожее на выделение у здоровых—наименее болезненно.

67. Также и относительно испражнений желудка: если ты предоставишь им стоять и не будешь их трогать, они оседают, как опилки. Таким больным полезно очистить желудок низом. Если же, не очистивши желудка, ты дашь больному жидкие кушанья, то чем больше дашь, тем больше повредишь.

68. Если непереваренное выходит низом, то это происходит от черной желчи; если в большем количестве, то ее больше, а если в меньшем количестве—то меньше.

69. Отхаркивания в лихорадках неперемежающихся—синеватые, кровянистые, желчные и с тяжелым запахом—все суть дурной признак. Но отходящие правильно—хороший знак. Так же точно, если что-либо выходящее через желудок, через мочевой пузырь или откуда бы то ни было, останется неочищенным,—худо (Аф., IV, 47).

70. Когда хочет кто очистить тело, то должно сделать его способным к истечению влаги, и если

захочет сделать легко текущим сверху, должно произвести запор, а если снизу, должно желудок расслабить (Аф., II, 9).

71. Сон и бессонница, если то и другое бывает сверх меры,—болезнь (Аф., II, 3).

72. При неперемежающихся лихорадках, если внешние части будут холодны, а внутренние будут гореть от жары и будет чувствоваться жажда,—это смертельный знак (Аф., IV, 48).

73. В лихорадках неперемежающихся, если губа, или нос, или глаз, или бровь будут искривляться, если больной не будет ни видеть, ни слышать, будучи при этом слабым, то все, что бы ни было из этих признаков, показывает наступление смерти (Аф., IV, 49).

74. За подкожным отеком следует водянка.

75. За диарреей следует дизентерия.

76. За дизентерией—лиентерия.

77. За омертвением—отслойка кости.

78. При рвоте кровью—чахотка и отделение гноя сверху. При чахотке—истечение из головы; при истечении—диаррея. При диаррее—остановка очищения сверху. После этой остановки—смерть.

79. Необходимо наблюдать, каковы бывают качества в тех выделениях, которые идут через мочевой пузырь или через желудок, или через кожу, или каким-нибудь иным естественным путем; если их мало, болезнь бывает малою, а если много, то болезнь—великая, а если весьма много, то это—признак смертельный.

ОТДЕЛ ВОСЬМОЙ

1. Если кто делается френитиком после сорока лет, то такие редко выздоравливают, ибо меньше подвергаются опасности те, которых болезнь будет сообразна с природою и возрастом.

2. Если у кого во время болезни глаза по известной причине плачут,—это хорошо. А если без причины,—худо (Аф., IV, 52).

3. Если у кого при наличности четырехдневной лихорадки, потечет кровь из носа,—это худой знак.

4. Поты опасны, появляющиеся в продолжение критических дней, сильные и быстрые, выходящие на лбу, как капли и ручьи воды, весьма холодные и обильные, ибо по необходимости такой пот происходит с насилием, с чрезмерным страданием и продолжительным изнурением.

5. При хронической болезни понос—худой знак.

6. Чего не излечивает лекарство, излечивает железо. А чего железо не излечивает, излечивает огонь. А чего огонь не излечивает, то должно считать неизлечимым [30].

7. Чахотка наибольше бывает от восемнадцатого года до тридцать пятого.

8. Все страдания, которые бывают при чахотке от природного к ней расположения, очень сильны и некоторые даже смертельны. А затем уже на втором месте следует то обстоятельство, когда субъект будет болеть в такую пору, когда само время борется заодно с болезнью, как например с жгучей лихорадкою—лето, а с водянкою—зима, ибо природа далеко сильнее; и в особенности страшна болезнь селезенки.

9. Язык бывает черен и кровянист; если есть отсутствие одного из этих признаков, то это еще не так худо, ибо показывает меньшую болезнь [31].

10. При острых лихорадках вот какие признаки должно заметить: когда кому предстоит умереть, когда—выздороветь.

11. Если правое яичко холодно и подтянуто, это—знак смертельный.

12. Ногти черные и пальцы рук и ног холодные, сжатые или распущенные, показывают близость смерти.

13. Губы синие и отвислые, вывороченные и холодные—признак смертельный.

14. Уши холодные, прозрачные и сжатые—суть признак смерти.

15. Имеющий густой туман в глазах, отвращающийся от света и одержимый сонливостью и большим жаром,—безнадежен.

16. Кто при бешенстве (Lyssa) остается спокойным, никого не узнает, ничего не слышит и ничего не понимает, уже близок к смерти.

17. Для умирающих более очевидными бывают следующие признаки: живот у них поднимается и вздувается.

18. Наступление же смерти бывает, если теплота души вверху пупа восходит к месту выше грудобрюшной преграды, и вся влага будет сожжена. Когда легкие и сердце потеряют влагу, то, после скопления теплоты в смертоносных местах, дух теплоты массою испаряется оттуда, откуда он всецело господствовал во всем организме. Затем душа частью через кожу, частью через те отверстия в голове, откуда, как мы говорим, идет жизнь, покидает телесное жилище, холодное и получившее уже вид смерти, вместе с желчью, кровью, мокротой и плотью.

1. Ὁ βίος βραχὺς, ἡ δὲ τέχνη μακρή, Ars longa, vita brevis—первая часть афоризма, получившая широкую известность за пределами медицинского мира. Параллель ко 2-й части см. «Эпидемии», I, II.

2. Относительно «опорожнения сосудов» см. «Диэту при острых болезнях», прим. 2. Фукс, который переводит κενεαγγείη через Aderlass, и Литтре—evacuations (artificielles)—несомненно ошибаются.

3. Ἔμφυτον θερμόν, врожденное тепло (в противоположность проникающему извне), играет роль в процессе развития; встречается также у Аристотеля. Эразистрат отрицал его существование, за что его порицает Гален.

4. Этот афоризм (II, 8) может подать повод к недоразумениям, будто бы Гиппократ советует чистить тех, которые

не укрепляются потому, что не едят. Гален чувствовал это и поясняет, что в его время в Малой Азии выражение τροφὴν μὴ λαμβάνειν (буквально «не принимать пищи») значило: не хотеть есть вследствие отсутствия голода,—приблизительно так же, как в русском выражении: «душа не принимает».

5. В парижском кодексе А[1] после этого прибавлено: «И если хочешь сделать его легко испускающим сверху, закрепи желудок; если же снизу хочешь сделать легкоиспускающим, увлажни его».

6. Существует другой вариант этого афоризма, где вместо τρεφόντων—питающих, действ. зал., стоит τρεφομένων—питающихся, ср. з. Он будет значить тогда приблизительно: «У тех, которые питаются плотно и скоро, бывают также и скоро испражнения». Lallemand и Pappas переводят даже: «Ceux qui avalent vite des gros morceaux vont promptement à la selle» (Л и т т р е, IV, 475).

7. Этот афоризм устанавливает положение «contraria contrariis», лежащее в основе аллопатической медицины.

8. Следует иметь в виду, что древние при счете дней брали день, от которого идет счет (terminus a quo), также как до которого (terminus ad quem); у нас первый не присчитывается.

9. Этот афоризм оспаривал Диокл Каристский.

10. «Скоро ослабляются» в подлиннике: ἐκλύονται. Гален, а за ним Литтре, передают это: «быстро впадают в обморок», имея в виду, что слабительные во время Гиппократа были драстического свойства.

11. Афоризм этот, как можно предполагать, направлен против лечебных приемов книдской школы.

12. «Опухоли около ушей», в подлиннике σατυριασμοί Это слово в словаре Галена объясняется так: «большие опухоли около ушей, из твердых разрастаний мяса, свернутые в клубок. Некоторые понимали так же, как напряжение половых частей». И в другом месте он поясняет происхождение названия тем, что опухоли напоминают физиономии сатиров с длинными ушами.

13. Сухая водянка—тимпанит. Гален объясняет ее происхождение тем, что вода в животе под влиянием тепла, присущего больному, переходит в пар.

14. Чемерица, ἐλλέβορος, Veratrum album, принималась как рвотное. О дозировке этого ядовитого препарата в сборнике указаний нет (см. прим. 19 «О внутренних страданиях)».

15. См. «Эпидемии», I, прим. 11.

16. Здесь видели указание на бубонную чуму, но можно считать доказанным, что она появилась в Греции только в VI в. н. э. при Юстиниане.

17. Ψωριᾶ—здесь разумеется, очевидно, катарр мочевого пу-

зыря, что доказывает один отрывок Руфа Литтре, IV, 419).

18. С этим несогласен автор книги «О внутренних болезнях», который считает песок признаком камня в почках (гл. 14 прим. 37).

19. Нервы, νεῦρα, здесь, как и в других книгах сборника, обозначают сухожилия, жилы. Нервы от сухожилий не отличал еще Аристотель; их значение было выяснено учеными Александрийской школы Герофилом и Эразистратом.

20. Разумеется гангренозное.

21. Котиледоны, по Галену, отверстия кровеносных сосудов, которые идут в матке.

22. Это учение мы находим у философа Анаксагора; в основе лежит представление о том, что правая сторона вообще сильнее левой.

23. Гален утверждает, что запах должен ощущаться самой женщиной. Но в книге «О суперфетации», гл. 25, где подробно описывается вся процедура, другой человек должен ощущать этот запах на темени.

24. «Имеют соразмерное смешение», κρᾶσιν σύμμετρον,— здесь хороший образчик учения о кразе.

25. Гален считает афор. 63 интерполяцией.

26. Мысль этого афоризма не ясна, если ставить в связь первую половину об ознобе со второй (редкая кожа). Разъяснения комментаторов мало удовлетворительны, и Литтре полагает, что обе части между собой не связаны.

27. Этот афоризм в более полном виде находится в «Эпидемиях», VI, XI. Там вставлено: «по часам» и прибавлено в конце: «ибо после улучшения больные снова чувствуют себя хуже, без какой-либо погрешности».

28. Об ишиасе см. «Внутренние страдания».

29. Гален указывает, что здесь дело идет о гидатидах печени, которые он наблюдал при вскрытии животных.

30. Известный афоризм в латинской версии: Quae medicamenta non sanat, ferrum sanat, quae ferrum non sanat, ignis sanat, quae ignis non sanat, mors sanat.

Следующие за этим афоризмы Литтре не поместил в свое издание.

31. Этот афоризм и следующие до конца заимствованы из книги «О седьмицах» или неделях, гл. 51.

ГИППОКРАТ